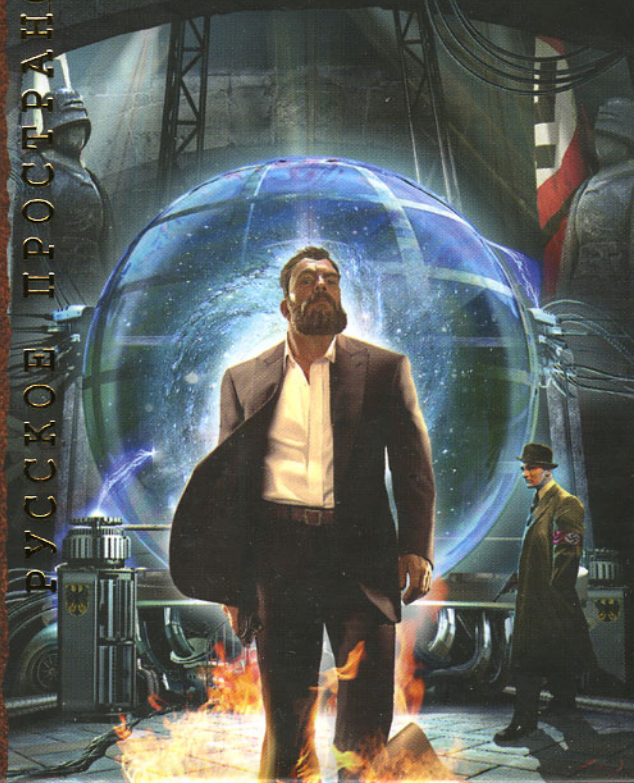
Александр

БЕЛЯЕВ

ИЗОБРЕТЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО



Александр

БЕЛЯЕВ

Александр

БЕЛЯЕВ

ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

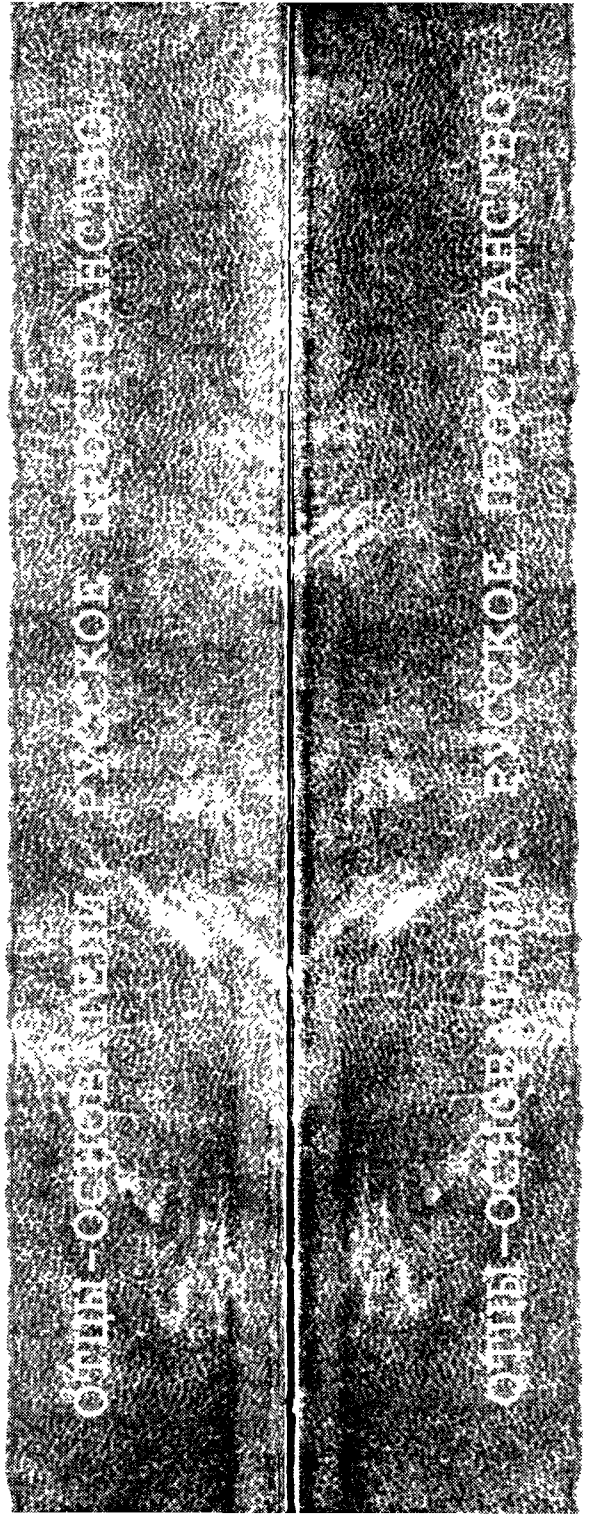
ПРЫЖОК В НИЧТО

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

АРИЭЛЬ

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

ИЗОБРЕТЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА



Александр

БЕЛЯЕВ

Повести, рассказы, эссе

Светлана

БЕЛЯЕВА

Воспоминания об отце

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 44

Составители *Евгений Харитонов* и *Дмитрий Байкалов*

Оформление серии художника *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Анатолия Дубовика*

Данное собрание печатается с одобрения
Светланы Александровны Беляевой

Беляев А. Р.

Б 44 Изобретения профессора Вагнера : фантастические произведения / Александр Беляев. — М. : Эксмо, 2010. — 576 с. — (Весь Беляев).

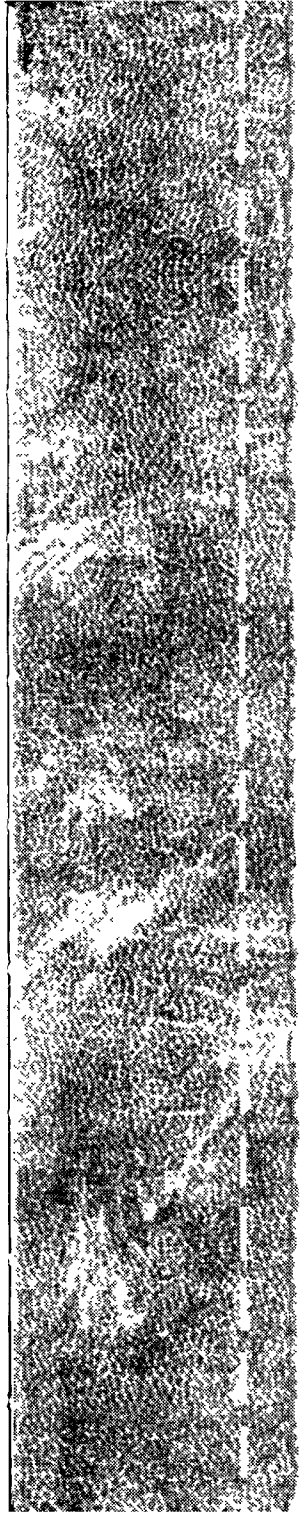
ISBN 978-5-699-41940-1

В седьмой том полного собрания сочинений Александра Беляева вошли рассказы и очерки писателя-фантаста, в том числе знаменитый цикл остросюжетных новелл о профессоре Вагнере. Читатели смогут также открыть для себя реалистическую, приключенческую и детскую прозу Беляева. Большинство этих произведений можно было прочитать только в различных журналах 20—30-х годов XX века. Впервые с 1913 года публикуется дебютное художественное произведение фантаста — пьеса-сказка «Бабушка Мойра». Завершают собрание сочинений воспоминания дочери автора, из которых читатель узнает множество удивительных и неизвестных фактов биографии легендарного писателя.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-41940-1

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010



Изобретения профессора Вагнера

Фантастические рассказы и повести

ТВОРИМЫЕ ЛЕГЕНДЫ И АПОКРИФЫ

I. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ

Иван Степанович Вагнер, профессор 1-го Московского университета по кафедре биологии, давно известен своим ученым коллегам как исключительно разносторонний ум, талантливый изобретатель и смелый экспериментатор. Широкой же публике Вагнер стал известен всего пять лет назад, когда ему пришлось выступить в качестве обвиняемого по так называемому «собачьему делу» в народном суде.

У меня сохранились газеты того времени. Вот как в одной из них корреспондент, присутствовавший на суде, описывает внешность профессора Вагнера:

«В его каштановых волосах, окладистой русой бороде и нависших усах можно было заметить только несколько серебристых волосков. Свежий цвет лица, румяные щеки и блестящие глаза говорили о здоровье. Ему нельзя было дать более сорока лет».

А в это время профессору Вагнеру было за пятьдесят.

Обвинялся он в похищении собак для производства научных опытов. На суде выяснились очень интересные обстоятельства. Оказывается, профессор Вагнер изобрел средство от усталости, а также средство против сна; сон же, по словам профессора, представляет собой болезнь.

Вагнер поставил себе задачей охватить большее количество знаний, чем то, которое может вместить человеческий мозг. И профессор добился этого благодаря тому, что, не нуждаясь в отдыхе и сне, мог работать почти двадцать четыре часа в сутки. Кроме того, путем тренировки он выработал способность думать обеими половинками мозга независимо

одна от другой. Его глаза двигались также независимо один от другого, и Вагнер мог, таким образом, наблюдать за несколькими явлениями сразу. Он мог писать одновременно правой и левой рукой...

Все это и многое другое выяснилось на «собачьем процессе», и имя профессора Вагнера сразу сделалось известным публике, читающей газеты. Его так и называли: «Человек, который не спит».

Я был одним из тех, которые заинтересовались профессором Вагнером. Мне очень хотелось познакомиться с ним. Случай пришел мне на помощь. Я познакомился с Вагнером в Крыму, в Симеизе, мы имели с ним несколько интереснейших бесед.

Потом Вагнер куда-то исчез. Вообще он довольно часто меняет места жительства, что не мешает ему читать лекции в Московском университете. Для этого он пользуется радиопередачей. И только для практических занятий он является в Москву на месяц или на два. Все его ученики преуспевают, и университетское начальство не возражает против такого заочного метода обучения.

Итак, он исчез, хотя его голос пунктуально слышался в аудитории. Слухи о его необычайных опытах и изобретениях продолжали передаваться из уст в уста. Я тщательно записывал эти рассказы. Некоторые из них казались мне настолько неправдоподобными, что я ставил в записной книжке на полях знак вопроса, чтобы проверить правдивость рассказа, когда встречу Вагнера или узнаю его адрес. Говорили, что он в Ленинграде занимается какими-то радиоопытами, что собирается на Новую Землю, но адреса он никому не сообщал. И лишь недавно он неожиданно напомнил о себе. На своем коротковолновике однажды вечером я принял от него радиотелеграмму. Он слал мне привет и сообщал адрес.

Я тотчас же переписал все рассказы о его изобретениях, которые мне пришлось услышать, и послал ему, прося сообщить мне, что в них правда и что ложь. Его ответ убедил меня, что мои опасения были не напрасны. Увы, более половины моих документов о профессоре Вагнере оказались апокрифами. Творимые легенды возникали на моих глазах. Среди этих легенд были не только рассказы об изобретениях

Вагнера, но и любопытные эпизоды из его жизни. Для иллюстрации я приведу некоторые из этих выдуманных историй, прежде чем перейти к подлинным происшествиям. Во всех записях я старался дословно передавать речь рассказчиков.

II. СЛУЧАЙ С ЛОШАДЬЮ

На ежегодных скачках 21 мая 1926 года в Ипсоне[1] всеобщее внимание привлек розыгрыш главного приза в пять тысяч фунтов стерлингов. Среди трехлеток прекрасных английских скакунов выделялись два претендента на первенство: светло-золотистая Лорелей и рыжий красавец Викинг. Большинство ставок было поставлено на этих двух лошадей, уже показавших свои необычайные качества на тренировочных пробегах. Но Викинг, по всеобщему признанию, имел больше шансов на выигрыш.

Скачки начались. Не прошло и минуты, как Лорелей и Викинг выдвинулись из строя на голову, а еще через несколько секунд Викинг опередил своих соперников уже на полтора корпуса.

— Браво, Викинг! — кричала исступленная толпа. Победа, казалось, была за ним. Но вот на повороте случилось событие, которое, вероятно, надолго останется в памяти тех, кто присутствовал на этом дерби.

Викинг словно обезумел. Он не свернул на повороте, а понесся прямо на загородку, расшибся и упал. Налетевшие сзади лошади едва не раздавили бедного Викинга вместе с его жокеем. Избавившись от одной опасности, они попали в другую. Часть толпы, ставившая на Викинга, пришла в бешенство. Почтенные джентльмены, сами рискуя попасть под копыта лошадей, спрыгивали с трибун на скаковую дорожку с явным намерением растерзать предателя-жокея. Они не сомневались, что жокей был подкуплен владельцем Лорелей, крупным купцом, шелковым оптовиком. К счастью, опытный жокей не пострадал при падении. Он учел момент и побежал от гнавшейся за ним толпы с такой скоро-

[1] Ипсон — местечко близ Лондона.

стью, словно хотел принять участие в скачках вместо выбывшего из строя Викинга.

Злость и негодование проигравших на Викинге были так сильны, что многие из сбежавшихся к месту происшествия толкали Викинга в живот ногою. Это было безобразное зрелище. Толпа запрудила всю беговую дорожку. Пришлось на время прекратить скачки. Трибуны напоминали кратер вулкана, наполненный кипящей лавой. И эта лава человеческих страстей была не менее страшна, чем магма.

Когда первое волнение улеглось, немедленно приступили к следствию. На помощь жокею вовремя подоспел отряд полисменов, которые и спасли его от самосуда толпы. Жокей, конечно, клялся и божился, что он ни в чем не повинен и сам не знает, что с Викингом; обыкновенно конь слушался малейшего движения руки. Толпа не верила словам жокея, но, так как никто не мог доказать его виновности, следствие временно было направлено в иную сторону. Викинга подняли на ноги и тщательно осмотрели. Грудь его была серьезно повреждена, часть кожи и мяса сорвана, но это были свежие ранения от удара о загородку. Глаза и ноги лошади были как будто не повреждены. Она смотрела нормально. Викинга хлестнули хлыстом и посмотрели, как он пойдет. Шатаясь, Викинг двинулся вперед. Перед ним был столб. Викинг, как слепой, шел на столб, не сворачивая. И, лишь ударившись грудью, остановился.

— Он ослеп! — послышались голоса. Один джентльмен подошел и махнул перед глазами Викинга шляпой. Викинг невольно вздернул голову.

— Видит!

— Он помешался! — крикнул кто-то.

— Разве лошадь может помешаться? — возразили ему. — Они бесятся, но это бывает совсем иначе.

Викинга отвели от столба, стегнули, и он вновь пошел. Удивительное дело! Он шел только по прямой линии, не сворачивая ни направо, ни налево. В конце концов он зашел в тупик между двумя киосками и стоял там, словно он, сгорая со стыда, хотел уйти ото всех, никого не видеть. Опытные конюхи сразу определили, что Викинг без посторонней помощи не может выйти из тупика, в который зашел лишь

потому, что тупик лежал на пути его прямолинейного странствования.

Теперь уже ни у кого не оставалось сомнения в том, что Викинг болен странной болезнью прямолинейности. Это не снимало обвинения с жокея, но все же несколько разбивало уверенность в том, что болезнь лошади — его рук дело. Жокеи слишком привязываются к лошадям, и было трудно допустить, что жокей мог пойти на такое преступление. Испортить лошадь могли чужие. Но как жокей недосмотрел?

Толпа опять бросилась к жокею:

— Болел чем-нибудь Викинг?

— Болел, — отвечал жокей. — Конюх говорил мне, что Викинг накануне скачек плохо ел и плохо пил. Мистер Джиббс, владелец Викинга, даже хотел отказаться от участия в скачках, но мистер Томпсон, ветеринарный врач, сказал, что это пустяки и что к утру все пройдет. Он сам обещал наблюдать за Викингом. И действительно, мистер Томпсон пробыл в конюшне Викинга всю ночь...

Продолжение следствия было после скачек. И уже не толпа, а следователь допросил мистера Томпсона. Ветеринар уверял, что, кроме легкого недомогания, которое произошло по вине конюха, нарушившего режим кормления, Викинг ничем болен не был. Да и в настоящее время он, Томпсон, затрудняется определить болезнь Викинга, хотя должен констатировать, что Викинг действительно болен: он может ходить лишь по прямой.

Для диагноза болезни Викинга были привлечены лучшие силы медицины и ветеринарии, но никто ничего не мог понять. Прекрасная лошадь была испорчена. Но кем, когда и как? Викинг задал ученым неразрешимую загадку.

Вот тут-то на сцену и выступил профессор Вагнер, который в это время находился в научной командировке в Оксфорде. Прочитав в газетах о том, что никто не может понять болезнь Викинга, Вагнер написал письмо в редакцию:

«Викинг теперь стоит не дороже своей рыжей шкуры. Убейте Викинга, вскройте ему череп, и вы узнаете, в чем заключалась его болезнь».

Это было сказано так решительно, словно Вагнер уже посмотрел, что делается в голове больного Викинга. А ведь Вагнера даже на скачках не было.

Владелец Викинга послушался этого совета и, убив лошадь, вскрыл череп. И что же обнаружилось? У Викинга не хватало части мозга. Очевидно, подкупленный кем-то ветеринар ночью проделал эту операцию и так удачно зашил места сечения на голове лошади, что никто не заметил следов операции. Томпсон отрицал это преступление. Но в результате тщательного обыска были найдены улики, и в конце концов Томпсон сознался. За последнее время он получал столько угрожающих писем, что в тюрьме почувствовал себя безопаснее, чем на свободе.

После этого случая имя профессора Вагнера стало известно и в Англии...

(Сообщено т. А. А. К.)

* * *

Иван Степанович Вагнер написал на обратной стороне последнего листа этой рукописи:

«Выдумки. Ничего подобного со мной не было. В мае 1926 года за границу не выезжал. При двустороннем удалении лобных долей мозга у лошади, как и у собаки (над которыми я сам производил опыты), могли действительно обнаружиться такие странности: животное (конечно, и человек), лишенное лобных долей, обнаруживает непрочность статической координации, неспособность поворачиваться из стороны в сторону, благодаря чему оперированная таким образом собака всегда бегает по прямому направлению и, забившись в угол или в тесный закоулок, не в состоянии выйти оттуда без посторонней помощи.

Как видите, все это похоже на случай с Викингом. Но... во-первых, я просматривал лондонские газеты за это время и не нашел ничего похожего на описанный вашим знакомым случай. Во-вторых, если бы этот случай произошел, то в Лондоне нашлось бы немало ученых, которые смогли бы понять болезнь Викинга, не представляющую ничего загадочного для всякого, кто изучает рефлексологию. А в Англии ее

изучают не меньше, чем у нас. В-третьих, болезнь Викинга, конечно, обнаружилась бы на первом же повороте от его конюшни, и жокей не явился бы на скачки с такой лошадью».

III. О БЛОХАХ

Однажды приехал профессор Вагнер в Париж. Его пригласил к себе для научной консультации наш соотечественник доктор Воронов, тот самый, который занимается вопросом омоложения. Идет Вагнер по Парижу из гостиницы к Воронову и видит на одной улице дом, а на доме вывеска:

«Здесь дают представления ученые блохи».

Профессор Вагнер решил нанести визит своим ученым коллегам. Блохи оказались действительно замечательными. Танцевали кадриль, передвигали пушечки, катали друг друга в картонных экипажах, боксировали и даже катались на крохотных велосипедиках.

Владелец блошиной труппы, когда узнал, что его усатый посетитель — ученый, разговорился и показал Вагнеру самые лучшие номера. В заключение сеанса директор накормил всю труппу на собственной руке и отпустил отдыхать. После обеда блоха поспать любит.

— Одно плохо, — говорил владелец блошиного театра, — уж очень малы ростом мои артисты. Теперь редко у кого встречается хорошее зрение. Если зрители очень низко наклоняются, то артисты их в нос щелкают, а издали мало кто видит. Через линзы смотреть тоже неудобно: блоха движется и то уйдет из поля зрения, то из фокуса выйдет. Но зато какие сильные и умные животные! Ведь они тянут тяжести, в несколько сот раз превышающие вес их тела. А их прыжки! Обыкновенная человеческая блоха имеет в длину: 2,2 миллиметра самец и три-четыре миллиметра самка. Ну и в вышину миллиметра два — два с половиной. А прыгать блохи могут вверх на целый метр. Да и вперед почти на столько же. Это значит — почти в пятьсот раз больше своего роста! Что же было бы, если бы блоха была ростом с человека?

— Да... — сказал Вагнер и задумался.

Так, задумчивый, и к доктору Воронову пришел.

Воронов обрадовался дорогому гостю. Все свои новинки показывает; юношу лет восемнадцати — бывшего старика — и грудную старушку. Перелечили ее малость, и она превратилась в грудного младенца.

— Но это ничего, — говорит Воронов, — она у меня скоро вырастет и говорить начнет. Вот только не знаю, не придется ли ее заново языкам учить. Она хорошая лингвистка была.

Вагнер слушает, а сам этак сквозь усы: «Да, да, да...» А потом говорит:

— Все это очень хорошо. А блоху в рост человека вы можете сделать?

Воронов даже рот открыл.

— Зачем? — спрашивает.

— Ради науки, для опыта.

— Нет, — говорит Воронов, — прямо скажу, не могу.

А сам даже покраснел от стыда.

— Так я и думал. А я сделаю, — заявляет Вагнер. — Дайте мне только помещение да блох побольше.

И начал Вагнер опыты делать. Парижанки ему блох приносили, а он кормил этих блох вытяжками из каких-то желез и витаминами «ижица».

Вырастил Вагнер дюжину блох ростом с черного таракана и подарил владельцу блошиного театра. Очень благодарил Вагнера владелец. Весь Париж ходил смотреть на диковинных блох, пока не случилась маленькая неприятность: одна блоха-таракан угодила в лоб самому господину президенту республики, отчего в голове его перепутались государственные дела первейшей важности. Крамольную блоху убили, а на остальных цепочки надели, чтобы слишком высоко не запрыгивали. Вагнера из-за этой блохи из Франции едва не выслали. Однако уцелел.

На полный человеческий вырост Вагнер пустил только две блохи, чтобы на корм меньше денег выходило. И стали эти две блохи расти не по дням, а по часам. Держал он их в клетке на цепочке, а кормил кровью. Каждый день с боен в бочках кровь привозили.

Вы представляете себе, что такое блоха, если ее увеличить раз в тысячу? Нет зверя страшнее! Даже сторожа из зве-

ринца, приставленные к этим блохам, тряслись от ужаса. А когда блохи протягивали сквозь прутья клеток свои щупальца и жала, у сторожей ноги подгибались и они из комнаты убегали.

И вот случилось несчастье. Когда длина блохи-самки была равна ста семидесяти семи сантиметрам (самец имел рост немного меньше), а мускулы и челюсти сделались сильнее львиных, выскочила блоха-самка из клетки. Порвала цепи, прогрызла за ночь заднюю деревянную стенку и через дырку — прыг! — ускакала.

А это было как раз в ночь под четырнадцатое июля — национальный французский праздник, взятие Бастилии. В этот день весь Париж на улице. И вдруг такое происшествие! Блоха в рост человека тоже как бы разрушила свою Бастилию, разорвала цепи и прыг на улицу! А на улице народ с раннего утра уже толпится.

«Зверинец» Вагнера помещался на улице Кювье, рядом с зоопарком. Блоха в несколько прыжков пересекла весь Париж. Она перескочила одним прыжком через винные склады, которые занимают целый квартал, вторым прыжком перемахнула через собор Парижской Богоматери на другую сторону Сены, потом двинулась обратно, в два-три прыжка долетела до Дома инвалидов, перепрыгнула его, следующим гигантским прыжком перелетела через Эйфелеву башню. Триста метров высоты не составляли для блохи никакого затруднения. Она перелетела башню еще на двести метров выше, причем в воздухе едва не столкнулась со стайкой парадирующих аэропланов. Площадь Йены и площадь Этуаль были следующими этапами. Усевшись на Триумфальной арке, она решила отдохнуть.

Публика вначале с восторгом приветствовала появление крылатого «зверя». Все были уверены, что это один из замечательнейших номеров уличного карнавала. Может быть, какой-нибудь изобретатель решил в этот день преподнести нации сюрприз — новый летательный аппарат типа геликоптера с вертикальным подъемом и спуском. Для большего же эффекта изобретатель придал своему аппарату такой чудовищный вид. Правда, об опытах Вагнера знал весь

Париж. Но никто не предполагал, что блоха выглядит так чудовищно.

Скоро, однако, восторг толпы сменился ужасом. Блоха, отдохнув на Триумфальной арке, неожиданно спрыгнула на улицу в гущу толпы и вдруг, схватив какого-то веселящегося гражданина своими щупиками, вонзила острый хоботок в левое плечо. Парижанин отчаянно закричал. Толпу охватил такой ужас, что все стояли несколько минут как окаменелые, а потом бросились бежать, словно их подхватила волна отлива. Блоха спокойно высосала граммов семьсот крови и, вынув хоботок, прыгнула на арку. Француз, побледневший от потери крови и испуга, упал. К счастью, блоха не высосала всей крови, а ее в жилах француза было 5740 граммов. Потеря двух тысяч граммов угрожала бы смертью. Но блоха удовлетворилась меньшим. Может быть, так ей легче было прыгать. И она предпочитала пить крови поменьше, но чаще.

Через несколько минут она опять слетела с арки, напала на какую-то старушку и всадила ей в спину хоботок. Отведав старушечьей крови, блоха вынула жало и обратила свой взор на молоденькую модистку. Блоха сделалась настоящей кровопийцей.

На место происшествия уже спешил отряд полиции. Но не успели полицейские дать залп, как блоха вскочила на арку, хотя уже и не так легко, как прежде.

Перепрыгнув через отряд полицейских, блоха поскакала по Елисейским Полям, перелетела через площадь Согласия и опустилась на лужайку в саду Тюильри.

Профессор Вагнер уже знал о происшествии. Он поспешил отдать распоряжение поскорее убить вторую гигантскую блоху-самца. Если б и самец вырвался на волю, то было бы плохо. Что, если бы эти блохи расплодились?..

Весть о страшном хищнике быстро облетела Париж. Улицы как вымерли. Жители баррикадировали окна, опасаясь, чтобы блоха не впрыгнула к ним в дом, разбив стекла. Вооруженные отряды гонялись за блохой, но она одним прыжком скрывалась от них. Аэропланы тоже ничего не могли поделать. Не бросать же бомбы над городом!

А блоха очень хорошо чувствовала себя в городе. Человеческая кровь ей понравилась гораздо больше, чем коровья,

которой кормили ее в заключении. И она продолжала свои налеты.

Париж был напуган. Блоха превратилась в какого-то чудовищного Минотавра[1], требующего человеческих жертв. Но не было героя Тезея, который освободил бы город от страшилища. Кандидаты в Тезеи являлись. Но им не удавалось убить блоху.

Многие начали поговаривать, что во всем виноват Вагнер, что, может быть, он даже со злым умыслом вырастил и пустил на Париж такую блоху. Вот и немцы начали нос задирать. Это не простая блоха...

А Вагнер не спал — ведь он никогда не спит — и думал обеими половинками мозга, как бы поправить свою ошибку. Очень все вышло неприятно, и Воронов смеется.

Мэр города Парижа вызвал Вагнера к себе и говорит ему:

— Наше терпение истощилось. Даю вам двадцать четыре часа на удавление блохи. Мы и так стали ужасно малокровные от блохи.

— Давить блох, — отвечает Вагнер, — это не моя специальность, а как поймать блоху, я могу дать совет. Блоху поймает только человек, который сможет сам прыгать, как блоха. Я придумал такие инструменты, чтобы человек мог прыгать по-блошиному. Поедем на Марсово поле, я вам покажу.

Поехали. Профессор Вагнер привез с собой чемодан, а в чемодане лежат какие-то пружины и красный костюм, похожий на клопа.

— Вот эти пружины, — говорит Вагнер, — надо привинтить к рукам и ногам, а костюм из резины, пневматический, надевается на тело, чтобы не расшибиться, если без привычки упадешь на бок или на спину. Кто хочет попробовать?

— Я!.. И я!.. Я!..

Вагнер выбрал одного. Надел на него резиновый костюм, к подошвам и ладоням пристроил ремешками дощечки с

[1] Минотавр — мифическое чудовище, полубык-получеловек, скрывавшийся в Лабиринте на острове Крит, которым правил царь Минос. Минотавр питался мясом преступников, а также пожирал ежегодно семь юношей и столько же девушек. Убит был Минотавр Тезеем — мифическим афинским царем и героем.

большими спиральными пружинками вроде матрацных, поставил человека на четвереньки и надул красную резиновую оболочку. Получился прямо гигантский клоп, напившийся крови.

— Прыгайте! — говорит Вагнер.

Молодой человек поднял передние лапы, скакнул, опрокинулся на спину, раза два подскочил и лежит на спине, как жук, лапами машет.

— Не могу, — говорит, — с земли подняться. Лучше с высоты.

Перевернули «клопа», принесли три стола, поставили друг на дружку, а наверх посадили «клопа».

— Прыгай!

Прыгнул «клоп», взвился вверх и опять на спину. Раз, другой, третий подпрыгнул — лежит.

— Ничего, научится, — успокаивает Вагнер.

И опять отнесли «клопа» на стол. И что же, наловчился-таки «клоп». Прыгнул, ударился на все четыре лапки и взвился вверх, что твоя блоха, выше дома. Опять ударился пружинами о землю и еще выше подпрыгнул.

— Браво! — кричат.

А он, когда в третий раз на землю спустился, вдруг сам кричит:

— Как же я теперь остановлюсь? — и упрыгнул.

И правда. Вот задача! Прыгать-то он может, а остановиться не умеет.

— Держите меня! — кричит.

Побежали за ним, да где там! В три прыжка все Марсово поле пролетел.

— Пропал мальчишка! Теперь так и будет прыгать вокруг земного шара...

Однако, на свое счастье, он в реку Сену угодил. До дна нырнул, потом резиновый пузырь на спине вынес его, а люди выловили.

Как ни плохо пришлось смельчаку, от блохи еще хуже приходилось. И молодой человек, а за ним и другие молодые люди начали учиться прыгать по-блошиному и скоро большого искусства достигли. Даже в строю могли прыгать. Очень это военному министру понравилось.

— Новый род войск, — говорит, — прыгуны! Через окопы очень легко могут перепрыгивать.

Стали прыгуны за блохой охотиться. Извели ее вконец. Из Парижа выгнали. Пить-есть не давали, все гнали. Подохла блоха в Аржантейле. И двадцать молодых «Тезеев» несли в Париж шкуру «Минотавра».

На радостях президент наградил профессора Вагнера орденом Почетного легиона.

— Только, — говорит, — улетайте из Парижа с первым же аэропланом!..

(Рассказ записан со слов двух лиц — тт. Н. А. П. и К. Е. Н. Они рассказывали почти одновременно, перебивая и дополняя друг друга: отсюда некоторая невыдержанность стиля.)

* * *

Замечание профессора Вагнера:

«Опять выдумки! Со мной этого не было. Но нечто подобное я читал несколько десятков лет назад в каком-то журнальчике. Мне, кажется, начинают приписывать легендарные подвиги.

Предположение, что, если бы блоха была ростом с человека, она могла бы прыгать через высочайшие дома, совершенно неверно: упускается из виду, что притяжение Земли увеличивается прямо пропорционально массе тела или пропорционально кубу линейного увеличения. Несмотря на всю анатомическую приспособленность блохи к прыжкам, увеличенная до человеческого роста блоха прыгала бы почти так же, как человек, или чуть-чуть выше.

У меня есть один проект относительно прыгания, но совсем в другом роде. Я думал о прыгании через пропасти и реки автомобилей и даже поездов, которым сообщался бы известный разгон путем переустройства профиля пути. Мостов не нужно будет делать. Принцип американских гор. Почему бы не устроить такой прыжок вагонов через Ла-Манш? Может быть, это было бы выгоднее, чем постройка тоннеля под Ла-Маншем. Я уж присмотрел и местечко: самое узкое место канала — всего тридцать три километра. Берега крутые, скалистые. Мне только некогда заняться подсчетами. Собира-

юсь лететь на Новую Землю. Если будут спрашивать — зачем, говорите: разводить страусов.

Ваш Вагнер».

Разводить страусов! Это, конечно, шутка. Быть может, из таких шуток профессора, принятых всерьез и дополненных воображением, и возникли апокрифические рассказы о его изобретениях...

IV. ЧЕЛОВЕК-ТЕРМО

Рубцов — это я. Илья Ильич. Двадцать четыре года от роду. Румян, весел, подвижен. Товарищи называют меня Чижиком.

Товарищи — это Пронин Иван и Дашкевич Казимир, он же Казя. Пронин похож на меня, он так же молод, весел и подвижен. А Дашкевич даже на самого себя не всегда бывает похож. Он как весенняя погода: то дождь, то снег, то солнышко, то тучи, то тепло, то холодно — всего понемножку. Казя — высокий, худощавый, угловатый. Он здоров, но мнителен и часто находит в себе несуществующие болезни.

Судьба забросила нас очень далеко — на острова Новой Земли. Мы работали радистами на метеорологической станции. Для меня Новая Земля была самой новой. Для Дашкевича новость Новой Земли значительно устарела. Казе надоели однообразные «киносеансы» северного сияния, надоели морозы, зимы без солнца.

— Довольно, три года отдежурил, — говорил он, — и баста! С первым же пароходом я уезжаю отсюда. А если какой-нибудь гидроплан случайно навестит нас, непременно улечу. Я болен. Я совершенно разбит. Меня лихорадит. У меня ломит все тело, как будто...

— Как будто тебя «дружески обнимал белый медведь». Слыхали. Не повторяйся, Казя! — сказал Пронин. — Ты уже третий день киснешь. Пойди к профессору Вагнеру, он, наверно, вылечит тебя.

— Вагнер не медик, — ответил Казя.

— Профессор Вагнер — энциклопедист, всеобъемлющий ум. Пойди к нему, и он очень быстро излечит твою болезнь. Вот Чижик проводит тебя.

Дашкевич нерешительно посмотрел на меня, вздохнул и сказал:

— Нянек мне не нужно. Дойду и сам... А ну как Вагнер меня прогонит! Скажет: я вам не доктор...

Пронин схватил шапку Дашкевича и нахлобучил ему на голову. В то же время я накинул Казе на плечи доху, Пронин раскрыл дверь, и мы вытолкнули нашего товарища на сорокаградусный мороз. Покончив с этим человеколюбивым деянием, мы уселись за аппараты и углубились в работу. Я принимал, а Пронин отправлял метеорологические бюллетени.

Прошел час, а Дашкевич все еще не возвращался. Профессор Вагнер жил недалеко от нас, всего в десяти минутах ходьбы. Пора бы Дашкевичу вернуться. Я уже начал беспокоиться. Волновался и Пронин.

— Трудный случай, — сказал он. — Сам Вагнер, очевидно, затрудняется поставить диагноз. Видно, всерьез заболел наш Казя...

В это время замерзшая дверь ужасно затрещала, заскрипела и открылась. Клубы пара на мгновение наполнили всю комнату, и, когда они рассеялись, мы увидели нашего друга, вышедшего из морозного облака, как Венера из морской пены. Мы внимательно смотрели друг на друга: Дашкевич на нас — с загадочной насмешливостью, мы на него — вопросительно.

Наконец Пронин не выдержал и спросил:

— Был?

Дашкевич с той же загадочной улыбкой молча кивнул головой.

— Вылечил?

Дашкевич не отвечал. Лицо его было очень красно, и он быстро и часто дышал. Очевидно, его лихорадка усилилась. Мне даже показалось, что от него пышет жаром, как от нашей железной печки, когда она накалена.

— Перелечил меня профессор Вагнер! — со смехом ответил Дашкевич и быстро прошел в свою комнату.

— Скверно! — тихо сказал Пронин. — Если Вагнер не помог, то Дашкевичу не выжить...

Мы углубились в работу. Вдруг дверь из комнаты Дашкевича открылась и из нее вышел он сам, но... в каком виде! Он был в спортивном бескостюмье. Весь красный, словно только что парился в бане до седьмого пота, Дашкевич быстро прошел через комнату, не обращая на нас никакого внимания, открыл дверь... и вышел на сорокаградусный мороз.

Это было нелепо, неожиданно и страшно. Поступок Дашкевича был равносилен самоубийству. В несколько минут он отморозит себе руки и ноги и смертельно застудит легкие. Бедный Казя, он мог совершить это только в бреду! Однако что же мы сидим? Надо бежать на помощь, пока не поздно! Я быстро поднялся и начал надевать свою доху. От волнения никак не мог попасть рукою в рукав. Пронин уже оделся и помог мне.

— Скорей, скорей!

Мы выбежали за дверь.

Стояла светлая лунная ночь. От дома дорога шла вниз, к небольшому озеру, из которого мы брали себе воду. На этой дороге мы увидели необычайный феномен.

По дороге медленно катился огромный шар из клубов пара. На морозе пар превращался в иней, который составлял как бы внешнюю подвижную оболочку шара. Лунный свет отражался на сверкающих кристаллах инея и давал радужные ореолы. Позади шара тянулся хвост из снежных хлопьев. Можно было подумать, что по дороге катится маленькая планетка, упавшая с неба вместе со своим атмосферным одеянием. Но мы сразу поняли, что это за планетка: странный феномен оставлял на снегу ясные и довольно глубокие оттиски босых человеческих ног. Это шел наш Казя, окутанный облаком пара, который валил от его разгоряченного лихорадкой тела.

«Быть может, этот пар, — думал я, — несколько охраняет тело Дашкевича от жгучего действия холода, совершенно так же, как атмосфера охраняет Землю от действия абсолютного холода межзвездных глубин. Но надолго ли Казе может хватить его внутреннего тепла? Оно улетучится из его тела прежде, чем Казя дойдет до озера».

— Казя! Казя! Остановись! — кричали мы, преследуя облако, катящееся по дороге.

Самого Казю мы не могли рассмотреть в этом облаке пара.

Дашкевич ничего нам не ответил, но ускорил шаги. Маленькие снежные вихри закружились за ним. Он уже подбежал к берегу озера, ступил на лед, остановился и вдруг отчаянно закричал. Над местом, где он стоял, поднимался целый столб пара. Мы побежали на крик, вошли в молочный пар и осторожно, ощупью пробрались к тому месту, откуда слышался голос Дашкевича. Голос этот доносился снизу.

— Черт возьми, лед растаял под ногами! — кричал Казя. — Я провалился и теперь не могу выбраться. Когда я хватаюсь за край льда, лед тает и превращается в воду...

Я разглядел смутное пятно Казиной головы и схватил наугад руку. Да, это была рука, если только я не схватился за горящую головню: жар этой руки ощущался даже сквозь мою меховую рукавицу. «Однако какова же должна быть температура его тела?» — с удивлением подумал я.

Мы вытащили нашего друга на берег. Из ледяной ванны на сорокаградусный мороз! Но несчастный Казя в бреду и огне лихорадки не чувствовал холода и опасности. Он встряхнулся, как медведь, вылезший из воды, и побежал от нас вдоль озера. Ему легко было бежать. Он бежал по утоптанной дороге со скоростью собаки, мы в наших меховых костюмах не могли догнать его. Скоро блестящий шар нашего «парового» друга сверкнул на бугре и скрылся.

Что делать? Бежать следом за Дашкевичем? Но мы не могли надолго оставить радиостанцию. В нашей работе и так произошел перерыв. Мы решили, что один из нас должен отправиться работать, а другой займется поисками сбежавшего больного. Но так как Дашкевич был сильнее каждого из нас в отдельности, то мы решили пригласить на помощь профессора Вагнера. Пронин поспешил на радиостанцию, а я помчался к Вагнеру.

— Что вы сделали с нашим другом? — спросил я Вагнера.

Профессор посмотрел на меня одним глазом и ответил, не отрываясь от лампового передатчика:

— Я ничего ему не сделал плохого. А что наш больной? Как он себя чувствует?

— Сбежал! — поспешно ответил я. — Сбежал, когда у него, вероятно, не менее сорока градусов температура. Голый сбежал!

Профессор Вагнер улыбнулся.

— Хорошая штучка? — спросил он, указывая на аппарат. — Такой конструкции вы еще не встречали.

Аппарат был действительно занятный, но мне было не до него.

— Коротковолновик? — небрежно спросил я и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Послушайте, профессор, оставьте ваши опыты и помогите мне поймать и вернуть нашего убежавшего друга, пока он не погиб окончательно.

— При обычном порядке вещей, — ответил Вагнер, не двигаясь с места, — товарищ Дашкевич должен был давно погибнуть. И нам оставалось бы только разыскивать его мертвое обледеневшее тело. Но так как товарищ Дашкевич чувствует себя превосходно...

— Откуда вы это знаете?

— Из ваших же собственных слов. Ведь Дашкевич не погиб, даже покупавшись в озере. Он дышит парами, как паровоз, и гуляет в трусиках за Полярным кругом, как будто он на пляже в Крыму. Не беспокойтесь о вашем Казе, садитесь вот сюда и слушайте. Ведь вы сами спрашивали, что я сделал с Дашкевичем.

— Но, профессор, теперь не время...

— Самое время! Садитесь же. Уверяю вас, что с Казей ничего плохого не случится. Опыт удался.

— Опять опыт? — удивленно спросил я.

— Ну, разумеется.

Вагнер неожиданно сжал мою руку у локтя. Я вскрикнул.

— Больно? Я так и думал. У вас болят суставы, когда вы работаете с регенеративным приемником. Чувствуете повышение температуры. Ну, открыли радио, но еще совершенно не изучили характера этого зверя. То, что мы знаем о радио, это еще только детский лепет. Наши знания и область применения радио расширяются с каждым днем. Вы знаете, что короткими волнами сейчас начали пользоваться врачи для лечения некоторых болезней, искусственно поднимая радиоволнами температуру тела больных. И вот мне пришла в

голову мысль: а почему бы не отапливать искусственно человеческое тело при помощи коротких радиоволн?

— Но ведь человеческое тело естественно отапливается, — сказал я.

— Да, но этого недостаточно. Здоровый человек обладает автоматическим изменением температуры всего в пять-семь десятых градуса в продолжение суток. На болезнь организм человека реагирует повышением или понижением температуры на два-три градуса против нормы. Крайние пределы колебаний составляют всего шесть-семь градусов.

— Устойчивость нашей температуры — большой прогресс, — сказал я. — Не потому ли вымерли многие крупные животные, что они были холоднокровными — их кровь имела почти одинаковую температуру с окружающим воздухом?

— Моя мысль не противоречит вашей. Выслушайте меня до конца. Вы знаете, каковы крайние температурные пределы жизни человеческих организмов. Простейшие организмы переносят очень низкие температуры и могут быть возвращены к жизни. Без особой погрешности можно сказать, что даже стоградусный холод не является вполне смертоносным для живых существ. Жар как будто переносится труднее: при температуре свыше пятидесяти пяти градусов Цельсия белки свертываются. Но обезвоженные белки, например куриный, могут переносить температуру даже в сто шестьдесят — сто семьдесят градусов выше нуля. Так вот я поставил себе задачей расширить пределы колебаний температуры человеческого тела, подчинить эти колебания воле человека и, конечно, сделать их безвредными для организма. Каждое теплокровное животное имеет свою более или менее постоянную температуру: у человека она равна 37°, у обезьяны — 38°, у лошади — 39°, у быка — 39,7°, а у голубей и кур даже 42,5°. Это постоянство имеет свои неудобства, и человек должен преодолеть их. Биологический прогресс не закончен. Человеческий организм должен выработать в будущем идеальный регулятор температуры.

Мы не знаем, какова была температура тела пещерного человека, но она была, конечно, выше, чем у современного человека. Теплые жилища и костюмы еще более способствовали понижению температуры тела. Это уже прогресс. Чело-

век должен обладать идеальным отоплением тела. И тогда климат не будет иметь для него никакого значения. Такой человек-термо будет в состоянии отправиться в спортивных трусиках на Северный полюс, не ощущая никакого холода, а на экваторе он будет прохлаждаться в знойных песках пустыни. Вы понимаете, какие перспективы это откроет для человечества! Домов не нужно будет строить. Одежды не надо. Жилищного кризиса не существует. Вы можете спать на ледяном поле даже без рубашки...

— Но я могу растопить свою «кровать» и провалиться в воду, как это было с Дашкевичем.

Вагнер внимательно выслушал мое замечание.

— Необходимо, — сказал он, — обуваться в туфли или галоши, чтобы не проваливаться.

— Значит, без наряда все-таки не обойтись?

— Впоследствии можно будет регулировать температуру отдельных частей тела. Ведь и сейчас у нас не все части тела обогреваются одинаково. Концы ног могут быть холодными, а туловище — горячим.

— И вот таким человеком-термо вы сделали Дашкевича?

— Не совсем. Самопроизвольное регулирование температуры тела — это дело очень отдаленного будущего. Дашкевича я сделал искусственно человеком-термо, повышая его температуру при помощи коротких радиоволн. В этом нет еще ничего необычного. Радиоволны сами повышают температуру тела даже тогда, когда мы не желаем этого. Моя задача сводилась к тому, чтобы найти средство расширить границы изменения температуры, не причиняя организму вреда. Вы видели Дашкевича. Как он себя чувствует?

— По-видимому, хорошо. Но он очень усиленно, часто и глубоко дышит. И от него валит такой пар, словно он из жаркой бани выбежал на морозный воздух.

Вагнер кивнул головой.

— При повышении температуры тела и при охлаждении тела действием наружного воздуха потребление кислорода увеличивается. Дашкевичу приходится усиленно работать легкими, чтобы снабжать клеточные ткани кислородом. Но одними легкими трудно доставить организму нужное количество кислорода, и на помощь приходит дыхание кожи.

Ведь она тоже дышит всеми пятнадцатью тысячами квадратных сантиметров своей поверхности. Вот почему Дашкевич отправился на прогулку голым: мороз не страшен ему, а обнаженное тело лучше может справиться с кожным дыханием. И, судя по выделяемому Дашкевичем пару, он дышит кожей великолепно. Все в порядке. Не хотите ли последовать примеру Дашкевича? Я могу и из вас сделать «теплого парня» — человека-термо, и вы отправитесь на поиски вашего друга в купальном костюме, только в галошах и с одеялом под мышкой. О питании вы можете не заботиться. Вам не надо будет варить пищу: ваш желудок будет иметь достаточную температуру, чтобы в лучшем виде сварить сырую и даже мороженую рыбу. Вам нужно будет заботиться только об одном — чтобы идти в полосе радиоизлучения. Я буду действовать направленными радиоволнами. Можете взять с собою компас. Я укажу направление. Желаете проделать опыт? Уверяю вас, вы не подвергнетесь никаким неприятностям. Вам необходимо будет только приготовить свой организм. Я введу вам в кровь изобретенный мною раствор солей. Согласны вы на это?

— Да, но мне скоро надо сменять Пронина.

— Я подежурю за вас на радиостанции. Не беспокойтесь. Мы с Прониным справимся, а вы отправляйтесь за Дашкевичем. Вам не трудно будет найти его, так как, подобно вам, он не будет выходить из полосы радиоизлучения. Повторяю: Дашкевичу мороз не страшен, и ваш друг не простудится, но все же я буду спокойнее, если вы найдете его и приведете домой. Он ушел без оружия. На него могут напасть медведи, их немало шляется в здешних местах. Так по рукам?

Через несколько минут я уже стоял в трусиках посреди комнаты.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Вагнер.

— Как будто мое тело начинает наливаться огнем. Ужасно жарко!

— Привыкнете. Дышите глубже и чаще. Это у вас скоро войдет в привычку. Сердце? Дайте послушаю. Пульс? Сто. Теперь это нормально. Я вам до двухсот его догоню. Уж поистине небу жарко станет! Ну, марш! Отправляйтесь!

Вагнер широко открыл дверь, впустив клубы холодного пара. Мне было немного жутко, но я поборол нерешительность и вышел на улицу. И тотчас же пар окутал меня.

— Я ничего не вижу, — сказал я, беспомощно поворачиваясь.

— Когда вы пойдете, пар не будет вам мешать, — сказал Вагнер. — Добрый путь!

С одеялом под мышкой, в резиновых галошах я пошел по дороге, поглядывая на компас, поднесенный к самым глазам. По всему моему телу и по лицу струился горячий пот.

Собаки нашего маленького поселка, увидав странное зрелище, отчаянно залаяли и затем в паническом ужасе убежали от меня. «Если и звери будут так же бояться меня, это неплохо», — подумал я, спускаясь к озеру.

Луна уже несколько дней не заходила за горизонт, она кругами ходила по небу, наполняя призрачным светом полярную ночь. Вагнер был прав: когда я шел, пар не очень мешал мне видеть. Я следил за отпечатками ног Дашкевича на льду вдоль берега озера. Бедный Дашкевич! Ему без галош, вероятно, нелегко ходить. Там, где он останавливался, следы углублялись: горячие ноги расплавляли лед. И Дашкевичу приходилось идти, не останавливаясь по крайней мере над озерами и реками.

Странное дело: я не прошел и часа, как почувствовал адский голод и жажду. Благодаря высокой температуре в моем организме происходило усиленное сгорание, и организм требовал топлива, то есть еды. Да, я мог не беспокоиться о приготовлении горячей пищи: мне было достаточно сырой рыбы.

Я сошел на озерный лед, расстелил одеяло, лег и положил руку на лед. Скоро лед начал таять, а рука все глубже уходила в лед. Мне пришлось опустить руку почти до плеча, прежде чем пальцы коснулись воды. К проделанной мною отдушине скоро приплыло множество рыб. Я прямо хватал их руками и поедал сырьем. Никогда в жизни я столько не ел. Удивительно, как только мог выдержать мой желудок!

И я пил, пил без меры. Но этому не приходилось удивляться. Я читал, что человек под тропиками, работая на солнце, выделяет в сутки до двенадцати литров воды и таким

образом освобождает количество тепла, достаточное для нагревания шести тысяч пятисот литров воды на один градус. Некий естественный регулятор тела, очевидно, путем выделения воды пытался понизить температуру до нормальных тридцати семи градусов. Усиленное же выделение пота вызвало повышенную жажду.

Насытившись и напившись, я пошел дальше, но скоро опять почувствовал голод и жажду, снова принялся за рыбную ловлю, съел вдвое больше прежнего и выпил чуть ли не пол-озера. Я сделался прожорлив, как выхухоль, съедающий каждый день столько пищи, сколько весит его тело. Интересно, чем питался Дашкевич, который должен был обладать таким же чудовищным аппетитом, как и я? Дашкевич не имел галош и одеяла, как мог он ловить рыбу? Однако скоро я заметил яму на берегу и дыру, уже полузамерзшую, в озерном льду. Очевидно, осторожный Дашкевич расплавлял снег и лед до земли и осторожно подползал к краю берега. Да, ему было трудненько добывать пищу. Надо поспешить к нему на помощь.

Я быстро шел вдоль озера. Следы босых ног Дашкевича были ясно видны. Он, как и я, шел по компасу. Луна светила ярко. Она медленно продвигалась на небе, делая круг над моей головой, словно желала посмотреть со всех сторон на необычайное зрелище — катящийся по земле паровой шар.

Кругом было пустынно и тихо. Только мое шумное дыхание нарушало тишину, как тяжелые вздохи паровоза на одинокой заброшенной степной станции.

Ледяная равнина тянулась без конца, а Дашкевича все не было видно. Я начал уставать, и мне хотелось спать. Судя по положению луны, уже давно наступила полночь. Надо было думать о ночлеге. Я шел, выбирая подходящее местечко. На севере горизонт потемнел. Оттуда шла туча. И звезды при ее приближении словно падали в огромный черный мешок и исчезали. Вот черный бредень тучи собрал звезды с полнеба и подобрался к луне. Еще немного, и луна оказалась проглоченной темной пастью тучи. Настала тьма.

Пошел снег. Но, попадая на горячую паровую оболочку, окружавшую меня, хлопья снега превращались в капли дождя, и они падали на мои обнаженные плечи и спину, как на

раскаленную плиту, и превращались в пар, а с ног стекали на землю горячим потом. Да, как это ни странно, находясь за Полярным кругом в студеную зимнюю ночь, я попал под влажный тропический ливень. Но этот ливень существовал только для меня. Кругом бушевала метель.

И как это бывает на Севере, когда небо покрывается тучами, воздух потеплел. Температура с сорока градусов ниже нуля поднялась, вероятно, до пяти ниже нуля. Я же испытывал настоящую жару. Я не мог еще регулировать свою температуру. Короткие радиоволны нагревали меня так, что я чувствовал себя, как в жгучий полдень под экватором. Капли дождя нагревались, прежде чем достигали моего тела, и не могли охладить ужасного жара. Я несколько раз бросался на землю, чтобы охладиться, и чувствовал, как погружаюсь в снег, который буквально плавился от моего разгоряченного тела.

Наконец снежный буран прекратился. Черный бредень тучи начал обратно вытряхивать звезды. Скоро выглянула луна. Я оглянулся назад и увидел сверкающую на пушистом снегу ледяную полосу, которую оставил замерзавший позади меня дождь, стекающий с моего тела.

Пора отдохнуть. Я разложил на снегу одеяло — оно было влажное от дождя — и растянулся на нем. Но я не рисковал простудиться, одеяло начало быстро высыхать, лишь только мое тело прикоснулось к нему; от одеяла пошел пар, как от влажного белья, которое гладят слишком горячим утюгом.

Я крепко уснул. Открыв глаза, я ничего не увидел: очевидно, тучи вновь затянули небо. Однако такой черной, непроницаемой темноты я еще никогда не видел. Внимательно осматриваясь, я, наконец, заметил звезду над самой моей головой. Что за странность! Как будто тучи покрывали все небо, за исключением маленького кружочка в зените. Я быстро поднялся и пошел вперед, но тогда ударился о ледяную стенку. Повернул в сторону, сделал несколько шагов — опять стенка. Это было непонятно. Я хорошо помнил, что уснул на совершенно ровном и открытом месте, а теперь я находился в какой-то ледяной пещере.

Я пошел назад и упал в яму, которая находилась посреди пещеры. Дойдя до стен, я обошел вокруг. Стены были глад-

кие, ледяные и нигде не имели выхода. Ледяной пол пещеры имел покатость к центру и в центре — большую впадину. Вся пещера имела вид полушария с небольшим отверстием в потолке. Быть может, это жилище каких-нибудь местных жителей, которые нашли меня на льду и принесли к себе в юрту. Но эта юрта не имела ни дверей, ни окон, и притом в ней никого не было, кроме меня.

Каким образом я попал сюда? Единственно только через отверстие в потолке. Оно находилось над моей головой на высоте четырех метров. Удивительно, как я не расшибся, если меня сбросили оттуда! Да, я в ловушке. В этой мышеловке я умру с голоду, если не выберусь отсюда. Но как? До дыры в потолке не долезть. Стены? Я постучал в стены. Они, видимо, были очень толсты. Непонятная история! Я сел на землю и начал тереть себе лоб. Подо мною не было одеяла, и я чувствовал, как мое тело медленно погружается в таявший подо мною снег. Внезапно я хлопнул себя по голове и расхохотался.

Ну да, конечно! Все очень просто. Я сам засадил себя в эту тюрьму. Когда я уснул, мое горячее тело растопило снег вокруг меня. Несмотря на одеяло, я медленно погружался в снег, пока не оказался лежащим на каменистой почве, как бы в центре воронки. Пар, выходящий из моего тела, смерзался и падал вокруг меня инеем, образуя ледяное кольцо. Оно постепенно нарастало, превращалось в стенку, которая замкнулась сверху сводом. Горячее дыхание пробило в этом своде дыру совершенно так же, как в берлоге медведя, засыпанного снегом. Я оказался в центре ледяного купола. От теплоты моего тела стенки этого полушария подтаивали внутри и наращивались снаружи инеем, в который превращалась теплота, выходившая из отверстия.

Это, однако же, удивительно! Я спокойно уснул на голой ледяной равнине, а проснулся в собственном ледяном доме, таком прочном, что ни один медведь не проникнет в него. Дом, который вырос самостройкой. Это очень удобно. К сожалению, архитектор не предусмотрел устройства двери. Впрочем, это дело поправимое.

Я подошел к ледяной стене самостройного дома и, согнув голову, прижал ко льду темя. От стенки повалил пар, и

на землю потекла вода. Лед быстро таял. Скоро я почувствовал, что голова моя прошла сквозь стенку. Окно было готово. Я крутил головой, расширяя дыру, затем втянул голову назад и посмотрел наружу.

Передо мной была все та же снежная бесконечная равнина, залитая лунным светом. Я повернул голову налево, направо. Вдруг увидел невдалеке белого медведя. Нет, это медведица с двумя медвежатами.

Медведица подняла голову и расширенными ноздрями втягивала пар, выходивший из сделанного мною окна. Теплый мех и толстая шкура, очевидно, не предохраняли медведей от действия направленной короткой радиоволны. От медведицы и медвежат валил густой пар. Звери испытывали непривычное и, видимо, неприятное чувство жара. Они мотали головой, тыкались носом в снег, поднимались на задние лапы и махали передними, как бы обдувая себя, потом вдруг валились на землю и начинали кататься в снегу. Медвежата ревели таким густым басом, какого нельзя было ожидать от младенцев их возраста, хотя бы и медвежьего происхождения.

Вся почтенная семья, видимо, была очень голодна. И я был голоден не меньше их. Мы с большим аппетитом смотрели друг на друга. Я хотел пообедать медвежатиной, они — человечиной. Ледяная стена разделяла нас, и мы могли только облизываться, глядя друг на друга. Пар, исходящий от моего тела, вероятно, был необычайно приятен для обоняния медведицы. Она поднялась на задние лапы и всунула морду в окошечко. Я схватил ее за нос. Медведица заревела, отшатнулась от окна, но не убежала. Столь неделикатное обращение раздражило медведицу, а известно, что всякое раздражение у несложных натур только возбуждает аппетит. Плотоядно поглядывая на меня, медведица засунула лапу в окно и начала ломать стенку. Лед был довольно толстый, стена не легко поддавалась, однако кусок за куском отлетал под могучими ударами, и дыра расширялась.

Дело принимало для меня скверный оборот. У медведицы было гораздо больше шансов пообедать мною, чем у меня — полакомиться медвежатиной. Надо было подумать о бегстве. Я подошел к противоположной стене и начал про-

таивать вторую дыру. Работа моя продвигалась довольно успешно, но и медведица не теряла времени даром. Она работала уже двумя лапами. Еще немного, и дыра расширится настолько, что медведица в состоянии будет проникнуть в домик. И тогда конец...

Еще одно усилие, и моя голова вынырнула за стенку. Теперь надо расширить дыру. Я приложился плечами к ледяной стенке. Готово. Можно вылезать.

Но не успел я и наполовину продвинуться, как невольно вскрикнул и втянулся назад: передо мною стояла медведица. Хитрое животное поняло мой маневр. Медведица, видя, что я вылезаю из домика, обежала вокруг и встретила меня оскаленными зубами.

Когда лакомый кусок уходит из-под носа, нос, естественно, следует за лакомым куском. Медведица попыталась последовать за мной. Но дыра была для нее узка, и медведица, всадив в дыру с разбегу голову и правую лапу, завязла в окне. Временно она была лишена свободы. Этим надо было воспользоваться. Я выбрался наружу через первое оконце, расширенное медведицей, и побежал.

Нет, я не бежал, я летел со скоростью штормового ветра в десять баллов. Луна хорошо освещала мне путь. Я бежал по гладкой ледяной дорожке, оставленной дождем, стекавшим с моего тела во время снежной бури. Однако эта дорожка скоро кончилась, и я побежал целиной.

Я оглянулся назад. Далеко позади двигалась черная точка, а за нею — две поменьше. Медведица высвободилась из своего капкана и догоняла меня со своими медвежатами. Теперь шло состязание на скорость, а ставкой была сама жизнь. Успею ли я добежать до дому?.. Время от времени я оглядывался и с ужасом замечал, что преследовавшие меня точки все увеличивались. Скоро я уже мог различить фигуры белой медведицы и ее детенышей. От быстрого бега я задыхался. К тому же я давно не ел и ослаб от голода. Но страх придавал мне силы. Я уже приближался к озеру, находившемуся недалеко от нашего дома.

Если пересечь небольшой залив, то можно сократить путь. Но на беду во время этого бешеного бега я потерял галоши. Бежать же без галош через озеро по льду было очень

опасно: я мог провалиться, как Дашкевич. И я решил свернуть в сторону. Но не успел я отбежать и десятка метров, как почувствовал жгучую боль в правой руке. Боль и ожог. Я не мог понять, в чем дело, и продолжал бежать. Еще несколько шагов направо, и меня охватил ледяной холод. Невольно я свернул влево, и опять благодетельное тепло разлилось по всему телу.

Несколько раз повторялось это ощущение. Когда я выбегаю из луча радиоволны, температура моего тела понижается до нормальной, и я начинаю испытывать окружающий холод. Температура же воздуха, должно быть, не менее тридцати градусов ниже нуля. Для голого человека — не шутка!

Я принужден бежать по прямому направлению. Но это прямое направление ведет меня через озерный лед. Я оглянулся назад. Пока я остановился и размышлял, медведица успела значительно нагнать меня. Она бежала ровной переваливающейся иноходью, как будто небыстрой, но очень спорой.

Я вновь пустился бежать. Вот и лед. Если бежать очень быстро, он не успеет подтаять. Бегу. Твердый лед под моими ступнями превращается в мягкую патоку. Нога уходит в жижу, затрудняя бег. Несколько раз ноги мои увязали по щиколотку. Хорошо еще, что лед толстый... А медведица приближается.

Теперь я бегу почти наравне с медведицей. Вот она обгоняет меня. Пересекает прямую линию между мною и домом. Я отрезан... Медведица приближается ко мне. Я бросаюсь в сторону и кричу, кричу во всю силу легких. Бегу по снегу зигзагами, поднимаясь по склону холма, на котором стоит наш дом. Медведица бежит за мной. Я принужден отклониться от прямого пути. Жгучий холод схватывает раскаленными щипцами мое тело. Но я бегу, бегу, задыхаясь, стуча зубами и дрожа всем телом. Я слышу за собой тяжелые шаги медведицы. Еще одно усилие... Бр!.. Как холодно! В нескольких шагах от дома я попадаю в горячую струю радиоволны... Дверь. Только бы она не была закрыта изнутри!.. Медведица возле меня. Она поднимается на задние лапы и хочет крепко обнять меня, как дорогого друга. Я открываю дверь и вбегаю в комнату. Падаю на пол и теряю сознание...

Медведица, очевидно, не тронула меня, потому что я слышу, словно сквозь сон, голоса профессора Вагнера и Дашкевича, который, наверно, вернулся раньше меня.

— Такого рода заболевание, конечно, не может быть вызвано действием коротких радиоволн, — говорит профессор. — Товарищ Рубцов простудился. Ого! Сорок и три десятых.

«Как мог я простудиться? — думаю я. — Конечно, только выйдя из сектора направленной радиоволны. В этом главное неудобство искусственного отопления человеческого тела. Когда люди научатся произвольно регулировать свою температуру без внешних воздействий, тогда действительно можно будет безопасно гулять в костюме Адама вдоль Полярного круга».

(Рассказ записан со слов т. И. И. Р., недавно прибывшего с Новой Земли. Ответа от профессора Вагнера по поводу этого рассказа еще не получено.)

КОВЕР-САМОЛЕТ

Впервые я узнал о профессоре Вагнере много лет тому назад. В одном журнале, который теперь трудно разыскать, я прочитал забавную историю — «Случай на скачках».

На Московском ипподроме был большой день. Афиши оповещали о «грандиозной программе», о высоких денежных призах и драгоценных призовых кубках, об участии в скачках лучших лошадей, наездников, русских и иностранных, о встрече мировых чемпионов. Скопление публики было необычайное. Завсегдатаи бегов и скачек указывали новичкам на знаменитых наездников и красивых, выхоленных до блеска призовых лошадей, называли их звучные имена, вспоминали их родословную, победы, рекорды, резвость, имена владельцев и заводов — словом, все, что может интересовать завзятого поклонника тотализатора.

И вдруг среди блестящих, гордых своею красотой представителей лошадиной аристократии кто-то заметил старую клячу. Она была так необычайно худа, что можно было легко пересчитать у нее все ребра. Разбитые ноги опухли в колен-

ных суставах и искривлены. Голова печально опущена, нижняя отвисшая губа шевелилась, словно кляча шептала, жалуясь на свою судьбу. На кляче восседал никому не известный мальчик-жокей, босоногий, в красной ситцевой рубахе. Чьи-то зоркие глаза заметили, что мальчик привязан к лошади.

Скоро ужасную клячу, словно сбежавшую с живодерни, увидали и другие зрители. Люди смеялись, удивлялись, спрашивали, негодовали. Как могла попасть сюда эта лошадь? Кто допустил такое неслыханное издевательство? Какому безумцу принадлежит она? Смотрите: она дерзко становится в первый ряд с лучшими скакунами утра... Человек в цилиндре машет флажком. Медные трубы полкового оркестра блестят на солнце и сотрясают воздух звуками марша. Старт дан, и... тут начинается самое необычайное, фантастическое...

Мальчик-жокей в красной ситцевой рубашке низко наклоняется к спине лошади и крепко сжимает рычажок на луке седла. В тот же момент кляча начинает с такой быстротой передвигать ноги, что кажется фантастической сороконожкой, несущейся вихрем по ипподрому. Не успели лучшие призовые лошади отойти от стартовой линии на три-четыре корпуса, как страховидная кляча обежала круг, разорвала грудью ленту у финиша, не останавливаясь, пронеслась по кругу еще два раза и, наконец, остановилась как вкопанная, низко опустив голову с отвисшей губой; при этом что-то несколько раз хлопнуло, как хлопушка. Кляча выиграла, и владелец ее должен был взять головокружительный приз.

Минуту тысячи зрителей находились в оцепенении, а в следующую ипподром превратился в клокочущий вулкан. Люди обезумели, кричали, размахивали руками, истерически визжали. Вокруг клячи быстро собралась горланящая толпа. Слышались негодующие крики:

— Обман! Жульничество! Долой!

— Смотрите, под брюхом мотор...

— Величиной с сигарную коробку...

— И тонкие рычаги прикреплены к ногам.

— Кто собственник этой клячи?

— Убить! Растерзать его! Где он?

— Вот он, в панаме... изобретатель Вагнер...

— Хоть и физик, а жулик. Бей его!..

— Господа! — старался перекричать толпу человек в панаме. — Успокойтесь. Я не ставил на свою клячу. Я не собирался обыгрывать вас... И хотел только...

Крики негодования заглушили его голос. Над панамой поднялись кулаки, зонты, трости. Неизвестно, чем это кончилось бы, если бы Вагнер не поднял ярко сверкнувший на солнце шар величиной с бильярдный.

— Бомба! — взвизгнул он. Толпа в ужасе шарахнулась. Изобретатель исчез.

Таково было событие, описанное в журнале. Я заинтересовался Вагнером, разыскал его и, познакомившись, заговорил о случае на ипподроме. Молодой изобретатель безнадежно махнул рукой.

— Моя очередная глупость. Чепуха. Сколько раз я зарекался «не той улицей ходить» — не расшибать лбом стену. И вот очередная шишка... — И он потер лоб, на котором в самом деле была шишка. — Донкихотство.

— Могло быть хуже, — рассмеявшись, сказал я. — Вас спасла находчивость. Но о какой стене и о каком донкихотстве вы говорите?

— О стене косности, тупости, консерватизма нашего правительства и нашей общественности. Мы безнадежно отстали в технике от Европы и Америки. Мы еще с сохой не расстались. Основой нашей энергетики до сих пор являются натуральные лошадиные спины. От всего этого можно прийти в отчаянье. Не могу я с этим примириться, ну и до сих пор донкихотствую. Пользуюсь каждым удобным и неудобным случаем, чтобы убедить этих людей в том, что маленький мотор может быть сильнее большой лошади, что самодвижущийся экипаж перегонит любого рысака. — Глаза Вагнера насмешливо прищурились. — Эта кляча, которую вы видели, не живая, это автомат, механическая игрушка. Они даже не заметили этого. Увидели только моторчик и рычаги. Не правда ли, хорошо сделано? — весело спросил он, увидев на моем лице изумление, смешанное с восхищением. Вслед за этим он вздохнул. — Мне не удалось даже объяснить. Они помешаны на деньгах, на тотализаторе... Негодяи! Они запо-

дозрили даже, что я хотел просто обыграть их. Однако перевернем эту печальную страницу и поскорее забудем о ней, — сказал Вагнер уже с обычным своим добродушием. — Меня занимает сейчас одна увлекательная идея... одно изобретение... — И он снова потер шишку на лбу.

— Это вас на ипподроме так разукрасили? — спросил я.

— Да... нет, это я сам себя. Одна идея голову распирает, и вот шишки. На лбу и на затылке. Заходите почаще, гостем будете.

Я воспользовался этим приглашением, зачастил к Вагнеру и каждый раз заставал его с новой шишкой на голове и ссадинами на руках. «Идея», как болезнь, выходила наружу. Вагнер отделывался шутками и не открывал истинной причины этих ранений. Однажды он встретил меня с забинтованной головой и перевязанной правой рукой. Весело улыбаясь, он подал мне левую руку и сказал:

— Идея созрела. Да, мне кажется, пора снимать урожай.

— Не подождать ли, пока можно будет снять бинты? — участливо спросил я.

— Пустяки. Если вы мне поможете... Отлично. Я и не сомневался в вас. Так вот, приезжайте ко мне на дачу завтра же, и вы увидите... Да вы сами увидите, что увидите... — И Вагнер хитро прищурил правый глаз — левый был забинтован.

На другой день рано утром я сошел с поезда на заброшенном полустанке и зашагал по пустынной проселочной дороге. Кругом ни дач, ни леса. Довольно унылое, пустынное местечко. На горизонте серые крестьянские хаты — деревня Колодези — цель моего путешествия. В деревне действительно было немало колодцев с высокими журавлями. Примета: возле самого высокого журавля, в «чистой» половине крестьянской хаты, поселился Вагнер. Он встретил меня уже без бинтов, угостил крепким чаем со сливками и ржаными лепешками с маслом и сказал:

— Ну-с, если вы не устали, идемте.

Изобретатель взял со стола небольшой чемодан, в сенях захватил весло, две удочки и вышел на пыльную улицу.

— А удочки и весло зачем? — удивленно спросил я.

— Маскировка, — подмигнул мне Вагнер. — Чтобы за нами не увязались любопытные, увидав, что люди с чемоданами идут не к станции, а в поле. А так все решат, что мы отправляемся на рыбную ловлю.

У меня насчет этой маскировки было особое мнение: если что и могло возбудить любопытство туземцев, так это именно удочки. Мне было хорошо известно, что на три десятка километров вокруг не было ни реки, ни озера, где бы водилась рыба. К счастью, деревня словно вымерла — все были на полевых работах. Нам встретилась только одна древняя старушка, выползшая погреться на солнце. Увидев удочки, она долго провожала нас удивленными глазами, приоткрыв беззубый рот.

Мы вышли за околицу и бодро зашагали к так называемому старому полигону, отстоящему километра на четыре от деревушки. Здесь когда-то были военные лагеря. Огромное поле, поросшее сорняками, с одной стороны было огорожено покосившимся старым забором, с другой — замыкалось земляным валом. Возле забора и за ним возвышались огромные кучи сухого конского навоза. Вагнер остановился возле этих «авгиевых конюшен», бросил удочки и уселся на чемодан. Он всю дорогу хранил молчание. Я сгорал от любопытства, но не спрашивал, зная, что скоро Вагнер сам откроет мне свою тайну. И вот этот момент наступил... Начало было неожиданное.

— Как вам кажется, хорошо ли сделан человек? Мне кажется, плохо. Хуже блохи. Вы смеетесь? Напрасно. Блоха — ничтожное насекомое. Так. А прыгает она в десятки и сотни раз выше своего роста. Человек же — венец мироздания — прыгает в высоту на два метра и в длину на три-четыре метра, самое большее. Разве это не оскорбительно для человеческого достоинства?

— И вы решили исправить эту несправедливость природы? — спросил я Вагнера, начиная догадываться.

— Да, я смею думать, что мне удастся исправить эту недоделку. Человек научился переплывать океаны, подниматься в воздух, кататься на коньках, ходить на лыжах, влезать на гладкие телеграфные столбы. Почему бы ему не научиться прыгать по-блошиному, если не в сотни, то хотя бы в десятки раз выше и дальше своего роста? Каким образом? Пользу-

ясь мускульной силой рук и ног и небольшим приспособлением.

Вагнер открыл чемодан и вынул оттуда четыре пружины, несколько напоминающие матрацные. Пружины были прикреплены к дощечкам, на дощечках имелись ремни. Две пружины были большие — для рук — объяснил изобретатель, — и две поменьше — ножные. Вагнер быстро привязал ремнями дощечки с пружинами к ногам и попросил меня, чтобы я помог привязать пружины на руки.

— Все это пока примитивно. Испытание принципа. Главная трудность — рассчитать равновесие, — говорил он, пока я затягивал ему ремни. — Благодарю вас. Теперь вы поможете мне влезть на забор. Вот нам и весло пригодится.

Новорожденный человек-блоха влез на забор. Вернее сказать, я собственноручно приподнял и усадил его, так как со своими пружинами он был совершенно беспомощен.

— Ну-с, итак, начинаем. Внимание! Раз, два, три!.. — Вагнер прыгнул. Пружина на ноге зацепилась за выступающую доску забора, и изобретатель упал боком.

— Первый блин комом, — добродушно сказал он.

— Судя по вашим шишкам и царапинам, это далеко не первый блин, — заметил я.

— На этих пружинах — первый. Последняя модель. Помогите мне, пожалуйста, подняться и снова взобраться на забор.

Это становилось утомительным.

— Итак, начинаем.

— Продолжаем, — поправил я.

— Весь вопрос в том, чтобы удачно прыгнуть на четвереньки. Блохе прыгать легче, у нее шесть ног, — сказал Вагнер. — А ну, гоп!

Уже по тому, как он падал — головою вниз, я угадал, что прыжок снова будет неудачным. И действительно, первый удар — всею тяжестью тела — пришелся на руки. Вагнера подбросило вверх и назад. Описав дугу, он исчез за забором.

Я нашел незадачливого изобретателя на куче лошадиного навоза. Вагнер лежал на спине и копошился, как жук, который тщетно пытался перевернуться на ноги. К моему удивлению, лицо Вагнера сияло от удовольствия.

— Пружины-то, пружины каковы, а? Как подбросило! На этот раз будет толк.

И, когда Вагнер прыгнул в третий раз, был толк. Даже, пожалуй, больший, чем ожидал сам изобретатель. «Блохе» удалось опуститься на все четыре ноги и сделать прыжок. Вагнер, по-видимому, пустил в ход мускулы ног, так как второй прыжок был выше и дальше. Третий, четвертый еще лучше. И вдруг я услышал взволнованный крик:

— Держите меня! Я не могу остановиться!

Несчастный! Об этом он и не подумал. Я бросился за ним, но куда там! Вагнер, как гигантская блоха, огромными прыжками быстро удалялся от меня. Высокий земляной вал преграждал ему путь. Прыгун не мог повернуть в сторону. Еще несколько прыжков — и Вагнер ударился головой о земляной вал, перевернулся вверх ногами и упал.

— Я не пробил дыры в земляном валу? — медленно, с трудом ворочая языком, спросил меня Вагнер, когда пришел в себя. Он еще мог шутить.

* * *

Я не видел Вагнера несколько лет. Неожиданно он сам напомнил о себе, позвонив по телефону. Он приглашал меня к себе на дачу так просто, словно мы расстались с ним только вчера.

«Есть новости. Если позволите, я заеду за вами на автомобиле».

Не прошло и часа, как я уже ехал с Вагнером в его машине по великолепной автостраде Москва — Минск. Внешне Вагнер мало изменился, только борода его стала как будто длиннее и гуще. Он сам правил крытым автомобилем удлиненной, хорошо обтекаемой формы. Машина летела с такой скоростью, что я едва мог различить встречные мосты, красивые гостиницы, стоявшие у дороги в живописных уголках — на лесистых холмах или на берегу реки. После часа такой бешеной езды Вагнер уменьшил скорость, свернул с автострады на хорошую шоссейную дорогу, еще с полчаса летел со скоростью пятидесяти километров в час и, наконец, остановился возле уединенного коттеджа.

— Вот мы и дома.

Мы наскоро позавтракали в уютной столовой с широким венецианским окном. Вагнер неожиданно вынул откуда-то из-под стола массивный бокал и протянул мне:

— Держите!

Я принял бокал и был очень удивлен, не почувствовав его тяжести. Поставил на стол, но не успел разжать пальцы, как бокал взлетел к потолку и там остался. Должно быть, вид у меня был комический, потому что Вагнер рассмеялся и сказал:

— Ну и вид у вас! Хоть на экран. Однако из чего же вы будете пить яблочный сидр? Сами виноваты. Других стаканов у меня нет.

— Вы, может быть, мне все-таки объясните, профессор, этот фокус? — спросил я.

— Я не фокусник и не волшебник, — ответил он, как будто немного обидевшись.

— Бокал был, кажется, металлический. В потолке же, вероятно, был скрытый магнит. Угадал я или нет?

— Все в свое время объяснится. Погода отличная, идемте подышать чистым воздухом. Но прежде я хочу взвесить вас на весах. — Он взвесил меня, зачем-то предложил положить в карман гирьки весом в 1 килограмм 800 граммов и сказал: «Пунктум».

Мы вышли из дому и направились к большому полю, которое виднелось за березовой рощей. Мне показалось, что среди поля находится озеро: между белыми стволами берез я видел блестящую поверхность, и, только подойдя ближе, я убедился в своей ошибке: большая часть поля была покрыта словно блестящим войлоком, ровным и гладким. Издали этот «ковер» с матовым блеском светло-серого цвета был похож на поверхность воды.

Вагнер смело зашагал по «озеру», я совсем несмело — за ним. Посредине «ковра» площадью несколько сот квадратных метров я увидел небольшой крест, как мне показалось. Когда мы подошли к нему ближе, оказалось, что одна «крестовина» представляла собой щель в ковре, а другая — повернутый поперек щели болт, сидящий на стержне. От этого центрального креста расходились во все стороны скобы, несколько напоминающие дверные ручки.

Вагнер повернул болт так, что он стал против отверстия. В то же мгновение я почувствовал, что мы поднимаемся, как на ковре-самолете.

— Держитесь за скобы! — крикнул мне Вагнер. Я ухватился за ручку, и вовремя, так как наш «самолет» сильно качнуло. К счастью, порывов ветра больше не повторялось, и мы так плавно поднимались, что я не мог отделаться от впечатления, будто не мы идем вверх, а земля, поле, березовая роща, дача Вагнера медленно опускаются.

— Наш ковер-самолет поднимался бы быстрее, если бы не сопротивление воздуха, — сказал Вагнер. Он сидел против меня, держась за скобу, похожую на дверную ручку. Нас разделяла щель, сквозь которую, когда ковер-самолет находился на земле, пропускался болт, удерживающий самолет от подъема, как якорь.

— Да, наш летательный аппарат не слишком-то обтекаемой формы; по крайней мере, при полетах по вертикали, — отозвался я, с трудом заставляя себя говорить: до такой степени ошеломило меня это необычайное приключение.

— Теперь вы не скажете, что над нами магнит, который притягивает нас? — спросил Вагнер, хитро прищурив голубые глаза.

— Увы, это выше моего понимания, — ответил я. Вагнер громко захохотал.

— Трудная задача, — наконец сказал он. — Вы можете вообразить, что я изобрел какой-нибудь кеворит-экран, защищающий тела от земного тяготения. Но кеворит — чистейшая и неосуществимая фантазия. Вы могли бы вообразить, что я зарядил наш ковер-самолет электричеством, одноименным с земным зарядом, и ковер-самолет отскочил от земли, как бузинный шарик...

— Я ничего не воображаю, — возразил я. — Сейчас меня интересует, как высоко мы поднимемся. Ведь мы одеты полетнему, и у нас нет кислородных приборов.

— Можете быть совершенно спокойны, — ответил Вагнер. — Подъемная сила нашего ковра-самолета очень невелика. Его потолок имеет всего две-три сотни метров. Видите, наш подъем уже замедляется. А когда наступит вечер, температура понизится, влажность воздуха увеличится, и наш ко-

вер-самолет пойдет на снижение. Мой расчет совершенно точен. Пунктум. Недаром я выверил ваш вес. Ну вот. А пока... у нас есть еще много времени, и я могу объяснить вам секрет нашего ковра-самолета... Смотрите, сколько мальчишек сбежалось посмотреть на нас. И откуда только они берутся?.. Кричат, машут шапками...

Нас медленно относило за рощу. Скоро река и толпа ребят на берегу скрылись из виду.

— Так вот, — продолжал Вагнер, — все эти чудеса родились из научных работ над физикой тонких пленок, малоизвестных широкой публике. Советую вам познакомиться с этим предметом. Коротко говоря, наш ковер-самолет сделан из так называемой твердой цепи. Это тело, состоящее из множества ячеек-пузырьков. Сплав магния и бериллия. Размер ячеек меньше одного миллиметра, а толщина стенок — одна десятитысячная миллиметра. Пустоты ячеек заполнены водородом. При толщине стенок — тонких пленок — в одну тысячную миллиметра уже получается невесомый материал, а при толщине в одну десятитысячную, как у нас, металл становится летающим. При известной величине ковра-самолета из такого металла он, как видите, может поднять не только самого себя, но и добавочный груз. Простите, но я сниму ботинки — привык ходить на даче босиком, — прервал он свои объяснения, снял ботинки и поставил возле себя. — Итак, — сказал он...

Но в этот момент неизвестно откуда налетел порыв ветра, наш ковер-самолет качнуло, ботинки полетели на землю, облегченный самолет рванулся вверх. Вагнер вскрикнул, и этот крик больше походил на стон. Я понял: увы, теперь нам не помогут ни ночная сырость, ни понижение температуры. Мы не могли выпустить газ, чтобы снизиться, как аэронавты. Газ нашего ковра-самолета был глубоко запрятан внутри искусственной «пенистой» структуры. Мы не могли управлять движением самолета ни по вертикали, ни по горизонтали. Мы были беспомощны. У нас не было радиостанции. Мы не имели запасов пищи и воды. Этот Вагнер — неплохой изобретатель, но очень непрактичный человек. Я был зол на него, тем более что мне уже хотелось есть и мучила жажда.

— Не напоминает ли вам наше положение старую историю о человеке, который вздумал прыгать по-блошиному? — Вагнер сердито засопел, но промолчал. — Нечего сказать, в хорошенькое положение мы попали, — продолжал я пилить его. — Ночью может наступить буря, наш ковер-самолет перевернет, и мы разобьемся. Или же мы съедим друг друга от голода, как потерпевшие кораблекрушение. Или погибнем от жажды, и наши тела будут расклеваны птицами...

Вагнер громко расхохотался.

— Я не знал, что вы такой веселый человек и умеете шутить в самых затруднительных обстоятельствах! — искренне сказал он, и мне стало стыдно. — Но положение наше не столь уж трагическое, как вам кажется. К счастью, мой ковер-самолет сварен из твердой пены, которая довольно-таки хрупка. Мы можем отламывать куски от нашего ковра, он уменьшится в размерах и опустится, как опускается плот под непосильной тяжестью. Скорее за работу!

Вагнер стал отламывать куски пористой пены, начиная с краев щели в центре ковра. Я последовал его примеру. Мы бросали обломанные куски в сторону и вниз, но они неизменно всплывали наверх и пропадали где-то в синеве неба.

— Сплав недешевый, жаль терять эти куски, но мои знакомые летчики поймают их в сети. Все эти куски будут летать на одной высоте, не выше десятка километров. Видите, мы уже снижаемся. Еще несколько кусков... Подождите бросать, под нами, кажется, озеро. Так и есть. Придется сбросить балласт. Снимайте ботинки!

Мы благополучно приземлились в зарослях орешника и привязали подтяжками и поясами изуродованный ковер-самолет, чтобы он не улетел. Домой возвращались босиком, голодные и возбужденные...

ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА

— Прямо от станции идет через весь поселок большая улица — Советская. По ней вы и идите. Дачи окончатся, начнется полевая дорога, идите по ней мимо спортивной площадки вниз, к речке. У самой речки и будет деревня Стряб-

цы. Идите по улице налево до конца деревни. Второй дом слева — обратите внимание на огромные дубовые ворота — это и будет моя дача. Хозяйка, Анна Тарасовна Гуликова, летом живет на мельнице. А до мельницы рукой подать. На всякий случай вы сходите к хозяйке на поклон — она женщина строгая. Скажите, что вы приехали ко мне в гости, будете ночевать и что я приеду попозже.

Такими напутствиями снабдил меня Иван Степанович Вагнер, приглашая к себе на подмосковную дачу. В этом году профессор Вагнер жил в Москве, так как трест точной механики по его заказу заканчивал сооружение какого-то сложного аппарата и присутствие Вагнера было необходимо. Почти все свободное время Вагнер проводил в мастерских тре́ста, редко выезжая на дачу. Но в этот день — субботу — работы в мастерских окончились рано, и Вагнер обещал мне приехать и провести со мною воскресенье.

Я без труда нашел дачу Вагнера и пошел познакомиться с Тарасовной. Несмотря на вечер, было очень жарко. Лето и осень в том году были исключительно знойные. Маленькая речушка Илевка, на которой стояла мельница Тарасовны, совсем пересохла. Еще не доходя до мельницы, я услышал женский голос силы и высоты необычайной. Голос этот, принадлежавший вдове Гуликовой, запомнился мне на всю жизнь — он прямо контузил барабанные перепонки. Притом Тарасовна обладала способностью выпускать в минуту столько слов, что даже премированная стенографистка не в состоянии была бы записать и половины. На этот раз Тарасовна обрушила все свое пулеметное красноречие на голову крестьянина, привезшего рожь для помола. Крестьянин почесывал лохматую бороденку, а Тарасовна, упершись кулаками в широкие бедра, кричала:

— Не видишь, что ли? Курица вброд речку переходит, а он — молоть! Тут лягушки передохли от суши, а ты — молоть! Самовар поставить воды не наберешь, а он — молоть! Вчера Жучка последнюю воду вылакала, а ты — молоть!..

«А он — молоть», «а ты — молоть», — звучало как припев. Крестьянин слушал долго и внимательно, потом крякнул и начал собираться в обратный путь.

Тарасовна обратила внимание на меня. Узнав, что я гость ее дачника, она снизила голос на несколько тонов, отчего пронзительность его не уменьшилась, и с деланой приветливостью пригласила меня «быть как дома».

— Неужели в самом деле даже на самовар не хватит? — спросил я, с опаской поглядывая на речку и чувствуя, что в горле у меня пересохло.

— Хватит, хватит, не беспокойтесь. У нас колодец есть. Васька! Поставь самовар гостю.

Я обернулся и увидел лежащего на траве парня лет восемнадцати; это был сын Тарасовны и ее помощник — подсыпка на мельнице. Васька лениво встал, стегнул прутом траву и побрел к дому, а Тарасовна еще долго терзала мне уши пронзительным голосом, жалуясь на бездождье, на пересохшую Илевку, на бога, на весь свет. Мельница ее стояла, а ведь мельница кормит ее с детьми, кормит весь год.

— И что за народ несознательный! Сами видят: комару напиться не хватит, а они — молоть. Как будто я сама от хлеба отказываюсь!..

— Самовар закипел! — крикнул Василий со двора.

— Милости просим.

Я еще не успел отпить чай в садике среди захудалых яблонь, как услышал знакомый голос Вагнера:

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок...

— Скучаете? — Вагнер уселся за столик рядом со мной. Он рассказал мне, что делается в городе, я ему — о своих впечатлениях.

— Да, надо помочь Тарасовне. Пойдемте после чая к ней на мельницу, — предложил профессор.

И мы отправились. Вагнер был в самом жизнерадостном настроении.

— Можно посмотреть устройство вашей мельницы? — спросил он.

Тарасовна милостиво разрешила, и мы с профессором вошли в полумрак мельницы. Вагнер осмотрел ее немудреную механику.

— За полторы тысячи лет до нашей эры строились мельницы, мало чем отличавшиеся от этой, — сказал Вагнер. — Сколько она у вас в день намалывала?

— Сколько привезут, столько и намалывала, — отвечала Тарасовна. — Полсотни центнеров, а то и больше, когда воды много.

— Так, так. — Вагнер задумчиво кивал головой. — Полсотни центнеров не обещаю, но десяток можно будет смолоть. Для начала. А потом посмотрим.

— Сотню! Если бы хоть сотню! — вздохнула Тарасовна. Вагнер постоял еще несколько минут над жерновами, попробовал вал, подумал и сказал:

— Вот что, Анна Тарасовна. Я вам поставлю маленький двигатель. Надо будет только переставить жернова — эти будут велики для моего двигателя. Я прилажу ваши старые, из них можно будет сделать маленькие. Василий поможет мне. Но только уговор дороже денег. Двигатель мой будет находиться в ящике. Не открывайте этот ящик и не смотрите, что в нем находится, иначе вы испортите двигатель, и тогда уж я ничем не помогу вам. Идет?

— Да что вы! Да конечно! Да разве я?.. Будьте милостивы!

Вагнер принялся за работу. Василий и я помогали ему. Я решил, что, по всей вероятности, Вагнер хочет поставить небольшой керосиновый или нефтяной двигатель. Но почему такая таинственность?

Мы проработали почти до полуночи. Когда мы с Василием свалились от усталости и крепко заснули, Вагнер продолжал работать: ведь он не нуждался в отдыхе.

Проснувшись утром, я отправился на мельницу. Вагнер был там. Он установил над жерновами довольно объемистый ящик и теперь был занят тем, что выводил через потолок железную трубу.

— Помогите мне, — сказал он.

— Дымовая труба? — спросил я.

Вагнер промычал в ответ что-то неопределенное, но глаза так насмешливо и весело поглядывали на меня, что я решил: Вагнер затевает что-то любопытное. Это не похоже на газолиновый двигатель.

— Что находится в этом ящике? — спросил я.

— Двигатель.

— Какой?

— Увечный.

— Вечный? — переспросил я, думая, что ослышался. Но Вагнер ничего не ответил. Он сильно застучал топором, прорубая дыру в потолке. Через эту дыру он вывел трубу. Затем Вагнер попросил нас удалиться и, оставшись один, занялся последними приготовлениями. Через несколько минут я услышал, как медленно заворочались жернова. Я посмотрел на трубу, поднимающуюся метров на пять над крышей, но не заметил над ней ни малейшего признака дыма или пара.

Вагнер открыл двери мельницы и пригласил нас войти.

— Мельница работает, — сказал он, обращаясь к Тарасовне. — Видите эту ручку на ящике? Когда захотите остановить мельницу, поверните ручку.

— Зачем останавливать? Зерна хоть отбавляй, день и ночь молоть буду.

— Ну и мелите на здоровье. Только помните уговор: ящика не открывать.

Тарасовна начала благодарить Вагнера.

— Пока еще не за что. Когда соберете муку за помол, тогда поблагодарите. Идем, — обратился он ко мне. Мы вышли на улицу. — Сейчас я еду в Москву, — сказал Вагнер. — Приеду обратно к обеду на очень интересной машине.

— Автомобиль?

— Д-д-да, — протянул Вагнер. — Автофуга. Самобежка, так сказать. Да вот увидите.

Махнув мне на прощанье рукой, Вагнер отправился на станцию, бодрый, свежий, несмотря на то что проработал всю ночь. Я пошел в сад, разыскал местечко в тени сарая и углубился в чтение. Однако в этот день мне не суждено было насладиться отдыхом.

Душераздирающий женский крик раздался со стороны мельницы. Словно два накаленных добела штопора просверливали мне барабанные перепонки, а заодно и мозг. Неистовый вопль, разорвавший тишину сонных Стрябцов, мог быть произведен только голосовыми связками почтенной вдовы Гуликовой. Вероятно, епископ Гаттон, заживо съеденный крысами, не кричал так перед смертью, как вопила

Тарасовна. Но что могло ее так напугать? На мельнице было немало крыс и мышей, но Тарасовна привыкла к ним. Не успел я подняться с земли, как крик неожиданно прекратился на захлебывающейся ноте, как будто Тарасовне кто-то сжал горло. Я побежал к мельнице.

После яркого солнца в полумраке мельницы в первый момент я ничего не мог разобрать. Все было тихо. Жернова продолжали свою работу. Я сделал несколько шагов и зацепился ногой за что-то мягкое. Глаза мои уже несколько привыкли к полумраку. Наклонившись, я увидел лежащее ничком на полу грузное тело вдовы Гуликовой. Одна рука ее была отброшена в сторону, пальцы судорожно сжаты в кулак, другая рука была прижата телом... Убийство?.. Внезапная смерть?.. Я повернул тело Тарасовны, взял руку и нащупал пульс. Он был еле ощутим. Тарасовна, видимо, находилась в глубоком обмороке.

Я взял ковш и побежал к речке, чтобы набрать воды и побрызгать на Тарасовну. Мне казалось, что я вернулся очень быстро. Но за это время Тарасовна уже пришла в себя. Не успел я подойти к широким дверям мельницы, как оттуда выбежала с тем же неистовым криком Тарасовна. Как взбесившаяся корова, она налетела на меня, сбила с ног, причем вода из ковша, предназначенная для приведения ее в чувство, окатила меня самого. Бок мой был порядочно ушиблен тяжелой стопой пробежавшей по моему повергнутому телу Тарасовны, затылок сильно болел. Я пролежал на земле, вероятно, с минуту, пока, наконец, получил возможность соображать. В конце деревни, около сельсовета, слышался крик Тарасовны, прерываемый отрывистыми восклицаниями. Я с трудом поднял голову и уселся на пыльной дороге. По случаю праздника крестьяне были дома, и члены сельсовета, сидя на завалинке у избы председателя, мирно обсуждали общественные дела, когда крик Тарасовны взорвался перед ними, как бомба. Председатель поковырял в ушах, словно извлекая оттуда застрявшие визги Тарасовны, и что-то сказал ей. Она вновь начала громко тараторить. Потом все поднялись. Председатель окликнул милиционера, и все двинулись к мельнице. Я заметил, что Тарасовна, женщина отнюдь не робкого десятка, шла в самой гуще толпы, видимо,

боясь выступить вперед. Я поднялся, отряхнулся и приветствовал представителей власти.

— Ну, показывай, где это? — спросил председатель, замедляя шаг.

— Да вот ящик над жерновом, видишь? — сказала Тарасовна, не входя в мельницу.

Председатель, видимо, боялся, но «положение обязывает». Он осторожно подошел к ящику.

— Вот оно штука-то какая. Как же этот ящик открывается? Ну-ка, может, ты лучше понимаешь? — обратился он к милиционеру.

Милиционер, молодой парень в веснушках, подошел к ящику и храбро поднял крышку. В тот же момент Тарасовна крикнула и выбежала на улицу. Вслед за нею бросилась бежать и набившаяся в мельницу толпа любопытных. Только представители власти остались на мельнице. Но и они невольно отшатнулись, заглянув в ящик. Я подошел ближе и, когда увидал, что находится в ящике, был поражен не меньше остальных.

В ящике был заключен конец горизонтально вращающегося вала. К валу прикреплено колесо с ручкой. Человеческая рука — живая рука! — крепко держала эту ручку, и, видимо, она же вращала колесо, а вместе с ним и вал, приводящий в движение через шестерни жернова. В локтевом суставе рука была прикреплена к металлическому цилиндру. Этот цилиндр был соединен с трубой, выходящей наружу. Кроме того, в цилиндр были вставлены две стеклянные трубочки и, по-видимому, электрические провода, выходящие из ящика поменьше. На этом же небольшом ящике были установлены гальванометр и манометр.

Да, неспроста Тарасовна так кричала. Странное и жуткое впечатление производила эта работающая живая человеческая рука. Тарасовну, как и ее легендарную прародительницу Еву, погубило любопытство. Вагнер оказался таким же плохим знатоком женской психологии, как и библейский бог. Не скажи Вагнер Тарасовне, что в ящик смотреть нельзя, она не поинтересовалась бы механизмом, приводящим в движение жернова, вполне удовлетворенная тем, что они вертятся. Но Вагнер запретил ей смотреть и этим возбудил

непреоборимое любопытство. И теперь она узнала страшную истину: ее жернова вертятся рукою мертвеца!

Представители власти были ошеломлены. Они не знали, как реагировать на такой не предусмотренный законом случай.

— Гражданин! Вылазьте из ящика! — крикнул милиционер, предполагая, что если рука двигается, то она принадлежит живому человеку, который, очевидно, спрятан в ящике. Но рука продолжала вертеть колесо, и никакой гражданин не появлялся.

— Негде тут человеку спрятаться, — сказал председатель. — Видишь, плечо в банку вдвинуто, а выше один маленький ящичек.

— Нарушение кодекса о труде, — глубокомысленно сказал зять председателя, весовщик железнодорожной станции. — Без биржи труда нанята и, наверное, незастрахованная. Нарушение дней отдыха и рабочего времени. Можно обжаловать постановление.

— Чья рука? — спросил милиционер, оживившись.

— Дачник мой Вагнер пристроил мне. Его рука! — ответила Тарасовна. — «Я, — говорит, — мельницу тебе в ход пущу, только не смотри в ящик». Разве ж я знала? Тьфу! Чтоб покойницкими руками хлеб зарабатывать? Не хочу я работать на чертовой мельнице!

— А чем плохо? — спросил старик с хитрыми прищуренными глазами. — Кормить не надо, платить не надо, а работает круглые сутки. Это бы и к косе такую штуку приладить или, скажем, молотить. Ты лежи на печи да ешь калачи, а она...

— А ты молчи! — сердито сказал милиционер. — Не сбивай. Я спрашиваю, рука чья? Может быть, тут смертоубийство произошло. Может, человеку руку отрезали, и он теперь без руки ходит и ищет, где рука.

— Батюшки-светы! — заголосила Тарасовна. — Ну, как сюда придет да крикнет: «Отдай мою руку!»

— Вот то-то и оно. Это, граждане, не шутка, а преступление по статье Уголовного кодекса. Где твой дачник Вагнер?

— В Москве. Сегодня должен быть.

— Вот мы его арестуем и допрос с него снимем. Откуда он человечью руку достал и на каком кодексе ее эксплуатирует? Помол прекратить! Незаконно.

— Ах, батюшки! — опять вскрикнула Тарасовна. Теперь она горько раскаивалась в своем любопытстве, а еще больше в том, что сгоряча разболтала о напугавшей ее руке. — Разве ее остановишь? Ведь на нее кричи не кричи — не услышит, ушей нету. Крутит и крутит.

— Ну и пусть крутит, а зерна не засыпай.

Громко разговаривая, все ушли с мельницы. Я остался посмотреть, что будет делать Тарасовна. Она не осмелилась ослушаться приказания начальства и больше не засыпала зерна в воронку. Но она пожалела руку, которая теперь напрасно вертела жернова, а может быть, жалко стало жерновов, и Тарасовна остановила работу руки, повернув рычажок на ящике.

— Натворили вы дел! — сказал я Тарасовне, сердясь на нее за то, что ее любопытство и болтливость наделают теперь хлопот Вагнеру. Я ни на минуту не сомневался в том, что Вагнер не совершал никакого преступления.

— Это вы натворили! — ответила она с раздражением. — Всю мельницу опоганили! Вот и люди говорят: чертова мельница.

Председатель сельсовета и милиционер вернулись с печатью и сургучом. Милиционер вспомнил, что не принято мер к охране следов преступления.

— Перестала молоть? — спросил милиционер.

— Пошабашила, — ответила Тарасовна.

Председатель наложил печать на дверцы ящика, в котором находилась рука, причем Тарасовна ужасно боялась, чтобы председатель не спалил мельницу. Но все обошлось благополучно. Вторая печать была наложена на дверь мельницы.

Я пошел по дороге навстречу Вагнеру, намереваясь предупредить его о событиях дня. Однако мой маневр не удался. Милиционер окликнул меня и предложил вернуться. Мне ничего больше не оставалось, как пойти в сад и продолжать прерванное чтение.

Деревня волновалась и гудела, как встревоженный улей. Все с нетерпением ожидали приезда Вагнера, а он заставил

себя ожидать довольно долго. Уже начало смеркаться, когда мальчишки, сторожившие на дороге, закричали:

— Едет! Едет!

Все поспешили на дорогу. К нам действительно подъезжал Вагнер. Но на каком экипаже! Представьте себе длинный канцелярский стол, покрытый сукном, спускающимся до самой земли. Наверху по краям «стол» огорожен дощатой или железной стенкой сантиметров пятьдесят высоты. Это, очевидно, и была та «самобежка», о которой говорил мне Вагнер.

Из-за горы поднималась сизая туча. Ветер крутил на дороге маленькие смерчи пыли. Приближался дождь, давно жданный Тарасовной.

— Садитесь! — крикнул Вагнер, увидев меня. Он остановил свою необычайную тележку, я прыгнул и уселся рядом с ним. В это время толпа, предводительствуемая председателем сельсовета, уже подошла к самобежке.

— Гражданин, слазьте, вы арестованы! — сказал председатель.

Неожиданно порыв ветра поднял край сукна, которым была завешена самобежка. Крик ужаса прокатился по толпе, и она отшатнулась, словно не слабый ветер, а сильнейший ураган вдруг ударил по ней. Пронзительный визг Тарасовны покрыл все голоса. Несколько минут продолжалось это смятение, причины которого я не понимал.

Вагнер спокойно посмотрел на толпу, взялся за руль управления, и... толпа снова вскрикнула еще громче прежнего. Самобежка поднялась на дыбы, как лошадь, которую опытный наездник заставляет повернуться всем своим корпусом на задних ногах. Затем Вагнер направил свой экипаж в гору, не обращая внимания на крики толпы, председателя и милиционера. Милиционер бросился вдогонку, но Вагнер перевел рычаг скорости, и самобежка с необычайной легкостью начала брать подъем.

Милиционер остался позади, но он не хотел мириться со своим поражением. Он бежал вслед за нами. До станции было недалеко. Мы ехали еще не на полной скорости. Через несколько минут после того, как мы миновали станцию и выехали на шоссе, ведущее к Москве, мы услышали за со-

бою треск мотоцикла. Очевидно, милиционер, раздобывший откуда-то машину, решил продолжать погоню. Вагнер улыбнулся.

— Вот я сейчас покажу вам все качества моей самобежки.

Он продолжал ехать с тою же скоростью, не обращая внимания на приближающегося преследователя. И когда милиционер уже почти нагнал нас, Вагнер повернул... нет, не повернул, а сделал такой вираж, который совершенно невозможен для обыкновенного автомобиля. Он внезапно остановил самобежку и затем как-то подвинул ее всем корпусом вправо к краю дороги, словно самобежка могла бежать не только вперед, но и вбок. Это было сделано так неожиданно, что милиционер не успел сдержать мотоцикла и проскочил вперед.

Но Вагнер не удовлетворился этим эффектом. Он вновь пустил самобежку вперед и скоро оказался впереди милиционера, как бы подзадоривая его. В это время пошел дождь. На шоссе образовались большие лужи, стекавшие в довольно глубокие канавы по обе стороны шоссе. Вагнер подпустил своего преследователя еще ближе и вдруг, круто повернув, направил самобежку поперек шоссе, в канаву. Я невольно ухватился за борт. Но мои опасения были напрасны. Самобежка, как маленький танк, благополучно переползла через канаву и побежала по изрытому, кочковатому полю. Милиционер со своим мотоциклом, конечно, не мог последовать за нами. Он сломал бы свою машину в первой же канаве.

— Вот видите! — сказал Вагнер, видимо, сам восхищенный своим изобретением.

— Великолепно! — воскликнул я. — Но как устроена эта самобежка и что испугало толпу, когда она увидала ваш экипаж?

— Погоня отстала, мы можем побеседовать, — сказал Вагнер. — Наклонитесь и приподнимите сукно.

Я приподнял сукно и вскрикнул от удивления. Сукно прикрывало... три пары голых человеческих ног!

— Позабавились, и довольно, — сказал Вагнер, смеясь. — Надо уважить и товарища милиционера, он честно выполнял свой долг. Едем обратно и сдадимся в руки пред-

ставителя власти. Мы вернемся на дачу и объясним все происшествие. У меня имеются документы о том, что все руки и ноги взяты мною для научных опытов из анатомического театра; ясно, что никакого убийства я не совершал.

— Но каким же образом эти ноги и рука, вращающая жернова...

— А вот подождите, — перебил меня профессор, — сейчас проделаем церемонию сдачи в плен, а потом я расскажу вам.

И когда эта церемония была проделана, Вагнер, продолжая ехать на своей самобежке под конвоем милиционера, сопровождавшего нас на мотоцикле, начал свои пояснения:

— Буду краток. Говорят, жизнь есть горение. Однако последние наблюдения над жизненными процессами показали, что это совсем не так. Жизнь не есть горение, но без горения жизнь не может долго длиться. В мышцах нашли особое вещество гликоген, который с химической точки зрения представляет собой почти то же, что и сахар. Так вот, при работе мышцы в ней из этого сахара образуются молочная кислота и теплота, то есть свободная энергия. Высчитано, что при переходе сахара в один грамм молочной кислоты освобождается сто семьдесят калорий. Таким образом, работа мышцы, или, если хотите, ее жизнь, происходит без окисления или сгорания. Но когда в работающей мышце выделилось тепло (энергия) и появился гликоген, то без кислорода эта молочная кислота исчезнуть не может, и мышца не в силах дальше работать. Но перенесите вы такую утомленную мышцу в атмосферу кислорода, и молочная кислота тотчас исчезнет, кислород будет поглощен, причем выделяются углекислота и тепло, как при всяком горении.

Куда же девается молочная кислота? Она вновь превращается в сахар. Только пятая часть ее исчезает бесследно. Таким образом, можно сказать, что мышца — машина, работающая за счет химической энергии, которая возникает при переходе тел с более сложным строением в тела более простые за счет падения потенциала химической энергии. Значит, для того чтобы энергия мышцы восстановилась, необходимо лишь снабжать ее кислородом. В атмосфере чистого

кислорода при известных условиях опыта мышца делается неутомимой.

Вот на этом я и строил свое изобретение с отрезанными у трупов руками и ногами. Зачем им пропадать, если они могут нести полезную работу? Вы знаете, что органы человеческого тела могут жить, отделенные от тела, неопределенно долгое время, если только их питать надлежащим образом. Они могут функционировать, то есть выполнять свою обычную работу. Человеческие мышцы — это великолепно построенные машины. Почему бы их не заставить работать после смерти владельца, возбуждая сокращение электрическим током?

Вам известно, что мои мышцы также не знают устали. Но я шел в борьбе с усталостью своих мышц несколько иным путем. Я изобрел антитоксины усталости. С рукой на мельнице и ногами под этим экипажем я поступил иначе. Прежде всего я обеспечил их питанием. Особый физиологический раствор, весьма близкий к составу крови (заметьте: усиленно насыщаемый кислородом), питает мышцы руки на мельнице и этих ног. Обильное снабжение кислородом делает мышцы неутомимыми. Электрический ток вызывает их сокращение.

— А зачем вы устроили на мельнице трубу?

— Я опасался, что мучная пыль может попасть в сосуд с питательной жидкостью и сгустит ее, сделав негодной для «кормления» руки. По трубе получается кислород прямо из воздуха. Это мое изобретение, значительно удешевляющее эксплуатацию мышечной силы человека. Вы только подумайте, какие перспективы открывает мое изобретение! Со временем все люди, как и я сейчас, не будут знать мышечного утомления. Производительность человеческого труда возрастет необычайно. Но этого мало: мы заставим работать и мертвых. Подумать только: миллионы лет потребовалось природе для того, чтобы создать такой совершенный механизм, как человеческое тело, и вот смерть навсегда уничтожает эту великолепную машину! Разве не нелепо? Если мы не в состоянии победить смерть совершенно, то продлим, по крайней мере, работу мышц. Представьте себе фабрику, ма-

шины которой приводятся в движение отрезанными от тела человеческими руками.

— Жуткая картина!

— Ничего. Польза скоро заставила бы людей смотреть другими глазами на эту картину. Вот я поставил руку на мельницу. Тарасовна испугалась. Но выгода для нее ясна. И в конце концов она, вероятно, не отказалась бы от того, чтобы ее покойный муж продолжал оказывать ей помощь своими руками... Приехали.

Дождь прошел. При нашем въезде в деревню изо всех изб начали выбегать люди, окружившие нас. «Суд» окончился быстро. Вагнер предъявил бумажки из Москвы, и они оказались убедительными. Тарасовна просила его убрать поскорее с мельницы мертвую руку. Она боялась, что эта рука когда-нибудь ночью задушит ее. Впрочем, в руке не было и надобности. Сильный дождь поднял воду речонки, и она готова была заменить руку мертвеца. И эту руку, несмотря на протест Вагнера, отнесли на кладбище и закопали. (Сообщено П. Е. Якименко.)

По поводу этого рассказа Вагнер написал:

«Научное объяснение факта дано довольно правильно. Мышца животного или человека, даже вырезанная из тела, действительно обладает некоторым запасом потенциальной химической энергии благодаря тому, что в ней имеются материалы, способные к распаду. Если такую мышцу раздражать электрическим током, она может выполнять известную работу. После работы в мышце появляется молочная кислота. Но при кислородном питании молочная кислота исчезает, и мышца вновь делается способной к работе. Таким образом, в атмосфере чистого кислорода мышца может сделаться неутомимой. Такой опыт с неутомимой мышцей я действительно производил на даче. При помощи электричества я заставил двигаться руку человека, которая даже производила некоторую работу. Опыт продолжался всего несколько минут и являлся повторением опытов, уже проделанных в некоторых научных лабораториях. Но практического значения такая «посмертно работающая мышца» иметь не может. Игра не будет стоить свеч — кислород дорого стоит. О непосредственном добывании его из воздуха наподобие того, как это делают легкие, я только думаю. Быть может, воспользуюсь механизмом легких и сердца-мотора. Вы теперь сами поймете, что в рассказе от науки и что от фантазии.

Вагнер».

НАД БЕЗДНОЙ

I. ТАИНСТВЕННАЯ ДАЧА

Во время своих прогулок в окрестностях Симеиза я обратил внимание на одинокую дачу, стоявшую на крутом склоне горы. К этой даче не было проведено даже дороги. Кругом она была обнесена высоким забором, с единственной низкой калиткой, которая всегда была плотно прикрыта. И ни куста зелени, ни дерева не виднелось над забором. Кругом дачи — голые уступы желтоватых скал; меж ними кое-где росли чахлые можжевельники и низкорослые, кривые горные сосны.

«Что за фантазия пришла кому-то в голову поселиться на этом диком, голом утесе? Да и живет ли там кто-нибудь?» — думал я, бродя вокруг дачи.

Я еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь выходил оттуда. Любопытство мое было так велико, что я, признаюсь, пытался заглянуть на двор таинственного жилища, взобравшись на выше лежащие скалы. Но дача была так расположена, что, откуда бы я ни заходил, я мог видеть только небольшой угол двора. Он был так же пуст и невозделан, как и окружающая местность.

Однако после нескольких дней наблюдений мне удалось заметить, что по двору прошла какая-то пожилая женщина в черном.

Это еще больше заинтересовало меня.

— Если там живут люди, то должны же они поддерживать хоть какую-нибудь связь с внешним миром, ну, хотя бы ходить на базар за продуктами!

Я стал наводить справки среди своих знакомых, и наконец мне удалось удовлетворить мое любопытство. Правда, никто не знал достоверно об обитателях дачи, но один зна-

комый сообщил мне, что, по слухам, там живет профессор Вагнер.

Профессор Вагнер!

Этого было достаточно, чтобы совершенно приковать мое внимание к даче. Мне во что бы то ни стало захотелось увидеть необычайного человека, наделавшего столько шума своими изобретениями. Но как?.. Я буквально стал шпионить за дачей. Я чувствовал, что это было нехорошо, и все-таки продолжал свои наблюдения, целыми часами в разное время дня и даже ночи просиживая за можжевеловым кустом, недалеко от дачи.

Говорят, если человек неотступно преследует одну цель, то рано или поздно он достигнет ее.

Как-то рано утром, когда только что рассвело, я вдруг услышал, что заветная дверь в высоком заборе скрипнула. Я весь насторожился, сжался и затаив дыхание стал следить, что будет дальше.

Дверь открылась. Высокий человек с румяным лицом, русой бородой и нависшими усами вышел и внимательно осмотрелся вокруг. Конечно, это он, профессор Вагнер!

Убедившись, что вокруг никого нет, он стал медленно подниматься вверх, дошел до небольшой горной площадки и начал заниматься там какими-то совершенно непонятными для меня упражнениями. На площадке были разбросаны камни различной величины. Вагнер подходил к ним и делал попытки поднять их, затем, осторожно ступая, переходил на новое место и опять брался за камни. Но все они были так велики и тяжелы, что даже профессиональный атлет едва ли смог бы сдвинуть их с места.

«Что за странная забава!» — подумал я. И вдруг я был так поражен, что не мог сдержать невольное восклицание. Произошло что-то невероятное: профессор Вагнер подошел к огромному обломку скалы, величиною более человеческого роста, взял за выступавший острый край и поднял обломок с такой легкостью, как если бы это был кусок картона. Вытянув руку, он начал описывать дуги этим обломком скалы.

Я не знал, что подумать. Или Вагнер обладал сверхъестественной силой... но тогда — почему он не мог поднять небольшие сравнительно камни, или... Я не успел додумать свою мысль, как новый фокус Вагнера еще больше поразил меня.

Вагнер бросил глыбу вверх, как маленький камешек, и она полетела, поднявшись на высоту двух десятков метров. С волнением ожидал я, как грохнет эта глыба на землю. Но обломок падал обратно довольно медленно. Я насчитал десять секунд, прежде чем глыба опустилась вниз. И, когда она была над землей на высоте человеческого роста, Вагнер подставил руку, поймал и удержал глыбу, причем рука его даже не дрогнула.

— Хо-хо-хо! — весело баском рассмеялся Вагнер и далеко отшвырнул от себя глыбу. Она, пролетев некоторое время параллельно земле, вдруг круто изменила линию полета на отвесную, быстро упала и со страшным грохотом разлетелась в куски. — Хо-хо-хо! — опять рассмеялся Вагнер и сделал необычайный прыжок. Поднявшись метра на четыре, он пролетел вдоль площадки в мою сторону. Он, очевидно, не рассчитал прыжка, так как с ним случилась такая же история, что и с глыбой: неожиданно он стал быстро падать. И если бы не откос, куда он упал, Вагнер, вероятно, расшибся бы насмерть. Он упал неподалеку от меня, по другую сторону можжевелового куста, застонал и выбранился, ухватившись за колено. Погладив ушибленное место, он сделал попытку встать и вновь застонал.

После некоторого колебания я решил обнаружить свое присутствие и подать ему помощь.

— Вы очень расшиблись? Не помочь ли вам? — спросил я, выходя из куста.

По-видимому, мое появление не удивило профессора. По крайней мере, он ничем не проявил его.

— Нет, благодарю вас, — спокойно ответил он, — я сам дойду. — И он сделал новую попытку встать. Лицо его исказилось от боли. Он даже откинулся назад. Нога в колене быстро пухла. Было очевидно, что без посторонней помощи ему не обойтись.

И я стал действовать решительно.

— Идемте, пока боль не обессилила вас еще больше, — сказал я и поднял его. Он повиновался. При каждом движении больная нога причиняла ему страдание. Мы медленно

поднимались по крутому склону. Я почти нес Вагнера на себе и сам изнемогал под тяжестью его довольно грузного тела. Но вместе с тем я был чрезвычайно доволен, что таким образом получил возможность не только увидать, но и познакомиться с профессором Вагнером, побывать в его жилище. Впрочем, может быть, дойдя до калитки, он поблагодарит меня и не впустит к себе? Эта мысль беспокоила меня, когда мы подходили к высокому забору его дачи. Но он ничего не сказал, и мы переступили заветную черту, — да едва ли он мог что-либо сказать. Ему было совсем плохо. От боли и сотрясения он почти потерял сознание. Я тоже валился от усталости. И все же, прежде чем ввести его в дом, я успел бросить через плечо пытливый взгляд на двор.

Двор был довольно обширный. Посреди стоял какой-то прибор, похожий на аппарат Морена. В глубине двора, в земле, виднелось какое-то большое, застланное толстым стеклом круглое отверстие. Вокруг этого отверстия, от него к дому и еще в нескольких направлениях из земли выступали металлические дуги, находившиеся друг от друга на расстоянии полуметра.

Больше я ничего не успел рассмотреть. Навстречу нам из дома вышла испуганная пожилая женщина в черном — его экономка, как потом узнал я.

Мы уложили профессора Вагнера в кровать.

II. ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Вагнеру было совсем худо. Он тяжело дышал, закрыв глаза, бредил.

«Неужели от сотрясения может погибнуть эта гениальная машина — мозг профессора Вагнера?» — думал я с беспокойством.

Больной бредил математическими формулами и от времени до времени стонал. Растерявшаяся экономка стояла беспомощно и только повторяла:

— Что ж теперь будет? Батюшки, что ж теперь будет?..

Мне пришлось подать профессору первую помощь и ухаживать за больным.

Только на второй день к утру Вагнер пришел в себя. Он открыл глаза и смотрел на меня вполне сознательно.

— Благодарю вас... — слабо проговорил он.

Я дал ему пить, и он, кивнув мне головой, попросил оставить его. Утомленный треволнениями вчерашнего дня и бессонной ночью, я, наконец, решил оставить больного одного и вышел на двор подышать свежим, утренним воздухом. Неизвестный аппарат, стоявший посреди двора, вновь привлек мое внимание. Я подошел к нему и протянул руку.

— Не ходите! Стойте! — услышал я за собой приглушенный, испуганный голос экономки. И в тот же миг я почувствовал, что моя рука вдруг стала необычайно тяжелая, как будто к ней привесили огромную гирю, которая рванула меня вниз с такою силой, что я упал на землю. Невидимая гиря придавила кисть моей руки.

С большим усилием я отвел руку назад. Она болела и была красна.

Около меня стояла экономка и сокрушенно качала головой.

— И как это вы... Разве можно?.. Вы лучше не ходите по двору, а то вас и совсем сплющит!

Ничего не понимая, я вернулся в дом и положил на больную руку компресс.

Когда профессор вновь проснулся, он выглядел уже совсем бодрым. Очевидно, у этого человека был необычайно здоровый организм.

— Что это? — спросил он, указывая на мою руку.

Я объяснил ему.

— Вы подвергались большой опасности, — сказал он.

Мне очень хотелось скорее услышать от Вагнера разъяснение всего необычайного, что мне пришлось пережить, но я удержался от вопросов, не желая беспокоить больного.

Вечером в тот же день Вагнер, попросив передвинуть его кровать к окну, сам начал говорить о том, что так занимало меня.

— Наука изучает проявления сил природы, — начал он без предисловия, — устанавливает научные законы, но очень мало знает сущность этих сил. Мы говорим: «электричество, сила тяжести». Мы изучаем их свойства, используем для сво-

их целей. Но конечные тайны своей природы они открывают нам очень неохотно. И потому мы используем их далеко не в полной мере. Электричество в этом отношении оказалось более податливым. Мы поработили эту силу, овладев ею, заставили работать на себя. Мы ее перегоняем с места на место, копим в запас, расходуем по мере надобности. Но сила тяжести — это поистине самая неподатливая сила. С ней мы должны ладить, больше приспособляться к ней, чем приспособлять ее к своим нуждам. Если бы мы могли изменять силу тяжести, управлять ею по своему желанию, аккумулировать, как электричество, то какое могущественное орудие мы получили бы! Овладеть этой непокорной силой было давнишним моим желанием.

— И вы овладели ею! — воскликнул я, начиная понимать все происшедшее.

— Да, я овладел ею. Я нашел средство регулировать силу тяжести по своему желанию. Вы видали мой первый успех... Ох... успехи иногда дорого стоят!.. — вздохнул Вагнер, потирая ушибленное колено. — В виде опыта я уменьшил силу тяжести на небольшом участке около дома. И вы видели, с какой легкостью я поднял глыбу. Это сделано за счет увеличения силы тяжести на небольшом пространстве моего двора... Вы едва не поплатились жизнью за свое любопытство, приблизившись к моему «заколдованному кругу».

Да вот, посмотрите, — продолжал он, указывая рукой в окно. — По направлению к даче летит стая птиц. Может быть, хоть одна из них пролетит над зоной усиленного притяжения...

Он замолчал, и я с волнением наблюдал за приближающимися птицами... Вот они летят над самым двором...

И вдруг одна из них камнем упала на землю и даже не разбилась, а прямо превратилась в пятно, которое покрыло землю слоем, вероятно, не толще папиросной бумаги.

— Видали?

Я содрогнулся, представив себе, что и меня могла бы постигнуть такая же судьба.

— Да, — угадал он мою мысль, — вы были бы раздавлены тяжестью собственной головы и превратились бы в лепешку. — И, опять усмехнувшись, он продолжал: — Фима, моя

экономка, говорит, что я изобрел прекрасное средство сохранять продукты от бродячих кошек. «Совсем их не губите, — говорит она, — а чтоб лапы прилипли: другой раз не явятся!» Да... — сказал он после паузы, — есть кошки, еще более шкодливые и опасные — двуногие, вооруженные не когтями и зубами, а пушками и пулеметами.

Представьте себе, каким оградительным средством будет покоренная сила тяжести! Я могу устроить заградительную зону на границах государств, и ни один враг не переступит ее. Аэропланы будут падать камнем, как эта птица. Больше того, даже снаряды не в силах будут перелететь этой заградительной зоны. Можно сделать и наоборот: лишить наступающего врага силы тяжести, и солдаты при малейшем движении будут высоко подпрыгивать и беспомощно болтаться в воздухе... Но это все пустяки по сравнению с тем, чего я достиг. Я нашел средство уменьшить силу тяжести на всей поверхности земного шара, за исключением полюсов...

— И как вы этого достигнете?

— Я заставлю земной шар вращаться быстрее, вот и все, — ответил профессор Вагнер с таким видом, как будто дело шло о волчке.

— Увеличить скорость вращения Земли?! — не мог удержаться я от восклицания.

— Да, я увеличу скорость ее движения, и тогда центробежная сила начнет возрастать, и все тела, находящиеся на земле, будут становиться все легче. Если вы ничего не имеете против того, чтобы погостить у меня еще несколько дней...

— С удовольствием!

— Я начну опыт, как только встану, и вы увидите много интересного.

III. «ВЕРТИТСЯ»

Через несколько дней профессор Вагнер оправился совершенно, если не считать того, что он немного прихрамывал. Он надолго отлучался в свою подземную лабораторию, находящуюся в углу двора, предоставляя в мое распоряже-

ние свою домашнюю библиотеку. Но в лабораторию он не приглашал меня.

Однажды, когда я сидел в библиотеке, вошел Вагнер, очень оживленный, и еще с порога крикнул мне:

— Вертится! Я пустил свой аппарат в ход, и теперь посмотрим, что будет дальше!

Я ожидал, что произойдет что-нибудь необычайное. Но проходили часы, прошел день, ничего не изменилось.

— Подождите, — улыбался профессор в свои нависшие усы, — центробежная сила возрастает пропорционально квадрату скорости. А Земля — порядочный волчок, ее скоро не раскачаешь!

Наутро, поднимаясь с кровати, я почувствовал какую-то легкость. Чтобы проверить себя, я поднял стул. Он показался мне значительно легче, чем обычно. Очевидно, центробежная сила начала действовать. Я вышел на веранду и уселся с книгою в руках. На книгу падала тень от столба. Невольно я обратил внимание на то, что тень передвигается довольно быстро. Что бы это могло значить? Как будто солнце стало двигаться быстрее по небу.

— Ага, вы заметили? — услышал я голос Вагнера, который наблюдал за мною. — Земля вращается быстрее, и смена дня и ночи становится короче.

— Что же будет дальше? — с недоумением спросил я.

— Поживем — увидим, — ответил профессор.

Солнце в этот день зашло на два часа раньше обычного.

— Представляю, какой переполох произвело это событие во всем мире! — сказал я профессору. — Интересно было бы знать...

— Можете узнать об этом в моем кабинете, там стоит радиоприемник, — ответил Вагнер.

Я поспешил в кабинет и мог убедиться в том, что население всего земного шара находится в необычайном волнении.

Но это было только начало. Вращение Земли все увеличивалось. Сутки равнялись уже всего четырем часам.

— Теперь все тела, находящиеся на экваторе, потеряли в весе одну сороковую часть, — сказал Вагнер.

— Почему только на экваторе?

— Там притяжение Земли меньше, а радиус вращения больше, значит, и центробежная сила действует сильнее.

Ученые уже поняли грозящую опасность. Началось великое переселение народов из экваториальных областей к более высоким широтам, где центробежная сила была меньше. Но пока облегчение веса приносило даже выгоду: поезда могли поднимать огромные грузы, слабосильного мотоциклетного мотора было достаточно, чтобы везти большой пассажирский аэроплан, скорость движения увеличилась. Люди вдруг стали легче и сильнее. Я сам испытывал эту все увеличивающуюся легкость. Изумительно приятное чувство!

Радио скоро стало приносить и более печальные вести. Поезда все чаще начали сходить с рельсов на уклонах и закруглениях пути, впрочем, без особенных катастроф: вагоны, даже падая под откос, не разбивались. Ветер, поднимая тучи пыли, которая уже не опускалась на землю, переходил в ураган. Отовсюду приходили вести о страшных наводнениях.

Когда скорость вращения увеличилась в семнадцать раз, предметы и люди на экваторе совершенно лишились веса.

Как-то вечером я услышал по радио ужасную новость: в экваториальной Африке и Америке отмечалось несколько случаев, когда люди, лишенные тяжести, под влиянием все растущей центробежной силы падали вверх. Вскоре пришло и новое ужасающее известие: на экваторе люди стали задыхаться.

— Центробежная сила срывает воздушную оболочку земного шара, которая была «прикреплена» к земле силою земного тяготения, — объяснил мне спокойно профессор.

— Но... тогда и мы задохнемся? — с волнением спросил я Вагнера.

Он пожал плечами.

— Мы хорошо подготовлены ко всем переменам.

— Но зачем вы все это сделали? Ведь это же мировая катастрофа, гибель цивилизации!.. — не мог удержаться я от восклицания.

Вагнер оставался невозмутимым.

— Зачем я это сделал, вы узнаете потом.

— Неужели только для научного опыта?

— Я не понимаю, что вас так удивляет, — ответил он. — Хотя бы и только для опыта. Странно! Когда проносится ураган или происходит извержение вулкана и губит тысячи людей, никому не приходит в голову обвинять вулкан. Смотрите на это, как на стихийное бедствие...

Этот ответ не удовлетворил меня. У меня невольно стало появляться к профессору Вагнеру чувство недоброжелательства.

«Надо быть извергом, не иметь сердца, чтобы ради научного опыта обрекать на смерть миллионы людей», — думал я.

Моя неприязнь к Вагнеру увеличивалась по мере того, как мое собственное самочувствие все более ухудшалось, да и было от чего: эти ужасные, необычайные вести о гибнущем мире, это все ускоряющееся мелькание дня и ночи хоть кого выведут из себя. Я почти не спал и был чрезвычайно нервен. Я должен был двигаться с величайшей осторожностью. Малейшее усилие мускулов — и я взлетал вверх и бился головой о потолок, — правда, не очень больно. Вещи теряли свой вес, и с ними все труднее было сладить. Довольно было случайно задеть за стол или кресло, и тяжелая мебель отлетала в сторону.

Вода из умывальника текла очень медленно, и струя также отклонялась в сторону. Движения наши сделались порывисты. Члены тела, почти лишенного тяжести, дергались, как у картонного паяца, приводимого в движение нитками. «Моторы» нашего тела — мускулы — оказались слишком сильны для облегченного веса тела. И мы никак не могли привыкнуть к этому новому положению, так как вес все время убывал.

Фима, экономка Вагнера, злилась не меньше меня. Она походила на жонглера, когда готовила пищу. Кастрюли и сковородки летели вверх, в сторону; она пыталась ловить их и делала нелепые движения, плясала, подпрыгивала.

Один только Вагнер был в прекрасном настроении и даже смеялся над нами.

На двор я решался выходить, только набив карманы камнями, чтобы «не упасть в небо». Я видел, как мелело море, — воду сгоняло на запад, где, вероятно, она заливала берега...

В довершение всего я стал чувствовать головокружение и удушье. Воздух становился реже. Ураганный ветер, дувший все время с востока, начал как будто слабеть... Но зато температура быстро понижалась.

Воздух редеет... скоро конец... У меня было такое отвратительное самочувствие, что я начал задумываться над тем, какую смерть мне избрать: упасть ли в небо или задохнуться. Это худшая смерть, но зато я досмотрю до конца, что будет с Землей...

«Нет, все-таки лучше покончить сразу», — решил я, испытывая тяжелое удушье, и стал вынимать камни из кармана.

Чья-то рука остановила меня.

— Подождите! — услышал я голос Вагнера. В разреженном воздухе этот голос звучал очень слабо. — Пора нам спуститься в подземелье!

Он взял меня под руку, кивнул головой экономке, которая стояла на веранде, тяжело дыша, и мы отправились в угол двора, к большому круглому «окну» в земле. Я потерял свою волю и шел как во сне. Вагнер открыл тяжелую дверь, ведущую в подземную лабораторию, и втолкнул меня. Теряя сознание, я мягко упал на каменный пол.

IV. ВВЕРХ ДНОМ

Я не знаю, долго ли я был без сознания. Первым моим ощущением было, что я опять дышу свежим воздухом. Я открыл глаза и очень удивился, увидав электрическую лампочку, укрепленную посреди пола, недалеко от места, где я лежал.

— Не удивляйтесь, — услышал я голос профессора Вагнера. — Наш пол скоро станет потолком. Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, лучше.

— Ну, так вставайте, довольно лежать! — И он взял меня за руку. Я взлетел вверх, к стеклянному потолку, и очень медленно опустился вниз.

— Пойдемте, я познакомлю вас с моей подземной квартирой, — сказал Вагнер.

Все помещение состояло из трех комнат: двух темных, освещаемых только электрическими лампочками, и одной большой, со стеклянным потолком или полом, я затрудняюсь сказать. Дело в том, что мы переживали, очевидно, тот момент, когда притяжение Земли и центробежная сила сделали наши тела совершенно невесомыми.

Это чрезвычайно затрудняло наше путешествие по комнатам. Мы делали самые необычайные пируэты, цеплялись за мебель, отталкивались, прыгали, налетали на столы, иногда беспомощно повисали в воздухе, протягивая друг другу руки. Всего несколько сантиметров разделяло нас, но мы не могли преодолеть этого пространства, пока какой-нибудь хитроумный трюк не выводил нас из этого неустойчивого равновесия. Сдвинутые нами вещи летали вместе с нами. Стул «парил» среди комнаты, стаканы с водой лежали боком, и вода почти не выливалась — она понемногу обтекала внешние стенки стекла...

Я заметил дверь в четвертую комнату. Там что-то гудело, но в эту комнату Вагнер не пустил меня. В ней, очевидно, стоял механизм, ускорявший движение Земли.

Скоро, однако, наше «межпланетное путешествие» окончилось, и мы опустились на... стеклянный потолок, который отныне должен был стать нашим полом. Вещей не нужно было перемещать: они переместились сами, и электрическая лампа, укрепленная на потолке, как нельзя более кстати оказалась у нас над головой, освещая нашу комнату в короткие ночи.

Вагнер действительно все предусмотрел. Наше помещение хорошо снабжалось воздухом, хранимым в особых резервуарах. Мы были обеспечены консервами и водой. «Вот почему экономка не ходила на базар», — подумал я. Переместившись на потолок, мы ходили по нему так же свободно, как по полу, хотя, в обычном смысле, мы ходили вниз головой. Но человек ко всему привыкает. Я чувствовал себя относительно хорошо. Когда я смотрел вниз, под ноги, сквозь толстое, но прозрачное стекло, я видел под собою небо, и мне казалось, что я стою на круглом зеркале, отражавшем в себе это небо.

Однако зеркало отражало в себе иногда необычайные и даже страшные вещи.

Экономка заявила, что ей нужно сходить в дом, так как она забыла масло.

— Как же вы пойдете? — сказал я ей. — Ведь вы свалитесь вниз, то есть вверх, фу, черт, все перепуталось!

— Я буду держаться за скобы в земле, меня профессор выучил. Когда мы еще не повернулись вниз головами, у нас были скобы в том доме, в потолке, и я училась «ходить руками», хваталась за них и ходила по потолку.

Профессор Вагнер все предусмотрел!

Я не ожидал такого геройства от женщины. Рисковать собой, «ходить руками» над бездной из-за какого-то масла!

— Но все же это очень опасно, — сказал я.

— Не так, как вы думаете, — возразил профессор Вагнер. — Вес нашего тела еще незначителен — он только начал увеличиваться от нуля, и нужна совсем небольшая мускульная сила, чтобы удержаться. Притом я буду сопровождать ее; кстати, мне нужно захватить из дома записную книжку — я забыл взять ее с собой.

— Но ведь снаружи сейчас нет воздуха?

— У меня есть колпаки со сжатым воздухом, которые мы наденем на голову.

И эти странные люди, облачившись в скафандры, будто они собирались опуститься на дно моря, отправились в путь. Двойная дверь захлопнулась. Я услышал стук наружной двери.

Лежа на своем стеклянном полу, я прижал лицо к толстому стеклу и с волнением стал следить за ними. Два человека в круглых колпаках, стоя вверх ногами и цепляясь за скобы, прикрепленные к земле, быстро «шли руками» к дому. Можно ли представить себе что-либо более странное!

«Действительно, это не так страшно, — подумал я. — Но все же это необычайная женщина. Вдруг у нее закружится голова?..» Вагнер и экономка проследовали в той же позе по ступеням на веранду и скрылись из виду.

Скоро они появились обратно.

Они уже прошли полпути, как вдруг случилось нечто, от

чего я похолодел. Экономка выронила банку с маслом и, желая подхватить ее, сорвалась и полетела в бездну...

Вагнер сделал попытку спасти ее: он неожиданно размотал веревку, прикрепленную к поясу, и, зацепив ее за скобу, бросился вслед за экономкой. Несчастная женщина падала довольно медленно. А так как Вагнер сильным толчком придал своему телу более быстрое движение, то ему удалось догнать ее. Он уже протянул к ней руку, но не мог достать: центробежная сила отклонила ее полет несколько в сторону. И скоро она отделилась от него... Вагнер повисел немного на распущенной веревке и начал медленно подниматься из бездны неба на землю...

Я видел, как несчастная женщина махнула руками... ее тело быстро уменьшалось... Наступившая ночь, как занавесом, покрыла эту картину гибели...

Я содрогнулся, представив себе ее последние ощущения... Что будет с ней?.. Ее труп, не разлагающийся в холоде Вселенной, будет вечно нестись вперед, если какое-нибудь светило, проходящее вблизи, не притянет этот труп.

Я был так занят своими мыслями, что не заметил, как вошел Вагнер и опустился рядом со мной.

— Прекрасная смерть, — сказал он спокойно.

Я сжал зубы и не отвечал ему. Во мне вдруг опять пробудилась ненависть к Вагнеру.

Я с ужасом смотрел на бездну, расстилающуюся под моими ногами, и впервые с необычайной ясностью понял, что небо — не голубое пространство над нами, а бездна... что мы «живем в небе», прилепившись к пылинке, Земле, и нас с большим правом поэтому можно назвать жителями неба, «небожителями», чем жителями Земли. Ничтожные небожители! Тяготение Земли, очевидно, действовало не только на наше тело, но и на сознание, приковывая его к Земле. Теперь эта связь порвалась. Я чувствовал хрупкость нашего земного существования... Наше сознание зародилось вместе с землею, в безднах неба, в безднах бесконечного пространства, и там же оно угаснет...

Я думал, а перед моими глазами творилось что-то необычайное... От земли отрывались камни и падали вверх... Скоро начали отрываться целые глыбы скал... День и ночь сме-

нялись все быстрее... Солнце проносилось по бездне-небу, и наступала ночь, звезды неслись с той же бешеной скоростью, и опять солнце, и опять ночь... Вот, в свете солнца, я вижу, как сорвался и упал забор, открыв горизонт. Я вижу высохшее дно моря, опустошенную землю... Я вижу, что скоро конец...

Но люди еще есть на Земле... Я слышу, как говорит небольшой громкоговоритель нашей радиостанции...

Земля опустошена почти до полюсов. Все гибнет... Это последняя уцелевшая радиостанция, на острове Врангеля. Она подает сигналы, ждет и не получает ответа... Радиоволны летят в мертвую пустоту... Молчит Земля, молчит и небо.

Дни и ночи так быстро сменяют друг друга, что все сливается во мглу... Солнце, пролетая по небу, чертит огненную полосу на темном фоне — вместе с последними остатками атмосферы Земля потеряла свой голубой полог, свет небесной лазури... Луна уменьшилась в размерах, Земля уже не может больше удерживать своего спутника, и луна удаляется от Земли...

Я чувствую, как толстые стекла нашего стеклянного пола напружились, стали выпуклыми, дрожат... Скоро они не выдержат, и я провалюсь в бездну...

Кто это ворчит рядом со мной?.. А, профессор Вагнер.

Я с трудом поднимаюсь: бешеная скорость Земли наполнила свинцом мое тело. Я тяжело дышу...

— Вы!.. — обращаюсь со злобой к профессору Вагнеру. — Зачем вы сделали это? Вы погубили человечество, вы уничтожили жизнь на Земле... Отвечайте мне! Сейчас же уменьшите движение Земли, иначе я...

Но профессор молча отрицательно качает головой.

— Отвечайте! — кричу я, сжимая кулаки.

— Я не могу ничего поделать... очевидно, я допустил ошибку в расчетах...

— Так вы заплатите за эту ошибку! — вскричал я и, совершенно обезумев, бросился на Вагнера и начал его душить... В этот же момент я почувствовал, как трещит наш пол, лопаются стекла, и я, не выпуская Вагнера, лечу с ним в бездну...

V. «НОВЫЙ СПОСОБ ПРЕПОДАВАНИЯ»

Передо мною улыбающееся лицо профессора Вагнера. Я с удивлением смотрю на него, потом вокруг себя.

Раннее утро. Голубой полог неба. Море синеет вдали. У веранды две белые бабочки мирно порхают. Мимо меня проходит экономка с большим куском сливочного масла на тарелке...

— Что это?.. Что все это значит? — спрашиваю я профессора.

Он улыбается в свои длинные усы.

— Прошу извинения, — говорит он, — что я без вашего разрешения и даже не будучи с вами знаком использовал вас для одного опыта. Если вы знаете меня, то вам, вероятно, известно, что я давно работаю над разрешением вопроса, как одному человеку вместить огромную массу современных научных знаний. Я лично, например, достиг того, что каждая половина моего мозга работает самостоятельно. Я уничтожил сон и утомляемость...

— Я читал об этом, — ответил я. Вагнер кивнул головой.

— Тем лучше. Но это не всем доступно. И я решил использовать для педагогических целей гипноз. Ведь в конце концов и в обычной педагогике есть доля гипноза... Выйдя сегодня рано утром на прогулку, я заметил вас... Вы уже не первый день дежурите за можжевеловым кустом? — спросил он с веселой искоркой в глазах. Я смутился.

— Ну, вот я и решил наказать вас за ваше любопытство, подвергнув гипнозу...

— Как, неужели все это было?..

— Только гипнозом, с того самого момента, как вы увидали меня. Не правда ли, вы все пережили как реальность? И уж, конечно, никогда в жизни вы не забудете пережитого. Таким образом, вы имели возможность получить урок наглядного обучения о законах тяжести и центробежной силы... Но вы оказались очень нервным учеником и под конец урока вели себя несколько возбужденно...

— Но сколько же времени продолжался урок?

Вагнер посмотрел на часы.

— Минуты две, не более. Не правда ли, продуктивный способ усвоения знаний?

— Но позвольте, — вскричал я, — а это стеклянное окно, эти скобы на земле!.. — Я протянул руку и вдруг замолчал. Площадь двора была совершенно ровною; не было ни скоб, ни стеклянного круглого «окна»... — Так это... тоже был гипноз?

— Ну, разумеется... Сознайтесь, что вы не очень скучали за моим уроком физики? Фима, — крикнул он, — кофе готов? Идемте завтракать.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ

1. СТРАННЫЙ ЖИЛЕЦ

— Дэзи... Я не перенесу ее потери! Дэзи — мой лучший друг... Я так одинока...

Гражданка Шмеман вытерла кружевным платочком красные подслеповатые глаза и длинный нос.

— Уверяю вас, — продолжала она, жалобно всхлипнув, — что это дело рук профессора Вагнера. Я сама не раз видела, как он приводил на веревочке собак в свою квартиру... Что он делает с ними? Боже! Мне страшно подумать! Может быть, моей Дэзи нет в живых... Примите меры, прошу вас!.. Если вы не сделаете этого, я сама пойду в милицию!.. Дэзи, моя бедная крошка!..

И мадам Шмеман вновь заплакала... Ее худые старые щеки покрылись красными пятнами, нижняя губа отвисла.

Жуков, председатель жилищного товарищества, круто повернулся на стуле и щелкнул пальцами. Он терял терпение.

— Успокойтесь, гражданка! Уверяю вас, что мы примем меры. А сейчас, простите... Я очень занят...

Шмеман глубоко вздохнула, поклонилась и вышла. Жуков вздохнул с облегчением и обернулся к секретарю правления Кротову:

— Фу!.. Измучила! Бывают же такие настырные бабы!

— Да... — задумчиво отозвался Кротов. — Бедовая старуха! А дело расследовать надо. Ведь это четвертый случай пропажи собак только на нашем дворе. Соседи тоже жалуются. Что за собачий мор? Я не удивлюсь, если действительно окажется, что собак крадет профессор Вагнер. Только на кой черт они ему нужны? Воротники на шубу делает? Странный человек! Подозрительный человек!

— Профессор!

— Что из того, что профессор? Может быть, он фальшивые деньги делает.

— Из собак?

— Ты не смейся. Бывали случаи! Собаки — особая статья. Ты обрати внимание: у него в комнате всю ночь свет. На оконной занавеске его тень часто видна. Шатается по комнате... Полуночник!

— Да, со странностями человек... На днях я еду домой в трамвае. Гляжу, напротив сидит профессор Вагнер. В каждой руке по книжке держит и обе сразу читает. Я в книжки заглянул. Одна — русская, все цифры разные, а другая — немецкая. И вот что удивительно: каждый глаз у него отдельно по строчкам бегает: одним глазом одну книгу читает, другим — другую. Кондукторша подошла к нему. «Билет, — говорит, — возьмите!» Он на нее один глаз поднял, а другим в книжку смотрит. Она так и ахнула. И публика вся на него уставилась. Смотрят, рты открыли от удивления, а он хоть бы что...

— Может быть, он с ума сошел?

— Все возможно...

Стукнула дверь. В комнату вошла Фима, старая экономка профессора Вагнера.

— Здравствуйте вам! Барин мой за квартиру деньги прислал.

— Были бары, да все вышли! — сказал Жуков.

— Ну, хозяин, что ли, Вагнер.

— А вот она нам скажет!..

— Расскажи нам, Фима, что твой «барин» с собаками делает.

Фима безнадежно махнула рукой.

— Много собак-то у него? Говори правду!

— Сколько у него собак, сказать не могу: не пускает он меня во вторую комнату, где они у него. А собаки есть. Слышно, как лают. Ночью раз подсмотрела я в щелочку. Ну что же? Сидит собака, привязанная на коротком ошейнике. Лечь не может. Спать ей, видно, смерть как хочется. Голова так и виснет. А он сидит около да ее так ласково под шеей щекочет: спать не дает. И сам он не спит. Он никогда не спит!

— Как же так не спит? Человек не может не спать.

— Уж не знаю как, а только совсем не спит. И кровать давно выбросил. «Чтоб ее, — говорит, — и звания не было! Кровать, — говорит, — только больным нужна».

Жуков и Кротов с недоумением посмотрели друг на друга.

— Вот сумасшедший!

— Не иначе, как сумасшедший, — охотно согласилась Фима. — Только привычка моя: пятнадцать годов живу я у него, а то давно бы от него ушла... Был человек как человек, а вот уже с год совсем на себя не похож. Прямо как бы не в себе.

— С чего же это началось у него?

— Кто ж его знает? Может, сглазу?.. Сначала начал он вроде как гимнастику делать. Придешь к нему в комнату, он будто танцует: правой ногой вроде как польку, а левой — вроде как вальс. И руками по-разному отбивает. А потом глазами косить стал. Сидит перед зеркалом и глазами косит. Однажды смотрю на него, а у него один глаз в потолок смотрит, а другой — на пол. Я так всю посуду на пол и грохнула — обомлела.

— Собачку шмеманскую знаешь ты? Дэзи кличут.

— Беленькая, кудластенькая такая? Как не знать!

— Так вот, не утащил ли твой хозяин и эту собачку?

— Видать не видала, а все может быть. Заболталась я, а у меня там утюг остынет... Вот деньги!..

— Что ж так мало?

— Барин говорит, хозяин мой, что в ЦИКАПУ записан и право на дополнительную площадь имеет.

— Какая такая ЦИКАПУ? — спросил Кротов.

— ЦЕКУБУ! — догадался Жуков.

— Пусть удостоверение представит, а пока по-прежнему должен платить. Так и передай.

— Ладно! — И, утирая нос краем фартука, краснощекая Фима выбежала из комнаты.

— Придется сообщить милиции. Этот сумасшедший еще дом подожжет или укокошит кого!

2. ПО «СОБАЧЬЕМУ ДЕЛУ»

Дело по обвинению профессора Вагнера в краже собак собрало полный зал публики. Знакомые, встречая друг друга, спрашивали:

— Вы тоже по «собачьему делу»?.. По повестке?

— Нет, из любопытства!.. Профессор — и вдруг собак крадет!.. Что он, ест их?..

— А я по повестке. Свидетель. Ведь и у меня Тузик пропал! Хорошая собака. Думаю гражданский иск предъявить...

— Прошу встать!..

В зал входят судьи.

— Слушается дело по обвинению гражданина Ивана Степановича Вагнера в краже...

К столу подошел профессор Вагнер. На вид ему можно было дать не более сорока лет.

В его каштановых волосах, в окладистой русой бороде и нависших усах можно было заметить только несколько серебристых волосков. Свежий цвет лица, румяные щеки и блестящие глаза дышали силой и здоровьем.

«И про этого человека говорили, что он совсем не спит!» — подумал судья, с недоумением оглядывая обвиняемого. Он ожидал встретить изможденного старика. И уже с живым интересом судья стал задавать формальные вопросы.

— Ваше имя, отчество, фамилия?

— Иван Степанович Вагнер.

— Возраст?

— Пятьдесят три года...

В публике удивленно переглядывались.

— Занятие?

— Профессор Московского университета.

— В профсоюзе состоите?

— Состою. Работников просвещения.

— Партийный?

— Беспартийный. Под судом и следствием не состоял.

— Гражданин СССР?

— Да.

— Женат?

— Вдовец.

— Признаете себя виновным?

Профессор Вагнер неопределенно пожал плечами.

— Нет, не признаю.

— Но собак-то вы похищали?

— Разрешите дать объяснение после допроса свидетелей.

— Хорошо. Запишите, — обратился судья к секретарю. — «Обвиняемый виновным себя не признал». Вызовите свидетеля, участкового милиционера Ситникова! Что вы можете показать по делу?

— В наше отделение милиции поступали заявления от граждан Бондарного переулка о пропаже собак. У гражданина Полякова пропал очень дорогой сеттер, у Юшкевич — мопс, а у Дерюгиных — даже персидский кот. Собаки исчезали бесследно. Их трупов не находили. Собак, очевидно, кто-то крал.

— Производили вы розыск?

— Пропала собака — дело не большое. Признаться, у нас не было времени по каждому случаю розыск делать. Но когда поступили жалобы гражданки Шмеман на гражданина Вагнера и заявление правления жилищного товарищества, мы стали наводить справки. Почти все потерпевшие указывали на профессора Вагнера. Он вообще чудной какой-то. Говорят, по ночам не спит. Или дома работает, или по улицам шатается. Дворник ихнего дома видел несколько раз, как Вагнер ночью возвращался домой с собачкой на аркане. В комнате его собаки лают, визжат. Улики были серьезные.

Поэтому, вследствие поступивших заявлений, мы решили произвести у профессора Вагнера обыск и выемку его бумаг. Обыск производил я в присутствии председателя правления жилищного товарищества, дворника и гражданки Шмеман.

В первой комнате обвиняемого ничего предосудительного найдено не было, кроме различных инструментов и ма-

шин неизвестного происхождения. Во второй комнате мы застали шесть собак различной породы, пола и возраста. Все они были привязаны к стене на коротких ремешках. У некоторых из них свисали головы, как бы околевали или устали очень. А на столе лежала белая собачка, лохматенькая, с пробитой в черепе дыркой, так что мозги видны были. Гражданка Шмеман опознала в трупе свою собачку, закричала и в обморок упала...

В зале суда послышались сдержанные рыдания Шмеман.

— Дэзи, Дэзи!.. — шептала она, всхлипывая.

— Забранные бумаги мною представлены в суд, — закончил милиционер.

— Распишитесь. Свидетель Жуков!

Жуков, председатель правления жилищного товарищества, подтвердил показания милиционера.

— Произвести обыск, — добавил он, — нас заставило еще то обстоятельство, что профессор Вагнер является очень непонятным жильцом. Жильцы думают, что он помешанный, и даже боятся детей выпускать. Во избежание паники и дезорганизации населения я просил бы подвергнуть Вагнера психиатрической экспертизе.

Может быть, он опасен, — почему-то смутившись, прибавил Жуков, — и его выселить надо.

Профессор Вагнер улыбнулся.

— Чем же он опасен? — спросил судья.

— Как вообще ненормальный! И соседи жалуются: шипит у него что-то в комнате, жужжит, а то взрывы вдруг... Еще дом взорвет!.. И собаки целую ночь воют... Неудобный жилец, одним словом.

— Гражданка Шмеман!

— Господин судья! — начала она дрожащим голосом, утирая платком слезы, и тотчас поправилась: — Гражданин судья!.. Он — убийца! — Она указала на Вагнера пальцем с двумя обручальными кольцами. — Я вдова... У меня никого нет... Он убил моего лучшего друга... Моя Дэзи!.. — И Шмеман опять заплакала.

— Вы предъявляете гражданский иск?

— Какой иск? За что?

— За собачку... Вы об этом просите в вашем заявлении...

— Ничто не вознаградит меня за потерю!.. — трагически произнесла она. — Я не знаю, что там написано...

Остальные свидетели не внесли чего-нибудь нового. Дворник подробно рассказывал, как пропадали собаки на их дворе, как пропала и «остатняя» собачка Дэзи, как он видел Вагнера, приводившего в дом собак...

Один из свидетелей опознал свою собаку среди «жертв» профессора Вагнера. Собака была жива, но она выглядела необычайно утомленной и, приведенная домой, проспала трое суток непробудно.

— Среди бумаг, — сказал судья, когда допрос свидетелей был закончен, — у профессора Вагнера были взяты во время обыска журналы с различными записями, очевидно, о производимых им опытах над животными. Я оглашу некоторые из них.

Вот, — начал судья, — записи профессора Вагнера об опытах:

«Опытное животное: Диана, сеттер, самка, вес двадцать два килограмма. Вязкость крови во время бодрствования — две целых восемьдесят девять сотых. Вязкость крови в период истощения бессонницей — одна и сорок шесть сотых».

Имеется и ряд таких таблиц:

«Криоскопическая точка: нормальное состояние — пятьдесят девять сотых градуса; состояние повелительной потребности сна — пятьдесят восемь сотых градуса.

Плотность: нормальное состояние — одна и шестьдесят четыре тысячных; состояние повелительной потребности сна — одна и пятьдесят семь тысячных.

Вязкость: нормальное состояние — две целых семьсот одиннадцать тысячных; состояние повелительной потребности сна — два».

Обвиняемый профессор Вагнер! Свидетельскими показаниями и оглашенными документами, я полагаю, вполне установлена ваша виновность. Почему же вы не признаете себя виновным? Объясните нам...

— Граждане судьи! Я не отрицаю факта похищения собак, но виновным себя не признал, и вот почему. Всякая кража предполагает корыстную цель. У меня такой цели не было. Вы сами огласили документы, из которых суд мог убе-

диться, что я преследовал исключительно научные цели. Я веду опыты, имеющие громадное значение для всего человечества. Та польза, которую должны принести эти опыты, несоизмерима с ничтожным вредом, который я причинил.

— Какие же это опыты?

После некоторого колебания профессор Вагнер сказал:

— Я работаю над проблемой усталости и сна. Победить усталость и уничтожить потребность сна — вот какую задачу поставил я себе.

— И вы успешно разрешили ее? Правда ли, что вы сами уже обходитесь без сна?

— Да, правда. Я больше не сплю и могу работать без утомления двадцать четыре часа в сутки.

В публике произошло движение. Послышались удивленные возгласы и перешептывание.

— Отчего же вы не опубликовали ваших достижений?

— Я продолжаю совершенствовать свои методы.

— Но не объясните ли вы, почему вы сочли нужным прибегать к таким странным и незаконным способам добывания собак для ваших опытов? Если опыты представляют ценность, правительство обеспечило бы вас всем необходимым для работы!

Профессор Вагнер замялся.

— Эти опыты слишком смелы. Они могли показаться даже фантастичными. В успех я верил, но на пути лежали неизбежные неудачи. Они могли погубить и дело и мою репутацию прежде, чем я достиг бы положительных результатов. И я решил производить их в тиши своего кабинета, на свой страх и риск. Но у меня было слишком мало личных средств на приобретение собак для опытов. Отказаться же от них, когда задача наполовину была разрешена, я не мог. И я был принужден...

— Красть собак? — с улыбкой добавил судья. Профессор Вагнер выпрямился и ответил тоном глубокого убеждения в своей правоте:

— Собачий век — каких-нибудь двадцать лет. Стоимость собаки — рубли, много — десятки рублей. Уничтожив же нескольких собак, я удлиню жизнь человечества втрое, а вместе с тем утрою и ценность человеческой производительности. Если за это я заслуживаю наказания, судите меня! Мне больше нечего прибавить.

Судьи ушли совещаться. Публика зашумела, как встревоженный улей. Во всех углах образовались кучки спорящих о предстоящем приговоре. Слышались отдельные выкрики:

— Кража остается кражей!

— Но его опыты могут облагодетельствовать человечество!..

— Совсем не спать?.. — говорил какой-то улыбающийся толстяк. — Слуга покорный! Позвольте отказаться от этого благодеяния! Еще Тургенев сказал, что вся наша жизнь — сон и лучшее в жизни — опять-таки сон!..

— Может быть, он врет?

— Кто? Тургенев?

— Да нет, Вагнер, будто он совсем не спит. Не может человек обойтись без сна!..

— Суд идет!..

При напряженном внимании был выслушан приговор. Признавая факт кражи установленным, суд присуждал профессора Вагнера к месяцу лишения свободы без строгой изоляции. «Принимая же во внимание прежнюю несудимость обвиняемого и отсутствие корыстных целей, наказание применить условно, установив годовой срок испытания...»

— Слушается дело по иску жилищного товарищества...

Публика хлынула из зала, обсуждая приговор, который, видимо, удовлетворил большинство: формально Вагнер наказан, фактически остался на свободе.

Только некоторые критиковали приговор.

— Значит, можно безнаказанно красть и убивать? — демонстративно громко спрашивала Шмеман, ища глазами поддержки.

— Если нет корысти, то нет и кражи! Вагнеру надо подать кассацию! — говорили другие.

Под перекрестными взглядами доктор Вагнер пробирался по коридору суда. Но он не обращал ни на кого внимания. Его озабочивала мысль:

«Откуда же я возьму теперь необходимых для опыта собак?..»

3. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ

Судебный процесс имел для профессора Вагнера неожиданные последствия: к нему пришла известность, быть может, раньше, чем он этого хотел. На судебном заседании случайно оказался корреспондент одной небольшой московской газеты. Через несколько дней в отделе судебной хроники появилась заметка с интригующим названием «Человек, который не спит». В заметке описывался судебный процесс доктора Вагнера и сообщалось о том, что профессор «победил сон»: он совершенно не спит и может работать без устали двадцать четыре часа в сутки.

Результатом этой заметки было то, что через несколько дней экономка доложила Вагнеру о приходе корреспондента «Известий». Вагнер недовольно поморщился: он привык оберегать тайну своих работ. Но, подумав немного, профессор решил использовать посещение представителя прессы: если нельзя больше ловить по ночам собак, остается прибегнуть к правительственной помощи. Продолжать опыты втайне больше не представлялось возможным, да в этом не было и большой нужды: с тем, чего он достиг, уже можно было выступать публично. Корреспондент был принят.

Пробираясь через нагроможденные машины и аппараты, корреспондент Горев увидал профессора Вагнера и в изумлении остановился. Вагнер стоял у высокой конторки. Из носа профессора шли две резиновые трубки, выходящие сквозь отверстие оконной рамы наружу. Эти трубки как бы органически связывали профессора с окружающими его машинами, будто и он сам наполовину превратился в машину. И еще одно поразило Горева: левым глазом Вагнер просматривал какую-то книгу и делал из нее левой же рукой выписки, а правый глаз он устремил на посетителя и протянул ему правую руку.

— Прошу садиться! — любезно сказал Вагнер, не прекращая работать левой рукой.

Горев, видавший виды, как всякий опытный корреспондент, был так поражен, что забыл все обычные подходы журналиста и молча, с полным недоумением смотрел то на бегающий по книге и рукописи левый глаз профессора, то на трубки в его носу.

Профессор заметил этот недоуменный вид посетителя и улыбнулся.

— Вас удивляют эти трубки? — любезно начал он. — Но это так просто: я слишком дорожу своим временем, чтобы ходить гулять. Между тем чистый воздух необходим для здоровья тела и ясности мысли. И вот я сделал маленькое приспособление: я вывел наружу, над крышей, две трубки, концы которых с особым приспособлением вставляются в нос. При вдыхании воздуха открывается один клапан, при выдыхании этот клапан давлением воздуха закрывается, а открывается другой, который выпускает отработанный легкими воздух. Это маленькое приспособление дает мне возможность все время дышать свежим воздухом, и видите, какие у меня румяные щеки! Пустяковое изобретение, но оно может принести большую пользу. Представьте больных, которых нельзя выносить из комнаты. Да и современная вентиляция оставляет желать много лучшего. При помощи же этого прибора все больные могут дышать чистым воздухом. Я предвижу большее: если еще древние римляне умели проводить воду за сотни километров, создав свои монументальные акведуки, то почему бы нам не создать «аэродуки»? Можно было бы по трубам доставлять, например, горный или морской воздух. В конце концов, это было бы дешевле, чем посылать больных ради воздуха за сотни и тысячи километров. Центральные трубы с особым нагнетателем будут подавать воздух в наши города, и там он будет распределяться. Горный, морской, степной или напоенный хвоей воздух будет доступен всем...

Профессор Вагнер говорил быстро, не переставая писать левой рукой. Правым глазом он продолжал смотреть на посетителя.

Горев, наконец, обрел дар слова.

— Скажите, как вы это можете?.. — И он посмотрел на скошенные глаза профессора и его левую руку.

— Писать левой рукой, управлять каждым глазом отдельно, работать и одновременно беседовать с вами? Дело в том,

что у меня оба мозговых полушария действуют совершенно самостоятельно и почти независимо друг от друга.

Но я должен вам пояснить, так сказать, мою отправную точку. Как вам известно, официально я профессор биологии. Не менее вам, надеюсь, известно и то, что современные научные дисциплины чрезвычайно быстро распадаются на самостоятельные части. На наших глазах вырастает биологическая химия. Каждое новое научное ответвление, вроде атомной теории, быстро вырастает в самостоятельную научную дисциплину. Нужны годы, чтобы постигнуть каждую из этих отдельных научных областей.

А между тем, для того чтобы идти вперед, надо знать и смежные науки: биология и физиология, химия и электричество, даже геология и астрономия — все они переплетаются, взаимно влияют друг на друга. Нужен какой-то всеобъемлющий ум, чтобы охватить всю эту массу знаний. А жизнь человеческая так коротка! Мне за пятьдесят. Еще десяток-другой лет, и конец. Передо мной колоссальные задачи, которые я хочу разрешить. Значит, первое, что я должен был сделать для своей цели, это так или иначе удлинить жизнь. Сначала я думал об опытах омоложения. То, что уже достигнуто, помогло мне: я выгляжу моложе своих лет. Может быть, я и вернусь к этим опытам. Но пока я остановился на том, что было мне больше знакомо по своим работам над мозгом.

Первое, что мне пришло на мысль, это выработать способность работать отдельно каждым мозговым полушарием. К сожалению, я не могу подробно остановиться на этих работах: это заняло бы слишком много времени. Скажу лишь, что здесь главную роль играет тренировка. Вам, может быть, приходилось видеть ритмическую гимнастику Далькроза? Детишки быстро овладевают способностью управлять асимметрическими движениями: правой рукой они могут отбивать три такта, левой — два, притом в различных темпах, одновременно проделывая различные движения и ногами. Нечто подобное проделывал и я, кстати сказать, к полному недоумению моей экономки.

Труднее оказалось овладеть аппаратом глаз. У нас каждый глаз имеет самостоятельную систему управления, но в силу того, что мы лучше видим, фиксируя оба глаза на одной

точке, у нас выработалась привычка согласовывать движения глаз. Наследственность этих навыков осложняла борьбу за «автономность» в движении глаз. Однако такая независимость движения каждого глаза вполне возможна. Примером этому может служить хамелеон. Я занялся упражнениями. Результаты вы видите. Научиться писать и работать левой рукой не представляло труда. Осталось перейти к последнему: научиться одновременно производить две умственные работы, например, писать обеими руками сразу два научных исследования на разные темы. На это ушло у меня несколько лет. Я добился своего. Таким образом я удвоил свою мозговую продукцию.

Но мне и этого казалось мало. Восемь часов сна! Треть человеческой жизни мы теряем на то беспомощное, полумертвое состояние. Вот что возмущало меня. Освободить человечество от сонной повинности. Какие необычайные перспективы, какие возможности!.. Сколько великих произведений дали бы нам еще великие мыслители, если бы им подарить все ночи для творчества! Сколько неоконченных великих произведений было бы закончено! Как двинулся бы прогресс! Рабочий, отработав положенные часы у станка, проводил бы ночь за книгой или общественной работой. У нас не было бы неграмотных. Больше того, все получили бы возможность стать вполне образованными людьми. Какими бы гигантскими шагами двинулся прогресс! Вот о чем думал я...

Профессор Вагнер одушевился. Его правый глаз горел энтузиазмом. По-видимому, волнение передалось и другой половине мозга: левый глаз также вспыхивал и левая рука стала писать прерывисто.

Но Вагнер заметил это, и левый глаз как будто погас, углубившись в работу, левая рука методично застрочила, в то время как правый глаз продолжал гореть воодушевлением и правая рука обводила широкие круги.

— И теперь это возможно! — сказал профессор. — Сон — совсем не нормальное явление, а болезнь, являющаяся результатом отравления гипнотоксинами: это особые яды, которые выделяет мозг при своей работе. Отравленный этими ядами, человек засыпает, то есть заболевает.

Когда человек спит, мозг не вырабатывает новых токсинов; за это же время организм уничтожает токсины, накопившиеся за рабочий день.

Таким образом, поспав, человек выздоравливает, но — увы! — чтобы опять заболеть к вечеру, и он опять принужден ложиться в кровать. Разве это не ужасно?!

Если хотите, сон заразителен. Я делал такой опыт: заставлял собаку не спать.

Когда ее организм был отравлен гипнотоксинами, я извлекал их и впрыскивал хорошо выспавшейся и только что проснувшейся собаке. Она тотчас засыпала.

Вся задача была в том, чтобы найти «противоядие» — антигипнотоксины. И мне удалось разрешить задачу шире, чем я предполагал: найденный мной антигипнотоксин убивает не только токсины сна, но и другие. Следовательно, он оздоровляет весь организм. Было немало препятствий, но они побеждены. Я поборол сон. Я выбросил кровать — этот символ больницы. Я больше не сплю и работаю почти круглые сутки. Антигипнотоксин я принимаю вместе с пищей. На прием пищи уходит у меня час-два в сутки.

Все это было так необычайно, что Горев продолжал сидеть молча, внимательно слушая профессора.

— Но как вы чувствовали себя первое время? — наконец спросил он.

— Да, мне пришлось немного повозиться с привычкой спать. Спать мне совершенно не хотелось. Но этот беспрерывный, бесконечный рабочий день — то с солнцем за окном, то с темной завесой ночи — действовал как-то странно. К этому я, однако, скоро привык. Зато как хорошо работается в тиши ночи! Не скрою одну эгоистичную мысль: я боюсь, что, когда все люди начнут вести бессонный образ жизни, не будет так тихо по ночам.

— А вам не кажется, что не всем может понравиться перспектива жизни без сна?

— Я уверен даже в этом. — И профессор улыбнулся. — Я предложил как-то зимой, в глухой деревне, одному крестьянскому парню, удивлявшемуся, что я не сплю, испробовать на себе мое средство. Он согласился. Наутро я его спрашиваю, как он себя чувствует. «Будь оно неладно! — говорит

парень. — С тоски чуть не помер! Вся деревня спит. Одни собаки лают. Ходил, ходил — тощища! На печь залез — сна ни в одном глазу. Думал, ночи этой и конца не будет!»

Освободите людей от привычного труда, — продолжал профессор, — они тоже заскучают. Но все это лишь на низших ступенях культуры. Сама же эта культура быстро поднимается при рациональном использовании «бессонных ночей».

— Еще один вопрос. Вы говорите, что вы не спите почти все двадцать четыре часа. Но как же вы не устаете?

— Очень просто. Усталость — это тоже болезненное явление. Работающий мозг выделяет гипнотоксины, работающие же мускулы выделяют кенотоксины — яды, которые вызывают чувство усталости. Я ввожу противоядие — ретардин, и усталости как не бывало. Мой ретардин так же прерывает течение болезни, именуемой усталостью, как прерывают теперь возвратный тиф, введя в организм диоксидиаминоарсенобензолдихлоргидрат, — скороговоркой проговорил Вагнер.

У Горева дух захватило от этого длинного слова. Он попросил профессора повторить по слогам диковинное название и записал в блокнот. «Такие слова придают статье научный вес», — подумал он.

— И вот теперь подсчитайте, — сказал профессор Вагнер. — Работая двумя половинками мозга, я удваиваю свою продукцию. Работая двадцать четыре часа вместо восьми, я утраиваю рабочее время. Значит, я работаю за шестерых, притом без всякого вреда для здоровья. Следовательно, за тридцать лет рабочей жизни человек в состоянии будет произвести работу ста восьмидесяти лет. Еще иначе говоря, за каждое полстолетие человечество будет двигаться вперед по пути прогресса сразу на три столетия.

Как вы полагаете, стоит этого пяток обывательских собак?.. — с улыбкой закончил профессор.

4. «ДИКТАТОР»

Вместительная гостиная банкира Гольдзака, купившего недавно баронский титул, была отделана с тяжеловесным великолепием. На стенах, отделанных резной дубовой панелью, красовались рога оленей и гербы новоявленного баро-

на. В углу помещался рыцарь в латах и с мечом XIII века — сомнительный «предок» барона. На окнах с узкими решетками цветные стекла изображали тот же баронский герб: на желтом щите согнутая в локте рука, закованная в латы, сжимала железной перчаткой меч. Над рукой — пять темно-синих звезд.

Посредине комнаты вокруг большого круглого стола из черного дуба на дубовых креслах с высокими резными спинками заседали члены центрального комитета немецкой политической организации «Диктатор». На кресле с более высокой спинкой, с резным германским государственным орлом на ее вершине сидел председатель собрания — старый генерал, один из «героев» империалистической войны, друг кайзера. Грубое лицо генерала, будто высеченное топором из куска дерева, плотно сжатые губы под приподнятыми кверху усами говорили о большой силе воли. Из-под нависших седых бровей выглядывали пытливые, редко мигающие глаза. На его форменном сюртуке красовался только «железный крест».

По правую сторону от председателя помещался хозяин дома — барон Гольдзак, в черном фраке, с совершенно лысой головой, бритый, с моноклем в глазу. Далее в строгом порядке, по рангу, помещались члены комитета. Генерал с узким лбом, глубоко посаженными глазами и выдающимся подбородком. Что-то жестокое, звериное было в этой голове. Еще генерал... Чиновники министерств, депутаты... Крупные фабриканты и банкиры замыкали круг.

Моложавый человек во фраке, с лицом и манерами дипломата — секретарь комитета — делал доклад. На столе около него лежал номер «Известий» со статьей Горева «Победа над сном и усталостью профессора Вагнера». Здесь же перевод статьи на немецкий язык.

— Мы еще не проверили до конца достоверность приведенных в статье данных, но, по имеющимся уже у нас сведениям, по-видимому, она отвечает действительности.

Мне не приходится говорить о значении этого научного открытия. Если оно будет использовано Советской Россией, соотношение сил между нею и другими государствами мира

значительно изменится. В какие-нибудь пять лет мощь большевизма необычайно вырастет.

Одновременная работа обоими мозговыми полушариями, к счастью, требует времени и тренировки и поэтому не совсем доступна массам. Но одна победа над сном и усталостью уже утраивает физические и интеллектуальные силы наших политических противников, а вместе с тем и их материальные ресурсы. Их научные силы и квалифицированные работники будут работать втрое и даже в шесть раз больше. Продукция промышленности возрастет. Через несколько лет они будут иметь новые кадры хорошо подготовленных специалистов во всех областях техники. Словом, их мощь будет расти безостановочно. Они будут работать, когда весь мир будет спать. Они будут работать, когда мы принуждены будем отдыхать после трудового дня.

— Ну, рост промышленности произойдет не так уж скоро, — сказал фабрикант. — Положим, все их заводы и фабрики будут работать круглые сутки. Но дальше?.. Достать кредиты для постройки новых фабрик и заводов им будет не так-то легко. Ведь вы, барон, не предоставите им кредита? — с улыбкой обратился он к Гольдзаку.

Барон ответил такой же улыбкой и пустил колечко дыма.

— Но есть другая опасность, — послышался хриплый голос генерала. — Я говорю о военной мощи Красной армии. Что, если только восемь из шестнадцати «добавочных» часов в сутки будет использовано ими для военной подготовки рабочих и крестьян? Это равносильно созданию многомиллионной армии. Далее, во время войны они будут иметь бойцов, которые не нуждаются в отдыхе. Им не придется сменять солдат в окопах. Они всегда будут зорки, бдительны, свежи, в то время как у нас две трети солдат временно выходят из строя для сна и отдыха. Их летчики, не знающие устали, в состоянии будут производить дальние полеты... Их командный состав, их штабы смогут руководить операциями, не выпуская нитей управления ни на одну минуту для отдыха и сна. Возможно, что средство профессора Вагнера они используют и над лошадьми. Их обозы, их кавалерия не будут знать усталости. Все это слишком серьезно!..

Речь старого генерала произвела большое впечатление на собрание, в особенности на военных. Генералы хмурились, нервно барабанили пальцами, глубже затягивались сигарами...

— Но самое опасное, — поднялся вновь секретарь, — заключается в политическом значении факта. Уже сейчас большевизм потрясает мир, держит в постоянном нервном напряжении правительства всех стран мира. Средство Вагнера утраивает, а может, даже ушестеряет число большевиков. Здесь, в своем кругу, мы можем быть откровенными. Мы не знаем, как справиться с одним вождем Коммунистического Интернационала. Что будет, если этот вождь получит возможность работать в шесть раз больше? Мы будем иметь шесть таких вождей, в шесть раз увеличенный Коминтерн, миллионы русских большевиков, не знающих устали, пропагандирующих и разлагающих массы день и ночь, день и ночь, по двадцать четыре часа в сутки!!

Эти доводы произвели потрясающее впечатление. Дрожали руки собравшихся, платки отирали на лбах и лысинах холодный пот...

— Это ужасно!..

— Кошмар! — слышались взволнованные голоса.

Наступило жуткое молчание. Казалось, страшные призраки проникли вдруг в этот кабинет и наполнили его леденящим дыханием смерти.

Наконец председатель собрания тряхнул головой и стукнул волосатым кулаком по столу.

— Этого нельзя допустить! — хрипло крикнул он. — Во что бы то ни стало мы должны устранить угрожающую опасность! Прежде чем изобретение профессора Вагнера станет достоянием большевиков, мы должны овладеть секретом профессора Вагнера!

И, побуждаемое страхом и ненавистью, собрание перешло к обсуждению вопроса о том, как это сделать.

Один барон Гольдзак не принимал участия в совещании. Ему рисовались уже грандиозные планы. Он думал о том, сколько выгоды можно извлечь из открытия профессора Вагнера, если секрет этого открытия окажется в его руках.

5. «ЛЮБИТЕЛЬ НАУК»

После судебного процесса весь распорядок занятий профессора Вагнера был нарушен. К нему являлись корреспонденты газет и журналов, профессора, студенты и просто любопытствующая публика, желающая испробовать «порошок от сна». Профессор Вагнер уже привык к этим посещениям и потому не удивился, когда услышал, как за дверью кто-то с немецким акцентом попросил разрешения войти.

Когда дверь открылась, профессор увидал молодого человека с пухлым, розовым лицом и короткими вьющимися светлыми волосами. Большие «модные» черепаховые очки как-то не шли к этому юному лицу. Безукоризненный костюм придавал незнакомцу европейский вид.

— Позвольте представиться, уважаемый господин профессор!.. Герман Таубе, член Берлинского общества любителей естествознания. От этого общества я и прибыл к вам... Ваше открытие чрезвычайно заинтересовало нас. И общество обращается к вам с покорнейшей просьбой: не могли бы вы прочитать в нашем кругу несколько лекций о ваших работах?

— К сожалению, я не располагаю временем.

— О, это не займет много времени! — засуетился молодой человек. Его женский голос поднялся до самых высоких нот, глаза смотрели просительно сквозь черепаховые обручи очков. Он даже склонил голову набок и сжал руки. — Только бы вы согласились!.. Только бы согласились! Для нас это будет такой праздник! Я сам не ученый, но страстный любитель науки. Отец мой богат... очень богат... Если бы вы пожелали, вы нашли бы у нас все необходимое для ваших работ... Мы оборудовали бы вам прекрасную лабораторию... десятки, сотни собак были бы в вашем распоряжении!..

Вагнер улыбнулся.

— Вы очень любезны, но, к сожалению, я должен отклонить ваше предложение. Я не собираюсь покидать Россию.

— Как жалко!.. О, как жалко! Мне казалось, что здесь работать... что там работать... Но вы не откажетесь прочитать у нас несколько лекций! Это займет всего несколько дней. Мы отправимся воздушным путем, на пассажирском аэроплане

новой компании воздушных сообщений «Уэншетлих унд Бэквемхейт» — «Безопасность и удобство». Вполне оправдывает название... Успешно конкурирует с «Дерулуфтом»... Я беру на себя все хлопоты по визированию паспортов. О расходах и гонораре говорить не будем... Мы, конечно, все берем на себя...

— Я мог бы потратить на это дело не более трех-четырех часов. Я слишком дорожу временем. Не забудьте, что у меня шестикратная производительность. Если я истрачу только двое суток, то для меня они будут равны потере двенадцати. *Нет, я не могу принять вашего предложения!*

— Я крайне огорчен. А еще больше будет огорчен руководитель нашей лаборатории профессор Брауде. Он работает в той же области, что и вы. Но его метод несколько иной...

Профессор Вагнер оживился.

— Вот как! В чем же его метод?

— Он пытается... — Таубе несколько смутился. Лицо его выразило напряжение мысли, как будто он хотел вспомнить что-то. — Он работает над методом, который даст возможность самому организму вырабатывать токсины против гип... гип...

Но Вагнер уже угадал мысль.

— Как раз я сам работаю сейчас над этим! Наши газеты несколько преувеличили мои успехи на этом пути...

— Я не из газет! — прорвалось у Таубе. Он покраснел от досады на себя. — Профессор Брауде уже несколько лет работает в этой области. Он так хотел познакомиться с вами и поделиться опытом!.. Очень жалко, что теперь придется огорчить его...

— Это изменяет дело! Я думаю, что потеря времени будет вознаграждена... Профессор Брауде?.. Я что-то не слыхал о нем.

— Молодой и чрезвычайно скромный... не любит рекламы... Но страшно гениален!..

— Я согласен!

Таубе бросился к профессору и стал пожимать его руки.

— Тысячу благодарностей! А об отъезде позабочусь я сам. Вы ни минуты не потеряете своего драгоценного времени!

И, расшаркавшись, он скрылся за дверью.

«Странный молодой человек. Собаками подкупить меня хотел!» — подумал после его ухода профессор Вагнер.

6. «УЭНШЕТЛИХ УНД БЭКВЕМХЕЙТ»

Рано утром почтово-пассажирский аэроплан снялся с аэродрома и быстро стал набирать высоту. В уютной кабине на мягких кожаных креслах разместились: профессор Вагнер, Герман Таубе, дипломатический курьер французского посольства в Москве и служащий советского торгпредства в Берлине.

Если бы не ослабленное усовершенствованным глушителем жужжание мотора да плавное покачивание, можно было подумать, что сидишь в купе вагона. Сквозь зеркальные окна внизу виднелась панорама Москвы с извивающейся лентой реки. Как игрушечный, показался Кремль, сверкавший своими куполами. А впереди уже расстилался бесконечный ковер полей и лесов, изрезанный желтоватыми линиями дорог и голубыми извивами рек. Желтыми квадратами выделялись поля созревающей ржи. Кое-где, как муравьи, двигались по дорогам и копошились на полях люди и животные.

Но профессор Вагнер недолго любовался этими видами с высоты птичьего полета. Как скупец дрожит над каждой копейкой, так Вагнер дорожил каждой минутой времени. Он вынул книги, пристроил на коленях складной пюпитр и принялся за работу. Читая книгу, он в то же время непрерывно что-то писал в тетради стенографическими знаками.

Заметив вопросительный взгляд Таубе, он объяснил:

— Я пишу только стенографически. Это моя собственная система. Я сокращаю и упрощаю работу, где можно. Я создал собственную систему мнемоники — этой прекрасной помощницы, на которую, к сожалению, мало обращают внимания. С помощью мнемоники я в состоянии хранить в памяти необычайно большое количество цифр, формул, названий. Дело облегчается тем, что благодаря чистоте моего мозга, из которого выделены отравляющие его токсины, он

работает с неослабевающей ясностью и силой. Все это еще больше увеличивает производительность моего труда. Без преувеличения, я работаю за десятерых...

И Вагнер замолчал, углубившись в работу.

Таубе смотрел в окно на живую картину страны, столь непонятной для него, такой бедной и вместе с тем могущественной, мирной в развертывающихся картинах труда селян и страшной той силой, которая организует миллионы этих сильных рук...

Какая-то река показалась вдали. На высоких прибрежных холмах раскинулся город. На правом берегу город был опоясан старинными зубчатыми стенами кремля с высокими башнями. Над всем городом царил огромный пятиглавый собор.

— Днепр!.. Смоленск!.. Наша первая остановка!..

Аэроплан пролетел над лесом и плавно опустился на хороший аэродром.

Позавтракали и пустились в дальнейший путь. Небо затянуло тучами. Порывистый встречный ветер покачивал аэроплан, как корабль на больших океанских волнах. Движение полета замедлилось. До Ковно все же долетели благополучно. Это последняя остановка перед Кенигсбергом. Несмотря на увеличивающееся ненастье, аэроплан отправился в дальнейший путь. Ветер переходил в шквал. Аэроплан кидало в стороны, круто поднимало на встречные воздушные волны. Иногда, будто потеряв крылья, аппарат стремительно падал вниз.

— Однако, — сказал французский дипломатический курьер, нервно уцепившись за кресло, — я не испытывал еще такой качки!

Его позеленевшее лицо говорило о том, что у него начался приступ морской болезни.

В поисках благоприятного воздушного течения пилот то брал высоту, врываясь в туманную полосу туч, то снижался к самой земле. Но ветер везде бушевал одинаково, решив, казалось, оборвать крылья аппарата.

Свист металлических тросов был слышен даже сквозь громыханье мотора. Начался дождь. Серая завеса мешала ориентироваться.

— Ничего, долетим! — крикнул на ухо побледневшему Таубе служащий советского торгпредства. — Мы должны быть около Инстербурга...

Оглушенный и взволнованный Таубе ничего не понял.

Профессор Вагнер бранил бурю, которая прервала его занятия. Книги валились из рук, карандаш выводил совершенно невероятные каракули. Наконец он бросил работу и с обиженным видом уселся плотнее в кресло.

Дождь прекратился так же неожиданно, как начался. Утих и ветер. Полоса косматых туч была позади. Аэроплан пошел плавно. Все вздохнули с облегчением. Но в этот самый момент мотор стал давать перебои и вдруг остановился.

Пилот быстро стал снижать аппарат планирующим спуском, зорко выглядывая удобное место. Аппарат сильно вздрогнул, пробежал, потряхивая пассажиров, по сжатому полю и остановился.

Пилот и механик осмотрели мотор.

— Придется сделать остановку не менее часа! — сказал механик. Пассажиры вышли из кабины, разминая затекшие ноги. Аэроплан остановился у опушки соснового леса. Среди ровных, как мачты, красноватых стволов виднелось озеро, блестевшее голубым серебром.

— Какая живописная местность! — сказал Таубе, обращаясь к профессору Вагнеру. — Мы успеем сделать прекрасную прогулку. Кстати, встретим кого-нибудь из окрестных жителей и узнаем, где мы находимся. Вы ничего не имеете против?

Профессор Вагнер кивнул головой, и они углубились в лес. Прошел час. Мотор был исправлен, а Вагнера и Таубе все еще не было. Их окликали, искали в лесу, но они исчезли бесследно. Истекло еще сорок минут. Француз стал настаивать на отлете.

— Я везу срочную дипломатическую почту в министерство, и, если мы не прилетим в Кенигсберг к отлету аэроплана на Париж, я опоздаю на много часов... Это недопустимо!..

Служащий торгпредства возражал. Решили отложить отлет еще на полчаса, продолжая поиски, но без успеха.

— Не можем же мы заночевать здесь! — говорил француз. — Они не дети. Доберутся и по железной дороге! Я плачу за срочность, и вы должны доставить меня в срок!

Пилот пожал плечами и уселся на свое место. За ним последовали остальные. Мотор загудел. Аэроплан взвился в воздух.

7. В ПЛЕНУ

Профессор Вагнер пропал бесследно.

Когда об этом узнали в Москве, Наркоминдел запросил германское правительство по поводу этого странного исчезновения.

От германского министерства по иностранным делам была получена ответная нота, в которой высказывалось сожаление по поводу этого прискорбного случая. «Нами принимаются все меры к розыску, но, к сожалению, до настоящего времени они не дали результатов. Считаем не лишним обратить ваше внимание на то, что вместе с профессором Вагнером исчез и германский подданный Герман Таубе. Полагаем, что этот факт снимает с германского правительства всякие подозрения в том, что в данном случае мог иметь место враждебный акт по отношению к профессору Вагнеру как гражданину Союза Советских Социалистических Республик. Примите уверение в нашем искреннем уважении...»

Ответ этот, конечно, не мог удовлетворить Наркоминдел, но так как невозможно было установить факты, сопровождавшие исчезновение профессора Вагнера, то оставалось выжидать, когда эта тайна будет так или иначе раскрыта.

С профессором же Вагнером случилось вот что.

Когда он углубился в лес, Таубе предложил ему осмотреть развалины замка, стоявшего у лесного озера. Ничего не подозревая, профессор последовал за Таубе. Там уже ждала их засада. Трое замаскированных набросились на профессора и завязали ему рот и глаза. Таубе вырвал из рук профессора портфель с бумагами, который Вагнер, идя на прогулку, захватил с собой. Сильные руки усадили Вагнера в поджидавший автомобиль, и они тронулись в путь. Проехав не более часа, автомобиль остановился; Вагнера ввели в дом.

Профессор был взбешен.

— Что все это значит? — спросил он, ища глазами Таубе, когда повязку сняли с его глаз. Но Таубе не было. Не было и трех похитивших его людей. Перед ним стоял изящный молодой человек в штатском платье, с военной выправкой. Он улыбался самым любезным образом.

— Дорогой профессор, если вы не устали, то, наверно, проголодались. Поговорить мы еще успеем. Прошу чувствовать себя как дома. Не откажите разделить со мною ужин. Кровать вам не поставили, ведь вы не спите?

И он показал рукой на хорошо сервированный стол с бутылками дорогого вина.

— Благодарю вас! Я не голоден, — отвечал Вагнер, хотя ему очень хотелось есть. — Я бы просил вас объясниться со мной!

— Как жаль! — отвечал с тою же любезной улыбкой молодой человек. — А мы приготовили для вас ваши любимые блюда. Не буду мешать. К сожалению, не могу вам пожелать спокойной ночи: вы не нуждаетесь в этом.

И он вышел со своей неизменной улыбкой.

Профессор Вагнер осмотрелся вокруг. Комната эта, во всяком случае, не напоминала притон бандитов. Все вокруг было изящно, удобно и уютно. Скользнув глазом по столу, он увидел дымящуюся спаржу, зеленый горошек, салат.

Вагнер, глотая слюну, отвернулся от стола и угрюмо уселся в кресло. В довершение всего он лишился портфеля и не мог заниматься. От времени до времени Вагнер вставал, подходил к двери — она была закрыта. Поднял штору окна и увидал густую железную решетку. Побег был невозможен.

— Какая нелепость! — проворчал он и, мрачный, опять опустился в кресло. Так он просидел до утра.

Рано утром явились трое в масках и молча завязали ему рот и глаза, вывели и усадили в мягкое кресло. Заработал мотор аэроплана. Профессор почувствовал, как аппарат отделился от земли. Полет продолжался не менее трех часов.

Когда ему вновь развязали глаза, он увидел перед собою того же молодого человека.

— Добро пожаловать, дорогой профессор! Поздравляю вас с новосельем! Так как нам придется проводить время вместе, то позвольте представиться: Генрих Брауде.

— Профессор?

— Не совсем, — улыбнулся Брауде.

— Но ваши опыты над усталостью?.. Мне говорил Таубе...

— Ах, вот что!.. Ну, это, вероятно, другой Брауде. Разрешите вас ввести, так сказать, во владения... Это ваш кабинет. — Он сделал рукой круговое движение, показывая вместительную комнату с большим письменным столом, дубовой мебелью и книжным шкафом. Окна с матовыми стеклами были за решеткой. — Здесь вы найдете все, что писалось учеными по исследованию сна и усталости.

Несмотря на всю необычность положения, Вагнер не мог удержаться и подошел к книжным шкафам.

— Прейер... Эррер... Бушар... Клапаред, — читал он на корешках книг. — Все это старо... Лежандр, Пьерон... Им я кое-чем обязан...

— Разумеется, вы пошли дальше их! А вот, дорогой профессор, не угодно ли пройти в лабораторию!..

И они прошли в другую комнату.

8. СУДЬБА ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА РЕШАЕТСЯ

В то время как Брауде с изысканной любезностью «вводил» профессора Вагнера «во владения», комитет «Диктатор» решал судьбу пленника. Большинство членов комитета склонялось к тому, что Вагнера необходимо «убрать».

— В портфеле доктора Вагнера мы, безусловно, найдем секрет его изобретения. Нам блестяще удалось его похищение, но остается опасность, что рано или поздно тайна похищения будет раскрыта, если не уничтожить главной улики против нас.

Этой «уликой» был сам профессор. «Убить Вагнера» — об этом, конечно, никто не говорил в собрании, считавшем себя цветом культуры. Но все понимали друг друга. Против «уничтожения улик» возражал лишь барон Гольдзак.

— Полнейшая тайна исключает возможность обнаружения Вагнера. Замки и надежная охрана гарантируют от побега. К чему прибегать к крайним мерам? Такой ум, ум исключительной даровитости, может оказать нам большую пользу. Нужно только суметь так или иначе заставить его работать на нас.

Гольдзак не досказал своей мысли: он рассчитывал воспользоваться еще не одним изобретением Вагнера для коммерческой эксплуатации.

Но большинство голосов было против него. Однако выступление секретаря изменило дело.

— Я вношу предложение, — сказал он, — оставить на некоторое время вопрос открытым. Дело в том, что Вагнер все свои записки вел по совершенно неизвестному методу стенографии, вероятно, изобретенному им самим. Я уже привлек к расшифровке лучших специалистов из Министерства иностранных дел и... других учреждений. Пока им удалось установить, что, по-видимому, это система сокращения до одного знака целых слов. Но расшифровать им еще не удалось. Подождем результатов, иначе мы рискуем остаться перед нераскрытой тайной его изобретения.

Решение было отложено на несколько дней.

Специалисты по расшифровке оказались на высоте положения: им удалось найти ключ к стенографии Вагнера. И, когда они нашли, они были изумлены гениальной простотой этой системы.

Но членов комитета ожидало и огорчение: когда удалось прочитать и перевести записки Вагнера, оказалось, что они содержали целый ряд ценных научных материалов по самым различным областям знания. В сжатых фразах, почти намеках на мысль, в кратких формулах было такое богатство содержания, что его хватило бы на многие печатные тома. Некоторые места даже для специалистов оказались непонятными. Все это оправдывало предположение Гольдзака, что работа Вагнера представляет громадную ценность. Но в записках не было ни строчки о том, что больше всего интересовало комитет: о средстве борьбы со сном и усталостью.

Так или иначе нужно было вырвать секрет у профессора Вагнера. Это было поручено сделать Брауде. В целях сохра-

нения полной тайны он был единственным лицом, которое виделось с Вагнером.

— Дорогой профессор! — обратился Брауде к Вагнеру. — Вы хотели знать, какие причины привели вас сюда. В настоящее время я могу удовлетворить ваше понятное желание. Только крайняя необходимость заставила нас прибегнуть к способу...

— Бандитов! — не удержался Вагнер.

Брауде улыбнулся, как будто он услышал милую шутку, и, нисколько не смутившись, продолжал:

— Мои друзья представляют собой мощную организацию, которая стоит на страже европейской культуры. Увы! Над этой культурой нависла громадная опасность, имя которой — большевизм. Вы человек, далекий от политики, и, может быть, вы сами не учитываете того, какое могучее орудие дало бы ваше изобретение этим врагам культуры. Вот что побудило нас во имя цивилизации, для блага всего человечества посягнуть на вашу личную свободу. Вам, как человеку науки, также должна быть дорога наша старая европейская культура. Подарите же ей ваш ценный дар! Поверьте, он будет использован наилучшим образом.

Профессор откинулся на спинку кресла и слушал, устремив оба глаза на своего собеседника, что с ним случалось редко.

— Да, я человек науки, далекий от политики, — ответил Вагнер. — Но вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что я противник Советской власти. Впрочем, ваша ошибка понятна: к вам большевизм обращается только своей разрушительной стороной. Я же пережил уже эту полосу и, не скрою, полосу сопутствовавших ей настроений; последние годы я мог наблюдать и другую сторону этого самого «страшного» большевизма — созидательную. Вы ее не видите или не хотите видеть. Меня же поражает и невольно захватывает этот грандиозный размах творческой энергии, широта планов, кипучая работа... Никогда еще столько научных экспедиций не бороздило вдоль и поперек великую страну в поисках естественных богатств, где бы они ни находились: глубоко прикрытые полярными льдами, жгучими ли песками пустыни или молчаливыми недрами земли. Никогда еще не было у

нас такой тяги к технике, механизации труда. Никогда самая смелая творческая мысль не встречала такого внимания и поддержки...

И потом, что нужно ученым? Прежде всего условия для спокойной работы. Моя страна уже перенесла бурю революции и судороги контрреволюции. Впереди только мирное строительство. А вы?.. Разве не ваш страх перед грядущими потрясениями заставил вас привезти меня сюда столь... неделикатным манером? Нет, господин Брауде, я желаю жить и работать в России. Ей же принадлежат и мои труды. Я не открою вам секрета!

Ответ Вагнера был доложен комитету.

— Да он сам большевик! — воскликнул узколобый генерал.

— С ним нечего стесняться! — слышались голоса.

На этот раз и Гольдзак нашел невыгодным выступать против общего настроения.

Не было принято никакой резолюции, но все было ясно без слов: профессору Вагнеру был вынесен смертный приговор.

И Брауде должен был привести его в исполнение.

Не без волнения вошел он в кабинет профессора, чувствуя тяжесть «браунинга» в своем правом кармане. Но, хорошо владея собой, он с обычной любезной улыбкой поздоровался с профессором и уселся в кресло напротив него, заложив руки в карманы.

— Ну-с, как, дорогой профессор, вы еще не изменили вашего решения? — спросил он Вагнера, нащупывая в кармане рукоятку револьвера. — Предупреждаю вас, что ваш отказ приведет к самым тяжелым для вас последствиям.

— Нет, господин Брауде: не изменил и не изменю!

Брауде ощупью наложил палец на курок, все еще не вынимая револьвера из кармана.

— Но у меня есть одна просьба, господин Брауде!

«Время терпит, — подумал Брауде, — узнаем, что это за просьба», — и задержал в кармане руку с револьвером.

— К вашим услугам, дорогой профессор.

Профессор имел смущенный вид. Брауде поразило, что

Вагнер выглядел очень усталым и всегда румяные щеки его побледнели.

— Дело в том, — начал профессор, запинаясь, — что ваши друзья в масках при обыске не заметили в моем жилетном кармане небольшой коробочки с пилюлями. То есть они, может быть, и заметили, но, вероятно, не обратили внимания на нее, так как на коробочке была безобидная этикетка: «Purgen». Обычное лекарство для людей, ведущих сидячий образ жизни. В этой коробочке у меня был запас пилюль против сна и усталости. Увы, коробочка пуста! Вчера я принял последнюю пилюлю. Если сегодня я не возобновлю прием, я должен буду уснуть. Для меня это было бы ужасно... И усталость... Я был бы вам... очень благодарен... — профессор говорил все медленнее, — если бы вы достали мне некоторые химические продукты по моему указанию и если можно... скор...

Голова профессора откинулась назад, веки закрылись, и он заснул глубоким сном.

— Это облегчает задачу! — сказал вслух Брауде, спокойно вынул револьвер и направил его в грудь профессора.

Но он не выстрелил: какая-то мысль остановила его. И, быстро сунув револьвер в карман, он выбежал из комнаты.

9. АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «ЭНЕРГИЯ»

— Профессор Вагнер спит! Он в наших руках! — быстро проговорил Брауде, вбегая к секретарю комитета.

— Говорите яснее, Брауде, в чем дело?

— Дело в том, что у Вагнера истощился запас противосонных пилюль и он нуждается в химических материалах, иначе говоря — он нуждается в нас! Мы можем дать ему все необходимое, но под условием выдачи секрета. Я уверен, теперь он пойдет на все! Я взял на себя смелость отложить исполнение приговора.

— Вы правы! Несколько дней не составляют расчета. Попытайтесь сговориться с ним, когда он проснется.

Но сговориться с Вагнером оказалось не так-то просто. Однако Брауде не терял надежды. Он играл на психологии

Вагнера и поднимал с ним торг в тяжелые для Вагнера минуты, когда его начинали одолевать сон и усталость. Профессор страдал.

— Сколько непроизводительно потерянного времени! Сон для меня равносилен смерти, а смерть страшна только тем, что это вечный сон, который оборвет мои работы. Сколько неоконченного! Сколько погибнет замыслов!..

На третьи сутки было достигнуто соглашение: «друзья Брауде» доставляют профессору Вагнеру все необходимые продукты, а профессор Вагнер будет вырабатывать в лаборатории свой чудесный препарат. Никто не может присутствовать при производстве работ.

Из осторожности Брауде поставил условием, чтобы одну из приготовленных пилюль Вагнер проглатывал первый. Комитет «Диктатор» полагал, что если ему станут известны составные элементы препарата и самый препарат в готовом виде, то немецким химикам не представит особого труда угадать остальное.

Однако профессор Вагнер явно осложнял их работу. Он составил длиннейший список различных химических веществ. Было очевидно, что многие из этих веществ не входили в состав его антитоксина.

Когда получился готовый препарат, химики обнаружили полипептиды и аминокислоты. Найдены были вещества, содержащие группу C:NH; но в препарате оказывался, очевидно, еще какой-то неразложимый остаток. По крайней мере, все опыты ученых не приводили к цели.

Практических неудобств от этого пока не проистекало. Пилюли Вагнера, принимаемые один раз в день вместе с пищей, заключали в себе, помимо обычных пилюльных связывающих веществ, не более 0,05 грамма чистого препарата. Несколькими килограммами можно было обеспечить потребность всего населения.

Лаборатория Вагнера вполне успешно справлялась с этим производством.

Профессор Вагнер на время примирился со своей участью. Когда производство наладилось, для него потекли дни и ночи обычного труда. Изготовление пилюль отнимало у него не более четырех часов в сутки. Отработав этот «урок»,

он погружался в свои научные изыскания, не думая больше о судьбе «продукции».

А между тем эксплуатация его препарата имела громадное влияние на всю жизнь Германии.

Как только производство пилюль было поставлено, на сцену выступил барон Гольдзак. Им было создано акционерное общество «Энергия», которое выпускало в продажу чудесный препарат, уничтожавший сон и усталость. Акции, выпущенные в огромном количестве, находились в руках членов комитета.

Широкая рекламная кампания оповестила мир о новом препарате.

«Нет больше сна! Нет больше усталости! Удлините вашу жизнь!» — крупными буквами кричали плакаты и объявления газет.

В ответ на эти рекламы в советских газетах появился ряд статей о профессоре Вагнере, уже открывшем секрет борьбы со сном и так странно исчезнувшем на немецкой территории.

Но немецкие газеты, находящиеся на содержании «Энергии», возмущались этими «инсинуациями» и доказывали, что «Энергия» купила свой препарат у немецкого профессора Фишера, ранее Вагнера разрешившего эту задачу. Такой профессор действительно был, но коллеги, знавшие его бездарность, только руками разводили. Неожиданно открытая «гениальность» Фишера и привалившее к нему вслед за этим богатство заставляли многих немецких ученых усомниться в истине. Но они молчали.

Акционерное общество «Энергия» преследовало коммерческие и политические цели.

Препарат Вагнера был настоящим золотым дном. Деньги лились рекой, и эти деньги в значительной доле расходовались комитетом «Диктатор» на подкупы своих политических противников, прессы, избирателей, социал-демократических вождей пролетариата, министров. Колоссальные средства шли и на пропаганду. Благодаря всему этому «Диктатор» скоро оказался фактически правителем страны.

Первым покупателем препарата была денежная аристократия: капиталисты, рантье, лица свободных профессий.

Из всех них только лица свободных профессий использовали препарат с наибольшей выгодой для себя и общества: купленное «прибавочное» время приносило хороший доход. Профессора выпускали утроенное количество печатных трудов, юристы утраивали свою практику, хирурги успевали производить громадное количество операций.

Что же касается рантье и в особенности «золотой молодежи», то для них «прибавочное время» ценилось как прибавочная сумма наслаждений. Ночные развлечения распустились пышным цветом. Кабаре, рестораны, театры вырастали, как грибы. Все ночи напролет эти места удовольствий довольно грубого свойства горели огнями, привлекая посетителей, не знавших больше сна и отдыха. Однако такая жизнь, разумеется, не обходилась без вреда для здоровья. Вино лилось рекой. Все виды азарта и разврата расшатывали нервную систему капиталистической «смены». Скоро пилюли вошли во всеобщее употребление. Все городское население забыло о сне, за исключением бедняков и безработных, не имевших средств на покупку чудодейственных пилюль.

Препарат «Энергия» оказал крупнейшее влияние и на финансы страны. Торговые заведения и банки работали двадцать четыре часа в сутки. Денежное обращение быстро увеличивалось.

Но особенно сильное влияние оказало изобретение профессора Вагнера на промышленную жизнь страны. Фабриканты и заводчики очень быстро поняли все выгоды препарата. Прежде всего они смогли сразу на две трети сократить управленческие аппараты своих учреждений. Затем они принялись за рабочих. Все крупные денежные тузы были членами организации «Диктатор», отпускавшей им препарат по себестоимости. Среди рабочих был произведен «отбор». «Неблагонадежные» увольнялись, «благонадежные» получали двойные оклады, работая беспрерывно две смены. Пилюли они получали «бесплатно».

Восемь часов оставляли свободными от работ.

«Пусть рабочие войдут во вкус траты денег. Если они станут работать двадцать четыре часа, у них могут скопиться

сбережения, а это нежелательно. Лучше будет, если их «лишние деньги» вернутся к нам через наши кабачки».

Безработица росла. Безработные начали борьбу, но она подавлялась беспощадно.

Все это делалось за спиной профессора Вагнера, поглощенного своими научными работами и занятиями.

От времени до времени он спрашивал Брауде:

— Ну, какие результаты дает мой препарат?

— Прекрасные, дорогой профессор! Восемь часов для работы, восемь для наук и искусств и восемь часов для движений на свежем воздухе. Промышленность растет, науки процветают, молодежь пышет здоровьем!

Доверчивый профессор был в восторге. Но в глубине его сознания звучала какая-то тоскливая нотка не оформившейся еще мысли. Она все чаще посещала его и мучила своей неопределенностью. Но он подавил ее.

— И это достигнуто лишь при работе одного мозгового полушария! Надо научить молодежь работать обоими полушариями. Это еще удвоит их силы!

Брауде замялся.

— Ваш метод требует большой тренировки. Вам пришлось бы потратить слишком много времени на личное инструктирование... Но если бы вы могли написать об этом книгу...

За окном вдали послышался шум, крики толпы, несколько выстрелов и стоны...

Вагнер подошел к окну, но матовые стекла не позволяли видеть, что делается снаружи.

— Что это? — спросил он.

— Вероятно, праздничный карнавал!

— Эти крики не напоминают шума праздничной толпы, — сказал задумчиво Вагнер и почувствовал, как тоскливая нотка опять запела где-то внутри.

Несмотря на все увлечение работой, он чувствовал себя пленником. Он не знал, что творится вон там, за окном. Он не знал, что творится на Родине. Россия!.. Не о ней ли тосковал он все время? Так дальше продолжаться не может! Он должен вырваться на волю! А прежде всего он должен узнать, что делается там, за окном!..

10. ЧТО ДЕЛАЕТСЯ ЗА ОКНОМ

— Господин Брауде, мне нужен для новых опытов ряд приборов и частей. Вот чертежи. Будьте добры срочно заказать по ним приборы и доставить материалы.

— Можно узнать, что за опыты, дорогой профессор?

— Превращение световой волны в звуковую. Вы знаете, что многим музыкантам каждая гамма или тон кажутся окрашенными в определенный цвет. Например, C-dur — белый цвет, A-moll — синий, D-dur — розовый... Я хочу установить соотношение звуковых и световых волн.

Вагнер дал большой заказ. Среди разнообразных и часто не имеющих ничего общего частей и материалов было все необходимое для конструирования радиоприемника.

Когда заказ был получен, Вагнер принялся за работу. Задача его облегчалась тем, что Брауде оказался ничего не понимающим в радиотехнике. Однако опасаясь, что Брауде мог скрывать свои знания, Вагнер очень хитро маскировал свою работу и опыты. Ему помогало в этом умение производить одновременно две работы сразу.

Довольно громоздкий «аппарат» был готов. Это было соединение радиоприемника, хорошо скрытого внутри, и «светозвукового трансформатора». От аппарата шли две слуховые телефонные трубки: одна — от скрытого радиоприемника с рамочной антенной, другая — от «светозвукового» отделения аппарата. Телефонную трубку от радиоприемника взял Вагнер. К другой трубке с любезной улыбкой, но решительно протянул руку Брауде.

— Разрешите поинтересоваться?

— Пожалуйста!

Правый глаз и правая рука профессора были к услугам Брауде, левыми он работал над радиоприемником. Правая рука повернула рычажок, и на экране появилось розовое пятно. В то же время Вагнер регулировал герметически закрытую индукционную катушку, и она гудела в слуховую трубку Брауде, меняя тон.

— Слышите? D-dur!

Но тут вышло осложнение: Брауде оказался обладателем абсолютного слуха.

— Это не D-dur! Уверяю вас, это C-dur! — сказал он.

— Я не музыкант... Но это доказывает только, что субъективные сближения звука и цвета ошибочны! — нашелся профессор.

В то же время левой рукой он настраивал свой радиоприемник. Среди фокстротов, забавлявших Европу, и выстукивания радиотелеграфа он вдруг уловил русскую речь:

«...Уже на этом примере вы можете видеть, товарищи, как самые ценные достижения науки извращаются на капиталистической почве. То, что могло принести громадную пользу трудящимся, поднять их культурно, превращается в орудие эксплуатации пролетариата... Изобретение русского профессора Вагнера, столь странно исчезнувшего на гер...»

— Это крайне интересно! — громко сказал Брауде. — Поразительно! Я страшно заинтересован! Надо поставить здесь рояль... Представьте картины, превращенные в звуки... Быть может, мы услышим новые симфонии... Или шумановский световой «Карнавал».

«...средство от сна, — продолжало радио, — вызвало страшную безработицу... Бедствия рабочих не поддаются описанию...»

«А меня-то уверял Брауде...» — подумал Вагнер, и, не удержавшись, он воскликнул:

— Какой обман!..

— Обман? В чем обман? — удивленно спросил Брауде.

— D-dur окрасить в розовый цвет! — раздраженно ответил Вагнер.

— Но ведь это субъективно!..

11. СОННОЕ ЦАРСТВО

Одна цель была достигнута. Профессор Вагнер знал, что делается за окном. Оставалось проникнуть туда, за окно, на свободу, самому. План его был готов.

Он ухмылялся в свои усы и зорко вглядывался в лицо Брауде. Его тюремный смотритель устало потянулся и зевнул.

— Что это значит, профессор, я чувствую сонливость?!

— Представьте, я тоже, — сказал Вагнер, искусственно зевая. — Боюсь, что нам вчера прислали не совсем доброкачественные химические продукты.

— Странно... Я положительно засыпаю... Надо, во всяком случае... а-а-а... предупредить...

Он поднялся, но тотчас свалился в кресло и захрапел.

— Готово! — произнес профессор Вагнер, широко улыбаясь. — Теперь этот мор пойдет по всей стране! Раньше суток им не проснуться. И как просто! Надо было только изменить состав препарата. Вместо антитоксинов они проглотили простой безвредный порошок магнезии. Действие вчерашнего приема пилюль против сна кончилось, и теперь они спят как убитые «естественным сном». Весь Берлин, вся Германия погрузилась в сонное царство! Свобода! Свобода! — закричал Вагнер, не боясь разбудить спящего Брауде.

Но радость Вагнера была преждевременной. Толстая дубовая дверь кабинета запиралась снаружи. Надо было разбить ее. Он обошел всю лабораторию, ища подходящее орудие. Там были лишь легковесные точные инструменты и стеклянные химические сосуды... Оставалась тяжелая дубовая мебель. Он принялся за нее, работая как тараном. Мебель ломалась, куски превращались в щепы, но дверь не поддавалась.

Брауде продолжал спать: его не разбудили бы теперь и пушечные выстрелы.

С таким физическим напряжением Вагнер не работал еще никогда. Ему несколько раз приходилось принимать ретардин — средство, уничтожающее усталость, — чтобы поднять силы. Но главное — драгоценное время текло... Уже прошло несколько часов этой упорной работы. Наконец одна половина двери поддалась. Профессор вздохнул с облегчением и пролез в образовавшуюся брешь.

Здесь он мог убедиться, как хорошо его стерегли: в соседней комнате оказался целый штат сторожей. Все они крепко спали, сидя на креслах или лежа на полу. Их храпение сотрясало воздух. Прямо перед собой профессор увидел гладкую стальную дверь, какие бывают в кладовых банков.

Профессор в отчаянии опустил руки. Нечего было и думать разломать такую дверь. Ее можно было разве только взорвать.

«А почему бы и не взорвать?» — вдруг мелькнула у Вагнера мысль. Он бросился в лабораторию и стал лихорадочно рыться в склянках. Он одновременно развешивал, растирал, смешивал, быстро работая обеими руками. Не прошло и получаса, как профессор держал в руках патрон со взрывчатым веществом большой силы. Сделав небольшое отверстие в стене у двери, он заложил патрон и провел от него фитиль в дальний угол лаборатории.

«Или я погибну, или буду свободен!»

Посмотрев на спящих, он задумался. Вынул часы, неодобрительно покачал головой.

«В конце концов несколько минут не составляют разницы. Не надо напрасных жертв!..» И он перетащил спящих служителей в лабораторию.

Покончив с ними, Вагнер еще раз посмотрел на часы, вздохнул и поднес огонь к фитилю. Шипящая искра побежала к двери... Профессор Вагнер невольно прижался к стене... Прошло несколько бесконечно долгих секунд напряженного ожидания...

Громовой раскат потряс все здание. Волна воздуха ударила Вагнера. Он потерял сознание.

Придя в себя, Вагнер ощупал свое тело.

«Кажется, цел! — И тотчас посмотрел на часы. — Однако! Целых двадцать минут я лежал в обмороке... Голова кружится... Ничего... Пройдет!» — и посмотрел вокруг себя.

Комната была наполнена удушливым дымом. Все окна в лаборатории вырваны с рамами. Штукатурка на потолке обвалилась. Стеклянная посуда перебита. Один из сторожей был ранен и глухо стонал во сне. Брауде отбросило к двери лаборатории, но он, по-видимому, счастливо отделался. Он что-то бормотал и, пытаясь проснуться, приподнимал голову, но она тяжело падала вниз.

Вагнер перешагнул через его тело и вошел в кабинет.

Здесь было полное разрушение. Потолок наполовину обрушился. На выступавших балках висели какие-то лохмотья, по которым прыгали язычки пламени. Вся мебель исковеркана. Письменный стол лежал на боку, расщепленный свалившимися кирпичами. Пол вспучило и поломало. Через навалённые обломки Вагнер пробрался к двери и заглянул в следующую комнату.

Но на месте стены со стальной дверью он увидел сквозь завесу дыма небольшой сад, огражденный высокой каменной стеной. Дальше, за стеной, высилась громада серого здания с разбитыми стеклами и виднелся погнувшийся столб уличного фонаря.

— Вот не думал, что нахожусь среди города! — сказал Вагнер, подходя к обрыву пола.

В висках стучало, голова еще сильно кружилась, едкий дым вызывал боль в глазах, но Вагнер, цепляясь за выступы обвалившейся стены, стал спускаться в сад.

Все деревья были поломаны, листва обожжена.

«Стена!.. Последняя преграда... Как преодолеть ее?» — Вагнер осмотрелся кругом. Садовая беседка. У порога лежит спящий старик садовник... А вот и то, что ему надо! Лестница!

Вагнер быстро приставил ее к стене.

Посмотрев с высоты каменного забора на развалины своей тюрьмы, он перебросил лестницу, быстро спустился на улицу и сразу вступил в спящий город.

Стояла мертвая тишина. Ничто не нарушало сонного покоя. Улица представляла необычный вид. Она вся была завалена грудами тел спящих людей. Ежеминутно приходилось переступать через эти тела, и Вагнер, чтобы быстрее идти, вышел на середину улицы. Здесь стояли автомобили со спящими в них людьми.

Вагнер шел к перекрестку.

Вот на тротуаре лежит толстая дама, положив голову на ногу почтальона. Шляпа сползла с ее головы, зонтик валяется в стороне. Вот стоит автомобиль для поливки улицы со спящим шофером. Вода еще льется из бака, подмывая лежащих на улице. Некоторые из них ежатся от воды, медленно поворачиваются, но продолжают спать. Валяются цилиндры, шляпы, пакеты, узелки, картонки... На некоторых лицах застыл ужас. Их организм, очевидно, дольше других боролся со сном: на их глазах падали и засыпали люди, и им каза-

лось, что город и сами они охвачены эпидемией какой-то страшной, неизвестной болезни. И они засыпали с ужасной мыслью, что, быть может, никогда не проснутся. Иных, наоборот, сон сваливал почти мгновенно. Их лица были спокойны.

Чем ближе к перекрестку, тем гуще лежали тела на тротуарах.

Вот и перекресток.

Вагнер остановился и прочитал на углу дома название улицы: «Konigstrasse».

«Так вот где я! Почти в центре Берлина!»

На самом перекрестке лежал толстый шуцман (полицейский), раскинув ноги по трамвайным путям. Он даже во сне не выпускал свою палочку. В двух шагах от его ног стоял трамвай, очевидно, остановленный вагоновожатым в последние минуты борьбы со сном.

А дальше виднелись два столкнувшихся трамвая. Один вагон был наполовину разбит. Часть людей выпала на мостовую. Среди них были убитые и раненые. Окровавленные трупы перемешивались с телами спящих, оставшихся в живых. Возле девочки с раздробленной рукой лежала спокойно спящая женщина, очевидно, мать...

Каково будет их пробуждение?.. Несколько автомобилей было также повреждено. Один лежал на боку, ударившись о столб фонаря, другой въехал на тротуар и придавил ноги спящего молодого человека в белом костюме. Молодой человек глухо стонал и гримасничал от боли, но продолжал спать.

«Однако погружение города в неожиданный сон не обошлось без жертв! — подумал профессор Вагнер. — Очень печально, но этого я не мог избежать».

Из открытого окна и дверей многоэтажного дома валил черный дым. Там, очевидно, возник пожар. Вагнер вздохнул и невольно поморщился. Спасать? Но что может сделать он один? И он не имеет времени. Отвернувшись от дома, он быстро зашагал вдоль Королевской улицы, к Курфюрстскому мосту, мимо знакомых зданий Гигиенического музея и Музея национальных костюмов. Вот и ратуша (городская дума) из темно-красного песчаника на цоколе из серого гранита, с

высокой башней и статуями в нишах у входа курфюрста Фридриха Первого и императора Вильгельма.

Профессор Вагнер вспомнил, что в подвальном этаже здания находится один из величайших ресторанов Берлина. Вагнер с утра ничего не ел. Он спустился в ресторан. Здесь, несмотря на ранний час, уже были посетители. Они спали за столом и на полу вперемешку с кельнерами, в лужах пива, вытекавшего из открытого крана пивного бочонка. Вагнер наскоро закусил бутербродами, лежавшими на буфете, и вышел на улицу.

У Курфюрстского моста Вагнер был удивлен появлением нескольких неспящих людей. Они были плохо одеты и своими криками резко нарушали тишину спящего города. Это были бедняки из предместья Берлина — безработные или бродяги. Они не получали казенного противосонного «пайка», не имели средств и купить чудесные пилюли. А если бы и имели, то вряд ли купили бы: сон друг обездоленных... И потому они, выспавшись прошлой ночью, теперь явились сюда, привлеченные вестью о сонном городе.

Через огромные витрины кафе и магазинов было видно, как эти выходцы подвалов и окраин доедали объедки, откидывая спящих у столиков, как отбивали головки бутылок и пили вина. В магазинах готового платья они сбрасывали свои лохмотья, одевались в модные костюмы, так не шедшие к их обрюзглым, небритым или истощенным нуждой лицам, нагружали на спину узлы и, наспех застегивая пуговицы, бросались к другим магазинам, прыгая со своими узлами через спящие тела.

Там их привлекали иные соблазны. Бросая узлы с платьем, они хватали конфеты, пирожные, консервы, чтобы бросить и это все ради золота и драгоценных камней ювелирных магазинов.

Они блаженствовали. Они царили. Никто не останавливал их. Встречая распростертые тела спящих шуцманов — их извечных врагов, — они не могли отказать себе в удовольствии позабавиться: надевали спящим шуцманам на голову дамские капоры, привязывали к их ногам бродячих собак, всовывали в руки пустые бутылки...

Вот и Курфюрстский мост с двумя спящими девочками у бронзовой статуи курфюрста.

Весь мост завален телами спящих.

Вагнер с трудом добрался до Дворцовой площади.

Здесь неспящие оборванные люди встречались толпами. У дворцового фонтана Вагнер увидел нечто вроде митинга голытьбы. Вагнер заинтересовался и стал пробираться среди спящих на земле тел к фонтану Нептуна, стоящего на скале среди четырех аллегорических фигур: Рейна, Эльбы, Одера и Вислы. Фонтан — подарок города Берлина императору Вильгельму Второму. И «бог морей», конечно, он, кайзер... «Будущее Германии на воде!..»

«Увы, превратна судьба человека! — думал Вагнер, переступая через чье-то тело. — Что осталось от могущества «бога морей»?.. Революция отняла у «бога» корону, и памятник Вильгельму Второму уже не будет стоять — тридцать третьим по счету — в аллее Побед Тиргартена...»

Какой-то рабочий, взобравшись на возвышение, обращался к толпе:

— Товарищи! Остановитесь! Что вы делаете? Проснутся наши враги — банкиры, фабриканты и заводчики, проснется полиция, и у вас отберут все и бросят вас в тюрьмы. Обезоруженный враг лежит перед нами! Он в наших руках! Нужно идти в арсенал, захватить оружие!.. Нужно захватить членов правительства, генералов, полицию... Надо действовать немедленно — и власть окажется в наших руках!

Послышались отдельные возгласы одобрения.

Но когда начали обсуждать план действий, оказалось, что захватить власть не так-то легко. Прежде всего никто не знал, долго ли продлится этот странный сон. Большинство неспящих состояло из люмпен-пролетариата, изголодавшейся голытьбы, которая увидала вдруг в своих руках несметные богатства города. Трудно было оторвать эту толпу от соблазнов грабежа и в несколько часов организовать, заставить их действовать по определенному плану.

— Позвольте и мне вмешаться в ваш разговор! — сказал профессор Вагнер. — Вы интересуетесь тем, когда проснется город. Могу вам дать довольно точные сведения. Все уснувшие должны проспать не менее восьми-десяти часов. Уснули они около девяти часов утра. Сейчас сорок минут второго. Надо ожидать, что между пятью-семью часами вечера начнется пробуждение. В вашем распоряжении около четырех часов.

Четыре часа! За это время надо найти грузовики, освободить тюрьмы, перевезти туда спящих врагов... Вместит ли Моабит их всех? Положим, место для арестованных в Берлине найдется, но шоферы, вероятно, все также спят. Где найти других, много ли их найдется?..

— Послушай, Карл, не обратиться ли нам за помощью к нашим московским товарищам? Кто знает, может быть, город проспит и несколько суток?

— Город скоро проснется! — вмешался опять в разговор профессор Вагнер.

— Откуда вы это знаете?

— Из первоисточника: я сам причина этого сна. Они, — и Вагнер показал рукой на тела спящих, — не отравлены. Они лишь не получили обычного состава противосонных пилюль, которые я изготовлял, и теперь спят естественным сном, насколько вообще сон естествен. А нормальный сон продолжается около восьми часов. Расчет простой... О помощи из Москвы нечего и думать в такой короткий срок. Я уж не говорю о некоторых дипломатических препятствиях, которые могут встретиться или, по крайней мере, потребуют своего обсуждения в Москве. Но самый полет в Москву меня крайне интересует. Я не могу остаться здесь. Я «усыпил» город только для того, чтобы бежать из плена одной из ваших боевых реакционных организаций. И я был бы вам очень благодарен, если бы вы помогли мне в этом.

Рабочий Карл задумался, потом хлопнул по плечу товарища и, указав глазами на Вагнера, воскликнул:

— Летим с ним, Адольф! Если помощь из Москвы и опоздает, мы, по крайней мере, выберемся отсюда. Другого такого случая не дождешься! Остаться здесь и ожидать их пробуждения у меня совсем нет охоты. Ты умеешь управлять автомобилем. Вези нас на аэродром!

И они быстро подошли к новенькому автомобилю.

— А ну-ка, товарищ, уступи нам место! — сказал Карл, вытаскивая спящего шофера из-за рулевого колеса.

— Этого поросенка тоже долой! — принялся он за пассажира. — Ему еще никогда не приходилось спать на земле. Пусть попробует наших пуховиков!

— Позвольте! — вскричал Вагнер. — Да это Таубе!

— Какой Таубе?

— Ах, сейчас не время рассказывать! А знаете ли что? Возьмем его с собой, прошу вас!

— Это еще для какой надобности?

— Я расскажу вам дорогой.

И автомобиль двинулся на аэродром. Вагнер, поддерживая мотающуюся голову спящего Таубе, смеялся в душе, представляя, какие глаза сделает Таубе, когда профессор поблагодарит его в своем московском кабинете за приятную прогулку в Германию.

В ангаре стояло несколько пассажирских самолетов. Один из них был выведен и готов к отлету. Пилот, механик и пассажиры спали на своих местах. Пассажиров вынули из кабины. Пилоту и механику Вагнер влил в рот разведенный в воде препарат против сна: они быстро проснулись и с недоумением смотрели вокруг себя.

— Сейчас же заводите мотор и отправляйтесь в путь! — сказал повелительно Карл.

— Куда? — спросил пилот.

— На Москву!

Пилот отрицательно покачал головой.

— Это линия на Кенигсберг. И у меня были другие пассажиры. Вы имеете билеты?

— Вот наши билеты! — сказал Карл, вытягивая из кармана старенький револьвер.

— Это насилие! Я буду звать на помощь!

— Зови! Вот этих позови! — И Карл указал на спящих рядышком на земле пассажиров. — Или вот этих!..

Пилот и механик удивленно оглядывали спящих людей.

— Летим!.. — сказал механик, пожимая плечами.

Быстро уселись. Аппарат зажужжал...

И опять перед Вагнером раскинулся внизу широкий пестрый ковер с ровными нитями железнодорожных путей, голубым узором извивающихся рек и пестрыми пятнами городов.

Полчаса прошло в молчании. Вдруг Карл, поглядев в окно, вскочил и начал кричать. Шум мотора заглушал его голос, но, когда Карл показал на часы и на солнце, Вагнер понял: косой луч солнца освещал кабину слева. В этот час, если бы они летели прямо на восток, солнце должно быть справа.

Карл пробрался к пилоту и начал трясти его за плечо, показывая на солнце. Пилот со своей стороны показывал на карту и пытался оправдаться: он летит по знакомому пути на Кенигсберг, а оттуда по маршруту Ковно — Смоленск — Москва. Лететь прямо на восток он не может. Путь не изучен. Места посадок неизвестны...

Карл не принимал никаких объяснений. Он вынул свой старенький револьвер, потряс им угрожающе перед носом пилота и провел дулом по карте прямую линию на восток.

Пилот пожал презрительно плечами и жестами предложил Карлу занять его место. Здесь, на высоте пятисот метров, держа в своих руках управление аппаратом, пилот не очень опасался угроз Карла.

Но Карл крикнул ему на ухо:

— Я убью вас не сейчас, а в тот момент, когда аппарат коснется земли!

Пилот поежился, сжал губы и повернул руль. Аппарат, накренившись набок, сделал крутой поворот и пошел на северо-восток.

Пролетая над Бромбергом, пассажиры заметили на его улицах движение.

Карл посмотрел на Вагнера и многозначительно качнул головой:

— Пробуждаются!..

Профессор хотел объяснить, что если Бромберг уже пробуждается от сна, то, очевидно, там раньше принимали пилюли. Берлин, наверное, еще спит, хотя скоро проснется и он. Но шум мотора мешал говорить, и Вагнер только молча показал рукой на спящего Таубе.

И опять молчание. Минутами кажется, что аппарат стоит на месте, а земля медленно ползет. Карл задремал...

Но Вагнер зорко смотрел вперед. Вдруг Карл просыпает-

ся от толчка в бок. Адольф, возбужденный, показывает ему что-то в окне.

Карл глядит вдаль, но не понимает, в чем дело. Вагнер дает ему бинокль, оказавшийся в кабине, и показывает на беленький домик у опушки леса. Карл наводит бинокль, и вдруг грудь его широко поднимается.

У пограничного столба развевается красный флаг.

— Спасены! — кричит он и машет биноклем в окно.

ГОСТЬ ИЗ КНИЖНОГО ШКАФА

I. В ДОЖДЛИВУЮ НОЧЬ

Осенний ветер, надув щеки, разыгрывает хроматические гаммы на каминной трубе. Все тоньше, жалобней, надрывней... И, будто не вынося этой щемящей мелодии, скрежещут где-то на крыше ржавые флюгера. Ветер подхватывает снопы дождя и как сухим веником бьет ими в оконные стекла... Часы пробили три. Три часа ночи.

Но профессор Вагнер не спит. Он не спит уже много лет — с тех пор, как победил сон. Его жизнь — один непрерывный рабочий день. И выполняет он две работы сразу. Каждое его мозговое полушарие, как два самостоятельных веретена, ткет сразу две нити мыслей.

Одна из них — о строении атома. Вот над чем работает сейчас профессор Вагнер.

А другой половиной мозга — что с ним бывает очень редко — он думает о самом себе. Он подводит итог тем событиям, которые вновь сделали его пленником...

Победа над сном дорого ему досталась. Тайная немецкая политическая организация «Диктатор», желавшая воспользоваться его изобретением, путем обмана заманила его в свои сети. Профессор Вагнер бежал на самолете. Но когда спасение, казалось, уже пришло, когда он уже видел развевающийся вдали, на русской границе, красный флаг, случилось то, чего он менее всего ожидал. Его настигла неожиданная погоня. Шум аэропланного мотора, на котором он летел, заглушал звуки приближающегося воздушного врага.

Когда сзади послышалось гудение и он обернулся, было уже поздно. К беглецу подлетел огромный быстроходный самолет — последнее изобретение немецкой техники, очевидно, втайне построенное и хранимое до сих пор.

Гигантский «Коршун» налетел на аэроплан Вагнера, выбросил два длинных металлических стержня, подцепил ими снизу верхние крылья пассажирского самолета, рванул и понес свою жертву, описывая широкую дугу, на запад. Все это произошло в несколько секунд...

Когда Вагнер и его спутники, сброшенные толчком абордажа, пришли в себя, один из спутников Вагнера, немецкий рабочий Карл, закричал в бешенстве бессилия. Он выхватил свой старенький револьвер и, высунувшись из окна кабины, выпустил весь заряд пуль в «Коршуна». Но пули отскакивали от бронированного брюха аэроплана, как горох. Тогда Карл бросил на пол револьвер, ударивший по ноге Таубе, который подскочил от боли, и, прежде чем Вагнер успел двинуть рукой, Карл выбрался на крыло аэроплана и полез наверх. Среди шума моторов двух аэропланов глухо прозвучал выстрел, и тело Карла с мотавшимися в воздухе руками промелькнуло у окна и скрылось внизу. Вагнер похолодел и не имел силы заглянуть туда... Он сидел подавленный, до боли сжав кулаки...

А аэроплан продолжал свой безумный полет, будто ничего не случилось, забирая все выше и выше. Усиливающийся холод говорил о громадной высоте полета. И вдруг окна кабины будто покрылись серой завесой. Пронизывающая сырость проникла в кабину сквозь открытое окно. Тучи! Аэроплан летел в полосе туч.

«Когда он начнет снижаться, я сумею определить местность», — подумал профессор Вагнер.

Но и этому не суждено было сбыться.

В открытом окне вдруг появилось какое-то темное пятно.

По веревочной лестнице кто-то спускался. В тумане Вагнер увидал человека, левой рукой державшегося за лестницу. В правой руке его был револьвер.

— Руки вверх! — скорее догадался, чем услышал, Вагнер и поднял руки.

Человек влез в кабину, обыскал Вагнера и рабочего и завязал им глаза.

— А вы здесь как? — услышал Вагнер голос неизвестного, обращавшегося, по-видимому, к Таубе.

Что ответил Таубе, Вагнер не услышал из-за шума мотора.

Аэроплан летел еще не менее трех часов.... И вот Вагнер опять в заключении. Когда ему сняли повязку с глаз, первое лицо, которое он увидел, был старый знакомый Брауде — его неизменный тюремщик.

— Однако хорошую шутку вы сыграли с нами, дорогой профессор! — сказал он со своей обычной любезной улыбкой.

— Не знаю, кто из нас лучше шутит!.. — угрюмо ответил Вагнер.

После неудавшегося побега Вагнера надзор за ним был усилен. Кроме Брауде, к Вагнеру было приставлено несколько профессоров-специалистов, которые должны были следить за научной работой Вагнера и за тем, чтобы он не использовал своих изобретений в целях побега или не причинил ими вреда. Для работ, однако, ему было предоставлено все необходимое. Его кабинет с высоким сводчатым потолком напоминал часовню — может быть, здесь и была когда-нибудь часовня. Старый широкий камин, толстые стены, узкие окна говорили о том, что местом нового заключения Вагнера был какой-то старинный замок. Но где он находится, профессор Вагнер не знал.

Прошло три месяца с тех пор, как Вагнер вернулся в свое заключение после неудачного побега. Но он не оставлял мысли вырваться на свободу. Неудача только усилила это желание. Он строил различные планы нового побега, но все они были трудновыполнимы. И вот только теперь, в эту бурную, дождливую ночь, он сделал одно открытие, которое должно было раскрыть перед ним все двери, сделать его свободным — свободным, как ни один человек на Земле.

Но ему нужно было скрывать тайну своего открытия; работая над ним, вести своих тюремщиков по ложной дороге. На этот раз это было труднее. Работа над строением атомов должна была дать ключ к свободе. Однако при его опытах

присутствовал молодой, но очень знающий и талантливый профессор Шмидт, сам работавший в этой области. Его не поймаешь на удочку «звучащего света», как Брауде.

Вагнер долго изучал Шмидта. Этот человек, напоминающий лицом портреты Шиллера, по своему душевному складу представлял странную смесь пруссацкого высокомерия, научной точности мысли и старонемецкого романтизма. Будто несколько эпох жило в нем. Но, быть может, по молодости лет романтизм пока в нем бил еще ключом. И он часто зажигался огнем вдохновения и тогда был больше поэт, чем ученый.

— Дерзкий гений человека, — говорил он с горящими глазами, — срывает последние покровы с тайн природы. Несмотря на все запреты «неба», человек жадно вкушает от древа познания, дерзко похищает священный огонь и освещает им самые тайные углы мироздания. Изучение строения атома почти раскрыло нам «вещь в себе». С «нумена» мы срываем покрывавшую его маску «феномена». Это может поставить вверх ногами всю философию Иммануила Канта!

— Как поставлена Карлом Марксом вверх ногами философия Гегеля? — спросил, улыбаясь, Вагнер.

Шмидт не заходил так далеко и будто сам испугался смелости своих выводов.

— Я стою исключительно на почве физических наук, — уклончиво сказал он.

Но эти самые физические науки толкали его на путь, по которому он, быть может, и не пошел бы, если бы сознавал конечные выводы.

— Тайна строения материи — ключ к тайнам мироздания. Когда мы овладеем этой тайной совершенно, мы будем всемогущи... Мы овладеем круговоротом вещества... Песок пустыни мы сможем превратить в золото, камень — в хлеб... И, быть может, когда-нибудь мы в состоянии будем создать микрокосмос — маленькую солнечную систему в своей лаборатории.

— Что же тогда будет с творцом мира? — с тою же улыбкой спросил Вагнер.

Шмидт смутился и потом вдруг рассердился.

— Я не касаюсь теологии, — проговорил он, покраснев, и замолчал.

«Хорошенькую игрушку я приготовил для тебя», — подумал Вагнер, глядя на молодого ученого, в котором научная мысль мятежно пробивала дорогу сквозь дебри привитых воспитанием старых верований и предрассудков.

— Вы ближе к истине, чем воображаете, мой молодой друг, — сказал серьезно профессор Вагнер. — Пройдемте в лабораторию.

— С вашего разрешения, позвольте и мне взглянуть, что вы собираетесь показать профессору Шмидту, — сказал Брауде, следуя за ними.

II. ТВОРЕЦ МИРА

Вагнер и его спутники вошли в огромный полуосвещенный готический зал. Когда-то здесь пировали бургграфы, ландграфы и вальдграфы. Возвращаясь с охоты, они веселились здесь до утра: рвали руками дымящееся мясо кабанов, и бросали кости собакам, и пили пиво из высоких кубков, и оглашали высокие своды песнями. Теперь здесь было тихо, как в пустом храме. У стен стояли длинные столы, уставленные тиглями, перегонными кубами, колбами, пробирками. Всю середину зала занимал стеклянный шар необычайной величины.

Профессор Вагнер протянул руку по направлению шара.

— Наконец-то вы объясните назначение этого шара, дорогой профессор! — сказал Брауде.

— Да, я это и хочу сделать! — ответил Вагнер, подходя к выключателю.

Электрическая лампочка погасла, зал погрузился в полную темноту. Только внутри шара светилась какая-то туманность.

— Прошу садиться!

Брауде и Шмидт уселись в старинные кожаные кресла. Вагнер стоял у шара, и его силуэт выделялся на фоне светящейся туманности.

Все замолчали. Только ветер продолжал свою неумолчную жалобу. Этот старинный зал с острым колпаком потолка, таинственный полумрак, излучаемый шаром, скрежет флюгеров и завывание ветра навевали жуть на нервного Брауде и романтичного Шмидта. Будто они попали в кабинет средневекового алхимика. Шмидт дал волю своему воображению. Ему казалось, что уже не профессор Вагнер, а доктор Фауст стоит у таинственного мерцающего шара. Вот он произнесет заклинание, и из темного угла появится Мефистофель в традиционном театральном костюме... Не черный ли пудель царапается за дверью?..

— Здесь зарождается новый мир! Маленькая солнечная система, — прервал молчание Вагнер, поднимая руку к шару с таким величественным жестом, будто он играл роль творца мира и говорил: «Да будет свет!» — Свершилось то, о чем вы только что мечтали, дорогой Шмидт!

Шмидт нервно подскочил в кресле.

— Не может быть!

— «Eppur si muove», — с улыбкой ответил Вагнер. — Вы видите туманность, из которой создается новый мир.

— Но позвольте, господин профессор!..

— Дорогой друг, — остановил Вагнер Шмидта, — я дам вам ответ на все ваши вопросы. Но я опасаюсь, что наша научная беседа будет скучна и не совсем понятна господину Брауде. И потому я пока остановлюсь на самом существенном.

Вы сами говорили, что в строении атома — ключ к тайнам мироздания. Я овладел этим ключом. Я разложил атом, сознаюсь, не без риска взорвать себя со всем домом освободившейся внутриатомной энергией. В моих руках оказался тот первичный материал, из которого создаются миры. Если мир создан без вмешательства «творца», то очевидно, что сам этот первичный материал имеет в себе то, что называют primum moveus — первый двигатель. Нужно было только поместить этот материал в соответствующие условия, и должна появиться космическая жизнь. В конце концов, это так же просто, как то, что из лягушечьей икры вырастут лягушки, если ее поместить в воду подходящей температуры.

Впрочем, если сказать правду, дело несколько сложнее. Достичь в безвоздушном пространстве стеклянного шара температуры абсолютного нуля межпланетных пространств

не представляло особого труда. Но необходимо было изолировать мой космический «Эмбрион» от притяжения Земли. Мне удалось и это. Не буду говорить о целом ряде других технических трудностей. Довольно сказать, что созданная мною космическая туманность, как вы можете заметить, уже начинает вращаться. Смотрите!

Брауде подошел к шару и увидал, что мерцающая шарообразная туманность медленно вращается вокруг своей оси.

— Изумительно!.. Поразительно!.. — Вдруг, что-то вспомнив, Брауде обратился к Вагнеру с улыбкой: — А вы, дорогой профессор, не улетите на этом шаре, как Фауст на бочонке?

— Я предпочитаю выходить сквозь двери, — ответил Вагнер, намекая на взрыв стальной двери при побеге.

— Но скажите, уважаемый профессор, — вновь спросил Брауде, — сколько же миллионов лет должно пройти, пока образуется ваша солнечная система?

— Часов, вы хотите сказать?

— Как часов?

— Очень просто. Эта будущая планетная система приблизительно в сто сорок миллиардов раз меньше Солнечной системы. По моим расчетам, диаметр будущего солнца этой системы будет равен сантиметру, диаметр крайней орбиты будет около тридцати двух метров, а диаметр такой планеты, как Земля, будет меньше одной десятой миллиметра. Кроме того, я искусственно ускорил процесс развития. По предварительному вычислению, на образование планет потребуется около двух тысяч часов, от появления первого организма до говорящего человека — семьсот часов, а тот период, который прожило наше человечество, пройдет в этом мире в сорок секунд. Такое соотношение времени в соответственно увеличенном масштабе существовало в нашей Солнечной системе. Условно для Земли эти цифры таковы: если принять за двадцать четыре часа период от появления первого беспозвоночного существа, то от позвоночного до человека протекло семьдесят часов, а вся история говорящего человека до настоящего времени уложится в четыре секунды. Вся история человечества с того момента, когда человек начал говорить, и до настоящего времени занимает лишь одну

шестидесятитрехтысячную часть периода, потребовавшегося первичному организму, чтобы превратиться в современного человека.

— Неужели вы предполагаете, что и здесь, в этом мире, на микроскопических планетах появится человечество?

— А почему бы и нет? От появления до гибели планетной системы это человечество будет жить всего несколько наших минут. Но для них наши минуты будут равняться миллионам лет. В эти пять-шесть минут будут сменяться поколения, создаваться и гибнуть государства, войны и революции будут потрясать «мир», люди — рождаться, страдать, думать о бесконечности, считать себя «венцом творения» и умирать... Быть может, здесь родятся великие астрономы, которые будут изучать Вселенную. Но стенки стеклянного шара им будут недоступны по своей неизмеримой отдаленности, о них они не узнают никогда... Возможность существования такого микрокосма допускал наш русский поэт Валерий Брюсов. Правда, он писал о мире электронов. Он говорил:

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.

Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;

А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч погасил.

Профессор Вагнер перевел это стихотворение на немецкий язык и выразил сожаление, что не может передать красоты чеканного стиха поэта.

— Изумительно! — воскликнул Брауде и полушутя задал вопрос: — А вдруг и наша Вселенная заключена в такой же стеклянный шар и является только лабораторным опытом какого-нибудь космического профессора Вагнера?

— Не думаю! — серьезно ответил Вагнер. — Хотя подобие шара, может быть, и существует. Ведь Эйнштейн дока-

зывает кривизну «бесконечного» мирового пространства. Во всяком случае, если бы такой сверх-Вагнер и был, он не божество, как не бог и я: я не «творю» миры, а только пользуюсь вечными мировыми силами, которые прекрасно обходятся без творца.

— А скажите, профессор, мы не сможем увидеть это микроскопическое человечество, наблюдать его историю?

— Боюсь, что нет. Микроскопичность этого мира, необычайная быстрота его времени делают недоступным для нас наблюдение, как если бы этот мир был отдален от нас миллионами километров. Здесь миллионы лет протекают в минуту. Это превосходит наши земные восприятия. Но я пытаюсь проникнуть и в эту тайну. Я предполагаю устроить особый телемикроскоп и снимать при помощи особого кинематографа, делающего тысячи снимков в секунду; затем увеличивать снимки на экране и показывать их в замедленном темпе. Но и при такой быстроте съемок каждый из отдельных снимков, вероятно, зафиксирует моменты, отделенные столетиями их времени.

— А если бы удалось замедлить движение их планет?

— Этим самым мы сразу удлинили бы их жизнь, хотя они едва ли заметили бы это, так как одновременно замедлились бы все процессы их органической и психической жизни. И тогда мы могли бы войти с ними в сношение хотя бы при помощи радио. Едва ли нам удалось бы создать приемники такой чувствительности, чтобы они реагировали на самые «мощные» передающие станции этого микроскопического мира! Но в конце концов нет ничего невозможного!

— Смотрите! Смотрите! — воскликнул Шмидт. — Центральное ядро все уплотняется и светит сильнее, а от туманности отделяется сгусток!

— Не так скоро! Просто вы привыкли к темноте комнаты; а «сгусток» — одна из будущих планет — образовался уже несколько дней тому назад, но вы увидали его только сейчас, когда туманность повернулась к вам.

Однако мне пора, работа ждет меня! — И профессор Вагнер ушел в кабинет.

А Брауде и Шмидт как зачарованные смотрели на стеклянный шар, где медленно вращалась голубоватая туманность нового мира, созданного человеком.

III. «ВОЛШЕБНАЯ КОРОБОЧКА»

Профессор Вагнер не ошибся: «игрушка» чрезвычайно заинтересовала Шмидта. Брауде не отставал от него. Они часами сидели в темном зале перед стеклянным шаром и наблюдали за изменениями светящейся туманности.

Зрелище было действительно захватывающее.

Туманная космическая масса все уплотнялась, принимала очертание шара и с каждым часом светила ярче. Голубоватый свет белел. На него уже было больно смотреть незащищенным глазом. Пришлось надеть дымчатые очки. Вокруг светящегося шара появилось кольцо с утолщением, как бы узлом, на одном месте. Кольцо разорвалось и, постепенно укорачиваясь, слилось с «узлом».

Брауде и Шмидт приветствовали появление первой планеты, которую они назвали «Нептун». Скоро появились и другие планеты, а около них роились спутники — «луны», вращавшиеся с необычайной быстротой. Новый солнечный мир жил полной жизнью, играя всеми цветами радуги, накаленная фотосфера центрального «солнца» уже ярко освещала стеклянный шар. От него распространялся свет и в зале.

— Глядите, — говорил Шмидт, — сейчас на этой планетке ночь. Однако какие протуберанцы выбрасывает «солнце»!

— На «Нептуне», может быть, скоро появятся ихтиозавры и прочие чудища...

И они вновь замолчали, погрузившись в созерцание.

— Скоро вместо старых электрических ламп в наших комнатах будут гореть настоящие солнца, — сказал Шмидт после паузы.

— Да! Но удастся ли нам видеть развитие органической жизни и человека? — интересовался Брауде.

— Профессор Вагнер обещает. Он усиленно работает над своим телемикроскопом.

— Вы не ощущаете, от шара как будто исходит тепло? — спросил через некоторое время Брауде.

— Этого не может быть. Внутренность шара абсолютно лишена воздуха, который мог бы проводить тепло, — ответил Шмидт.

Брауде подошел к шару и попробовал его рукой.

— Шар нагревается!

— Странно!.. Надо позвать профессора Вагнера.

Вагнер быстро работал в своем кабинете над какими-то сложными машинами. На руках его были перчатки из материала, напоминающего резину.

Когда он узнал новость, то на минуту погрузился в задумчивость.

— Очевидно, где-то просачивается воздух! — сказал он.

— Но ведь это ужасно! — воскликнул Брауде. — Шар будет нагреваться, и тогда...

— Стекло может лопнуть...

— И вдруг произойдет распад внутриатомной энергии!.. Ведь это будет катастрофой?..

— Не столь страшной, как вы воображаете. В публике распространено мнение, что один грамм материи может выделить при распаде атома энергию, которая равна выделяемой при сгорании двух тысяч тонн угля. Это неверно. Реальная внутриатомная энергия составляет только восемь десятых процента этой фиктивной энергии. Притом весь атомный материал нашего нового мира ничтожен. Вы знаете, что, если уплотнить громадное газообразное тело настоящей кометы, оно вместится в наперстке. Какую же ничтожную долю составит этот ничтожный мирок! Но все-таки взрыв может получиться изрядный. Надо принять меры...

— Профессор, неужели этот микрокосм вы обрекаете на гибель?

— Все миры обречены на гибель! В бездне неба солнца непрерывно гибнут и рождаются. Я вовремя сделал одно важное открытие. Вот, видите эту коробочку? — продолжал профессор Вагнер, поднимая небольшую коробку из какого-то неизвестного металла или сплава. — Это «волшебная коробочка», способная творить сказочные чудеса. Идем к нашему больному миру!

Они вошли в зал. Профессор попробовал рукой шар. Он накалился так, что трудно было держать руку.

— Да, откладывать нельзя. Бедный мирок! Он погибнет прежде, чем появятся люди и увидят свет солнца. Старый брюзга Будда сказал бы, что это и к лучшему...

Профессор Вагнер наставил на шар свою коробочку, как камеру фотографического аппарата. Можно было подумать, что он хочет кодаком запечатлеть лицо умирающего мира. Так же, как в кодаке, щелкнул затвор. И в тот же момент из «объектива» полилась струя голубоватого света. И она будто заливала костер пылающего в шаре мира. Погас «Нептун», погасли его спутники, наконец погасло и «солнце». В комнате стало темно. Шар опустел. При свете голубого луча, истекавшего из коробочки, с трудом можно было заметить беловатый порошок, осевший на дне шара.

— Finis! — сказал профессор.

— И это все, что осталось от маленькой Вселенной! В этом порошке таились гениальные мысли будущих обитателей этого мира, их страсти, их порывы к истине, к борьбе за лучшее будущее! Все обратилось в прах!.. — меланхолически говорил Шмидт. И в эту минуту, с опущенными руками, он был похож на пастора, говорящего проповедь у свежей могилы.

— Мой друг, не впадайте в пессимизм! Из этого «праха» бесконечное количество раз уже творились и будут твориться миры со всем их великолепием и недостатками. Вам, как человеку науки, должно быть известно, что этот «прах» только химические элементы, ничем не отличающиеся от тех, которые находятся в нашем живом теле. Мы только открыли средство их превращения, распада на атомы, распада самих атомов и нового превращения в атом — материю — мир.

— Но как вы это сделали?

— Об этом мы еще поговорим. А пока, чтобы рассеять ваше похоронное настроение, позвольте вас позабавить интересными фокусами, которые я произведу при помощи моей волшебной коробочки. Здесь темно, идемте в кабинет!

Вагнер стал у своего письменного стола, заваленного чертежами, рукописями и неоконченными приборами сложных аппаратов. Брауде и Шмидт, опустившись в кресла по сторонам Вагнера, внимательно наблюдали за ним.

— Возьмем вот эту массивную чернильницу, — начал Вагнер таким тоном, будто он говорил со студентами на лекции, — подвергнем ее действию лучей волшебной коробочки... Так... Готово! Теперь возьмем, ну, хотя бы это пресс-папье. Раз, два, три! — произнес он уже шутливо, подражая фокуснику, и сверху бросил пресс-папье на чернильницу.

Произошло нечто необычайное, и слушатели невольно вскрикнули от удивления: пресс-папье не разбило чернильницу, а вошло в нее, как входит твердый предмет в жидкость в сосуде. Но чернильница была невредима и сохранила свои формы, выдаваясь углами из пресс-папье.

— Дальше... Раз, два, три! Я снимаю пресс-папье. Чернильница, как видите, стоит целехонька на своем месте. Возьмите в руки чернильницу!

Шмидт и Брауде были так поражены, что ни один из них не пошевелился.

— Ну что же вы, господа?

Брауде протянул руку. Было видно, как от волнения дрожат его пальцы. Он взял чернильницу, но пальцы его прошли сквозь нее и неожиданно сжались в кулак, не встретив сопротивления.

— Ах! — не удержался Брауде и с растерянным видом посмотрел на Вагнера и Шмидта, ища ответа.

А Вагнер хохотал, откинув голову назад. Потом он неожиданно схватил «волшебную коробочку» и бросил ее в горящий камин. Шмидт и Брауде встали и, бледные, смотрели на Вагнера. Не сошел ли он с ума?..

Но он, продолжая смеяться, снял перчатки, бросил их также в камин и обратился к своим ошеломленным слушателям:

— Ну-с, дорогие мои, понимаете ли вы что-нибудь?

— Признаюсь, я ничего не понимаю, — отозвался Шмидт.

— Тем лучше, тем лучше! А последствия всего этого вы понимаете, дорогой мой Брауде?

— Нет! — глухо отвечал Брауде, весь насторожившись.

— А между тем это так просто! Представьте себе, что я чернильница! Ха-ха-ха! Ну, еще проще: что я подверг себя действию этих чертовских лучей! Словом... ну, словом, вот что!

И он вдруг направился по комнате напрямик, через столы и кресла, и проходил сквозь них, как через воздух.

— Словом, я призрак!.. Человек-призрак! — И он опять раскатисто засмеялся. — Теперь позвольте, дорогой Брауде, обнять вас на прощанье и поблагодарить за гостеприимство!

И он направился к Брауде, раскрывая объятия. Брауде с расширенными от ужаса глазами отшатнулся, как будто на него в самом деле наступило страшное привидение, и прижался к столу. Но Вагнер приблизился к нему и, делая вид, что заключает его в объятия, прошел сквозь него. Брауде почувствовал, как будто легкая струя воздуха коснулась его тела и прошел электрический ток.

— Теперь прощайте, друзья мои! — прогудел голос Вагнера за его спиной. — Вы спрашивали, Брауде, не улечу ли я на шаре, как Фауст с Мефистофелем улетели на винном бочонке? Нет той сказки, которую наука не воплотила бы в жизнь. Позвольте и мне, Фаусту современной науки, исчезнуть не менее эффектным образом, под занавес, как говорят актеры... Прощайте! Передайте мое искреннее сожаление Таубе, что мне не удалось принять его у себя в Москве!

И вдруг Вагнер, к ужасу зрителей, почти терявших сознание, вошел в пылающий камин, весело кивнул им последний раз, стоя среди пламени, и исчез в каминной стене.

— Прощайте!.. — еще раз глухо послышался откуда-то голос Вагнера.

В дверь давно стучались, но ни Брауде, ни Шмидт не могли пошевелиться. Брауде свалился в кресло и сидел в полной прострации.

Наконец дверь тихо приоткрылась, и в нее осторожно заглянул Таубе. Оглянувшись, он шепотом спросил:

— Профессор Вагнер в лаборатории? Скорее, Брауде, подите сюда! Я привез важные известия из комитета.

И, перейдя на условный конспиративный язык, он прошептал:

— Комитет признал, что Вагнера слишком опасно оставлять... в живых... Вам даны инструкции по этому поводу... Привести в исполнение немедленно...

— Поздно!.. Вагнера нет!.. Он исчез... Он призрак... Он ушел в камин! Сквозь пламя и стены!.. — прохрипел Брауде, устремив безумный взгляд в пылающий камин.

IV. ЧЕЛОВЕК-ПРИЗРАК

«Итак, я человек-призрак, всюду проникающий, неуловимый и неуязвимый. Я почти «дух», и все же я человек из плоти и крови», — думал профессор Вагнер, проходя сквозь стену камина.

«Собственно, я рисковал, входя в пламя камина. Что оно не должно повредить мне при новой консистенции атомов, составляющих мое тело, — это было лишь мое теоретическое предположение. Ведь я еще не изучил новых свойств своего тела. К счастью, я не ошибся. Однако куда же я попал?»

Профессор Вагнер осмотрелся в темноте. Очевидно, это была кладовая, сверху донизу забитая всяким хламом. Но весь сваленный здесь скарб ничуть не мешал профессору Вагнеру. Ноги его по колено входили в какой-то сундук, тело наискось пересекали старые железные трубы, голова по шею входила в полки, уставленные ведрами и кастрюлями. Во мраке кладовой все металлические предметы светились голубоватым светом.

«Странно! Очевидно, моя сетчатка глаз стала способна воспринимать световую эманацию металлов. Об этом наука еще ничего не знает».

Вагнер обернулся к стене, через которую прошел. Ему хотелось удостовериться, цела ли стена. Как он и предполагал, в ней не осталось ни малейших следов после того, как он прошел сквозь нее. Но его поразило другое: сквозь стену он увидел только что покинутый им кабинет, ярко освещенный электрической лампой и огнем камина. Стена стала проницаема для его зрения, хотя каждый кирпич и известковые прослойки сохраняли свои формы. Он увидел Шмидта, пытающегося каминными щипцами извлечь «волшебную коробочку» из пламени, и Таубе, который возился с Брауде, очевидно, потерявшим сознание. Стена у входной двери была тоже прозрачна, и Вагнер видел следующую комнату, с сидящими сторожами, и дальше — целую анфиладу комнат. Тою

же «прозрачностью» обладала и мебель. Поэтому очертания предметов, комнат и людей как бы накладывались друг на друга, как на фотографии с несколькими различными видами, снятыми случайно на одной пластинке.

«Совершенно непонятно! Мои глаза приобрели свойство икс-лучей».

Осмотрев еще раз кладовую, он обратил внимание, что свет из кабинета не проникает сюда: кроме голубоватого отсвечивания металла, комната была погружена во мрак.

«В этом, впрочем, нет ничего удивительного: обычный свет не может проникать через стену. Но удивительный эффект: я вижу свет, который не освещает ни меня, ни окружающих предметов. Однако почему две стены кладовой совершенно темны?»

И он шагнул в одну из этих темных стен, но остановился, вскрикнув от неожиданности: его нога не нашла точки опоры. Тогда он осторожно просунул голову сквозь стену, и голова сразу погрузилась в темную осеннюю ночь: стена была наружная. Шел сильный дождь, но капли проникали сквозь его голову, и она оставалась суха. Бушевавший ветер и холод были неощутимы.

«Великолепно! Не надо пальто и зонтика! Однако я едва не упал. Оказывается, новый для меня мир имеет свои опасности! Буду осторожней!»

И он прошел сквозь старую, массивную дубовую дверь в освещенный коридор и направился к выходу. Два сторожа устремились к нему. Очевидно, они еще ничего не знали.

— Стой! Кто идет?

— Профессор Вагнер! — И он двинулся дальше, не обращая на них внимания.

Сторожа бросились к нему, но они лишь столкнулись друг с другом, пытаясь его схватить. Закричав от ужаса, они разбежались.

Профессор вышел в сад и осмотрелся. На темном небе едва выделялся еще более темный силуэт старого замка. Комнаты, в которых был свет, сверкали во мраке, как висящие в небе большие кубические фонари. Стены их были прозрачны для Вагнера, и он видел, что делается внутри. В замке поднималась суета.

Люди бегали по освещенным комнатам, пропадали во тьме темных лестниц и появлялись вновь в свете других комнат. Все они бежали вниз. Они еще пытались преследовать его. Вагнер невольно улыбнулся и стал спокойно спускаться по склону холма.

Погоня не пугала его. Но он, привыкнув к тишине научной работы, не любил шума. И потому, услышав приближающиеся крики толпы, он вошел в дуплистую липу, стоящую у дороги. Мимо него промчались слуги с ружьями в руках, освещая дорогу фонарями. Несколько человек остались осмотреть дерево. Их голоса доносились глухо.

«Интересное наблюдение. Слух действует нормально, а глаза видят фонари сквозь ствол дерева!»

Но вот исчезли фонари. Профессор вышел и продолжал путь.

Светало. Ветер разогнал тучи. На востоке показалась заря, но она имела не розоватый, а какой-то совершенно новый цвет.

Профессор Вагнер вспоминал все цвета и оттенки, но не находил ничего похожего. Основные цвета — красный, желтый и синий — ни в парных соединениях оранжевом, фиолетовом, зеленом, ни в сложных, дающих все разнообразие красочного мира, не могли создать ничего подобного. Когда взошло солнце, эффект получился еще более изумительный: диск солнца состоял из ослепительно-яркого калейдоскопа неведомых цветов. Не менее изумителен был и ландшафт. Он приобрел какой-то негативный характер. Теневые краски были ярче освещенных мест. Не было ни одного знакомого светового сочетания. Будто за одну ночь какой-то волшебник-футурист перекрасил весь мир, пользуясь палитрой, унесенной из другого мира.

Несмотря на эту новую окраску, Вагнер узнал пустынную, усеянную щебнем местность Изера. Вдали был виден город, над которым возвышались, как две широкие фабричные трубы, прикрытые куполами-тюбетейками башни собора.

— Конечно, это Мюнхен! — воскликнул Вагнер и ускорил шаг.

Идти ему было очень легко.

«Еще одно приобретение! Очевидно, вес моего тела уменьшился!»

Вагнер пересек линию железной дороги. В это время шел пассажирский поезд. Вагнер не мог отказать себе в удовольствии испытать новое ощущение. Он стал посреди пути перед самым проходом поезда. Лязг и грохот оглушили его. На мгновение перед его глазами сверкнуло огненное брюхо паровоза, темное пространство тендера и багажного вагона... потом замелькали пассажирские вагоны. Пол вагонов приходился несколько выше пояса Вагнера. И полусонные пассажиры с ужасом увидели, как на полу неожиданно появился бюст какого-то краснощекого человека с большими, опущенными вниз усами, приподнятыми улыбкой, и русой бородой... Бюст промчался по вагону и исчез...

Поезд прошел, и Вагнер продолжал путь. Он сам спешил на поезд. Ему не надо было покупать билета, и его нельзя было ссадить.

«Привезли сюда насильно, пусть и везут обратно», — улыбался он.

Дорога делала крутой загиб. Но он решил сократить путь, пройдя напрямик сквозь забор и какой-то домик.

Собака бросилась на него и пыталась уцепиться за ногу, но вдруг, встретив «пустоту», жалобно залаяла и в паническом страхе убежала, поджав хвост.

Вагнер вошел сквозь стену в комнату домика и оказался свидетелем семейной сцены. Здесь жили бедные люди. Несмотря на ранний час, муж сидел в кепи на растрепанной голове, очевидно, только что вернувшись с попойки, и жена, стоявшая спиной к Вагнеру, бранила гуляку. Муж первый увидел Вагнера и, открыв рот, попытался подняться и раскланяться.

— До чего допился! — кричала жена. — Тебе уж мерещится!

Но муж так убедительно ткнул пальцем позади нее, что она обернулась и, вскрикнув, упала на пол. Вагнер был смущен.

Извинившись, он вышел из домика.

«В конце концов, нельзя злоупотреблять своим положением и пугать людей без особой нужды», — подумал Вагнер.

И при встречах с крестьянами, везшими в город к утреннему базару продукты, он обходил их.

Он без приключений добрался до Мюнхена.

Вагнер всегда любил Мюнхен — эти «новые Афины», насчитывающие «десять тысяч художников», милый, уютный город, где люди приветливей, чем в холодном Берлине, а вода в реке изумрудно-голубая...

Когда он вошел в Карлсплац, увидел полукруг зданий с воротами в конце, как бы замыкающий пришельца в радушные объятия, сердце его несколько сжалось. После своего плена его потянуло к людям. Но новое свойство тела — проникать сквозь стены — само явилось стеной, отделившей его от людей. Он должен вести полупризрачное существование, пугая людей и животных... Правда, он знает средство вернуть атомам своего тела первоначальную консистенцию, но тогда его вновь могут поймать...

— Нет, довольно! — проговорил он вслух и окунулся в поток уличного движения, оставляя за собой борозду любопытства, смятения и ужаса, как след быстроходного судна на гладкой поверхности моря.

V. АХИЛЛЕСОВА ПЯТА

Слух о появлении человека-призрака с необычайной быстротой распространился по Германии, Европе и заатлантическим странам. Путь призрака сообщался по радио. Из Мюнхена призрак перекочевал в Регенсбург, далее его видели в Нюрнберге, где он пробыл около двух суток, путешествуя по городу во всех направлениях сквозь дома, движущиеся трамваи, автомобили, людей... Потом его видели в Бамберге и Лейпциге, наконец, в маленьком Фалкенсберге. Не сегодня-завтра его ожидают в Берлине.

Все газеты были полны статьями и телеграммами о призраке. Пока призрак разгуливал по Южной Германии, на севере вначале отрицали его существование, предполагая, что публика была одурачена чьей-то ловкой мистификацией.

Через несколько дней полился такой поток телеграмм о призраке, что пришлось отбросить мысль о мистификации. И некоторое время большим успехом пользовалась выска-

занная одним профессором — невропатологом и психиатром мысль, что мы имеем дело с коллективным гипнозом, своего рода массовым помешательством. Это находило некоторое подтверждение в том, что «феномен» до сих пор не оставлял каких-либо вещественных знаков своего реального существования. Приводились весьма убедительные примеры массового психоза и гипноза в прошлом.

Сторонники гипотезы о массовом гипнозе уже торжествовали победу, когда стали получаться сведения о появлении призрака одновременно в разных местах: из Лейпцига, Гейдельберга, Кельна. По-видимому, появление призрака сильно повлияло на нервы городского населения, психически неуравновешенного после войны, экономических и политических встрясок. Возможно, что многим действительно стал мерещиться призрак. Люди жили в постоянном нервном напряжении; ложась в кровать, каждый думал: «А вдруг сейчас появится призрак и пройдет сквозь мою спальню?»

Но скоро и гипотезе о гипнозе был нанесен сильный удар: в нескольких городах удалось заснять призрак фотографическим аппаратом в то время, как он проходил сквозь едущий автомобиль и как входил в стену дома. Аппарат не может снять плод расстроенного воображения.

Притом на фотографиях, хотя и не особенно удачных, можно было установить тождество внешнего облика призрака.

Вслед за фотографиями по пятам призрака бросились бесстрашные кинооператоры, которые не побоялись бы снять и самого сатану в погоне за сенсационной лентой. Но эта кинопогоня была оборвана административным распоряжением под предлогом того, что общество и без того взбудоражено «необычайным феноменом», чтобы афишировать призрак на экране. Было оказано давление и на прессу.

Эти мероприятия исходили от комитета «Диктатор», незримо руководившего всеми действиями правительства.

Члены комитета первые узнали о том, что призрак — это бежавший из их плена профессор Вагнер, которому удалось каким-то необъяснимым способом придать своему телу столь чудесные свойства. Комитет не терял надежды так или иначе «ликвидировать» призрак прежде, чем о нем узна-

ет истину широкая публика, тем более что от профессора Шмидта приходили утешительные вести о его работах над реконструкцией аппарата, извлеченного им из пылающего камина. Однако и эти надежды не оправдались: последние известия сообщали, что призрак прибыл со скорым поездом в Берлин и здесь повел себя крайне неприятно для комитета: призрак посетил одно рабочее собрание, а также явился в концертный зал и сообщил с эстрады правду о себе. Мало этого, он проник на Науэновскую широковещательную радиостанцию во время радиопередачи. Пройдя сквозь артистку, исполнявшую арию Маргариты, он успел крикнуть в микрофон, прежде чем растерявшийся инженер догадался выключить микрофон: «Я, профессор Вагнер, похищенный немецкой политической организацией «Диктатор» и освободившийся из плена благодаря научному открытию, которое дало мне возможность проходить сквозь стены, приветствую...»

Микрофон был выключен, но дело сделано: Вагнер объяснил всему миру тайну призрака...

К поимке профессора Вагнера надо было принимать немедленные меры. Эти меры и принимались, но пока они не достигали цели: Вагнер был неуловим. Комитет «Диктатор» заседал почти непрерывно. Сам полицей-президент принимал участие в этом заседании. Почти каждый час приносились новые неутешительные известия. В Вагнера несколько раз стреляли, но пули пронизывали его тело без малейшего вреда. Сети, приготовленные из различных материалов: шелка, резины, проволоки, могли с таким же успехом поймать облако в небе. Некоторые члены комитета предлагали пустить в ход удушливые газы или «дьявольские лучи». Но о применении этих средств среди городского движения не могло быть и речи. Комитет приходил в отчаяние. Положение становилось крайне опасным.

— Он вернется в Россию... Его средством воспользуются наши враги. Последствия будут ужасны, — говорил один из членов комитета.

— Неуловимые, вездесущие большевики будут всюду сеять бури восстаний...

— Ну и что же? — спросил старик дипломат с лицом Мефистофеля, кривя рот в иронической улыбке. — Утешимся тем, что это ненамного изменит положение... Разве и теперь московские фабриканты революций не являются такими же неуловимыми и вездесущими, как профессор Вагнер? Идеи давно проходят сквозь стены и преграды!

— И это говорите вы! — возмутился генерал с Железным крестом на груди. — Что же вы хотите? Сидеть сложа руки?

— Ловите, поймайте! — с тою же иронической улыбкой ответил дипломат. И, побарабанив иссохшими пальцами по столу, добавил: — Я слишком стар, чтобы утешать себя иллюзиями!

— Вы не верите в успех борьбы? — спросил секретарь комитета. — Ваше высокопревосходительство, вы слишком пессимистически настроены! Мы еще поборемся!

— Но как? — раздались унылые голоса.

Наступило молчание. Все сидели подавленные. Вдруг в комнату не вошел, а влетел Брауде.

— Новости! Хорошие новости!

Все встрепенулись.

— Поймали? Убили? — послышались вопросы.

— К сожалению, еще нет. Но я имею блестящий план! Собственно, мы разработали его с профессором Шмидтом... Он подал мысль...

— Говорите! Говорите!

— Видите ли, в чем дело: профессор Вагнер неуловим и неуязвим. Но и у него должна быть ахиллесова пята. Да, ахиллесова именно пята, можно сказать не только иносказательно, но и почти буквально. Если бы все тело, говорит профессор Шмидт, было проницаемо для материи, то ясно, что Вагнер должен был провалиться сквозь землю...

— Туда и дорога!

— И появиться в Америке?

— Нет, нет! Профессор Шмидт говорит, что он летел бы к центру Земли по инерции, пролетел бы центр, вернулся вследствие того же притяжения обратно, опять пролетел центр и так качался бы, как маятник, со все более короткими отклонениями от центра. Если даже он не погиб бы от

удушья, подземных вод и огня, то в конце концов он уравновесился бы и остался навсегда в самом центре Земли.

— Самое подходящее место!.. К сожалению, земля не расступилась под его ногами и носит еще это чудовище!

— Вот-вот! В этом все дело! Если земля не расступилась под его ногами, значит, его подошвы снабжены особыми изоляторами, что ли. Эти изоляторы должны быть иного строения атомов, чем его тело. Каким образом эти изоляторы, или сандалии, все же проникают сквозь стены, Шмидт не уяснил. Он допускает, что впереди или по краям они снабжены оболочкой, которая способна изменить атомный состав материи, встречающейся на пути, и делать ее проницаемой. Но самые сандалии, или калоши — назовите как хотите, — должны быть материальны. В этом все дело...

— Ну и?..

— Ну и очень просто: нужно ловить его за эти калоши! Окружить и хватать сквозь ноги подошвы! Тогда он будет в наших руках! Поймав калоши, мы поймаем и Вагнера!

И с видом победителя Брауде опустился в кресло. Собрание взволновалось. Лица оживились. Надежда вызвала улыбки. Многие поднялись со своих мест и горячо обсуждали новость. Брауде поздравляли и жали ему руку.

— Гениально!

— И как это нам не пришло в голову!

— Может быть, нам удастся железными гвоздями прибить калоши к полу!..

— А еще проще перевернуть Вагнера головой вниз и опустить в землю!

— Будьте серьезнее, господа! — призывал председатель к порядку членов собрания, пришедших в веселое настроение. — Не будем гадать о шкуре медведя, пока медведь не пойман! Надо обдумать подробности охоты!

VI. ГОСТЬ ИЗ КНИЖНОГО ШКАФА

Профессор Дидерихс был весь поглощен переводом ассирийской клинописи. Кабинет его напоминал музей. Только одна стена против письменного стола, стоящего посреди

комнаты, была уставлена во всю ширину книжными шкафами. Все другие стены были сплошь покрыты полками, заваленными ассирийскими, египетскими, вавилонскими древностями: каменными амулетами, печатями, барельефами с изображением ассирийских царей, фигурами зверей, крылатыми гениями и быками, львами с человеческими лицами, надгробными крышками из Варки, вавилонскими терракотами из Абу-Хаббаха...

По углам и на полу стояли и лежали мумии. На письменном столе — гири в виде лежачих львов заменяли прессы. Все эти каменные тысячелетние чудища, выглядывающие отовсюду в полумраке комнаты, способны были навести жуть на свежего человека, как ночные кошмары. Было тихо: глубокая научная мысль любит глубокую тишину. Глаза профессора устали разбирать полустертые знаки, начертанные много тысячелетий назад. Дидерихс откинулся на спинку стула, опустил веки и потом поднял их, рассеянно устремив взгляд на книжный шкаф.

И вдруг ему показалось... Профессор Дидерихс тряхнул головой и, подняв очки на лоб, протер глаза. Но видение не исчезало: из книжного шкафа появилась человеческая голова с длинными, нависшими усами и окладистой бородой, потом плечи, руки, вся фигура человека.

Если бы профессор Дидерихс читал газеты, он, конечно, сразу догадался бы, что его посетил человек-призрак. Но Дидерихс уже много дней не читал газет и даже не выходил из дому. Вернувшись из научной командировки, он усиленно работал, разбирая материал, добытый им при новых раскопках в Тель-Эль-Амарне. Притом он никак не мог отделаться от полученной во время путешествия малярии, которая сильно истощила его. Появление необычайного гостя застигло его неподготовленным. Он не знал, что подумать. В привидения он, конечно, не верил. И потому он допустил самое вероятное объяснение:

«Приступ малярии? Бред?.. — Он попробовал пульс. — Пульс нормальный. Что за чертовщина? Очевидно, галлюцинация!.. Однако я переработался, — подумал он. — Зрительная галлюцинация, не может быть сомнения!»

Но галлюцинация оказалась не только зрительной. «Призрак», улыбаясь в ницшевские усы, вполне отчетливо проговорил:

— Я очень извиняюсь, что вторгаюсь незваным гостем и нарушаю ваши занятия... Но мне слишком надоели преследования, и я решил углубиться в дома!.. Судя по обстановке, я имею честь видеть профессора? Мы коллеги...

Дидерихс был в замешательстве: нужно ли поддерживать разговор с галлюцинацией? Ведь в конце концов это значит говорить с самим собой. Что подумает его старый слуга? Впрочем, Генрих отпросился надолго, в доме нет никого, а призрак выглядит так реально.

В ученом заговорил экспериментатор.

«В конце концов, это интересно: можно сделать любопытное наблюдение над сущностью галлюцинации», — подумал Дидерихс и ответил, стараясь говорить совершенно спокойно:

— Я галлюцинирую. Вы созданы моим воображением. Но будем разговаривать, как с реальным существом. Я профессор Дидерихс. Чем могу быть вам полезен?

— Очень рад познакомиться. Хотя я далек от египтологии и прочих древностей, но ваше имя хорошо известно на моей родине.

— На вашей родине?

— Я из Москвы...

— Странная галлюцинация! — вслух проговорил Дидерихс.

— И уверяю вас, что я не ваша галлюцинация, а живой человек!

— Если так, пожмите мне руку!

— Охотно сделал бы это, но вы не ощутите моего рукопожатия.

Дидерихс рассмеялся.

— Ну, конечно!.. Прошу садиться!

— Я не сижу, — отвечал призрак, — мое тело проходит сквозь материю!

— Странные тела у вас в Москве!

— Это особенность моего тела. Я профессор Вагнер... — И Вагнер рассказал Дидерихсу всю свою историю от начала

до конца, рассказал о своем научном открытии, которое дало его телу эти необычайные свойства. Наконец-то Вагнер мог удовлетворить свою тоску по людям.

Дидерихс мало понял в научных объяснениях Вагнера о строении атома, о том, что материя лишь кажется нам плотной, что на самом деле она представляет собой скопление электронов и протонов, находящихся в вечном вихревом движении, и что между ними, относительно говоря, громадные пустые пространства.

— Проще говоря: здесь имеет место нечто подобное тому, что бывает при прохождении лучей Рентгена сквозь материальную преграду. Видеть свои кости, скелет человека сквозь живую ткань, фотографировать предметы, находящиеся в запертом сундуке или за стеной... Разве это не казалось фантазией, чудом, несбыточной химерой каких-нибудь пятьдесят лет тому назад?

Профессор Дидерихс заинтересовался. Он слыхал о Вагнере — изобретателе средства против сна. Кроме того, казалось невероятным, чтобы галлюцинирующий человек сам себя поучал неведомым доселе знаниям. Дидерихс начинал верить в реальность Вагнера.

«Если это и галлюцинация, то интересная». И он стал задавать Вагнеру вопросы:

— Вы можете вернуть своему телу обычные свойства?

— Разумеется. Я уже делал опыт прежде, чем бежал из плена.

— Какие же изменения может внести ваше изобретение в жизнь людей?

— Изумительные! — воскликнул Вагнер, воодушевляясь. — Если бы я подверг, ну, хотя бы вашу библиотеку, — и он показал рукой на книжные шкафы, — действию моих лучей, с книгами случилось бы то же, что и со мной, то есть они стали бы проницаемы. Это значит: я мог бы уложить всю библиотеку в карман своего платья.

— А люди?

— То же самое, конечно! Все население Берлина, а если хотите, и всего земного шара, могло бы поместиться в пространстве, занимаемом сейчас мною. Ведь, хотя иными путями, наука и техника стремятся не к тому ли самому, по-

беждая пространство? Быстроходные аэропланы, радио — все это сближает, «сливает» людей. При моем изобретении это слияние будет абсолютным. В этом кабинете может поместиться неограниченное количество кабинетов, мебели, книг...

Дидерихс почувствовал головокружение. «Нет, это галлюцинация», — подумал он.

А Вагнер продолжал:

— Все наши пространственные представления и представления о материи совершенно изменятся. Материальный конус поместится в цилиндре, цилиндр — в кубе, куб — в шаре...

— Но позвольте! — простонал Дидерихс. — Как же я найду нужную книгу в библиотеке, которая вся будет помещаться в одной книге? Как узнаю своего знакомого среди тысяч людей, которые будут пребывать во мне самом?.. Это кошмар какой-то! — И Дидерихс отер платком влажный лоб. — И как люди будут питаться? Как возьмут кусок хлеба, книгу, если все это будет проницаемым, подобно воздуху? Как люди будут узнавать друг друга?

— Очень просто: ведь черты их сохранят свои формы. Вещи будут проницаемы, но они смогут сохранять в пространстве то положение, которое вы им придадите, и изменять место по вашему желанию.

— А притяжение Земли? Как вы сами не провалитесь сквозь землю?

Вагнер засмеялся.

— И вы о том же? Они, мои преследователи, думают, что я должен иметь особые изоляторы на подошвах, чтобы не провалиться сквозь землю. Только сейчас, перед тем как мне укрыться у вас, они сделали нападение на меня, вернее — на мои ноги. Они хватали меня за подошвы у земли. Но я вошел по колени в землю. С таким же успехом я мог бы войти по голову, и тогда они увидали бы одну голову, двигающуюся по земле. Но у меня нет никаких «подошв». Они ошиблись. Законы тяжести не существуют для меня. И я благополучно ушел от них. Я мог бы позабавиться с ними, но я не выношу шума... Здесь хорошо!.. — И, посмотрев на часы, Вагнер воскликнул: — Однако уж второй час ночи!

Еще раз извиняюсь за беспокойство! Я спешу на ночной экспресс... Пора и в Москву!.. Прощайте!..

И, кивнув головой, профессор Вагнер шагнул к книжному шкафу и исчез в книгах...

— Цилиндры... кубы... шары... трапеции... Но позвольте! Подождите! — вдруг закричал профессор Дидерихс и, побежав к книжному шкафу, стал колотить кулаком по книжным полкам. — Вернитесь! Вернитесь! — кричал он, нарушая тишину дома.

Ответа не было. Только ассирийские львы и крылатые быки щурились по углам.

Дверь кабинета приоткрылась, и в комнату заглянула седая голова лакея.

— Изволили звать? — И, осмотревшись вокруг, лакей спросил: — С кем вы изволили разговаривать?

Дидерихс смутился, устало потер ладонью лоб и молча опустился в кресло.

Старик слуга скорбно покачал головой.

— Отдохнуть вам нужно... Прикажете проводить в спальню?..

И, бережно подхватив Дидерихса под руку, он повел его из кабинета, бросая сердитые взгляды на крылатого ассирийского льва с человеческой головой.

Дидерихса отвезли в санаторий.

У него нашли нервное расстройство на почве переутомления.

АМБА

I. ЗВАНЫЙ УЖИН

Помню, в детстве у меня возникли серьезные разногласия с моим другом Колей Бибикиным, которые едва не повлекли к разрыву нашей двухлетней дружбы. Он убеждал меня бежать в Америку, чтобы сражаться с индейцами, я же ни о чем не хотел слышать, кроме «Абессинии».

— Во-первых, не «Абессиния», а «Абиссиния», — поправил меня Коля.

— Во-вторых, пишется и «Абессиния» и «Абиссиния». Но я считаю правильнее писать и произносить «Абессиния»,

так как это слово происходит от местного старинного названия страны Хабешь, — возразил я с эрудицией настоящего ученого. Я прочитал тоненькую книжечку об этой далекой стране и был очарован.

— Но почему ты выбрал именно Абессинию? — не унимался Коля.

— Потому Абессинию, — отвечал я, — что, во-первых, амба. Ты знаешь, что такое амба?

Он кивнул головой.

— Отец говорил: амба — это если в лото или лотерее выходит сразу два выигрыша.

Я презрительно рассмеялся и пояснил:

— Амба — это высокое горное плато в Абессинии с такими обрывистыми краями, что жители лазят на свою амбу по лестницам, а скот поднимают на веревках. Понимаешь, как интересно. Выбрать хорошенькую амбу, не доступную человеку, взобраться на нее и жить, как на воздушном острове. Или, может, занять две амбы и через глубокий каньон перекинуть веревочную лестницу и ходить друг к другу в гости. Ветер будет дуть в ущелье, а лестница качаться из стороны в сторону, вот так: туда-сюда, туда-сюда.

— А индейцы? — спросил Коля, уже, видимо, начинавший сдаваться, но ему трудно было расстаться с индейцами.

— Там, в Абессинии, тоже есть дикие племена и разбойники, страшно свирепые. Ты будешь с ними сражаться.

— Да, об этом надо подумать...

— Нет, ты не можешь себе представить, что это за прелесть, — продолжал я, все больше вдохновляясь. — Абессиния — это Швейцария. Даже лучше. Абессиния в пятьдесят раз больше Швейцарии и во много раз красивее. Абессиния — это красивый остров над морем песков и болот. Абессиния — это крыша Африки. Это чудесный парк. Везде пастбища с тенистыми рощами. Даже не один парк, а сотни, с различной растительностью. Внизу — сахарный тростник, бамбук, хлопок, тропические фрукты, этажом выше — кофе, еще выше — поля нашей пшеницы. Ты любишь кофе? А знаешь, почему кофе называют «кофе»? Каффа — провинция Абессинии, где растут прекрасные кофейные деревья. Оттуда к нам идет лучший кофе. Там водятся гиппопотамы, гие-

ны, леопарды, львы. Там столько птиц, что ты не успеешь стрелять. И знаешь, там замечательные деньги. Из тонких брусков каменной соли в полметра длиной. Это у них рубль. Если брусок треснул, или облупился, или плохо звучит, такой рубль не берут. А когда люди встречаются на дороге, то друг друга угощают, отламывая кусочек соли, — как у нас табачком. Каждый съедает кусочек, благодарит и уходит. Но самого главного я тебе не сказал. Там мы с тобой были бы военными. Уверяю тебя. Там берут на военную службу мальчиков девяти лет, делают их помощниками солдат. Мальчик несет впереди солдата ружье, чистит это ружье, ухаживает за лошадью или мулом и проходит пешком много-много километров.

Коля был побежден. Он задумался, тряхнул головой и сказал:

— Да, об этом надо подумать...

Коля Бибикин скоро уехал из нашего города вместе со своими родителями, а я таки исполнил свою мечту, хотя и с двадцатилетним опозданием. Сказать по правде, в то время я и сам скоро позабыл об Абиссинии, увлекшись лыжным спортом. И вспомнил я о ней только тогда, когда мне, как научному сотруднику Академии наук и «подающему надежды» молодому ученому-метеорологу, предложили принять участие в одной из экспедиций, отправлявшихся в различные пункты земного шара для метеорологических наблюдений.

Предсказатели погоды еще совсем недавно пользовались репутацией отъявленных лгунов. «Их предсказания надо принимать наоборот», — иронически говорили обыватели. Отчасти они были правы: метеорологи очень часто ошибались. Несмотря на все синоптические карты, на взаимоинформирование по телеграфу, откуда-то в последний момент появлялись непредвиденные циклоны и портили все предсказания. И только сравнительно недавно ученые-метеорологи решили обосноваться в самих очагах «производства» погоды.

— Куда вы хотели бы ехать? — спросили меня. — На родину циклонов, в Исландию, или же в Абиссинию? Для этих двух пунктов еще не набраны научные сотрудники.

«Абиссиния. Коля Бибикин. Амба...» — вдруг пронеслось в моей голове, и я без колебания ответил:

— Конечно, в Абиссинию.

...Когда я сошел на плоский песчаный коралловый берег Красного моря и увидал на горизонте голубую стену гор с серебряными зубцами, мне показалось, что я помолодел на двадцать лет, и, удивляя своих спутников, крикнул:

— Амба!

Мы углубились в узкую страну, втиснутую между грядою скал и берегом моря, покрытую холмами, орошаемую многочисленными ручьями. Вечнозеленые тамаринды покрывали холмы.

Многое оказалось в этой стране совсем не таким, как я представлял в детстве. Но все же действительность превзошла даже мои детские грезы. В стране оказалось кое-что поинтереснее амб. Впрочем, теперь я обращал внимание на то, что в детстве мало занимало меня: на температуры, ветры, климат. А в этом отношении Абиссиния интереснейшая страна. В том уголке ее, где находится «столица-деревня» и живет босоногий негус-негушти (царь царей), стоит вечная весна. Самый холодный месяц — июль — там теплее, чем май в Москве, а самый теплый — чуть прохладнее московского июля. На высотах Тигре ночью коченеешь от холода, а внизу, к востоку, расстилается пустыня Афар, одно из самых жарких мест на земном шаре.

Но особенно меня интересовали периодические дожди, без которых была бы невозможна вся египетская культура. Древние египетские ученые-жрецы не помышляли о том, чтобы открыть истинную причину разливов Нила, оплодотворяющих весь бассейн реки, они умели только хорошо использовать эти разливы, создав удивительную сеть каналов, заградительных плотин и шлюзов, регулирующих запасы воды. Жрецы не знали, почему в начале разлива Нил грязно-зеленого цвета, а затем воды его приобретают красный оттенок. Так делали боги. Теперь мы знаем этих богов. Влажные ветры Индийского океана охлаждаются на холодных высотах Абиссинии и падают страшными тропическими дождями. Вот эти-то дожди и размывают глубокие каньоны, превращая горное плато в ряд разбросанных амб. Затем потоки устремляются в ущелья, захватывают там гниющие отбросы, червей, звериный помет, перегной и несут эту зеленоватую грязь в Голубой Нил и приток Нила — Атбар. После того как ливень вычистит эту гниль, прорвав плотину камышей, задержавших в своих зарослях воду и ил, дожди начинают размывать красноватые горные породы, и вода в Ниле становится красная, как кровь. Горе путнику, который будет застигнут ливнями в ущелье или на дне долины.

Итак, я был в Абиссинии, сидел на горном плато Тигре, курил трубку возле походного шатра и мог вволю наслаждаться видами амб. Похожие на кактусы молочаи горели как золотые канделябры в лучах заходящего солнца; рядом с палаткой стояла группа кедров, напоминавших ивы. Из соседней деревни доносились песни, не очень приятные для европейского слуха. Там, вероятно, был какой-то праздник. Не потому ли задержался мой проводник и носильщик абиссинец Федор? Он отправился раздобыть для меня в деревне чего-нибудь съестного на ужин.

— Как бы он не напился галлы, — сказал я, чувствуя приступы голода.

Но в этот момент мы услышали приближающееся пение.

Это был Федор, и явно навеселе. Он явился с пустыми руками. Я укоризненно покачал головой и, мешая итальянские и английские слова, упрекнул его за то, что он ничего не принес и опять напился галлы. Федор начал креститься, уверяя, что он только отведал вкус галлы. А не принес он ничего потому, что старик (старший в роде, староста) деревни просит нас к себе на ужин.

— Большая еда! — сказал Федор и даже зачмокал губами. Его шама (плащ) распахнулась, обнажая крепкую грудь. Федор не носил рубашки, весь его наряд состоял из узких штанов и шамы. Только в холодную погоду он, как многие горные жители, надевал меховой плащ. Его длинное, овальное шоколадного цвета лицо, узкий нос, курчавые волосы и реденькая бороденка, казалось, испускали лучи света. И источником этого света была мысль: «большая еда». Но я уже знал эти торжественные обеды и ужины и отклонил приглашение.

— Иди скажи старику, что я и мой товарищ больны, не можем прийти, и принеси нам лепешек.

Федор начал уговаривать нас принять приглашение. Он уверял, что наш отказ может разгневать главу рода, а это повредит нам, но я продолжал отказываться. Тогда Федор, многозначительно подмигнув, сказал:

— Ну, теперь я скажу такое, что ты не откажешься. На ужине будут гости. Белые. Один рус, один немец.

Я не поверил Федору. Он это выдумал, чтобы я согласился идти на пиршество: Федор тогда, конечно, пойдет в качестве моего слуги и получит свою долю. Встретиться в Абиссинии с итальянцем или англичанином — в этом нет ничего удивительного. Их колонии граничат с Абиссинией, отрезая владения негуса-негушти от моря. Можно встретить и немца. Но «рус»? Откуда может появиться «рус» в Абиссинии? А Федор продолжал креститься и божиться, уверяя, что будет «рус», что он приехал с одним немцем из Аддис-Абебы и остановился в соседней деревне.

Любопытство мое было задето. Если Федор прав, было бы глупо не воспользоваться случаем повидать своего соотечественника. Притом голод решительно не давал мне покоя. Я не ел целый день и сделал, вероятно, километров тридцать по горным тропам.

— Хорошо, идем. Но если ты обманул, Федор, тогда держись...

Среди островерхих, крытых соломой хижин на лужайке расположилось целое общество. Так как солнце уже зашло, то молодежь разложила и зажгла большие костры, ярко освещавшие картину пиршества на высоте двух тысяч метров. В центре большого круга сидел старик с морщинистым лицом, но совершенно черными волосами — абиссинцы почти не седеют. По левую сторону от него место было свободно, а по правую сидели два европейца: один из них — красивый мужчина с каштановой бородой и нависшими усами, и другой — рыжий бледный молодой человек.

Старик — глава рода и начальник деревни — показал мне место рядом с собой, предложив сесть. Я поклонился и занял указанное мне место. Мне очень хотелось сесть рядом с европейцем, обладавшим завидным румянцем и каштановой бо-

родой, и говорить с ним. Но между мною и им сидел наш гостеприимный хозяин, а он, как и все абиссинцы, отличался большой болтливостью. Его звали Иван, или, как он сам выговаривал, «Иан». Кушанье к столу еще не было «приведено», и пока хозяин занимал нас разговорами, обращаясь главным образом к соседу справа. Иан, видимо, хотел блеснуть перед нами образованностью. Он говорил о том, что ему прекрасно известно, что делается в мире. Есть Абиссиния, и еще есть Европия и Туркия. Европия — хорошо, но не очень; там нет негус-негушти. Впрочем, как недавно он узнал, есть еще Греция — «самое большое государство на свете»...

Тем временем было «подано» первое блюдо. Два молодых, довольно красивых абиссинца привели, держа за рога, корову. Ноги ей связали. Один старый абиссинец взял нож и, уколов корову в шею, пролил на землю несколько капель крови. Потом корову повалили. Молодой абиссинец, вооруженный острым кривым ножом, сделал надрез на коже живой коровы, отвернул кусок кожи и начал вырезать с филейной части узкие полосы трепещущего мяса. Корова заревела, как сирена гибнущего парохода. Этот рев, видимо, ласкал слух и возбуждал аппетит Иана, у которого потекли слюни. Женщины хватали трепещущие куски мяса, разрезали на мелкие части, посыпали перцем и солью, завертывали в лепешки и подносили ко рту пирующих. Европеец с каштановой бородой поблагодарил, но отклонил предложенный ему кусок. Он объяснил, что нам, европейцам, закон не позволяет есть сырое мясо и потому мы будем есть поджаренного барашка.

Вдруг он обратился ко мне на русском языке:

— Если не ошибаюсь, вы мой земляк. Не ешьте и вы сырого мяса, от него все эфиопы страдают солитерами и ленточными глистами. И если бы они каждый месяц не делали себе генеральной чистки, поедая цветы и плоды местного глистогонного растения куссо, то многие из них, наверно, погибли бы от паразитов.

Я охотно послушался этого совета и попросил кусочек прожаренной баранины. Мой земляк жевал жареную баранину и чавкал так громко, как умеют чавкать только воспитанные абиссинцы. Признаюсь, я не знал, что чавканье является признаком хорошего воспитания.

Когда все наелись, подали местный опьяняющий напиток федзе. Иан заставил налить себе из чаши немного федзе на ладонь и выпил, чтобы показать, что напиток не отравлен, и только после этого вино было предложено гостям.

Несчастное «блюдо» продолжало реветь. Этот рев разбудил тишину окрестных полей и ущелий. Из соседних деревень стали подходить гости. Предсмертный рев коровы служил для них призывным гонгом. Гостей встретили радушно, и они приняли участие в пожирании живой коровы. Скоро весь бок коровы был обнажен. Корова судорожно била ногами, но на это не обращали ни малейшего внимания не только мужчины, но и женщины. Детей же рев коровы и ее судорожные подергивания приводили в восторг.

Иан скоро опьянел. Он то начинал петь божественные песнопения, напоминавшие мотивом вой голодных волков, то тихо чему-то смеялся.

Наконец этот нудный вечер был окончен. «Рус» поднялся и кивнул мне. Я последовал его примеру. Поблагодарив хозяина, он попросил позволения взять с собой голову коровы. Иан очень охотно согласился. Он приказал одному из молодых людей отрезать голову, но «рус» взял нож из рук юноши и сам занялся операцией, причем делал это с необычайной скоростью и ловкостью, чем заслужил общее одобрение. Несчастная корова перестала реветь, и скоро ее ноги вытянулись. Я решил, что земляк сделал это из сострадания, чтобы прекратить мучения животного.

— Будем знакомы, — сказал он, протягивая мне на прощание руку. — Профессор Вагнер. Милости прошу к моему шалашу. Вот там, видите? — И он показал на две большие палатки на краю деревни, слабо освещенные догорающими огнями костров.

Я поблагодарил за приглашение, и мы расстались.

II. СМЕРТЬ РИНГА

На другой день, покончив с работой, я отправился навестить профессора Вагнера.

— Можно войти? — спросил я, остановившись у палатки.

— Кто там? Что надо? — отозвался кто-то на немецком языке. Дверь в палатку приоткрылась, и в щель выглянуло лицо рыжего молодого человека.

— Ах, это вы. Войдите, пожалуйста, — сказал он. — Садитесь. Профессор Вагнер сейчас занят, но он скоро освободится.

И словоохотливый немец начал занимать меня разговором.

Его фамилия Решер. Генрих Решер. Он ассистент профессора Турнера — известного ботаника. А Турнер — давнишний друг профессора Вагнера. Они — Турнер и Вагнер — приехали в Африку вместе. Вагнер отправился в бассейн Конго изучать обезьяний язык, а Турнер с Альбертом Рингом и проводником отправился в экспедицию в область Тигре.

— Турнер и профессор Вагнер расстались в Аддис-Абебе и там же условились встретиться, — продолжал Решер. — В Аддис-Абебе у профессора Турнера была основная база. В этом городе находился я. Ко мне Турнер отправлял коллекции растений, я делал гербарии, производил микроскопические исследования. Вагнер и Турнер обещали вернуться до наступления летних дождей, которые, как вам известно, здесь бывают в июле и августе.

Вагнер явился вовремя — в конце июня. Он прибыл с большим багажом и целым зверинцем. Слышите, как кричат обезьяны? Профессор Вагнер сказал, что в лесах Конго он встретил экспедицию какого-то английского лорда, который скоро умер. Вагнеру пришлось взять на себя все заботы об имуществе умершего: он решил отправить багаж и обезьян родственникам покойного.

Дожди перепадают уже в конце июня. Если Турнер не хотел рисковать и быть застигнутым страшными тропическими ливнями в горах, он должен был поторопиться. Мы ждали его со дня на день. Не являлся и Ринг, который был посредником между Турнером и мною, доставляя время от времени коллекции. Прошел июль. Дожди лили как из ведра. Даже наши отличные палатки не выдерживали и пропускали воду. Но все же в них было лучше, чем в туземных жилищах. Беспокойство за судьбу профессора Турнера, Аль-

берта Ринга и проводника все возрастало. Неужели они погибли?

Однажды — это было уже в начале августа — под утро я услышал сквозь шум ливня какой-то стон или вой за брезентом палатки. Вы знаете, как много собак на улицах абиссинских городов. А ночью шакалы и гиены нередко забегают в город. Ведь они вместе с собаками являются единственными чистильщиками и санитарами этих грязных городов-деревень. Заглушенный стон повторился. Быстро одевшись, я вышел из палатки. У входа я увидел тело человека. Это был Альберт Ринг, но в каком виде! Одежда его, изорванная в клочья и испачканная, едва держалась на нем. Все лицо в синяках, а на голове виднелась глубокая рана. Я втащил Ринга в палатку. Вагнер никогда не спит, и потому он тотчас же услышал, что в моем отделении палатки что-то неладное. Увидав раненого, Вагнер начал приводить его в чувство. Но несчастный Ринг, казалось, уже испустил дух. У него хватило силы только дотащиться до нашей палатки. Вагнер впрыскивал камфару, чтобы поддержать деятельность сердца, — ничего не помогало.

«Погоди же, ты у меня заговоришь!» — сказал Вагнер и, быстро пройдя к себе за занавеску, вернулся оттуда со шприцем. Он впрыснул Рингу какой-то жидкости, и наш мертвец открыл глаза. «Где Турнер? — крикнул Вагнер. — Он жив?» — «Жив, — еле слышно ответил Ринг. — Помощь... Он...»

Ринг опять впал в беспамятство, и даже Вагнер не мог уже ничего поделать.

«Он потерял слишком много крови, — сказал Вагнер. — Положим, кровь мы могли бы накачать ему, взяв у одной из обезьян. Но у Ринга пробит череп и поврежден мозг. Больше нам, пожалуй, ничего не удастся вытянуть из него. Ну что стоило ему пожить еще хоть пять минут! Я так и не узнал, где находится мой друг Турнер». — «Мы похороним его тело?» — спросил я. «Разумеется, — ответил Вагнер, — только раньше я произведу вскрытие. Может быть, оно даст нам какие-нибудь сведения. Помогите мне перенести труп в мою лабораторию».

Труп был так легок, что и один из нас легко перенес бы его, но неприлично труп человека таскать, как тушу. Мы пе-

ренесли труп и положили на прозекторский стол. Я удалился, а профессор занялся вскрытием. Родители Ринга, вероятно, не позволили бы вскрывать труп — они такие религиозные люди. Но они были далеко, а Вагнер... он не послушался бы меня и все равно сделал бы по-своему.

С Вагнером я встретился в тот день только вечером, когда он вышел, чтобы взять какую-то банку из нашего склада, находившегося в соседней палатке. «Что вы узнали?» — спросил я. «Узнал, что у Ринга рана в черепе имеет неровные края, а на волосах я нашел кусочек ила, на теле много ссадин и кровоподтеков. По всей вероятности, Ринг был застигнут потоками ливня в каком-нибудь каньоне, подхвачен и унесен этим потоком. Его тело билось о камни и стены утеса. Каким-то образом ему удалось выбраться из потока, и он добрался до нас. Удивительно сильный организм. Он должен был пройти немало километров с этакой раной в голове». — «А профессор Турнер?» — «Об этом я знаю столько же, сколько и вы. Но Ринг успел сказать, что Турнер жив и, по-видимому, ожидает помощи от нас. Мы должны немедленно отправиться к Тигре на поиски Турнера». — «Это бессмысленно, — возразил я. — Тигре — огромная область старой Абиссинии, имеющая тысячи амб, тысячи каньонов. Где мы будем искать Турнера?»

— Ведь я был прав, не правда ли? — спросил Решер, обращаясь ко мне. — Ваш профессор Вагнер, — продолжал он, — бывает грубоват. Он резко сказал мне, что если я не желаю, то могу оставаться в Аддис-Абебе. Я, конечно, ответил, что отправлюсь с ним. И в тот же день, вернее — вечер, похоронив Ринга, мы выступили в путь. Мы оставили всех обезьян и багаж умершего лорда в Аддис-Абебе, а сами отправились налегке. Впрочем, это относительно говоря. Профессор Вагнер не может обойтись без своей лаборатории. Он взял с собою довольно большую палатку — вы видели ее. А я захватил вот эту для себя.

— Ну и как ваши поиски?

— Разумеется, безрезультатны, — ответил Решер как будто даже с некоторым злорадством.

Мне показалось, что он не очень дружелюбно относится к Вагнеру.

— Меня ждет дома невеста, — признался Решер, — а тут приходится бесцельно бродить по горам. Бедный Ринг! У него тоже была невеста.

III. ГОВОРЯЩИЙ МОЗГ

В это время пола брезента, прикрывавшая дверь, приоткрылась, и на пороге показался профессор Вагнер.

— Здравствуйте, — сказал он мне приветливо. — Чего же вы здесь сидите? Пройдемте ко мне. — И, обняв меня, повел в свою палатку. Решер не последовал за нами.

Я с любопытством оглядел походную палатку-лабораторию Вагнера. Здесь были аппараты и приборы, говорившие о том, что Вагнер работает в самых различных областях науки. Радиоаппаратура стояла рядом с химической стеклянной и фарфоровой посудой, микроскопы — со спектроскопами и электроскопами. Назначение многих аппаратов было мне неизвестно.

— Садитесь, — сказал Вагнер. Сам он уселся на походный стул у маленького стола, вдвинутого между большими столами, заваленными приборами, и начал писать. В то же время, поглядывая на меня одним глазом, он разговаривал со мной. К моему удивлению, оказалось, что обо мне он знает гораздо больше, чем я о нем. Он перечислил мои научные труды и даже сделал несколько замечаний, удививших меня своей меткостью и глубиной, тем более что Вагнер был по специальности биолог, а не метеоролог.

— Скажите, вы не могли бы помочь мне в одном деле? Мне кажется, что с вами мы скорее сварили бы кашу.

«Чем с кем?» — хотел спросить я, но удержался.

— Видите ли, — продолжал Вагнер. — Генрих Решер очень симпатичный молодой человек. Пороха он не выдумает, но будет честным систематиком. Он один из тех, кто в науке собирает, накапливает сырой материал для будущих гениев, которые сразу освещают одной идеей тысячу непонятных доселе вещей, соединяют воедино частности, дают всему систему. Решер — чернорабочий от науки. Но дело не в этом. Всякому свое. Он продукт своей среды. Аккуратненький сынок аккуратненьких бюргерских родителей со

всеми их предрассудками. По воскресеньям утром он поет потихоньку псалмы, а после обеда пьет кофе, приготовленный по способу его почтенной мамаши, и курит традиционную сигару.

Разве я не замечал, как косился он на меня за то, что я произвел вскрытие трупа Ринга. — Вагнер вдруг засмеялся. — Если бы Решер знал, что я сделал! Я не только вскрыл черепную коробку Ринга, я вынул его мозг и решил анатомировать его. Я никогда не пропускаю такой возможности. Вынув мозг Ринга, я забинтовал его голову, и мы с Решером похоронили этот безмозглый труп. Решер прошептал на могиле молитвы и ушел с чопорным видом. А я занялся мозгом Ринга.

В Аддис-Абебе не найти льда, чтобы в нем хранить мозг. Можно было заспиртовать его, но для моих опытов мне нужно было иметь совершенно свежий мозг. И тогда я решил: почему бы мне не поддержать мозг в живом состоянии, питая его изобретенным мною физиологическим раствором, который вполне заменяет кровь? Таким образом я мог сохранить живой мозг неопределенно долгое время. Я предполагал срезать сверху тонкие пласты и подвергать их микроскопическим и иным исследованиям. Самое трудное было придумать для мозга такую «черепную крышку», которая идеально предохраняла бы его от инфекции. Вы увидите, что мне удалось очень удачно разрешить эту задачу. Я поместил мозг в особый сосуд и начал питать его. Поврежденную часть мозга я хорошо продезинфицировал и начал лечить. Судя по тому, как рубцевалась мозговая ткань, мозг продолжал жить, так же как живет, например, палец, отрезанный от тела, в искусственных условиях.

Работая над мозгом, я ни на минуту не переставал думать о судьбе моего друга профессора Турнера. Я отправился искать его живого или мертвого, захватив и мозг Ринга вместе с моей походной лабораторией. Я надеялся, что удастся найти следы Турнера. Он путешествовал в довольно людных местах. Должен был покупать продукты в деревнях, расположенных на его пути, и о нем, таким образом, можно было узнать у местных жителей. Я быстро продвигался вперед вместе с Решером и через несколько дней уже был на высотах Тигре.

Однажды вечером я решил сделать первый срез мозга Ринга. И когда я уже подошел со скальпелем в руке, одна мысль заставила меня остановиться. Ведь если мозг живет, то он может и испытывать боль. Не слишком ли жестока моя операция? Не обрекаю ли я мозг Ринга на судьбу несчастной коровы, которую медленно режут и пожирают местные жители на своих пиршествах, как вы это видели вчера вечером? Я начал колебаться. В конце концов научный интерес, наверно, восторжествовал бы над чувством жалости. Ведь в моих руках был не живой человек, а только кусок «мяса». Гуманисты возражают против вивисекции. Но разве десяток «умученных» учеными кроликов не спасает тысячи человеческих жизней? А наши мясные блюда? Да что толковать! Одним словом, я опять приблизил скальпель к мозгу и опять остановился. Какая-то еще не оформившаяся новая мысль заставила меня насторожиться и ожидать, пока она поднимется из темных бездн подсознательного на поверхность сознания. И вот какую мысль через несколько секунд регистрировало мое сознание: «Если мозг Ринга продолжает жить, то он способен не только ощущать боль. Мысль — одна из функций мозга. Что, если мозг Ринга продолжает думать? И о чем он может думать? Нельзя ли попытаться узнать об этом, установить с мозгом связь? Ведь Ринг так и не успел сказать нам, где находится Турнер и что с ним. Не удастся ли мне вырвать эту тайну у мозга Ринга? Если этот опыт удастся, я убью двух зайцев одним ударом: разрешу интересную научную задачу и, быть может, спасу моего друга».

— Амба? — улыбаясь, подсказал я.

Вагнер секунду подумал, улыбнулся и ответил:

— Да, амба, только не абиссинская, а игроковская. Два выигрыша сразу. В научном отношении опыт сулил мне чрезвычайно много интересного, и я с жаром принялся за дело. А дела предстояло немало. Надо было изобрести способ войти в сношения с мозгом, который, конечно, не мог ни видеть, ни слышать, разве что ощущать. Это было, пожалуй, не легче, чем войти в сношение с марсианами или селенитами, не зная их языка. Должен вам сказать еще по секрету, что Ринг, когда он был «во всей форме», не отличался умом. Однажды Турнер сказал мне, что Ринг был захвачен

людоедами и вернулся из плена живехоньким, тогда как два его спутника были съедены. «Это потому, — шутливо объяснил Турнер, — что людоеды, убедившись в глупости Ринга, побоялись его съесть, чтобы не заразиться его глупостью. Ведь людоедство возникло не от голода, а от веры в то, что, скушав врага, можно приобрести его доблести».

Таким образом, — продолжал Вагнер, — мне приходилось работать над очень трудным материалом. Но трудности никогда не останавливают меня. В своих изысканиях я рассуждал так. При работе мозга происходят сложные электрохимические процессы, сопровождаемые излучением коротких электроволн. Я уже года два назад сконструировал прибор, при помощи которого мог воспринимать электроволны, излучаемые мыслящим мозгом. Я изобрел даже аппарат, автоматически записывающий кривую этих колебаний. Но как перевести эту кривую на человеческий язык? Тут были чрезвычайные трудности. Я убедился, что одна и та же мысль передавалась графически различно в зависимости от настроения человека. Очевидно, надо было научиться читать не целые мысли и даже не отдельные слова — надо было идти другим путем: договориться с мозгом о буквах, создать особый алфавит, если только каждая буква, о которой будет думать мозг, даст четкую, не похожую на другие электроволну, отраженную видимой чертой на моем приборе. Словом, я находился в положении заключенного в одиночную камеру, который, не зная тюремной азбуки, захотел установить связь с заключенными в соседней камере путем перестукивания.

Но все это было еще впереди. Прежде всего надо было установить, излучает ли мозг Ринга какие-либо электроволны, иначе говоря, работает ли он «умственно», или вся его жизнь заключается в физическом существовании клеток. Теоретически мозг должен был мыслить. Я смастерил очень точный приемный аппарат и соединил его с мозгом. Дело в том, что мозг излучает очень слабую электроволну. И для того чтобы она еще больше не ослабела, рассеявшись в пространстве, я решил собрать по возможности всю излучаемую электроэнергию. Для этого я накинул на мозг Ринга тонкую металлическую сетку, от которой шел провод к моему аппарату. Ящик, на котором стоял мозг, был изолирован от зем-

ли. Электроволны, попадая в аппарат, должны были передаваться чувствительному самопишущему прибору. Тонкая игла писала на двигавшейся кинопленке, покрытой особым лаком. Кинопленку я брал просто как подходящий материал для записи.

О, если бы Решер увидел меня за этой работой! Он взвыл бы от негодования, видя такое кощунство.

Вагнер замолчал, а я смотрел на него с нетерпением, не решаясь вопросом нарушить ход его мыслей.

— Да, — продолжал Вагнер, — аппарат отметил излучения электроволн; игла зачертила на пленке неведомые письмена, подобно сейсмографу, отмечающему колебания почвы. Мозг Ринга думал. Но о чем он думал, для меня еще оставалось тайной за семью печатями. Все, что проходило на ленте, запечатлевалось в моем мозгу. И левую — лучшую — половину моего мозга я отдал исключительно работе расшифрования этой неведомой грамоты.

«Шамполион знал не больше меня, приступая к расшифрованию египетских иероглифов, и, однако же, ему удалось прочитать их. Почему же мне не расшифровать иероглифы мозга Ринга?» — думал я. Но они долго не давались мне. Еще не умея читать эти иероглифы, я, однако, уже мог установить, что некоторые знаки повторяются несколько раз. И особенно часто повторялся такой знак:

Что он означает, я еще не знал. Но повторяемость одинаковых знаков уже давала некоторые опорные пункты для дальнейшей работы. Я смотрел на зигзагообразные линии на ленте и думал о том, что они означают. Ни одно впечатление внешнего мира не доходило до мозга Ринга. Он был погружен в вечную тьму и тишину, как глухонемой и слепой человек. Но он мог жить воспоминаниями. Быть может, этот зигзаг на ленте — воспоминание мозга о любимой девушке... Допустим, мне удастся расшифровать эти иероглифы. Для меня откроется внутренний мир мозга — последнего приста-

нища «души». Это очень интересно в научном отношении. Но ведь я преследовал теперь не только научную, но и практическую цель: мне нужно было спросить у мозга Ринга, где Турнер и что с ним. Значит, прежде всего нужно было добиться того, чтобы мозг Ринга научился понимать меня, но как это сделать? Я решил, что самый простой путь — это механическое раздражение мозга. Я вскрыл «черепную коробку» и начал надавливать пальцем в стерилизованной резиновой оболочке на поверхность мозга сначала коротким нажимом, а потом более продолжительным. Это должно было соответствовать точке и тире, иначе говоря, букве «а» телеграфного алфавита Морзе. Алфавита этого целиком Ринг мог и не знать. Но «точка-тире» — это, вероятно, ему было известно. Я проделал эту манипуляцию несколько раз с промежутками, а затем перешел к следующей букве немецкого алфавита. На первый урок довольно было запомнить мозгу четыре буквы: a, b, c, d.

В то же время я наблюдал за лентой. Во время этого своеобразного урока на ленте появились какие-то новые штрихи и линии с амплитудой колебания гораздо более нормальной. Я решил, что до мозга Ринга, во всяком случае, дошли мои сигналы. Быть может, он был испуган нажимами, быть может, воспринимал их болезненно. Так или иначе — мозг реагировал. Теперь оставалось только повторять эти уроки, пока мозг не осознает, что это не случайные раздражения. Если бы только он понял, чего от него хотят! К сожалению, мой необычайный ученик оказался большим тупицей. Турнер был прав. Мне хотелось добиться одного, чтобы на мой сигнал — надавливание «точки-тире» — мозг ответил электроволной — знаком на ленте, соответствующим данному осязательному впечатлению. В дальнейшем, представляя ту или иную букву или воспроизводя соответствующее ощущение при надавливании мною этой буквы, мозг получал бы возможность самопроизвольно сигнализировать мне букву за буквой и таким образом вступить со мною в разговор.

Не буду перечислять все этапы этой трудной и кропотливой работы. Скажу лишь, что мои упорство и изобретательность подвергались огромным испытаниям. Но терпение и труд все перетрут. Мозг Ринга в конце концов заговорил. Че-

рез несколько дней Ринг начал повторять за мной буквы, то есть, думая о них, он излучал определенную электроволну, которая отражалась на ленте особым знаком. Я начал «диктовать» буквы вразбивку, мозг верно воспроизводил их. Дело было сделано. Но понимает ли мозг значение нажимов, связал ли он их с буквенным значением? Я «продиктовал» слово «Ринг» и ждал, что мозг повторит это слово буква за буквой. Но, к моему удивлению, на ленте оказалось написанным: «Я». Ринг, очевидно, ответил: «Да, Ринг — это я». Этот ответ так обрадовал меня, что в ту минуту я готов был допустить мысль, что людоеды прогадали, отказавшись от мозга Ринга. Он оказался сообразительней, чем я предполагал. Дальше пошло легче. Еще несколько испытаний, и я мог приступить к беседе. Больше я не завидовал лаврам Шамполиона, хотя о моих успехах никто не знал. Мне одновременно хотелось скорее узнать, где находится Турнер и что думает, чувствует мозг Ринга. Однако интересы живой человеческой личности должны стоять на первом плане. И я задал мозгу вопрос о Турнере. Игла на ленте задвигалась. Мозг слал мне телеграмму: «Турнер жив. Мы были застигнуты в долине тропическим ливнем». — «Где?» — телеграфировал я мозгу, надавливая пальцем точки и тире.

Мозг довольно точно указал мне направление маршрута, и по этому указанию мы добрались сюда, на эту стоянку. «Идите на север до Адуа, не доходя семи километров, сверните на восток...» — таково было главное направление. Но дальше... Увы, если бы Ринг был жив, он, вероятно, сумел бы провести нас на место. Но объяснить, где находится Турнер, он не сумел бы так же, как не мог объяснить теперь. Высокая амба. Крутые обрывистые края. Глубокое ущелье... Тысячи амб и ущелий походили на это описание. Я сделал невозможное — заставил говорить мозг Ринга неделю спустя после его смерти, — и тем не менее я не мог получить от мозга нужные мне сведения. Я бился с мозгом целые часы. Мозг, вероятно, утомился, потому что некоторое время он не давал ответов на мои вопросы, а затем задал мне сам вопрос, который смутил меня: «Где я сам и что со мною? Почему темно?..»

Что мог я ему ответить? Частица тела Ринга, очевидно, продолжала считать себя целым. Сказать остаткам Ринга,

что он давно умер, что остался один мозг, я опасался. Может быть, этот ответ поразит сознание Ринга, мозг Ринга не вместит этой мысли и сойдет с ума. И я решил схитрить — заменить ответ вопросом. «А что вы чувствуете?» — спросил я у мозга, как врач. И мозг начал мне «говорить» о своих впечатлениях. Он не видит, не слышит. Обоняние и вкус также отсутствуют у него. Он чувствует перемену температуры. У него время от времени «мерзнет» голова. (Вы знаете, что ночи в Абиссинии бывают довольно холодные, и разница в дневной и ночной температуре достигает тридцати и более градусов. Хотя я предохранил мозг от внешних влияний температуры искусственным «черепом», все же температурные колебания чувствовались мозгом.) И еще мозг чувствовал, когда я надавливал ему на «темя». Он так и сказал: «Кто-то нажимает мне на темя». — «И вам больно?» — спросил я. «Немного. У меня как будто немеют ноги».

Можете себе представить, как это интересно! Ведь как раз в верхних долях мозговой коры содержатся нервы, управляющие движениями и ведающие ощущениями нижней части тела вплоть до кончиков ног. Таким образом, я получил возможность проверить все участки мозга с точки зрения локализации в них тех или иных ощущений.

Вагнер взял книгу с полки, раскрыл ее и показал мне рисунок.

— Вот видите, здесь изображены нервные центры. Я нажимал на различные извилины и борозды и спрашивал мозг, что он ощущает. «Я вижу смутный свет», — ответил мозг, когда я начал нажимать на зрительный центр. «Я слышу шум», — ответил на раздражение слухового нерва. Ведь вы знаете, что каждый нерв отвечает на разнообразные раздражения только одной реакцией: зрительный нерв передаст мозгу ощущение света, чем бы вы ни возбуждали нерв — светом, давлением, электрическим током. Так же действуют и другие нервы. Немудрено, что мои надавливания вызывали в мозгу то представление света, то шума — в зависимости от того, какой центр я раздражал. Для меня открывалось огромное поле для наблюдений.

Однако о чем думал мозг все это время? Вот что занимало меня. Я задал мозгу этот вопрос, и, к моему удоволь-

ствию, он довольно охотно ответил мне. «Ринг» помнит все, что произошло с ним (мозг Ринга все время был убежден, что Ринг жив). Итак, он рассказал мне, как они — Турнер, Ринг и проводник — отправились в Тигре, как решили спуститься в глубокий каньон, где были застигнуты неожиданным ливнем. Бушующие потоки несли их по каньону. Несколько раз на крутых излучинах они сильно ударялись о скалы и, наконец, были вынесены к огромной запруде в широкой долине. Росший на дне камыш задержал приносимый потоком мусор, ветви и целые деревья, образовав огромную плотину. Путники увязли в этой гуще. Надо было выбраться отсюда во что бы то ни стало, пока вода не прорвет плотину и не понесется дальше с еще большим бешенством. Добраться до берега было невозможно. Вода бурлила, кипела; ветки и сучья спутывали руки и ноги. А вода все прибывала и уже перекатывалась через гребень плотины. Тогда Турнер крикнул своим товарищам, что единственный путь — перелезть через плотину и броситься вниз, а затем спасаться на высокое место, пока вода не залила пространство, лежащее ниже плотины. Так они и сделали. С величайшим трудом перебрались через плотину и скатились вниз с десятиметровой высоты. Они упали на острые камни. Проводник разбил голову и был унесен ручьем, бежавшим ниже плотины, Турнер сломал ногу и с величайшим трудом пополз к берегу, и только один Ринг остался невредим. Им вдвоем удалось добраться до бедной деревеньки, лежащей на высоком уступе амбы. Турнер слег, а Ринг отправился в Аддис-Абебу за помощью. Он благополучно прошел весь путь и был всего в десяти километрах от города, когда какие-то разбойники пустили в него камнем и поранили голову. Но у Ринга, очнувшегося после обморока, хватило сил добраться до Решера. Там он и упал, потеряв сознание. Потом пришел в себя, увидел Решера и меня, сказал несколько слов и вновь забылся.

«А потом что?» — спросил я с интересом. «Потом, — ответил мозг, — я опять пришел в себя. Но ничего не видел и не слышал. Мне казалось, что меня бросили в темный карцер связанного по рукам и ногам. Мне ничего больше не оставалось, как вспоминать всю мою жизнь. В этих воспоминаниях и проходило время...»

Я несколько раз просил мозг Ринга точно описать мне путь в каньон, где застал их ливень, но Ринг по-прежнему так бестолково объяснял мне, что я отчаялся найти по этим указаниям моего друга. «Вот если бы я мог видеть, то привел бы вас на место», — говорил мозг. Да, если бы он видел и слышал, дело пошло бы на лад. Не удастся ли мне разрешить эту задачу? Мозг может воспринимать только неопределенное ощущение света при нажиме на глазной нерв, так же как мы ощущаем красные пятна и круги, когда нажимаем на глазное яблоко сквозь закрытое веко. Но ведь это не зрение. Как бы наделить мозг настоящим зрением?

Один план занимал меня в продолжение нескольких часов. Я думал, нельзя ли пересадить мозг Ринга на место мозга какого-нибудь животного. Сложность этой операции не смущала меня. Я надеялся сшить все нервы, сосуды и прочее, если только... найти подходящее по размеру вместилище для мозга Ринга. Но в этом-то и была вся задача. Я перебрал в памяти объем и вес мозга различных животных, сравнивая с мозгом Ринга. Мозг Ринга весил тысячу четыреста граммов. Мозг слона весит пять тысяч граммов. Увы, череп слона — слишком большое вместилище для мозга человека. У кита мозг весит две тысячи пятьдесят граммов. Это ближе к делу. Но у меня не было под рукой кита. И что делал бы кит среди амб Абиссинии? А все остальные животные имеют слишком малый мозг по сравнению с человеком: лошадь и лев — по шестьсот граммов, корова и горилла — по четыреста пятьдесят, прочие обезьяны — еще меньше, тигр — всего двести девяносто, овца — сто тридцать, собака — сто пять граммов. Было бы очень занятно иметь слона или лошадь с мозгом Ринга. Тогда он, наверное, нашел бы путь в долину. Но это, к сожалению, было маловыполнимо. Задача очень интересная, и, может быть, когда-нибудь я сделаю такую операцию. «Но сейчас, — думал я, — мне надо достигнуть цели возможно быстрым путем». И вот что я придумал...

Вагнер поднялся, подошел к занавеске, отделявшей угол палатки, и, приподняв полу занавески, сказал:

— Не угодно ли войти в это отделение моей лаборатории?

В этот угол свет проникал только сквозь плотный брезент палатки, и потому здесь стоял полумрак. Я увидел лежащий на ящике мозг, заключенный в какую-то прозрачную желтоватую оболочку и прикрытый сверху стеклянным колпаком. На другом ящике стоял большой сосуд, наполненный какою-то жидкостью, и на дне его лежали два больших глаза. От глазных яблок шли какие-то нити.

— Не узнаете? — спросил, улыбаясь, Вагнер. — Это глаза вчерашней коровы. Что может быть проще! Я беру конец этого нерва и пришиваю к глазному нерву в мозгу Ринга. Когда нервы коровы и Ринга срастутся, мозг Ринга вновь увидит свет, пользуясь глазом коровы.

— Почему глазом? — спросил я. — Разве вы дадите мозгу Ринга только один глаз?

— Да, и вот почему. Наше зрение устроено сложнее, чем вы, по-видимому, представляете. Глазной нерв не только передает зрительные представления мозгу. Нерв этот затрагивает целый ряд других нервов, в частности тех, которые ведают мышечными движениями глаза и речевыми движениями. При такой сложности наладить зрение обоими глазами — задача чрезвычайно трудная. Ведь мозг Ринга не в состоянии будет двигать глазом в любом направлении и сводить в один фокус два глаза. Довольно того, что он сможет владеть этим органом, наводя глаз на фокус. Конечно, это будет несовершенное зрение. Мне придется держать глаз и наводить его, как фонарь, на окружающие окрестности, а мозг будет узнавать местность и давать свои указания тем же несовершенным способом при помощи азбуки Морзе. Со всем этим немало хлопот. И Решер будет нам только мешать. Пожалуй, он еще напортит. Помилуйте, он человек, верующий в бессмертную душу, и вдруг душа его друга в таком заключении! Я решил поступить с Решером так. Скажу ему, что я признал бесцельность дальнейших поисков Турнера, и предложу отправиться на родину или куда он хочет. Я уверен, что Решер охотно оставит меня и уедет. Тогда у меня руки будут развязаны, если только вы согласитесь помочь мне.

Я согласился с большой готовностью.

— Ну, вот и отлично, — сказал Вагнер. — Надеюсь, что к утру мозг Ринга прозреет. Мною изобретено средство для ус-

корения процессов срастания тканей. К тому же времени, вероятно, Решер уберется отсюда, и мы с вами отправимся на поиски друга. Я прошу вас быть готовым выступить в поход рано утром.

IV. НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПРОВОДНИК

Наутро я уже был в палатке Вагнера. Он встретил меня со своей обычной радушной и немного лукавой улыбкой.

— Все вышло как по писаному, — сказал он мне, поздоровавшись. — Господин Решер выразил приличествующее случаю душевное сокрушение, повздыхал, поморгал, быстро утешился и тотчас начал собираться в дорогу. В полночь его уже здесь не было. А я тоже времени не терял даром, вот смотрите.

Из «подлобья» мозга выглядывал большой коровий глаз. Он был устремлен на меня, и мне даже стало жутко.

— Другой глаз я держу на всякий случай. Он содержится в особой жидкости и не испортится.

— А этот видит? — спросил я.

— Разумеется, — ответил Вагнер. Он начал быстро нажимать на мозг (стеклянный колпак был снят) и потом посмотрел на ленту.

— Вот видите, — сказал Вагнер, обращаясь ко мне, — я спросил мозг, кто находится перед ним, и он довольно точно описал вашу внешность. Теперь мы можем двинуться в путь.

Мы решили отправиться совсем налегке, даже без проводников и носильщиков. Что бы они подумали, если бы увидели коровий глаз, который руководит экспедицией! На случай встречи с туземцами Вагнер умело замаскировал ящик, в котором помещался мозг, оставив для глаза только небольшое отверстие. Лента, выписывающая телеграммы мозга, была выведена наружу, и по ней мы справлялись, правильно ли мы идем. Ринг не обманул: у него оказалась довольно хорошая зрительная память. И если он не в состоянии был словесно описать дорогу, то теперь был совсем недурным проводником. Возможность видеть знакомые места, очевидно, самому мозгу доставляла удовольствие. Он очень охотно руководил нами.

«Прямо... Налево... Еще... Спускайтесь...»

Мы не без труда спустились в глубокий каньон. Летние ливни уже прошли. Воды на дне каньона не было. Но здесь стоял невыносимый смрад от разлагающихся трупов животных и гниющих растений. Горные жители не могут спускаться сюда из-за этого смрада.

«Вот здесь была плотина», — сигнализировал мозг. От плотины высотою в десять метров не осталось ничего, кроме мусора, устилавшего сухое дно. Мы вышли на широкую поляну. Здесь как бы сходились десятки горных ручьев и рек, разливающихся лишь во время дождей и размывающих горы.

Прежде чем мы добрались до деревни, нам пришлось миновать участок леса с такой обильной растительностью, что мы принуждены были сделать несколько десятков километров кругу. Даже слоны ломают иногда клыки в этих дебрях.

Наконец мы нашли профессора Турнера в бедной абиссинской деревне, в шалаше, который не предохранял ни от ветра, ни от дождя. К счастью, погода стояла теплая и Турнер не страдал от сырости и холода. Он чувствовал себя неплохо, но ходил еще с трудом. Турнер очень удивился и обрадовался приходу Вагнера.

— А Решер, Ринг где?

К счастью, «Ринг» ничего не слышал, и Вагнер рассказал Турнеру без предрассудков о нашем необычайном проводнике. Турнер покачал головой, задумался, потом рассмеялся.

— Только вы, Вагнер, способны на такие проделки! — сказал он, похлопывая приятеля по плечу. — Где он? Покажите мне его.

И когда Вагнер приоткрыл коровий глаз, выглядывавший из ящика, Турнер раскланялся, а Вагнер протелеграфировал мозгу приветствие Турнера.

«Что со мной?» — спросил мозг Ринга Турнера, но и Турнер не мог объяснить «Рингу» его странной болезни.

Вот и все. В Европу мы явились вместе: профессор Турнер, Вагнер и я. Решер приехал раньше нас. Простите, я забыл упомянуть еще об одном спутнике. Мозг Ринга также

ехал с нами. В Берлине мы расстались с Турнером. При прощании он обещал никому не говорить о мозге Ринга.

Этот мозг, кажется, до сих пор существует в московской лаборатории профессора Вагнера. По крайней мере, в последнем письме, полученном мною не больше месяца назад, Вагнер писал мне:

«Мозг Ринга шлет вам привет. Он здоров и уже знает, что от Ринга остался только один мозг. Эта новость не так поразила его, как я ожидал. «Лучше так, чем никак», — вот что ответил мозг. Я сделал много чрезвычайно ценных наблюдений. Между прочим, клетки мозга начали разрастаться. И теперь мозг Ринга весит не меньше мозга кита. Но от этого он не стал умнее...»

* * *

Вагнер на рассказе написал:

«Не только ткани, но и целые органы, вырезанные из тела человека, могут жить и даже расти. Ученые (Броун-Секар, Каррель, Кравков, д-ра Брюхоненко и Чечулин и др.) оживляли пальцы, уши, сердца и даже голову собаки. При условиях питания кровью или раствором, близким по химическому составу к крови, так называемым физиологическим раствором, ткани и органы могут жить очень долго, ткани — даже по нескольку лет. Поэтому и оживление мозга научно вполне допустимая вещь. Но я сомневаюсь, что с таким оживленным мозгом удалось бы вступить в переговоры. Мозг и нервы при своей работе действительно излучают электромагнитные волны. Это бесспорно установлено работами академиков Бехтерева, Павлова и Лазарева. Однако мы еще не научились «читать» эти волны. Вот что пишет академик Лазарев по этому поводу в одном своем труде:

«Пока мы можем только утверждать, что волны существуют, но не можем строго выяснить их роль». Я был бы очень рад, если бы мне удалось оживить и вступить в переговоры с мозгом Ринга, но, к сожалению, такая возможность не больше как научное предвидение.

Вагнер».

ХОЙТИ-ТОЙТИ

I. НЕОБЫКНОВЕННЫЙ АРТИСТ

Огромный берлинский цирк Буша был переполнен зрителями. По широким ярусам, как летучие мыши, бесшумно сновали кельнеры, разнося пиво. Кружки с незакрытыми крышками, означавшими неудовлетворенную жажду, они сменяли полными, ставя их прямо на пол, и спешили на призывные знаки других жаждущих. Дородные мамаши с великовозрастными дочками разворачивали пакеты пергаментной бумаги, вынимали бутерброды и пожирали кровяную колбасу и сосиски в глубокой сосредоточенности, не отрывая глаз от арены.

К чести зрителей, однако, надо сказать, что не самоистязатель — факир и не лягушкоглотатель привлекли в цирк такое огромное количество публики. Все с нетерпением ожидали конца первого отделения и антракта, после которого должен был выступить Хойти-Тойти. О нем рассказывали чудеса. О нем писали статьи. Им интересовались ученые. Он был загадкой, любимцем и магнитом. С тех пор как он появился, на кассе цирка каждый день вывешивался аншлаг: «Билеты все проданы». И он сумел привлечь в цирк такую публику, которая раньше никогда туда не заглядывала. Правда, галерею и амфитеатр наполняли обычные посетители цирка: чиновники и рабочие с семьями, торговцы, приказчики. Но в ложах и в первых рядах сидели старые, седые, очень серьезные и даже хмурые люди в несколько старомодных пальто и макинтошах.

Среди зрителей первых рядов попадались и молодые люди, но такие же серьезные и молчаливые. Они не жевали бутербродов, не пили пива. Замкнутые, как каста браминов, они сидели неподвижно и ждали второго отделения, когда выйдет Хойти-Тойти, ради которого они пришли. В антракте все говорили только о предстоящем выходе Хойти-Тойти. Ученые мужи из первых рядов оживились. И, наконец, наступил давно жданный момент. Прозвучали фанфары, выстроились шеренгой цирковые униформисты в красных с золотом ливреях, занавес у входа широко раздвинулся, и под

аплодисменты публики вышел он — Хойти-Тойти. Это был огромный слон. На голове его была надета расшитая золотом шапочка со шнурами и кисточками. Хойти-Тойти обошел арену, сопровождаемый вожаком — маленьким человеком во фраке, отвешивая поклоны направо и налево. Затем он прошел на середину арены и остановился.

— Африканский, — сказал седой профессор на ухо своему коллеге.

— Индийские слоны мне нравятся больше. Формы их тела округленнее. Они производят, если можно так выразиться, впечатление более культурных животных. У африканских слонов формы более грубые, заостренные. Когда такой слон протягивает хобот, он становится похож на какую-то хищную птицу...

Маленький человек во фраке, стоявший возле слона, откашлялся и начал говорить:

— Милостивые государыни и милостивые государи! Честь имею представить вам знаменитого слона Хойти-Тойти. Длина туловища — четыре с половиной метра, высота — три с половиной метра. От конца хобота до конца хвоста — девять метров...

Хойти-Тойти неожиданно поднял хобот и махнул им перед человеком во фраке.

— Виноват, я ошибся, — сказал вожак. — Хобот имеет в длину два метра, а хвост — около полутора метров. Таким образом, длина от конца хобота до конца хвоста — семь и девять десятых метра. Съедает ежедневно триста шестьдесят пять кило зелени и выпивает шестнадцать ведер воды.

— Слон считает лучше человека! — послышался голос.

— Вы заметили — слон поправил своего вожака, когда тот ошибся в счете! — сказал профессор зоологии своему коллеге.

— Случайность, — ответил тот.

— Хойти-Тойти, — продолжал вожак, — гениальнейший из слонов, когда-либо существовавших на земле, и, наверно, самое гениальное из всех животных. Он понимает немецкую речь... Ведь ты понимаешь, Хойти? — обратился он к слону. Слон важно кивнул головой. Публика зааплодировала.

— Фокусы! — сказал профессор Шмит.

— А вот вы посмотрите, что будет дальше, — возражал Штольц.

— Хойти-Тойти умеет считать и различать цифры...

— Довольно объяснений! Показывайте! — крикнул кто-то с галерки.

— Во избежание всяких недоразумений, — продолжал невозмутимо человек во фраке, — я прошу спуститься сюда на арену нескольких свидетелей, которые могут удостоверить, что здесь нет никаких фокусов.

Шмит и Штольц посмотрели друг на друга и сошли на арену. И Хойти-Тойти начал показывать свои изумительные дарования. Перед ним раскладывали большие квадратные куски картона с нарисованными на них цифрами, и он складывал, умножал и делил, выбирая из груды кусков картона цифры, которые соответствовали результату его вычислений. От однозначных цифр перешли к двузначным и, наконец, к трехзначным; слон решал задачи безошибочно.

— Ну, что вы скажете? — спросил Штольц.

— А вот мы посмотрим, — не сдавался Шмит, — как он понимает цифры. — И, вынув карманные часы, Шмит поднял их вверх и спросил слона: — Не скажешь ли нам, Хойти-Тойти, — который час?

Слон неожиданным движением хобота выхватил часы из руки Шмита и поднес к своим глазам, потом вернул часы их растерявшемуся владельцу и составил из кусков картона ответ: «10.25». Шмит посмотрел на часы и смущенно пожал плечами: слон совершенно верно указал время. Следующим номером было чтение. Вожак разложил перед слоном большие картины, на которых были изображены различные звери. На других листах картона были сделаны надписи: «лев», «обезьяна», «слон». Слону показывали изображение зверя, а он указывал хоботом на картон, на котором было написано соответствующее название. И он ни разу не ошибся. Шмит пробовал изменить условия опыта: указывал слону на слова, заставлял найти соответствующее изображение. Слон и это выполнил безошибочно. Наконец перед слоном была разложена азбука. Подбирая буквы, он должен был составлять слова и отвечать на вопросы.

— Как тебя зовут? — задал вопрос профессор Штольц. «Теперь Хойти-Тойти», — ответил слон.

— Что значит «теперь»? — спросил в свою очередь Шмит. — Значит, раньше тебя звали иначе? Как же звали тебя раньше?

«Сапиенс», — ответил слон.

— Быть может, еще Хомо Сапиенс? — рассмеявшись, сказал Штольц.

«Быть может», — загадочно ответил слон. Затем он начал выбирать хоботом буквы и составил из них слова: «На сегодня довольно». Раскланявшись на все стороны, Хойти-Тойти ушел с арены, несмотря на протестующие возгласы вожака. В антракте ученые собрались в курительной комнате, разбились на группы и начали оживленный разговор. В дальнем углу Шмит спорил со Штольцем.

— Вы помните, уважаемый коллега, — говорил он, — какую сенсацию произвела в свое время лошадь по имени Ганс? Она извлекала квадратные корни и производила другие сложные вычисления, отбивая копытом ответ. А все дело сводилось, как выяснилось потом, к тому, что владелец Ганса выдрессировал его так, что он отстукивал копытом, подчиняясь скрытым сигналам хозяина, в счете же он смыслил не больше слепого щенка.

— Это только предположение, — возражал Штольц.

— Ну, а опыты Торндайка и Иоркса? Все они были основаны на образовании у животных естественных ассоциаций. Перед животным помещали ряд ящиков, причем только в одном из них находился корм. Этот ящик, например, мог быть вторым справа. Если животное угадает ящик, в котором находится корм, то автоматически открывается кормушка и оно получает пищу. У животных таким образом должна выработаться примерно такая ассоциация: «Второй ящик справа — пища». Затем порядок ящиков меняется.

— Надеюсь, ваши карманные часы не имеют кормушки? — с иронией спросил Штольц. — Чем же вы в таком случае объясняете факт?

— Но ведь слон и не понял ничего в моих часах. Он только поднес к глазам блестящий кружок. А когда начал подбирать цифры на картонках, то, очевидно, слушался незаметных

для нас указаний вожака. Все это — фокусы, начиная с того, что Хойти-Тойти «поправил» вожака, когда тот ошибся в подсчете длины слона. Условные рефлексы — и больше ничего!

— Директор цирка разрешил мне остаться с моими коллегами после окончания представления и проделать с Хойти-Тойти ряд опытов, — сказал Штольц. — Надеюсь, вы не откажетесь принять в них участие?

— Разумеется, — ответил Шмит.

II. НЕ ВЫНЕС ОСКОРБЛЕНИЯ

Когда цирк опустел и огромные лампы были погашены, кроме одной, висящей над ареной, Хойти-Тойти был вновь выведен. Шмит потребовал, чтобы вожак не присутствовал при опытах. Маленький человечек, который уже снял фрак и был одет в фуфайку, пожал плечами.

— Вы не обижайтесь, — сказал Шмит. — Простите, не знаю вашей фамилии...

— Юнг, Фридрих Юнг, к вашим услугам...

— Не обижайтесь, господин Юнг. Мы хотим обставить опыт так, чтобы не было никакого подозрения.

— Пожалуйста, — сказал вожак. — Позовите меня, когда нужно будет уводить слона. — И он направился к выходу.

Ученые приступили к опытам. Слон был внимателен, послушен, безошибочно отвечал на вопросы и разрешал задачи. То, что он проделывал, было изумительно. Никакой дрессировкой и никакими фокусами нельзя было объяснить его ответов. Приходилось допустить, что слон действительно наделен необычайным умом — почти человеческим сознанием. Шмит, уже наполовину побежденный, спорил только из упрямства. Слону, очевидно, надоело слушать этот нескончаемый спор. Он вдруг ловко протянул хобот, вынул из кармана в жилете Шмита часы и показал их владельцу. Стрелки стояли на двенадцати. Затем Хойти-Тойти, вернув часы, приподнял Шмита за шиворот и пронес через арену к выходному проходу. Профессор неистово закричал. Его коллеги засмеялись. Из прохода, ведущего к конюшням, выбежал Юнг и начал кричать на слона. Но Хойти-Тойти не об-

ращал на него никакого внимания. Покончив со Шмитом, выставленным в коридор, слон многозначительно посмотрел на ученых, оставшихся на арене.

— Мы сейчас уйдем, — сказал Штольц, обращаясь к слону, как к человеку. — Пожалуйста, не волнуйтесь.

И Штольц, а следом за ним и другие профессора, смущенные, покинули арену.

— Ты хорошо сделал, Хойти, что выпроводил их, — сказал Юнг. — Нам еще немало дела. Иоганн! Фридрих! Вильгельм! Где же вы?

На арену вышли несколько рабочих и занялись уборкой: подравнивали граблями песок, подметали проходы, уносили шесты, лесенки, обручи. А слон помогал Юнгу перетаскивать декорации. Но ему, видимо, не хотелось работать. Он был чем-то раздражен или, может быть, устал от второго сеанса, в необычное время. Фыркая хоботом, он крутил головой и грохотал передвигаемыми декорациями. Одну из них он дернул с такой силой, что она сломалась.

— Тише ты, дьявол! — закричал на него Юнг. — Почему не хочешь работать? Зазнался? Писать, считать умеешь, так уж тебе не хочется физическим трудом заниматься? Ничего не поделаешь, брат! Это тебе не богадельня. В цирке все работают. Посмотри на Энрико Ферри. Лучший наездник с мировым именем, а когда не его номер — выходит в ливрее «парад-алле» изображать и становится в ряд с конюхами. И арену граблями поправляет...

Это была правда. И слон знал это. Но Хойти-Тойти не было дела до Энрико Ферри. Слон фыркнул и направился через арену к проходу.

— Ты куда? — вдруг рассердился Юнг. — Стой! Стой, говорят тебе!

И, схватив метлу, он подбежал к слону и ударил его метельной палкой по толстой ляжке. Юнг никогда еще не бил слона. Правда, и слон раньше никогда не проявлял такого непослушания. Хойти вдруг заревел так, что маленький Юнг присел на землю и схватился за живот, как будто этот рев переворачивал ему внутренности. Обернувшись назад, слон схватил Юнга, как щенка, несколько раз подбросил вверх, ловя на лету, потом посадил на землю, взял хоботом

метлу и, шагая по арене, написал на песке: «Не смей меня бить! Я не животное, а человек!» Затем, бросив метлу, слон отправился к выходу. Он прошел мимо лошадей, стоявших в стойлах, подошел к воротам, прислонился к ним огромным туловищем и нажал плечом. Ворота затрещали и, не выдержав страшного напора, разлетелись вдребезги. Слон вышел на волю...

* * *

Директору цирка Людвигу Штрому пришлось провести очень беспокойную ночь. Он начал уже дремать, когда в дверь спальни осторожно постучал лакей и доложил, что пришел по неотложному делу Юнг. Служащие и рабочие цирка были хорошо вышколены, и Штром знал, что нужно было случиться чему-нибудь необычайному, чтобы осмелились побеспокоить его в такое неурочное время. В халате и туфлях на босу ногу он вышел в маленькую гостиную.

— Что случилось, Юнг? — спросил директор.

— Большое несчастье, господин Штром!.. Слон Хойти-Тойти сошел с ума!.. — Юнг таращил глаза и беспомощно разводил руками.

— А вы сами... вполне здоровы, Юнг? — спросил Штром.

— Вы мне не верите? — обиделся Юнг. — Я не пьян и в своем уме. Если вы не верите мне, можете спросить и Иоганна, и Фридриха, и Вильгельма. Они все видели. Слон выхватил у меня из рук метлу и написал на песке арены: «Я не животное, а человек». Потом он подбросил меня к куполу цирка шестнадцать раз, пошел в конюшни, выломал ворота и убежал.

— Что? Убежал? Хойти-Тойти убежал? Почему же вы сразу не сказали мне об этом, нелепый вы человек? Сейчас же надо принять меры к его поимке и возвращению, иначе он наделает бед.

Штром уже видел перед собой полицейские квитанции об уплате штрафа, длинные счета фермеров за потраву и судебные повестки о взыскании сумм за причиненные слоном убытки.

— Кто сегодня дежурный в цирке? Сообщили ли полиции? Какие меры приняли к поимке слона?

— Я дежурный и сделал все, что можно, — отвечал Юнг. — Полиции не сообщал — она сама узнает. Я побежал за слоном и умолял Хойти-Тойти вернуться, называл его бароном, графом и даже генералиссимусом. «Ваше сиятельство, вернитесь! — кричал я. — Вернитесь, ваша светлость! Простите, что я сразу не узнал вас: в цирке было темно, и я принял вас за слона». Хойти-Тойти посмотрел на меня, презрительно дунул хоботом и пошел дальше. Иоганн и Вильгельм гонятся за ним на мотоциклах. Слон вышел на Унтерден-Линден, прошел через весь Тиргартен по Шарлоттенбургершоссе и направился в лесничество Грюневальд. Сейчас купается в Гафеле.

Зазвонил телефон. Штром подошел к аппарату.

— Алло!.. Да, я... Я уже знаю, благодарю вас... Все возможное нами будет сделано... Пожарных? Сомневаюсь... Лучше не раздражать слона.

Звонили из полиции, — сказал Штром, повесив трубку. — Предлагают послать пожарных, чтобы загнать слона при помощи брандспойтов. Но с Хойти-Тойти надо обходиться очень осторожно.

— Сумасшедшего нельзя раздражать, — заметил Юнг.

— Вас, Юнг, слон знает все-таки лучше, чем кого-либо другого. Постарайтесь быть возле него и лаской заманить в цирк.

— Конечно, постараюсь... Гинденбургом, что ли, его назвать?..

Юнг ушел, а Штром так до утра и не ложился, выслушивая телефонные сообщения и давая распоряжения. Слон долго купался у Павлиньего острова, затем сделал набег на огород, поел всю капусту и морковь, закусил яблоками в соседнем саду и направился в лесничество Фриденсдорф. Все донесения говорили о том, что людей слон не трогал, напрасных разрушений не производил и вообще вел себя довольно благонравно. Когда шел — осторожно обходил огороды, чтобы не мять травы, старался идти только по шоссе или проселочными дорогами. И лишь голод заставлял его лакомиться овощами и фруктами в садах и огородах. Но и там он вел себя очень осторожно: не топтал понапрасну гряд, пожирал капусту аккуратно, грядку за грядкой, не ло-

мал плодовых деревьев. В шесть часов утра явился Юнг, усталый, запыленный, с потным грязным лицом, в мокрой одежде.

— Как дела, Юнг?

— Все так же. Хойти-Тойти не поддается ни на какие уговоры. Я назвал его «господином президентом», а он обозлился и бросил меня за это в озеро. У слонов мания величия, очевидно, протекает в несколько иных формах, чем у людей. Тогда я начал убеждать его разумными доводами: «Вы, может быть, воображаете, — спросил я его, опасаясь титуловать, — что находитесь в Африке? Здесь вам не Африка, а пятьдесят два с половиной градуса северной широты. Ну, хорошо, сейчас август, всюду много плодов, фруктов, овощей. А что вы будете делать, когда наступят морозы? Вы же не будете питаться корой, как козы? Имейте в виду, что у нас в Европе жили ваши прапрадеды — мамонты, но померли из-за холода. Так не лучше ли вам идти домой, в цирк, где вы будете в тепле, сыты и одеты?» Хойти-Тойти внимательно выслушал эту речь, подумал и... обдал меня водой из хобота. Две ванны в продолжение пяти минут! С меня довольно! Если я не простужусь, будет удивительно...

III. ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Все попытки морального воздействия на слона оказались напрасными, и Штром принужден был согласиться на решительные меры. В лесничество был направлен отряд пожарных с паровыми трубами. Пожарные, руководимые полицией, подошли к слону на десять метров, выстроились полукругом и направили на огромное животное сильнейшие струи воды. Но слону очень понравился душ. Он только поворачивался то одним, то другим боком, шумно отфыркиваясь. Тогда десяток пожарных труб, соединив струи в одну, направили этот мощный поток на голову слона, прямо в глаза. Это слону не понравилось. Он заревел и двинулся на пожарных так решительно, что атакующие дрогнули и, бросив шланги, разбежались. В один момент шланги были порваны, машины перевернуты.

С этого момента счета, которые должен был оплатить Штром, начали быстро возрастать. Слон был рассержен. Между ним и людьми была объявлена война, и он старался показать, что эта война не дешево обойдется людям. Он утопил в озере несколько пожарных автомобилей, разломал лесную сторожку, поймал одного полицейского и забросил его высоко на дерево. И если раньше он проявлял в своих действиях осторожность, то теперь был необуздан в своем вредительстве. Но и в этой разрушительной работе он проявлял все тот же необычайный ум, и вреда он мог причинить гораздо больше, чем обыкновенный, хотя бы и взбесившийся слон.

Когда полицей-президент получил сообщение о событиях во Фридендорфском лесничестве, он отдал приказ: мобилизовать большие отряды полиции, вооружить их винтовками, оцепить лесничество и убить слона. Штром был в отчаянии: другого такого слона не найти. В глубине души директор уже примирился с тем, что придется платить за проделки слона: Хойти-Тойти все вернет с лихвой, только бы он одумался. Штром умолял полицей-президента задержать выполнение приказа, все еще надеясь как-нибудь овладеть строптивым слоном.

— Я могу дать вам десять часов, — ответил полицей-президент. — Все лесничество через час будет оцеплено. Если потребуется, то в помощь полиции я вызову войска.

Штром созвал экстренное совещание, в котором приняли участие чуть ли не все артисты и служащие цирка, присутствовали также директор зоологического сада со своими помощниками. Через пять часов после совещания лесничество было покрыто замаскированными ямами и капканами. Всякий обыкновенный слон попался бы в эти хитро расставленные ловушки. Но Хойти был Хойти. Он обходил заграждения, разрывая маскировку ям, не наступал на доски, которые были соединены с тяжелой болванкой, подвешенной на веревке. Такая болванка, упав на голову слона, могла оглушить и свалить его.

Срок истекал. Сильные отряды все теснее сжимали кольцо блокады. Полицейские с винтовками подходили к озеру, возле которого находился слон. Уже между стволами видна

была огромная туша Хойти. Он набирал в хобот воды и, подняв его вверх, пускал целый фонтан, который рассыпался в воздухе и падал дождем на его широкую спину...

— Приготовься! — тихо скомандовал офицер. И затем крикнул: — Огонь!

Грянул залп. Лесная чаща ответила многократным эхом. Слон дернул головой в сторону и, обливаясь кровью, направился прямо на людей. Полицейские стреляли, а слон, не обращая внимания на пули, продолжал бежать. Полицейские были не плохие стрелки, но они не были знакомы с анатомией слона, и их пули не задевали жизненно важных центров слона — мозга и сердца. От боли и страха слон дико заревел, вытянул хобот вперед, потом быстро скатал его: хобот очень важный орган, без хобота животное погибает; и потому слоны только в самом крайнем случае пользуются им как орудием обороны и нападения. Хойти пригнул голову, и его огромные бивни, длиной в два с половиной метра и весом по пятьдесят килограммов каждый, были направлены на врагов, как страшные тараны. Он был ужасен. Но дисциплина все же сдерживала людей: они продолжали стоять на месте, непрерывно стреляя.

Слон прорвал цепь, вырвался из блокады и скрылся. За ним была организована погоня, однако поймать и даже настигнуть его было не так-то легко. Отряды полиции принуждены были двигаться по дорогам, а слон шел напролом, теперь уже не разбирая пути, через сады, огороды, поля, леса.

IV. ВАГНЕР СПАСАЕТ ПОЛОЖЕНИЕ

Штром ходил по кабинету и в отчаянии повторял:

— Я разорен! Я разорен!.. Придется выбросить целое состояние, чтобы покрыть убытки, причиненные слоном, а самого Хойти-Тойти все же расстреляют. Какая потеря! Какая невознаградимая потеря!

— Телеграмма! — сказал вошедший слуга, передавая Штрому на подносе бумажку.

«Кончено! — подумал директор. — Вероятно, это извещение о том, что слон убит... Телеграмма из СССР? Москва? Странно! От кого бы это?..»

«Берлин цирк Буша директору Штрому Только что прочитал газете телеграмму бегстве слона точка Просите немедленно полицию отменить приказ убийстве слона точка Пусть один из ваших служащих передаст слону следующее двоеточие кавычки Сапиенс Вагнер прилетает Берлин вернитесь цирк Буша точка кавычки. Если не послушает запятая можете расстрелять точка Профессор Вагнер».

Штром еще раз перечитал телеграмму.

«Ничего не понимаю! Профессор Вагнер, очевидно, знает слона, потому что указывает в телеграмме на его прежнюю кличку Сапиенс. Но почему Вагнер надеется, что слон вернется, узнав о приезде профессора в Берлин?.. Так или иначе, но телеграмма дает маленький шанс на спасение слона».

Директор начал действовать. Не без труда ему удалось уговорить полицей-президента «приостановить военные действия». К слону немедленно был отправлен на аэроплане Юнг.

Как настоящий парламентарий, Юнг помахал белым платком и, подойдя к слону, заявил:

— Глубокоуважаемый Сапиенс! Профессор Вагнер шлет вам привет. Он приезжает в Берлин и желает вас видеть. Место свидания — цирк Буша. Заявляю вам, что ни один человек вас не тронет, если только вы вернетесь обратно.

Слон внимательно выслушал Юнга, подумал, потом подхватил его хоботом, посадил себе на спину и мерной походкой направился в путь, обратно на север, к Берлину. Юнг, таким образом, оказался в роли заложника и охранителя: никто не осмелится стрелять в слона, потому что на его шее сидит человек.

Слон шел пешком, а профессор Вагнер со своим ассистентом Денисовым летел в Берлин на аэроплане и поэтому прибыл раньше его и немедленно отправился к Штрому.

Директор уже получил телеграмму о том, что Хойти-Тойти при одном упоминании о Вагнере опять сделался кротким и послушным и идет в Берлин.

— Скажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах вы приобрели слона и не знаете ли вы его истории? — спросил Вагнер директора.

— Я купил его у некоего мистера Никса, торговца пальмовым маслом и орехами. Мистер Никс живет в Центральной Африке, на Конго, недалеко от города Матади. По его словам, слон сам явился к нему однажды, когда его дети играли в саду, и начал проделывать необычайные фокусы: поднимался на задние ноги и танцевал, жонглировал палочками, становился на передние ноги и, упираясь в землю бивнями, поднимал задние и при этом так смешно махал хвостом, что дети Никса катались по лугу от смеха. Они назвали слона Хойти-Тойти, что по-английски, как вам, вероятно, известно, означает: «игривый, резвый», а иногда и междометие — нечто вроде «ну и ну!». К кличке этой слон привык, и мы оставили ее, когда его приобрели. Вот все документы о покупке. Все совершенно легально, и сделка едва ли может оспариваться.

— Я не собираюсь оспаривать у вас сделку, — сказал Вагнер. — Не имеет ли слон каких-нибудь особых примет?

— Да, на голове его имеются большие рубцы. Мистер Никс предполагал, что это следы ран, полученных слоном при его поимке. Дикари ловят слонов довольно варварским способом. Так как эти швы несколько портили его вид и могли у публики вызывать неприятное чувство, то мы надевали ему на голову особую шапочку, расшитую шелками и украшенную кисточками.

— Так. Нет никакого сомнения, что это он!

— Кто он? — спросил Штром.

— Слон Сапиенс. Мой пропавший слон. Я поймал его, когда был в научной экспедиции в Бельгийском Конго, и выдрессировал его. Но однажды ночью он ушел в лес и больше не вернулся. Все поиски остались безуспешными.

— Значит, вы все же предъявляете претензии на слона? — спросил директор.

— Я не предъявляю, но слон сам может предъявить кое-какие претензии. Дело в том, что я дрессировал его новыми методами, которые дают поистине изумительные результаты. Вы сами могли убедиться, какого необычайного развития умственных способностей слона мне удалось достигнуть. Я бы сказал, что слон Сапиенс, или, как теперь он называется, Хойти-Тойти, в высокой степени обладает сознанием

личности, если можно так выразиться. Когда я читал в газетах об изумительных способностях слона, выступавшего в вашем цирке, я тогда же решил, что только один мой Сапиенс способен на такие вещи: читать, считать и даже писать, — ведь я выучил его всему этому. И, пока Хойти-Тойти мирно забавлял берлинцев, по-видимому, довольный своей судьбой, я не считал нужным вмешиваться. Но слон взбунтовался. Значит, он был чем-то недоволен. Я решил прийти к нему на помощь. Теперь он сам должен решить свою судьбу. Он имеет на это право. Не забывайте, что, если бы я не явился вовремя, слон давно уже был бы мертв — мы оба потеряли бы его. Насильно вы не заставите слона остаться у вас, в этом, надеюсь, вы уже убедились. Но не думайте, что я во что бы то ни стало хочу отнять у вас слона. Я поговорю с ним. Может быть, если вы измените режим, устраните то, что его раздражало, он останется у вас.

— «Поговорю со слоном»! Виданное ли это дело? — развел руками Штром.

— Хойти-Тойти вообще невиданный слон. Кстати, скоро он прибывает в Берлин?

— Сегодня вечером. Он, по-видимому, очень спешит на свидание с вами; он идет, как мне телеграфировали, со скоростью двадцать километров в час.

В тот же вечер по окончании представления в цирке состоялось свидание Хойти-Тойти с профессором Вагнером. Штром, Вагнер и его ассистент Денисов стояли на арене, когда через артистический проход вошел Хойти-Тойти все еще с Юнгом на шее. Увидав Вагнера, слон подбежал к нему, протянул хобот, как руку, и Вагнер пожал эту «руку». Потом слон снял со спины Юнга и посадил на его место Вагнера. Профессор поднял огромное ухо слона и что-то прошептал в него. Слон кивнул головой и начал быстро-быстро махать концом хобота перед лицом Вагнера, который внимательно следил за этими движениями. Штрому не нравилась эта таинственность.

— Итак, что решил слон? — спросил он в нетерпении.

— Слон высказал желание взять отпуск, чтобы иметь возможность рассказать мне кое-какие интересные для меня вещи. После отпуска он соглашается вернуться в цирк, если

только господин Юнг извинится перед ним за грубость и обещает никогда больше не прибегать к мерам физического воздействия. Удары для слона нечувствительны, но он принципиально не желает переносить никаких оскорблений.

— Я... бил слона?.. — спросил Юнг, делая удивленное лицо.

— Палкой от метлы, — продолжал Вагнер. — Не отпирайтесь, Юнг, слон не лжет. Вы должны быть вежливы со слоном так, как если бы он был...

— ...сам президент республики?

— ...как если бы он был человек, и не простой человек, а исполненный собственного достоинства.

— Лорд? — язвительно спросил Юнг.

— Довольно! — крикнул Штром. — Вы виноваты во всем, Юнг, и понесете за это наказание. Когда же думает... господин Хойти-Тойти уйти в отпуск и куда?

— Мы отправимся с ним в пешеходную прогулку, — ответил Вагнер. — Это будет очень приятно. Я и мой ассистент Денисов усядемся на широкой спине слона, и он повезет нас на юг. Слон выразил желание попастись на швейцарских лугах.

Денисову было всего двадцать три года, но, несмотря на свою молодость, он уже сделал несколько научных открытий в области биологии. «Из вас будет толк», — сказал Вагнер и пригласил его работать в своей лаборатории. Молодой ученый был этому несказанно рад. Профессор также был доволен своим помощником и всюду брал его с собой.

— «Денисов», «Аким Иванович» — все это очень длинно, — сказал Вагнер в первый день их общей работы. — Если я буду каждый раз обращаться к вам: «Аким Иванович», то на это потрачу в год сорок восемь минут. А за сорок восемь минут много можно сделать. И потому я вообще буду избегать называть вас. Если же нужно будет вас позвать, то я буду говорить: «Ден!» — коротко и ясно. А вы можете называть меня Ваг. — Вагнер умел уплотнять время. К утру все было готово. На широкой спине Хойти-Тойти свободно разместились Вагнер и Денисов. Из вещей захватили только необходимое. Штром, несмотря на ранний час, провожал их.

— А чем будет кормиться слон? — спросил директор.

— В городах и селах мы будем показывать представления, — сказал Вагнер, — а зрители за это будут кормить слона. Сапиенс прокормит не только себя, но и нас. До свиданья!

Слон медленно шел по улицам. Но, когда миновали последние дома города и перед путешественниками потянулась полоса шоссе, слон без понукания ускорил ход. Он делал не менее двенадцати километров в час.

— Ден, вам теперь придется иметь дело со слоном. И чтобы лучше понять его, вы должны познакомиться с его не совсем обычным прошлым. Вот возьмите эту тетрадку. Это путевой дневник. Он написан вашим предшественником Песковым, с которым я совершал путешествие в Конго. С Песковым случилась одна трагикомическая история, о которой я как-нибудь расскажу вам. А пока — читайте.

Вагнер уселся поближе к голове слона, разложил перед собой маленький столик и начал писать сразу в двух тетрадях — правой и левой рукой. Меньше двух дел Вагнер никогда не делал.

— Итак, рассказывайте! — сказал он, обращаясь, по-видимому, к слону. Слон протянул хобот почти к самому уху Вагнера и начал очень быстро шипеть с короткими перерывами:

— Ф — фф — ффф — ф — фф — ффф...

«Точно азбука Морзе», — подумал Денисов, раскрывая толстую тетрадь в клеенчатом переплете. Вагнер левой рукой записывал то, что диктовал ему слон, а правой писал научную работу. Слон продолжал идти ровным шагом, и плавное покачивание почти не затрудняло писания. Денисов начал читать дневник Пескова и быстро увлекся чтением.

Вот содержание этого дневника.

V. «ЧЕЛОВЕКОМ РИНГУ НЕ БЫТЬ»...

«27 марта. Мне кажется, что я попал в кабинет Фауста. Лаборатория профессора Вагнера удивительна. Чего только здесь нет! Физика, химия, биология, электротехника, микробиология, анатомия, физиология... Кажется, нет области знания, которой не интересовался бы Вагнер, или Ваг, как

он просит себя называть. Микроскопы, спектроскопы, электроскопы... всяческие «скопы», которые позволяют видеть то, что недоступно невооруженному глазу. Потом идут такие же «вооружения» для уха: ушные «микроскопы», при помощи которых Вагнер слышит тысячи новых звуков: «и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье». Стекло, медь, алюминий, каучук, фарфор, эбонит, платина, золото, сталь — в самых различных формах и сочетаниях. Реторты, колбы, змеевики, пробирки, лампы, катушки, спирали, шнуры, выключатели, рубильники, кнопки... Не отражает ли все это сложность мозга самого Вагнера? А в соседней комнате целый паноптикум: там Вагнер выращивает ткани человеческого тела, питает живой палец, отрезанный у человека, кроличье ухо, сердце собаки, голову барана и... мозг человека. Живой, мыслящий мозг! Мне приходится ухаживать за ним. Профессор разговаривает с мозгом, нажимая пальцем на поверхность. А питается мозг особым физиологическим раствором, за свежестью которого я должен следить. С некоторых пор Вагнер изменил состав раствора, начал «усиленно питать мозг», и — удивительно! — мозг начал очень быстро разрастаться. Нельзя сказать, чтобы этот мозг, величиной с большой арбуз, представлял красивое зрелище.

29 марта. Ваг о чем-то усиленно совещается с мозгом.

30 марта. Сегодня вечером Ваг сказал мне:

— Это мозг одного молодого немецкого ученого, Ринга. Человек погиб в Абиссинии, а мозг его, как видите, продолжает жить и мыслить. Но в последнее время мозг загрустил. Глаз, который я приделал мозгу, не удовлетворяет его. Он хочет не только видеть, но и слышать, не только неподвижно лежать, но и двигаться. К сожалению, он высказал это желание несколько поздно. Скажи он об этом раньше, я, пожалуй, сумел бы удовлетворить это желание. Я смог бы найти в анатомическом театре труп, подходящий по размеру, и пересадить мозг Ринга в его голову. Если только тот человек умер от мозговой болезни, то при пересадке нового, здорового мозга мне удалось бы оживить мертвеца. И мозг Ринга получил бы новое тело и всю полноту жизни. Но дело в том, что я проделывал опыт разращения тканей, и теперь, как вы видите, мозг Ринга настолько увеличился, что не войдет ни в один человеческий череп. Человеком Рингу не быть.

— Что вы этим хотите сказать? Что Ринг может быть кем-то иным, кроме человека?

— Вот именно. Он может быть, ну хотя бы слоном. Правда, до величины слоновьего мозга его мозг еще не дорос, но это дело наживное. Надо только позаботиться о том, чтобы мозг Ринга принял нужную форму. Мне скоро пришлют череп слона; я посажу в него мозг и буду продолжать наращивать его ткани, пока они не заполнят всю полость черепа.

— Не хотите же вы сделать из Ринга слона?

— А почему бы нет? Я уже говорил с Рингом. Его желание видеть, слышать, двигаться и дышать так велико, что он согласился бы быть даже свиньей и собакой. А слон — благородное животное, сильное, долговечное. И он, то есть мозг Ринга, может прожить еще сто-двести лет. Разве это плохая перспектива? Ринг уже дал свое согласие...»

Денисов прервал чтение дневника и обратился к Вагнеру:

— Скажите, так неужели же слон, на котором мы едем...

— Да, да, имеет человеческий мозг, — отвечал Вагнер, не переставая писать. — Читайте дальше и не мешайте мне.

Денисов замолчал, но он не сразу вернулся к чтению дневника. Мысль, что слон, на котором они сидят, обладает человеческим мозгом, казалась ему чудовищной. Он смотрел на животное с чувством жуткого любопытства и почти суеверного ужаса.

«31 марта. Сегодня прибыл череп слона. Профессор распилил череп продольно через лоб.

— Это для того, — сказал он, — чтобы вложить мозг и чтобы удобнее было вынуть его, когда нужно будет переложить его из этого черепа в другой.

Я осмотрел внутренность черепа и был удивлен сравнительно небольшим пространством, которое предназначено для заполнения мозгом. Снаружи слон представлялся гораздо «умнее».

— Из всех сухопутных животных, — продолжал Ваг, — слон имеет наиболее развитые лобные пазухи. Видите? Вся верхняя часть черепа состоит из воздушных камер, которые

неспециалист принимает обычно за мозговую коробку. Мозг же, сравнительно совсем небольшой, запрятан у слона очень далеко, вот где: примерно это будет в области уха. Поэтому-то выстрелы, направленные в переднюю часть головы, и не достигают обычно цели: пули пробивают несколько костяных перегородок, но не разрушают мозга.

Мы с Вагом проделали несколько дыр на черепе, для того чтобы провести через них трубки, снабжающие мозг питательным раствором, а затем осторожно вложили мозг Ринга в одну из половинок черепа. Мозг еще далеко не заполнил предназначенного для него помещения.

— Ничего, в дороге дорастет, — сказал Ваг, придвинув вторую половину черепа. Признаюсь, я очень мало верю в удачу опыта Вага, хотя и знаю о многих его необычайных изобретениях. Но здесь дело чрезвычайно сложно. Надо преодолеть огромные препятствия. Прежде всего необходимо раздобыть живого слона. Выписать его из Африки или Индии было бы слишком дорого. Притом слон может по той или иной причине оказаться неподходящим. Поэтому Ваг решил везти мозг Ринга в Африку, на Конго, где он уже бывал, поймать там слона и произвести операцию пересадки мозга. Произвести пересадку! Легко сказать! Это не то что переложить перчатки из кармана в карман. Надо будет найти и сшить все окончания нервов, все вены и артерии. Несмотря на сходство анатомии человека и животного, все же различия велики. Как Вагу удастся спаять воедино эти две системы? И ведь вся эта сложная операция должна быть проделана над живым слоном...»

VI. ОБЕЗЬЯНИЙ ФУТБОЛ

«27 июня. Приходится писать залпом за целый ряд дней. Путешествие было богато не одними удовольствиями. Уже на пароходе, и в особенности на лодке, нам начали досаждать москиты. Правда, когда мы ехали по середине реки, еще широкой, как озеро, их было меньше. Но достаточно было подплыть ближе к берегу, как нас окружала целая туча москитов. Во время купанья нас облепляли черные мухи и сосали кровь. Когда мы высадились на берег и двинулись пешком, нас стали преследовать новые враги: мелкие муравьи и песочные блохи. Каждый вечер нам приходилось осматривать ноги и сметать этих блох. Змеи, многоножки, пчелы и осы также доставляли немало хлопот.

Нелегко давалось передвижение в лесной чаще. А на открытых местах ходить было едва ли не труднее: трава густая, стебли толстые, высотой до четырех метров. Идешь между двумя зелеными стенами — ничего не видать вокруг. Жутко! Острые листья царапают лицо и руки. Подомнешь траву ногами — путается, обвивается вокруг ног. В дождь на листьях скапливается вода и льет на тебя, как из ушата. Двигаться приходилось гуськом по узким тропам, проложенным в лесах и степях. Такие дорожки — единственные пути сообщения в этих местах. Нас шло двадцать человек, из них восемнадцать — носильщики и проводники из негритянского племени фанов.

Наконец мы у цели. Расположились лагерем на берегу озера Тумба. Наши проводники отдыхают. Они увлечены ловлей рыбы. С большим трудом приходится отрывать их от этого занятия, чтобы заставить помочь нам устроиться на новом месте. У нас две большие палатки. Место для лагеря выбрано удачно — на сухом холме. Трава невысокая. Кругом видно далеко. Мозг Ринга благополучно перенес путешествие, чувствует себя удовлетворительно. С нетерпением ожидает возвращения в мир звуков, красок, запахов и прочих ощущений. Ваг утешает его, что теперь недолго осталось ждать. Он занят какими-то таинственными приготовлениями.

29 июня. У нас переполох: фаны нашли свежие следы льва совсем недалеко от нашего лагеря. Я распаковал ящик с ружьями, роздал ружья тем, которые заявили, что умеют стрелять, и сегодня после обеда устроил пробную стрельбу. Это нечто ужасное! Они прикладывают ложе ружья к животу или колену, кувыркаются от отдачи и пускают пули с отклонением от цели на сто восемьдесят градусов. Зато их увлечение превосходит все границы. Крик стоит неимоверный. Этот крик, пожалуй, соберет к нам голодных зверей со всего бассейна Конго.

30 июня. Прошлой ночью лев был совсем близко от нашего лагеря. После него остались вещественные доказатель-

ства: он растерзал дикую свинью и съел ее почти без остатка. Череп у свиньи расколот, как орех, а ребра искрошены на мелкие куски. Не хотел бы я попасть в такую костоломку! Фаны напуганы. Как только наступает вечер, они собираются к нашим палаткам, зажигают костры и поддерживают пламя всю ночь. Мне стал понятен страх первобытного человека перед ужасным зверем. Когда лев рычит — а я уже несколько раз слышал его рык, — со мною творится что-то неладное: в крови просыпается страх далеких предков и сердце останавливается в груди. Даже бежать не хочется, а хочется сидеть съежившись или зарыться в землю, как крот. А Ваг как будто не слышит львиного рыка. Он по-прежнему что-то мастерит в своей палатке. Сегодня после завтрака он вышел ко мне и сказал:

— Завтра утром я пойду в лес. Фаны говорили, что к озеру ведет старая слоновая тропа. Слоны ходили на водопой недалеко от нашей стоянки. Но они часто меняют пастбища. Проделанная ими в лесу «просека» начала уже зарастать. Значит, они ушли куда-нибудь дальше. Надо будет разыскать их.

— Но вы знаете, конечно, что к нам пожаловал лев? Не рискуйте отправляться один без ружья, — предупредил я Вага.

— Мне не страшны никакие звери, — ответил он, — я слово такое знаю, заговор. — И его густые усы начали шевелиться от скрытой улыбки.

— И отправитесь в лес без ружья?

Ваг утвердительно кивнул головой.

2 июля. Любопытные дела произошли за это время. Ночью опять рычал лев, и у меня от жути стягивало живот и холодело под сердцем. Утром я мылся у своей палатки, когда из соседней вышел Ваг. Он был в белом фланелевом костюме, в пробочном шлеме и в крепких ботинках с толстыми подошвами. Костюм походный, но ни сумки, ни ружья за плечом. Я приветствовал Вага с добрым утром. Он кивнул мне головой и, как мне показалось, осторожно ступая, двинулся вперед. Постепенно шаг его делался все увереннее, и, наконец, он зашагал своей обычной ровной и скорой походкой. Так дошел он до спуска с нашего холма. Когда дорога начала

становиться покатой, Ваг поднял руки вверх, и... тут случилось нечто необыкновенное, заставившее меня и всех фанов вскрикнуть от удивления.

Тело Вага начало сначала медленно, а затем все быстрее вращаться в воздухе, как если бы он кувыркался на трапеции в вытянутом положении; на мгновенье оно принимало горизонтальное положение, затем голова оказывалась внизу, а ноги вверху; описывая круги, ноги и голова продолжали меняться местами. Наконец вращение его тела усилилось настолько, что ноги и голова слились в туманный круг, а середина туловища выступала, как темное ядро. Так продолжалось до тех пор, пока Ваг не достиг подножия холма. Прокувыркавшись несколько метров уже на ровном месте, он выпрямился и пошел по направлению к лесу своим обычным шагом.

Я ничего не мог понять, фаны — тем более. Они были не только удивлены, но и напуганы: ведь то, что они видели, конечно, было для них сверхъестественным явлением. Для меня же это кувыркание представляло только одну из загадок, которые частенько задавал мне Ваг.

Но загадки загадками, а лев остается львом. Не слишком ли Ваг понадеялся на себя? Я знаю, что собаку можно испугать «сверхъестественным» явлением: попробуйте обвязать кость тонкой ниткой или волосом и бросьте ее собаке. Когда она захочет взять кость, потяните за нитку. Кость вдруг двинется по полу, как бы убегая от собаки. Собака будет испугана этим необычайным событием и, поджав хвост, убежит от «ожившей» кости. Но убежит ли лев, поджав хвост, от кувыркающегося в воздухе Вага? Это большой вопрос. Я не могу оставить Вага без охраны.

И, захватив ружья, в компании четырех наиболее храбрых и толковых фанов я отправился следом за Вагом. Не замечая нас, он шел впереди по довольно широкой лесной просеке, проложенной слонами. Тысячи животных, ходивших на водопой, утрамбовали ее. Только местами попадались на пути небольшие упавшие стволы или сучья. Каждый раз, когда встречалось такое препятствие, Ваг останавливался, как-то странно поднимал ногу вверх — гораздо выше, чем это требовалось, — и делал широкий шаг.

Иногда вслед за этим его тело, не сгибаясь, наклонялось вперед, потом выравнивалось в вертикальном положении, и он продолжал идти. Мы следовали за ним на некотором расстоянии. Впереди показался яркий свет. Дорога расширялась и выходила на лесную поляну.

Ваг вышел из тени и шел уже по освещенной поляне, когда я услышал какое-то странное рокотание или ворчание, которое могло принадлежать только большому рассерженному или потревоженному зверю. Но это рокотание не напоминало львиного рева. Фаны шепотом называли зверя, но я не знал местных названий. Судя по лицам и движениям моих спутников, они боялись зверя, издающего это ворчание, не меньше, чем льва. Однако они не отставали от меня, а я, чуя недоброе, ускорил шаг. Когда я вышел на поляну, то увидел любопытную картину.

Направо от меня, метрах в десяти от леса, сидел на земле детеныш гориллы, ростом с десятилетнего мальчика. На некотором расстоянии от него — серовато-рыжая горилла-самка и огромный самец. Ваг шел довольно быстро по ровной поляне и, очевидно, прежде чем заметил зверей, сидевших на траве, оказался между детенышем и его родителями.

Самец, увидав человека, издал тот ворчащий хриплый звук, который я услышал еще в лесу. Ваг уже заметил зверей: он смотрел в сторону гориллы-самца, но продолжал идти своим обычным шагом. Маленькая горилла, увидав человека, вдруг завизжала, залаяла и поспешно взобралась на невысокое дерево, стоявшее недалеко от нее. Самец издал второй предостерегающий звук. Гориллы избегают человека, но если нужда заставляет их вступать в бой, то они проявляют неустрашимость и необычайную свирепость. Видя, что человек не уходит назад, и, очевидно, боясь за своего детеныша, самец вдруг поднялся на ноги и принял воинственную позу. Я не знаю, найдется ли зверь более страшный, чем это уродливое подобие человека. Самец был огромного для обезьяны роста — не меньше среднего роста человека, — но его грудная клетка показалась мне чуть не вдвое шире человеческой. Туловище непропорционально велико. Длинные руки толсты, как бревна. Кисти и ступни — непомерной длины. Под сильно выдающимися надбровными дугами виднеются свирепые глаза, а оскаленный рот сверкает огромными зубами.

Зверь начал ударять по своей бочкообразной грудной клетке косматыми кулачищами с такой силой, что внутри у него загудело, как в пустой сорокаведерной бочке. Потом он зарычал, залаял и, опираясь о землю правой рукой, побежал по направлению к Вагу.

Признаюсь, я был так взволнован, что не мог снять с плеча ружья. А горилла в несколько секунд перебежала отделявшее ее от Вага пространство и... но тут опять случилось нечто необычайное.

Зверь со всего размаха ударился о какую-то невидимую преграду, заревел и упал на землю. Ваг не упал, а перевернулся в воздухе, как на трапеции, с приподнятыми вверх руками и вытянутым телом. Неудача еще больше рассердила зверя. Он вновь поднялся и еще раз попытался прыгнуть на Вага. На этот раз он перелетел через его голову и вновь упал. Самец пришел в бешенство. Он заревел, залаял, зарычал, начал плеваться пеной и набрасываться на Вага, пытаясь обхватить его своими чудовищно длинными руками. Но между гориллой и Вагом существовала какая-то невидимая, но надежная преграда. Судя по положению рук гориллы, я понял, что это должен быть шар. Невидимый, прозрачный, как стекло, не дающий никаких бликов и крепкий, как сталь. Вот в чем состояла очередная выдумка Вага!

Убедившись в полной его безопасности, я начал с интересом следить за этой необычайной игрой. Мои фаны танцевали от восхищения и даже побросали ружья. А игра становилась все оживленнее.

Горилла-самка, кажется, с не меньшим любопытством, чем мы, следила за своим остервеневшим супругом. И вдруг, издав воинственный вой, она побежала к нему на помощь. И тут игра приобрела новый характер. В азарте гориллы набрасывались на невидимый шар, и он начал перелетать с места на место, как заправский футбольный мяч. Не весело находиться внутри этого мяча, если в роли азартных футболистов выступают гориллы! Вытянутое в струнку тело Вага все чаще вертелось колесом, перелетая с места на место. Теперь я понял, почему тело его вытянуто, а руки приподняты

вверх: ногами и руками он упирается в стенки шара, чтобы не разбиться. Стенки должны быть необычайно прочны. Когда гориллы нападали на шар одновременно с двух сторон и с разбега «выжимали» его вверх, он подпрыгивал метра на три и все же не разбивался, падая на землю. Однако Ваг, видимо, начал уставать. Продержаться в вытянутом положении с напряженными мускулами долго нельзя. И вот я увидел, что Ваг вдруг согнулся и упал на дно шара.

Дело принимало серьезный оборот. Больше нельзя было оставаться только зрителями. Я крикнул фанам, заставил их поднять с земли ружья, и мы направились к шару. Но я запретил туземцам стрелять без моего приказания, опасаясь, как бы они случайно не попали в Вага: я не знал, может ли невидимый шар устоять против пули. Притом шар не мог быть сплошным — иначе Ваг задохся бы, — в шаре должны быть отверстия, сквозь которые пули могли в него проникнуть.

Мы приближались с шумом и криком, чтобы обратить на себя внимание, и нам удалось достигнуть этого. Самец первый повернул голову в нашу сторону и угрожающе заревел. Видя, что это не производит впечатления, он двинулся нам навстречу. Когда он отошел в сторону от шара, я выстрелил. Пуля попала горилле в грудь — я видел это по струе крови, залившей серовато-рыжую шерсть. Зверь закричал, схватился рукой за рану, но не упал, а побежал ко мне навстречу еще быстрее. Я выстрелил вторично и попал в плечо. Но в этот момент он был уже возле меня и вдруг схватил лапой дуло моего ружья. Выхватив ружье с необычайной силой, зверь на моих глазах согнул ствол и надломил его. Не удовлетворившись этим, он схватил ствол в зубы и начал грызть его, как кость. Потом, неожиданно пошатнувшись, он упал на землю и начал судорожно подергивать конечностями, не выпуская изуродованного ружья.

Самка поспешила скрыться.

— Вы не очень пострадали? — услышал я голос Вага, как будто доносившийся издалека. Неужели я стал плохо слышать оттого, что горилла помяла мне бока? Я поднял глаза и увидел Вага, стоявшего надо мной. Теперь, когда он был возле меня, я заметил, что вокруг его тела находилась как бы ту-

манная оболочка. Присмотревшись еще внимательнее, я убедился, что вижу не оболочку, которая была абсолютно прозрачна, а следы лап горилл и местами налипшую на поверхности шара грязь.

Ваг, по-видимому, заметил мой взгляд, устремленный на эти пятна его невидимой сферы. Он улыбнулся и сказал:

— Если почва влажная или грязная, то на поверхности шара остаются некоторые следы, и он становится видимым. Но ни песок, ни сухие листья не пристают к нему. Если вы в силах — поднимайтесь, идем домой. По пути я расскажу вам о своем изобретении.

Я поднялся и посмотрел на Вага. Он тоже немного пострадал: на его лице кое-где виднелись синяки.

— Ничего, до свадьбы заживет, — сказал он. — Это мне наука. Оказывается, в дебри африканских лесов нельзя ходить без ружья, если даже находишься в этаком неприступном шаре. Кто бы мог подумать, что я окажусь внутри футбольного мяча!

— И вам пришло в голову такое сравнение?

— Разумеется. Итак, слушайте. Вам не приходилось читать, что в Америке изобретен особый металл, прозрачный, как стекло, или стекло, крепкое, как металл? Из этого материала построен, говорят, военный аэроплан. Удобство его вполне понятно: он почти не виден врагу. Говорю почти, потому что летчик должен быть виден, так же как виден я сквозь мой шар. Так вот, я уже давно думал о том, чтобы устроить такую «крепость», которая не мешала бы мне все видеть, наблюдать жизнь животных и защищала бы, если звери увидят и нападут на меня. Я проделал несколько опытов и достиг цели. Этот шар сделан из каучука. О, люди еще далеко не использовали всех качеств этого необычайно полезного материала! Именно каучук мне удалось сделать прозрачным, как стекло, и прочным, как сталь. Несмотря на сегодняшнее не совсем приятное приключение, которое могло бы окончиться еще неприятнее, если бы вы не пришли вовремя ко мне на помощь, я считаю свое изобретение очень удачным и целесообразным. А гориллы? Кто бы мог думать, что я встречу их здесь? Правда, это довольно дикое местеч-

ко, но гориллы обыкновенно живут в еще более диких непроходимых дебрях.

— Но как вы передвигаетесь?

— Очень просто. Разве вы не видите? Я наступаю подошвой ноги на внутреннюю стенку шара и тяжестью своего тела заставляю его катиться вперед. На поверхности шара имеются отверстия для дыхания. Шар состоит из двух половинок; я вхожу в него и закрываюсь, стягивая особые ремни, сделанные из прозрачного каучука. Пожалуй, некоторым неудобством является то, что на уклонах бывает трудно задержать шар, он начинает катиться быстро, и тогда приходится заниматься физкультурой. Но почему бы и не заняться?»

VII. НЕВИДИМЫЕ ПУТЫ

«20 июля. Опять перерыв в моем дневнике. Слоны, очевидно, ушли очень далеко. Нам пришлось сняться с лагеря и идти по слоновой тропе несколько дней, пока мы, наконец, не встретили более свежих следов стада. А еще через два дня наши фаны разыскали место слоновьего водопоя. Фаны — опытные охотники на слонов, они знают много способов ловли. Но Ваг предпочел свои оригинальные способы. Он приказал принести к слоновьей тропе ящик и начал вынимать из него что-то невидимое. Фаны в суеверном ужасе смотрели на руки человека, которые делали такие движения, словно что-то брали и перекладывали, хотя это «что-то» было невидимо, как воздух. Наверное, они считают Вагнера великим кудесником.

Ваг мне еще ничего не сказал, но я уже догадался, что он вынимает из ящика приспособления для ловли, сделанные, как и шар, из того же невидимого материала.

— Подойдите и попробуйте, — сказал мне Вагнер, видя, что я умираю от любопытства.

Я подошел, пощупал воздух и вдруг зажал в руке канатик не менее сантиметра в диаметре.

— Каучук?

— Да, одна из бесчисленных разновидностей каучука. На этот раз я сделал его гибким, как веревка. Но прочность стали и незримость остаются те же, что и в материале шара.

Из этих невидимых пут мы сделаем петли и разложим их на пути следования слона. Животное запутается и будет в наших руках.

Нельзя сказать, чтобы это была легкая работа — расстилать на земле невидимые веревки и завязывать из них петли. Мы сами не раз падали, зацепившись ногой за «веревку». Но к вечеру работа была закончена, и нам оставалось только ждать слонов.

Была прекрасная тропическая ночь. Джунгли наполнились неведомыми шорохами и вздохами. Иногда словно кто-то плакал, — быть может, маленькая зверюшка, расставшаяся с жизнью; иногда слышались раскаты дикого смеха, от которого, как от струи холодного воздуха, ежились фаны.

Слоны подошли незаметно. Огромный вожак шел несколько впереди стада, вытянув длинный хобот и беспрерывно двигая им. Он вбирал в него тысячи ночных запахов, классифицировал их, отмечая те, которые таили в себе какую-нибудь опасность. За несколько метров до наших невидимых заграждений слон вдруг приостановился и вытянул хобот так прямо, как мне никогда не приходилось видеть. Он к чему-то усиленно принюхивался. Быть может, он услышал запах наших тел, хотя, по совету фанов, мы незадолго до заката солнца выкупались в озере и выстирали наше белье: ведь на экваторе приходится потеть весь день.

— Плохо дело, — шепнул Ваг. — Слон разнюхал наше присутствие; и я полагаю, что он учуял запах не наших тел, а каучука. Об этом я не подумал...

Слон был в явной нерешимости. Очевидно, ему приходилось знакомиться с каким-то новым для него запахом. Чем угрожает этот неведомый запах? Слон нерешительно двинулся вперед, быть может, для того, чтобы ближе познакомиться с источником странного запаха. Он сделал несколько шагов и попал в первую петлю. Дернул передней ногой, но невидимое препятствие не отпускало ногу. Слон начал натягивать «веревку» все сильнее. Мы видели, как сжимается кожа немного выше его ступни. Гигант подался назад всем корпусом так, что зад его почти коснулся земли. Кожа — огромной толщины слоновья кожа — не выдержала: она лопнула от давления «веревки», и по ноге потекла густая темная кровь.

А «веревка» Вага выдерживала необычайное напряжение.

Мы уже торжествовали победу. Но тут случилось непредвиденное. Толстое дерево, к которому была привязана «веревка», рухнуло, словно подсеченное топором. Слон от неожиданности упал назад, быстро поднялся и, повернувшись, скрылся, тревожно трубя.

— Теперь дело пропало! — сказал Вагнер. — Слоны не подойдут к тому месту, где мы растянем наши невидимые, но ощутимые для них по запаху тенета. Или мне придется заняться химической дезодорацией. Химической... Гм... Запахи... так... — Вагнер о чем-то глубоко задумался. — А почему бы нет? — продолжал он. — Видите ли, какая мысль пришла мне в голову: можно было бы попробовать применить для поимки слона химические средства, например, газовую атаку. Нам надо не убить слона — это было бы сделать не трудно, — а привести его в бессознательное состояние. Мы вооружимся противогазовыми масками, захватим с собой баллон с газом и пустим газ вот на эту лесную дорожку. Окружающая зелень очень густа — это настоящий зеленый тоннель; газ будет довольно хорошо сохраняться... А есть средство и еще проще!..

Вагнер вдруг рассмеялся. Какая-то мысль показалась ему очень забавной.

— Теперь нам надо только выследить, куда будут ходить слоны на водопой. Сюда они едва ли вернутся...»

VIII. «СЛОНОВЬЯ ВОДКА»

«21 июля. Фаны нашли новое место водопоя. Это было небольшое лесное озеро. И, когда слоны, напившись, ушли в чащу, Ваг, я и туземцы принялись за работу. Мы разделись, вошли в воду и начали вбивать в дно колья тесным рядом, отгораживая небольшую часть озера. Затем мы плотно обмазали глиной подводную стену. Получилось нечто вроде садка. Плотина отделила часть озера как раз в том месте, куда приходили на водопой слоны.

— Отлично, — говорил Ваг. — Теперь нам остается только «отравить» воду. Для этого у меня есть очень хорошее

средство, совершенно безвредное, но действующее сильнее алкоголя.

Ваг проработал несколько часов в своей лаборатории и, наконец, вынес оттуда ведро «слоновьей водки», как он выразился. Эта водка была вылита в воду. Мы взобрались на дерево и приготовились наблюдать.

— А будут ли слоны пить вашу водку? — спросил я.

— Надеюсь, она покажется им достаточно вкусной. Ведь пьют же водку медведи. И даже делаются настоящими алкоголиками. Тсс!.. Кто-то идет...

Я посмотрел на «арену» — она была очень велика.

Сделаю маленькое отступление. Надо сказать, что меня все время поражало пейзажное и архитектурное разнообразие тропического леса. Местами идешь по «трехэтажному» лесу: небольшой подлесок кустарников и невысоких деревьев едва покрывает голову. Над этим лесом поднимается второй лес, высота которого примерно такова, как в наших северных лесах. Наконец, над ним высится третий лес, состоящий из огромных деревьев. Между первым и вторым рядами крон имеются пустые пространства, заполняемые только нитями и канатами разных ползучих растений. Такой тройной лес представляет необычайно красивое зрелище. Высоко над головой зеленые пещеры, водопады зелени, ниспадающие с уступа на уступ, зеленые горы, уходящие ввысь. И все это расцвечено перьями птиц и яркими цветами орхидей.

Потом сразу попадаешь словно в величественный готический храм с лесом исполинских колонн, поднимающихся от мшистой земли к едва различимому куполу. Еще несколько шагов — и новая перемена: ты — в чаще, в непроходимых дебрях. Листья сбоку, впереди, сзади, сверху. Мох, трава, листья, цветы внизу — по самые плечи. Словно очутился в зеленом водовороте. Ноги путаются в мягкой зелени или спотыкаются об упавшие деревья. И вот, когда окончательно обессилеешь и кажется, что безнадежно увяз в болоте сплошной зелени, неожиданно раздвигаешь кусты и останавливаешься, пораженный: ты в огромной круглой пещере с зеленым сводом. Неимоверной толщины «столб» подпирает купол этой пещеры. На земле — ни травинки, хоть в крокет играй. Дерево-великан своею тенью погубило кругом

всю растительность, не пропуская ни одного луча солнца. Ветви его спустились до земли и вросли в нее. Здесь царят мрак и прохлада. Нам не раз приходилось отдыхать в тени таких гигантов-баобабов, каучукового дерева, индийской смоковницы.

Такое же огромное дерево дало нам приют на своих ветвях. Оно стояло совсем недалеко от воды, и, таким образом, все звери, идущие по слоновьей тропе, должны были пройти «арену», прежде чем подойти к берегу. На этой «арене», очевидно, происходило немало лесных драм. Там и сям виднелись обглоданные кости антилоп, буйволов и кабанов. Недалеко начинались степи; поэтому сюда на водопой частенько заходили и животные саванн.

На «арену» вышел кабан. Следом за ним появились кабаниха и восемь маленьких кабанят. Вся семья направилась к воде. Через минуту явились еще пять самок, принадлежащих, очевидно, к той же семье. Кабан подошел к воде и начал пить. Но тотчас же поднял рыло, неодобрительно фыркнул и перешел на другое место. Попробовал — не нравится. Замотал головой.

— Не пьет, — шепнул я Вагу.

— Не раскушал, — так же тихо ответил он.

Он оказался прав. Скоро кабан перестал мотать головой и начал пить воду. Но кабаниха волновалась и, как мне показалось, кричала своим кабанятам, чтобы они не пили. Однако скоро и она вошла во вкус. Кабан, самки и кабанята пили очень долго — дольше обыкновенного. На кабанятах опьянение сказалось прежде всего: они вдруг начали визжать, бросаться друг на друга, бегать по «арене». Все шесть самок опьянели вслед за кабанятами. Они шатались и, повизгивая, принялись выделывать необычайные движения — брыкались, становились на дыбы, катались по земле и даже кувыркались через голову. Потом они свалились и уснули вместе с поросятами. Но кабан оказался буйным во хмелю. Он свирепо хрюкал, нападал на огромный ствол дерева, стоявший посреди «арены», и вонзал в кору кинжалы-клыки с такой силой, что потом едва мог вытянуть их.

Мы так заинтересовались проделками пьяного кабана, что не заметили, как подошли слоны. Мерно ступая, один за

другим выходили они из зеленой просеки. В это время площадка вокруг ствола действительно напоминала цирковую арену. Но ни один цирк не видал такого громадного количества четвероногих артистов. Признаюсь, мне стало страшно от такого количества слоновьих туш. Слоны показались мне похожими на огромных крыс. Их было больше двух десятков.

Но что проделывает этот пьянчужка-кабан! Вместо того чтобы спасаться подобру-поздорову, он вдруг угрожающе захрюкал и стрелой помчался навстречу стаду слонов. Большой слон, шедший впереди, очевидно, не ожидал нападения. Он опустил голову и с любопытством смотрел на бегущего зверя. А кабан, подбежав к слону, ударил его клыком в ногу. Слон быстро свернул хобот, наклонил голову еще ниже и, поддев кабана на бивни, отбросил его так далеко, что тот упал в воду.

Кабан захрюкал, забарахтался, выбрался на берег, хлебнул наспех еще несколько глотков, как бы для храбрости, и вновь побежал к слону. Но слон на этот раз был осторожнее; он ожидал кабана с опущенными бивнями. Кабан наскочил на бивни и был распорот. Слон стряхнул издыхающего зверя с бивней и наступил на него ногой. От кабана остались только голова и хвост. Туловище и ноги были размолоты в кашу.

Тою же спокойной мерной поступью, как будто ничего не случилось, слон-вожак прошел через «арену», осторожно обошел лежащих на земле без памяти кабанят и кабаних, спустился к воде и погрузил в нее хобот. Мы с любопытством смотрели, что будет дальше.

Слон начал пить, потом поднял хобот и стал шарить по воде, очевидно, сравнивая ее вкус в различных местах. Он прошел несколько шагов и опустил хобот в воду вне нашей загородки. Там вода не была отравлена опьяняющим напитком.

— Пропала наша затея! — шепнул я. Но в тот же момент чуть не вскрикнул от удивления. Слон вернулся на старое место и начал пить «слоновью водку». Она, видимо, понравилась ему. Рядом с вожаком выстроились другие слоны. Но наша плотина была не слишком велика, и потому часть слоновьего стада пила обычную воду.

Мне казалось, что этому водопитию не будет конца. Я видел, как чудовищно раздувались его бока. Он пил, пил без конца. Через полчаса уровень воды в нашей запруде понизился наполовину; через час вожак и его товарищи высосали всю жидкость до дна. Слоны начали покачиваться, еще не окончив пить. Один из них вдруг рухнул в воду, подняв целое волнение. Он затрубил, поднялся и опять упал на бок. Положив хобот на берег, он захрапел так, что листья дрожали и птицы испуганно перелетали на верхушки деревьев.

Огромный вожак отошел от озера, громко пофыркивая. Он остановился. Хобот его повис, как тряпка. Уши то поднимались, то безжизненно падали. Слон медленно и равномерно покачивался — вперед, назад. Вокруг него падали, как сраженные пулей, его товарищи. А те, которые не пили «водки», с удивлением смотрели на этот странный падеж. Трезвые слоны тревожно трубили, ходили вокруг пьяных, даже пытались поднять упавших. Большая слониха подошла к вожаку и с беспокойством щупала его голову хоботом. Слон отвечал на этот жест участия и ласки слабым помахиванием хвоста, не прекращая своего раскачивания. Потом он вдруг поднял голову, захрапел и упал на землю. Трезвые слоны растерянно толпились вокруг него, не решаясь идти без вожака.

— Будет скверно, если трезвые останутся здесь, — сказал Ваг уже громко.

— Перебить их, что ли? Подождем, посмотрим, что будет дальше.

Трезвые слоны о чем-то совещались. Они издавали странные звуки, беспрерывно двигая хоботом. Это совещание продолжалось довольно долго.

Начала разгораться заря, когда слоны выбрали себе нового предводителя и медленно, один за другим оставили «арену», где лежали «трупы» их товарищей».

IX. РИНГ СТАЛ СЛОНОМ

«Надо было спускаться с дерева. Я с некоторым волнением посмотрел на «арену», которая напоминала теперь поле сражения. Огромные слоны валялись на боку вперемежку с кабанами. Но надолго ли хватит этого опьянения? Что, если

слоны придут в себя, прежде чем мы окончим операцию пересадки мозга? А слоны, как будто желая еще больше напугать меня, время от времени махали хоботом и иногда сквозь сон пищали.

Но Ваг не обращал на все это никакого внимания. Он быстро спустился с дерева и приступил к работе. В то время как фаны были заняты истреблением спящих кабанов, мы с Вагом занялись операцией. У нас уже все было заготовлено. Ваг заранее заказал хирургические инструменты, которые могли бы одолеть крепость слоновьей кости. Он подошел к вожаку, вынул из ящика стерилизованный нож, сделал на голове слона надрезы, отвернул кожу и начал распиливать череп. Слон несколько раз подергивал хоботом. Это нервировало меня, но Ваг успокаивал:

— Не беспокойтесь. Я ручаюсь за действие моего наркоза. Слон не проснется раньше чем через три часа, а за это время я надеюсь вынуть его мозг. После этого он будет для нас безопасен.

И он продолжал методически распиливать череп. Инструменты оказались хорошими, и скоро Ваг приподнял часть теменной кости.

— Если вам придется охотиться на слона, — сказал он, — то имейте в виду, что убить его вы сможете только в том случае, если попадете вот в это маленькое местечко. — И Ваг показал мне пространство между глазом и ухом, величиною не более ладони. — Я уже предупредил мозг Ринга, чтобы он берег это место.

Ваг довольно быстро опорожнил голову слона от мозгового вещества. Но тут произошло нечто неожиданное. Слон без мозга вдруг начал шевелиться, раскачиваться грузным телом, потом, к нашему удивлению, встал и пошел. Но он, видимо, ничего не видел перед собою, хотя глаза его и были открыты. Он не обошел лежащего на пути товарища, споткнулся и упал на землю. Его хобот и ноги начали судорожно подергиваться. «Неужели подыхает?» — думал я, сожалея, что все труды пропали даром. Ваг подождал, пока слон перестал двигаться, затем приступил к продолжению операции.

— Теперь слон мертв, — сказал он, — как и полагается животному без мозга. Но мы воскресим его. Это не так

трудно. Давайте скорее мозг Ринга. Только бы не занести инфекции!..

Тщательно вымыв руки, я вынул из привезенного слоновьего черепа разросшийся мозг Ринга и передал его Вагу.

— Ну-ка... — сказал он, опуская мозг в череп слона.

— Подходит? — спросил я.

— Чуточку не дорос. Но это не имеет значения. Было бы хуже, если бы мозг перерос и не вошел в черепную коробку. Теперь осталось самое главное — сшить нервные окончания. Каждый нерв, который я буду сшивать, явится контактом между мозгом Ринга и телом слона. Теперь вы можете отдохнуть. Сидите и смотрите, но не мешайте мне.

И Ваг начал работать с необычайной быстротой и тщательностью. Он был поистине артистом своего дела, и его пальцы напоминали пальцы пианиста-виртуоза во время исполнения труднейшей пьесы. Лицо Вага было сосредоточенно, оба глаза устремлены в одну точку, что с ним бывало только в случаях исключительного напряжения внимания. Очевидно, в этот момент обе половинки его мозга несли одну и ту же работу, как бы контролируя друг друга. Наконец Ваг накрыл мозг черепной крышкой, скрепил ее металлическими скобками, затем покрыл кусками кожи и сшил кожу.

— Отлично. Теперь у него — если он благополучно выживет — останутся только рубцы на коже. Но Ринг, я думаю, простит меня за это.

«Ринг простит!» Да, теперь слон стал Рингом, или, вернее, Ринг стал слоном. Я подошел к слону, в голове которого был человеческий мозг, и с любопытством посмотрел в его открытые глаза. Они казались такими же безжизненными, как и раньше.

— Почему это? — спросил я. — Ведь мозг Ринга должен находиться в полном сознании, а между тем глаза... его (я не мог сказать ни слона, ни Ринга) как будто остекленели.

— Очень просто, — ответил Ваг. — Нервы, идущие от мозга, сшиты, но еще не срослись. Я предупредил Ринга, чтобы он не пытался производить каких-либо движений, пока нервы не срастутся окончательно. Я принял меры, чтобы это произошло возможно скорее.

Солнце уже начинало клониться к закату. Фаны сидели

на берегу и, разложив костры, жарили кабанье мясо и с удовольствием пожирали его. Некоторые предпочитали есть его сырьем. Вдруг один из пьяных слонов начал громко трубить. Этот резкий призывный звук разбудил остальных слонов. Они начали подниматься на ноги. Ваг, я и фаны поспешили укрыться в кустах. Слоны, все еще шатавшиеся, подошли к оперированному вожаку, долго ощупывали и обнюхивали его хоботом и что-то говорили на своем языке. Воображаю, как должен был чувствовать себя Ринг, если он только мог уже видеть и слышать. Наконец слоны ушли. Мы снова приблизились к нашему пациенту.

— Молчите и ничего не отвечайте, — сказал Ваг, обращаясь к слону, как будто тот мог говорить. — Все, что я могу вам позволить, — это мигнуть веком, если вы уже в силах это сделать. Итак, если вы понимаете, что я говорю, мигните два раза.

Слон мигнул.

— Очень хорошо! — сказал Ваг. — Сегодня вам придется полежать неподвижно, а завтра я, быть может, разрешу вам встать. Чтобы слоны и прочие животные не беспокоили вас, мы перегородим слоновью тропу, а ночью зажжем костры.

24 июля. Сегодня слон поднялся в первый раз.

— Поздравляю! — сказал Ваг — Как же вас теперь звать? Ведь мы не можем перед посторонними разглашать свою тайну. Я буду звать вас Сапиенс. Идет?

Слон кивнул головой.

— Объясняться мы будем, — продолжал Ваг, — мимически, по азбуке Морзе. Вы можете махать кончиком хобота: вверх — точка, вбок — тире. А если вам покажется удобнее, можете сигнализировать звуками. Помахайте хоботом. Слон начал махать, но как-то странно: хобот поворачивался во все стороны, как вывихнутый сустав.

— Это вы еще не привыкли. Ведь у вас никогда не было хобота, Ринг. А ходить вы можете?

Слон начал ходить, причем задние ноги, видимо, слушались его лучше, чем передние.

— Да, вам таки придется поучиться быть слоном, — сказал Ваг. — В вашем мозгу нет многого такого, что имеется в слоновьем. Двигать ногами, хоботом, ушами вы научитесь

довольно скоро. Но в мозгу слона имеются еще природные инстинкты — квинтэссенция опыта сотен тысяч слоновьих поколений. Настоящий слон знает, чего ему опасаться, как защищаться от разных врагов, где найти пищу и воду. Вы ничего этого не знаете. Вам пришлось бы учиться на личном опыте. А этот опыт стоил жизни немалому количеству слонов. Но вы не смущайтесь и не бойтесь, Сапиенс. Вы будете с нами. Как только вы окончательно поправитесь, мы с вами поедем в Европу. Если захотите, можете жить на родине — в Германии, а можете поехать со мной и в СССР. Там вы будете жить в зоопарке. Но как вы чувствуете себя?

Сапиенсу-Рингу, очевидно, было легче сигнализировать сопением, чем движением хобота. Он начал издавать хоботом короткие и длинные звуки. Ваг слушал (в то время я еще не знал азбуки Морзе) и переводил мне:

— Вижу я как будто несколько хуже. Правда, с высоты моего туловища я вижу дальше, но поле моего зрения довольно ограничено. Зато мои слух и обоняние тонки и остры необычайно. Я никогда не мог вообразить, что в мире так много звуков и запахов. Я чувствую тысячи новых необычных запахов и их оттенков, я слышу бесконечное количество звуков, для выражения которых, пожалуй, не найдется слов на человеческом языке. Свист, шум, треск, писк, стрекотанье, визг, стон, лай, крик, громыханье, рокот, лязг, хрустенье, шлепанье, хлопанье... еще, быть может, десяток слов, и человеческий лексикон, передающий мир звуков, исчерпан. Но вот жуки и черви сверлят кору дерева. Как передать этот разноголосый, отчетливо слышимый мною концерт? А шумы!

— Вы делаете успехи, Сапиенс, — сказал Ваг.

— А запахи! — продолжал Ринг описывать свои новые ощущения. — Здесь я окончательно теряюсь и не могу передать вам хотя бы приблизительно то, что я ощущаю. Вы можете понять только одно, что каждое дерево, каждый предмет имеет свой специфический запах. — Слон опустил хобот к земле, понюхал и продолжал: — Вот пахнет землей. И пахнет травой, которая лежала здесь, быть может, оброненная каким-нибудь травоядным животным, шедшим на водопой. Затем пахнет кабаном, буйволом, медью... не понимаю откуда. Вот! Здесь валяется обрезок медной проволоки, которую, вероятно, вы бросили, Вагнер.

— Но как же это может быть? — спросил я. — Ведь тонкость ощущений обусловливается не только тонкостью воспринимающих периферических органов, но и соответствующим развитием мозга.

— Да, — ответил Ваг. — Когда мозг Ринга приспособится, он будет ощущать не хуже слона. Теперь он ощущает, вероятно, во много раз хуже настоящего слона. Но тонкость слухового и обонятельного аппаратов дает Рингу уже теперь огромное преимущество по сравнению с нами. — Затем он обратился к слону: — Надеюсь, Сапиенс, вас не очень обременит, если мы вернемся к нашей стоянке на холме, сидя на вашей спине?

Сапиенс милостиво согласился, кивнув головой. Мы погрузили на спину слона часть багажа. Он поднял хоботом меня и Вага — фаны шли пешком, — и мы отправились в путь.

— Я думаю, — сказал Ваг, — через две недели Сапиенс будет вполне здоров, и тогда он доставит нас в Бому, а оттуда морским путем двинемся домой.

Когда мы разбили лагерь на холме, Ваг сказал Сапиенсу:

— Корму здесь хоть отбавляй. Но я прошу вас не отходить слишком далеко от нашего лагеря, в особенности ночью. Вам могут угрожать различные опасности, с которыми настоящие слоны справились бы очень легко.

Слон кивнул головой и принялся обламывать хоботом ветви с соседних деревьев. Вдруг он как-то пискнул и, отдернув хобот, подбежал к Вагу.

— Что случилось? — спросил Ваг.

Слон протянул хобот почти к его лицу.

— Ай! ай! — протянул Ваг с упреком. — Идите сюда, — обратился он ко мне, показывая на пальцеобразный отросток хобота. — Чувствительность этого «пальчика» превосходит чувствительность пальцев слепых. Это самый нежный орган слона. И смотрите, наш Сапиенс умудрился поранить свой «пальчик» шипом.

Ваг осторожно вытащил шип из хобота.

— Будьте осмотрительны, — сказал он наставительно слону. — Слон с пораненным хоботом — инвалид. Вы не в

состоянии будете даже пить воду, и вам придется каждый раз входить в реку или озеро и пить пастью, вместо того чтобы, как обычно делают слоны, вбирать воду в хобот и из хобота выливать в пасть. Здесь много колючих растений. Пройдите немного дальше. Научитесь различать породы.

Слон вздохнул, помотал хоботом и отправился в лес.

27 июля. Все благополучно. Слон ест неимоверно много. Сначала он разбирался в пище и старался отправлять в пасть только траву, листья и самые тонкие нежные ветки. Но так как он не насыщался, то скоро, подобно заправскому слону, начал ломать и засовывать себе в пасть ветви чуть ли не с руку толщиной.

Деревья вокруг нашего лагеря имеют самый жалкий вид — как будто здесь упал метеорит или пролетела всепожирающая саранча. На кустах подлеска и на нижних ветвях больших деревьев — ни листика. Сучья поломаны, обнажены. Кора содрана. На земле — сор, помет, куски ветвей, стволы сваленных деревьев. Сапиенс очень извиняется за эти разрушения, но... «положение обязывает», как сказал он Вагу при помощи своих звуковых сигналов.

1 августа. Сегодня Сапиенс не явился утром. Сперва Вагнер не беспокоился.

— Не иголка — найдется. Что с ним сделается? Ни один зверь не решится напасть на него. Вероятно, за ночь далеко зашел.

Однако часы шли за часами, а Сапиенс не являлся. Наконец мы решили отправиться на поиски. Фаны — великолепные следопыты, быстро напали на след. Мы пошли за ними. Старый фан, глядя на следы, быстро читал вслух эти письмена, оставленные слоном.

— Здесь слон ел траву, потом он начал есть молодые кустарники. Потом он пошел дальше. Здесь он как будто подпрыгнул — чего-то испугался. Вот что испугало его: след леопарда. Прыжок. Слон бежит. Ломает все на своем пути. А леопард? Он тоже бежит... от слона. В другую сторону.

Следы слона увлекли нас далеко от лагеря. Вот он пробежал болотистую поляну. Следы налились водой. Слон провалился, но бежал, видимо, с трудом вытаскивая ноги из болота. Вот и река. Это Конго. Слон бросился в воду. Он должен был переплыть на другую сторону. Наши проводники отправились в поиски селения, нашли лодку, и мы перебрались на другой берег. Но там следов слона не было. Неужели он погиб? Слоны умеют плавать. Но умел ли плавать Ринг? Удалось ли ему овладеть искусством плаванья по-слоновьи? Фаны высказали предположение, что слон поплыл вниз по реке. Мы проплыли несколько километров по течению. Следов все нет и нет. Ваг удручен. Все наши труды пропали даром. И что сталось со слоном? Если он жив, как он будет жить в лесу со зверями?..

8 августа. Целую неделю мы потратили на поиски слона. Напрасно! Он пропал бесследно. Нам ничего больше не оставалось, как рассчитаться с фанами и отправиться домой».

X. ЧЕТВЕРОНОГИЕ И ДВУНОГИЕ ВРАГИ

— Дневник окончен, — сказал Денисов.

— Вот продолжение дневника, — ответил Вагнер, хлопая по шее слона. — В то время как вы читали дневник, Сапиенс, он же Хойти-Тойти, он же Ринг, рассказал мне занятную историю своих приключений. Я уже не надеялся видеть его в живых, но, оказывается, он сам сумел разыскать путь в Европу. Вы должны расшифровать и переписать мои стенографические записи того, что рассказал мне слон.

Денисов взял у Вагнера его тетрадь, испещренную черточками и запятыми, начал читать и затем записывать историю слона, рассказанную им самим. Вот что говорил Сапиенс Вагнеру:

«Едва ли мне удастся передать вам все, что я испытал с тех пор, как стал слоном. Мне никогда даже и во сне не снилось, что я, ассистент профессора Турнера, вдруг превращусь в слона и буду жить в дебрях африканских лесов. Постараюсь изложить последовательно весь ход событий.

Я отошел недалеко от лагеря и мирно пощипывал траву на лужайке. Вырывал пучки сочной травы, обколачивал корни, чтобы отбить приставшую землю, затем пожирал. Покончив с травой, я пошел лесом, чтобы найти другую лужайку. Была довольно светлая лунная ночь. Летали светящиеся жуки, летучие мыши и какие-то неизвестные мне ночные

птицы, похожие на сову. Я медленно продвигался вперед. Шел я легко, не чувствуя тяжести своего тела. Я старался как можно меньше шуметь. Понюхивая хоботом, я чувствовал, что и справа и слева от меня находятся звери — какие, я не знал. Казалось бы, кого бояться мне? Я самый сильный из всех зверей. Сам лев должен был уступить мне дорогу. А между тем я ужасно боялся каждого шороха, каждого звука, пробежавшей мыши, какого-то зверька, похожего на лисичку. Когда я встретил небольшого кабана, я уступил ему дорогу. Быть может, я еще не осознал своей силы. Одно успокаивало меня: я знал, что недалеко находятся люди, мои друзья, которые могут прийти мне на помощь.

Так, осторожно шагая, я вышел на небольшую поляну и уже опустил хобот, чтобы схватить пучок травы, как вдруг почуял запах зверя, а уши мои уловили шорох в камышах. Я поднял хобот, тщательно свернул его для безопасности и начал осматриваться. И вдруг я увидал леопарда, который притаился за камышами, росшими у ручья, и смотрел на меня жадными голодными глазами. Все его тело напряглось для прыжка. Еще минута — и он кинется мне на шею. Не знаю, быть может, я еще не привык быть слоном и чувствовал и рассуждал слишком по-человечески, но я не в силах был побороть безумного страха. Я весь задрожал и бросился бежать.

Деревья трещали и ломались на моем пути. Многие хищники были испуганы моим бешеным бегом. Они выскакивали из кустов и травы и разбегались в разные стороны, еще более пугая меня. Мне казалось, что звери всего бассейна Конго гонятся за мною. И я бежал — не знаю, сколько времени и куда, — пока, наконец, меня не остановило препятствие — река. Я не умею плавать — не умел, когда был человеком. Но меня нагонял леопард — так думал я, — и я бросился в воду и начал работать ногами, как если бы продолжал бежать. И я поплыл. Вода несколько охладила и успокоила меня. Мне казалось, что весь лес полон хищными голодными зверями, которые нападут на меня, как только я выйду на берег. И я плыл час за часом.

Уже взошло солнце, а я все плыл. На реке начали встречаться лодки с людьми. Людей я не боялся, пока с одной

лодки не послышался выстрел. Я не мог предположить, что стреляют по мне. Я продолжал плыть. Раздался еще выстрел, и вдруг я почувствовал, словно меня ужалила пчела в шею. Я повернул голову и увидал, что в лодке, которой управляют туземцы, сидит белый человек, по виду англичанин. Он-то и стрелял в меня. Увы! люди оказались для меня не менее опасны, чем звери.

Что мне оставалось делать? Мне хотелось крикнуть англичанину, попросить его не стрелять, но я смог издать только какой-то пищащий звук. Если только англичанин попадет в цель, я погиб... Вы указали мне на опасное для меня место в черепе — между глазом и ухом, где находился мозг. Я вспомнил ваш совет и повернул голову так, чтобы пули не попали в это место, и постарался поскорее доплыть до берега. Когда я вылез на берег, то представлял отличную мишень, но голова моя была обращена к лесу. А англичанин, вероятно, настолько знал правила охоты на слонов, что стрелять в заднюю часть считал бесцельным. Он больше не стрелял, вероятно, поджидал, не поверну ли я к нему голову. Но я, уже не думая о зверях, помчался в чащу.

Лес становился все гуще. Лианы преграждали мне путь. Скоро они опутали меня такой сетью, что даже я не в силах был разорвать их и принужден был остановиться. Я так смертельно устал, что свалился на бок, не заботясь о том, полагается или нет это делать в моем слоновьем положении.

Мне приснился страшный сон: будто я, доцент университета и ассистент профессора Турнера, нахожусь в Берлине, в своей маленькой комнатке на Унтер-ден-Линден. Летняя ночь. В открытое окно светит одинокая звезда. Доносится запах цветущих лип, а на столике благоухает красная гвоздика в венецианском граненом стаканчике синего стекла. И среди этих приятных запахов врывается, как непрошеный гость, какой-то очень терпкий приторный запах, напоминающий запах черной смородины. Но я знаю, что это запах зверя... Я готовлюсь к завтрашней лекции. Склоняю голову над книгами и засыпаю, продолжая слышать запах липы, гвоздики, зверя. Я вижу странный сон, как будто я превратился в слона и нахожусь в тропическом лесу... Запах зверя все усиливается. Он беспокоит меня. Я просыпаюсь.

Но это уже не сон. Я действительно превратился в слона, как Луций в осла (Луций — герой сатирической повести древнеримского писателя Апулея «Золотой осел»), силой волшебства современной науки.

Запах двуногого зверя. Пахнет потом африканского туземца. К этому запаху присоединяется запах белого человека. Это, наверно, тот, который стрелял в меня из лодки. Он преследует меня по следам. Быть может, уже стоит за кустом и направляет дуло ружья в опасное местечко между глазом и ухом...

Я быстро вскакиваю. Пахнет справа. Значит, надо бежать влево. И я бегу, ломая и раздвигая кусты. Потом — кто учил меня этому? — я поступаю так, как поступают слоны, когда хотят сбить преследователя со следа. После шумного отступления слон вдруг затихает. Преследователь не слышит ни единого звука и думает, что слон остановился на месте. Но слон продолжает убегать, так осторожно ступая и раздвигая ветки, что даже кот не прошел бы тише.

Я пробежал не менее двух километров, пока наконец осмелился обернуться, чтобы понюхать воздух. Людьми еще пахло, но они были далеко, я думаю, не менее как за километр от меня. Я продолжал свой бег.

Настала тропическая ночь, душная, знойная, темная, как сама слепота. С темнотою пришел и страх. Он окружил меня со всех сторон и был такой безысходный, как и тьма. Куда бежать? Что делать? Стоять на месте казалось страшнее, чем двигаться. И я шел неустанной ровной походкой.

Скоро под ногами зашлепала вода. Еще несколько шагов — и я вышел на берег... чего? реки? озера? Я решил поплыть. На воде я мог быть, по крайней мере, в безопасности от нападения львов и леопардов. Я поплыл и, к своему удивлению, очень скоро почувствовал под ногами дно и вышел на мелкое место. Я пошел дальше.

На пути — какие-то ручьи, речки, болотца. В траве на меня шипят невидимые зверьки, боязливо отпрыгивают огромные лягушки. Я бродил всю ночь и к утру принужден был признать, что окончательно заблудился.

Прошло несколько дней, и я уже многого не боялся из того, что раньше внушало мне страх. Смешно! В первые дни

своего нового существования я боялся даже поранить себе кожу колючками. Быть может, меня напугала история с уколотым пальцеобразным отростком хобота. Однако я скоро убедился, что самые острые и крепкие колючки не причиняют мне ни малейшего вреда — толстая кожа защищала меня, как броня. Затем я боялся случайно наступить на ядовитую змею. И когда это произошло в первый раз и змея обвилась вокруг моей ноги, пытаясь меня ужалить, от страха похолодело мое огромное слоновье сердце. Но тотчас я убедился, что змея бессильна причинить мне вред. С той поры я находил даже удовольствие давить ногами встречающихся на пути змей, если они заблаговременно не убирались с дороги.

Впрочем, кое-что осталось, что возбуждало мой страх. Ночью я боялся нападения крупных хищников — льва, леопарда. Я был сильнее их и не хуже их вооружен, но у меня не было личного опыта в борьбе и не было инстинктов, которые суфлировали бы мне мою роль. А днем я боялся охотников, в особенности белых. О, эти белые люди! Они самые опасные из зверей. Их капканов, силков, западней я не боялся. Меня трудно было загнать в загон, пугая кострами или трещотками. Единственно, что угрожало мне, — это возможность упасть в замаскированную яму, и я внимательно осматривал лежащий передо мною путь.

Запах деревни я чувствовал за несколько километров и старался далеко обходить всякое жилье человека. По запаху я различал даже туземные племена. Одни из них были более опасны для меня, другие менее, третьи совсем не опасны.

Однажды, потянув хоботом, я услышал новый запах — зверя или человека, — я даже затрудняюсь сказать. Скорее — человека. Меня охватило любопытство. Ведь я изучал лес и должен был знать обо всем, что могло угрожать мне опасностью. Я направился по запаху, как по компасу, очень осторожно продвигаясь вперед. Это было ночью, в тот час, когда туземцы спят крепче всего. Я подкрадывался как можно тише, в то же время внимательно осматривая путь перед собою. Запах становился все сильнее.

К утру я вышел на опушку леса и, скрываясь в густой заросли, посмотрел на поляну. Бледный месяц стоял над лесом и обливал пепельным светом низенькие остроконечные ша-

лаши. Такой шалаш мог только прикрыть сидящего человека среднего роста. Было тихо. Даже собаки не лаяли. Я подошел с подветренной стороны. Я недоумевал: кто может жить в этих маленьких шалашах, как будто сделанных играющими детьми?

Вдруг я заметил, что из дыры в земле вылезло какое-то человекоподобное существо. Поднявшись на ноги, свистнуло. На свист отозвалось другое существо, соскочившее с ветви дерева. Еще два вышли из шалашей. Они сошлись у большого шалаша, высотою в полтора метра, и начали о чем-то совещаться. Когда первые лучи солнца осветили небо и я мог рассмотреть «гномов», — как назвал я странные существа, — то я убедился, что набрел на поселение пигмеев, самых маленьких людей из существующих на земном шаре. Они имели светло-коричневую кожу и волосы почти красного цвета. Их фигурки были очень стройны и пропорционально сложены. Но их рост не превышал восьмидесяти-девяноста сантиметров. У некоторых из этих «детей» были бороды, густые и курчавые. Пигмеи о чем-то быстро говорили пискливыми голосами.

Это было очень интересное зрелище, но мне стало страшно. Лучше бы я встретился с великанами, чем с этими страшными для меня карликами. Пожалуй, я предпочел бы встречу с белым человеком. Пигмеи, несмотря на свой ничтожный рост, являются самыми страшными врагами слонов. Я знал это, прежде чем сделаться слоном. Они великолепные стрелки из лука и метатели копий. Они употребляют отравленные стрелы, одного укола которых достаточно, чтобы поразить насмерть слона. Они могут бесшумно подкрасться к слону сзади и набросить на задние ноги путы или же пересечь острым ножом ахиллесову жилу. Вокруг своих деревень они разбрасывают отравленные колючки и палочки.

Я вдруг повернулся всем телом и бросился убегать с такой же поспешностью, как в тот раз, когда убегал от леопарда. Сзади себя я услышал крик, вслед за этим звуки погони. Я ушел бы от них, если бы передо мной была ровная дорога. Но мне пришлось бежать в дремучем лесу, то и дело обегая непреодолимые препятствия. А мои преследователи, ловкие,

как обезьяны, подвижные, как ящерицы, и неутомимые, как борзые собаки, бежали так быстро, будто препятствия не существовали для них. Погоня приближалась. Несколько копий были брошены мне вслед. К счастью, густая зелень защищала меня. Я задыхался и готов был упасть от усталости. А маленькие человечки, не падая, не спотыкаясь, не отставая ни на шаг, следовали за мной.

Я убедился на горьком опыте, что не легко быть слоном, что вся жизнь даже такого крупного и сильного животного, как слон, — непрерывная, ни на минуту не прекращающаяся борьба за существование. Мне казалось невероятным, что слоны доживают до ста и более лет. При таких волнениях, право же, они должны были бы умирать раньше, чем люди. Впрочем, настоящие слоны, быть может, не волнуются так, как волновался я. У меня был слишком нервный, легко возбудимый, человеческий мозг. Уверяю вас, сама смерть в эти минуты казалась мне лучше, чем жизнь с вечно гоняющейся по пятам смертью. Остановиться? Подставить грудь под удары отравленных копий и стрел моих двуногих мучителей?.. Я готов был сделать это. Но в последнюю минуту мое настроение изменилось: я неожиданно втянул в хобот сильный запах слоновьего стада. Не найду ли я спасения среди слонов?

Дремучий лес редел и постепенно перешел в саванны, поросшие там и сям большими деревьями, которые давали мне возможность укрываться от стрел моих преследователей.

Я бежал зигзагами. Здесь пигмеям приходилось хуже, чем в лесу. Хотя я и прокладывал широкую дорогу, но все же крепкие стебли степных растений и трав мешали им бежать. Запах слонов становился все сильнее, хотя я все еще не видел их.

На моем пути встречались огромные ямы — здесь слоны валялись, как куры, копающиеся в песке. Местами виднелся помет. Вот и первые деревья. Я уже вижу нескольких слонов, барахтающихся на земле. Другие стоят возле деревьев, держат в хоботе большие ветви и обмахиваются ими, как веерами, помахивая в то же время хвостом. Уши их приподняты подобно зонтикам. Иные мирно купаются в реке. Я бежал против ветра, и слоны не учуяли меня. Тревога поднялась

только тогда, когда крайние слоны услышали мой топот. Что тут произошло! Слоны метались по берегу реки, отчаянно трубили. Вожак, вместо того чтобы защищать тыл, первый побежал, бросился в воду и переплыл на другую сторону. Чадолюбивые мамаши защищали своих детей, которые по росту мало чем отличались от взрослых. Самкам же приходилось защищать тыл. Неужели мое появление так напугало слонов или они в моем сумасшедшем беге почувствовали иную опасность, чем та, которая заставила бежать меня самого?

Я со всего размаху бросился в воду, переплыл реку прежде многих самок с их детенышами и постарался выбежать вперед, чтобы между мною и моими преследователями оказались туши слонов. Это, конечно, было уже эгоистично с моей стороны, но я видел, что и другие слоны, за исключением самок-матерей, поступали так же. Я слышал, как подбежали к реке пигмеи. Их пискливые голоса сливались с трубными звуками слонов. Там происходила какая-то трагедия, но я боялся обернуться назад и продолжал бежать по открытой равнине. Я так и не узнал, чем окончилось сражение у реки между карликами-людьми и великанами-животными.

Мы бежали много часов, не останавливаясь. Так как я был утомлен бегом, то едва поспевал за слонами, но я ни за что не хотел отставать от стада. Если только слоны примут меня в свою компанию, среди них я буду в относительной безопасности, так как они лучше меня знают местность и своих врагов.

XI. В СЛОНОВЬЕМ СТАДЕ

Наконец слон, бежавший впереди, остановился, а вслед за ним и остальные. Мы повернули головы назад. Нас никто не преследовал. Только два молодых слона, сопровождаемые своими матерями, бежали к нам!

На меня как будто никто не обратил внимания. Однако, когда прибыли последние отставшие и стадо понемногу успокоилось, ко мне начали подходить слоны, обнюхивать хоботом, осматривать, обходить кругом. Они о чем-то спраши-

вали меня, издавая тихое ворчание, а я не мог ответить им. Я даже не понимал, что означает это ворчание — неодобрение или удовольствие.

Больше всего я опасался вожака. Я знал, что «я» был вожаком стада, прежде чем Вагнер произвел операцию. Что, если я попал в то самое стадо и новый вожак начнет спорить со мной из-за власти? Признаюсь, я очень волновался, когда вожак, большой сильный слон, подошел ко мне и как бы невзначай толкнул меня бивнем в бок. Я покорился. Он еще раз толкнул меня, как бы вызывая на бой. Но я не принимал боя и только отходил в сторону. Тогда слон свернул хобот, положил его в пасть и слегка придержал губами. Впоследствии я узнал, что слоны таким образом выражают смущение и удивление. Вожак был, очевидно, озадачен моею покорностью и не знал, что делать. Но в то время я не знал языка слонов и, думая, что он таким образом приветствует меня, также положил хобот в пасть. Слон пискнул и отошел от меня.

Теперь я понимаю каждый звук, издаваемый слоном. Я знаю, что тихое ворчание, а также писк означают удовольствие. Страх выражается сильным ревом, внезапный испуг — коротким резким звуком. Именно таким резким звуком встретило стадо мое появление. В ярости, будучи ранены или озабочены, слоны издают глубокие горловые звуки. Один слон, оставшийся на берегу реки, так кричал во время нападения пигмеев. Быть может, он был смертельно ранен отравленными стрелами. А при нападении на врага слоны издают сильный визг. Я передал только основные «слова» слоновьего языка, выражающие главнейшие их чувства. Но эти «слова» имеют множество оттенков.

В первое время я очень боялся, как бы слоны не догадались, что я не настоящий слон, и не выбросили бы меня из стада. Быть может, они и чувствовали, что со мною что-то неладное, однако они оказались достаточно миролюбивыми. Они относились ко мне, как к дефективному переростку, у которого в голове не все в порядке, но который никому вреда не делает.

Жизнь моя протекала довольно однообразно. Путешествовали мы всегда гуськом. От десяти-одиннадцати часов утра часов до трех дня отдыхали, потом опять начинали пас-

тись. Ночью опять отдыхали по нескольку часов. Некоторые слоны ложились, почти все дремали, а один сторожил.

Я не мог примириться с тем, что мне придется всю жизнь провести в слоновьем стаде. Я тосковал о людях. Пусть я имею вид слона, но я предпочитаю жить с людьми, спокойно, без тревог. И я охотно пошел бы к белым людям, если бы не боялся, что они убьют меня ради моих бивней. Признаюсь, я даже пытался сломать бивни, чтобы обесценить себя в глазах людей, но из этого ничего не вышло. Бивни были несокрушимы, или же я не умел ломать их. Так пробродил я со слонами более месяца.

Однажды мы паслись на открытом месте, среди необозримых саванн. Я стоял на страже. Ночь была звездная, безлунная. В стаде было сравнительно тихо. Я отошел несколько в сторонку, чтобы лучше прислушиваться и принюхиваться к запахам ночи. Но пахло только разнообразными травами да неопасными для нас мелкими пресмыкающимися и зверьками. И вдруг далеко-далеко, почти на горизонте, вспыхнул огонек. Погас, потом опять вспыхнул и разгорелся.

Прошло несколько минут, и слева от огонька вспыхнул второй, потом на некотором расстоянии третий, четвертый. Нет, это не охотники, расположившиеся на ночлег. Костры загорались на равном расстоянии друг от друга, как будто по степи проложили улицу и зажгли фонари. В это же время по другую сторону от себя я заметил такие же вспыхивающие огни костров. Мы оказались между двумя огненными линиями. Скоро в одном конце этой дороги между двух линий огня затрещат, закричат загонщики, а в другом конце нас будут ждать ямы или же загоны — в зависимости от того, какую цель ставят охотники: овладеть нами живыми или мертвыми. В ямах мы поломаем себе ноги и будем годны только на убой, а в загонах нас ждет жизнь рабов. Слоны боятся огней. Они вообще трусливы. Когда шум разбудит их, они бросаются в ту сторону, где нет огней и шума, — там их ждет молчаливая западня или смерть.

Только один я из всего стада понимаю положение вещей. Но дает ли это мне какое-нибудь преимущество? Что мне делать? Идти на огни? Там меня встретят вооруженные люди.

Быть может, мне удастся прорвать блокаду. Этот риск лучше, чем верная смерть или неволя. Но тогда мне придется расстаться со стадом и начать жизнь слона-отшельника. Рано или поздно я все равно погибну от пули, отравленной стрелы или клыков зверя...

Мне казалось, что я все еще колебался, но на самом деле я уже сделал выбор, потому что, сам того не замечая, я отходил в сторону, чтобы разбуженное стадо, убегая, не увлекло меня водоворотом тел навстречу беде.

Вот уже кричат загонщики, бьют барабаны, трещат, свистят, стреляют. Я трублю глубоким трубным призывом. Слоны просыпаются и в испуге топчутся на месте, трубя изо всех сил. Стоит такой необычайный рев, что дрожит земля. Слоны осматриваются по сторонам, видят костры, которые как будто приближаются (их переносят все ближе и ближе), перестают реветь и бросаются в одну сторону, но там они слышат шум надвигающихся загонщиков. Стадо поворачивает и бежит в противоположную сторону... навстречу своей гибели. Правда, эта гибель еще не так близка. Охота продолжится несколько дней. Костры будут все больше сближаться, загонщики — подходить все ближе к слонам и гнать их вперед, пока, наконец, слоны не попадут в загоны или ямы.

Но я не иду со слонами. Я остаюсь один. Панический ужас, который охватил все стадо, передается моим слоновьим нервам, а от них — моему человеческому мозгу. Страх затемняет сознание. Я готов бежать вслед за стадом. Я призываю на помощь все свое мужество, всю свою волю. Так нет же! Мой человеческий мозг победит страх слона, победит эту огромную гору мяса, крови, костей, которая увлекает меня к гибели.

И я, как шофер, повертываю руль «грузовика» и сворачиваю прямо в реку. Плеск, каскад брызг, тишина... Вода охладила мою кипящую слоновью кровь. Рассудок победил. Теперь я крепко держу «в руках» разума свои слоновьи ноги. Они покорно топчутся по илистому дну.

Я решил проделать штуку, которую не проделывают обыкновенные слоны: отсидеться в воде, погрузившись в нее, как гиппопотам. Постараюсь дышать только кончиком высунутого хобота. Пробую проделать это. Вода неприятно заливает уши и глаза. Время от времени я поднимаю голову

и слушаю. Загонщики все ближе. Я опять погружаюсь в воду. Вот загонщики прошли мимо, не заметив меня.

С меня довольно беспрерывных волнений и страха. Пусть будет что будет, но я не пойду к людям-охотникам. Я спущусь вниз по Конго и разыщу одну из факторий, которых немало расположено между Стенли-Пулем и Бомом. Я явлюсь на факторию или ферму и постараюсь показать мирным людям, что я не дикий слон, а дрессированный, и они не прогонят и не убьют меня.

XII. НА СЛУЖБЕ У ВРАКОНЬЕРОВ

Привести в исполнение этот план оказалось труднее, чем я предполагал. Я довольно скоро разыскал главное русло Конго и отправился вниз по течению. Днем я пробирался вдоль берега, ночью плыл по течению. Мое путешествие протекало благополучно. На этом участке река судоходна, и дикие звери опасаются подходить близко к берегам. За все время моего путешествия вниз по реке — а оно длилось около месяца — я только раз слышал отдаленный рев льва, и однажды у меня произошло довольно неприятное столкновение, в буквальном и переносном смысле этого слова, с гиппопотамом. Это было ночью. Он сидел в реке, погруженный по самые ноздри. Я не заметил его и, плывя, наскочил на неуклюжее животное, как на айсберг. Гиппопотам погрузился в воду еще глубже и начал своей тупой мордой пренеприятно бить меня в брюхо. Я поспешил убраться в сторону. Гиппопотам выплыл, сердито фыркнул и погнался за мной. Но я успел уплыть от него.

Доплыл я благополучно до Лукунги, где увидал большую факторию, судя по флагу — бельгийскую. Я вышел из леса рано утром и направился к дому, кивая головой. Однако этот маневр не помог мне. Два огромных дога с неистовым лаем начали бросаться на меня. Из дома вышел человек в белом костюме, увидал меня и быстро вбежал в дом. Несколько негров с криками пробежали по двору и также скрылись в доме. Потом... потом я услышал два ружейных выстрела. Я не стал дожидаться третьего и принужден был повернуть к лесу и уйти.

Однажды я шел ночью по редкому унылому лесу. Таких лесов немало в Центральной Африке. Темная зелень, болотистая почва под ногами, черные стволы деревьев. Недавно прошел сильный дождь, а ночь была для экватора довольно прохладная, ветреная. Несмотря на толстую кожу, я, как и другие слоны, довольно чувствителен к сырости. В дождь и сырую погоду я не стою на месте, я двигаюсь, чтобы согреться.

Я шел ровным шагом уже несколько часов, как вдруг увидел перед собой огонь костра. Место было довольно дикое. Здесь не встречалось даже деревень чернокожих. Кто мог зажечь костер? Я пошел быстрее. Лес кончился, началась саванна с невысокой травой. Видимо, здесь не так давно был лесной пожар, и трава еще не успела вырасти. На расстоянии полукилометра от леса виднелся старый изодранный шатер. Возле него горел костер, а у костра сидели двое, по-видимому, европейцы. Один из них что-то помешивал в котелке, висящем над костром. Третий — явно туземец, полуголый красавец — стоял, как бронзовое изваяние, недалеко от костра.

Я медленно приближался к костру, не спуская глаз с людей. Когда они увидели меня, я опустился на колени так, как это делают дрессированные слоны, подставляющие спины под поклажу. Небольшой человек в пробковом шлеме вдруг схватил ружье с явным намерением стрелять. Но туземец в тот же момент закричал на ломаном английском языке:

— Не надо! Это хороший, это домашний слон! — И побежал ко мне навстречу.

— Уйди в сторону! Иначе я сделаю дыру в твоем теле! Эй ты, как тебя зовут? — закричал белый, прицеливаясь.

— Мпепо, — ответил туземец, но не отошел от меня, а подбежал еще ближе, как бы желая своим телом защитить меня от выстрела. — Видишь, бана, ручной! — говорил он, поглаживая мой хобот. (Бана — господин.)

— Прочь, обезьяна! — кричал человек с ружьем. — Стреляю! Раз, два...

— Подожди, Бакала, — сказал второй белый, высокий и худой. — Мпепо прав. Бивней у нас достаточно, а доставить их хотя бы только до Матади будет нелегко и недешево. Этот

слон, видимо, ручной. Чей он и почему шляется по ночам, об этом мы не будем спрашивать. Он нам может оказаться очень полезным. Слон поднимает тонну, хотя с таким грузом он далеко не уйдет. Ну, допустим, полтонны. Проще говоря, один слон может заменить нам тридцать-сорок носильщиков, понимаешь? И он нам ровно ничего не будет стоить. А когда придет время и он не будет нам больше нужен, мы убьем его и прибавим его прекрасные бивни к нашей коллекции. Ясно?

Тот, которого называли Бакала, слушал нетерпеливо и несколько раз пытался стрелять. Но, когда собеседник подсчитал, во сколько обойдется им наем носильщиков, которых может заменить слон, то согласился на эти доводы и опустил ружье.

— Эй ты! Как тебя зовут? — обратился он к туземцу.

— М...пепо, — ответил тот. Впоследствии я убедился, что Бакала всякий раз обращался к туземцу: «Эй ты, как тебя зовут?» — а тот неизменно отвечал с маленькой остановкой на букве «М», как будто он сам с трудом выговаривал свое имя: «М...пепо».

— Иди сюда. Веди слона. — Я охотно повиновался жесту Мпепо, приглашавшего меня подойти ближе к костру.

— Как же мы его назовем? А? Труэнт — самое подходящее для него название, как ты думаешь, Кокс?

Я посмотрел на Кокса. Он весь был какой-то сизый. В особенности меня поразил его нос, словно только что вынутый из лиловой краски. На сизом теле была надета сизая рубашка, расстегнутая на груди, с рукавами, засученными выше локтя. Кокс говорил сиплым и, как мне показалось, тоже сизым голосом, шепелявя и картавя. Этот глухой голос как будто выцвел, как и его рубашка.

— Ну что ж, — согласился он. — Пускай будет Труэнт. (Труэнт (*англ.*) — бродяга, праздношатающийся.)

Около костра зашевелилось тряпье, и из-под него послышался чей-то очень слабый, но густой бас:

— Что случилось?

— Ты еще жив? А мы думали, что уже умер, — спокойно сказал Бакала, обращаясь к тряпью. Тряпье зашевелилось сильнее, и из-под него вдруг показалась большая рука. Рука

сбросила тряпье. Большой, хорошо сложенный человек поднялся и сел, подпираясь руками и покачиваясь. Его лицо было очень бледно. Рыжая борода всклокочена. Видно было, что белый человек — лицо его было бело как снег — болен. Тусклые глаза посмотрели на меня. Больной усмехнулся и сказал:

— К трем бродягам прибавился четвертый. Белая кожа — черная душа. Черная кожа — белая душа. Один честный — и тот бакуба! — Больной бессильно упал навзничь.

— Бредит, — сказал Бакала.

— Что-то бред его обидный, — отозвался Кокс. — Загадки загадывает. Один честный, да и тот бакуба. Ты понимаешь, что это значит? Ведь наш Мпепо из племени бакуба. В этом ты можешь удостовериться, посмотрев ему в зубы: у него, по обычаю бакуба, выбиты верхние резцы. Выходит, что он один честный, а мы жулики.

— И сам Броун в том числе. У него кожа белей, чем у нас; значит, и душа чернее, если уж на то пошло. Броун, ты тоже жулик?

Но Броун не отвечал.

— Опять без памяти.

— Тем лучше. И будет еще лучше, если он совсем не придет в себя. От него теперь мало пользы, а он связывает нас по рукам.

— Поправится — один двоих нас будет стоить.

— От этого тоже мало удовольствия. Неужели ты не понимаешь, что он лишний?..

Броун забормотал в бреду, и разговор умолк.

— Эй ты, как тебя зовут?

— М...пепо.

— Привяжи слона за ноги к дереву, чтобы не сбежал.

— Нет, слон не уйдет, — ответил Мпепо, поглаживая мою ногу.

Наутро я лучше разглядел моих новых хозяев. Больше всех мне понравился Мпепо. Он всегда был весел и улыбался, обнажая белые зубы, несколько обезображенные отсутствием двух верхних резцов. Мпепо, видимо, любил слонов и очень заботливо ухаживал за мной. Он промывал мне уши, глаза, ноги и складки кожи. Приносил мне угоще-

ние — каких-то вкусных плодов и ягод, которые разыскивал для меня.

Броун все еще болел, и я не мог составить о нем более или менее полного представления. Его лицо и его прямота, когда он говорил со своими спутниками, нравились мне. Но Бакала и Кокс мне решительно не нравились. Особенно странное и неприятное впечатление производил Бакала. На нем был грязный изорванный костюм из лучшего материала и самого лучшего покроя. Этот костюм мог принадлежать какому-нибудь очень богатому туристу. И мне казалось, что костюм и палатка достались Бакале преступным путем. Быть может, он убил какого-нибудь знатного англичанина-путешественника и ограбил его. Великолепное ружье также могло принадлежать этому англичанину. На широком поясе Бакала носил большой револьвер и нож устрашающих размеров. Бакала был не то португалец, не то испанец, человек без родины, семьи и определенных занятий.

Сизый Кокс был англичанин, не поладивший с законами своей страны. Все трое были браконьеры: они охотились на слонов ради слоновой кости, не считаясь ни с какими законами и границами.

Мпепо был их проводник и инструктор. Он, несмотря на свою юность, был прекрасный знаток слонов и слоновьей охоты. Правда, его приемы ловли слонов были грубые, варварские. Но других он не знал. Он применял те способы, которым научился у отцов. А браконьерам было глубоко безразлично, каким способом истреблять слонов. Они окружали их кольцом костров и добивали полузадохшихся от дыма и опаленных, ловили в ямы с острыми кольями на дне, стреляли, подрезывали жилы на задней ноге, оглушали бревном, падавшим сверху, и потом добивали. Мпепо был очень полезен им.

XIII. ТРУЭНТ ПОШАЛИВАЕТ

Однажды, когда Броун начал поправляться, но был еще слишком слаб, чтобы принимать участие в охоте, Кокс и Бакала отправились, сидя на моей спине, за несколько десятков километров за бивнями слона, убитого накануне. Их ни-

кто не слышал, а я был всего только вьючное животное, и потому они откровенно разговаривали между собой.

— Этой шоколадной обезьяне — как там ее зовут? — придется отвалить, по уговору, пятую часть добычи, — сказал Бакала.

— Жирно будет, — ответил Кокс.

— А остальное придется разделить на три части: тебе, мне и Броуну. Если считать, что килограмм кости даст нам семьдесят пять — сто марок...

— Ни в коем случае столько не дадут. Ты в этом деле ничего не понимаешь. Есть так называемая мягкая, или мертвая, кость и твердая, или живая. Первая только называется мягкой, но на самом деле она очень плотная, белая и нежная. Из нее делаются бильярдные шары, клавиши, гребенки. Такая кость дорого ценится. Но у здешних слонов не такая кость. За мягкой костью надо ехать в Восточную Африку. Но там из твоих твердых костей сделают мягкие, прежде чем позволят убить хоть одного слона. А кость здешних слонов — твердая, живая, прозрачная. Из нее можно делать только какие-нибудь ручки для палок и зонтов да дешевые гребенки.

— И что же получается? — спросил хмуро Бакала. — Что мы работали впустую?

— Зачем впустую? Кое-что останется. Если вчетвером охотиться, а добычу поделить только пополам, то и совсем неплохо будет...

— Пусть меня слоны растопчут в лепешку, если я сам не думал о том же.

— Надо не думать, а делать. Броун не сегодня-завтра окончательно станет на ноги, и тогда с ним не справиться. Бычачья сила у этого рыжего черта. А Мпепо верток, как обезьяна. Их надо враз уничтожить. Лучше ночью. И для верности напоить. У нас еще осталось немного спирта. С них хватит.

— Когда?

— Приехали...

В огромной яме боком лежал слон. Несчастный напоролся брюхом на острый кол еще три дня тому назад, но до сих пор был жив. Бакала пристрелил его, спустился в яму вместе с Коксом и начал вырубать бивни. Они проработали

почти весь день. Солнце уже склонялось к западу. Привязав бивни веревками к моей спине, они отправились в обратный путь. Уже палатка была видна, когда Кокс сказал, как бы продолжая прерванный разговор:

— И нечего откладывать. Сегодня ночью.

Но их ждало разочарование. К своему удивлению, Броуна они не застали в лагере. Мпепо объяснил, что «бана» почувствовал себя настолько хорошо, что пошел на охоту и, может быть, на ночь не вернется. Бакала тихо выругался. Пришлось отложить убийство до другого раза. Броун вернулся только под утро, когда Кокс и Бакала спали. Он подошел к Мпепо, тронул его за плечо. Туземец, стоявший на часах, весело улыбнулся, оскалив зубы. Броун махнул рукой и подвел юношу к слону, приказывая садиться. Мпепо сделал мне знак рукой, я склонил колени, они взобрались на спину, и я повез их вдоль опушки леса.

— Я хочу сделать им подарок. Они думают, что я болен, а я совсем здоров. Сегодня ночью мне удалось убить слона — большого слона с великолепными бивнями. Ты поможешь мне обрубить их. То-то удивятся Бакала и Кокс.

При свете восходящего солнца на берегу реки, среди зарослей кофейных кустарников, я увидел огромную раздутую тушу слона, лежащую на боку.

Покончив с бивнями, мы отправились назад — навстречу нашей гибели. Броун и Мпепо были обречены на более скорую смерть, я несколько позже должен был разделить их участь. Впрочем, я всегда мог убежать от людей. Но я не делал этого, так как непосредственной опасности мне не угрожало, и я хотел, если удастся, спасти от смерти Броуна и Мпепо. Мне было особенно жалко Мпепо — этого жизнерадостного юношу с телом Аполлона. Но как предупредить их? Увы, я не имел возможности рассказать им об угрожающей опасности... А что, если я откажусь нести их в лагерь?

Я вдруг круто повернул с дороги и направился в ту сторону, где протекала Конго. Мне казалось, что на реке они могут встретить людей и Броун сможет вернуться в культурные страны. Но он не мог понять моего упорства и начал очень больно ударять заостренной железной палочкой мне в шею. Острие прокалывало мне кожу. А моя кожа очень чувствительна и подвержена загноению. Я помнил, как долго не заживала ранка, причиненная пулей англичанина, охотившегося на меня с лодки. Я слышал, как Мпепо просил Броуна не колоть мне шею, но Броун был взбешен моим непослушанием и колол все сильнее, все глубже.

Мпепо пробовал уговаривать меня самыми ласковыми словами на своем языке. Я не понимал слов, но интонации голоса понятны одинаково всем людям и животным. Мпепо нагнулся и поцеловал меня в шею. Бедный Мпепо! Если бы он знал, о чем просит меня!..

— Убить его, и больше ничего! — сказал Броун. — Если Труэнт не хочет везти, то он больше ни на что не нужен, как только на то, чтобы обрубить его клыки. Порченый слон! Настоящий «труэнт». Ушел от одних хозяев, теперь хочет удрать от нас. Но это ему не удастся. Я сейчас всажу ему пулю между глазом и ухом.

Я затрепетал, когда услышал эти слова. Броун, охотник на слонов, не промахнется, сидя на слоне... Погибнуть самому или предать их на верную смерть? Я слышал, как Мпепо умолял Броуна пощадить меня. Но англичанин был непреклонен. Он уже снимал ружье с плеча.

В самый последний момент я неожиданно повернул к лагерю. Броун рассмеялся.

— Можно подумать, что слон понимает человеческий язык и знает, что я хотел сделать, — сказал он.

Я покорно прошел несколько шагов, потом вдруг схватил хоботом Броуна, стащил его со спины, бросил на землю и быстро побежал к лесу вместе с Мпепо. Броун кричал и ругался. Он ушибся не сильно, однако после болезни был еще слаб и не сразу мог подняться на ноги. Я воспользовался этим и добежал до леса. «Если нельзя спасти обоих, — думал я, — то спасу, по крайней мере, Мпепо». Но и туземец не хотел расставаться с лагерем. Недаром он несколько месяцев охотился на слонов, рискуя жизнью. Теперь он должен был получить награду. Мне надо было попридержать Мпепо хоботком; я не догадался сделать этого, думая, что он не решится прыгать с высоты моей спины. Но юноша, ловкий, как обезьяна, поступил иначе: когда я шел вблизи леса, он ухватился за ветки и вскочил на сук. Я не мог достать Мпепо

и стоял у дерева, пока не услышал запаха подкрадывающегося ко мне сзади Броуна. Тогда я, не ожидая, пока Броун начнет стрелять, побежал в лесную чащу.

Они ушли. Но я не хотел предоставлять этих людей их судьбе. И, подождав немного, отправился в путь. Я обошел стороной и прибыл в лагерь раньше их. Кокс и Бакала очень удивились, увидав меня без всадников, но с хорошими бивнями на спине.

— Неужели слоны или дикие звери помогли нам отделаться от Броуна и Мпепо? — сказал Кокс, развязывая веревки.

Однако радость их была преждевременна. Скоро явились ругающийся Броун и Мпепо. Броун, увидав меня, разразился новым потоком проклятий и ругательств. Он рассказал своим товарищам, какую шутку я проделал с ними, и убеждал их тотчас прикончить меня. Но расчетливый Кокс был против и вновь начал делать свои выкладки. Кокс и Бакала уверяли, что они очень рады выздоровлению и возвращению Броуна, да еще с парою прекрасных бивней.

XIV. ЧЕТЫРЕ ТРУПА И СЛОНОВАЯ КОСТЬ

Спать улеглись рано. Мпепо в эту ночь не дежурил и уснул сном младенца. Крепко уснул и уставший Броун. Кокс стоял на страже, а Бакала ворочался под одеялом, но, видимо, не спал. Несколько раз Бакала приподнимал голову, вопросительно поглядывая на Кокса, но тот отрицательно тряс головой: «рано».

Ущербная луна показалась из-за леса, осветив поляну тусклым сиянием. Где-то в лесу жалобно закричал, как младенец, какой-то зверек, попав на зубы хищнику. Броуна не разбудил этот звук — значит, спит крепко. Кокс кивнул головой утвердительно. И Бакала, который следил за каждым жестом Кокса, тотчас встал и заложил руку за спину, очевидно, вытаскивая из заднего кармана револьвер. Я решил, что надо начинать действовать. Я проделал штуку, к которой обыкновенно прибегают индийские слоны, желая напугать

врага: они плотно прижимают отверстие хобота к земле и начинают сильно дуть. Получается странный, пугающий звук: треск, бульканье, храпенье. Этот звук мог бы разбудить мертвых. А Броун не был мертв.

— Какой черт тут играет на тромбоне? — сказал он, поднимая голову и тараща сонные глаза. Бакала присел на корточки.

— Ты что, танцуешь? — спросил Броун.

— Я... слон, проклятый, разбудил меня! Пшел прочь!

Но я не уходил, и через некоторое время, когда Броун опять погрузился в сон, повторил свой фокус. Кокс уже подходил к Броуну с револьвером в руке, когда я затрубил что было мочи. Броун вскочил, подбежал ко мне и пребольно ударил меня ребром ладони по кончику хобота. Я быстро свернул хобот и отошел.

— Убью, проклятое животное! — крикнул он. — Это не слон, а дьявол какой-то, Мпепо! Гони слона отсюда в болото!.. Зачем у тебя револьвер в руках? — вдруг спросил Броун, подозрительно осматривая Кокса.

— Я хотел пальнуть разок-другой в Труэнта, чтобы он убрался подальше.

Броун уже свалился на землю и начинал засыпать. Я отошел на несколько шагов, продолжая наблюдать за лагерем.

— Проклятый слон! — слышал я, как шипит Кокс, грозя мне кулаком.

— Он чует зверя, — ответил Мпепо. Юноша хотел оправдать мои поступки, не подозревая, как он близок от истины. Да, я ревел потому, что чуял зверей — двуногих беспощадных зверей.

Уже совсем под утро Кокс кивнул головой Бакале. Они быстро подбежали: Кокс к спящему Броуну, Бакала — к Мпепо, и оба одновременно выстрелили. Мпепо вскрикнул жалобно и пронзительно, как тот зверек, который кричал в начале ночи, поднялся, встряхнулся, упал и начал быстро-быстро подергивать ногами, а Броун не издал ни единого звука. Все произошло так быстро, что я не успел предупредить несчастных...

Однако Броун был еще жив. Он вдруг поднялся, оперся на локоть правой руки и выстрелил в Кокса, склонившегося

над ним. Тот упал как подкошенный. Прикрываясь его трупом, Броун начал стрелять в Бакалу. Бакала закричал:

— А-а! Рыжий обманщик! — Выстрелил один раз и пустился бежать. Но, сделав несколько шагов, Бакала вдруг завертелся на одном месте, как это бывает с людьми, когда пуля попадет им в голову, и упал на землю. Броун тяжело вздохнул и откинулся навзничь. Острый запах крови стоял над поляной. Все смолкло. Только хрипел Броун. Я подошел к нему и посмотрел в лицо. Глаза его уже были мутны. Но он сделал еще одно судорожное движение и еще раз выстрелил. Пуля легко оцарапала мне кожу у колена правой передней ноги.

XV. УДАЧНЫЙ МАНЕВР

Наконец-то — это было в Матади — мне посчастливилось. Был вечер. Солнце спускалось за вершины гор, отделяющих бассейн Конго от океана. Я шел по лесу недалеко от реки, предаваясь грустным размышлениям. Я уже начинал сожалеть, что не побежал вместе со стадом в загон. Теперь я не ходил бы изгнанником: или окончились бы все мои земные страдания, или же я превратился бы в честного рабочего слона. Направо от меня, сквозь чащу прибрежного леса, в лучах заходящего солнца горела рубинами река. Налево росли исполинские каучуковые деревья с надрезами на коре. Судя по этим надрезам, здесь близко должны быть люди.

Я прошел еще несколько сот метров и вышел на обработанные поля, где росли маниока, просо, бананы, ананасы, сахарный тростник и табак. Осторожно ступая, я прошел по меже между сахарным тростником и табачным полем. Межа привела меня к большой поляне с домом посредине. Около дома никого не было видно, а на поляне недалеко от меня резвились дети: мальчик и девочка семи-девяти лет, игравшие в серсо.

Я вышел на поляну, не замеченный ими, и вдруг, поднявшись на задние ноги, пискнул как можно смешнее и заплясал. Дети увидали меня и замерли от удивления. А я, радуясь, что они не заплакали и не убежали в первую минуту, проделывал такие забавные штуки, которые, вероятно, и не

снились дрессированному цирковому слону. Мальчик первый пришел в восторг и начал хохотать. Девочка захлопала в ладоши. Я танцевал, кувыркался, становился то на передние, то на задние ноги, делал курбеты.

Дети все больше смелели и подходили ко мне. Наконец я осторожно протянул хобот и предложил мальчику сесть на него и покачаться. Мальчик после некоторого колебания решился и, усевшись на конец согнутого хобота, начал качаться. Вслед за этим я покачал и девочку. Признаюсь, я так был рад обществу этих веселых маленьких белых людей, что сам увлекся игрою и не заметил, как к нам подошел высокий худой мужчина с желтоватым лицом и впалыми глазами, говорившими о том, что он перенес не так давно приступ тропической лихорадки. Он смотрел на нас с неописуемым изумлением и, казалось, онемел. Наконец его увидали и дети.

— Папа! — крикнул мальчик по-английски. — Смотри, какой у нас хойти-тойти!

— Хойти-тойти?! — повторил отец глухим голосом. Он стоял, опустив руки, и решительно не знал, что делать. А я начал любезно раскланиваться с ним и даже... опустился перед ним на колени. Англичанин улыбнулся и потрепал меня по хоботу.

«Победа! Победа! — ликовал я...»

* * *

На этом и кончается повествование слона. В сущности говоря, на этом можно окончить и его историю, так как дальнейшая участь Хойти-Тойти не представляет особого интереса. Слон, Вагнер и Денисов совершили хорошую прогулку в Швейцарию. Слон, удивляя туристов, гулял в окрестностях Вэвэ, где в прежнее время любил бывать Ринг. Иногда слон купался в Женевском озере. К сожалению, в тот год рано похолодало, и нашим туристам пришлось вернуться в Берлин в специальном товарном вагоне.

Хойти-Тойти продолжает работать в цирке Буша, честно зарабатывая свой ежедневный трехсотшестидесятипятикилограммовый паек и удивляя не только берлинцев, но и многих иностранцев, специально приезжающих в Берлин по-

смотреть на «гениального слона». Ученые все еще спорят о причинах этой гениальности. Одни говорят — «фокус», другие — «условные рефлексы», третьи — «массовый гипноз».

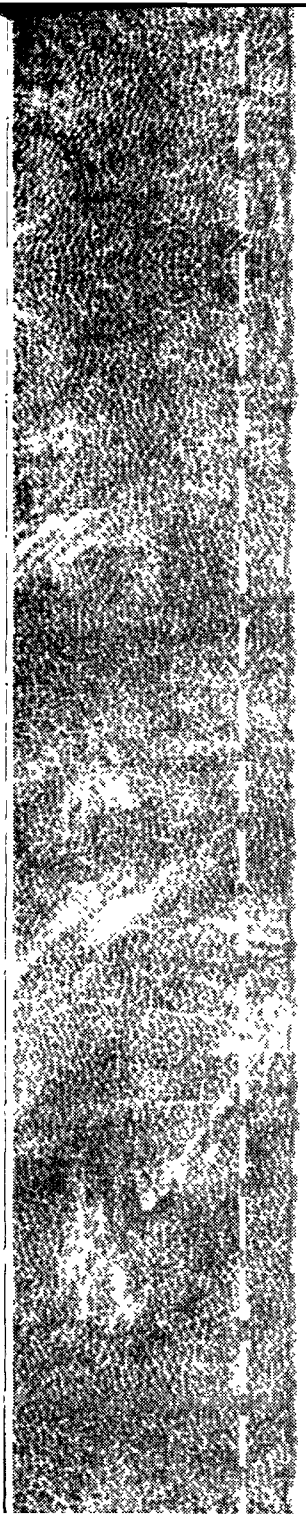
За слоном ухаживает Юнг, чрезвычайно вежливый и предупредительный. Юнг в глубине души побаивается Хойти-Тойти и подозревает, что тут не без чертовщины. Сами посудите: слон каждый день читает газету, а однажды вытащил из кармана Юнга коробку с двумя колодами карт для пасьянса — и что же? — когда Юнг пришел невзначай к слону, то застал его за раскладыванием пасьянса на днище большой бочки. Юнг никому не рассказал об этом случае: он не хочет, чтобы его считали лгуном.

* * *

Написано по материалам Акима Ивановича Денисова.

И. С. Вагнер, прочитав эту рукопись, написал:

«Все это было. Прошу не переводить этого материала на немецкий язык. Тайна Ринга должна быть сохранена, по крайней мере, для окружающих».



Верхом на ветре

Рассказы

БАБУШКА МОЙРА

Пьеса-сказка в 4 действиях для детского спектакля

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

БАБУШКА МОЙРА.
ВАНЯ, 9 лет.
ПЕТЯ, 7 лет.
МАША, 6 лет.
БАБУШКА.
КОТ В САПОГАХ, ТУРЛЫ-МУРЛЫ.
КОТ УЧЕНЫЙ.
Лесные эльфы, лягушки, кузнечики, грибы, слуги Бабушки Мойры.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ваня, Маша, Петя и Бабушка, потом Кот в сапогах
Детская комната У задней стены Петина кровать, у левой стены — Машина, у правой — Ванина. Вечер. Горит лампа. Б а б у ш к а укладывает детей спать. В а н я и М а ш а уже раздеты и лежат в кроватках, П е т я нехотя раздевается и капризничает

ПЕТЯ (*плачет*). Я не хочу еще спать. Еще рано.

БАБУШКА. Ну, не капризничай, пожалуйста, а то вот придет коза-дереза и забодает тебя.

ПЕТЯ. Я не боюсь козы.

ВАНЯ. Ну, дед с мешком придет и заберет тебя, правда, бабушка?

БАБУШКА. Правда, правда. Придет и заберет. Где тут, скажет, дети, которые не спят и капризничают?

ПЕТЯ. А я его палкой.

МАША. Ты только и знаешь, что палкой. Драчун! Бабушка, Петя опять сегодня Котика драл. Бедный Котик так плакал!

ПЕТЯ. А зачем он мой домик карточный завалил? Я строил, строил, а он лапой цап! — и завалил. *(Плачет.)*

БАБУШКА. Ну, будет, будет. Если ты сейчас не уснешь, завтра никаких подарков к празднику не получишь!

ПЕТЯ. Я не буду плакать больше. А что мне подарят? Я хочу кнут и аэроплан.

МАША. А я куклу, бабушка.

ВАНЯ. А я лошадку, на которую верхом можно садиться и ездить. Но, пошел! (*Скачет на кровати.)*

БАБУШКА. Да уж что купят папа с мамой, то и будет.

Петя укладывается, Бабушка берет лампу, подходит к каждой кровати и целует детей.

БАБУШКА. Ну, спите с Богом.

ПЕТЯ. Спокойной ночи, бабушка. *(Целует ее.)*

ВАНЯ. Спокойной ночи. *(Целует.)*

МАША. Ночи!

БАБУШКА. А это что? Кот к тебе забрался? Он же тебя разбудит. Скажите, важно как растянулся. Надо вынести его.

МАША. Нет, бабушка, миленькая, не трогайте его! Он мне сказки рассказывает. Турлик-Мурлик мой. Ведь он волшебный кот.

БАБУШКА. Ох, уж что с тобой, стрекоза, делать. Истинная стрекоза! Ведь выдумала что. Волшебный кот! Сегодня сливки у меня поел, хорош волшебник! Ну, спи, спи. *(Целует Машу и уходит. Пауза.)*

МАША *(приподнимаясь на кровати, шепчет)*. Ванечка, ты не спишь?

ВАНЯ. Нет.

МАША. О чем ты думаешь?

ВАНЯ. О коне. А ты?

МАША. А я о кукле. Большой, большой. И чтоб глаза у нее открывались и закрывались.

ВАНЯ. А вдруг нам другое подарят?

МАША. Ах, если бы узнать... Милый Турлы-Мурлы, ты ведь волшебный кот, скажи нам, как нам сделать, чтобы мне подарили куклу, а Ване коня?

МАША *(после паузы)*. Ваня, ты спишь? *(Молчание.)* Ах, если бы куклу!

Засыпает. Пауза. Из-за Машиной кровати вдруг выходит Кот в сапогах и подходит к Маше. Он все время топчется с ноги на ногу.

МАША *(испуганно вскакивает)*. Кто это? Ваня, ты?

КОТ В САПОГАХ. Нет, это я, Кот в сапогах, по фамилии Турлы-Мурлы. Ты хотела иметь куклу. Хочешь, пойдем к бабушке Мойре? Она правит всем на свете, у нее целый дворец игрушек, и, если захочет, она даст тебе их много-много.

МАША. Пойдем, милый котик, только и Ваню возьмем с собой.

КОТ. Хорошо, возьмем.

МАША. И Петю.

КОТ. Нет, Петю не возьму! Он меня сегодня пребольно выдрал.

МАША. Но ведь он не знал, что ты волшебный Кот в сапогах.

КОТ. Это все равно. Какого бы кота ни били, мне больно, потому что я котиный царь, по фамилии Турлы-Мурлы.

ВАНЯ *(поднимаясь)*. Кто это?

МАША. Это Кот в сапогах. Он поведет нас сейчас к бабушке Мойре, которая всем правит и у которой есть много-много игрушек.

ВАНЯ. А где она живет?

КОТ. Этого я и сам сейчас не знаю. Но мы найдем. Мы спросим у моего старошего брата, Кота Ученого. Он все знает: какая будет погода и откуда приедут гости. А к нему-то дорогу мы найдем, он живет у лукоморья, где растет зеленый дуб.

МАША. А это далеко?

КОТ. По соседству с Некоторым царством. От нас далеко. Но мы пойдем туда в сапогах-скороходах. Я сейчас принесу. *(Уходит за Машину кровать.)*

МАША. Ах, как весело!

Петя выглядывает и прячется. Кот выносит две пары сапог. Проходя около кровати Пети, один сапог роняет. Петя быстро соскакивает с кровати, подбирает сапог, уносит к себе на кровать и ложится. Кот ставит сапоги на пол.

Ваня и Маша сходят к нему с кроватей.

КОТ. Ну, вот. Тебе пара и тебе. Что такое? Взял две пары, а оказалось три сапога? Потерял? *(Оборачивается назад.)* Нет, не видно. Ну, делать нечего, надо взять запасной. *(Приносит.)* Ну, а теперь скорей надевать сапоги и марш! До утра надо вернуться, а путь большой!

Ваня и Маша надевают сапоги и начинают топтаться так же, как Кот

МАША. Как смешно, да в них не устоишь!

ВАНЯ. Так и несут вперед!

КОТ. Ну, готовы? Раз, два, три, беги.

Кот быстро убегает, за ним Ваня и Маша.

ПЕТЯ *(вылезает из-за кровати с сапогом-скороходом)*. Убежали. Без меня. Ну, я вас все-таки догоню. Мне тоже хочется побывать у бабушки Мойры, которая всем правит и у которой так много игрушек. Ну-ка, сапог-скороход, выручай! *(Надевает сапог. Нога в сапоге-скороходе ступает широко вперед, другая отстает; так Петя делает по комнате полкруга и падает.)*

ПЕТЯ. Вот беда-то! Одна нога от другой убегает. Что же тут делать? Попробую на эту надеть! *(Снимает сапог с одной ноги и надевает на другую.)* Ну-ка, теперь. *(Бежит в другую сторону и опять падает.)* Теперь эта не догонит ногу в сапоге. Так я их засажу обе. *(Влезает в сапог обеими ногами.)* Вот так. Ну, попробуем. *(Прыгает по комнате.)* Отлично. Теперь в погоню. *(Убегает.)*

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Декорация представляет «У лукоморья дуб зеленый». Кот Ученый ходит на золотой цепи. Вбегают Кот в сапогах, Ваня и Маша.

МАША. Ой, не могу, ох, устала. Надо отдохнуть. *(Все топчутся на месте.)*

КОТ В САПОГАХ. Да, пора. (*Слышится пение петуха.)* Петух поет. Мы на полпути. Вот и дуб у лукоморья, а вот ходит и мой старший брат, Кот Ученый. Но прежде чем говорить с ним, позвольте мне минуточку подремать. *(Ложится на землю. Маша садится, ноги ее продолжают двигаться.)*

МАША. Эти сапоги-скороходы не дают ни минуты покоя. А Кот уже уснул!

ВАНЯ. Дай я сниму тебе сапоги. (*Быстро снимает сапоги с ног Маши, Кота и своих и ставит их на землю. Сапоги-скороходы моментально убегают.)*

МАША. Боже мой, убежали!

ВАНЯ. Котик Турлы-Мурлы, что нам делать?

КОТ *(просыпаясь)*. Что случилось?

ВАНЯ. Сапоги убежали.

МАША *(плачет)*. Что же теперь с нами будет? Как же мы домой придем?

КОТ. Я уж и не знаю. Беда! Если мы до утра не вернемся, мы все превратимся в гномов, а я совсем не желаю менять свой почтенный вид.

Вбегает Петя.

ПЕТЯ. Вы что же, хотели без меня убежать?

ВАНЯ. А ты откуда взял сапог-скороход?

ПЕТЯ. Очень просто. Кот уронил, а я поднял и спрятал.

МАША. Как не стыдно, стащил сапоги. Отдай сейчас же.

ПЕТЯ. А как же я домой пойду?

МАША. А мы как пойдем? *(Плачет.)* Петечка, миленький, возьми меня с собой.

ВАНЯ. И меня.

ПЕТЯ. Как же я возьму вас?

ВАНЯ. А на каркушки. *(Влезает Пете на спину.)*

МАША. И я, и я. *(Повисает у Пети на плече. Все трое падают, потом садятся на пол и плачут.)*

ПЕТЯ. Я тоже без вас не пойду и свой сапог брошу. (*Начинает снимать.)*

КОТ. Стой, иначе ты погубишь всех нас и себя. Хотел на тебя рассердиться за то, что ты сапог у меня стянул, да уж делать нечего. Ты можешь помочь нам. Только ты в сапоге-скороходе можешь догнать наши сапоги и принести нам.

ВАНЯ И МАША. Петечка, миленький. *(Целуют его в щеки и поднимают.)*

КОТ. Беги скорей!

ПЕТЯ. А меня с собой к бабушке Мойре возьмете?

ВСЕ. Возьмем, возьмем.

ПЕТЯ. И у бабушки Мойры попросите для меня игрушек?

ВСЕ. Да, да.

ПЕТЯ. Каких захочу?

ВСЕ. Каких захочешь.

ПЕТЯ. Ну, бегу. Только смотрите... *(Убегает.)*

КОТ. А нам пока надо расспросить у Кота дорогу. *(Подходит к дубу.)* Братец, выйди на минуточку.

Кот Ученый выходит из-за дуба На глазах у него большие очки

КОТ ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Здравствуй, братец. Я к тебе по делу.

КОТ УЧЕНЫЙ. Здравствуй, Турлы-Мурлы. Жил дед да баба, была у них курочка-ряба, снесла яичко, не золотое, а простое...

КОТ ТУРЛЫ-МУРЛЫ *(перебивая)*. Прости, братец, что я тебя перебиваю. Только сейчас я не за сказками пришел. Дело к тебе.

КОТ УЧЕНЫЙ. Мышка бежала, хвостиком мотнула, яичко разбилось.

КОТ ТУРЛЫ-МУРЛЫ *(говорит громко Коту Ученому в ухо, как глухому)*. Сказку потом доскажешь.

КОТ УЧЕНЫЙ. Значит, песню? Для этого мне надо в другую сторону идти. *(Поет.)* Бом, бом, бом, бом, бом, бом, загорался кошкин дом, бежит курица с ведром, заливает кошкин дом.

ТУРЛЫ-МУРЛЫ *(кричит)*. Не надо песен мне, я за другим пришел!

КОТ УЧЕНЫЙ. За другим? За новой песней?

ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Да нет же. За песнями и сказками я в другой раз приду. А теперь вот с ними *(указывает на Ваню и Машу)* к бабушке Мойре идем.

Ваня и Маша кланяются.

КОТ УЧЕНЫЙ. Здравствуйте, здравствуйте. Вас как зовут?

ВАНЯ. Ваня.

МАША. А меня Маша.

КОТ УЧЕНЫЙ. А я Кот Ученый. Я все знаю. А вы что знаете? *(К Маше.)* Сколько будет четыре да три?

МАША *(смущается)*. Шесть.

Кот Ученый фыркает сердито.

ВАНЯ *(сосчитывает на пальцах, толкает Машу и подсказывает)*. Семь.

МАША. Семь.

КОТ УЧЕНЫЙ. А я вас съем! За то, что подсказываете. Не люблю! *(Фыркает и уходит.)*

ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Опять беда, рассердил теперь старика, и ничего от него не добьешься. *(Стучит по дубу.)* Братик, братик. Не отвечает. Сердит. *(Стучит; из-за дуба выходит гриб Мухомор.)*

ГРИБ. Кто тут стучит, мне спать не дает?

ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Здравствуйте, Мухомор Ядовитович. Это я, Турлы-Мурлы. Стучал, чтобы вызвать своего братца.

ГРИБ. Терпеть не могу, когда тут шляются. Того и гляди, раздавят. *(Кричит.)* Рыжик, Рыжик.

РЫЖИК *(выбегает)*. Чего изволите?

ГРИБ. Проводи меня. Облей водою; я высох совсем. *(Рыжик уводит Мухомора и возвращается.)*

КОТ ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Скажите, как мне вызвать братца, Кота Ученого?

РЫЖИК. А теперь только музыкой или песнями. Очень уж песни он любит.

ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Откуда же мне взять музыкантов?

РЫЖИК. Так и быть, помогу вам. *(Обращается за кулисы.)* Эй вы, музыканты, сюда!

Входят лягушки и кузнечики и начинают играть и петь. Сначала лягушки квакают все вместе, затем выступают солисты.

ВСТАВНЫЕ НОМЕРА по ЖЕЛАНИЮ

КОТ УЧЕНЫЙ *(входит)*. Вот это я люблю. Хорошо поют. *(Пение.)*

ВАНЯ. А мы танцевать умеем. Хотите посмотреть?

КОТ УЧЕНЫЙ. Ну, ну, покажи. *(Ваня и Маша танцуют.)*

КОТ УЧЕНЫЙ. Вот молодцы. Я вами доволен. Ну, говорите, зачем пришли? Сделаю по-вашему.

ВАНЯ. Нам нужно узнать, где живет бабушка Мойра.

МАША. Чтобы попросить у ней игрушек.

ВАНЯ. Коня!

МАША. А мне куклу.

КОТ УЧЕНЫЙ. Вот чего захотели. Только не советовал бы я идти к бабушке Мойре. Не поймешь ее. Может, она вам вместо игрушек шлепков надает.

МАША. Нет, мы ее попросим, она послушает нас.

КОТ УЧЕНЫЙ. Глуха уж больно она, хуже меня. Пожалуй, не услышит вас.

ВАНЯ. А мы громко-громко попросим.

КОТ УЧЕНЫЙ. Ну, ну. Так вам надо сказать, где она живет? Я уж и сам позабыл. Не в ладах я с ней. Эй вы, слуги, принесите мою самую маленькую записную книжечку.

Слуги: Мышата, или те же Лягушки, если нежелательно делать отдельных костюмов, приносят на спинах громадную, аршина в два, книгу и развертывают.

КОТ УЧЕНЫЙ. Мойра... Бабушка Мойра. *(Листает.)* Вот. Она нигде не живет. Но встретить ее можно в стране Вчерашнего Дня.

ВАНЯ. Как же пройти туда?

КОТ УЧЕНЫЙ. Это надо справиться в записной книжке. *(Ищет.)* Вот. Задом идти туда надо.

ВАНЯ и МАША. Задом?

КОТ УЧЕНЫЙ. Да, только так можно попасть в страну Вчерашнего Дня.

Вбегает Петя с сапогами.

ПЕТЯ. А вот и я. Ну и беготня же была. Еле поймал. Замучился. *(Вытирает со лба пот.)*

ВАНЯ и МАША. Спасибо, спасибо! *(Целуют его, берут сапоги и надевают. Турлы-Мурлы тоже. Начинают опять топать.)*

ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Ну-с, спасибо, братец, за указание дороги. Бежим, пора!

КОТ УЧЕНЫЙ. Прощайте. Желаю всего хорошего.

ВАНЯ. Только смотри, Петя. Веди себя хорошенько. Чтобы не рассердить бабушку Мойру. А если будешь шалить, мы не станем просить тебе игрушек.

ПЕТЯ. Как не станете? Что ж вы меня обманули? Я вам сапоги. *(Плачет.)*

МАША *(утешая)*. Не плачь, Петечка. Ваня пошутил. Ведь ты же будешь хорошо вести себя, правда?

ПЕТЯ *(успокаиваясь)*. Да.

КОТ ТУРЛЫ-МУРЛЫ. *(Пение петуха.)* Вторые петухи поют. Скорей, скорей, в дорогу. Раз, два, три. *(Бежит задом, за ним так же Ваня, Маша и Петя.)*

ПЕТЯ. Ах, как трудно. (*Все убегают.)*

(ПРИМЕЧАНИЕ. Если Петя не сумеет прыгать задом в одном сапоге, занавес должен быть опущен прежде, чем дойдет очередь до него.)

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

У бабушки Мойры. Бабушка Мойра — старая женщина в греческом хитоне сидит на голом утесе и прядет. Вокруг нее цветущий лужок, на котором валяются короны, кости, груды золота, плети. Поют птицы, доносится музыка, изредка слышны чьи-то стоны. Светит яркое солнце. Вбегают задом Кот в сапогах, Ваня, Маша и Петя.

КОТ. Вот мы и у бабушки Мойры. *(Становятся пред нею в ряд и кланяются.)*

Все. Здравствуй, бабушка Мойра. *(Мойра молчит, как изваяние, и продолжает прясть.)*

КОТ. Не слышит. Глуха старуха.

МАША (*оглядываясь*). А как здесь хорошо. Только зачем здесь валяются кости? Как хорошо светит солнышко. Я так люблю его. (*Солнце тотчас заходит, темнеет, слышится глухой раскат далекого грома.)* Зашло! Как стало грустно.

КОТ. Слышите, дети, как птицы поют? Это пение понравилось бы и моему ученому братцу. *(Пение птиц умолкает. Доносится чуть слышно стон.)* Умолкли. Какая жалость!

ВАНЯ. Маша, смотри, какой хорошенький цветок, я со-

рву тебе. *(Срывает и вскрикивает.)* Ай! Я укололся. У него иглы острее, чем у розы.

КОТ. Ну, я, однако, устал. *(Садится на пень, пень рушится. Кот падает, дети смеются.)*

БАБУШКА МОЙРА *(не поворачивая лица, протяжно)*. Кто там?

Дети *(перестают смеяться, робко)*. Это мы, бабушка.

КОТ. Здравствуйте, бабушка, как ваше здоровье? *(Пауза.)* А мы к вам.

МОЙРА. Что надо?

ПЕТЯ *(заинтересованный пряжей Мойры, подходит и спрашивает)*. Бабушка, зачем это? На чулки?

МОЙРА. Нить, это нити жизни. Начинаю новую нитку — человек родится, порвется нитка — человек умирает.

МАША. А вы бы, бабушка, потолще ниточки делали, они бы и не рвались.

МОЙРА. Все равно порвутся, кудель дрянь.

КОТ. А мы к вам, бабушка, с просьбою. Вот эти детки, очень хорошие, хотят, чтобы ты им дала игрушек.

МОЙРА. Зачем? Все равно сломают. Сами сломают лучшие игрушки, а потом будут плакать и обижаться на меня.

МАША. Нет, бабушка, мы будем беречь. Я хочу куклу, бабушка.

ВАНЯ. А я лошадь.

ПЕТЯ. А я плетку.

МОЙРА. Что?

ВАНЯ, МАША, ПЕТЯ *(вместе)*. Коня, куклу, плетку.

МОЙРА. Я сегодня добра. Хорошо. Слуги! *(Вбегают странные существа, полулюди, полузвери.)*

МОЙРА. Принести сюда куклу, лошадь и три плетки. *(Слуги убегают и приносят куклу, лошадку и три плетки.)*

МОЙРА. Кто просил плетку?

ПЕТЯ. Я.

МОЙРА. Ты хочешь самую лучшую плетку?

ПЕТЯ. Да.

МОЙРА. Плеткой бьют. Самая лучшая будет та, которая больней бьет. Ну-ка, попробуем. *(Свистит. Слуга бьет другого попеременно тремя плетками, тот вздрагивает, но молчит. К Пете.)* Ну, которая больней бьет?

ПЕТЯ. Я не знаю.

МОЙРА. Этого ты никогда и не узнаешь, если будешь пробовать на других. Но надо же тебе узнать. *(Опять свистит, слуга подбегает к Пете и ударяет его плеткой. Петя кричит.)*

ПЕТЯ. Ай, бабушка, не надо мне никакой плетки.

МОЙРА *(смеется)*. Ну вот, молодец. А вспомни, как утром Кота бил. Он кричал так же, как сейчас ты. *(Петя отходит.)*

МОЙРА. Дальше. *(Свистит.)* Дайте девочке коня, а мальчику куклу. *(Слуги исполняют.)*

Ваня и Маша не знают, что делать с игрушками.

ВАНЯ. Бабушка, вы ошиблись. Это я просил коня.

МАША. А я куклу.

МОЙРА. Что, я ошиблась? Может быть, может быть. Я глуха. Недослышу и часто даю не то, что у меня просят.

ВАНЯ *(подходит к Маше)*. Но ведь мы можем поменяться.

МАША *(радостно)*. И правда! *(Меняются. Ваня садится на лошадку и начинает скакать с криком «но», Маша целует куклу и начинает укачивать.)*

МОЙРА. Что за крик? *(Смотрит на детей.)* Вот как. Мальчик, значит, тебе не нравится кукла, если ты отдал ее?

ВАНЯ. Мы поменялись.

МОЙРА *(слугам)*. Отберите куклу назад. *(Слуги отбирают у Маши куклу.)*

МОЙРА *(к Маше)*. А тебе не нужна лошадка, если ты отдала ее? Отберите лошадку. *(Слуги исполняют.)* Отдайте все Пете. *(Слуги отдают.)*

МОЙРА *(Пете)*. Может быть, ты еще что хочешь? Ты мне понравился. Ты злой.

ПЕТЯ. Я хочу еще коня побольше.

МОЙРА. Выбирай. *(Показывает за кулису, Петя подходит к самой кулисе.)*

МОЙРА. Вот этот? Или хочешь еще больше?

ПЕТЯ. Да.

МОЙРА. Покажите ему еще больше. Вот этот хорош? Может, еще больше?

ПЕТЯ. Да, еще больше.

МОЙРА. Дайте ему самого большого. Ну, тащи сам!

Петя скрывается за кулисами и выкатывает оттуда громадного коня. В это время слышится крик петуха.

КОТ. Нам пора домой, пропели третьи петухи. Скорей, скорей.

ВАНЯ. Прощай, бабушка Мойра. Я не люблю тебя, ты злая.

МАША. Ты ничего не сделала, о чем мы просили тебя. Прощай. Ты нехорошая.

Ваня, Маша и Кот уходят.

ПЕТЯ. А мне так ты нравишься, бабушка Мойра. Прощай.

Берет маленькую лошадь и куклу и начинает тащить большую лошадь, но не в силах и падает, Мойра хохочет.

Петя *(обращаясь вслед ушедшим)*. Подождите! *(Слышен голос Кота:* «Скорей, скоро взойдет солнце, и ты тогда не уйдешь отсюда».)

ПЕТЯ. Эй, подождите, я не могу, мне тяжело нести. *(Кладет к ногам Мойры куклу.)* Бабушка я не жадный: на тебе куклу. *(Мойра смеется, Петя тащит двух коней и опять падает.)* Ах, как они далеко уже. *(Кричит.)* Подожди-и-те! *(Отдает Мойре маленького коня.)* Бабушка, на и этого коня, мне тяжело. *(Мойра зло смеется.)* Подождите! *(Голос Кота еще дальше* «скорей!». *Петя опять тащит, выбиваясь из сил.)*

ПЕТЯ *(с плачем)*. Я не могу. А они уже чуть видны. Подождите!

(Голос Кота еле слышен: «Скорее. Поет петух, светает».)

ПЕТЯ. Ну, и не надо мне твоего коня! *(Кричит.)* Иду! *(Убегает. Мойра дико смеется.)*

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Декорация первого действия. Утро. Дети спят по своим кроватям. Входит Бабушка с пакетами и кладет по пакету в каждую кровать.

БАБУШКА. Детки, пора вставать. Праздничек наступил, папа и мама уже встали, сейчас придут к вам, а меня вперед прислали!

Дети просыпаются и выглядывают из кроваток.

МАША. А где же Кот в сапогах?

БАБУШКА. Какой там Кот в сапогах? Кота Ваську я взяла с кроватки, когда ты уснула, чтобы он не разбудил тебя.

МАША. Я не спала, бабушка, я с Котом в сапогах была у бабушки Мойры.

ВАНЯ. И я!

ПЕТЯ. И я!

БАБУШКА. Ну, какая там Мойра! Сон приснился.

ВАНЯ. Бабушка, что это у меня? *(Разрывает бумагу.)* Бабушка, милая бабушка. Да здесь лошадка, какая хорошенькая.

МАША *(которая развертывала тем временем пакет)*. А у меня кукла! И глазки закрывает. Милая моя! *(Прижимает куклу к сердцу.)*

ПЕТЯ. А у меня аэроплан заводной. Ай-я-яй! Как интересно. Бабушка, он летать будет?

БАБУШКА. Будет, будет. Только на ниточке. Чтоб от тебя совсем не улетел.

ВАНЯ. Бабушка, милая, какая вы добрая! Вы не бабушка Мойра?

МАША. Нет, Ванечка, это наша славная, добрая бабушка. А бабушка Мойра злая, она никогда не делает того, о чем у нее просишь.

ЗАНАВЕС

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВЕЗУВИЙ

(Из заграничных впечатлений)

— Stazione Pompei...

Не успели мы выйти из вагона, как были окружены целой толпой «гидов», галдящих на итало-французском жаргоне, размахивающих руками, горячо что-то доказывающих нам. Белки и зубы сверкают на коричневых лицах, глаза горят, мелькают руки и шапки... Точно неожиданно мы попали в толпу злейших врагов, угрожающие крики которых каждое мгновение могут перейти в рукопашную...

Это продолжалось несколько минут. Мы пробовали объясняться, сердиться, наконец, силой хотели пробиться сквозь толпу, но не могли. Решили покорно отдаться в руки победителей: стали в скромных позах и сделали вид, что мы согласны на все... Победителям оставалось лишь объяснить свои требования, и во вражеском лагере наступила относительная тишина. Итальянец с орлиным носом и черными седеющими усами подошел к нам вплотную и строго сказал нам на ломаном французском языке:

— Вы пойдете на Везувий!

Мы безропотно выразили согласие.

Эта покорность настолько расположила в нашу пользу вражеский лагерь, что нам позволили выйти из толпы. Конвоируемые, мы отправились по дороге.

— Восемьдесят лир! — заявил нам старик.

— Нет, — ответили мы решительно.

Опять взрыв криков.

— Шестьдесят! — в самое ухо кричал нам итальянец с орлиным носом.

— Нет! — также в самое ухо кричал я ему.

— Сколько?

— Двадцать!

Итальянец сделал такое лицо, будто я смертельно его оскорбил, и злобно крикнул мне в ухо:

— Сорок пять!

— Нет!

Крик все усиливался. Круг опять смыкался. И уже, казалось, вопрос идет не о поездке на Везувий, а о нашем освобождении из плена. Неожиданно судьба сжалилась над нами: показались новые туристы, которые и сделались предметом нападения итальянцев.

Около нас осталось человека четыре. Мы вздохнули свободно. На наше счастье к нам на помощь подошел какой-то представительный, хорошо одетый джентльмен, видимо, человек бывалый. Он очень участливо отнесся к нам, выторговал нам еще пятерку, порадовал нас, что «это очень дешево», разрешил наши колебания относительно уплаты денег вперед — здесь уж такой порядок.

Закончив все переговоры, наш спаситель любезно раскланялся и ушел.

Итак, за 40 франков нас должны были доставить на Везувий.

Полпути езды в экипаже, затем нам будут поданы «petites chevaux».

«Очевидно, горная порода лошадей», — подумали мы.

На лошадях мы доедем до самой вершины. А там «два шага до кратера» — пешком. Все путешествие туда и обратно должно занять не более трех часов, и мы поспеем к девятичасовому вечернему поезду, идущему в Неаполь.

Мы с нетерпением ожидали экипаж, глядя на дымящую вершину Везувия.

Наконец была подана маленькая повозка, запряженная в одиночку. Наш проводник забрался на козлы, и мы тронулись в путь по небольшой улице, идущей от станции. Завернув за угол, мы встретили нашего любезного незнакомца. Каково было наше удивление, когда мы увидали, что у него вместо изящного котелка был на голове такой же картуз с надписью на околыше, как у нашего проводника.

— Однако, ловкачи, — заметил, смеясь, товарищ.

Так вот откуда эта забота о нас. А впрочем... почему бы и ему не быть добрым человеком? В самом деле заплатили ведь недорого!

Миниатюрный экипаж сильно качало в стороны. Мы въехали в узкую итальянскую уличку. Частая сеть веревок, протянутых между домами из окна в окно, как паутиной окутала всю улицу, на веревках сушилось разноцветное тряпье. На улице, выстланной широкими каменными плитами, у своих домов итальянки занимались домашними работами: мыли, шили, расчесывали друг другу волосы. Полуголые загорелые ребятишки наполняли улицу звонкими голосами, бежали вслед за экипажем, выпрашивая «чинтезимы», цеплялись за экипаж и отваливались только при резком щелканье бича нашего кучера. Целые кучи ребят валялись в пыли с черными от грязи руками.

Мы вздохнули свободнее, когда выехали за город. С горы веяло ароматным чистым воздухом. Дорога начала подниматься вверх. Вместо камня под колесами затрещала лава.

— В шесть аршин толщины одна лава! — объяснял нам проводник.

Потянулись виноградники. Лозы дали свежие побеги.

На виноградниках кипели работы: подвязывали стволы к деревянным палкам, подчищали, срезали. Мы подъехали к какому-то домику, стоящему при дороге. Кучер остановил лошадь, проводник соскочил с козел.

— Пожалуйте слезать!

— Зачем слезать? — одновременно спросили мы.

— Приехали. Дальше на «petites chevaux»!

— Да ведь мы не проехали и четверти пути!

— Дальше в экипаже нельзя.

Делать нечего, вылезаем из экипажа.

— Где же ваша «petites chevaux»?

— Вот они!

Мы обернулись и увидели двух маленьких, понуро стоящих ослов.

— Но какие же это «petites chevaux»? — с отчаянием воскликнули мы. — Ведь это же обыкновенные ослы!

— У нас их так зовут! — невозмутимо ответил проводник. — Да и чем не «chevaux»? Что только длинные уши, так это же ничему не мешает!

— Но ведь они будут медленно везти?

— Конечно, это только «petites chevaux»! Мы же так и называем. А если хотите настоящие «chevaux» — у нас есть и такие, только это будет стоить на каждую лошадь лишних по пяти лир.

Сторговались. Пока запрягали настоящих «chevaux», проводник пригласил нас в комнату. Там нас ожидала хозяйка. Не успели мы войти, как она раскупорила бутылку вина и налила в стаканы.

— Lacrima Christi!

Отказаться было нельзя.

Это гостеприимство обошлось нам еще в четыре лиры.

Перед выходом из дома нам загородил дорогу мальчишка лет восьми, красавец с громадными черными глазами. Он совал нам в руки какие-то два прутика и что-то говорил.

— Это мой, — похвастался проводник, с гордостью указывая на мальчишку.

— Хлысты купить надо, лошадь подгонять, чтобы скорей бежала!

Сын, поощренный отцом, усиленно предлагал нам прутики. Отец недаром гордился им. Это будет достойный преемник! Прутики взяли. Еще одна лира, которую отец с жадностью вырвал из рук ребенка. У крыльца нас ждал кучер, привезший нас, и просил «на макароны». Это начинало нас раздражать.

— Дадим ему пятьдесят чинтезимов! — сказал товарищ и протянул монету. Кучер поблагодарил и стал просить у меня; получил и, хитро улыбаясь, исчез в воротах белого домика.

Ну, кажется, все... Скорее бы на лошадей и в путь. Опять с многозначительной миной подходит проводник, и мы уже чувствуем, что это не к добру.

— Ну что еще?

— Вы сторговали двух лошадей?

— Ну да.

— А как же проводник?

— Что проводник?

— На чем же он поедет?

— На лошади, конечно!

— На третьей?

— Хоть на четвертой!

— Так за нее же надо платить.

Мы выходим из себя и горячо протестуем. Но проводник с того момента, как получил деньги вперед, невозмутим. Он пожимает плечами и спокойно говорит:

— Как хотите. Мне это безразлично. Не хотите платить, проводник может и пешком пойти. Только когда же вы доберетесь?

Аргумент был убедительный, и нам ничего больше не оставалось, как согласиться. К этому финалу, очевидно, уже были готовы. Не успели мы выразить свое согласие, как растворились ворота, откуда с гиком выбежал лохматый мальчик в изодранном костюме, дергая за повод упирающуюся лошадь.

Я, мой товарищ и проводник уселись на лошадей и наконец тронулись в путь. Дорога все круче поднималась в гору.

— Направо! — кто-то крикнул сзади меня по-русски. Я оглянулся и увидал выглядывающую из-за моего коня плу-

товатую рожицу мальчишки. Видимо, он был доволен произведенным эффектом.

— Караше? — спросил он и, не ожидая ответа, с воодушевлением воскликнул: — У очень караше-о-о!

Я повернул коня направо и пришпорил. Конь рванулся вперед, но тотчас «осел» и пошел шагом. Позади я услышал какое-то мурлыканье и, оглянувшись назад, увидал, что мальчишка крепко уцепился за хвост моей лошади. Когда я погонял лошадь, мальчишка тянул за хвост и лошадь слушалась больше его, чем меня. Я рассердился.

— Брось! — закричал я на мальчика. Но он не бросил. Видя, что я сержусь, он начал кричать на лошадь гортанно и резко.

— Ха. Ха-а! Г-а-а! — И, повинуясь одному только крику, лошадь поскакала галопом, а за нею и мальчишка, крепко ухватившись за хвост, еле касаясь земли и беспрерывно повторяя свое гортанное:

— Ха-а! Ха-а-а!

— Караше?

— Караше, — ответил я и остановил лошадь. Мне совсем не нравилась такая зависимость, и я самым энергичным образом потребовал, чтобы мальчишка оставил хвост моей лошади.

«Представляю, что это за картина», — подумал я. И еще раз крикнул на мальчишку. Он сделал плаксивое лицо и отошел от моей лошади. В это время подъехал мой товарищ. Мальчишка подбежал к его лошади, ухватил ее за хвост и, видимо, решил скорее расстаться с жизнью, чем с хвостом лошади. Пришлось помириться. Да и жалко стало мальчугана. Очевидно, ему было легче подниматься в гору, держась за хвост. Когда нам хотелось проехать быстрее, мы обращались к мальчишке, он кричал «ха-а-а!» — и лошади неслись галопом. Непостижимо, как он поспевал за нами.

У края дороги стоял небольшой домик, около которого наш проводник остановился.

— В чем дело?

— Здесь надо купить факелы.

— Какие еще факелы?

— Факелы, чтобы освещать дорогу, когда будем ехать назад.

И он крикнул свое гортанное:

— Га-а-а!

Вышла старая, некрасивая, с растрепанными волосами женщина, неся четыре смоляных факела, молча подала их проводнику, крикнула что-то мальчишке и удалилась.

— За каждый факел три лиры платить надо! — заявил проводник.

— Да на что нам факелы?

— Как хотите. Могу и не брать. Только как же вы назад вернетесь? Темно будет. Дорога опасная, проехать нельзя.

— Луна будет! — пробовали мы слабо возражать.

— Не долго светить будет! — И, как бы считая вопросы решенными, он проскакал с факелами вперед. Мы последовали за ним.

Виноградники кончились. Дорога сузилась в тропинку, идущую среди горных кустарников. Иногда лошадь задевала колючий терн и бросалась в сторону. Над самой тропинкой простерла свои пушистые шапки итальянская сосна с длинными мягкими иглами. Весь воздух был напоен ароматом свежей зелени. Неожиданно кончились кусты, и мы очутились перед целым морем черной застывшей лавы. Лошади храпели, перебирали ногами и не решались ступить на лаву, точно это была вода. Наконец, нервно, прыжками, лошади взошли на лаву и пошли шагом.

Лава шуршала и обламывалась под ногами лошадей. Солнце заходило. Внизу залив уже покрылся сизой дымкой. Там наступил короткий южный вечер. На горе солнце выхватило из наступающего мрака несколько домиков, и они стояли, точно раскаленные внутренним огнем кратера. Близость вершины сказывалась. Все круче поднималась гора, воздух уже не был такой ароматный. Отдавало серой. Лошади ступали с трудом. Проводник слез с лошади. Мы последовали его примеру. Мальчишка взял за повода наших лошадей, привязал к какому-то торчавшему из-под куста сухому сломанному стволу, и мы пошли пешком.

С тех пор, как мы оставили лошадей и пошли пешком, начались наши мытарства. Дорога все круче поднималась в гору, куски лавы выкатывались из-под ног, мы падали, под-

нимались и снова падали... Почти совсем стемнело... Кругом ни кустика, ни травинки: одна черная, сухая, шуршащая под ногой лава. А впереди, по-прежнему недосягаемо высоко, курилась верхушка Везувия, четко вырисовываясь своими иззубренными краями на фоне неба.

Казалось, не будет конца этому восхождению. Мы изнемогали от усталости.

Временами попадались расщелины, из которых тянуло серным паром.

Я вложил руку в одну из таких расщелин. Внутри было тепло и влажно.

Привыкший к таким экскурсиям юный «погонщик» неутомимо бегал, беспрерывно повторяя «по-русски»:

— Караше?

Но это уже не смешило нас, и мы хмуро отвечали:

— Очень плохо!

— Уошень плехо? — переспрашивал он, поднимая брови, потом кивал утвердительно головой и начинал петь: — Карашо-о-о!

Проводник старался занять нас своими «научными» объяснениями.

Подойдя к одной из более крупных расщелин, он с серьезным видом стал уверять нас, что именно из этой расщелины вытекла лава, залившая Помпею.

Причем он с таким жаром, точно был сам очевидцем этой ужасной катастрофы, рисовал картину гибели тысяч людей в расплавленной лаве. Мы пытались возражать, что Помпея погибла не от расплавленной лавы (lava di fuoco), а от грязевых потоков (lava d'aqua) и пепла, но он так был оскорблен «этими выдумками», что мы поспешили согласиться с ним и терпеливо выслушали его повесть, красноречиво переданную не столько словами, сколько мимикой, жестами и междометиями.

Но нам суждено было расстроить еще больше нашего экспансивного проводника.

— Зальет вас когда-нибудь опять Везувий за то, что вы так безбожно обираете иностранцев! — сказал ему мой товарищ.

Ни я, ни товарищ не сказали бы этой шутки, если бы знали заранее, какой неожиданный она произведет эффект.

Проводник буквально побледнел, лицо его передернуло, в глазах засверкали слезы, и, когда он стал говорить, мы не узнали его голоса, тихого, дрожащего, с такими хватающими за душу жалобными нотками...

Он говорил быстро-быстро, точно спешил оправдаться и перед товарищем, и перед небом, и перед парящим над окрестностями грозным богом — Везувием.

Говорил о своей семье, о своих малых детях, которым нужны макароны, о Куке (громадное комиссионное предприятие для туристов), наживающем миллионы, о богатстве иностранцев, о своей трудовой жизни.

Так говорить мог только суеверный человек, для которого Везувий действительно всемогущее существо, кормящее всю его семью, но один вздох которого может в буквальном смысле испепелить.

Мы пытались, как могли, успокоить нашего проводника, но он еще долго жалобно оправдывался.

До вершины осталось немного, и мы решили отдохнуть. Подошва Везувия уже терялась во мраке. Прибрежные огни полумесяцем оковали залив.

— Сорренто, Портичи, Капри! — пояснил проводник, указывая на разбросанные внизу огни.

— Карашо-о? — не унимался неутомимый мальчуган, вертевшийся около нас.

— Очень хорошо! — ответили мы.

Мальчик с гордостью посмотрел на нас, точно он был королем над этим сказочно-красивым королевством.

Он точно вырос, этот маленький итальянец!

Какая гордая, стройная осанка, как горят его глаза. Нет, он положительно наследный принц этого королевства, несмотря на изодранные башмаки и костюм!

В глазах старика, устремившего свой взгляд на далекие огни, светилось какое-то нежное обожание.

Удивительный народ эти итальянцы!

Неряшливость они умеют соединить с глубоким пониманием прекрасного, жадность с добротой, мелкие страстишки с истинно великим порывом души. Итальянец может подарить первому встречному самое дорогое, что у него есть, и убить за пять чинтезимов.

Каждое мгновение он меняется до неузнаваемости. Он может оттолкнуть своей жадностью, назойливостью и в следующее же мгновение заставляет забыть вас все это, покоряет красивым порывом своей пламенной души.

Еще один поражающий контраст: беззаботное, детское веселье непосредственно переходит у него в глубокую грусть. Откуда она?

Точно в его душе преломились контрасты природы: сегодня безумно расточительной в своих дарах, завтра беспощадно жестокой.

Везувий — это символ, это бог Южной Италии. Только здесь сады на этой черной лаве, под которой где-то внизу бурлит до времени смертоносный огонь, становится понятно обожествление сил природы, царящих над маленьким человеком, таким же беззащитным, несмотря на все завоевания культуры, каким он был тысячи лет тому назад в цветущую Помпею.

Однако пора!

Мы встаем и отправляемся в дальнейший путь. Куски лавы становятся крупнее, и это еще больше затрудняет восхождение.

Клубы белого пара все растут. Иногда выбрасывает большое «облако» пара, и оно чуть-чуть «румянится» снизу отсветом из кратера, быстро поднимается вверх, все расширяясь, пока не распластается высоко над кратером и тихо потянет в сторону, далеко, далеко от кратера.

Все больше пахнет серой и еще чем-то удушливым.

Мы заходим в кратер с подветренной стороны, чтобы избавиться от дыма.

Еще несколько шагов по волнам застывшей лавы, и мы у самого края кратера.

— Вот! — сказал проводник, указывая рукой на жерло кратера, и молча уселся на одном из уступов лавы.

Приумолк и мальчик, усевшись у ног старика.

Все пространство жерла было наполнено едким, удушливым паром. Он то стлался по черным, изъеденным влагой и теплом, неровным краям жерла, то белым клубком вылетал вверх, точно из гигантской трубы паровоза. И в этот момент

где-то глубоко внизу тьма освещалась точно далеким заревом пожара.

Молчание нарушалось только глухим шорохом и стуком обламывающихся и падающих в глубину камней. Вот, где-то во мраке, срывается большой камень, и слышно, как он ударяется о выступы жерла; звуки ударов доносятся все глуше и глуше, пока наконец не сливаются с жутким шорохом кратера...

По этим удаляющимся звукам угадывалась неизмеримая глубина кратера...

Из жерла тянуло влажным теплом. Я обломал несколько кусков лавы и бросил их далеко от края. Они беззвучно потонули в белом дыму, и как мы ни напрягали слух, нам не удалось услышать стука их падения...

Жутко!

Неожиданно ветер переменил направление, и нас вдруг окутало пеленой белого, удушливого пара. Мы отбежали от кратера, но пар преследовал нас, и мы не знали, куда от него укрыться. Проводник быстро подбежал к нам, взял за руку и по каким-то тропинкам быстро вывел нас из полосы серного дыма.

Мы вздохнули полной грудью. Кружилась голова.

Пар стлался по краю кратера так, что подойти к нему вновь было невозможно.

Пора возвращаться... Мальчик сразу оживился, побежал вниз стрелой и скрылся во мраке. Спускаться вниз оказалось еще труднее. Проводник зажег факелы. Красный свет осветил небольшое пространство черной лавы, вне этого круга, казалось, стало еще темней.

Только пары будто побелели и громадным столбом, расходящимся вверху, стояли над кратером.

Вскоре поднялась луна, и мы потушили факелы. Стало так светло, что мы могли различить внизу белеющийся «мертвый город», — Помпею. Мы быстро шли вперед и скоро увидали нашего мальчугана, выводящего из кустов лошадей. Приятно было наконец сесть на лошадь. Мальчик уже не цеплялся за хвост лошади, он шел около нас, распевая известную итальянскую песенку «Santa Lucia».

— Караше? — спрашивал он после каждой строфы.

Пел он не очень «караше», но я не разочаровал его.

— А вот я вам спою наш итальянский гимн, — сказал он и вдруг, к нашему удивлению, стал петь...

Мы с товарищем расхохотались.

— Это ваш национальный гимн?

— Да, мы поем его после славной Триполитанской войны!

«Славный» гимн оказался достойным не менее «славной» триполитанской войны!

Несмотря на печальные итоги этой войны, она пользуется в Италии большой популярностью. На всех улицах городов можно встретить продавцов олеографий с изображением «наших славных героев» и их «героических подвигов».

Старик опять вернулся к описанию гибели Помпеи. По его словам, гибель была так мгновенна, что застала многих влюбленных в объятиях друг друга.

— Гипсовые слепки с этих фигур хранятся в одном из закрытых для публики зданий Помпеи. Но у меня есть альбом снимков. Если хотите, я вам доставлю его за 15 лир!

Не заинтересовав нас альбомом, он перешел к своим семейным делам и стал говорить о своей молодой жене, «такой красивой и такой стройной», что «il est possible mourir». И, после паузы, вздохнув, он промолвил:

— Si jeunesse savait et vieillesse pouvait!

Товарищ, чтобы перевести разговор на менее интимные темы, спросил проводника, как относятся у них к королю, каких партий прошли депутаты от Неаполя, как относятся у них к социалистам.

Но, видимо, проводник с большей откровенностью расположен был говорить о жене, чем о своих политических взглядах.

О короле он говорил очень уклончиво. «Старика любили больше! Этот молод еще. И на своем любит поставить... хороший король!»

О социалистах вначале отозвался резко отрицательно, потом стал говорить о многих полезных реформах, проведенных ими, например, устройство государственных макаронных фабрик, удешевивших этот продукт первой необходимости.

Но во всех его словах чувствовалась неискренность. В качестве гида, он считал своей обязанностью доставить туристам удовольствие и, видимо, с одинаковым усердием готов был ругать и хвалить все, что угодно путешествующим иностранцам.

В этих разговорах незаметно прошел путь до остановки, где нас ждали экипажи. Опять выпрашивая на «macaroni» целой толпой, откуда-то собравшейся и оказывавшей нам разные мелкие услуги. Один просил за то, что подержал лошадь, пока я слезал, другой помогал мне садиться в экипаж и т. п.

Усталые, полные впечатлений, мы не протестовали, желая скорее вырваться из этой толпы и поспеть на отходящий в Неаполь поезд.

Napoli,
4-17.IV.1913

В КИРГИЗСКИХ СТЕПЯХ

(Рассказ начальника округа)

I

По голым киргизским степям пролегает линия Самаро-Ташкентской железной дороги. Если зимой подняться здесь на аэроплане, то она покажется черной траурной лентой на белой простыне степей. Только туда и аэроплан не залетает. Мертвая пустыня, где рыскают волки да изредка появятся и исчезнут кибитки кочующих киргизов. И опять все пустынно, голо, мертво. Только ветер играет сухой морозной пылью...

Как стадо, сбились в кучу несколько строений около железнодорожной станции.

Скучно живется на такой станции почтово-телеграфным работникам. Скучная степь, скучное небо, даже ветер скучный. Немудрено, что и люди скучны. Только и остается — накуриться анаши[1], а после ходить с одурелой головой и тянуть служебную лямку.

[1] Анаша — одуряющее курение, вроде гашиша, излюбленное сартами.

Но иногда над такими сонными углами вдруг проносится буря — шквал человеческих страстей, долго скрываемых желаний, неудовлетворенности, закружит, завертит он людей, как бурный поток кружит щепки, и выкинет на берег трупы.

Горе тем, кто попадает в этот круговорот!

Одной из таких бурь пришлось мне быть близким свидетелем.

Вот как это было.

В морозную ночь на 20 января, при проходе почтового поезда № 4 линии Самара—Ташкент, почтальон N-ского отделения Чепиков, старый и честный работник, получил при обмене почт две сумки белой кожи. Заведующего отделением, или завота, как теперь говорится, не было при приеме почты. Когда он вернулся, то ни почты, ни почтальона не было в отделении.

— Опоздал поезд! — решил завот и пошел спать.

Наутро наведался в отделение — почтальона все нет. Открыл шкатулку, с которой почтальон обыкновенно ездил к обмену почты, заглянул в накладные: почта прибыла, двух сумок белой кожи нет. Справился по телеграфу в места отправления: сумки содержали 214 червонцев.

— Дело дрянь! Надо донести агенту ГПУ!

Началось следствие.

Кто был при получении почты почтальоном? — Ямщик. Кто мог еще участвовать в похищении сумок? — Сожитель по комнате почтальона Чепикова, п.-т. работник Карасев.

Арестовали и ямщика, и Карасева.

Ямщик что-то путает на следствии, толкует про почтсодержателя. Арестовали и того. А Карасева скоро отпустили. Нет улик против него! И он стал за работу.

Так протекли первые сутки.

Жил в том же поселке при станции старик Глинов, лентяй, балагур и пьяница. Кроме рванья, что на нем, гроша медного у него за душой не было. Все это знали. Да и как не знать: живешь как на ладони.

Пошел этот Глинов за ханжой и — бац! — червонец на стол выложил!

— Знай наших!

— Откуда это у тебя? Аль клад нашел?

Пошли по поселку слухи, дошли до кого следует, арестовали Глинова.

— Откуда червонец?

— Сыны дали!

— А у них откуда?

— Знать не знаю!

Арестовали сыновей Глинова.

Один из них служил в этом отделении почтальоном и недавно был уволен. Другой — без работы толкался. Сделали у братьев Глиновых обыск — нашли за печкой 213 червонцев. Да один червонец старик Глинов пропил — 214 червонцев выходит. Ровно столько и было их в похищенной сумке.

Податься некуда! Сознались братья Глиновы. Старший из них, бывший почтальон, рассказал, как было дело.

В ту злополучную ночь, под 20 января, сидели они в комнате Карасева, ханжу попивали. Пришел почтальон Чепиков.

— Что с почтой? — спрашивает Карасев.

— Разное, — отвечает Чепиков. — Две сумки белой кожи есть.

— Сумки белой кожи? Ладно!

Побарабанил пальцами Карасев.

— Иди, — говорит Чепикову, — погрейся маненько. Мороз ноне сильный.

Опрокинул Чепиков стаканчик, усы, запотевшие от холода, вытер.

— Вот что, ребята, — говорит Карасев, — а что, ежели пощупать нам эти самые сумки?

Крутит головой Чепиков: как можно?

— Да ты погоди, головой не крути! Коли боишься, мы так сделаем: я тебе расписку дам, что я, значит, заместо завота всю почту в целости получил, вот ты и в стороне. А я ножичком сумки осторожненько по шву чик-чик! Так что комар носа не подточит! А потом скажем, что в пути украли. И ладно будет! — А сам все Чепикову подливает. Долго Чепиков отказывался, однако уломали. Выдал Карасев Чепикову расписку в получении почты, все честь честью, и говорит:

— А теперь гайда, ребята, в степь сумки пороть!

Захватили сумки, пошли. Мороз, ветер колет лицо иголками; тишина в поселке — спит.

Вышли в степь подальше. Карасев вынул нож, стал первую сумку по шву пороть. Только, видно, обдуло ветром Чепикова, хмель проходить стал, одумался Чепиков.

— Стойте, братцы, не надо! Лучше не надо! Вернем сумки!

А у самого зубы ляскают.

— Ты что же, дьявол, на попятный? Дрейфишь? — закричал на него Карасев. Дернул меня за рукав, отвел в сторону. — Слушай, — говорит, — на полдороге не останавливаются! — а у самого глаза, как у рыси. — Он, Чепиков тоись, и на нас донести может! Одно теперь — убить его к чертовой матери...

— А тело найдут?

— К утру волки начисто съедят, и костей не найдешь!

Почесал я затылок, а Карасев к Чепикову да, не говоря худого слова, ножом его в бок.

— Что ты, брат?.. — закричал Чепиков и повалился на снег, как сноп.

А Карасев к нему наклонился, да ножом! Выбирает впотьмах место, где скорее прикончить. Чепиков и стонать перестал. Тихо стало до жути, только слышно, как колет Карасев. На двенадцатом этак ударе отошел Карасев, отдулся.

— Хватит с него! Волоки его дальше! Стой, нет, — погоди! Записку оставлять негоже! Волк записку, може, и не слопает! Поищи, — говорит мне, — а то у меня рукав весь в крови!

Нашел я записку, изорвал ее. Отнесли мы тело Чепикова к разрушенной киргизской избушке.

После этого Карасев вторую сумку разрезал с маху, а деньги дал нам на сохранение:

— У меня еще обыск могут произвести!..

Так-то было дело...

После этого показания следователь освободил ямщика и почтсодержателя, а Карасева арестовал вновь. Но Карасев упорно не сознавался, хотя весь рукав его пальто действительно оказался в крови.

Нашли и труп Чепикова в указанном месте. Волки уже поработали над ним: весь живот был выеден, лицо, руки изгрызены. Еще одна ночь, и от Чепикова действительно и костей не осталось бы...

II

Все это произошло до моего приезда в отделение. Прибыл я туда, для ранее намеченного обследования, в ночь на 26 января.

На вокзале меня встретил завот Головкин.

Я знал Головкина давно. Уравновешенный был человек и на редкость способный работник. При первом взгляде на него на этот раз в нем чувствовалась резкая перемена. Как будто какая-то непосильная тяжесть давила его. Мы прошли в отделение. Он три раза пытался начинать говорить о деле Чепикова, но всякий раз нервно бросал ключ на первой фразе, вскакивал и начинал ходить по комнате, тяжело вздыхая, с перекошенным лицом. Когда он отлучился куда-то, надсмотрщик сказал мне:

— Неладное что-то творится с нашим завотом! Как нашли труп Чепикова, завот будто рехнулся.

И действительно, он производил впечатление ненормального человека.

И с этим человеком мне пришлось с глазу на глаз провести ночь.

Никогда я не забуду этой кошмарной ночи!

В поселке нет ни постоялого двора, ни гостиницы. На дворе ночь, мороз. Кругом — на сотни верст — голая степь. Ближайший поезд приходит только утром.

Я решил до рассвета засесть за работу. Обследуя в первую очередь работу телеграфа по отчетности за декабрь, я натолкнулся на исключительный хаос в делопроизводстве; много было дефектов и по другим отделам, не исключая денежного. Это было не похоже на Головкина. Сидя за работой, я невольно думал о деле Чепикова и о Головкине. Что так гнетет завота? Почему он производит впечатление почти ненормального человека? Что у него на душе? Не имеет ли он отношения к делу похищения сумок с червонцами? Эта мысль все чаще приходила мне в голову. Отчего он так нервничает? Не задумал ли он сам сбежать с червонцами?..

Изредка я бросал взгляды на Головкина — мы остались с ним одни в отделении. И каждый раз я встречал такой острый, такой пытливый его взгляд, что мне становилось все

более не по себе. Между нами установилась какая-то связь. Мы будто выпытывали мысли друг друга. Перебрасываясь деловыми фразами, мы вместе с тем как бы, не прекращая, вели какой-то безмолвный разговор, какую-то душевную борьбу друг с другом. Наше нервное напряжение все увеличивалось. Головкин производил впечатление уже совсем ненормального человека. И в его отношении ко мне инстинктивно я чувствовал все большую враждебность.

Во мне как-то само собой возникла и укрепилась уверенность, что Головкин или убьет меня в эту ночь, или себя.

Один раз, когда я наклонился над книгами, следя незаметно углом глаза за Головкиным, ходившим в этот момент сзади меня, я заметил, что он вдруг весь как-то подобрался, наклонил голову, будто приготовился к прыжку, и так приближался ко мне. Я быстро обернулся к нему. Он выпрямился, отпрянул, смутился. По его лицу прошла судорога.

Чтобы хоть немного разрядить это ужасное нервное напряжение, я обратился к нему со словами:

— Простите, товарищ Головкин, за вопрос, — отчего вы так нервничаете? Убийство Чепикова, конечно, должно произвести тяжелое впечатление, но вы волнуетесь... как-то по-иному? Скажите откровенно, может быть, у вас касса не в порядке?

С величайшим напряжением, изменившись в лице, он сказал придушенным голосом.

— *У меня касса в порядке, но... у меня не хватает имущества...*

— Пустяков каких-нибудь? Давайте проверим кассу!

Головкин бросается к кассе с судорожно сжатыми пальцами, как бы желая защитить ее от меня, и искаженным голосом говорит:

— Нет, не пустяков! У меня не хватает револьвера!

— Как же он пропал?

— У меня его украли... бандиты, — вот те... что убили Чепикова. Карасев... убеждал меня, что не сегодня завтра револьвер найдется и будет у меня.

Касса оказалась в целости. Не хватало только револьвера и тридцати одного патрона.

Светало.

Я решил пойти на станцию, разыскать следователя и поговорить с ним.

— Чем вы объясняете странное состояние Головкина? — спросил я следователя, встретившись с ним.

Следователь только плечами пожал.

— Не понимаю! Недавно мы поймали киргиза-бандита. У него отобрали револьвер «Наган». Может быть, это и есть тот самый. А вот еще одна подробность, которой вы не знаете: когда во второй раз был арестован Карасев, он как-то умудрился послать на ваше имя телеграмму: «Прошу срочно прибыть и обревизовать N-ое отделение. Завот Головкин является расхитителем казенного имущества».

— Телеграмму эту я почему-то не получил. Вы не допрашивали Головкина?

— Головкина я не допрашивал, — ответил следователь, — потому что опасался за сохранность ценностей и самой работы отделения. Нужно сначала срочно прислать ему заместителя.

Подошел поезд...

Несколько часов спустя я из N-ска, лично, по телеграфу, передавал приказание своему помощнику о срочном подыскании служащего и переброске в злополучное отделение. Головкина я решил освободить под предлогом, что ему необходим отдых. Через 3 часа райзавконт N-ска, с квалифицированным работником и опытным почтальоном, выехали в N-ое отделение. Дальнейшие события развернулись после моего отъезда.

III

Утром в день моего отъезда Головкину позвонили из ГПУ и просили прийти за получением червонцев, отобранных при обыске у братьев Глиновых. Головкин захватил с собой надсмотрщика Фомина. При нем получил червонцы, при нем положил их в кладовую и кладовую опечатал.

А на следующую ночь Фомина разбудила сестра Головкина.

— Я страшно беспокоюсь, — сказала она. — Несколько часов тому назад брат ушел из дома, надев старый костюм.

Прощаясь со мной, он сказал: «Иду в ГПУ и, может быть, надолго»...

Фомин тотчас позвонил в отделение ГПУ.

— Головкин у вас?

— Нет, и не приходил, — был ответ.

— Плохо дело! Не покончил ли он с собой?..

И Фомин стал искать, не оставил ли Головкин записки. Ни в конторе, ни в его комнате записки не было. Фомин вскрыл наружный почтовый ящик и нашел то, что искал...

— «Ночь с 26 на 27 января, — писал Головкин. — Ухожу навсегда. Все деньги целы, подложных переводов не ищите, не было, хотя можно было делать на тысячи червонцев. Целый ряд обстоятельств побудили меня уйти. Убийц держите крепко, убегут. Если и будет какая недостача имущества, то не считайте его присвоенным мною. Сестру мою прошу оставить в покое, она ничего не знает. В конторе, в столе печати, шифры на месте, целы. Кладовая опечатана совместно с Фоминым. Полученные 213 червонцев в шкатулке, сумки в шкафу внизу. Напрасно т. начальник Округа беспокоился и успокаивал меня, боялся, что я убегу с деньгами, — нет. Что побудило меня к развалу конторы — мое болезненное состояние души. Убийцы воспользовались этим. Теперь я уверен, что револьвер похищен убийцами. Ну, пора идти. Труп мой, если не съедят собаки, найдете у железной дороги к разъезду. Прошу не резать и не искать признаков отравления. Я замерзну, никого не беспокойте, ни с кем я не был связан. Г о л о в к и н».

Последняя просьба к моим знакомым: не откажите моей сестре в помощи, в которой она будет нуждаться. Пусть все знакомые отнесутся к ней так, как относились ко мне. Заказную бандероль на мое имя доверяю получить сестре моей Н. К. Головкиной. Ключ под подушкой. Г о л о в к и н».

Пошли по указанному в записке направлению. Стали находить на некотором расстоянии друг от друга части одежды Головкина, а дальше — нашли и его окоченевший труп, еще не тронутый ни бродячими собаками, ни волками...

Представьте эту последнюю ночь одинокого человека на одинокой станции... Что бы ни привело его к самоубийству, он остался верным служакой до конца. С какой точностью,

хладнокровием он отдает последние деловые указания... Кто он? Преступник, безумец или больной человек?..

А потом эта холодная степь... Ночь... Идти навстречу своей смерти, постепенно сбрасывая с себя одежду под ледяным дыханием ветра... И вот он — наг. Наг пред лицом смерти, как нагим явился пред лицом жизни. Жизнь пройдена, одежда — последнее, что связывало его с жизнью, — сброшена...

Холод... Вечная ночь... конец...

Шквал промчался.

Но он закружил еще одну жертву: сестра Головкина не выдержала потрясения — она сошла с ума.

Как только Карасев узнал о смерти Головкина, он тотчас сознался в убийстве Чепикова.

IV

Вот и вся история.

В ней много осталось неразъясненным.

Причастен ли был Головкин к делу убийства Чепикова и краже червонцев? Никто из обвиняемых не указал на него, даже Карасев.

Что привело к самоубийству Головкина?.. Как потом оказалось, не один, а три револьвера последовательно пропадало у него, но он это скрывал. Почему? Не снабжал ли он ими бандитов?

Почему Головкин — как он объяснял — решил, что опоздал поезд, пошел спать и только на другое утро установил пропажу сумок и исчезновение почтальона — хотя он мог легко узнать на станции, прошел ли почтовый поезд?

Не было ли известно ему о преступлении, не пытался ли он дать преступникам время скрыть следы преступления? Почему Карасев донес на Головкина, прося обследовать отделение? И почему Карасев сознался, лишь узнав о смерти завота?

И еще одно странное обстоятельство: за два дня до совершения преступления N-ское отделение совершенно пре-

кратило работу. Почта, даже телеграммы не доставлялись, будто все вымерли там. Что выбило людей из колеи?.. Что там готовилось?

Удивительно, как мог Головкин прочитать мои мысли о том, что я опасаюсь его побега с деньгами? Загадка!

Много тайн унесли с собою мертвые в могилу, а живые о них не говорят. Молчат и киргизские степи...

Тук-тук... Тук-тук-тук... четко выстукивает телеграфный аппарат в N-ском почтово-телеграфном отделении.

Но работают там новые люди.

Сонно, тихо, уныло вокруг...

Будто и не было шквала!

ТРИ ПОРТРЕТА

Кто из нас не читал жуткого рассказа Н. В. Гоголя о портрете старика, который выходил по ночам из рамы и пугал художника?.. Гоголевский «Портрет», разумеется, — фантазия.

Однако давно известно, что жизнь нередко осуществляет самые смелые фантазии.

Послушайте правдивую историю о трех портретах. Из них два первые не представляли из себя ничего чудесного: они крепко сидели в своих рамах. Зато третий портрет, вопреки «всем законам природы», выскочил из рамы и убежал на село...

ПОРТРЕТ ПЕРВЫЙ

Мужчина средних лет, в форменной тужурке, с ясными пуговицами ведомства Управления почт и телеграфов. Низко остриженные, прилизанные волосы, холеные усы и бородка. Лицо — застывшая маска важности, суровости и самодовольства. Недружелюбный, холодный взгляд.

Рамкой этого портрета служит окошко почтово-телеграфного учреждения.

В контору боязливо входит латаный мужичонко. Он кривит и без того кривые ноги, чтобы не запачкать мокрыми

лаптями пол, озирается по сторонам и вдруг видит направленный на него суровый, начальственный, сверлящий взгляд «портрета».

Под этим холодным взглядом мужичонко ежится и переступает с ноги на ногу.

— Ты куда попал?.. — слышит мужичонко грозный голос из окошечка.

— Чаво?..

— Куда ты попал, говорят тебе?.. В кабак?..

Мужичонко недоумевающе смурыжит носом.

— Сними шапку, олух!.. Здесь при-сут-ственное место! — отчеканивает «портрет».

Мужичок с испугом стаскивает рваную овчинную шапку, растрепав мочалу волос на голове.

— Извиняйте... — и подходит на цыпочках к страшному окну.

— Писемцо бы сдать... — и он протягивает корявыми пальцами замусоленный конверт.

Чиновник, не обращая внимания, что-то долго пишет. Мужичонко терпеливо ждет, тяжело вздыхая.

— Писемцо бы... — осмелившись, повторяет он.

— Не видишь, — занят!.. Барин нашелся!.. Не на пожар спешишь, успеешь... — и чиновник углубляется в пересчет бланков открытых писем. Долго считает и раскладывает по стопкам.

В контору входит, шумя шелками, барыня с седыми буклями и направляется к окошечку.

Мужичонко испуганно отступает в сторону.

Чиновник откладывает бланки и принимает заказное письмо.

Вслед за барыней вплывает крупная фигура соборного протопопа, блестя наперсным крестом.

Мужичонко ждет, переминаясь с ноги на ногу.

При виде протопопа на лице «портрета» появляется что-то вроде улыбки.

— Добрый день, отец Иоанн!.. Как изволите поживать?.. Письмецо сынку?.. В Духовную академию. Архиереем будет!.. Хе-хе. Папашеньку в карете возить будет...

Протопоп довольно улыбается.

— Ну, до архирея еще далеко!..

— Извольте квитанцию, отец Иоанн. Завтра соборне служить будете?..

— Соборне.

— Надо будет в люстре новые свечи поставить!

— Не худо бы, не худо... Старайтесь, Григорий Иванович, на то вы и староста церковный.

— По мере сил стараюсь для благолепия храма, отец Иоанн.

— А завтра того... на винтик вечерком... ко мне... Матушка такой вас наливкой угостит... — и отец протопоп прищелкнул языком.

— Всенепременно-с, отец Иоанн.

Протопоп, тяжко ступая, уходит. Часы бьют два. Почтовое окошко захлопывается.

Обескураженный мужичонко крякает, топчется у окошка и, набравшись храбрости, стучит пальцем, похожим на черный сучок. Ответа нет...

Стучит снова. Окошко с шумом раскрывается.

— Что тебе?..

— Писемцо бы...

— Присутственные часы окончились. Завтра можешь прийти...

— Ваше благородие... сделайте божецкую милость, — взмолился мужичок. — Не откажите, восемнадцать верст шел... Мокринские мы... дома хозяйство ждет!..

Громко стукнула входная дверь, и мужичонко почувствовал, как чья-то рука отстранила его.

В тот же момент удивленный мужичонко увидел, как необычайно преобразилось лицо в почтовом окошечке.

Чиновник осклабился, даже привскочил на стуле, приветственно закивал головой.

— Письмецо вам есть... Сию минуту... Вот... Господину земскому начальнику... и газетка...

— Благодарю... А вот — заказное надо отправить.

— Прошу вас... Здесь только адреса отправителя нет... и наименование города, извините, не указано...

— Фу, черт... все Игнашка напутал.

— Не извольте беспокоиться. Сию минуту!..

И чиновник услужливо и быстро пишет на конверте название города и адрес отправителя, так же быстро изготовил он квитанцию и с заискивающей улыбкой протянул посетителю.

— Благодарю...

И мужичонко услыхал, как опять громко хлопнула дверь. С глухим стуком закрылось и почтовое окошечко.

Постоял мужичонко, вздохнул и поплелся к выходу...

Все это было так обычно для него, что даже не вызвало возмущения...

А почтово-телеграфный чиновник, окончив работу, шел не спеша домой, выпивал рюмочку-другую смирновской водки с маринованными грибочками на закуску, плотно обедал и заваливался спать.

Вечером — винт или преферанс «по маленькой» с приятелями, комаровская газета «Свет» — перед сном. А во сне — приятные грезы: будто он стоит в соборе за своим свечным ящиком, в новом мундире со шпагой... Новая звездочка — новый чин — горит на его контрпогонах с золотым плетеным шнуром, а на шее важно поблескивает орден.

И древние старушки с почтением подходят, протягивая дрожащую руку за свечкой...

ПОРТРЕТ ВТОРОЙ

Прошли годы... Бурные, тяжкие... Началось с войны до «победного конца». Пришла и победа — победа Октябрьской революции.

Этого ли победного конца ожидал старый почтово-телеграфный чиновник, сидевший, как портрет, в раме своего служебного окошечка...

Годы изменили его. Поседела голова, отросли запущенные волосы. Заплаты и пятна покрыли суконце старой форменной тужурки. Глубокие морщины избороздили лицо, потерявшее былую важность... Только взгляд стал еще более колкий — вот так бы и пронзил насквозь этих новых, в кожаных тужурках.

А старые, где они?..

Давно лежит на кладбище соборный протопоп. Не перенес он «поругания храмов божьих», занемог и скоро умер. Так и не пришлось ему покататься в архиерейской сыновней карете... Как лист осенний, закружила буря господина земского начальника и забросила куда-то далеко, не то на остров Мальту, не то на Принцевы острова. А в усадьбе его давно трудовая коммуна орудует... Старую барыню еще встречает чиновник иногда. Облиняла старуха... Не шумит шелками. Гримаса обиды — обиды на всю жизнь — легла на ее лицо. Встретится взглядом со старым чиновником и вздохнет... и он вздохнет... — каждому вспомнится старое.

Ах, не глядеть бы на это новое!.. Если бы можно было навсегда захлопнуть вот так крепко окошко и сидеть за перегородкой, отгородившись от этого нового, страшного, непонятного мира, никого не видеть, ни с кем не разговаривать... Но вот стучат... стучат... надо открыть.

И чиновник открывает окошечко и молча, недружелюбно устанавливается на клиента, принимает письмо.

— Денежное?.. Несоответствующая оболочка. Не могу принять.

— Какая оболочка? — недоумевает клиент.

— Конверт мал. Здесь нет места для пяти печатей.

Клиент стоит озадаченный. Потом идет в соседнюю лавочку, покупает новый конверт, переписывает адрес. Опять стучит...

Окошечко открывается.

— Вот новый конверт...

— Не подходит. Клапан не подходит. Надо, чтобы в середине конверта углы сходились, а так я не могу наложить печать. — Окошко захлопывается.

Клиент ворчит и вновь уходит. Опять стук...

— Вот полдюжины конвертов, выбирайте любой.

Чиновник молча указывает на один из них.

— Ну и порядки, — уходит рассерженный клиент, получив наконец квитанцию. — Не советская почта, а старый прижим!..

Окошко захлопывается. Что-то вроде улыбки скользит по лицу чиновника.

Тишина... Только мухи жужжат и кружатся над столом.

Чиновник подавляет зевоту и враждебно смотрит, скосив один глаз, на ненавистный «Бюллетень НКПиТ». Случайно он прочитывает один приказ и бледнеет.

— Дожили!.. Этого не хватало!..

Дома, после службы, жена встретила его с засученными рукавами: она только что давала пойло корове и кормила индюшек.

— Отец, что с тобой, на тебе лица нет?..

Чиновник грузно опустился в старенькое кресло и, потрясая «Бюллетенем», воскликнул:

— Дослужился!.. За тридцать два года верной и беспорочной службы...

— Да говори ты толком, в чем дело?..

— Не дело, а тьфу!.. Повышение получил, вот что! В почталионы попал!

— Шутишь, отец!..

— Плохие шутки! Вот... циркуляр... кольцевые почты выдумали. Изволь сумку на плечо да мужикам письма по деревням развозить... Селифант Дормидонтович!.. Позвольте вам письмецо в собственные руки вручить... Это мне-то, при моем чине, им-то, сиволапым!..

Жена, вытирая мокрые руки о фартук, присела на кончик стула.

— Что же теперь будет?..

Чиновник, излив первый гнев, усмехнулся.

— А вот что будет! — И он, сложив пальцы, сунул ими в лицо озабоченной супруге.

— Ты чего ж это кукишем тычешься?!

— Не тебе этот кукиш, дуреха, а им, чтобы им пусто было! — И старый чиновник ткнул кукишем в «Бюллетень». — Кольцевая почта? С большим моим удовольствием! Вечером посижу, на бумаге таких им колец накручу, что любо-дорого! «Всемерно стараясь о приближении почты к беднейшему крестьянскому населению, мною организовано... та-та-та, та-та-та, столько-то сел, столько деревень... Повышение обмена... пятое-десятое»... Не впервой такие отчеты мне писать! Кривая вывезет, не робей!..

Вечером того же дня, когда с горы срывался звон церковного колокола, старый чиновник — неизменный церковный

староста — стоял у своего свечного ящика и с улыбкой, которая давно не посещала его лицо, продавал свечи.

— Слава в вышних богу и на земле мир, в человецех благоволение...

ПОРТРЕТ ТРЕТИЙ

Не вывезла кривая... Беспокойно стало в мире, и исчезло в человеках благоволение... Откуда-то ветром принесло ревизию, вывела она на чистую воду бумажного кольцевика, и он получил «отставку». Мундир он, впрочем, ухитрился сохранить в старом ясеневом шкафу, как последнее воспоминание о былом величии...

А в почтовом окошечке появился новый портрет.

Это было почти «чудо обновления»: так странно было видеть старожилам в старой рамке новое, молодое, почти безусое, энергичное, приветливое, веселое лицо. Окошко всегда было раскрыто настежь. Но «портрет» редко виднелся в раме.

Молодой связист бурей носился по всему помещению, вычищая «нечисть». Проветрил комнаты, снял паутину с углов. Извлек из-под стекла хранимое стариком как реликвию объявление о «неприсутственных днях»: «тезоименитствах», рождениях и смерти «августейших особ» и церковных праздниках... Не пощадил новый связист и образа Николая-чудотворца, хмуро смотревшего с угла на всю эту возню. Стены запестрели портретами революционных вождей, плакатами о книгах, сберкассах, кооперации... Скоро и снаружи здание стало неузнаваемо. Появились почтово-телеграфные рекламы и объявления. Новенький почтовый ящик сверкал на солнце желтизной свежей окраски.

Старый чиновник с недоброжелательным любопытством тайно следил за кипучей работой своего молодого заместителя.

— Хорошо поет, где-то сядет!..

А этот, неугомонный, казалось, был из той сказочной породы птиц, которая и совсем никогда не сидит. Раздав и приняв почту местных жителей, он уже летел в исполком «насчет лошадей для кольцевой почты» или на собрание в соседнее село — все о той же возке почт хлопотать.

— Так ему и дали лошадей!.. Держи карман, — ворчал старик.

А получить их было действительно нелегко. Исполкомовская касса звенела парою грошей. Крестьяне жались...

— Пользы мы от кольцевой почты не видали, а выходит, как бы повинность новая...

Но молодой непоседа не сдавался. Неудачи только подливали масла в огонь его неукротимой подвижности. Он надоедал исполкомовцам, ругался с ними, смешил острым словцом и постепенно раскачивал свое «кольцо».

Выпросил хомут, достал сбрую, сладил дело с лошадьми, нашел старую таратайку без кузова.

— Плевать, и так доеду!..

Пристроил старую исполкомовскую дверь, сложил почтовые пожитки и тронулся в путь.

Так, не на бумаге, выехала первая кольцевая почта.

Ветер волнами по морю ржи разливается. Широко раскинулись поля черноземные...

— Выйду, выйду в рожь высокую, — заливается молодой связист. — Эй, Митрич! Куда плетешься? — останавливает он крестьянина, шагающего босиком по пыльной дороге.

— На пошту, писемцо от сына жду! Здоровьте!

— Здорово, Митрич! Вертай назад, почта сама к тебе едет! Вот подожди, сейчас разберу!.. Получай письмо от сына! — И кольцевик вручает удивленному и обрадованному крестьянину письмо.

— Чудеса!.. — говорит крестьянин, держа в мозолистой руке дорогое письмо, и долго смотрит вслед удаляющейся таратайке.

А кольцевик уже подъезжает к Выселкам. В амбаре у весов он видит крестьянина.

— Здорово, Иван Григорьевич! На почту есть что сдавать? Давай — приму!

— Посылочка есть... Да как ее сдашь? Вешать надо?

— За чем дело стало? У весов стоишь! Неси посылку-то!

— Да как же так — не на поште?..

— Я и есть почта! Видишь, к тебе сама почта приехала! Пошевеливайся!

Крестьянин бежит за посылкой и возвращается, окружен-

ный ребятами. С крыльца выглядывают женщины, интересуясь невиданным зрелищем: почтой в собственном амбаре.

— Ну, получай квитанцию! — И связист спешит дальше.

Вот он посредине села.

Босоногие мальчишки уже успели разнести весть, и из хат выходят крестьяне и окружают кольцевика.

Оригинальный экипаж сам по себе послужил ему рекламой.

— Что-то карета твоя того... не способная?.. — качали головами крестьяне.

— А вы поспособствуйте, — отзывался веселый почтарь и тут же начинал «агитировать» за кольцевую почту.

Слушали мужики. Не то чтобы очень верили, а лица становились светлее. Уж очень чудной и занятный парнишка... На чем ни приехал, а почту привез прямо в хату, можно сказать, газеты роздал, новости рассказал, про налоги, да про новые законы по земельной части разузнать и ответ привезти обещал. Виданное ли это дело?..

Еще несколько поездок — и лед был сломан. Зашевелилась, зашумела деревня.

И через месяц молодой связист уже лихо прокатил в новой таратайке, на сытой лошадке мимо усадьбы старого чиновника.

Еще и песню поет!

Он поет, а скоро и про него петь стали:

Частушки выдумали про Васю-комсомольца:

Ходит почта колесом,
Звенит колокольчиком,
Сяду рядом с ямщиком,
С Васей-комсомольчиком.

Сяду рядом, гляну глядом
И помчусь на станцию,
Сдал папашенька налог
Васе на квитанцию.

И ведь что за неуемный такой: придет с кольца — нет, чтобы отдохнуть, прямо на собрание. И опять шумит, горит и других разжигает. Одна забота — время-то, время-то мало...

— Веришь ли, с ног сбился! — говорил он товарищу, возвращаясь в двенадцатом часу ночи с заседания волъячейки. — Я — член волисполкома, секретарь межсоюзного группового волостного профсоюзного комитета, секретарь ячейки, о-ва ОДВФ, Доброхима, уполномоченный по волости от Соцстраха, общественный обвинитель при нарсуде 5-го участка, член ревизионной комиссии при кооперативной организации... всего и не упомню. Вот приду домой, засяду за работу. Надо подготовиться к завтрашнему объезду кольца... Крестьяне забрасывают вопросами, ответа ждут... Засидишься до вторых петухов, а чуть забрезжит — в дорогу... Отчего я один, отчего меня не много?..

Такова сказка наших дней о портрете, который выскочил из своей рамы — из рамок старой формалистики — и убежал на село.

И можно лишь высказать сожаление вместе с молодым связистом:

— Отчего «его» не много?..

Это — первые ласточки.

Но молодые силы идут из толщи деревенской жизни. Идут и придут на смену старых, отживших, косных «портретов».

СТРАХ[1]

I

— На огород идешь?

— На огород. Хочу покопать картошку. Как бы мороз не стукнул. Ты здесь без меня справишься.

Заведующий почтовым отделением Ефимий Венедиктович Пилецкий надел барашковую шапку и старенькую тужурку на вате, сохранявшую еще синие, поблекшие канты и несколько «серебряных» пуговиц почтово-телеграфного ведомства.

Марьям Викентьевна, его жена, служившая телеграфисткой в этом же отделении, сухонькая, суетливая женщина лет

[1] Темою настоящего рассказа послужило действительное происшествие, имевшее место в одном из п.-т. предприятий Белоруссии в августе 1925 г.

тридцати, просто, но чистенько одетая, подошла к мужу и тронула его за руку.

— Не ходи, Фима...

Пилецкий добродушно усмехнулся в седеющие усы.

— Трусишь? Уж не бандитов ли боишься? Не беспокойся. К нам они не сделают визита. Знают, что у нас не разживутся.

— Не смейся, Фима... Жутко мне. Дня не проходит, чтобы они не напали на кого-нибудь в окрестностях.

— Глупости. На мелкую дичь они не охотятся. Да я долго и не буду — засветло вернусь.

И Пилецкий, взяв суковатую палку, вышел из дома.

Утро было сумрачное. Серая завеса мелкого осеннего дождя затянула дали.

Почтовое отделение помещалось в доме бывшей почтовой станции. Длинное, приземистое белое здание с непомерно высокими, остроконечными, готическими окнами и такой же дверью. Эти здания, как две капли воды похожие друг на друга, отстроенные еще в пятидесятых годах прошлого столетия, стоят по нашим шоссейным дорогам угрюмыми памятниками старины.

Большой двор с обветшалыми конюшнями и сараями обнесен высокой каменной стеною, охранявшей когда-то почтовых лошадей.

Два шоссе пересекают у самой станции друг друга. Несколько десятков лет тому назад здесь трусили рысцою почтовые лошаденки, звеня колокольчиками. И усталый путник зорко всматривался в сужающуюся ленту шоссе, ища во мгле наступающего вечера белое здание, где ожидали его приют и отдых...

На смену троек пришел неуклюжий, но неутомимый автобус; с мерным пыхтением проносится он мимо старенького здания, в котором жалобно позванивают стекла, и скрывается вдали, издавая рев, неслыханный в этих глухих, заброшенных местах...

Галки и вороны в испуге снимаются с мокрых, сырых кочек и тянут к лесу... А леса здесь кругом... Топкие, поросшие мохом, непроходимые леса Белоруссии, где привольно чувствуют себя только волк да лихой человек...

Пилецкий сдвинул барашковую шапку, застегнул свою старенькую тужурку на две металлических и три костяных пуговицы и зашагал по шоссе.

Оно спускалось вниз и потом круто поднималось вверх. Наверху, в двух верстах, стояла ближайшая деревушка. А ближе, в полуверсте от нее, находился огородик Пилецкого.

Ефимий Венедиктович спустился в низину. Гиблое место для автобусов.

Несмотря на ремонты, шоссе постоянно портилось от подпочвенных вод, которые вспучивали настил дороги и выступали лужами.

Кругом — лес.

Это — излюбленное место для нападений бандитских шаек на автобусы. Довольно бросить бревно поперек дороги, и — стоп...

— Руки вверх!..

И пассажиры предоставляли свои карманы и чемоданы в распоряжение грабителей.

Жуткое место.

И Пилецкий невольно ускорил шаг.

Кругом, однако, стояла необычайная тишина.

Пилецкий поднялся вверх и вздохнул с облегчением, увидев свой огород и крестьянина, копавшегося на соседнем участке.

— Здорово, Спиридон!

— Веденикторичу наше почтение.

«Веденикторич» — так звали Пилецкого, изменив его трудное для произношения отчество. Спиридон, грамотный крестьянин, долго живший в Москве, был председателем сельсовета.

— Что нового, Спиридон?

— Плохие новости.

— А что, все бандиты шалят?

— Да уж какие шалости?.. Третьего дня, слышь, пароход на Соже ограбили...

— Пароход? Как же они туда попали?

— Как — обыкновенно. Сели как пассажиры. А отошел пароход версты две — «руки вверх!..» кричат.

— Сколько же их было?

— Всего и было человек пять, а пароход начисто ограбили, к берегу пристать велели. Сами пассажиры своими руками свои же чемоданчики им на берег сложили... и поминай как звали.

— Иванов?

— Все он...

— Да откуда он взялся? Кто такой?

— Говорят, будто полковник бывший. Из Польши перешел... Ну, и наши балуются... Семка-косой — знаете?..

— Как не знать.

— Непутевый парень. Андрон с Могильцев, Костецкий...

— Чего же вы на них не донесете? Ведь и вас они обижают?

Спиридон оставил копать картошку и посмотрел на Пилецкого.

— Как не обижать?! У кого телку на прокорм стащат, у кого лошадь... Да донесешь-то как? У них ружья, револьверы... расправа короткая... Пока начальство наедет, без головы останешься. Кому охота...

Наступали ранние сумерки. Пилецкий расправил затекшие члены, распростился со Спиридоном и отправился в обратный путь.

В лощине сумерки были гуще. Пилецкий не сразу заметил двух незнакомцев, сидевших на куче щебня. Один из них поднялся и подошел к Пилецкому.

— Что за человек? А, почтарь!

Пилецкий вздрогнул. Перед ним стоял Семка-косой, уставив свой зрячий глаз. На другом глазу Семки было огромное бельмо, выпиравшие из зрачка, как горошина.

«Семка-косой... Бандиты...» — мелькнула у Пилецкого мысль, и холодок пробежал от спины к затылку, шевельнув корни волос.

— Ты, слышь, — ни гу-гу, что видал нас, если не хочешь дать дубу[1]. Понимаешь?

Пилецкий поспешно кивнул головой.

— Ну, то-то. Проходи.

[1] Быть убитым.

— Надо будет проверить, как он живет, — услышал Пилецкий за собой голос Семки. Потом Семка свистнул, и Пилецкий услышал удаляющиеся шаги бандитов.

II

Жена ждала к обеду, но Пилецкому не шел кусок в горло.

— Придут... ограбят... убьют... — думал он.

Встав из-за стола, Пилецкий решительно подошел к телеграфному аппарату и телеграфировал в ближайший город, в районную милицию, о высылке отряда для поимки бандитов.

— Дело плохо, — сказал он жене, — гостей можно ждать каждую минуту, а милиция раньше завтрашнего дня не приедет...

— А что, если они перехватят телеграмму? Говорят, они это делают... Убьют ведь...

— И то обещали, — не удержался Пилецкий. — Да все равно один конец: если придут, ограбят кассу — тоже не помилуют...

И они сидели молча, глядя на телеграфный аппарат с таким видом, будто он накликал на них несчастье... Но дело было сделано. Оставалось выжидать событий...

III

В густой темноте осенней ночи, под моросящим холодным дождем отряд вооруженных людей медленно, осторожно подходил к зданию почтового отделения.

Звякнуло дуло винтовки.

— Тише вы, черти, — раздался заглушенный голос.

— Тут, кажется... Ну, что, Митька, трусишь?

— Ох, — послышался вздох.

— Ничего. Обтерпишься. Пороху понюхаешь — привыкнешь.

— А где они, бандиты-то? Там? — И Митька протянул руку к зданию.

— Все может быть. Ты только не трусь. В случае чего пали — и никаких. Лучше ты его, чем он тебя. Так-то. Пали — и никаких, потому — полное право.

— Тише, вы. Разболтались...

IV

Пилецкому не спалось. Он с вечера зарядил ружье, приготовил патроны и, не раздеваясь, прилег на кровати. Сердце колотилось, и шумело в ушах. Он прислушивался к каждому звуку... Вот — шорох, и у него холодело в груди. Идут. Нет, это мышь скребет под полом... В коридоре что-то трещит...

— Фима, стучат, — слышит он испуганный шепот жены.

Его, как пружиной, подбросило. Да, да, стучат. И стучат так, что разбудят мертвого... Он хватает дрожащими руками ружье и набивает патроны в карманы.

— Ты вот что, — обращается он к жене, а зубы выбивают нервную дрожь, — ты не открывай... скажи — дома нет... А я по лестнице на чердак... Тебя не тронут... Ты ни при чем... Поищут — уйдут... А полезут ко мне — дешево не отдамся...

В дверь колотили прикладами, и удары гулко отдавались в длинном коридоре, идущем от двери и разделявшем дом на две половины.

Пилецкий быстро взобрался по лестнице на чердак, через отверстие в потолке коридора. Звенели стекла окон...

— Дома нет!.. Нет дома!.. — надрываясь, кричала жена.

— Отворяй, если и дома нет! Кого прячете? Стрелять будем!..

Послышался выстрел. С треском кто-то выломал раму, и в комнату, через окно, пролез человек и, пыхтя, открыл двери. В коридор ввалилась толпа.

Дальше все было как в кошмаре... Треск оконной рамы, звон разбитых стекол, крики жены... выстрелы... шепот... голоса в темноте... И вот кто-то поднимается к нему по лестнице.

— Не лезь! Убью! — диким голосом кричит Пилецкий. — Всех перестреляю, последняя пуля себе!..

Но лестница дрожит под чьими-то ногами, и вот какое-то пятно замаячило в четырехугольнике отверстия...

Стиснув зубы, Пилецкий нажимает курок...

Выстрел... Вспыхнувший огонь освещает чью-то голову, но она тотчас скрывается в отверстии. С глухим стуком падает чье-то тело.

Внизу крики...

— Убил... Слезай... Милиция... — слышит он отдельные голоса...

Опять кто-то лезет...

— Не лезь, — кричит Пилецкий и снова стреляет...

Отчаянный стон... И опять взрыв криков внизу.

Среди шума он узнает как будто голос старика-сторожа, Вонифатия...

— Это я... — и лестница опять дрожит.

— Убью, — кричит обезумевший Пилецкий, и в третий раз огненная полоса прорезывает тьму. Опять чей-то стон.

Но голоса утихают. О чем-то сговариваются, удаляются, и Пилецкий слышит пыхтенье отъезжающего автомобиля.

— Откуда автомобиль? — пролетает мысль в затуманенном мозгу Пилецкого. — Может быть, милиция подоспела вовремя?.. Только едва ли.

В отделении вспыхивает огонек. Пилецкий судорожно сжимает похолодевшими руками винтовку.

Вот автомобиль возвращается. Кто-то вошел...

— Слазь, Веденикtович, — слышит он знакомый голос Спиридона. — Беда случилась... Милиция тебя защищать приехала... А ты с перепугу начальника того... уложил, милиционера ранил и — сторожа своего... Слазь, Веденикtович, не бойся... Вот тебе мое слово — ничего не будет.

Кто-то внес лампу в коридор, и Пилецкий увидел отряд милиционеров...

Бросив винтовку, он молча стал спускаться по лестнице...

V

Серое, осеннее утро осветило печальную картину. На полу коридора лежал убитый, рядом стонали раненые. Вещи в отделении и комнатке Пилецкого были перевернуты, мебель

опрокинута. Стекла в окнах выбиты. Штукатурка на потолке и стенах местами обвалилась от выстрелов, произведенных с улицы.

Спиридон сидел на ступеньках крыльца и, крутя цигарку, спрашивал милиционера:

— Как же это так случилось? Вы-то чего дуроломом валили?

Милиционер вздохнул:

— Дуроломом? Не знаешь ты нашего дела — что значит на облавы ходить, бандитов ловить. Из-за каждого угла тебя подстрелить могут... Разве тут рассуждаешь? Сам как в бреду. А бандиты очень просто могли у Пилецкого остановиться. Припугнут «маузером» — не выдавай, мол, и конец...

Ведь и у вас в деревне они ночевали?

— Это верно...

— Ну, вот... А нас не пускали... Почему такое? Значит, неспроста...

— Вот дела-то... — вздохнул в свою очередь Спиридон. — Страх-то что делает.

Пилецкого арестовали, но скоро выпустили — он был признан невиновным. На кладбище прибавилась свежая могила...

СРЕДИ ОДИЧАВШИХ КОНЕЙ

Необычайные приключения подпольщика

Во время Гражданской войны Крым неоднократно переходил из рук в руки. Впервые Советская власть была установлена в Крыму 14 января 1918 года. Через три месяца, под напором немецких оккупационных войск, Советская власть принуждена была отступить на Кубань. Власть перешла в руки ставленника немецкого командования — царского генерала Сулькевича. В конце 1918 года его сменило правительство кадета Соломона Крыма. Весной 1918 года, под напором красных войск, «правительство» Соломона Крыма погрузилось на пароход и эмигрировало за границу. В Крыму власть вновь перешла к Советам. Однако в июне 1919 го-

да, благодаря десанту Слащева и открытию Махно Донецкого участка красного фронта, Советское правительство принуждено было оставить Крым. Окончательно Крым был закреплен за Советской властью в конце 1920 года: 12 ноября этого года, после героического штурма Перекопских позиций, передовые отряды буденновской кавалерии вступили в Крым, вынудив остатки разгромленной белогвардейской армии бежать на пароходах за границу...

Действие рассказа А. Беляева относится к лету 1919 года — после захвата Крыма белыми в июне.

I. ПРИПАДОК МАЛЯРИИ

— Что нового, Вилли Улла? — спросил Бойко, поворачивая исхудавшее, бледное лицо.

Хозяин дома только что вернулся из города. Он поставил в угол корзину, снял барашковую круглую шапку, вытер со лба и шеи пот и снова надел шапку. Он был чем-то взволнован, но старался не показывать этого.

— Что нового? Ничего нового. Лежи. Поправляйся, — ответил он и опять снял шапку. На этот раз он помял ее в руках и повесил на гвоздь у двери.

Бойко продолжал внимательно следить за ним.

— Ты что-то скрываешь, Вилли Улла? Я вижу... Дай мне пить.

— Пей, пожалуйста, — татарин протянул Бойко медный кувшин с узким горлышком.

Бойко напился и закрыл глаза.

— Как все это нелепо, — тихо сказал он, не открывая глаза.

Бойко был прислан сюда из Симферополя как агитатор. Но по приезде, в вечер первого же дня, его свалил с ног сильный приступ тропической малярии, захваченной на Кавказе. Несколько дней он провалялся без сознания. Теперь ему было лучше, но от времени до времени припадки повторялись. Он был так слаб, что не мог поднять голову. Вилли Улла ухаживал за ним, как умел: поил ключевой водой и кормил жирной бараниной.

В тот момент, когда Бойко уезжал из Симферополя, настроение было тревожное. Поговаривали о возможности эвакуации, так как Красная армия стягивалась на наиболее опасный участок фронта Гражданской войны. Бойко страшно волновался, как бы эта эвакуация не произошла в тот момент, когда он валяется здесь, в горной татарской деревне, и эти волнения только ухудшали течение болезни. Вилли Улла, не желая еще больше волновать больного, не говорил ему о том, что происходит в городе, куда он ходил на базар. Однако скрывать правду скоро стало невозможно. В тот день, когда Бойко поднялся с разложенного на полу войлочного коврика, он решительно заявил, что идет в город.

— Куда идешь? — уговаривал его Вилли Улла. — Голова не держишь, ноги не идут.

Но Бойко упорно твердил:

— Дойду.

Вилли Улла вздохнул, почмокал неодобрительно губами и сказал:

— Нельзя туда итти. Красных нет, белые в Крыму. Мулла рад. Мемет Ресул рад. Мемет проводник был. Баринь катал. Деньги большой имел. Опять катать хочет. А бедный не рад. Опять аренда Мемету плати. Оч-чень нехорошо!

«Белые пришли!»

У Бойко от этих слов закружилась голова, и он опустился на войлочный коврик. Совершилось то, чего он так опасался.

Вилли Улла опустился рядом с ним на пол и начал утешать:

— Ничего, поживешь у меня. Тут тебя никто не тронет. Белые уйдут, опять большевики придут, тогда пойдешь.

Бойко остался жить у Вилли Улла. Поправлялся он медленно. Бездействие тяготило его. Постоянная мысль об опасности томила, как хроническая болезнь. Из осторожности он почти не выходил из дома. Сидел на небольшой веранде, укрывавшей от горячих лучей южного солнца, и смотрел на каменистую дорогу, спускавшуюся капризными извивами. Эта дорога была для него запретной. Внизу синело море. Пахло горными травами. Но его не радовало южное солнце, он даже как будто не замечал его.

Однажды вечером он сидел у порога хижины и бездумно смотрел на кучевые облака, принимавшие вид фантастических замков, освещенных розовыми лучами заходящего солнца. Эти замки как будто стояли на сизых от тени, грозных скалах. И скалы и замки меняли свои очертания и окраску... Вот пошатнулась башня, расползлась вширь и стала похожей на летящую птицу... Вот замок из розового превратился в синий и начал медленно оседать...

— Послушай, товарищ!

Бойко вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял Вилли Улла. Он был чем-то взволнован и не скрывал этого.

— Плохо дело, — сказал он. — На тебя донесли. Я знаю, кто это сделал. Мемет Ресул это сделал. Мало ему своих виноградников, он мой отнять хочет. Шашла[1] у меня такая — во всей деревне нет. А ему неприятно. Меня в тюрьму хочет за то, что большевика скрываю, а виноградник себе забрать хочет. — Вилли Улла высоко поднял и округлил свои черные, густые брови, отчего лицо его сделалось наивно-хитрым. — Откуда я знаю, что ты большевик? Ты мой гость и больной человек. Мне ничего не будет. А тебе неприятность может быть...

Бойко поднялся и взволнованно потер руки.

— Я могу уйти, — сказал он. — Я уже и сам решил это.

— Хорошо, ты уйдешь, только не сейчас, — ответил Вилли Улла. — Далеко не уйдешь, ноги слабы, а они едут, скоро здесь будут.

— Кто они?

— Офицер и два солдата, я все знаю, пусть Мемет Ресул не думает, что он умней всех в деревне.

— Что же делать? — невольно спросил Бойко.

— Иди сюда, — сказал Вилли Улла, приглашая Бойко следовать за собой.

Татарин привел Бойко в свой виноградник и, указывая на кучу обрезков виноградной лозы, сказал:

— Ложись, я тебя закопаю. Тут полежишь, а потом пойдешь, если хочешь.

---

[1] Сорт винограда.

Они вдвоем разгребли кучу, Бойко улегся, а Вилли Улла набросал на него обрезки лоз.

— Лежи, не шевелись, — и он ушел поджидать гостей.

Ожидать пришлось недолго. Скоро Бойко услышал стук лошадиных копыт по каменистой дороге. Подъехали к дому, остановились.

— Ну и дорога у вас, черт ногу сломит, — услышал Бойко незнакомый голос.

— Зачем черт, и лошадь сломит, — отвечал голос Вилли Улла, — плохой дорога.

— Тут у тебя живет один человек, где он? — спросил первый голос.

— Один человек? Он уже не живет. Выздоровел и ушел. А зачем он нужен? Может, он бандит?

— Большевик, — ответил первый голос.

Вилли Улла удивленно пощелкал языком.

— Разве узнаешь, кто он?! Пришел больной, просит...

— Врет он все. Все в деревне знают, что это большевик! — вдруг вмешался новый голос.

«Мемет Ресул!» — решил Бойко.

— Обыскать дом!

Заскрипели седла, зацокали копыта лошадей, перебиравших ногами, — всадники, очевидно, спешились и вошли в дом.

Через некоторое время из дома послышались громкие крики. Вилли Улла и Мемут Ресул о чем-то спорили и бранились меж собой.

Потом все вышли из дома, и офицер — как решил Бойко — сказал:

— Вилли Улла, ты пойдешь с нами.

Вилли Улла неопределенно чмокнул губами.

Всадники сели на коней и начали спускаться по каменистой дороге. Голоса и шум копыт понемногу затихли вдали.

«Бедный Вилли Улла, он арестован», — подумал Бойко.

Из осторожности Бойко решил не покидать своего убежища до наступления темноты. Время тянулось медленно. Незаметно для себя Бойко уснул.

Вдруг он почувствовал, что кто-то осторожно разгребает кучу.

— Кто здесь? — громко спросонок крикнул Бойко.

— Тише, — услышал он голос Вилли Улла. — Это я. Вылезай. Теперь никто не увидит.

— Тебе удалось бежать? — спросил Бойко.

— Зачем бежать, сам ушел. Пуд табаку обещал офицеру. Хороший табак, американ. Он отпустил. Виноградник больше стоит, чем пуд табаку. Теперь тебе нельзя оставаться здесь. Иди. Только в город не ходи и по дороге не ходи. Везде солдаты с ружьями стоят. Вот так иди, — и Вилли Улла показал рукою на восток. — Там лес, большой лес. Там не найдут...

— Спасибо, Вилли Улла, спасибо за все, — сказал сердечно Бойко, протягивая татарину руку.

— Ничего. Хорошо. Спасибо. Прощай... Подожди, я сейчас!

Вилли Улла бросился к дому и вернулся оттуда с небольшим мешком.

— Вот, возьми. Брынза[1] тут, лепешки. Кушай.

Бойко простился с гостеприимным хозяином и побрел меж виноградников к черной громаде леса, видневшейся в горах на востоке.

II. ПЕЩЕРНЫЙ ЖИТЕЛЬ

Лес шумел. Ветер налетал порывами, трепал густые, темно-зеленые вершины буков и спешил к высоким северным соснам, росшим на скалистых утесах, и сосны, как будто в испуге, отшатывались от него. А ветер уже мчался дальше, срывался с утеса воздушным водопадом, разливаясь между татарскими деревушками, виноградниками и одинокими белыми дачами.

Сизая туча прикрыла еще не зашедшее за яйлу[2] солнце. Оттуда — со стороны тучи — от времени до времени доноси-

[1] Овечий сыр.

[2] Яйла — значит «летнее пастбище». Местные жители, живущие в горах, так называют только вершинную площадь крымской горной цепи, где пасутся летом стада овец и лошадей. Но, кроме такого нарицательного значения, слово «яйла» употребляется и как собственное имя Таврической горной цепи.

лись глухие раскаты грома. Приближалась гроза. Среди зарослей орешника испуганно пробежал заяц, спеша к своей норе. С тревожным карканьем пролетела стая ворон. Все живое спешило укрыться от непогоды.

Низко опустив голову и выдвинув плечи вперед, один только Бойко шел навстречу ветру и буре — дальше, как можно дальше от жилья, от этих уютных белых дач, красиво опоясавших берег моря. Чем глуше лес, угрюмее скалы, тем в большей безопасности он себя чувствовал. И только когда первые крупные капли дождя, пробившегося сквозь густую листву, упали ему на шею, Бойко подумал о том, что и ему пора позаботиться о защите от непогоды.

Он шел по косогору, поросшему густым буковым лесом. По левую сторону был отлогий спуск вниз. Справа громоздились уступами скалы, покрытые сосной и можжевельником. Сваленные бурей деревья и обросшие мхом огромные камни иногда преграждали ему путь.

Дождь все усиливался. Сухие русла горных речек ожили. Вода быстро наполняла их, бурлила у каменных преград и шумела мелкими камешками. Бойко с трудом перебрался через узкий, но глубокий ручей, прошел под проливным дождем лесную поляну и остановился перед бушующим потоком. Нечего было и думать перейти его. Камни и обломки деревьев как будто варились в этой кипящей массе, бешено вертелись и с грохотом низвергались вниз.

Бойко постоял в раздумье у потока и пошел обратно. Синие молнии сгущали тьму леса. Гром грохотал беспрерывно — над самой головой. При свете молнии Бойко увидел, что небольшой ручей, который он только что перешел, также превратился в бушующий поток. Путь был отрезан. На поляне, где он стоял, не было даже густых деревьев, под ветвями которых он мог бы укрыться. И Бойко решил подняться вверх, к отвесным скалам, надеясь найти уступ, под которым можно было бы найти приют. Камни и потоки воды затрудняли путь. Цепляясь за кустарник, он поднялся на небольшую площадку, дождался, когда сверкнет молния, и увидел в ее трепещущем свете большую расщелину в скале. Он побежал к ней и, нагнувшись, вошел в пещеру.

Здесь было совершенно темно, но тепло и сухо.

— Прекрасно, — сказал вслух Бойко. — Лучшего ничего нельзя и ожидать.

— Кто здесь? — вдруг послышался голос из тьмы.

Даже неожиданное рычанье зверя не взволновало бы так Бойко, как эта заговорившая вдруг человеческим голосом темнота. Быть может, болезнь еще не оставила его, он промок, его лихорадит и он снова бредит?..

В глубине пещеры зашевелилось, и кто-то опять спросил, возвышая голос:

— Кто там?

Нет, он не бредит. Это — живой человеческий голос. Пещера обитаема. Быть может, здесь поселился такой же скиталец... Но кто он? Друг или враг? И как ответить на его вопрос, чтобы не выдать себя?

— Кто там, черт побери? — в третий раз, уже сердито произнес голос неизвестного.

— Я, — ответил Бойко.

Послышался короткий смех.

— Ну, теперь все ясно, — сказал насмешливо невидимый обитатель пещеры. — Если это вы, то входите, будете гостем. Вероятно, насквозь промокли? Сейчас зажгу огонь. Обсушитесь.

— Благодарю.

В углу пещеры послышалось шуршанье, потом шаги — пещера, очевидно, была довольно глубокая.

В смехе незнакомца не было ничего угрожающего, но нервы Бойко были напряжены — и он, услышав приближающиеся шаги, опустил руку в карман, где у него лежал револьвер, и отступил в сторону, чтобы его силуэт не был виден на фоне расщелины, служившей входом в пещеру. Некто подошел и чиркнул спичкой. Вспыхнувшее пламя осветило бородатое, как будто заспанное лицо человека. Налетевший порыв ветра погасил спичку. Незнакомец тихо, но энергично выругался.

— Спичек мало осталось, — сказал он, — и я зажигаю их редко.

Разгорелся костер, и Бойко, не вынимая руку из кармана, осмотрел пещеру. Она шла метров на пятнадцать вглубь,

постепенно суживаясь. В самом широком месте пещера имела десять метров ширины и пять высоты.

Она, видимо, не была случайным приютом: у правой стены, в небольшой выемке, находилась кровать, сделанная из сучьев, покрытая мхом и сухими листьями. Серый, изорванный кусок материи — быть может, остатки шинели — служил одеялом. У изголовья кровати стояла винтовка. Старый шомпол был воткнут в расщелину скалы над костром. На шомполе висел солдатский котелок. Обитатель пещеры, несомненно, имел отношение к армии. Но какой армии: красной или белой? Был ли он, так же, как Бойко, случайно оторван от своих и отсиживался здесь в ожидании перемены, бежал ли с фронта, как дезертир, или, быть может, это был просто бандит, выходивший из своих лесов в смутные дни безвластья, чтобы пограбить, и, как зверь, скрывавшийся в свою нору, когда власть — для него все равно какая — восстанавливала порядок?..

Бойко пытался разрешить этот вопрос, изучая внешность хозяина пещеры.

У него было грубоватое, обросшее рыжей бородой лицо, сонные, небольшие глаза. Не по плечам узкая рубаха неопределенного цвета и широкие татарские штаны свидетельствовали о том, что этому человеку, вольно или невольно, не раз приходилось менять костюм. Ноги пещерного жителя были босы. Если сбрить эту бороду, оставить усы, то такое лицо можно встретить среди старых армейских капитанов. Но в настоящем виде его можно было принять за какого-нибудь рязанского мужика.

Осматривая неизвестного, Бойко несколько раз поймал и его скользящий, испытующий взгляд. И Бойко невольно осмотрел себя. Но на нем был также мало говорящий «сборный» костюм: старенький френч, черные брюки до колен, обмотки и тяжелые солдатские «танки».

— Раздевайтесь. Сейчас я чай приготовлю, — сказал хозяин пещеры, — дождь утихает. — И он вышел из пещеры, чтобы зачерпнуть воды в котелок.

Бойко быстро разделся, развесил одежду у костра, вынул из кармана френча револьвер и уселся на землю, положив револьвер рядом с собой, под сухие ветки.

Вернувшись, неизвестный молча повесил котелок над огнем и уселся, поджав под себя ноги, иногда поправляя сучья в костре.

Рядом с костром лежала груда сухого хвороста. Неизвестный запустил руку в хворост и начал шарить, бросая исподлобья испытующие взгляды на Бойко. И Бойко вновь насторожился. Быть может, хозяин пещеры предложил ему раздеться только для того, чтобы обезоружить? Но Бойко не так-то легко поймать в ловушку. И, следя через пламя костра за каждым движением неизвестного, Бойко провел себе рукой по голой груди, боку, бедру, — как будто растирая их, — опустил руку до земли, нащупал холодную рукоятку револьвера и перевел рычажок на «огонь». Неизвестный запускал свою руку в груду хвороста все глубже, что-то пробурчал, пошарил, вынул небольшую жестяную коробку и поставил ее возле себя. Успокоенный, Бойко сделал рукою массаж в обратном направлении и положил руку на колено.

Оба молчали. Каждый из них понимал, что от этих первых моментов зависит многое. Если они узнают, что один из них красный, а другой белый, то что останется им делать? Броситься друг на друга, или разойтись в разные стороны, или же, наконец, заключить перемирие? Может быть, это было бы разумнее всего: они поставлены в такие условия, когда приходится вести борьбу с природой.

И Бойко уже хотел бросить эту игру в жмурки, но одна мысль остановила его. Что будет дальше, когда они узнают, с кем имеют дело? Одинокие люди любят поговорить. У каждого накопилось много злобы против врага. И если они враги — их разговор неминуемо, рано иль поздно, перейдет в смертельную схватку. Инстинкт самосохранения противился этому. Хотелось хоть вот этот вечер провести спокойно у костра, обсушиться, выпить горячего чая... «Неужели у этого пещерного жителя есть даже чай?» — думал Бойко.

— Чай хоть не китайский, — сказал неизвестный, как бы угадав мысль Бойко, — но пить можно. Тут всякая петрушка: душистые травы, кизил. — Он взял жестяную коробку, засыпал чаю в котелок и вдруг, повернувшись к Бойко, сказал: — Послушайте, вот что. Меня зовите просто Петр. А вас как

прикажете звать? Надо же нам как-нибудь называть друг друга, если нас свел случай.

— А меня зовите Иван, — отвечал, улыбаясь, Бойко. Он понял, что пещерный житель также не спешит оформить положение.

— Ну вот и прекрасно. — И человек, назвавшийся Петром, бросил в котелок крупинку сахарина. — Вот и чай готов. Стакана вам предложить не могу. Придется воспользоваться вот этой банкой из-под консервов. — И «Петр» подал «Ивану» горячую жестяную банку.

— А я могу предложить вам лепешек, — сказал Бойко, вынимая из мешка мокрые от дождя лепешки.

Бойко с удовольствием тянул пряно пахнувшую, сладкогорькую жидкость.

— Правда, хорошо? Вроде чая с кофеем! Только сливок не хватает.

Покончив с чаем, Петр по-мужицки вытер усы тыльной частью кисти руки. «Нет, офицер так не вытрет губы, — подумал Бойко, — или он одичал в своей пещере, или... а может быть, это уловка?»

Петр подошел к кровати, вытащил из-под нее старые татарские чувяки, надел их на босу ногу, взял винтовку и сказал:

— Ну, я пошел. Вы можете спать на моей кровати. До утра я не вернусь. У меня, знаете, такая привычка: днем спать, а ночью бродить. — Заметив взгляд Бойко, скользнувший по винтовке, Петр добавил:

— Может, какую-нибудь спящую птицу подстрелю. У меня глаз зоркий. Спокойной ночи. — И Петр вышел.

«Хищный зверь выходит на добычу ночью, — подумал Бойко и подошел к выходу из пещеры. — Переночую, и завтра в путь», — решил он.

III. НОЧНОЕ ВИДЕНЬЕ

От догоравшего костра тянуло дымом. И этот запах смешивался с запахом ночной сырости освеженного дождем леса. Гроза прошла. Обрывки туч, как отставшие отряды великой армии, быстро летели над лесом. Полная луна ныряла

между туч. Далеко внизу серебрилось море. У самого горизонта чернел силуэт парохода. Отсюда он казался маленьким, как игрушка. Но эта игрушка имела три трубы, оставлявшие позади себя длинную полосу черного дыма, и, вероятно, была хорошо вооружена.

«Военный корабль», — подумал Бойко. И его вдруг потянуло из этого тихого леса, зачарованного луной и ночными шорохами, туда, где дышит бурей великая борьба... «Рыбаком, монахом, чертом, дьяволом, а проберусь к своим», — думал Бойко, вспоминая товарищей.

Где-то далеко прозвучал выстрел. «Вероятно, Петр охотится. Кого подстрелил он? Птицу, горную козу или, быть может, человека? Что удерживает его здесь, в лесу, если он белый? Или он еще не знает?..»

Думы Бойко неожиданно были прерваны шумом, раздавшимся слева от пещеры. Скоро ухо Бойко уловило лошадиный топот и ржанье. Сучья трещали в лесу, как будто сюда на поляну несся отряд конницы. Бойко с недоумением поднялся и устремил взгляд в чащу леса, откуда слышался приближающийся топот. Что за непостижимая вещь? Может быть, он в самом деле еще лежит в доме татарина и бредит, и все это: встреча с пещерным жителем, и этот корабль на горизонте, и звук несущейся конницы — только бред?..

Еще минута — и вдруг Бойко увидел коня, выбегавшего из чащи. Он хромал на правую переднюю ногу и, тем не менее, мчался, как будто за ним гналась стая волков. Без узды, со сбившимся набок седлом, задрав голову и оскалив зубы, ослепительно сверкнувшие на лунном свете, он перепрыгнул через ручей, добежал до середины поляны, протяжно заржал, круто повернул налево, спустился по отлогой поляне и скрылся в лесу. Вслед за ним на поляну выбежало еще несколько коней. Большинство из них не имело никакой упряжи, несколько коней было оседлано, у иных осталась одна подпруга. Они заржали в ответ удалявшемуся вожаку, сделали такой же крутой поворот и скрылись внизу. Все это длилось не больше нескольких секунд. Шум удалявшегося табуна постепенно утихал.

Бойко пощупал свою голову. Не сходит ли он с ума? Он не знал, что подумать. Как будто здесь, недалеко от него,

произошло кровавое сражение... Но почему не уцелело ни одного всадника? И почему он не слыхал выстрелов?.. Только один. Но что означал он? Бойко вдруг почувствовал необыкновенную слабость. Ноги его дрожали, как будто он только что поднялся после болезни. Он повалился на постель и забылся тревожным сном.

Иногда ему чудилось далекое ржанье, и он вздрагивал. Хромой конь, казалось, скалил зубы и уже не ржал, а хохотал ему в лицо...

В ужасе вскочил он и вот — бежит по степи, а рыжий жеребец преследует его, нагоняет, дышит в затылок горячим дыханием... На кургане виднеется группа людей. Их фигуры четко выделяются на фоне неба... Буденовки, похожие издали на старинные русские шлемы, придают стоящим на кургане людям вид древних витязей... Только бы добежать до них!.. Конь куда-то исчез... Вот он среди своих...

— Где ты пропадал? — строго спрашивает его политрук Качурин. Брови у Качурина сердито нахмурены, а в глазах веселые искорки прыгают — рад, что вернулся товарищ. Ванюша-Питерец, в прошлом — токарь по металлу, а теперь лихой кавалерист-разведчик, закадычный друг Бойко, тычет ему под ребра кулаком и, смеясь, горланит:

Эх, яблочко,
Куды котисся,
К офицерам попадешь,
Не воротисся...

— А ведь вернулся!

Смеется и Бойко. Радостно ему так, что даже дыханье захватывает.

— Товарищи, — говорит он прерывающимся от волнения голосом и протягивает руку Качурину. А у Качурина — рыжая лошадиная морда смеется опененным оскалом длинных белых зубов и смотрит на Бойко большим, круглым, скошенным, кровавым глазом:

— Попался!

Бойко издает протяжный стон и ворочается на постели пещерного жителя...

Только когда первый луч солнца зажег уступ пещеры, Бойко забылся наконец крепким сном.

IV. ПЕЩЕРНЫЙ ЖИТЕЛЬ В ОСАДЕ

Солнце уже стояло высоко, когда Бойко проснулся. Он вышел из пещеры и с удовольствием вдохнул свежий утренний воздух. От бурных потоков не осталось и следа. В обмелевшем русле струились небольшие ручьи. Синицы порхали в кустах можжевельника. Дятел деловито долбил ствол старой сосны. Солнце золотило поляну и наполняло яркими пятнами буковый лес. Ночные страхи Бойко исчезли, как бушевавшие потоки. Он пошел вправо, вдоль отвесных скал, беззаботно насвистывая, перешел небольшой перелесок, вышел на новую поляну и вдруг остановился в изумлении.

Посреди поляны стоял небольшой табун коней. Животные мирно щипали траву, помахивая хвостами. Некоторые кони стояли парами и дремали, положив головы друг другу на спину. Это, очевидно, был тот же табун, который минувшей ночью пробежал по поляне. Бойко узнал хромого вожака — красивого жеребца рыжей масти, с крутым выгибом шеи и сильно развитыми мускулами ляжек. Его грациозные, несмотря на поврежденную ногу, движения и нервные, трепещущие ноздри говорили о хорошей крови. Недалеко от рыжего красавца стояла черная кобылица с белыми ногами.

«Донская», — решил Бойко. Возле кобылицы стоял небольшой жеребенок-сосунок. Несколько низкорослых коней могли принадлежать к местной крымской породе.

«Странное сборище», — подумал Бойко. Было ясно лишь одно — все эти кони принадлежали кавалерийским частям. Об этом свидетельствовали сохранившиеся на некоторых из них седла. Кони терлись о деревья и пытались сорвать зубами седла — этот символ их порабощения человеком.

Бойко тихо стоял в зарослях можжевельника, наблюдая эту картину.

Вдруг рыжий жеребец начал поводить ушами, как будто к чему-то прислушиваясь, и потянул воздух расширенными ноздрями. Широкая грудь его напружилась. Он был необычайно красив в эту минуту. Откинув голову еще больше назад, он сильно, протяжно, призывно заржал. И, как по военному сигналу, бросился вперед — в атаку. Весь табун стремительно последовал за ним.

В первое мгновение Бойко подумал, что коней испугал кто-то, находившийся позади них. Но рыжий жеребец бежал прямо на Бойко, с пеной у рта и налившимися кровью глазами. Бойко, охваченный ужасом, бросился назад. Он слышал за спиной приближающийся топот копыт. Прыгая через камни и стволы поваленных бурей деревьев, Бойко бежал к пещере. Миновал перелесок, перепрыгнул через русло горной речки и упал под откос у входа в пещеру. Кони настигали его. Бойко на четвереньках вполз в пещеру, едва успев подобрать ноги от лошадиных копыт. Рыжий жеребец с такой стремительностью преследовал его, что с разгону ударился грудью о выступ скалы, пошатнулся и захрипел. Оправившись, он сделал попытку войти в пещеру. Он мотал головой, стараясь просунуть ее. Ему удалось это, но плечи не входили в расщелину. Бойко видел перед собой скошенный, большой, круглый, налитый кровью глаз и покрытую пеной морду с оскаленными зубами. Этот большой, умный, пылающий гневом глаз был страшен! Конь хрипел и, опершись на больную ногу, пытался правою проникнуть в пещеру как можно дальше и ударить человека. Но Бойко, бледный и задыхающийся, стоял в трех шагах от входа. Конь бил копытом каменистую почву, выбивая искры, и злобно взвизгивал. Бойко никогда не слыхал такого странного лошадиного визга. За рыжим жеребцом, в нетерпеливом ожидании, толпились другие кони. И Бойко чувствовал всем своим существом, что их наполняет звериная злоба. Да, это уже не были привычные домашние животные! Это были дикие звери, враждебные человеку. Они как будто мстили ему за тысячелетия рабства, за безропотный труд, молчаливые страдания и незаслуженные обиды.

Почувствовав себя в безопасности и несколько успокоившись, Бойко опустился на землю. Сквозь расщелину входа он видел лошадиные ноги, бившие каменистую почву. Удары ног становились все реже. По-видимому, и кони поняли, что враг недоступен. Рыжий жеребец вынул голову, повернулся задом, лягнул несколько раз и отошел. Однако табун не уходил.

«Долго ли они будут меня держать в осаде?» — думал Бойко. Его мучили голод и жажда. Бойко осмотрел пещеру.

У костра, на уступе скалы, он нашел пару сухарей. В котелке осталось несколько капель «чая». На этот раз он показался Бойко отвратительным, но выбора не было. Бойко позавтракал и, утомленный, уснул.

И опять — полубред-полусон. Ему снились боевые товарищи, походная жизнь, с ее неожиданностями, тягостью неудач и радостью побед.

— Получен приказ готовиться к наступлению, — говорит Качурин. — Надо прикончить это осиное гнездо в Крыму. — И Бойко чувствует, как в его груди поднимается знакомая волна радости от этого бодрого слова «наступление»!..

Когда он проснулся, был уже вечер. Сон взволновал Бойко. В самом деле, может быть, там, на севере, готовится наступление, а он сидит тут, как пещерный житель, — и ведет нелепую войну с лошадьми. И он решил покинуть пещеру, как только кони снимут осаду, и пробираться на север.

Бойко выглянул из пещеры, в надежде что табун ушел. Но враги по-прежнему находились вблизи. Надо было принимать какие-то меры.

«И куда это запропастился Петр? У него хоть винтовка была, — думал Бойко. — Чем бы отогнать коней?» Ему пришла мысль: зажечь костер и бросать в лошадей горящими сучьями. Он нашел спички, но хвороста не было.

Бойко решил сжечь кровать. Он разложил костер и начал бомбардировать коней горящими сучьями. Это помогло. Кони сердито храпели и отходили все дальше. Путь был очищен...

Подождав немного, Бойко уже хотел покинуть пещеру, как вдруг услыхал шум над головой. Откуда-то сверху скатился человек с ружьем. Это был Петр.

— Вот это вы хорошо придумали, — сказал он. — Проклятые животные! Они совершенно одичали...

Достав из сумки сухари, Петр начал грызть их крепкими зубами с жадностью здорового, сильно проголодавшегося человека, не переставая в то же время говорить.

— При каждой эвакуации часть лошадей оставалась брошенной на произвол судьбы. Они уходили в леса и здесь быстро дичали.

— Но почему они нападают на людей? — спросил Бойко. — Мне приходилось слышать, что дикие лошади очень боязливы и убегают при виде человека.

Петр, прищурив глаз, с трудом откусил большой кусок сухаря.

— В этом уж сами люди виноваты. Видите ли, какая штука. Татары вначале ловили одичавших лошадей и оставляли у себя. Но и наши и...

Бойко насторожился. Неужели Петр сейчас проговорится, к какой армии он принадлежит? Он сказал «наши и...». Скажет ли он теперь «красные» или «белые»?

Но Петр, очевидно, спохватился. Он начал сильно кашлять, как будто крошка попала ему в горло, и потом сказал:

— Наши и враги, вступая в Крым, само собой разумеется, начинали с реквизиции военных лошадей, захваченных населением. Тогда татары — да и русские тоже — начали попросту убивать лошадей в лесу. Шкуру продавали, а мясо ели.

«Очевидно, Петр немало прожил в лесу, — подумал Бойко. — Что же удерживает его здесь?»

— Так создался в Крыму новый промысел, — продолжал Петр, — охота на одичавших лошадей. Да, грешен и я в этом. Днем охотиться на них невозможно. Чуткость этих животных удивительна. Не успеешь подойти с ружьем — вожак заржет — и табуна как не бывало. Только ветки затрещат в лесу. Поэтому я охотился больше ночью, когда лошади дремлют. И то надо подходить с подветренной стороны и следить, где стоит сторожевой. У него всегда голова поднята и ушки на макушке.

Покончив с сухарями и отхлебнув из котелка, Петр продолжал, вытирая по привычке нависшие усы:

— Однажды я подстрелил жеребенка. Кобылица, а вслед за нею и весь табун бросились на меня. Мне пришлось спасаться на дереве. Табун продержал меня в осаде двое суток. И ведь умные животные! Они ходили на водопой по очереди, а меня чуть не уморили голодной смертью. Да и уморили бы, если б на мое счастье случайно не пришли в лес охотники-татары. Испугавшись целого отряда людей, лошади убежали.

— А вас не тронули эти охотники? — не удержался от вопроса Бойко, интересуясь узнать, какие отношения у Петра с местными жителями.

Петр погладил свои усы и, улыбнувшись, сказал:

— Меня? Зачем я им? За мою шкуру много не дадут. Да они меня и не видали. Я сидел в ветвях дерева... С этого самого жеребенка, может, и началась эта лошадиная война. Лошади начали бросаться на людей. А у меня с ними с тех пор прямо не на жизнь, а на смерть борьба идет. Ходи, да оглядывайся. Из-за них я даже хотел бросить эту пещеру, да жалко, уж очень удобная квартира. И хуже всех рыжий жеребец. Сегодня ночью я подстрелил, кажется, этого рыжего черта. Но пока я не убью его, я не могу быть спокоен.

— Почему вас не было так долго? — спросил Бойко.

— А потому и не было. Кони стерегли. Они хорошо знают мою квартиру. Ожидал, когда уйдут подальше на новое пастбище. Устал, как собака. Эх, и кровати нет! Ну, ничего, поспим и так. Завтра я не я буду, если не уложу рыжего. Спокойной ночи. — И Петр, растянувшись на земле, уснул.

V. МЕСТЬ ОДИЧАВШИХ КОНЕЙ

Утром, попив чаю и позавтракав сухарями, Петр сказал:

— К обеду будем есть конину. Сдерем шкуру и продадим татарам. — Взяв винтовку, Петр вышел из пещеры.

— Вы далеко не ходите, — сказал он Бойко. — Я уже знаю все их повадки.

Он пошел вдоль опушки леса вниз по поляне. Бойко следил за ним, стоя недалеко от пещеры.

— Вон он, рыжий дьявол! — крикнул Петр.

Бойко еще ничего не видел, но услышал знакомое тревожное ржанье. Скоро на поляну вышел рыжий жеребец, сопровождаемый табуном. Петр, отделившись от группы деревьев, смело пошел ему навстречу. Кони на этот раз приближались к врагу-человеку ровной рысью. Но, несмотря на это спокойствие, казалось, обе стороны сознавали, что настал час решительной битвы.

Петр с прежним хладнокровием подпустил врага, нацелил в грудь рыжего жеребца и спустил курок. Но ружье дало осечку. Прежде чем Петр успел выбросить патрон, весь та-

бун, вслед за рыжим жеребцом, перешел с рыси на бешеный карьер. Петр бросился к деревьям, но черная донская кобылица уже отрезала ему путь отступления. Еще мгновение — и Петр оказался окруженным лошадьми.

Они хватали его зубами и взвивались на дыбы, стараясь копытами размозжить голову. Петр увертывался от ударов и бил лошадей прикладом. Скоро его винтовка была выбита из рук. Ухватив за гриву черную кобылицу, Петр одним прыжком вскочил к ней на спину и начал изо всех сил бить ее пятками в бока, надеясь, что она вынесет его из табуна. Лошадь взвивалась штопором, пыталась ухватить всадника зубами, падала на колени, но Петр был, очевидно, опытным наездником, знавшим фокусы своенравной лошади. Несмотря на все ее ухищрения, не переставая руками и ногами отбиваться, он еще держался.

Без мундштука и шпор Петр не мог заставить кобылицу вынести его из табуна. Однако сами кони помогли ему в этом. Они вздымались над кобылицей и, желая ударить Петра, больно били копытами в спину и бока кобылицы. Она захрипела под этими ударами и бросилась бежать по поляне, преследуемая табуном. Петр бил лошадь кулаками по глазам, пытаясь повернуть ее к опушке леса, где он мог ухватиться за сучья деревьев. Избегая сыпавшихся на нее ударов копыт, она сделала полукруг по поляне, приблизившись к месту, где стоял Бойко.

На мгновение глаза Бойко встретились с потемневшими глазами Петра. В этом мимолетном взгляде расширенных глаз Петра Бойко почудился упрек. В самом деле, почему Бойко не приходит ему на помощь? Он просто не успел опомниться, так неожиданно развернулась эта смертельная схватка. Бойко выхватил из кармана револьвер и, не думая о том, что оставшиеся четыре пули он хранил на случай самозащиты, — бросился наперерез и выпустил весь заряд. Один конь, раненный пулей в живот, взвизгнул и поднялся на дыбы, другой упал на всем ходу, перевернулся через голову, тяжко поднялся, упал на передние ноги, опять поднялся и, шатаясь, с протяжным хрипом отошел в сторону, как раненый воин, выбывший из строя.

Табун круто повернул направо и помчался к опушке...

Вот они летят над густыми буками. Петр протягивает руки, но они не достают до ветвей. Петр приподнимается, он уже стоит на спине обезумевшей лошади и хватается за ветви крайнего дерева. Ветвь под тяжестью тела опускается... Петр подтягивается на руках и поджимает ноги, чтобы избежать ударов копыт.

Низкорослая, лохматая лошадь ухватила Петра зубами за ногу и, присев на задние ноги, тащила на землю. В то же мгновение рыжий жеребец, поднявшись на дыбы, ударил Петра копытом в спину. Петр упал. Он судорожно передернулся еще несколько раз на земле, но борьба была уже окончена. Десятки копыт топтали его тело.

Все это произошло с необычайной быстротой. Бойко стоял, окаменев от ужаса.

Как будто насладившись местью, рыжий жеребец шумно вздохнул сквозь широко раскрытые ноздри, поднял голову, издал призывное ржанье и крупной рысью поскакал к лесу, стряхивая с морды окровавленную пену. За ним последовали другие кони.

VI. НАХОДКА В ПЕЩЕРЕ

— Погиб! — тихо произнес Бойко.

Подавленный ужасом виденного, он вернулся в пещеру. Ему тяжело было оставаться здесь. Бойко вновь неудержимо потянуло к привычным опасностям революционной жизни. Но перед уходом ему все же хотелось разрешить вопрос, кто был этот смельчак и хороший наездник, так трагически погибший. Бойко решил тщательно осмотреть пещеру.

К своему удивлению, он заметил, что пещера не замыкается скалой, а имеет узкий проход. Он взял спички, зажег лучины и проник через этот проход в другую пещеру, больших размеров.

Здесь, по-видимому, была тайная кладовая пещерного жителя. В углу лежал мешок с сухарями и две коробки сахарина. На полу валялись жестянки из-под консервов, два старых мешка и изорванная чадра. Бойко, окончив осмотр, уже направился к выходу, как вдруг в расщелине скалы он заметил старую газетную бумагу. Он вынес находку на свет, раз-

вернул газету и нашел в ней небольшое, простенькое колечко с бирюзой и сложенный вчетверо лист плотной, синеватой бумаги.

Это было письмо, адресованное французским комиссаром в Крыму одному из белогвардейских генералов. К письму была приложена пачка документов, написанных на французском языке. А на обратной стороне письма была полустертая надпись, сделанная карандашом рукой полуграмотного или больного человека. Буквы прыгали и как бы валились в сторону. А может быть, их писал человек, сидя на седле едущей лошади? «Пе-ред-ать... в шта... Крас... ар...».

— Недурная находка, — пробормотал Бойко, усмехаясь, и глаза его заблестели. — Ради этого стоило задержаться в Крыму! Немало франков дали бы французы за то, чтобы получить обратно эти бумаги, если уж они не дошли по назначению... Интересно, сколько рук прошел этот пакет и кто сделал карандашную надпись? Так вот какую драгоценность, вместе с колечком, хранил Петр в своей пещере!..

Положив в карман находку, Бойко вышел из пещеры, оглянулся еще раз на кровавое пятно и начал бодро карабкаться по склонам горы...

Туда, на север, к своим — во что бы то ни стало!

ВЕРХОМ НА ВЕТРЕ

— Пощады! Пощады! Пожалейте детей, не делайте сиротами! Пощады! Пощады!..

Эти бабы испортили всю торжественность церемонии. Как они прорвались через цепь солдат? Генерал-капитан Буэнос-Айреса, диктатор Розас, нахмурился. Его рыжий английский скакун нервно перебирал ногами — детский и женский крик действовал на нервы лошади гораздо сильнее, чем на нервы седока. Женщины окружили лошадь, кричали «Пощады!» и протягивали к Розасу плачущих младенцев. Но «человек железа и крови», как звали его, не знал жалости. На его бритом лице с большим носом и бачками на щеках не выражалось ничего, кроме досады на случайное нарушение порядка.

Высокомерный, гордый, в мундире с высоким воротником и в шляпе с плюмажем, он сидел на лошади так неподвижно, что его можно было принять за статую. Наконец крики ему надоели. Не поднимая руки от поводов, он приподнял указательный палец и сказал тихо, но внятно:

— Уберите женщин!

Адъютант отдал приказ офицерам, офицеры — солдатам, солдаты нехотя начали отгонять плачущих женщин. Площадь очистилась. Прямо перед Розасом виднелись пятьдесят столбов в рост человека с привязанными к ним полураздетыми солдатами. По левую и правую стороны от него стояли войска. Посреди площади, между Розасом и столбами, лицом к привязанным людям — цепь стрелков с ружьями наготове. За столбами виднелась груда человеческих тел. Розас производил суд над пойманными дезертирами армии. Заодно расстреливались и личные враги Розаса. Сегодня был большой день. С утра над площадью висела дымовая завеса, которую не мог развеять даже довольно сильный ветер, и слышались залпы. То диктатор Розас правил страной.

Когда вопли женщин и детей замолкли вдали, Розас махнул платком. Сухой треск выстрелов прокатился над площадью, и еще один ряд привязанных к столбам полураздетых солдат склонил головы.

Внезапно наступило затишье. Вероятно, Санта-Анна, кавалерист, стоящий невдалеке от Розаса в строю, не ожидал этой паузы, и его голос довольно явственно прозвучал в зловещей тишине:

— Гнусный палач!..

Мускулы лица Розаса чуть-чуть дрогнули. Он тронул повод. Лошадь — подарок одного скотопромышленника, недавно вернувшегося из Англии, легко перебирая ногами, приблизилась к лошади Санта-Анны. Розас впился в глаза кавалериста своими черными глазами, как бы желая пронзить его насквозь, потом тем же спокойным, несильным, но довольно внятным голосом сказал:

— Или я ослышался? Повтори, что ты сказал!

Лицо Санта-Анны побледнело, а грудь высоко поднялась, как будто он опустился в холодную воду. Тысячи глаз смотрели на него с любопытством и страхом. Санта-Анна

молчал. Улыбка скользнула по губам Розаса. Презрительная улыбка была той искрой, которая подожгла в душе Санта-Анны пороховую бочку испанского самолюбия и гордости. Он поднял голову и, не спуская глаз с Розаса, отчетливо сказал:

— Сеньор генерал-капитан! Я сказал, что ваша милость — гнусный палач!

— Хить! — В воздухе раздался короткий возглас Розаса, похожий на свист хлыста, рассекающего воздух. В то же мгновение лошадь диктатора, вздернутая сильной рукой, поднялась на дыбы. Задние ноги ее плясали, а передними она махала в воздухе. Лошадь двинулась на Санта-Анну, как будто вызывая его на партию бокса. Лошадь кавалериста также поднялась на дыбы, но не пошла навстречу английскому скакуну, а, сделав поворот на месте в девяносто градусов, поскакала прочь. И она, конечно, вынесла бы своего седока на простор пампас так же, как не раз выносила его из гущи сражения, если бы чьи-то руки не ухватились за плечи Санта-Анны. Он был сдернут с седла, а лошадь, едва не перевернувшись навзничь, поплясала на задних ногах и умчалась за линию войск.

Четыре солдата повисли на руках Санта-Анны, который стоял не сопротивляясь. Розас хмурился. Он был недоволен, что не сдержал гнева и унизил себя до того, что бросился на солдата. За это он возненавидел Санта-Анну еще больше.

— Расстрелять! — сказал он небрежно и посмотрел на тени на земле. Затем он вынул великолепный золотой брегет и самодовольно улыбнулся. Недаром в детстве он жил среди гаучо: он безошибочно определял время по тени. Стрелки часов показывали ровно двенадцать. Пора обедать. Розас вставал очень рано, обедал в полдень и потом предавался в самое жаркое время сиесте. И он повернул лошадь по направлению к городу. Казнь может совершаться и без него.

— Ну что же ты? Марш к столбам! — приказал офицер.

Санта-Анне нечего было терять. Он ухмыльнулся и дерзко ответил:

— Я всегда привык видеть начальство впереди. Идите вы, если вам нравится, а я за вами.

— Это бунт? — взвизгнул офицер и приподнял хлыст.

— Идем, товарищ, от смерти не убежишь! — сказал солдат, дергая за руку Санта-Анну, но тот упирался на каждом шагу. И вот, когда они были уже всего в двадцати шагах от столбов, случилось нечто, чего никто не ожидал. Откуда-то вихрем налетела лошадь Санта-Анны и со всего размаху боком ударилась в группу солдат, тащивших его хозяина. Это был мастерский удар, которому она научилась в то время, когда Санта-Анна не был еще солдатом, а батрачил у одного из помещиков. У гаучо была любимая, довольно жестокая забава: когда клеймили скот каленым железом и обезумевший от боли бык бросался в степь, считалось лихим молодечеством догнать его на скакуне и свалить с ног ударом груди лошади поперек туловища. И вот теперь лошадь Санта-Анны очевидно решила, что с ее хозяином хотят проделать нечто скверное, — более скверное, чем клеймение железом. Недаром он упирался и не хотел идти. Недаром эта площадь пропахла кровью, как поле сражения. Да, лошадь Санта-Анны видала виды и понимала своего хозяина без слов.

Удар получился на редкость удачный. Все солдаты полетели вверх тормашками. Правда, вместе с ними упал и Санта-Анна. Но он-то скорее всех понял, в чем дело. Его лошадь уже стояла как вкопанная, ожидая своего хозяина, а он не заставил себя ждать. И прежде, чем первый из упавших солдат поднялся с земли, Санта-Анна уже скакал далеко-далеко, распевая песню.

— Вперед! За ним! В погоню! — кричал офицер, но солдаты только безнадежно отмахивались руками.

— Как вы смеете не слушаться меня? Что это — заговор, военный бунт? — сердился офицер.

— Не горячитесь, сеньор, — ответил старый кавалерист. — Гнаться за Санта-Анной безнадежно. Ведь Санта-Анна улетел верхом на ветре!

— Что ты сочиняешь, осел? Он ускакал на обыкновенной лошади.

— Я утверждаю, сеньор, что он улетел верхом на ветре. Это необыкновенная лошадь. Такой, может быть, никогда не было и уж, наверно, не будет в пампасах. Ведь ее так и зовут: Эль-Виэнто (Ветер). Разве можно догнать ветер?

— Но я приказываю вам! Марш без рассуждений, хотя бы

Санта-Анна оседлал черта! Если он не будет доставлен сегодня же к тому времени, как сеньор генерал-капитан поднимется после сиесты, то вы потеряете свои головы. Марш!

Несколько солдат, уныло тряхнув головой, поскакали следом за Санта-Анной. Они кричали, понукали своих лошадей, били их хлыстами. Но и для офицера было ясно, что лошадь Санта-Анны превосходит всех лошадей в быстроте. «Однако, что теперь будет, если они не догонят беглеца? — думал офицер, страшась гнева диктатора. — Может быть, он забудет?.. А если он не забудет... Была не была! Скажу, что Санта-Анна расстрелян».

Розас не забыл. В тот же вечер он спросил адъютанта, а адъютант — офицера, расстрелян ли дерзкий солдат Санта-Анна.

— Расс...стрелян, — ответил офицер, читая в душе молитву и прося Иисуса и Марию, чтобы его обман не всплыл наружу.

* * *

А Санта-Анна в это время уже несся по необъятной степи. Он родился и вырос в пампасах. Ездить верхом он научился чуть ли не раньше, чем ходить. Он не мог представить себе жизни без лошади. Недаром у него были кривые ноги, как у всех гаучо. Его ноги были вторыми «задними руками», которые умели крепко обнимать бока лошади. Он и лошадь как бы составляли одно существо, подобное кентавру. Когда он сходил с лошади, то сразу становился беспомощным, как инвалид, снявший артистически сделанные протезы ног. Он не мог и не любил ходить пешком. Дома, когда он занимался хозяйством, он иногда садился на лошадь, чтобы привезти бочку, стоящую в ста шагах, и вообще много делал такого, что казалось бы, гораздо удобнее делать пешему. Лошадь была его крылатыми ногами, притом умными ногами. Когда он сидел в седле, ему можно было ни о чем не думать или думать обо всем, совершенно не заботясь о дороге.

Как хорошо скакать на добром коне по степи, когда она покрыта высокой травой — выше головы всадника! Здесь нет ни гор, ни озер, ни лесов. Степь, беспредельная степь, на-

стоящее море травы, колыхающееся, как волны под дыханием ветра. И какая изумительная тишина! Пампасы молчаливы. Даже птицы здесь почти не поют и только иногда мелодично перекликаются. Ветер все время поет тихо и ритмично в травах и ковыле, как эолова арфа. Летишь вперед, все вперед, и кажется, будто в самом деле ты оседлал ветер. А иногда кажется, что всадник и лошадь стоят на месте, а земля несется с бешеной скоростью навстречу, и чтобы не умчаться назад вместе с землею, лошадь должна все время перебирать ногами — отбиваться от летящей под копыта земли. Но приятнее думать о том, что ты как ветер несешься поверх травы. Нет больше ничего, кроме сияющего неба над головой, кроме душистого ветра, обдувающего лицо и треплющего полы темно-оранжевого плаща — пончо, кроме травы и лошади под тобой. Никаких Розасов, диктаторов, крови. Нет утомительных походов на патагонцев, нет стонов раненых, нет воплей детей, матерей и жен...

Виэнто нельзя назвать красавцем. Голова у него довольно большая, уши еще больше. Сочленения толстоваты, хотя и общие пропорции правильны. И у него нет никакого щегольства. Когда он идет своей будничной походкой, он часто опускает голову и волочит ноги. И никто не сможет сказать, глядя на его невзрачную внешность, какая неистощимая энергия заключена в этом теле.

Нет ничего легче, чем управлять этой лошадью. Ее шея — самый чувствительный гальванометр. Довольно малейшего прикосновения пальцем к шее, как лошадь изменяет аллюр, поворачивает в сторону, неподвижно каменеет на месте или даже ложится на землю. Да, она беспрекословно слушается пальца хозяина, но только до тех пор пока... пока хозяин не ошибается. Санта-Анна никогда не заставляет лошадь поступать против ее воли. Ему не нужен хлыст, не нужны и шпоры. Для них обоих высшее наслаждение в жизни — мчаться вперед по беспредельной степи. И пока все благополучно — пускай хозяин играет на шее лошади, как виртуоз на музыкальном инструменте, извлекая тончайшие оттенки музыки движения. Но в решительные минуты Виэнто сам знает, что делать. Вот и сегодня. Кто подсказал ему выкинуть такую веселую штуку, которая спасла жизнь хозяину?

Санта-Анна усмехается и треплет лошадь по шее. Виэнто отвечает помахиванием хвоста и прядет ушами. Приятно чувствовать знакомую тяжесть тела любимого хозяина на своей спине. Вдвоем они умнее и сильнее. Он дает человеку свои быстрые ноги и острые чувства. А чувства у него острее не только человеческих, но и чувств его европейских собратьев. У тех конюшня притупила остроту обоняния и слуха. А у Виэнто? — Он может слышать за несколько километров.

Однако куда он несет Санта-Анну? К бедной деревушке, к землянке — «ранчо», в которой живет жена Санта-Анны. Не опасно ли теперь возвращаться домой? А впрочем — Виэнто прав. Кому же придет в голову, что приговоренный к смерти, беглец, дезертир поедет к себе домой, как во время отпуска?..

Виэнто примчал Санта-Анну прямо к землянке и остановился как вкопанный. Несколько часов без передышки бешеного карьера. И ничего! Только бока немного подвело.

Жена бросилась к Санта-Анне, но он довольно резко остановил ее, проговорив всего:

— Давай скорее мешок лепешек и мяса! За мною погоня!

Жена не испугалась, не заплакала. Она привыкла к печальным неожиданностям жизни. Через три минуты она подала ему мешок с кукурузными лепешками, домашним сыром и жестким жареным мясом. Санта-Анна, не слезая с лошади, подхватил с земли трехлетнего сынишку, выбежавшего из землянки, поднял, опустил на землю, потрепал по плечу жену и, положив мешок на седло позади себя, крикнул, уже отъезжая:

— Если заедут солдаты, скажи, ты не видала меня.

* * *

И опять беспрерывная степь и мягкое колыхание в седле. Санта-Анна едва заметно притрагивается к шее лошади, и та останавливается. Он становится во весь рост на седле и, прикрыв глаза ладонью от лучей солнца, смотрит назад, в беспредельную даль. Заходящее солнце золотит его бронзовое от загара и примеси индейской крови лицо. Зоркие глаза

впиваются в линию горизонта. Но там ничего подозрительного. Ни одной точки, похожей на всадника.

Солнце погасло, погасло небо, зажглись звезды. Где-то в болотце заквакали, застонали голосистые лягушки. Степной ветер утих. Ветер-Виэнто также замедлил свой полет. Пора было подумать о ночлеге. Санта-Анна мог преспокойно уснуть, сидя на лошади. Даже мертвый, он не выпал бы из седла. Он видал не раз, как лошади вывозили с поля сражения убитых гаучо. Они так и застывали в седле, и их нелегко было снять с лошади. Санта-Анна мог спать в седле, как в колыбели. Но Виэнто нуждался в отдыхе, пище и питье. Сегодня для него выпал тяжелый день. Ночью можно не опасаться погони.

— Стой, Виэнто! Довольно покатались, — сказал Санта-Анна, и лошадь тотчас остановилась. Он неохотно спустился на землю и сразу почувствовал себя инвалидом на обрубках-ногах. Седло снимать было опасно, и Санта-Анна только ослабил подпруги и пустил лошадь пастись. Она найдет лужу или ручей, чтобы напиться, хотя бы вода была за несколько километров. Для этого Виэнто достаточно только потянуть воздух широко раскрытыми ноздрями. А травы хоть отбавляй.

— Отдыхай, Виэнто! — Санта-Анна съел лепешку и, сняв через голову плащ, разложил его на траве и растянулся. И он сразу уснул крепким сном здорового человека, который проскакал весь день. Нервы его были в порядке, и мысль о том, что за ним гонится смерть, не мешала ему храпеть во всю силу легких.

Он не мог определить, долго ли спал. Проснулся он оттого, что почувствовал, как кто-то вытягивает из-под него плащ. А ему хотелось еще поспать! Но Санта-Анна умел так же быстро просыпаться, как и засыпать. Открыв глаза, он увидел, что небо чуть-чуть побледнело на востоке, над ним стоит Виэнто и нетерпеливо теребит плащ. Потом Виэнто, чтобы скорее разбудить хозяина, начал толкать его мордой в бок.

— Что ты, Виэнто? — спросил Санта-Анна, приподымаясь.

Лошадь многозначительно фыркнула. Санта-Анна понял, что Виэнто разбудил его неспроста. В то время, как он

отдыхал, Виэнто зорко следил за горизонтом. Его уши и ноздри работали лихорадочно. И как только лошадь услышала далекий топот копыт и людской и лошадиный запах, она подбежала к своему хозяину и разбудила его. Может быть, то гаучо перегоняли табуны коней. Но лошадь знала, что время опасное и что надо быть ко всему готовым. Не прошло минуты, как Санта-Анна подтянул подпруги, вскочил на лошадь и встал во весь рост на седле. Да, его верный друг не ошибся. Кто-то скакал сюда. Это было похоже на погоню. Санта-Анна уселся в седло, и в тот же момент, не ожидая приказания, Виэнто рванулся вперед.

Виэнто успел отдохнуть и теперь бежал с такою же бодростью, как и вчера. Можно было подумать, что он переживает и волнуется гораздо больше своего хозяина. То, что происходило, было так понятно. Двуногие звери, оседлав четвероногих, гнались по пятам, и надо было спасать свою жизнь. Правда, солдаты преследовали Санта-Анну, а не Виэнто, но лошадь не отделяла себя от хозяина.

Восток розовел, и скоро взошло солнце, а с ним настал жаркий сияющий день. Эолова арфа натянула свои струны — ветер запел в траве однообразную, но мелодичную песнь. Засвистало в ушах Санта-Анны. Земля уходила назад. Скакун поднимал ноги, чтобы пропускать ее под себя и отбрасывать назад вместе с преследователями. Скорее, скорее! Неподвижность и бешеная быстрота слились воедино. Санта-Анна застыл, как статуя, развязав все силы и всю сообразительность своей лошади. Теперь она руководила им.

Минуты текли за минутами, часы за часами. Где-то прозвучал далекий выстрел. С каждым часом расстояние между Виэнто и преследователями увеличивалось. Нет, не догнать! Разве можно догнать ветер?..

Санта-Анна касается пальцем шеи лошади. Она замирает на месте. Тогда он становится на свою живую вышку и смотрит. Никого не видно. Горизонт скрыл преследователей. Можно передохнуть Виэнто. Но лошадь не соглашается. Нет, нет, рано. Опасность еще не миновала. Вперед, вперед!.. шумит в ушах ветер, поет в ковыле. Бежит степная трава из-под ног лошади и уносит преследователей все дальше и дальше...

* * *

Санта-Анна определил по солнцу, что Виэнто, сделав огромный полукруг, направляется к Буэнос-Айресу. Это неплохое средство сбить преследователей со следа. Время от времени они встречали на своем пути стада коров и табуны лошадей. Изредка попадались конные пастухи-гаучо. Виэнто не убегал от них и не выражал никакого волнения. Он знал, кто враг.

Однако преследователи были не так уж глупы. Недаром вся жизнь гаучо проходит в беспрерывной погоне и розысках умчавшихся в степь лошадей. И Санта-Анна, привстав на седле, неожиданно увидел вправо от себя всадника, мчавшегося ему наперерез. Он тронул шею Виэнто. Лошадь насторожилась, потянула ноздрями воздух, почуяла врагов и круто повернула налево. Но и там виднелись над высокой травой человеческие головы. Оставалось лететь вперед, по прямой, чтобы обогнать преследователей, прежде чем они выедут на линию бега Виэнто.

Лошадь не надо было подгонять. Казалось, что до сих пор она мчалась с предельной скоростью. Но то был только ветерок по сравнению с ураганом, который поднялся, когда Виэнто увидал врагов, наседающих с двух сторон. «Ветер двенадцать баллов», как сказал бы моряк. Да, Виэнто несся со скоростью шторма, пригнув голову к земле, чтобы легче было дышать и разрезать встречный ветер. Все свои силы, все внимание он бросил на то, чтобы развить максимальную скорость, на какую только были способны его железные мускулы.

Неожиданно он увидел перед собой невысокую стену, сложенную из необожженных земляных кирпичей. Объезжать ее не было времени — сзади наседали преследователи. И Виэнто, вытянувшись в струну, красивым движением перескочил стену.

Санта-Анна даже крякнул от удивления. Эта стена как будто отделяла однообразную степь от какого-то заколдованного замка, утопавшего в чудесном саду. «Замок» был довольно приземистым одноэтажным зданием, растянувшимся в длину. Но сад был великолепен. Прекрасные пальмы, кактусы, цветущие кустарники, клумбы, водоемы, фонтаны и

цветы, целое море цветов! Идеально содержимые дорожки посыпаны белоснежным морским песком. Там и сям виднелись беседки, бельведеры, гроты. Контраст был так велик, что даже Виэнто замедлил шаг. Он прогалопировал по широкой пальмовой аллее и вдруг остановился как вкопанный, встретив на повороте человека в ярко-малиновом шелковом халате и в феске с черной кисточкой. Человек посмотрел на Санта-Анну, Санта-Анна на человека в халате, и они узнали друг друга. Перед Санта-Анной стоял сам Розас! Виэнто в пылу бега занес своего хозяина на загородную виллу диктатора.

Розас побледнел, как будто перед ним явилось привидение. Он не был трусом. Наоборот, он был на редкость храбрым мужчиной. Но Розас, как все испанцы его времени, был суеверен. Быть может, ему в самом деле померещилось, что перед ним выходец из могилы. Ведь Санта-Анна был расстрелян.

— Ты... ты... что тебе надо? — спросил Розас неуверенным голосом. Санта-Анна также был смущен этой неожиданной встречей. Но он был на своем скакуне и потому не очень-то испугался.

— Я явился для того, сеньор генерал-капитан, чтобы спросить, не взяли ли вы назад свой приказ о моей казни?

— Я прикажу тебя казнить каждый день, если тебе мало одной казни! — крикнул Розас, приходя в себя.

— Гм... в таком случае, и я не беру назад своих слов. Вы — гнусный предатель! — уже издали крикнул Санта-Анна. Виэнто не позволил продолжать разговор и поскакал. Это было сделано вовремя. Несколько всадников-преследователей также перескочили через стену. Правда, увидав себя в царственно роскошном саду, они сдержали своих скакунов. Быть может, некоторые из солдат узнали, кому принадлежит этот сад. Но в то же время по всем дорожкам уже бежали садовники и работники с лопатами, палками, граблями, косами. Санта-Анна задорно свистнул. Разве можно задержать человека, который оседлал ветер? Виэнто прыгнул через клумбу, другую, через водоем, в котором плавали золотые рыбки. Все эти места были неприкосновенны для Розаса, а Виэнто относился к ним с полным пренебрежением.

Растоптав копытами несколько дорогих кустов цветущих роз, он вырвался из круга, перескочив через стену, и был таков. Все это заняло несколько минут.

Розас был чрезвычайно расстроен. Ему казалось, что это плохое предзнаменование. Он потребовал к себе адъютанта и задал ему такую баню, какой тот давно не видал. Попало всем: начиная с адъютанта и кончая солдатами, которые до сих пор не смогли поймать Санта-Анну. Офицер, обманувший адъютанта и Розаса, был разжалован в солдаты, несколько солдат жестоко избиты и посажены на хлеб и воду. Но этого было мало. Розас не мог успокоиться до тех пор, пока Санта-Анна не будет пойман и приведен к нему живым.

— Сто золотых песо... двести золотых песо тому, кто приведет ко мне Санта-Анну, связанного по рукам и ногам! — заявил диктатор. Он был очень скуп, как все испанцы, и если теперь не скупился на такую кучу денег, то, видно, ему немало досадил Санта-Анна. Надменный и гордый до смешного, Розас не мог примириться с мыслью, что какой-то солдат-гаучо безнаказанно оскорбил его и теперь рыщет по степи как ни в чем не бывало.

«Двести песо золотом за поимку Санта-Анны» — эта весть быстро облетела всех офицеров и солдат и почти со скоростью ветра достигла поселков гаучо и пастушьих стоянок. Но среди гаучо не нашлось предателей. Каждый из них ненавидел диктатора, и каждый понимал, что не сегодня завтра и его может постичь участь Санта-Анны. Они не шли на золотую приманку. Зато среди испанцев было немало разговоров о том, как бы заполучить увесистый мешок золота.

Недавно произведенный за военные подвиги, совершенные спьяна, из солдат в офицеры Хозе-Родригес Папельяс поклялся на винной бочке, что не увидит своей покойной матери до тех пор, пока не поймает Санта-Анну. На его витиеватом языке это означало, что он готов посвятить всю жизнь до самой смерти этому благородному делу. Притом Папельяс недавно проигрался в пух и прах в карты и очень нуждался в деньгах. Он знал, что одному ему не поймать Санта-Анну, и потому пригласил в компанию нескольких таких же, как он, пьяниц и головорезов, надеясь в

конце концов надуть их. Каждый из них, впрочем, лелеял ту же мысль — обмануть остальных и захватить всю сумму целиком.

Жадность и алчность — великая сила в том мире, где золото — бог. Во имя алчности люди могут совершать подвиги, не меньшие, чем во имя любви. Они могут недосыпать и недоедать, терпеть голод и холод, жертвовать жизнью, сделаться фанатиками и героями, превзойти себя...

Все это скоро почувствовал на себе Санта-Анна. Он не знал, что жизнь его оценена, — об этом ему сказали позже пастухи-гаучо. Но если бы они и не сказали ему, он сам догадался бы, — настолько изменился характер преследований. Его гнали, как собаки гонят зверя. Он имел возможность остановиться только на несколько часов, чтобы поесть, попить, дать передохнуть Виэнто, — и то лишь потому, что и его преследователи нуждались в таких же коротких передышках. Положение Санта-Анны было особенно тяжелым потому, что его преследователей было несколько, а он один. Притом они по обычаю гаучо имели каждый по две запасных лошади. Они гнали этих лошадей перед собой. Когда лошадь, на которой они ехали, уставала, они пересаживались на свежую. А Санта-Анна все время скакал на своем Виэнто. И это скоро начало сказываться. Даже Виэнто не мог вынести этой бесконечной погони. Он начал уставать.

* * *

А преследователи все гнали его вперед, дальше и дальше. Наконец он очутился в Сиерра-де-Кордоба — живописной горной стране. Обрывистые скалы были покрыты лесами, со скал падали водопады. Здесь было прохладнее, чем в степях на низине. Но преследователи и здесь не оставили его.

Однажды рано утром Санта-Анна почувствовал сквозь сон, что Виэнто будит его, по обыкновению дергая за пончо. Еще не открывая глаз, Санта-Анна протянул руку к седлу, лежавшему под головой, взял его, посмотрел на Виэнто и сразу понял, что опасность близка. Виэнто имел испуганный вид. Через две минуты Санта-Анна уже сидел в седле и осматривал окрестность.

Здесь труднее было заметить приближение врага, чем в степи: бугры, скалы, леса и перелески давали возможность преследователям укрыться. Санта-Анна находился на широкой поляне. Позади его была почти отвесная скала, за ней возвышались горы, поросшие лесом. А впереди были разбросаны кустарники. Санта-Анна не двигался и ожидал, что будет. Вдруг он услышал свист. Что-то вылетело из-за куста и понеслось по направлению к нему, вращаясь на лету, как колесо. Санта-Анна вздрогнул... Боллодор!.. три медных шара, обшитые кожей и привязанные к ремням или веревкам. Страшное метательное оружие гаучо. Вращающиеся шары опутывают веревкой ноги жертвы и ломают их... Уж лучше быть пойманным лассо.

Боллодор пролетел мимо. Он был пущен не особенно умелой рукой.

— Плохи наши дела, Виэнто! — тихо сказал Санта-Анна. Лошадь похлопала ушами и тряхнула головой, как бы соглашаясь с хозяином. Она стояла неподвижно. Надо выждать, как пойдет игра.

— Эй, вы, молокососы! Вам за мамкину юбку держаться, а не боллодор бросать! — крикнул Санта-Анна, вызывая врага на открытый бой.

За кустами послышались проклятия. Кто-то гикнул на лошадь, и сразу с двух сторон из-за кустов выехали два всадника. Они размахивали лассо, готовясь набросить петлю на Санта-Анну. Картина борьбы была еще не совсем ясна: в кустах могли скрываться другие всадники, но и от тех, которые выехали, надо было спасаться. Виэнто сделал прыжок в сторону. Брошенное лассо пролетело мимо. Всадники погнались за Санта-Анной. В то же время ему наперерез выскочил из-за кустов на коренастом коне сам Папельяс — Санта-Анна узнал его. Папельяс с криком направился на беглеца. Он размахивал боллодором, но так неудачно, что шар ударил его самого по руке и чуть не сбил с седла. Санта-Анна преувеличенно громко засмеялся. Испанец скрипнул зубами.

Позади Санта-Анны послышался свистящий звук, и чей-то боллодор едва не спутал ноги Виэнто. Шары зашуршали в траве, связав ее в узел.

— Не смейте метать боллодоры! — крикнул Санта-Анна. — Вы перебьете ноги лошади!

На этот раз засмеялись испанцы.

— Сдавайся, если тебе лошадь дороже жизни! — крикнул Папельяс. — А лошадка недурна. Я с удовольствием поезжу на ней, когда тебя повесят!

Началась игра, в которой призом было двести золотых песо, а проигрышем — человеческая жизнь. Санта-Анна бросил повода и предоставил Виэнто самому себе. А Виэнто проявлял чудеса изворотливости и сообразительности. Он делал самые неожиданные пируэты, сбивал врагов ложными поворотами, вставал на дыбы и переворачивался на месте, летел быстрее ветра, замирал неподвижно. У Санта-Анны руки были свободны. Он держал в правой руке большой нож, с которым никогда не расстается гаучо. Одна петля лассо уже была наброшена на него, но Санта-Анна быстрым движением ножа перерезал веревку. Второй раз ему удалось нагнуть голову и широко расставить руки так, что петля не опоясала его тела, а была отброшена назад. Но каждую минуту его могли поймать лассо или же перебить ноги Виэнто страшными боллодорами.

Если бы только удалось вырваться с этой поляны, пересеченной оврагами, на широкий степной простор! Там никто не угонится за Виэнто! Виэнто думал о том же. Он незаметно пробирался к краю поляны. Еще несколько кругов, несколько ложных скачков в сторону, и ему удастся обмануть бдительность врагов.

Виэнто сделал огромный прыжок через овраг. Он был уже по ту сторону щели, но тотчас он взвился на дыбы, захрапел и грохнулся на землю. Вокруг шеи Виэнто туго затянулась петля лассо. Вместе с лошадью упал на землю и Санта-Анна. Он не бросился бежать, а поспешил разрезать ножом веревку. Лошадь вздохнула свободнее и начала подниматься. Но она снова упала на землю.

— Беги, Виэнто! — крикнул Санта-Анна.

Виэнто забил ногами, но не поднялся. Веревка слишком сильно перетянула ему шею, и он не мог быстро оправиться. Испанцы заревели от восторга. Санта-Анна и Виэнто были

взяты в плен! Санта-Анну крепко связали веревками лассо и как мешок взвалили на круп лошади, за седлом солдата. А Папельяс начал поднимать Виэнто, сильно стегая его концом лассо. Потом, подойдя ближе, он стал бить животное шпорой в бок. Виэнто поднялся на ноги, покачался и вдруг побежал.

— Беги, беги, Виэнто! — крикнул Санта-Анна.

— Я ж тебя! — проворчал Папельяс и, обращаясь к товарищам, сказал: — Отправляйтесь в путь, я догоню вас. Эту дохлую клячу нетрудно будет поймать.

И Санта-Анну, привязанного к седлу, повезли в Буэнос-Айрес, чтобы выдать диктатору. Испанцы ехали довольно тихо — они поджидали Папельяса, который не догнал их до вечера.

— А не вернется, тем лучше! — сказал один солдат. — Доставим эту тушу, сдадим на руки, получим золото, да и поминай нас как звали!

Этот план был одобрен, и на следующий день солдаты гнали лошадей вовсю. Санта-Анна болтался, бился лицом о бок лошади и страдал от палящего зноя, от мух, от боли.

— Убейте меня! — просил он.

— Это удовольствие мы должны предоставить генерал-капитану, — отвечал солдат. — За живого зверя платят дороже.

* * *

Последнюю ночь перед Буэнос-Айресом Санта-Анна почти не спал. Ведь это была последняя ночь в его жизни! Завтра его казнят...

И вот в небе, среди тьмы и полной тишины вдруг зазвонили колокола. Звон был такой мелодичный, какого никогда не слышали испанцы у себя на родине. Что бы это могло быть? Кругом хоть целый день скачи — ни до какого монастыря не доскачешь. А колокола все звонили, как будто оплакивая Санта-Анну.

— Что это?.. — шепотом спрашивали друг у друга суеверные солдаты, крестились и шептали молитвы.

— Это в небе отпевают праведника — ангелы служат по мне панихиду, — ответил Санта-Анна, улыбаясь в темноте.

Колокола замолкли, и в то же время раздался чей-то безумный хохот, от которого у испанцев мурашки поползли по коже и зашевелились волосы на голове.

— А это дьяволы смеются, предвкушая удовольствие жарить вас на сковороде, когда вы попадете к ним в лапы, — продолжал Санта-Анна.

Солдаты поднялись, трясущимися руками оседлали лошадей и поскакали к городу — подальше от проклятого места, не ожидая утра.

А Санта-Анна усмехался. Он знал, что колокола были перекличкой в небе красивых птиц паламедей, а смеялась птица-пересмешница.

* * *

Санта-Анну засадили в тюрьму.

Когда наутро заскрипела дверь и хмурый сторож, чему-то ухмыляясь, сказал: «Выходи!» — Санта-Анна подумал: «Конец! Теперь не убежать. Виэнто нет, а без него не спастись...»

— Выходи! — настойчиво повторил тюремщик и вдруг, рассмеявшись, прибавил: — Ах, дурья голова! Совсем выходи! Нет больше Розаса, и не вернется. Свернули ему шею Урагваи с Парагваями. Сбежал Розас! Никому ты теперь не нужен!

Санта-Анна все еще не верил. Он осторожно вышел из тюрьмы и огляделся. Всюду было ликование. Розас действительно свернул себе шею. Быть может, его заместитель будет не лучше, но сейчас можно вздохнуть свободно.

Санта-Анна выпросил у знакомого солдата лошадь и направился к себе домой. Он радовался своей свободе, так неожиданно спасенной жизни.

Ласково потрепал он по щеке свою жену и долго забавлялся с ребенком. Но в душе его жила тоска по верном друге — Виэнто.

И каково же было удивление и радость Санта-Анны, когда в тот же вечер он увидел Виэнто, ковыляющего на трех ногах. Передняя правая нога была разбита. Санта-Анна, оставив сынишку, бросился к лошади, поцеловал в мягкие гу-

бы, обнял ее и начал исследовать рану. Рана была неопасная. Перелома не было. Санта-Анна принялся лечить, и через несколько дней Виэнто уже довольно уверенно стоял на четырех ногах.

— Ну-ка, скажи мне, старина, что с тобой было? — спросил Санта-Анна, поглаживая шею лошади.

А Виэнто уже давно хотел рассказать, что с ним было. И как только Санта-Анна уселся в седло, Виэнто побежал в степь, все в одном направлении, не желая сворачивать ни вправо, ни влево. Он направлялся по прямому пути к тому месту, где всего несколько дней назад был пойман Санта-Анна...

Вот они, знакомые места! Виэнто подошел к скалистому обрыву и начал стучать ногой, потом объехал вокруг и спустился в расщелину. Там на острых камнях лежал распростертый изуродованный труп Папельяса.

— Так ты прикончил его! — весело сказал Санта-Анна.

Как это произошло, лошадь не могла рассказать. Но Санта-Анна сам воспроизвел картину. Папельясу, очевидно, удалось поймать полузадушенного Виэнто. Он уселся на лошадь. Но Виэнто не смог снести такого оскорбления и предпочел погибнуть вместе с врагом. Он помчался к утесу и скатился вниз. Лошади посчастливилось: она отделалась ушибом, а человек...

Когда Санта-Анна поднялся наверх, он увидал неподалеку от места падения Папельяса его лошадь, пасущуюся на лугу. Седло еще держалось на ней, хотя и сползло набок. Санта-Анне не составило труда поймать эту добрую лошадку.

В последнюю ночь перед возвращением домой — это уже не была последняя ночь в его жизни! — Санта-Анна ночевал в степи, и опять звонили колокола и смеялась невидимая пересмешница.

— А ведь колокола-то звонили неспроста! — сказал Санта-Анна. — Только я не угадал, кого они хоронили. Они провожали в ад душу Папельяса. А пересмешница?.. Ну, конечно, она смеялась над Розасом! Виэнто, ветер пампы! Прокати меня так, чтоб в ушах свистело!

ДОРОГОЙ ЧАНДАНА

I. ГОСПОДИН МЛАДШИЙ КОЛЛЕКТОР

Ночь была темная. Низкие облака закрывали небо. Под утро на фоне посеревшего неба обозначились бамбуковые заросли, а перед ними — очертания бунгало.

Перед верандой на площадке расположились, как изваяния, полуголые индусы. Первым у ступенек сидел худой и высокий старик. Его одежда состояла из набедренника и небольшого тюрбана. Это был райот (крестьянин) — арендатор Ашока. Он забрался сюда с вечера, чтобы занять первую очередь. Рядом с ним — его сосед Нанде, еще молодой индус с черными лохматыми волосами и задумчивыми грустными глазами, а дальше — Бандусар, рыжеватый, широкоплечий человек с вывороченными ноздрями широкого носа и раздвоенной губой.

В бунгало медленно и важно пробили часы. Пять... В тот же момент стеклянная дверь распахнулась, и на веранду вышли два полицейских-туземца в френче, форменной фуражке, шароварах и туфлях на босу ногу. Полицейские стали по обе стороны двери, вытянув руки по швам. Джемс любил торжественность!

Джемс был сыном земиндара (туземного помещика) и занимал должность младшего коллектора, совмещающего в своем лице и сборщика податей, и судью, и начальника полиции, и другие обязанности. Женат он был на метиске — дочери индуски и чиновника-англичанина. В сущности говоря, Джемс не был даже Джемсом, у него имелось туземное имя, но он поставил целью своей жизни походить во всем на англичанина и потому присвоил себе английскую фамилию.

Едва двери дома открылись, райоты поднялись и замерли в напряженном ожидании. Мистер Джемс явился — свежий, чисто выбритый. Своим темно-карим глазам он старался придать суровое, неумолимое выражение. Одет он был в легкий фланелевый костюм. В руке держал дымящуюся сигару. На минуту он остановился в дверях, сощурил презрительно глаза, — совсем как мистер Кент, старший коллектор, — и решительными шагами прошел к столу, стоявшему

у барьера. Следом за Джемсом просеменил черный, как жук, мальчик-туземец. Он положил на стол две большие толстые книги.

Джемс раскрыл толстую книгу, на которую индусы смотрели почти с суеверным ужасом.

— Кто первый? — спросил он.

Ашока подошел к барьеру веранды (всходить на веранду туземцам было строжайше запрещено) и назвал себя.

— Ашока?.. Гм... Ашока... — бормотал Джемс, перелистывая книгу. — Так... С тебя еще не получен налог за прошлый год.

— Но в прошлом году был неурожай, — ответил Ашока дрожащим от волнения голосом.

— Поэтому тебе и дана была отсрочка. Срок прошел, и за тобой уже накопилась пеня.

— Но ведь в этом году тоже, можно сказать, неурожай.

— Об этом годе будет особый разговор. Ты не уплатил налог и за этот, и за прошлый год — и сегодня же твое имущество будет описано.

— Прошу вас, подождите, пока я сниму урожай, — Ашока низко поклонился.

— Следующий! — резко крикнул Джемс.

Ашока повел острыми плечами, как будто ему стало холодно.

— Дома ни одного коури! Подождите хоть до завтра!

— Завтра? Это последний срок.

Ашока низко поклонился, повернулся и, чтобы соблюсти приличие, медленно пошел по дорожке. Но по мере того, как он удалялся от бунгало, шаги его ускорялись. Длинные ноги старика, почти не сгибавшиеся в коленях, двигались, как ходули. Когда же он вышел на шоссе, то вдруг побежал так быстро, словно за ним гнались все дикие звери джунглей.

А перед верандой Джемса стоял уже новый проситель. Джемс очень быстро разбирал дела. Мольбы на него не действовали. Он давал отсрочку только на одни сутки, да и то лишь потому, что в этот день ему было лень заниматься описью имущества.

Все просители поступали так же, как и Ашока: получив отсрочку на один день, отходили от веранды и бежали следом за стариком.

Через час площадка опустела.

В одиночестве поработав на веранде еще с полчаса, Джемс отправился в деревню. Полицейский следовал за ним по пятам.

На полях шли работы. Завидев Джемса, райоты поворачивались к нему лицом и низко кланялись. Они не принимались за работу, пока он не проходил мимо.

Но когда Джемс вошел в деревню и твердым начальственным шагом направился вдоль жалких, слепленных из грязи и крытых соломой хижин, эти звуки начали замирать, как меркнут краски с наступлением темноты. Взрослые, завидев издали его фигуру, старались незаметно скрыться или, отвешивая поясные поклоны, сворачивали с пути.

Джемс сметал всех со своего пути, как ветер сметает сухие листья. Знакомое сладостное чувство власти хмелило. Он казался себе иным, высшим существом. За ним стояла вся мощь Британской империи.

II. СКАЧКИ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Ашока бежал по шоссе со скоростью зайца. Свернув с шоссе, старик побежал межою по косогору, спускавшемуся к небольшой, почти пересохшей речке. Следом за Ашокой, приподняв руки и подпрыгивая, бежал Нанде, а за ним грузно топотал угрюмый Бандусар, дальше трусил охавший старик, еще дальше молодой индус, скаливший ослепительно-белые зубы. Несмотря на зной, пыль и раздражение, эти люди пытались еще шутить.

— Смотри, как выбрасывает свои длинные ноги Ашока! Совсем как верблюд на Пенджабской дороге! — крикнул молодой индус, ни к кому не обращаясь.

И чей-то голос ответил за его спиной:

— Навострился! Каждый год так-то бегает к Назир-хану. Многолетняя практика.

А Ашока уже домчался до речки и, разбрызгивая воду,

побежал по каменистому дну. Остановиться бы на мгновение, зачерпнуть в пригоршню воды и освежить пересохший рот. Но нет, нельзя. Обгонят... И Ашока, стиснув зубы, первым взбегает на пригорок.

Не все побороли искушение. Несколько человек остановились у реки и начали жадно пить. Эта река явилась как бы границей человеческой выносливости: немногие, перебравшись на ту сторону, нашли в себе силы бежать с прежней скоростью. Устал, смертельно устал Ашока. Но он собирал последние силы, потому что видел уже перед собою дом Назир-хана.

Ростовщик Назир-хан был очень влиятельным лицом во всем округе. Он давал райотам-арендаторам взаймы деньги под чудовищные проценты и был неизбежен как смерть. Назир-хан процветал. Он скупал земли, продавал в городе слонов, буйволов и рис, отнятых у райотов за долги. Каждый день он выдавал в долг известную сумму денег, и ничто не могло заставить его выдать хотя бы одну рупию сверх этого. Тот, кто опаздывал, не получал ничего. Кредит на тяжких условиях был наградой победителю в бегах.

Назир-хан, с лицом, похожим на бурдюк, сидел в тени веранды и зорко поглядывал на дорогу.

— Назир-хан!.. Дай десять рупий.

Ашока говорил хриплым задыхающимся голосом и цеплялся дрожащими руками за перила, чтобы не упасть. Но в душе старик торжествовал: он оказался первым.

Ростовщик не спеша надел очки, раскрыл толстую книгу и сказал:

— Я дам тебе взаймы только в том случае, если ты в залог дашь твоего слона. Сколько тебе надо? Десять. Напиши расписку на тридцать. Срок полгода и поручишься слоном.

Ашока отшатнулся. Отдать в залог слона! Слон составлял все его богатство!

— Я и так отдам. Не надо слоном!

— Как хочешь. Тебе что? — обратился он к подбежавшему Нанде.

Но тот ничего не мог выговорить и только хрипел. Чья-то рука протянулась из-за его спины, и послышался грубый голос Бандусара:

— Три рупии... мне... запишешь шесть.

Ашока видел, что нельзя терять ни минуты, и, ударив ладонью о перила, с болью в душе крикнул:

— Согласен! Пиши расписку со слоном! — И тихо прошептал себе в бороду: — Чтоб тебя кобра ужалила в печенку, кровопийца!

Десять серебряных монет жгли руку Ашоки. Он сразу словно постарел, щеки втянуло, глаза провалились. Едва переступая разбитыми ногами, брел он по дороге. Теперь ему некуда было спешить.

Только вечером, перед заходом солнца, Ашока добрался до своей хижины. Посреди двора поднимался навес на столбах, под которым сидел его сын Крихна, красивый юноша с черными волосами, спускающимися до ушей, орлиным носом и темными быстрыми глазами. А в углу около дома приемная дочь Ашоки Буль-буле кормила ветками слона. Слон медленно брал ветки, скручивая хобот, и отправлял их в пасть. Глядя на эту мирную картину, Ашока вздохнул.

Когда-то у него была большая семья: шесть сыновей и четыре дочери, но все они, кроме Крихны, умерли в разное время от холеры, чумы, малярии, укуса змей и голода. Умерла и жена. Лет двенадцать назад, когда полдеревни вымерло от чумы, соседка привела к нему во двор Бульбуле, оставшуюся круглой сиротой, и сказала, что мать Бульбуле, умирая, просила его, как соседа, не оставить ее дочь. Ашока сам голодал со своим сыном и начал было отказываться, но маленькая черноглазая, живая, как обезьянка, девочка очень понравилась Крихне, и он упросил отца оставить ее. Подрастая, Бульбуле становилась хорошей хозяйкой.

Ашока кашлянул. Крихна посмотрел на него испытующе, но ничего не спросил, ожидая, что отец скажет сам. Но Ашоке трудно было говорить. Он быстро пересек двор, вошел в хижину, положил деньги в глиняный горшок, бросился на солому. Крихна и Бульбуле через дверь осторожно поглядели на старика. Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами.

— Спит. Устал, — прошептал Крихна. — Придется подождать до вечернего костра.

III. КРАСНОРУБАШЕЧНИК

За деревней находилось большое огороженное место, куда загонялся на ночь скот. В нескольких десятках метров от ограды начинались джунгли. Тигры нередко делали набеги на деревню и убивали животных и людей. А так как туземцам строжайше запрещено иметь какое-либо оружие, то единственной защитой от страшных хищников был огонь. На поляне, между оградой и лесом перед наступлением темноты зажигался большой костер, пламя которого поддерживалось всю ночь. Этот костер являлся своего рода клубом для односельчан. После тяжелых дневных работ собирались они сюда отдохнуть, побеседовать, посоветоваться. Многие общественные дела разрешались тут же. Ближе к огню, полукругом, лицом к лесу (спиной к лесу сидеть боялись) важно восседали старики, за ними молодежь и еще дальше, скрываясь в тени, подростки и женщины.

Крихна не ошибся: когда стемнело, Ашока встал и поплелся к костру. За ним туда же пошел и Крихна. Старики-райоты беседовали вполголоса. Они жаловались на тяжелые времена и обсуждали события последнего дня: сколько кто взял взаймы у ростовщика, за какие проценты и под какой залог.

— Ашока, — сказал Бандусар рокочущим шепотом, — напрасно ты отдал под залог слона, говорю тебе, напрасно. Так и считай: нет у тебя больше слона.

— Один конец. Так по крайней мере слон поработает на меня еще полгода, а если бы я не занял у Назир-хана, моего Тинти завтра же продали бы с торгов... — Помолчав немного, он добавил еще тише, словно боясь, как бы сама ночь не подслушала его: — Работаешь, работаешь, а себе ничего не остается. Плати за аренду земли, плати земельный налог, плати Назир-хану проценты, плати и плати!

— А ты не плати! — вдруг довольно громко сказал Бандусар.

Все с недоумением посмотрели на него.

— То есть как это — не плати? — спросил Ашока. — Разве ты не знаешь, что бывает с теми, которые не платят налога?

— Знаю. Если Ашока уплатит налог, а Нанде откажется платить, то у Нанде отнимут имущество, а его самого посадят в тюрьму. Но если и Ашока, и Нанде, и Бандусар — все, все откажутся платить, то всех не засадишь в тюрьму, такой и тюрьмы нет. — Понизив несколько голос, он продолжал: — Сам Мохандас Карамчанд говорил, что не надо платить налогов.

— Кто такой — Мохандас Карамчанд? — послышался голос из темноты.

— Махатма Ганди.

— А-а! Ганди! Кто же не знает Ганди!..

— Ганди не говорил о том, что не надо платить налогов, — возразил Нанде. — Он говорил, что Индию можно освободить не насилием, а верой, смирением и силой духа.

— Да можно ли ему верить?! Говорят, он подружился с этой хищной птицей — вице-королем...

Поднялся спор. Люди шептались с возрастающей горячностью. Но вот седой старик в желтой, как цветок чампака, одежде, с четками на костлявой груди поднял руку, и все замолчали. Это был санниази — святой жизни человек. Из его беззубого рта послышались шелестящие звуки.

— Не надо злобы. Не надо насилия. Где насилие, там и кровь. Она родит демонов мщения и новые ручьи крови. Призрачна наша жизнь, как звук гонга в ночи, как тень пальмы на прибрежном песке. Майя — великая иллюзия — царит в этом мире. Скрепите свое сердце ремнем терпения и готовьтесь к иной, высшей ступени бытия. Нирвана — великое безмолвие — награда совершенному...

Старик замолчал, словно набираясь сил. Тишина стояла чрезвычайная.

И вдруг со стороны джунглей послышался шорох. Несколько человек в испуге вскочили. Дежурные схватили головешки и начали размахивать ими, чтобы отпугнуть зверя.

На поляну вышел высокий человек в красной рубахе, с винтовкой за плечами. Он подошел к костру, громко поздоровался со всеми и уселся против полукруга стариков, спиной к лесу.

— Продолжайте вашу беседу, — сказал он.

— Чандан! Чандан! — послышались голоса.

Чандан был их односельчанин, уже несколько лет оставивший деревню и работавший на фабрике в Калькутте. Он уже давно не показывался в деревне. Его не сразу узнали — так он возмужал.

Разговор возобновился. Санниази вновь начал свою проповедь непротивления, смирения и долготерпения. Чандан слушал внимательно, а когда старик кончил, то заговорил сам громко и решительно. Отовсюду послышалось испуганное шиканье. Но Чандан и не думал понижать голоса.

— Запуганы? Пришиблены? — спросил он с презрительным сожалением. И, повернувшись к санниази, сказал: — Старик! Ты сначала заговори ружья и пулеметы, чтобы они не стреляли и не проливали крови, а потом проповедуй мирение и непротивление. Легенда говорит, что Будда в одном из своих воплощений накормил собственным мясом голодного тигра. Так вот ты, старик, хочешь, чтобы мы последовали его примеру и дали себя сожрать тигру-англичанину. Не слушайте его, райоты! — обратился он к толпе. — Такие, как он и Ганди, играют на руку нашим врагам. Довольно вы терпели!

Долго говорил Чандан, и каждое его слово было как удар топора, врубающегося в глухие заросли. Он говорил о том, что силе надо противопоставить только силу. Он рассказал о повстанческих отрядах, которые разграбили арсенал в Чнттагонке и вооружились. Он призывал их присоединиться к повстанцам.

Райоты дрожали и пугливо озирались во время его речи. Чандан заметил это, усмехнулся, поднялся.

— Я сказал, где наш лагерь. И посмотрим, обойдетесь ли вы без крови с вашим непротивленьем!..

IV. КРИХНА И БУЛЬБУЛЕ

Лежавший в темноте на хворосте Крихна жадно ловил каждое слово Чандана.

Когда Чандан ушел, Крихна потерял интерес к тому, о чем говорили остальные. Он поднялся с хвороста и пошел к дому.

В глубине неогороженного двора около хижины стоял

привязанный за заднюю ногу слон. Увидав Крихну, слон вытянул хобот и издал тихий храпящий звук. Это означало приветствие. Под навесом, посреди двора, на сене лежала, свернувшись в клубочек, Бульбуле.

Крихна подошел к слону, обнял его хобот и начал гладить, тихо приговаривая:

— Тинти! Неужели тебя отнимут у нас?

— Что ты тут делаешь? — услышал Крихна звонкий голосок Бульбуле.

— Ничего, — ответил он. — Я пришел посмотреть на Тинти.

Но Бульбуле не обманешь. Недаром она так любит Крихну. Девушка подошла к нему и темной маленькой рукой тронула руку Крихны.

— Твое лицо печально, Крихна, — сказала она. — Что с тобой? О чем это ты говорил с Тинти?

— Я шепнул на ухо Тинти, чтобы он пошел быстро-быстро, далеко-далеко, к большой-большой священной реке Гангу, сорвал там золотой лотос и принес его маленькой Бульбуле.

Девушка улыбнулась, но глаза ее еще были грустны, и Крихна продолжал развлекать ее, как ребенка:

— А помнишь, Бульбуле?.. Нет, ты этого не помнишь, ты была очень маленькой. Когда тебя принесли, ты едва умела ходить. Я клал тебя в корзиночку и заставлял Тинти качать тебя, как на качелях. Как ты любила это!

— Да, да, помню, — улыбаясь, ответила Бульбуле.

— Как быстро идет время, Бульбуле! Ты уже невеста. Тебе четырнадцать лет. Скоро мы устроим свадьбу, и ты будешь моей женой.

Он привлек ее к себе и поцеловал в лоб, в то место, где в кожу был врезан блестящий красный карбункул — подарок Крихны.

V. ДЖЕМС СТАЛ ПРИЗРАКОМ

Джемс проснулся в прекрасном настроении. Было половина пятого. В это время обычно являлся старик-слуга с горячей водой и бритвенными принадлежностями. Но сегодня он что-то запоздал.

— Джон! — крикнул Джемс. Он называл своих слуг английскими именами.

Никто не являлся.

— Куда они все запропастились? — проворчал он. Звать слуг он больше не решался, чтобы не разбудить жену. Вскочил с кровати, надев туфли на босу ногу, прошел в комнату, где помещались лакеи. Комната была пуста. Уже с некоторым беспокойством заглянул на кухню. Опять никого. Вышел на двор, но и там не встретил ни души. Полицейских на веранде не оказалось. Площадка перед верандой пуста. Совершенно непонятно! Ведь сегодня последний срок платежа налога.

Джемса вдруг охватил страх. Ему пришла в голову нелепая мысль, что все люди погибли от какой-то неизвестной катастрофы и в живых остался только он один. Джемс поспешно подошел к спальне жены, открыл дверь, и в полумраке комнаты ему удалось рассмотреть фигуру спавшей жены.

— Слава богу, хоть она цела! — прошептал он и начал будить ее.

Мистрис Джемс пришла в ярость, узнав об исчезновении слуг, потом бурно расплакалась и устроила мужу сцену за то, что он завез ее в такую дыру, вместо того чтобы жить в европейском квартале Бомбея или Калькутты.

— Я пройду в деревню, — сказал Джемс, — и, может быть, мне удастся узнать, куда девались наши слуги.

Подходя к околице, Джемс увидел своего слугу — старика-туземца. Джон рассказывал что-то райотам, а те весело смеялись. Невдалеке от них прыгал козликом Джим в своей курточке с металлическими пуговицами.

Вдруг он перестал скакать, подбежал к Джону и тронул его за руку. Все повернули голову в сторону Джемса и не спеша начали от него удаляться.

— Эй, вы! Стойте! — крикнул Джемс.

Не было случая, чтобы его приказания не выполнялись. На этот раз окрик не произвел ни малейшего впечатления.

— Стойте, дьявол вас возьми! — заревел Джемс. — Джон! Джимми!

Двое его слуг исчезли в толпе.

— Стойте! — хриплым голосом крикнул он, подбегая к толпе. — Где мои слуги?

Райоты продолжали идти, не обращая на него внимания и непринужденно разговаривая, как будто он, Джемс, превратился в призрак, Джемс схватил за руку ближайшего райота и проревел ему в ухо:

— Кому я говорю?!

Райот чуть-чуть побледнел, повернулся к соседу и начал говорить о каких-то пустяках.

Что это? Бунт? Революция?.. У Джемса руки похолодели, несмотря на палящие лучи солнца. Он чувствовал, что если сейчас не поставит на своем, то его авторитет будет потерян навсегда. Власть перестанет быть властью. И Джемс дернул райота за руку с такой силой, что тот отлетел от толпы, и, вынимая револьвер, крикнул:

— Я заставлю тебя отвечать мне, мерзавец!

Райот упал под ноги Джемсу, но тут же поднялся и стремительно побежал. Так же стремительно, точно сговорившись, разбежались остальные. Джемс остался один. Нетвердой походкой пошел он по деревне.

На дворе Ашоки он увидел старика, который толок что-то в деревянной ступе. Рядом с ним сидел на земле Нанде. На этот раз Джемс решил действовать иначе. Подойдя к райотам, он довольно ласково заговорил с Ашокой:

— Здравствуй, старина. Почему же это ты не явился платить налог?

Ашока посмотрел на своего приятеля Нанде и ничего не ответил.

— Что же ты молчишь?

— Мы не будем больше платить налогов, — ответил Нанде.

— То есть как это не будем? — отчеканил Джемс. — Это бунт! Вы знаете, что за это сажают в тюрьму?

— Хуже в тюрьме не будет. Да всех в тюрьму не посадишь, — вдруг услышал Джемс у самого уха грубый голос, оглянулся и увидал лицо Бандусара с широко раздувшимися ноздрями.

Наступила пауза. Стараясь казаться как можно равнодушнее, Джемс сказал:

— Я вам дружески советую оставить эти глупости, вы пожалеете, и очень пожалеете!

Джемс круто повернулся и пошел дальше. Он направился к лавке Сайда Махмуда.

Сайд объяснил Джемсу, что вчера ночью у костра односельчане постановили не платить налога и не покупать больше английских тканей.

— Полный бойкот! — меланхолически закончил он.

VI. ЛЕГКАЯ ПОБЕДА И ПОЛНОЕ ПОРАЖЕНИЕ

— А! Наконец-то ты мне попался! — вдруг крикнул Джемс.

Из-за угла лавки Сайда появился один из бежавших полицейских — Баджу. От неожиданности он присел, перевернулся на месте и сделал прыжок, как заяц, увертывающийся от собаки. Джемс кинулся к Баджу и ухватил его за шиворот. Наконец-то он нашел жертву, на которую мог излить весь свой гнев.

— Стой! Не уйдешь! — кричал он. — Ты дезертир! Смирно! Руки по швам! Не верти мордой! — Джемс вынул револьвер и навел дуло на лоб Баджу. — Если ты попробуешь удрать от меня, я застрелю тебя как собаку! А теперь налево кругом, марш!

Конвоируемый Джемсом запуганный полицейский покорно направился к дому своего начальника. Джемс торжествовал. Теперь в его распоряжении имелась «вооруженная сила». К сожалению, за нею требовался неусыпный надзор, чтобы она не сбежала.

— Кто был зачинщиком неплатежа налогов? — строго спросил он.

Баджу закашлялся, как овца, пробормотал что-то невнятное и замолчал. Джемс грозно повторил свой вопрос.

— Ба-ан-ду-са-ар! — проблеял Баджу.

— Хорошо. Мы арестуем его.

Весь путь до бунгало Джемс продолжал пугать Баджу и в конце концов так запугал его, что несчастный полицейский вдруг бросился на колени и, причитая, как женщина, начал

просить пощадить его жизнь. Джемс был доволен произведенным эффектом, но принужден был сам успокаивать Баджу, так как тот от страха не мог даже идти. Джемс уверил Баджу, что сохранит его жизнь и предаст забвению измену, если только он будет слепо и беспрекословно ему повиноваться.

Придя домой, Джемс запер Баджу в кладовой, а сам отправился к жене.

— Ну, что ты мне скажешь? — спросила она его.

— Утешительного мало. Райоты отказываются платить налоги и повиноваться. Мне не на кого опереться. Неизвестно, как развернутся события. Я не могу покинуть своего поста... Но тебе оставаться здесь невозможно.

— Я прекрасно управлюсь с машиной, — ответила мистрис Джемс. — Ты можешь совершенно не беспокоиться обо мне.

— Ну, и прекрасно, — сказал Джемс. — Я напишу мистеру Кенту рапорт обо всем, что здесь происходит, и попрошу немедленно прислать сюда вооруженную силу. На тебя, таким образом, возлагается поручение большой государственной важности, моя дарлинг.

Через несколько минут мистрис Джемс в автомобильном костюме и в перчатках, закрывавших руки почти до локтей, как истая англичанка-спортсменка, выехала на маленьком «Форде» на шоссе и скрылась в густых клубах пыли.

Джемс вместе с Баджу направился к хижине Бандусара. Бандусар стоял посреди двора и разговаривал с соседями.

— Бандусар! Иди сюда! — крикнул Джемс.

Бандусар даже не повернул головы. Тогда Джемс вынул револьвер и приказал сделать то же Баджу. Не доходя нескольких шагов, Джемс крикнул:

— Сдавайся! — и выстрелил в воздух.

Толпа шарахнулась. Джемс и Баджу схватили Бандусара за руки и повели. Индус не сопротивлялся. Райоты стояли неподвижно.

«С такими овцами не трудно сражаться», — подумал Джемс. Он решил отправить Бандусара под охраной Баджу к Кенту. Если даже Бандусар убежит по дороге вместе с Баджу, это не беда. Важно сейчас произвести моральный эффект.

Предстояло только найти подводу. Бандусар, когда бегал к Назир-хану, так поранил ноги острыми камнями, что не мог идти.

За крупное вознаграждение отвезти пленника согласился райот Малавия, который имел буйвола и двуколку.

Вскоре он явился к бунгало со своим буйволом, но в сопровождении огромной толпы, которая бранила и проклинала его. Толпа и крики не очень взволновали Джемса. Он уже убедился, что райоты ограничиваются пассивным сопротивлением.

Однако, когда двуколка с арестованным и Баджу выехала на шоссе, произошло нечто неожиданное. Райоты вдруг окружили двуколку, сбросили на землю Баджу, схватили связанного Бандусара и унесли его на руках в деревню. Затем часть толпы вернулась на дорогу и тут же стала судить Малавию. Малавия был помилован. Он повернул своего буйвола к деревне и с видом побитой собаки поплелся домой.

Джемс выглядел ничуть не лучше, возвращаясь с Баджу к себе в бунгало.

VII. БЕГСТВО С ПОСТА

Джемс до вечера просидел на веранде. Несколько раз пробовал звонить Кенту, но телефон не действовал. Баджу терпеливо сидел на ступенях веранды, подперев лицо кулаком, и тоскливо поглядывал на деревню. Отсветы костра вспыхивали на зарослях бамбука. У костра шевелились люди, оттуда доносился смех и песни. Этого раньше никогда не было. Это тоже был вызов. Джемс ходил по веранде большими шагами, сжимая кулаки в бессильной злобе.

Взрыв криков у костра привлек его внимание. Люди хватали головни и, вычерчивая в темноте огненные круги и зигзаги, бежали по направлению к бунгало.

— Они хотят сжечь меня вместе с моим бунгало! — прошептал Джемс, холодея от ужаса. — Скорее за мной! — крикнул он Баджу, промчался через комнаты и выскочил на двор через черный ход. На мгновение он остановился и осмотрелся с тоской.

Спрятаться в гараж? в сарай? в контору? Найдут, убьют...

Джемс решил: он скроется в зарослях бамбука вместе с Баджу. Перебежал двор, перепрыгнул через бамбуковую изгородь и кинулся в джунгли. Запуганный Баджу следовал за своим начальником.

— Ты можешь вывести меня на дорогу? — спросил его Джемс.

— Выйдем как-нибудь...

Они медленно пробирались среди густых зарослей. Баджу впереди, за ним Джемс. Через некоторое время вышли на поляну. Поднявшаяся луна ярко освещала развалины храма с причудливыми глиняными колоннами... Баджу боязливо обошел стороной развалины, это излюбленное место змей. Беглецы пересекли поляну и вновь углубились в густой мрак джунглей. Долго шли, спотыкаясь и падая. И вновь вышли на поляну и увидали развалины храма, очень напоминавшего первый. «Уж не кружимся ли мы?» — подумал Джемс и поплелся дальше. Снова мрак и сырость. Снова долгий тяжелый путь и снова поляна с разрушенным храмом. Теперь Джемс не сомневался: это были те же развалины. Он приметил одну колонну с перехватами в нескольких местах, увенчанную головой буйвола.

— Стой! Ты издеваешься надо мной! — крикнул Джемс Баджу. — Ты нарочно водишь меня по кругу. Так я расправлюсь с тобой, предатель!

И он начал вытаскивать револьвер, желая пустить в ход старое средство — запугивание. Баджу коротко крикнул и заячьими прыжками направился через поляну в чащу леса.

— Баджу! Куда ты? — в ужасе крикнул Джемс. — Я не буду стрелять в тебя. Вернись! Баджу!

Но полицейского и след простыл. Некоторое время слышался шорох папоротников и треск сучьев под ногами беглеца, потом и эти звуки затихли вдали.

— Убежал-таки! — сказал громко Джемс и мрачно посмотрел на развалины храма. Идти дальше или переночевать на площадке перед храмом? Джемс сделал несколько шагов к развалинам и увидал на изъеденных временем, поросших мхом плитах свернувшихся клубком змей. Змеи подняли головы и зашипели, шевеля длинными раздвоенными языками. Джемс вздрогнул и зашагал в дебри.

До утра пропутался он в джунглях и только с первыми лучами солнца случайно вышел на шоссе, недалеко от деревни. Джемс побоялся возвращаться в бунгало и отправился к Кенту.

Пыльный, потный, в изорванной одежде, добрался Джемс до Кента. Подойдя к бунгало, коллектор заметил, что и здесь творится что-то неладное.

Площадка перед домом была огорожена колючей проволокой, у веранды стоял пулемет, а рядом с ним два полисмена. Они пропустили Джемса на веранду только после того, как показал он свои бумаги. Джемс собирался пройти в кабинет начальника, когда сам Кент показался в дверях.

Высокий, рыжеватый, бритый, с длинным бледно-серым лицом, он имел очень болезненный вид. На его щеках выступали ярко-красные пятна. Ввалившиеся глаза сверкали сухим блеском. Он сжимал челюсти, чтобы не стучать зубами. У него был приступ малярии. Не пропуская Джемса в комнату, Кент жестом пригласил его сесть. Каждым своим движением он старался показать свое превосходство над туземцем Джемсом.

Старший коллектор был в отвратительном настроении и решил на Джемсе сорвать злость. Расхаживая по веранде, Кент начал отчитывать Джемса за то, что тот распустил «вверенное ему население», не сумел пресечь беспорядков в самом начале и самовольно оставил свой пост в такую важную минуту.

— Это дезертирство! — глухим голосом сказал Кент и три раза щелкнул зубами. Лицо его стало землистого цвета.

— Но ведь я не имел в своем распоряжении вооруженной силы, — оправдывался Джемс. — Последний полицейский убежал вчера. А райоты хотели сжечь меня живьем.

— С чего это началось? — слабым голосом спросил Кент.

— Они отказались платить налоги...

— Глупости! Если они не могут жить, они умирают. Если они могут жить кое-как, они довольствуются этим. И если они бунтуют, значит, есть зачинщики, агитаторы. Надо было найти и арестовать их.

Эта длинная речь утомила Кента. Он прикрыл глаза. Потом забормотал:

— Слезоточивые газы отличная вещь... Кобры захватили оружие, чтобы избегнуть слезотечения... Но мы раздавим этих мерзавцев...

Он бредил.

Джемс с недоумением смотрел на него и молчал. Откуда-то с рисовых полей донеслись крики — шум, смех и песни. Эти звуки, очевидно, дошли до сознания Кента. По его лицу пробежала судорога. Опущенные руки приподнялись. С трудом открыв глаза, он посмотрел на поле.

— Опять... — сказал он и показал рукой вдаль. — Смотрите. Соль несут. Разграбили соляные склады...

— И у вас не совсем благополучно? — спросил Джемс.

Эти слова словно ужалили Кента. Вся его сонливость исчезла.

— У меня? — крикнул он. — Не у меня одного. Вся Индия в огне восстания! Не повинуются, не платят налога, грабят соляные склады и копи. Телефонные провода порваны. Телеграф не действует. Но я надеюсь, что мне удастся восстановить порядок. Я не мог прислать вам помощи, потому что пока сам нуждаюсь в ней. В нескольких милях отсюда на шоссе появился большой отряд повстанцев. Я не оставлю своего поста! — И Кент уничтожающе посмотрел на Джемса. — Но я считаю необходимым сегодня же отправить мою семью в Калькутту. Кроме того, я должен донести губернатору о положении дел и попросить у него помощи. Извольте отправляться с моими дамами и передать губернатору мой рапорт.

— Может быть, мистер Кент, вы будете так любезны отправить с вашим автомобилем и мою жену?

— Хорошо, — сухо ответил Кент и вышел.

Через несколько минут огромный автомобиль Кента двинулся в путь. Места в середине занимали его жена, теща и двое детей, позади них, задыхаясь от пыли, тесноты и обиды, сидела среди чемоданов мистрис Джемс вместе с гувернанткой и горничной. А Джемсу пришлось поместиться рядом с шофером.

По обе стороны дороги тянулись бесконечные рисовые, маисовые и конопляные поля. Кое-где встречались заросли бамбука и рощи манговых деревьев. Далеко на горизонте

вставали синие изломы гор. Когда Джемс закрывал глаза, перед ним вставало измученное землисто-серое лицо Кента.

«А ведь англичанин-то болен, сильно болен», — злорадно думал Джемс. Как ни подражал он Кенту, а все же в глубине души ненавидел его.

И, как бы в ответ на эти мысли, Джемс вдруг услышал голос шофера, обратившегося к нему на туземном наречии:

— Я понимаю Кента — он англичанин. Англичане всегда душили нас. Но ты-то зачем помогаешь им? Зачем предаешь своих? Я тебе говорю, Джемс! И какой ты, к дьяволу, Джемс? Пробор сделал и думаешь — англичанином стал?..

Джемс с трудом открыл слипавшиеся глаза и испуганно посмотрел на шофера. Сначала ему показалось, что это говорит кто-то внутри его, что он бредит. Но голос слышался ясно. Да, это говорил шофер-индус.

— Я знаю, зачем ты едешь в город, — продолжал шофер. — Но ты не приедешь туда. Вылезай! — Он резко остановил машину.

Джемс окончательно пришел в себя и с недоумением посмотрел на шофера, а потом на дорогу. Чтобы не встретиться с повстанцами, Кент приказал объехать их лагерь проселком. А теперь автомобиль стоял перед широким шоссе.

— Что это значит? — спросил Джемс.

— Отчего мы остановились? — певуче спросила мистрис Кент.

— Слезай немедленно, — повторил шофер. — А не то я повезу тебя в лагерь повстанцев. Гляди — вот они!

Джемс повернул голову и увидал недалеко от шоссе под мангровыми деревьями группу индусов. Они были вооружены ружьями, кольями и ножами. Джемс похолодел от страха.

— Но ведь вы везете женщин и детей, — сказал Джемс шоферу.

— Их я и довезу, а ты слезай.

И вдруг шофер схватил Джемса за плечи и выбросил из автомобиля. Женщины вскрикнули, мистрис Джемс громче всех, а мальчик и девочка засмеялись; ведь Джемс не был англичанином. Индус пустил машину на полную скорость, и через несколько минут она скрылась по пути в город.

VIII. ОГОНЬ ПО РАЙОТАМ

В первый день бунта райоты сидели и беседовали у костра. Неожиданно на дороге появилась бродячая собака с поджатым хвостом и направилась к деревне.

— Бешеная! — крикнул кто-то.

И райоты, схватив горящие головни, бросились за собакой, чтобы запугать ее и выгнать из деревни. Собака убежала в маисовое поле. Райоты видели, как Джемс и Баджу улепетывали от них через двор и скрылись в бамбуковых зарослях. Это очень удивило и позабавило их. Когда они вернулись к костру, то Бандусар, бросив в огонь дымящуюся головню, сказал:

— Ловко! Погнались за одной собакой, а прогнали сразу трех!

Шутка всем очень понравилась. Послышался смех.

Скоро, однако, разговор принял более серьезное направление. Медленно жуя бетель, райоты обсуждали, как быть без начальства и долго ли продлится такое положение. Многие опасались, что добром это не кончится, но Бандусар успокаивал их.

— Только мы должны отстаивать свою свободу, — говорил он. — Что может быть хуже непротивления? Хотите, я расскажу вам занятную басню, я слышал ее от одного прохожего?

Бандусар сплюнул ржавую от бетеля слюну и начал:

— Заклинатель змей упрекал змею за то, что она не кусает его и кусает людей. «Смирись, злобная тварь, — говорил он, — пойми, что непротивление — чистейший лотос совершенства». — «А что делать, если на меня нападут?» — спросила змея. «Не трогай их, не шипи и уползай в кусты, и тебя тоже не тронут». Змея послушалась речей заклинателя. На другой день, когда ребятишки пришли играть на площадь и наткнулись на змею, они очень удивились, что она и не думает их кусать. Новость облетела всю округу. Отовсюду стали сбегаться мальчишки. Они дразнили змею, кололи, били палками, таскали за хвост. Она уползла от них в джунгли и забилась в пещеру. Но и там ее разыскали. И когда через несколько дней заклинатель пришел в пещеру навестить свою

змею, он нашел там только ее истерзанный труп... Так будет и с нами, — закончил Бандусар, — если мы будет заниматься непротивлением.

Под утро к костру подошел Баджу в изорванном полицейском френче, усталый, с окровавленными ногами. Увидав его, сидевший на страже Бандусар вскочил. Ноздри его раздулись, кулаки сжались. Но, посмотрев внимательно на убитое лицо полицейского, он усмехнулся и спросил:

— Ну что, опять пришел арестовывать меня?

Баджу, не говоря ни слова, стащил с себя изорванный френч и со злостью швырнул в костер. Когда френч превратился в пепел, Баджу махнул рукой и плюнул в костер.

— Довольно! Я больше не полицейский! — И он бросился на траву рядом с Бандусаром.

Двое суток прошли тихо. Деревня жила своей жизнью, словно отрезанная от всего мира. И к концу вторых суток многие начали подумывать о том, не отделались ли они уже навсегда от англичан и от всякого начальства.

Однако в ночь на третьи сутки, под утро, деревня была разбужена незнакомыми звуками. Первыми проснулись и залаяли чуткие собаки, вслед за ними поднялись и люди. Они вышли на дорогу и с недоумением прислушивались к приближавшемуся шуму и гулу. Скоро на шоссе показались огни фонарей.

— Да это просто автомобили едут, — сказал кто-то.

— Не автомобили, а грузовики, — поправил другой.

— Что-то уже очень много! — послышался третий тревожный голос. И неожиданно тревога передалась всем.

Через несколько минут в деревню въехал автомобиль, а за ним пять или шесть грузовиков, наполненных солдатами. Солдаты соскочили с грузовиков и разбили лагерь на площадке перед бунгало Джемса. С угрюмым вниманием следили собравшиеся райоты за прибывшими.

С первыми лучами солнца в деревню явился Джемс, в сопровождении очень молодого офицера. За ними, точно на смотру, промаршировала колонна солдат-англичан. Одного роста, в одинаковых, хорошо сшитых костюмах, они были похожи друг на друга, как штампованные пуговицы их мундиров.

Остановившись у хижины Ашоки, Джемс обратился к райотам с речью. Он напомнил им все их преступления, вплоть до попытки сжечь его живьем, и заявил, что если они не выдадут немедленно зачинщиков и не уплатят налогов, то он принужден будет передать власть военному командованию.

Джемс обратился к Ашоке:

— Вот ты, например, не уплатил налога. Я знаю, у тебя должны быть деньги, так как ты занимал у Назир-хана. Согласен ты немедленно внести?

Ашока посмотрел в глаза Джемса и тихо, но твердо ответил:

— Нет. Ни я, ни кто другой не внесет налога. Так мы все решили. Но сжигать тебя мы не собирались. Мы гнались за другим... за собакой...

В толпе глухо засмеялись.

Джемс побледнел. Впервые Ашока обратился к нему на «ты». Сдерживая кипевший гнев, он сказал как можно хладнокровнее:

— Ты отказываешься? В таком случае за долг придется взять твоего слона. — И Джемс отдал приказ полицейскому отвести слона в лагерь.

В это время Крихна подошел со слоном к дороге. Ашока выхватил из рук сына тяжелый железный дедовский анк (жезл, при помощи которого управляют слоном) и крикнул:

— Хобот, Тинти!

Слон тотчас повернул хобот, Ашока ступил ногою на его закрученный конец и ухватился за клык, слон подбросил Ашоку хоботом, и через секунду старик уже сидел на шее животного.

Подняв анк над головой, Ашока воинственно крикнул:

— Вперед, Тинти!

Слон издал громогласный звук и направился на шеренгу солдат. Те невольно посторонились. И стон прорвал бы их цепь. Но вот молодой офицер-англичанин с нежным, почти девичьим лицом, на котором застыла презрительная улыбка, вынул из кобуры револьвер и прицелился в голову Ашоки. Раздался выстрел. Кровь залила лицо старика. Выронив анк, Ашока свалился на землю. Крихна с воплем бросился к отцу,

но полицейский сильно ударил юношу прикладом в висок. Крихна упал рядом с трупом отца, а полицейский повел Тинти в лагерь.

— Так поступят с каждым ослушником! — резко крикнул по-английски офицер.

— Так поступят с каждым, кто меня не слушается! — перевел Джемс и добавил: — Немедленно выдайте мне Бандусара.

Но толпа стояла неподвижно. Неожиданно вперед выступил санниази. Его желтая одежда горела в лучах утреннего солнца, как червонное золото. Подняв к небу глаза и руки, он начал говорить о братстве, любви, милосердии и призывал не проливать крови. Офицер слушал его некоторое время, хотя и не понимал, затем нетерпеливо махнул рукою, предлагая санниази отойти в сторону. Но взгляд проповедника был направлен на освещенное солнцем облако.

— Огонь! — крикнул офицер.

И райоты падали, как колосья под серпом. Одним из первых упал ничком, с протянутыми вперед руками непротивленец санниази.

Сопротивление райотов было сломлено. Джемс вновь стал их полноправным начальником.

IX. ДОРОГОЙ ЧАНДАНА

Крихна пришел в себя только ночью. Голова его сильно болела. Всю ночь он не спал, все думал, глядя на небо.

Над Крихной пролетало алое разметанное облако. Юноша смотрел на него, продолжая думать все ту же напряженную думу, как будто решал какую-то трудную задачу. И вдруг он решил ее.

— Красная рубаха! — прошептал он, протягивая руку к облаку.

Вечером того же дня Крихна вместе с Бульбуле отнес тело отца на берег реки, разложил костер и поджег сухие поленья. Бульбуле затянула протяжную погребальную песню.

Когда костер догорел, Крихна собрал пепел, всыпал в большой глиняный горшок и пустил его в воду. Горшок мягко закачался на волнах.

Крихна провожал его глазами, и ему казалось, что с этим горшком навсегда уплывает его мирное прошлое. Горшок скрылся за поворотом. Крихна долго глядел на реку, которая стала вдруг иною.

Весь мир стал иным.

Потом он тряхнул головой, подошел к Бульбуле и положил ей руки на плечи.

— Прощай, Бульбуле! Я ухожу.

— Куда, Крихна? — испуганно расширила глаза девушка.

— Я еду в горы — к Чандану и его повстанцам.

Крихна круто повернулся и крупными шагами начал удаляться от девушки. Сцепив пальцы, она стояла неподвижно и глядела ему вслед. А он все ускорял шаги, боясь услышать за собой крик покинутой. Он знал, что даже крик девушки не остановит его. Но будет еще больнее, сердце его обольется кровью — и он почти бежал.

Так и есть. Она кричит. Но в этом крике послышалось что-то такое, что заставило его замедлить шаги. Так не кричат раненные насмерть.

— Крихна! Стой, Крихна! Подожди меня!

Бульбуле метнулась вперед. Быстро догнала Крихну и, схватив его за руку, горячо заговорила:

— Я пойду с тобой, Крихна. Возьми меня с собой!

Крихна посмотрел на нее. Полудетское лицо стало суровым.

— Я научусь стрелять из ружья. Не гони меня! Я ведь сильная и ловкая, Крихна!

— Ладно! — тряхнул головой юноша. — Идем вместе.

Не оборачиваясь в сторону деревни, оба зашагали к джунглям.

ВЕСЕЛЫЙ ТАИ

ТАИ ТАНЦУЕТ

Он пришел в лес с песней.

Багровый клуб лучей заходящего солнца запутался в чаще и, словно задыхаясь, угасал. Нетерпеливая тропическая ночь, не ожидая заката, вступала в лес с востока, ложилась на сухую почву, поднималась по толстым стволам вверх.

В лесу раздавались последние удары топора. Слоны спешили до наступления темноты дотащить срубленные деревья к спуску. С ветки на ветку, с дерева на дерево прыгали веселые серые белки — они торопились укрыться в своем дупле, пока не раскрыл свои ночные, бесшумные крылья когтистый филин. Лес засыпал.

В это время раздалась в лесу его песня.

— Ну и голос! — сказал старый малаец и даже прикрыл глаза от удовольствия.

— Как серебряный колокольчик!

— Соловей садов богдыхана! — заметил кули.

— А песня! Как речной ручей разливается!

Лесорубы, с топорами на плечах направлявшиеся в лагерь, приостановились, заслушавшись неведомого певца.

Совсем стемнело. И теперь казалось, что это поет сама ночь.

Странная песнь! Переливается. Как будто веселая, а грустно от нее. Но в грусти — надежда. Щемит сердце, и смеяться хочется...

Вот певец подошел к лагерному костру. Стройный бронзовый юноша в одних шароварах из свернутого куска материи — понунга. Волосы на голове собраны в пучок. Его зубы не были черны от бетеля, как у большинства сиамцев, и в улыбке сверкали ослепительно. Глядя на эту широкую, открытую улыбку, лесорубы невольно заулыбались сами.

— Веселый таи[1], — сказал старый кули.

Так и пошла за ним кличка — Веселый Таи. Никто не поинтересовался его именем.

— Здравствуйте, вот и я! — сказал Таи, бросая топор на землю.

— Здравствуй! — ответил за всех малаец Чумалонгкорн. — Ты хорошо поешь. Садись.

— Попить бы! А где ваши бараки? — спросил Таи.

Лесорубы рассмеялись.

— Чем тебе не бараки? — сказал лао[2], показывая на шалаши из веток. — Дождь промочит, солнце высушит.

---

[1] Таи — название сиамцев.

[2] Лао — одно из племен, населяющих Сиам.

— Но мне говорили...

— ...Бараки, столовые, горячие обеды, и деньги греби лопатой? Не правда ли? Все мы попадаемся на эту удочку. А за водицей изволь сходить к ручью. Рукой подать, если она у тебя длиной в тысячу слоновьих хоботов. Вот ведра. Чумалонгкорн проводит тебя.

Надо же использовать новичка!

Таи принес воды, напился и улегся у костра. Истомленные работой, лесорубы начали засыпать, как вдруг раздались звуки гавайской гитары. Молодой китаец Лу Фую играл мастерски.

При первых же звуках Веселый Таи улыбнулся широко и весело и вскочил на ноги. Трепет артистического вдохновения прошел по его телу, словно Лу Фую заставлял вибрировать не струны гитары, а его нервы.

Таи стоял на месте, сгибая и разгибая колени и разводя руками. Легко покачивался на подошвах, все еще не сходя с места. И вдруг вскрикнул и сделал гигантский прыжок.

Задремавшие лесорубы подняли головы и с изумлением посмотрели на танцора.

А Таи увлекался все больше. Его гибкое молодое тело умело говорить красноречивее языка. Если бы в эту минуту его видали танцоры — мировые знаменитости, — они лопнули бы от зависти. Это было настоящее высокое искусство. В танце Таи не только передавал свое настроение — он рассказывал целую повесть.

Вот он увидал ее — необычайную девушку, красивей которой не было и не будет на свете. Она стройнее пальмы, краше молодого месяца, слаще меда — нежный, благоуханный цветок... Вот вспыхнула любовь в глазах Таи — могло ли быть иначе? И Таи пылает, как факел любви. Он протягивает к ней руки, умоляет ее. Она отвечает взаимностью! Таи счастлив. О, может ли человек быть так счастлив?!

И вдруг... Словно гром среди ясного неба.

Таи хватает себя за голову. Лицо его искажено страданием. Судорога отчаянья потрясает тело. Она — любимая — уходит от него!

Таи бросается на колени, протягивает руки к уходящей тени. Напрасно! Любимой больше нет.

Глыба несчастья придавила Таи. Он закрывает руками лицо, опускает голову и вдруг без сил и сознания падает на землю...

Гавайская гитара жалобно мяукнула и замолчала.

Лесорубы сидели молча, с угрюмыми лицами, словно они были свидетелями настоящей трагедии, только что разыгравшейся на их глазах.

ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА

— Это не танец. Это жизнь. Так не выдумаешь. Ты пережил все это, Веселый Таи? — спросил Чумалонгкорн. — Ты потерял девушку? Невесту? Жену? Расскажи нам, как это было! Она ушла к другому? Изменила тебе? Ее соблазнил белый негодяй? Француз? Англичанин? Расскажи нам, как это было!

Таи поднял лицо и улыбнулся. Таков уж был у Таи характер!

— Измена — ржавчина. Золото не знает ржавчины. А сердце Миндры — из чистого золота. Она не изменила мне! — ответил Таи, сверкнув глазами.

— Значит, она умерла?

— Она умерла для меня, но она должна воскреснуть! — И лицо его вновь озарилось улыбкой, словно он уже видел ее воскресшей. — Слушайте! Я расскажу вам, как это было.

Наша деревня недалеко от города Кыонг-Май. Миндра — девушка из соседней деревни. Сирота. Она ничего не имела кроме золотого сердца... Нет, не так. Миндра была самая богатая невеста в мире. Она так красива, что можно ослепнуть, глядя на ее красоту. Как солнце! Разве это не богатство? Сам принц отдал бы за нее королевство. А она полюбила меня, бедняка. За то, что я веселый. «Милый Сури! Веселье — это тоже богатство», — говорила она мне. Так зовут меня — Сури Вонзе. И мы женились. Я арендовал кусочек земли...

— У кого? — спросил кули.

— У нас вся земля принадлежит Кинбруку.

— И там он!

— Этот Кинбрук скоро проглотит весь Сиам[1], с королем и его белыми слонами!

Лесорубы хорошо знали имя Кинбрука, сэра Генри Кинбрука, пэра Англии, лорда, члена «Звездной палаты». Огромные лесные площади между реками Менамом и Салуеном, рисовые поля, табачные плантации принадлежали ему. Слоновая кость, перец, кожи наполняли огромные склады Кинбрука в Бангкоке[2]. Бангкокская контора занимала целое здание. А вилла Кинбрука была лучшая в городе.

— Продолжай, ВеселыйТаи!

— Я и Миндра начали заниматься хозяйством. Тан Чиняо, управляющий Кинбрука, сказал мне: «Вас теперь двое», и набавил арендную плату.

«Земля не будет родить больше от того, что нас двое, а теперь у нас два рта для риса», — ответил я. Но Тан Чиняо не послушал меня... Налог, аренда, проценты ростовщикам... Очень трудно было жить. Голодно жили. Но ничего. Весело жили! — И Таи беззаботно улыбнулся. — А тут случился неурожай. И я не мог уплатить Кинбруку.

— Сколько? — спросил Лу Фую.

— Тридцать бахт[3], — ответилТаи.

— Не так уж и много.

— Немного, у кого денег много, — возразил Таи. — У меня было десять бахт. Я предлагал их Тан Чиняо. Он требовал сразу все. Я не мог достать тридцати бахт. Ростовщики требовали старые долги. Тогда Тан Чиняо сказал:

«Я возьму в залог Миндру. Она будет бесплатно работать на рисовых плантациях, пока ты не уплатишь долга. Это будет вместо процентов. А не отдашь долга... Миндра стоит тридцать бахт!»

«Вырежь лучше мое сердце!» — сказал я.

[1] Сиам — «независимое» королевство в Индокитае, фактически сфера влияния Франции и в особенности Англии. Англичане имеют право приобретать в Сиаме земли, в их же руках находится охрана лесов и экспорт леса. Наибольшую ценность представляет тиковое дерево, которое идет на судостроение и постройку вагонов.

[2] Бангкок — столица Сиама.

[3] Серебряный бахт равен 1/12 английского фунта стерлингов.

«На что мне оно, твое сердце? Я не ворон и не ем падали, — ответил Тан Чиняо. — Мне нужна Миндра. Если ты любишь ее, то найдешь деньги!»

И Тан Чиняо увел Миндру, а меня выгнал из дома. Я остался без земли и Миндры.

— Это неправильно! — горячо сказал молодой кули. — Я читал: есть такой закон. Никого больше нельзя продавать в рабство.

— Тан Чиняо сказал: «Это не рабство, а залог. Отдай деньги, и я не трону твою Миндру».

— Закон, закон! — с горькой усмешкой сказал Чумалонгкорн. — Мало ли что пишут в законах! А наша жизнь разве лучше рабства? Ну, и что же ты сделал, Веселый Таи?

Таи улыбнулся.

— Миндра очень плакала, расставаясь со мной. И я тоже. Потом Тан Чиняо сказал мне:

«Не вешай носа, Сури Вонзе. Иди на лесозаготовки мистера Кинбрука. Там ты будешь получать целых десять бахт — и ты выкупишь свою Миндру». Тан Чиняо не совсем злой человек. Он подал добрый совет. На последние деньги купил я топор и вот пришел сюда. Три месяца — не так уж много!

Последнее облачко грусти сошло с лица Сури. Он вновь стал Веселым Таи.

Лесорубы заговорили все сразу. Они начали доказывать Таи, что его расчеты неправильны.

— А за рис сколько у тебя вычтут?

— А штрафные?

— А Ву Ван? Ты еще не знаешь Ву Вана! Сегодня он не пришел. Наверно, повез награбленные деньги в контору Кинбрука.

— Сколько же месяцев мне надо работать, чтобы выкупить Миндру? — спросил Таи упавшим голосом.

Лесорубы начали считать — кто на бахты, кто на тикали[1].

Выходило по-разному. Все сходились только в одном: Веселому Таи не выкупить Миндры раньше года, и то при непременном условии, если Таи не попадет в лапы Ву Вана.

[1] Тикаль равен 60 центам мексиканского доллара.

— А разве это возможно?!
— Кто такой Ву Ван?
— Демон-соблазнитель. Дух тьмы и порока.
— Исчадие ада!
— Агент мистера Кинбрука!

ДОРОГА К МИНДРЕ

Еще тук-хаи[1] не прокричал перед рассветом в соседней деревне, еще летучие мыши бесшумным, немым полетом чертили зигзаги меж толстыми стволами деревьев, а Таи уже проснулся. Ему не спалось. Он спешил скорее приняться за работу. Валить толстые сухие стволы тиков. Ведь каждый удар топора прорубал дорогу к свиданию с Миндрой!

Молчаливый лес еще кутался во влажной простыне ночных испарений. Где-то пронзительно трубил слон, требуя, чтобы его скорее вели на водопой.

— Вставать, лентяи! — крикнул визгливый бабий голос. Таи вздрогнул от неожиданности. Лесорубы зашевелились. На ощупь искали оцепенелыми от сна руками топоры, кашляли, переругивались. А тот же визгливый голос словно подстегивал кнутиком:

— Скорей! Скорей, лентяи!

Это был голос надсмотрщика Ли Тайчао, которого китайские кули, работавшие на лесозаготовках, прозвали Ди-бао — полицейский.

Во мраке, спотыкаясь о сучья, брел Таи по незнакомой дороге.

Когда лесорубы пришли на место, вершины деревьев зарозовели. Тонкий луч пронизал чащу и осветил высокий ствол. Таи напал на него со своим топором, как на врага; и рубил без перерыва.

— Так тебя надолго не хватит! — сказал сосед Лу Фую.

— Молчать! Не разговаривать. Что портишь новичка? —

[1] Тук-хаи — птица. Живет на крышах домов. Несколько раз в сутки издает резкий крик, который служит часами деревенским жителям.

закричал вездесущий Ди-бао и стеганул хлыстом по голой спине кули.

Таи был удивлен спокойствием Лу Фую, который под ударом только повел плечом. Привычное дело!

Скоро Таи убедился в том, что Лу Фую был прав: так работать нельзя. Еще не прошло трех часов с начала работы. а Таи почувствовал, что руки его одеревенели, спина болела. Пот заливал глаза. С каждым часом солнце жгло все сильнее. Временами Таи казалось, что он работает среди лесного пожара. Невыносимо хотелось пить. Он бросил топор и спросил:

— Где бы напиться?

— Напиться? Глупости! Работать надо! Лентяй! — налетел на него Ди-бао. — Вечером напьешься! А не хочешь работать — уходи из леса!

«Не хочешь работать!» Он ли не хочет работать?.. Таи вздохнул и снова взялся за топор. Для Миндры он готов умереть от жажды! Дорога к Миндре — через лес. Бедная Миндра! Быть может, и она сейчас вот так же мучится от жажды... А может быть, и еще хуже?.. Таи вспоминает лоснящееся лицо Тан Чиняо и его масленые глаза кота. Этими глазами он смотрел на Миндру, когда уводил ее к себе...

Таи со стоном вонзает топор в дерево. Щепки летят каскадом... Даже Ди-бао доволен!..

Это был тяжелый день. В полдень, когда солнце стояло над головой, Ди-бао крикнул:

— Бросай!

Все побросали топоры, расселись в тени и вынули холодный рис, завернутый в тряпочку. Таи не имел риса — он только вчера пришел в лес, — и Лу Фую, который так хорошо играл на гавайской гитаре, разделил с Таи свою скудную трапезу. Лу Фую объяснил, что этот рис им приходится покупать у хозяина по дорогой цене.

— Легкий завтрак! — сказал Таи, сразу отправив в рот всю горсть риса. — А когда обед?

Лу Фую улыбнулся. Он ел рис медленно, кладя в рот по два-три зернышка и старательно разжевывая их.

— Это все. Завтрак, обед и ужин! — ответил он, покончив с рисом и вылизав ладонь.

— Но разве можно прожить этой горстью и работать?..

— Рубить! — уже кричал Ди-бао, хотя перерыв не продолжался и получаса.

В лесу снова застучали топоры. Под вечер Таи рубил как в бреду. Он почти не сознавал, что делает. Ди-бао бранил его, даже стегнул хлыстом по спине. А может быть, это и померещилось...

Работу прекратил не Ди-бао. Работу прекратило солнце: оно отказалось больше светить. Ошалевший от усталости, Таи не мог понять, почему он перестал видеть ствол. Лу Фую ударил Таи по плечу и сказал:

— Тебя надо отрывать от работы. Ты больно спешишь к своей Миндре! Спеши не спеши — раньше года не увидишь ее. И то, если Ву Ван не опутает тебя.

Таи побрел к лагерю, не чувствуя ног и рук. Но ему пришлось еще идти далеко за водой. У ручья он пил и не мог напиться. А когда наконец пришел к костру. Чумалонгкорн посмотрел на него насмешливо, спросил:

— Ты нам не потанцуешь сегодня, Веселый Таи?

КРУГЛАЯ ЦИНОВКА

На третий день пребывания в лесу Таи наконец увидал Ву Вана, о котором так много слышал.

Ву Ван совсем не был похож на исчадие ада. Наоборот, он показался Таи очень симпатичным, простодушным, веселым, уже не молодым китайцем.

Когда лесорубы вернулись после работы, Ву Ван уже сидел у костра. Его реденькая бородка тряслась от смеха, лицо смеялось тысячью морщинок. Глаза сощурены так узко, что видны были только зрачки, сверкавшие при свете костра, как золотые бисеринки.

На земле перед ним лежала круглая серая циновка, разделенная красной полосой на четыре сегмента. Холщовый мешок и небольшой замшевый мешочек аккуратно сложены возле циновки.

— Ну, кто? Кто? Кто? Кто хочет иметь целую кучу денег? Держу банк! Занимайте места, дятлы! Довольно настукались. Отдохнуть надо, дятлы! Поиграть надо! Кто? Кто? Кто?

Таи удивился: лесорубы, которые отзывались о Ву Ване с таким презрением и озлоблением, встретили его веселыми шутками, как старого приятеля.

— Опять обчистишь нас?

— А угощение будет?

— Брось ты свою циновку, давай карты!

Ву Ван отвечал всем сразу:

— Зачем чистить? Вы еще сами меня обчистите! Будет и угощение! Кто выиграет, тот и угостит себя и других! Вынем и карты. Всему свой черед, дятлы!

Ву Ван внес оживление. Сиамцы — азартные игроки. Да и чем больше развлечься в лесу?

Ву Ван, болтая без умолку, вынул из холщового мешка кучу раковин-ужовок и насыпал на середину циновки. Четыре игрока уселись в кружок и положили ставки — не больше трех мелких монет, — каждый на свой сегмент. Затем Ву Ван начал отбирать из кучи по четыре раковины. Выигрывал тот, в чьем сегменте оказывалось число монет, равное остатку раковин — в одну, две или три штуки. Выигравший получал двойную ставку. Если раковины расходились без остатка, банкомет брал все ставки.

Игра заинтересовала Таи. В нем уже загоралась страсть игрока. Ву Ван каждый раз складывал раковины в мешок, и каждый раз в остатке было разное количество раковин. Игрой, казалось, управлял случай. Чистая игра. Иногда выигрывали лесорубы, иногда Ву Ван. И только общий итог игры мог заставить призадуматься: Ву Ван всегда оказывался в выигрыше.

Таи не знал, что тонкие, нервные пальцы Ву Вана — пальцы жонглера — на ощупь могли вытащить из мешка любое количество раковин. Банкомет управлял игрой. Подзадоривал выигрышами в начале и срывал банк в конце игры.

Лесорубы знали, что Ву Ван — шулер. Знали они и то, что Ву Ван — агент Кинбрука, важный винтик в системе эксплуатации.

Но играть так хотелось! А проигрыш? Надо же платить за удовольствие. «Даром и музыка не играет!» И лесорубы играли, неизменно проигрывали, влезали в неоплатные долги, безнадежно, на годы закабалялись, как рабы...

Лу Фую выиграл. Ву Ван развязал замшевый мешочек и честно отсчитал счастливчику шесть монет...

— Не хочешь ли угостить товарищей? — И, не дождавшись ответа, Ву Ван вынул из холщового мешка бутылку водки и стаканчик. Выигрыш Лу Фую перешел обратно в замшевый мешочек Ву Вана, а водка, разбавленная водой и настоянная на перце, перелилась в глотки лесорубов, жгучая, как расплавленный металл. Настроение сразу поднялось.

— Карты! Давай карты!

Появились карты. В игре приняли участие многие.

Когда Чумалонгкорн выиграл сразу десять бахт, у Таи захватило дыхание. Ведь три таких выигрыша, и Миндра на свободе!..

— Что не играешь, новичок? — спросил Ву Ван. От острых глаз не ускользнуло волнение Таи.

— Еще не заработал! — ответил юноша.

— Ничего. В долг запишем. Имя?

— Сури Вонзе.

— Есть! Подпиши только бумажку. А выиграешь — получай наличными.

Демон-соблазнитель глубоко запустил когти...

Таи сделал свою первую ставку — и выиграл. Лицо Миндры улыбнулось ему.

— Прощай теперь твоя Миндра! — зловеще сказал Чумалонгкорн.

КТО ИГРАЕТ БЕЗ ПРОИГРЫША

Жизнь Таи раздвоилась. Весь день он «прорубал дорогу к Миндре». Это был каторжно-тяжелый труд...

А с закатом солнца приходил, как дух тьмы, Ву Ван, и начиналось безумие...

Таи мечтал о большом выигрыше. Ему казалось выиграть Миндру у случая скорее, чем прорубить к ней дорогу через лес. Но чем больше играл Таи, тем длиннее становилась эта дорога.

Ву Ван от времени до времени исчезал, и тогда на Таи находило тяжелое раздумье. Вместе с Лу Фую они начинали

подсчитывать, путаясь в цифрах и валютах и поправляя друг друга, сколько задолжал Таи и сколько ему теперь надо отработать за долг. С каждым разом получались все более неутешительные выводы.

— Если ты больше играть не будешь, — с этого всегда начинал Лу Фую, — то тебе придется отработать семнадцать месяцев...

— Не может быть! Ты ошибся! — взволнованно прерывал Таи.

— Считай сам. Сто пятьдесят бахт проигрыша. Да тридцать тебе надо за Миндру уплатить... Да удержания... вычеты... Даже больше выходит!

— Будь он проклят! — ворчал Таи. — Почти два года! Ну... а если повезет? Если выиграть?..

— Брось игру! Топором не скоро, да верней! — говаривал Лу Фую.

И Таи давал себе слово больше не играть.

Но довольно было прийти Ву Вану и весело закричать: «Ну, кто? Кто? Кто хочет выиграть кучу денег? Подходите, дятлы!» — и Таи не мог устоять.

Он очень изменился за это время. Похудел, почернел, лицо опухло, волосы всклокочены, в глазах — ошалелая тупость. И улыбка стала болезненной, кривой. Таи пристрастился не только к игре, но и к жгучей водке.

Однажды, увидав в ведре с водою свое отражение, он не узнал себя, а узнав, испугался. Неужели это он, веселый красавец Таи?.. Если бы Миндра увидала его теперь!.. Эта мысль поразила его. И он поклялся тут же над ведром больше не играть.

На его счастье, в этот вечер Ву Вана не было. Не было игры, не было водки, Таи мог подумать на свободе.

И вдруг новая мысль заставила его содрогнуться. Он поймал себя на том, что скучает без Ву Вана. Ву Вана не было, и Таи думал о нем больше, чем о Миндре.Таи только сейчас ясно понял, что игра из средства давно превратилась в цель. Игра стала страстью, которая овладела им не меньше, чем любовь к его нежной Миндре. Даже больше. Да, больше, как ни ужасно в этом признаться! Ведь для Таи давно ясно, что, садясь играть, он не приближает, а отдаляет час свида-

ния с Миндрой. Миндра страдает, ждет его, а он преступно проигрывает ее судьбу в карты. И во всем виноват Ву Ван, дух тьмы, исчадие ада.

Там, где-то, за Ву Ваном, стоял сэр Генри Кинбрук, волю которого исполнял Ву Ван. Это лорд Кинбрук, пэр Англии, член «Звездной палаты», играл с Таи без проигрыша! Но Таи знал и видел только Ву Вана и на него перенес весь свой гнев и свою ненависть. И пока Ву Ван приходит в лес со своими картами, циновкой и водкой, Таи не вырваться из его когтей и никогда-никогда не видать ему Миндры...

В эту ночь ему снилась Миндра, чье лицо прекраснее месяца... Она наклонилась к нему, обняла, поцеловала и вдруг начала плакать.

— Ты погубил себя и меня, Сури! — сказала она.

— Не я, а он, проклятый Ву Ван! — громко ответил Таи и проснулся. Лицо его было мокро от слез...

— Вставать, лентяи! — визгливо кричал Ди-бао.

ИГРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Он пришел опять, этот демон-искуситель.

— Эй, кто? Кто? Кто?..

— Чего же ты не играешь, Веселый Таи? — спросил Чумалонгкорн.

— Сегодня мне и без игры весело, — ответил Таи. — Я сегодня хочу танцевать. Играй, Лу-Фую!

И под звуки гитары Таи начал танцевать так, как он еще никогда не танцевал. Он снова переживал свою любовь и печальную разлуку... Вот она уходит от него... Таи в отчаянии падает на колени, опускает голову... Взгляд его падает на лежащий топор.

Таи вскрикивает, хватает топор, одним прыжком подбегает к Ву Вану и раскалывает ему череп.

...Вот и весь рассказ о Веселом Таи. Его уже нет, артиста, певца, танцора. Таи казнили. С его топором работает уже новый лесоруб — печальный лао.

А мешок с картами, раковинами, круглой циновкой и водкой перешел к Ван Юшену. Какая разница? Игра продолжается!

Миндра? Но кому интересна судьба какой-то бедной таи? Газеты об этом не пишут. Есть более интересный материал.

Например: о щедром пожертвовании лордом Кинбруком в фонд Армии спасения.

Читатели «Таймса» любят умилиться над проявлением гуманности. А гуманность сэра Генри поистине достойна умиления!

ОСВОБОЖДЕННЫЕ РАБЫ

ЦИЛИНДР МИСТЕРА РОССЕЛЯ

Бузи работал в поте лица. Он натирал сухой, мягкой тряпкой полированную поверхность черного круглого стола. Она давно уже блестела, как зеркало, и Бузи, наклоняясь, видел свою голову — курчавую, черную голову негра, с крупными каплями пота на лбу.

Когда капли угрожали упасть на поверхность стола, Бузи снимал их пальцами и этими же пальцами, мокрыми от пота, проводил по блестящей поверхности цилиндра, стоявшего возле на маленьком столике.

Бузи усиленно добывал пот. В этом была главная цель его работы. Пот был продуктом его производства.

Хозяин Бузи — тоже негр, но негр богатый, «цивилизованный», каучуковый плантатор, мистер Адам Россель — находил, что ничто так не придает блеска цилиндру, как человеческий пот. И Россель ежедневно заставлял Бузи в продолжение нескольких часов потеть над лакированным столом, чтобы этот пот превратить в «шик и блеск высшего тона».

И действительно: когда мистер Россель выходил на улицу в своем цилиндре, на него все обращали внимание. Цилиндр так блестел, что тропическое солнце отражалось от него зайчиками.

— Мистер Россель! Какое средство употребляете вы, чтобы придать вашему цилиндру такой ослепительный блеск? — спрашивали знакомые — богатые негры его круга. Россель молчал и только загадочно улыбался. Это был его секрет.

Цилиндр блестел уже как полированный стол, когда в

комнату вошел Россель и застал своего слугу на месте преступления: вместо того, чтобы брать пот только со лба, как было приказано, Бузи для ускорения работы снял с шеи целую пригоршню капель, — и Россель заметил это. В сущности говоря, химический состав продукта, получаемого с шеи, должен быть одинаковым, но Россель предпочитал лобный пот, быть может, по своеобразным эстетическим соображениям.

Россель подошел к Бузи и ударил его по щеке так сильно, что голова слуги сразу повернулась в другую сторону.

— В наказание ты еще раз перекроешь потом со лба весь цилиндр! — сказал Россель и уселся в кресло.

На Росселе были желтые ботинки, черные суконные брюки на подтяжках и накрахмаленная рубашка с таким тугим, узким и высоким воротником, что толстая темная шея лежала наплывом вокруг воротника, как тесто, вылезшее из квашни. При каждом вздохе живот Росселя высоко поднимался.

Бузи вновь принялся за работу.

— Больше движений! Всем телом! — командовал Россель.

С Бузи давно уже сошло семь потов. О, если бы можно было весь пот выделять одним лбом, как собака языком. Тогда работа пошла бы скорее.

Бузи потел. Потел и Россель: от жары, собственной полноты и узких воротничков. Но росселевская продукция пропадала без пользы — она была даже вредна: размачивала туго накрахмаленный воротник в тряпку.

Россель кого-то поджидал. Он с удовольствием осматривал безвкусно, но «богато» обставленную гостиную своего бунгало и часто поглядывал на дверь.

С веранды послышались босые, словно крадущиеся шаги.

— Я здесь! Алло! — крикнул Россель.

На пороге комнаты появились три рослых негра в белых коротких штанах. Россель кивнул им головой.

Негры ворвались в комнату, как звери на арену цирка, и схватили Бузи. Он был крепко связан ими, прежде чем успел что-либо сообразить.

Кряхтя и отдуваясь, Россель поднялся и вышел из бунгало на двор, поросший пальмами. В глубине двора стоял сарай, в котором хранился каучук.

— Ведите сюда! — крикнул Россель.

Негры отвели Бузи в сарай, бросили на груду каучука и закрыли дверь. Россель попробовал замок и положил ключ в карман.

Через полчаса он уже шагал по улицам города в сверкающем цилиндре, черном, наглухо застегнутом сюртуке и желтых перчатках. Стояло самое жаркое время тропического лета. Мистер Россель чувствовал себя в сюртуке, как в паровой ванне. Но он считал себя денди и не признавал другого костюма.

В конце улицы среди пальм выделялся большой деревянный дом, над входом которого висела вывеска. На черном фоне крупные золотые буквы: «*Файрстон*».

КРАМОЛЬНАЯ МАРКА

Широкое окно кабинета, затянутое густой металлической сеткой, выходило в сад. На стене висела большая карта Либерии, испещренная черными кружками, отмечавшими каучуковые плантации американской фирмы «Файрстон». Простой деревянный стол был завален образцами каучука, спрессованного в черные шарики и пластины. Тут же стояли весы и лежали ножи, которыми разрезался каучук. Его принимали по весу, и местные плантаторы нередко клали в середину каучука камешки и куски дерева для большего веса. Приходилось разрезать шарики и пластинки, чтобы обнаружить эти проделки.

Над входной дверью крест-накрест висели два огромных слоновых клыка.

У большого письменного стола в плетеных креслах сидели трое уполномоченных фирмы «Файрстон» — мистер Блэкмор, с желтым болезненным лицом и лихорадочными глазами; белый, еще не загоревший под тропическим солнцем англичанин-коммивояжер Кенн и местный пастор Джорж Норман, в высоких сапогах, рыжий, здоровый чело-

век, больше похожий на скотопромышленника, усиленно курил сигару.

Блэкмор медленно покачивался в кресле и говорил:

— Это была прекрасная, высокотуманная идея. Либерия! Страна свободы, от латинского слова «либер» — свободный. Страна освобожденных рабов. Свободная, независимая негритянская республика!

В дверях появился негр и доложил:

— Мистер Адам Россель!

— Пусть подождет на веранде! — небрежно ответил Блэкмор.

Через закрытую стеклянную дверь из кабинета было видно, как Россель взошел на веранду, — черный и блестящий, словно вычищенный сапог, — уселся в кресло, не спеша снял цилиндр и перчатку с правой руки и с преувеличенной развязностью положил ногу на ногу, как будто выставляя напоказ желтый ботинок.

— У них даже президент негр. Оригинально? Посмотрите хотя бы на этого джентльмена. Разве он похож на раба? — Блэкмор кивком головы указал на Росселя.

— И тем не менее этого джентльмена вы не приглашаете в кабинет, а заставляете ожидать на веранде, — не без ядовитости заметил Кенн.

Его соотечественники обходились с неграми не лучше американцев. Но «Файрстон» конкурировал с английскими фирмами, и Кенн не мог отказать себе в удовольствии уколоть «дядюшку Сэма».

— Мы дали неграм свободу, — напыщенно возразил Блэкмор, — но мы не можем им дать кожи и души белого человека. Низшая раса! С этим уж ничего не поделаешь. Ну, посмотрите на него! Кому бы из нас пришла в голову дикая мысль — надеть желтые ботинки к сюртучному костюму?

Кенн рассмеялся.

— И уж конечно, никому из нас не пришла бы в голову еще более дикая мысль — в тропический полдень надеть на себя черный сюртучный костюм!

Россель нетерпеливо переложил ногу на ногу.

— Однако Адам волнуется. Идемте на веранду! — сказал Блэкмор.

— Ну, как дела, мистер Россель?

— Я принес неутешительные новости, мистер! — ответил Россель и, когда все уселись, продолжал: — Вы знаете, что на плантациях неспокойно. Рабочие грубят надсмотрщикам и даже осмеливаются предъявлять нам требования. Без агитатора здесь не обошлось. Но кто он, как найти его — вот в чем был вопрос!..

— Был вопрос. Значит, теперь этот вопрос разрешен? Вы нашли агитатора, мистер Россель?

— Думаю, что да.

— Кто же он?

— Мой слуга Бузи!

— Эта глупая антилопа?

— И глупые антилопы умеют бодаться, мистер Блэкмор. У них очень острые рога!

— Но из чего вы заключаете, что Бузи — агитатор? — вмешался пастор.

Россель сделал значительное лицо.

— Веские улики! В отсутствие Бузи я зашел в его комнату. И что же оказалось? Он знает грамоту. Читает по-английски. Я нашел у него на столе несколько политических книг и старых газет — и откуда только он достает их? Бузи, очевидно, умеет и писать. У него есть чернильница, бумага, пенал для ручек и перьев.

— Однако всего этого...

— Недостаточно? Так вот вам самое главное: в его пенале я нашел русскую большевистскую марку с портретом Ленина!

Слушатели были поражены.

— Марка погашена? — спросил Блэкмор.

— Нет, на вид чистая. Но, может быть, Бузи вывел штемпель. Марка синего цвета. Портрет Ленина и по сторонам «14x14».

— Неужели Бузи находился в переписке с большевиками?

— Во всяком случае он является поклонником, а значит, и последователем Ленина. В этом же пенале лежало маленькое стеклышко — размером немного больше марки. Бузи,

очевидно, хотел сделать что-то вроде медальона с портретом революционного вождя.

— Это очень серьезно! — сказал Блэкмор. Больное лицо его было очень озабочено. — Неужели эта зараза...

— Так вот почему мои прихожане перестали заглядывать в церковь! — сказал пастор. — Только пара тугих на ухо старух да глухой Джим. Мне приходится проповедовать слово божие глухим, а «имеющие уши» не хотят слушать меня.

— Надо немедленно сообщить начальнику полиции. Где Бузи?

— Я подверг его домашнему аресту, — ответил Россель.

— Хорошо сделали. Подумать только! Значит, эта красная чума добралась и до черной Либерии!

ИЗ-ЗА ПРЕКРАСНЫХ ГЛАЗ

Бузи не мог понять, за что его неожиданно схватили, связали и бросили на груду каучука в темном сарае.

«Неужели только за то, что я взял немного пота с шеи?»...

Какие еще неприятности ожидают его...

Бузи лежал на твердых каучуковых шариках и думал о своей судьбе.

Ему вспомнилась родная деревня в плодородной горной равнине, по которой бродят стада антилоп и буйволов. Невысокие холмы, поросшие тропическим лесом, а в лесу — звери, птицы. Охота на слонов, чистый воздух, яркое солнце. Как он был счастлив тогда!

Их деревня — как и другие в этой отдаленной части Либерии — жила коммуной: вместе пасли скот, вместе охотились, делили добычу и приплод.

Там, в низменной прибрежной полосе, жили «цивилизованные» негры, которые ходили в европейских костюмах, торговали, играли на гармониях, на жестяных трубах, литаврах и тромбонах, пили ром и играли в карты. Обо всем этом Бузи знал по рассказам односельчан, бывавших в столице Либерии — Монровии, куда они ездили на буйволах продавать плоды земли и слоновую кость.

Время от времени в деревне появлялись «цивилизованные» негры в странных, неудобных костюмах. Иногда приез-

жали и белые и вели переговоры со старшинами о найме рабочих для каучуковых плантаций. Вербовщики пускали в ход все — обманы, насилие, подкуп старшин, — чтобы только закабалить побольше рабочих. Практиковались агентами американских плантаторов даже похищения.

Бузи очень хотелось посмотреть «большой город, где жило больше пяти тысяч людей». Но он очень боялся, как бы его не отправили на плантации. О плантациях ходили плохие слухи. Бузи спасало его искусство выслеживать слонов. Им дорожили старшины как лучшим охотником этого выгодного промысла.

Однажды мечта Бузи — побывать в Монровии — осуществилась, и это было началом его несчастий.

— Ты уже взрослый, Бузи, — сказал отец, — ты хорошо охотишься на слонов, но тебе надо уметь торговать. Поезжай в Монровию с Гаусом. Он покажет тебе, как это делается, и присмотрит за тобой.

Гаус оказался плохим наставником.

Правда, слоновые клыки они продали выгодно и выручили значительную сумму. Но после этого вместо того, чтобы, сделав необходимые закупки, вернуться домой, Гаус сказал Бузи:

— Теперь я покажу тебе ресторан, Бузи. Ты не знаешь, что такое ресторан. В хороший нас не пустят — ты почти голый. Но я знаю один ресторанчик, где обращают внимание не на платье, а на кошелек.

Бузи не мог устоять перед соблазном.

...Была ночь. Был шум, пестрые фонари, оглушительная музыка. Было вино и были женщины. Бузи казалось, что ему снится сон.

После первой рюмки — первое в жизни опьянение! — голова Бузи пошла кругом, и все пошло кругом: фонари, тромбоны, бутылки и женщины... Это было очень занимательно.

А Гаус подзадоривал:

— Пей, Бузи! Пей! Ты уже не мальчишка! Мы хорошо продали кость и заслужили по доброй чарке водки!

Тромбон неистовствовал. Ухал барабан. Табачный дым застилал комнату. И в дыму, как в облаках, посредине комнаты носилась черно-красно-зеленым вихрем полуобнажен-

ная негритянка с повязанным у бедер широким ярким, глазастым шелковым платком.

Гаус куда-то пропал. Иногда из-за дымовой завесы доносился его голос и смех, перекрываемый женским визгом.

За соседним столиком сидел старый американец. Как ни мало знал Бузи жизнь, он все же определил, что этот американец — птица невысокого полета. А рядом с американцем — красивая, молодая негритянская девушка. Ах, какая красивая! Бузи не мог оторвать от нее глаз. Иногда девушка лукаво поглядывала на него, и тогда горячая волна приливала к сердцу Бузи.

Старый американец шепнул девушке, она тотчас послушно встала, подошла к Бузи и непринужденно уселась за его столик. Бузи оробел от неожиданности и счастья.

— Ищешь работы, мальчик? — спросила она, ласково оглядывая его большими карими главами.

— Я не мальчик, — ответил Бузи обиженно. — И я не ищу работы.

Бузи рассказал, зачем он приехал в город. Девушка подсела к нему еще ближе. От нее пахло сладкими душистыми травами. Откуда-то появилось вино. Девушка наливала стакан Бузи, заставляла пить, а сама начала уговаривать его законтрактоваться рабочим на каучуковые плантации. Она расхваливала привольную жизнь рабочих, соблазняла прелестями города.

— По праздникам все рабочие приходят в Монровию повеселиться и потанцевать с девушками. У каждого есть своя. Ты мне понравился, миленький, и я буду любить тебя. Тебе нужно только подписать бумажку. Если ты не можешь, я подпишусь за тебя.

Бузи плохо соображал. Голова кружилась от вина и еще больше от близких ласкающих глаз девушки. Ему дали подписать какую-то бумажку, на которой он поставил замысловатый крючок... Потом ласковые глаза девушки вдруг исчезли, и вместо них Бузи увидал холодные белесые глаза американца.

— Возьмите его! — сухим, как треск сучьев под ногами, голосом крикнул американец...

Это последнее, что ясно помнил Бузи. Он потерял сознание. Его куда-то несли, потом везли на тряской телеге.

ПОЙМАННАЯ ПТИЦА

Проснулся он в бараке каучуковой плантации. Красивая девушка исчезла, как сон. Она сыграла свою роль и получила плату за вербовку от агента Блэкмора...

Началась трудная жизнь на плантации. Палящий зной. Гладкие стволы каучуковых деревьев. Бузи делает надрезы на коре и подставляет голую руку. Светлый сок стекает на руку, засыхает, темнеет, покрывает ее рукавом... Бузи сдирает с руки каучуковый нарост, бросает в корзину и делает новый надрез на коре... Мистер Россель, владелец плантации и акционер фирмы «Файрстон», предпочитает этот старинный африканский способ добывания каучука американскому.

От постоянного сдирания каучукового «пластыря» темная кожа на руке Бузи буреет и вспухает... В тяжкой работе проходят дни — от зари до зари... Грязные бараки, скудная, несвежая пища, ничтожная плата... И никаких праздников, никаких «городских» развлечений... Красивая девушка обманула Бузи: он больше никогда не видел ее...

Бузи изнемогал от непосильного труда, тосковал, как птица в клетке, по родным полям и лесам. Он близок был к самоубийству.

Но тут в его жизни произошла еще одна перемена.

Однажды на плантацию приехал сам мистер Россель с американцем в белом фланелевом костюме.

Россель проходил мимо Бузи, когда налетел ветер и сорвал панаму с головы американца. Шляпа, подхваченная ветром, покатилась по скату холма к пруду. Но прежде чем она успела упасть в воду, Бузи бросился за ней и схватил ее правой, «незамурованной» рукой. Это он сделал не из угодливости. Просто в нем проснулся инстинкт охотника. Ему казалось, что шляпа — недобитая плохо пущенной стрелой птица, которую надо поймать.

Подавая шляпу, Бузи опасался, как бы его не наказали за то, что он прервал работу. Но Россель милостиво сказал ему:

— Ты проворный малый. Из тебя выйдет толк. Ты будешь служить у меня в доме!

И Бузи превратился в «прислугу за все»: стирал и гладил белье, готовил обед, убирал комнаты, ухаживал за лошадью,

поливал цветы... Россель был груб и требователен, но все же в его бунгало Бузи жилось легче, чем на плантации.

Здесь же произошло знаменательное событие в жизни Бузи. Он познакомился с другим слугою Росселя — негром Джоном, недавно приехавшим из Америки.

Джон открыл Бузи новый мир. Они видались ночами, когда все в доме засыпали. Это он, Джон, научил Бузи читать и писать по-английски, снабжал его книгами и подарил марку с изображением Ленина, о котором так много рассказывал интересного.

Бузи хранил марку, как талисман.

... Руки Бузи затекли. Он прислушался. Тихо. Бузи решил действовать.

Когда его связывали веревками, Бузи употребил прием, которому научился еще в деревне: он напряг все свои мускулы и расширил грудную клетку. Теперь, лежа на груде каучука, он выдохнул воздух из груди и распустил мышцы. Веревки сразу ослабели. Бузи ловко сбросил их с себя.

Он встал, помассировал затекшие члены и осмотрел свою тюрьму. Взгляд его скользнул по толстым бревнам стен и остановился на тростниковой крыше.

ВО ИМЯ БОГА И ДОЛЛАРА

— Мистер Россель! Бузи убежал!

Старый, седой негр, выдавив из себя эти слова, закашлялся. От быстрой ходьбы он едва переводил дыхание.

Россель так дернул головой, что высокий крахмальный воротник сразу осел, словно шапокляк.

— Как убежал? Связанный? Сквозь запертую дверь? Вы сами выпустили его, негодяи! Запорю! В тюрьме сгною!

— Вот она, марка-то! — упавшим голосом сказал пастор. — Действует!..

— Мы не виноваты! — оправдывался седой негр. — Бузи вылез через крышу. Разобрал тростник и пролез в дыру, как змей...

— Но как же вы?..

— Этого никто не видел. Мальчик Гай-Гай увидал дыру на крыше и сказал мне. Я и решил: откуда быть дыре?

— Но, может быть, он там? Вы не входили в сарай?

— Ключ у вас, мистер.

— Вот ключ! — сказал Россель. — Иди, открой, посмотри!

Блэкмор, Россель, Норман и Кенн начали совещаться, как поймать беглеца. О гуманности и «освобожденных рабах» уже не говорил никто. Не делал критических замечаний и Кенн. Он был захвачен «событием» не меньше других.

— Надо немедленно позвонить начальнику полиции! — сказал Кенн.

— Да, — согласился Блэкмор. — Но на полицейских слишком надеяться нечего. Полицейских-американцев немного, а туземцы... Что у них в голове? Надо организовать погоню самим!

Блэкмор прошел в кабинет, к карте Либерии. Все последовали за ним, на этот раз не исключая и Росселя. Блэкмор, тыча пальцем в карту, объяснял:

— По всей прибрежной полосе разбросаны плантации. Через плантации Бузи не побежит — там его поймают. У него остается несколько узких проходов между культурными участками. Он может бежать вот здесь или здесь. Если он успеет перебраться за эти холмы, его не найти. На лошадях мы скоро догоним его.

— А собаки не пригодились бы? — спросил Кенн.

— Да, у нас есть пара хороших ищеек, доберман-пинчеров. Надо дать им понюхать след!

Пришел старый негр и подтвердил, что Бузи «совсем убежал». Блэкмор приказал седлать лошадей.

Джорж Норман — пастор — шагал по комнате в волнении и нерешительности. Ему очень хотелось принять участие в этой экспедиции, но не скомпрометирует ли он этим свой сан. Как посмотрит на это Блэкмор?

Норман считал Бузи своим личным врагом не только потому, что этот негр был предполагаемым большевиком и разрушителем религии. Норман вложил в предприятие «Файрстона» церковные суммы, чтобы доходы с них обращать на нужды миссионерства. Разве все это не давало ему права бороться с врагом церкви и общества?

— Мистер Блэкмор... гм... прикажите подать лошадь и для меня! — сказал Норман и вздохнул облегченно, ког-

да Блэкмор охотно согласился, не проявив никакого удивления.

Скоро четыре всадника выехали со двора.

Целый день они носились по дорогам возле плантации, то теряя друг друга из виду, то снова съезжаясь. Собаки беспорядочно перебегали с места на место, видимо, потеряв след. Несчастный Россель не успел даже переодеться. Спина его сюртука блестела от пота, как цилиндр, утверждая, что и спинной пот не хуже другого.

Настала ночь. Яркая луна освещала холмы, поросшие древовидным вереском.

Норман отделился от своих спутников и теперь ехал на зов Блэкмора, трубившего в охотничий рожок.

Вдруг лошадь Нормана захрапела и шарахнулась в сторону. Норман посмотрел, что испугало ее.

Под кустом лежал Бузи, разбросав руки. Истомленный беглец спал как убитый.

Ноздри Нормана расширились, словно у зверя, почуявшего добычу. Колебания еще раз холодным ветерком прошли сквозь его разгоряченную голову... Прилично ли ему, служителю церкви... Но разве он делает это не во имя Христа и церкви? И не перст ли божий в том, что именно он, Норман, встретил Бузи...

Норман осторожно слез с лошади, взял заготовленные ремни, подкрался к Бузи и — во имя Отца и Сына и Святого Духа! — навалился на спящего юношу.

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

— Гастон приехал! Папа! Папа! Дядя Гастон приехал!

Маленькая Ирэн ворвалась в кабинет отца.

Леон Шампетье де Риб посмотрел на дочь. Улыбнулся. Но тучка бровей тотчас согнала с лица луч улыбки.

— Хорошо, хорошо! Иди, детка! Я сейчас приду. Дела прежде всего!

— Дядя Гастон прямо из Парижа, — пролепетала Ирэн и, посмотрев еще раз на брови отца, тихонько вышла из комнаты.

У дверей кабинета отца стоял китаец-управляющий ИДзю. Безмолвный, неподвижный, как статуя.

Покончив с делами и отпустив китайца, Леон Шампетье вошел в столовую.

Там было шумно и весело.

Гастон Гомаре, брат жены, подбрасывал к потолку свою племянницу, приговаривая «Гоп! Гоп!». Высокий, с седеющими волосами, стройный, с ленточкой Почетного легиона в петлице. Увидев Леона, он опустил Ирэн на пол.

— Ну, здравствуй, плантатор! Какие вы все стали черные! Я не узнаю свою сестру Рашель, положительно стала аннамиткой. Вот только Ирэн могла бы быть смуглее. И легкая как пух!

Гастон затронул больное место сестры. Рашель Шампетье, такая же высокая и стройная, как брат, начала с волнением жаловаться на то, что у Ирэн совсем нет аппетита. Иногда повар приготовляет по пяти-шести блюд к завтраку, но Ирэн не притрагивается к ним.

— Цыплят не ест. Яиц не ест. На сливки смотреть не хочет. Все это приходится доедать нашим фоксам. Только от бананов не отказывается.

— Наши врачи никуда не годятся. Надо непременно пригласить детского врача из Туэ, — закончила она, обращаясь к мужу.

— Ну да, ну да, — ответил Леон. — Разумеется. Это уже решено. Хотя, по-моему, Ирэн чувствует себя превосходно. Жива, как ртуть, весела, как молодая белка. — И чтобы поскорее перевести разговор на другую тему, он обратился к гостю: — Ну а ты, дружище Гастон, серьезно решил заделаться плантатором или приехал только полюбоваться на экзотику? Тигры, слоны, носороги, обезьяны? Все это есть, но признаться, кроме домашней обезьяны да слонов, мы здесь не видим экзотики. У нас тут скучная степь — поля, поля. И работа, работа. Как говорится, в поте лица. Да вот ты сам увидишь.

После завтрака решили проехаться на автомобиле, осмотреть владения Шампетье.

Синий автомобиль медленно движется по дороге. В ав-

то — семья Шампетье и Гастон. Все в белых костюмах. На головах мужчин — пробковые шлемы. У Рашель и Ирэн — широкополые соломенные шляпы.

Аметистовое небо, как раскаленная чаша, прикрыло землю. На севере синеют горы, покрытые лесами. На востоке, вдали зеленые просторы Тонкишского залива, кругом рисовые поля, обсаженные шелковичными деревьями. Леон смотрит на все с интересом приезжего.

— Нет, ты не говори, в этом все-таки есть экзотика!

— На парижские бульвары не похоже, это верно! — смеясь, отвечает Леон.

Китаец-шофер переключает скорость. Машина взбирается на небольшой холм, и, когда достигает вершины, Гастон вскрикивает от удивления. По ту сторону холма открылось странное зрелище.

Два десятка молодых и старых аннамиток в рубищах, едва прикрывающих худое тело, запряженных, как волы, тянут тяжелую телегу, нагруженную рисом. А возле женщин погонщик-китаец с длинным бичом.

— Что это? — спрашивает Гастон, обращаясь к Шампетье. Он видит совершенно спокойные лица. Не только Леон, но и Рашель, и даже маленькая Ирэн не выражают ни малейшего удивления. Для них, видимо, это слишком знакомая картина.

— Тебя удивляет это? — спрашивает Леон. — А между тем дело объясняется просто. Оплата двадцати человекодней здесь гораздо ниже, чем расходы по однодневной работе одного буйвола.

— Так это твои вьючные животные? — спрашивает Гастон.

— ИДзю, мой управляющий, нанимает их, — отвечает Леон. — И поверь, они очень благодарны мне. Если бы они не работали у меня, они умерли бы с голода.

Автомобиль медленно нагонял воз, запряженный женщинами. Погонщик, увидав господ, захотел показать свое усердие. Он начал подстегивать бичом женщин, ударяя их по полуголым спинам. Женщины валились грудью на лямки. Постромки напряглись. Слышалось учащенное хриплое дыхание.

Гастон опасливо посмотрел на племянницу. Но лицо девочки выражало безмятежную веселость.

Внезапно одна женщина с глухим протяжным стоном зашаталась. Надсмотрщик начал стегать ее бичом. Она рванулась в последнем усилии и упала на землю. Изо рта ее хлынула кровь. Надсмотрщик кричал, награждая несчастную пинками. Это было, по-видимому, слишком и для привычных к подобным картинам Шампетье.

— Посмотри, Ирэн, какая птичка летает. Вон там, у шелковичного дерева! — сказала Рашель, чтобы отвлечь внимание дочери. И приказала шоферу-китайцу ехать быстрее.

А надсмотрщик продолжал кричать на женщину. Она делала судорожные усилия, чтобы встать, и вновь падала на черную лужу крови. Стоявшие в упряжи женщины косились на нее, как испуганные лошади, но молчали — боялись навлечь на себя гнев надсмотрщика.

А китаец, убедившись, что женщине не подняться, грубо приподнял ее, снял лямку, оттолкнул ногой в сторону и крикнул:

— Хо-о!

Колеса заскрипели. Телега двинулась. Упавшая женщина Чунь лежала неподвижно у края канавы. Лицо ее посерело. На губах и подбородке запеклась черная кровь. Глаза были безжизненно закрыты. Она походила на труп. И вороны, обманутые ее неподвижностью, уже подлетали к ней все ближе и ближе. А высоко в небе над «падалью» кружился ястреб.

Но искра жизни еще не погасла. В затуманенном мозгу пролетали смутные мысли, как ночные птицы в безлунной темноте. Не надо птиц. Не надо мыслей. Их бесшумный полет мешает спать. Уснуть — умереть так приятно...

— Цинь? — Цинь — это мысль. Это образ. Цинь — это маленькая дочь Чунь. Это она зовет. Она напоминает о себе. Надо жить. Надо жить ради нее. — Цинь! — И легкая судорога, вспугнувшая ворон, прошла по телу. — Цинь! — И Чунь открыла мутные глаза. — Цинь! — И вот Чунь поднимается со стоном. Руки и ноги ее дрожат.

Чунь смотрит на дорогу. За облаком пыли скрылась телега. Далеко. Не дойти! Не возить ей больше телегу!

Последние дни она чувствовала себя совсем слабой, и сердобольные женщины — товарищи по упряжке говорили:

— Ты только впрягись в лямку да делай вид, что тянешь, а мы вывезем!

Но теперь Чунь и этого не может сделать. Она шатается, не в силах идти. Телега все дальше. Вместе с телегой уходит заработок.

Дома Цинь — голодная, худенькая девочка. Бедный ребенок! И ни горсти риса...

Но ведь Чунь проработала почти весь день. Свалилась на закате солнца. Она пойдет в контору и потребует, чтобы ИДзю уплатил ей за день.

И Чунь, собирая последние силы, прижав руки к больной груди, плетется в контору.

ИДзю смотрит в книгу счетов и говорит бесстрастно:

— За тобой еще долг за рис. А за сегодняшний день тебе ничего не следует: ты ушла до захода солнца. Не проработала двенадцати часов. Таково условие.

ИДзю смотрит на Чунь испытующим оком рабовладельца. Чунь «выжата до косточки». На свалку!

— Ты не можешь больше работать! — говорит он сухо. — Тебе надо умирать! Уходи!

— А Цинь? — хрипло спрашивает Чунь, смачивая языком высохшие синие губы.

— Что Цинь?

— Цинь, дочь.

— Сколько лет?

— Пять, скоро шесть.

ИДзю пожимает плечами.

— Мала для работы. Иди!

Не понял! Что будет делать Цинь, когда Чунь умрет?..

Чунь — вдова. Ее мужа, безземельного крестьянина, раздавило деревом в горах, на лесных разработках господина Шампетье. И господин Шампетье не уплатил вдове за смерть мужа ни одного пиастра.

— Он не маленький. Твой муж умер по собственной неосторожности, — сказал господин Леон Шампетье. — Если я

буду платить за каждого, раздавленного деревом, у меня не хватит никаких средств.

Чунь пыталась разжалобить ИДзю. Но ИДзю сказал, что смерть ее мужа была написана в книге судеб. А за судьбу не платят. Но он, ИДзю, жалеет Чунь и потому берет ее на работу.

И Чунь впряглась в лямку, сделалась вьючным животным, оставляя маленькую Цинь целыми днями бродить беспризорной по деревне.

Пока Чунь работала, они кое-как жили. Теперь пришел конец и этому...

Уже совсем стемнело, когда Чунь доплелась до своей хижины, сделанной из соломенных циновок. Двери хижины всегда были открыты: голых стен не надо сторожить. Одна комната. Алтарь предков. Стол посередине и нары для спанья у стен.

Чунь, хрипя и задыхаясь, опустилась на тряпье нар.

— Цинь!

Никто не отозвался. Девочка не ожидала матери так рано и по обыкновению где-нибудь бродила в поисках объедков.

Вот придет Цинь, увидит мать и задаст обычный вопрос:

— Что ты принесла, мама? — и жадно посмотрит на руки. Пустые руки! Пустая душа!.. Что делать? Как жить?

Чунь тяжело поднялась. Цепляясь за стол, доползла до алтаря предков и опустилась на колени. Она вопрошала мрак. Ее молитва была похожа на жалобу. Зачем так устроена жизнь? Зачем предки не помогут живым потомкам? Почему предки всегда молчат, не подадут хотя бы доброго совета? Или они не видят! Не хотят? Не знают, не могут? Или и это все ложь, и предки — только бессильный прах, и мир — только тьма без просвета?

— Кто здесь стонет? Мне страшно! — послышался во мраке детский голосок.

Это пришла Цинь. Разве Чунь стонала?..

— Это ты, мама? О чем ты плачешь? Почему сегодня ты пришла так рано? Что ты принесла, мама?

Вот, вот он, этот страшный вопрос! И вместо того, чтобы ответить дочери, Чунь прошептала:

— Я проклинаю вас!

— Что ты шепчешь, мама? Я есть хочу!

— Завтра... Завтра, моя Цинь. Сегодня я ничего не принесла. Ложись скорее спать. Сонный человек не знает голода. А завтра... — Чунь не могла больше говорить.

Голодная девочка долго плакала, но наконец уснула. Чунь не спала. Она думала, как спасти дочь от голодной смерти. Не сегодня-завтра Чунь умрет. А Цинь останется совсем одна на свете. Ей никто не поможет. Кругом в деревне такие же бедняки, как и Чунь. Как спасти Цинь?

И под утро Чунь сказала:

— Да, только это!..

— Вставай, Цинь, идем!

Цинь открыла глаза. Узкий луч солнца пробрался к ней на нару. Девочка схватила его, и руки ее сделались золотыми. Цинь рассмеялась, но тотчас нахмурилась.

— Есть хочется!

— Идем скорее! Я накормлю тебя рисом. Много рису. И свининой. И курицей. Идем.

Чунь отвела дочь на базар.

Там было шумно и весело. Крестьяне привезли домашнюю птицу, груды овощей. Как много вкусного! В толпе ходили важные чиновники. Слуга расталкивал перед ними народ, другой шел сзади и нес трубку, коробку для бетеля, бумагу, письменные принадлежности и чайник с чашкой. Богатые аннамитки ходили, поблескивая янтарными шариками в ушах. Буйволы звонили деревянными колокольчиками. Пронзительно кричали слоны, которых вели на водопой.

Девочка забыла про голод. Ей хотелось побегать по базару, но мать крепко держала ее за руку, пробираясь сквозь шумную толпу.

— Эге! И тетка Чунь привела на базар свою козочку! — крикнул знакомый крестьянин.

— Бедняжка! — подхватила старая крестьянка.

Чунь быстро пробиралась к большому тиковому дереву с серебристыми листьями и белыми цветами. Вблизи дерева стоял водоем, в котором приезжие богатые крестьяне-китайцы поили буйволов. Тут же несколько женщин мыли детей.

Чунь подошла к водоему, сняла с Цинь ее лохмотья и вымыла дочь.

— Стань здесь, Цинь! — приказала мать обнаженной дочери.

Вокруг дерева стояли несколько молодых и старых женщин с обмытыми голыми детьми. Дети были истощенные, худые, со всклокоченными волосами. Непослушными пальцами матери и бабушки приглаживали головки. Чунь критически осмотрела детей и осталась довольна: ее дочь выделялась своей стройностью.

Цинь не понимала, что происходит. Ее забавляли шум, пестрота толпы и присутствие детей. Она хотела поиграть с ними, но мать строго приказала, чтобы Цинь стояла на месте.

— Сколько просите? — спрашивали женщины друг у друга.

— Хочу пятнадцать франков.

— Не дадут, — с сомнением покачивала головою соседка. — Зимой покупали по пяти франков.

— Теперь не зима, — возражала женщина.

Скоро появились и покупатели — жирные старые китайцы под бумажными зонтиками в сопровождении слуг. Покупатели бесцеремонно разглядывали детей, поворачивали, щупали руки и ноги, словно они покупали на убой.

К Чунь подошел толстый китаец. Слуга поставил складной стул, китаец уселся, закурил трубку и, пуская дым в лицо маленькой Цинь, начал рассматривать ее сквозь большие очки. Он долго сопел носом и наконец спросил:

— Сколько?

— Сколько ваша милость положит, добрый господин, — ответила Чунь.

Ведь она продавала дочь не ради денег, а только чтобы спасти ее от голода. Чунь решила: на полученные деньги она купит рису, свинины, курицу и все отдаст Цинь. Пусть по крайней мере она хоть раз наестся досыта.

— Семь франков! — сказал китаец.

Чунь кивнула головой в знак согласия.

Другие женщины, продававшие детей, недовольно зашипели на Чунь: она не торгуется и сбивает цену. У них было по нескольку детей, и, продавая одного, они хотели подкормить других.

— Худа! — сказал китаец, видя, что Чунь не торгуется.

— Ее немножко подкормить, станет совсем хорошая девочка. Она такая понятливая, послушная. Очень хорошая работница будет! — расхваливала свой «товар» Чунь, боясь, чтобы покупатель не ушел.

— Пять франков! — сказал китаец, поднимаясь.

— Берите, добрый господин! — ответила Чунь упавшим голосом.

Китаец кивнул головой. Слуга отсчитал Чунь пять франков и взял девочку за руку.

— Только... не обижайте ее, добрый господин! — совсем тихо прошептала Чунь.

— Идем! — сказал слуга, дергая Цинь за руку.

— Куда? Я не хочу! — вдруг заплакала испуганная девочка.

— Иди, иди, деточка, тебе будет хорошо... — уговаривала Чунь.

Женщины-продавщицы отвернулись.

Плачущая Цинь исчезла в толпе.

— Что за дикари! У них совершенно нет сердца! Каменные сердца! Животное, и то не рассталось бы со своим детенышем! — сказала Рашель Шампетье. Она стояла с мужем и братом недалеко от дерева и наблюдала всю сцену.

— Каменное сердце. Ты хорошо сказала, Рашель. Они действительно заслуживают того, чтобы быть только вьючными животными, — ответил Гастон Томаре.

— Однако пора и завтракать, — весело сказал Леон Шампетье. — У меня, признаться, аппетит разыгрался. Идем, Гастон. Ну, а чем же закончилось заседание палаты?

И Гастон начал рассказывать о заседании палаты депутатов, на котором он присутствовал перед отъездом из Парижа.

— Так вот. Самыми интересными были два вопроса повестки дня: об увеличении французского военного гарнизона в Гуэ и о применении принудительного труда в Советской России.

РАССКАЗЫ О ДЕДУШКЕ ДУРОВЕ

«ХОРОШАЯ ЛИ ПАМЯТЬ У ПОПУГАЯ»

Ребята, видели вы в цирке дрессированных зверей дедушки Дурова? Если не видели, то, наверное, слышали о них.

Звери дедушки Дурова ходят по канату, стреляют в цель, ловят мячи, управляют поездом, считают. Да не перечислишь всего, что умеют делать четвероногие артисты дедушки.

Как же это дедушка Дуров научил зверей и стрелять, и играть, и танцевать, и по канату ходить, и такие штуки проделывать, что иной человек не сделает?

Дедушка Дуров живет в Москве, там у него есть «Уголок». Этот уголок — целый большой дом, где живут его друзья-звери. Козел живет в одной клетке с волком, кошка — с крысами. Крысы даже спят вместе с кошкой, как котята. Большой медведь не даром ест свой хлеб: он вертит лапами колесо — воду качает для зверей.

А посмотрите, что делается со зверями, когда дедушка входит в уголок и звери услышат его голос! Собаки виляют хвостами, лают, волки, гиены прямо катаются по полу и заливаются, захлебываются от счастья, что дедушка идет. И каждый норовит лизнуть протянутую руку дедушки.

Если какой зверь заболеет, дедушка Дуров так тревожится и горюет, словно это не зверь, а его ребенок.

И он никогда не бьет, не наказывает своих четвероногих друзей.

Для них у дедушки всегда есть в кармане что-нибудь вкусное: кому сахару, кому печенье даст, а кому и рыбку — кто что ест и что любит.

Дедушка Дуров очень хорошо знает своих зверей. Знает их привычки, что они любят, чего не любят, чего хотят, даже о чем думают и как разговаривают. Каждый зверь, каждая птица говорят по-своему, только надо уметь понимать их язык.

Вот собака лает на дворе. Дедушка, даже не видя собаки, скажет, о чем говорит собака своим лаем: радуется ли она,

или боится, или просит, или сердится — на все у собаки свой лай, особенный.

У дедушки Дурова в «Уголке» работают ученые люди, которые интересуются тем, как живут животные. Однажды ученые и знакомые дедушки поспорили между собой о том, хороша ли память у попугая.

Дедушка Дуров рассказал им такой случай.

Был у него попугай — очень старый, старее дедушки. Дедушке Дурову семьдесят лет, а попугаю было сто двадцать. Попугаи очень долго живут.

Попугай сидел не в клетке, а на высокой железной палке с перекладиной. Когда-то к этой перекладине он был прикреплен цепочкой. Цепочку сняли, осталось одно колечко на ноге. Но попугай уже отвык летать. Наверное, он думал, что прикован цепочкой по-прежнему.

Но однажды он полетел.

Это было в теплую летнюю ночь. Дедушка Дуров спал в соседней комнате, и вдруг услышал отчаянный крик попугая:

— Караул! Режут! Режут!..

Дедушка вскочил и побежал посмотреть, что там случилось.

Что же он увидел? Через открытое окно в комнату пробралась бродячая кошка. Она уже успела отгрызть голову вороне, которую дедушка Дуров учил говорить. А попугай в испуге метался по комнате и кричал «режут!».

Дедушка выгнал кошку и закрыл окно. Это было полгода назад.

— А помнит ли еще попугай кошку? — спросил один знакомый.

— Конечно, помнит, — ответил Дуров. Но гости не верили. Решили привести кошку и показать попугаю. Принесли, показали. Но попугай не обращал на нее никакого внимания.

— Вот видите, попугай не помнит! — сказал знакомый.

Дуров подумал и сказал:

— Позвольте! Но ведь та кошка была рыжая, а эта серая. Надо найти рыжую кошку, и тогда посмотрим.

И что же? Когда принесли рыжую кошку, попугай вдруг захлопал крыльями и закричал, как в ту ночь:

— Караул! Режут! Режут!..

Дедушка Дуров оказался прав: попугай не забыл страшную кошку.

Как дедушка Дуров разговаривает со своими животными?

Вот свистит из соседней комнаты попугай.

— Слышите, попугай свистит? Это он меня зовет, — говорит дедушка.

И в самом деле. Не успел Дуров открыть дверь, как попугай засвистел еще громче и закивал головой, призывая дедушку к себе.

— Ну, что у тебя тут случилось? — спросил дедушка. — Подсолнуха хочешь? Э, да ты баночку с водой обернул! Вода пролилась, ты и не напился? А пить хочется? Да?

Дедушка распорядился, чтобы попугаю налили воды. Попугай прыгнул на пол клетки и начал жадно пить.

— Вот видите, — говорит дедушка, — попугай рассказал о том, что ему пить хочется. Животные так же говорят, как мы, только по-своему.

Это было так. А вот однажды слониха Нона пожаловалась дедушке на сторожа. Спустились мы с дедушкой в нижний этаж его Уголка, где у него крупные звери живут. Живет там и слониха Нона. Она еще маленькая девочка: ей всего шесть годочков. Но ростом эта девочка такая, что большой человек до головы рукою едва достанет.

Увидала Нона дедушку, обрадовалась: головой закивала — кланяется и хобот навстречу тянет.

Но вдруг Нона, как будто ни с того ни с сего, рассердилась: совсем по-иному замотала головой, начала ушами хлопать, хоботом из стороны в сторону бросать и так затрубила, что даже слушать жутко.

— На кого это Нона так рассердилась? — удивился дедушка и оглянулся. Позади нас стоял служитель, который недавно был нанят, чтобы ухаживать за Ноной: кормить, мыть ее, смазывать кожу жиром.

— Почему Нона на вас сердится? Вы обидели ее? Били? — спросил дедушка служителя.

— Н-нет... — ответил тот смущенно.

Нона замотала головой и затрубила пуще прежнего.

— Не лгите! — строго сказал дедушка. — Нона не будет сердиться понапрасну. А она сердится на вас, видите? Говорите же правду!

И тут служитель признался: он чистил Нону, а Нона играла с ним хоботом и мешала работать. Тогда служитель ударил ее щеткой по концу хобота, где у слонов очень чувствительная кожа.

Нона успокоилась только тогда, когда служитель вышел. Больше он и не возвращался к ней — дедушка его уволил. Дуров строго следит за тем, чтобы никто не смел обижать его четвероногих друзей.

Вот как звери рассказывают дедушке о себе, что им нужно и что с ними случилось.

Когда дедушка и животное научатся хорошо понимать друг друга, можно начинать и учение.

Как учит дедушка Дуров своих животных, об этом расскажем в следующий раз.

С каждым животным у дедушки Дурова ученье особое.

Вот, например, курица. Глупая птица. Чему ее научишь? Пусть делает хоть то, что она сама умеет. Курица ищет крошки, зернышки, червяков. Шаркает ногами, как граблями, — землю разгребает. Шаркать ногами — только и умеет курица. Что ж, для дедушки Дурова довольно и этого! Берет дедушка Дуров цитру, на которой играют, насыпает зерна под струны, сажает на цитру курицу. Курица видит зерна и начинает, по привычке, ногами шаркать. Струны заиграют, глядишь — и музыка получилась. Так и выучится курица на цитре играть. Правду сказать, музыка выходит не очень красивая — куриная, — а все-таки музыка. И курица довольна: ногами пошаркала, поиграла, глядишь — и набила зоб зернами.

Свинья — та рылом своим привыкла пищу добывать, землю рыть — объедки искать.

Чему же свинью обучать? А хотя бы вот чему. Свернет Дуров длинный коврик-дорожку, а внутри в разных местах положит кусочки хлеба. Свинья увидит первый кусочек, съест его и начнет другие искать, — снизу вверх свернутый коврик подбрасывать — совсем как землю. Так и развернет

весь коврик. А на коврике написано: ВЫХОД ДЕДУШКИ ДУРОВА.

С этого номера дедушка Дуров всегда и начинает свои представления.

Показывает дедушка Дуров и такой номер. Приносят на арену цирка книгу, большую, как подушка, и кладут на землю. Выходит колючий дикобраз. Увидит книгу — и сразу бежит к ней, — видно, что почитать любит! Длинным, тонким своим носом дикобраз ловко переворачивает страницы — словно ищет место, где читал. Вот, нашел! Читает. Даже головой от удовольствия машет. Прочитал и снова перевернул страницу. И так — пока до конца всю книгу не прочитает.

Очень смешно это у него выходит.

Конечно, дикобраз не умеет читать. Да и книга-то не настоящая, — сделана она из тонких деревянных листов. Но как же все-таки дедушка научил дикобраза листы переворачивать? Дикобразы ищут пищу так: они отбрасывают в сторону сухие ветки, траву, листья, — как мы пальцами переворачиваем страницу книги. Это и подметил дедушка Дуров и придумал сделать большую книгу, а между листами вложить вкусные «закладки». Дикобраз ищет их и перекидывает листы книги. Для него это привычная работа, и он скоро научается «читать книгу».

А вот морская свинка на шарманке играет: поднимается на задние ноги, а передними начинает колесо вертеть — шарманка играет.

Выучить морскую свинку на шарманке играть — это уже похитрее. Вот как учит дедушка Дуров.

Поставит он шарманку на стол и свинку посадит рядом. И покажет ей морковку. Свинка побежит к морковке, а дедушка руку с морковкой отводит к шарманке, и свинка туда бежит. Побежит свинка к шарманке. Тогда дедушка поднимет морковку над самым колесом шарманки. «Играй! Играй!» — приговаривает все время дедушка. Хочется свинке скорей добраться до морковки. Поднимается она, становится на задние ноги, а передними морковку спешит ухватить, — но стоять ей на задних ногах трудно, непривычно, и она передними начинает за колесо цепляться. А колесо-то и завертелось, а шарманка-то и заиграла! «Играй! Играй!» —

повторяет дедушка и дает свинке морковку. Пройдет несколько уроков, и свинка запомнит, что ей надо делать, чтобы скорее получить морковку. Еще и морковки не видит, только услышит, как дедушка скажет «играй», — и начинает свинка колесо вертеть. Знает свинка, что дедушка не обманет, даст морковку.

Так свинка и научается и на шарманке играть, и флаг веревочкой поднимать, и разные другие штуки делать.

ХРАБРЫЙ ЗАЯЦ

Сидит Зайка на высоком столике и жует салат. И вдруг — к его мордочке медленно подплывает по воздуху детский барабан.

Заяц никогда не видел барабана. Что это за зверь? С боков круглый, блестящий, сверху и снизу — плоский, как стол. И движется — значит, живой!

Зайка перестает жевать, поднимает уши и косо смотрит на барабан.

Барабан, наверно, тоже увидел, что Заяц смотрит на него. И барабан испугался Зайца: быстро отодвинулся.

Нет барабана. Убежал барабан. Видно, большой трус барабан!

Заяц успокоился и снова начал уплетать салат.

А барабан опять лезет, уже сбоку, и прямо к куче салата. Ну, конечно, этот круглый, блестящий зверь хочет отнять у Зайки салат!

Заяц опять выпучил глаза и поднял уши. Барабан как будто испугался этих косых глаз и длинных ушей — убежал.

Заяц перестал есть. Насторожился. Стал на задние лапки и смотрит то на барабан, то на салат. Зеленый, свежий салат пахнет очень вкусно. Зайка протянул к нему свою раздвоенную губу.

А барабан уже тут как тут — надвигается с другой стороны. Нет, надо этот барабан напугать как следует! Ведь он трус!

Зайка поднял морду и затряс передними лапками — словно воду с них сбрасывает. Испугался барабан не на шутку. Быстро уплыл по воздуху от Зайца. Ага! Струсил! Удрал

барабан! Зайка теперь совсем не боится его и, опустившись на передние лапки, принимается за салат.

И вдруг этот назойливый трусишка опять появляется перед самым носом Зайца. Ну, погоди же! Храбрый Зайка покажет барабану, какие у него, Зайки, крепкие, длинные когти на передних лапках! Прыгнул Зайка к барабану, и ну колотить его по спине передними лапками. Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! — бьет Зайка по барабану, как настоящий барабанщик.

— Тра-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та! — трещит от страха барабан.

Будет теперь знать, как приставать к Зайцу! Сбежал барабан. Теперь уж, наверно, больше не вернется.

Ай да я! Зайка гордо смотрит по сторонам. Какой он храбрый! Какой он сильный! Даже незнакомый блестящий зверь испугался его! От радости Заяц закачал хвостиком, как маятником.

— Молодец, Зайка! Вот тебе сухарик! — говорит Зайцу дедушка Дуров и угощает храброго Зайца сухарями.

А потом игра начинается сначала. И так до тех пор, пока Зайка не научится отбивать мелкую дробь на барабане.

Ну, конечно, это сам дедушка Дуров незаметно подносил к Зайке барабан и отодвигал его назад, когда Зайка смотрел на барабан. А Зайка решил, что барабан трус, а трусов и зайцы бьют!

Вот и готов новый номер! Можно показывать в цирке, как пугливый Заяц барабанит на барабане.

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Надо много терпения и времени, пока из пугливого Зайца сделаешь храброго барабанщика.

ТРУДОВОЙ ДЕНЬ

Не успеет дедушка Дуров встать, как к нему уже подходит, потягиваясь после сна, собака Рыжка, тычет холодным носом в руку — здоровается.

Дедушка проходит в свой кабинет. Карманы его рабочего халата топорщатся от подсолнухов, печенья, кусков сахара.

В кабинете дедушки — небольшой зверинец. В одной клетке спит белая кошка, окруженная мышами, в соседних — крысы, морская свинка, белые мыши. Дедушка открывает клетку, осторожно вынимает морскую свинку.

Дедушка обучает ее дергать за веревочку и поднимать картонку. На картонке написано: «Антракт». Потянет свинка зубами веревочку вниз и получит за это угощение.

«Мои звери знают, что ест только тот, кто работает», — говорит дедушка. Двадцать раз дернула свинка веревочку, 20 кусочков получила и сыта. Дедушка записывает работу каждого ученика: 20 раз дернула свинка за урок, 4 раза в день повторяется урок, сколько в месяц заработала свинка — все записано.

Пока дедушка занимается в кабинете, внизу, где живут крупные звери, идет чистка и кормежка. Тем зверям, которым сегодня идти на урок, дают немного меньше еды. Если зверек голоден, он охотнее бежит за приманкой, и ученье скорей идет на лад.

Дедушка спускается вниз.

Сегодня предстоит трудная работа. Задумал дедушка научить свинью спускаться с шара на парашюте.

Свинью поднять на шаре нетрудно. Но как заставить ее прыгнуть вниз с площадки? Дедушка придумал. Свинья уже стоит на приготовленной площадке, одетая «летчиком»: на ней мягкая «подпруга», ремни. Она привязана веревкой к потолку. Веревка идет через блок. Конец веревки держит помощник Дурова. Свинья голодна. Дуров показывает ей большую морковь. В то же время звонит будильник. Свинья видит морковь, бежит к ней и... падает с площадки. Помощник опускает свинью на веревке до земли. Первый «полет» свиньи удался. Свинью снова ставят на площадку, опять трещит звонок будильника, опять видит свинья морковь и снова прыгает. Свинья привыкает слышать звонок и сейчас же прыгать за морковкой. Много дней уже идет ученье. Сегодня дедушка попробовал звонить, сам не показываясь и не показывая морковки.

И свинья, по привычке, спрыгнула, как только услышала звонок. Только этого и надо было дедушке. Теперь, если

поднять свинью на настоящем воздушном шаре, привязав к парашюту, и поставить около свиньи будильник, то заведенный будильник затрещит через пять минут, когда шар уже поднимется.

Свинья, услышав звонок, спрыгнет и спустится на парашюте.

Дедушка доволен. Хлопает хавронью по спине и угощает ее.

Свинья тоже довольна. Сытая, идет она в свою «комнату».

Приводят молодого бычка. Дедушка Дуров учит его петь. Показывает ему кусок хлеба. Бычок тянется к хлебу и мычит. Но дедушка не дает ему хлеба. Бычок мычит сильнее и голосом потоньше. А дедушка все еще не дает хлеба, словно дразнит его. Бычок мычит еще сильнее, громче и выше.

— А ну, еще потоньше! Вот, теперь получай хлеб.

После занятий дедушка Дуров едет в цирк.

Там находятся уже обученные звери. Среди них есть и новички, которые уже хорошо умеют проделывать разные номера, но еще никогда не представляли в цирке. Оттого, что кругом все новое, непривычное, не такое, как в Уголке, звери часто забывают, что им надо делать или начинают капризничать.

Первый урок — с морскими львами. Пара морских львов — Лео и Васька — уже привезены в клетках на арену. Клетки открыты, к ним приставлены широкие доски. По доскам звери спускаются на землю, взбираются на табуретки.

Дедушка начинает бросать Лео мяч. Лео ловко ловит мяч носом и отбрасывает дедушке. Потом большой мяч летит к Ваське. Васька испугался, соскочил с табуретки и бежит в клетку. Но Лео тоже соскакивает, загораживает Ваське дорогу, толкает его назад. Кое-как Лео удается «уговорить» Ваську, и тот возвращается на место. Снова летит мяч на Ваську. Васька опять пускается наутек, на этот раз через всю арену, к креслам. Он уже успевает пробраться во второй ряд, но Лео опять нагоняет его, останавливает, начинает тереться, ласкаться, успокаивать своего товарища. Уговорил. Васька возвращается. Но этот противный мяч опять летит прямо в го-

лову... Васька открыл пасть, схватил мяч и разорвал его зубами. Тогда Лео отпрыгнул на землю, подбежал к другому — целому мячу, приложил к нему нос и так держал несколько минут, поглядывая на Ваську: видишь, мол, — мяч не кусается.

Васька научился наконец ловить и отбрасывать мяч.

Так сами звери помогают иногда дедушке Дурову учить отсталых учеников.

В ЦИРКЕ

Играет музыка, большие лампы ярко освещают цирк. По арене бегает кругами серая лошадь. На ее широкой спине стоит наездница. Она прыгает сквозь обруч. Идет первое отделение.

Дедушка Дуров выступает во втором отделении.

Он сидит в своей уборной, одевается к выходу, пьет чай. У ног его на полу лежит собака Рыжка. Она тоже сегодня будет «работать», а пока отдыхает — дремлет, положив голову на лапы. В углу на небольшом столике стоит клетка с обезьянкой. Обезьянка вертит головой и протягивает мохнатую лапку — просит печенья, сахару.

— Пора ее одевать, — говорит дедушка Дуров. Обезьянку вынимают из клетки и надевают ей штанишки, красную курточку, шапочку. Она будет машинистом на паровозе.

Входит помощник Дурова и спрашивает:

— Что будем сегодня показывать? Лисиц нельзя — одна лиса хромает, коготь на лапке повредила. — Дедушка велит приготовить вместо лисиц дикобраза, спрашивает, готов ли паровоз.

За ареной, там, где помещаются звери, идет суета. Служащие подтягивают ближе к выходу рельсы, приносят будку стрелочника, мячи, обручи — все, что надо для представления. Маленький паровозик уже приготовлен к выходу — пыхтит, из трубы идет пар. Он хоть и очень маленький, а настоящий паровоз. Когда он испортился, его даже чинили на заводе, где делают настоящие большие паровозы.

Звери дедушки Дурова знают, что им скоро надо выходить.

В ящиках с водой лают морские львы; красивый гепард ходит по клетке, крысы суетятся. Даже Хавронья — толстая белая свинья — проснулась и хрюкает. Ей первой выходить на арену.

Вот и второе отделение. Прозвенел звонок, заиграла музыка. У входа на арену цирковые работники положили свернутый коврик. Выпустили свинью. Она быстро побежала по коридору к арене, нашла коврик и начала развертывать его. А на коврике надпись: «Выход дедушки Дурова». Свинья подобрала все куски хлеба, которые были завернуты в коврик, и вернулась на место. Ее «номер» окончен.

Музыка заиграла громче, и вот сам дедушка Дуров в золотистом костюме клоуна выходит на арену.

Он обходит ее вокруг, приветствует зрителей. Все хлопают в ладоши. Рыжка бегает вокруг дедушки и лает. Теперь ее номер. Не ожидая приказа, она прыгает на стол... Она будет лаем отвечать на вопросы. Она машет хвостом и нетерпеливо перебирает ногами, пока дедушка Дуров объясняет, как он дрессирует своих животных. Вот дошла очередь до Рыжки. Она решает задачи, показывает лапой на большой карте, где находится Черное, где Белое море... Зрители хлопают в ладоши, смеются и бросают на арену конфеты, печенье. Рыжка быстро все подбирает и убегает. Она тоже кончила свою работу. На смену ей приходит «ученый» дикобраз, который читает книгу, переворачивая носом большие страницы. Потом заяц играет на барабане, морская свинка стреляет из пушки. Потом появляются морские львы. Они гоняются за карликом — пугают его в шутку, ловко подбрасывают кончиком носа мячи, ловят головой обручи, которые бросает дедушка Дуров, и даже играют на трубах. Потом уходят все звери. На арену выходят помощники дедушки. Они укладывают шпалы и рельсы. Ставят станцию, стрелку, будку, даже маленькую «уборную», куда забегают пассажиры-собачки. А забегают они туда потому, что там на стенке для них повешено угощение — кусочки мяса, хлеба. И вот выезжает поезд. На паровозе сидит обезьянка. Другая обезьянка — стрелочник — стоит у стрелки. Пассажиры — морские свинки и крысы — быстро занимают вагоны. Еще бы! В этих вагонах

им тоже приготовлено угощение. Поезд свистит и едет. Дети-зрители кричат от восторга, хлопают в ладоши. «Браво! Браво! Бис!..» Дедушка выходит еще и еще раз и раскланивается.

Зрители расходятся. Дуров уходит в свою уборную и снимает костюм клоуна. Потом устало садится на стул. Хорошо сегодня работали звери. Спектакль прошел весело. Публика не знает, сколько труда и терпения положил на это дедушка.

Детский утренник кончился, а вечером дедушка снова выступит со своими четвероногими артистами. И так он работает уже пятьдесят лет.

ИГРЫ У ЖИВОТНЫХ

У зверей и птиц много забот и трудов. Надо построить дом-гнездо или нору. Надо раздобыть пищу себе и детям.

Но не все же работа. Надо и отдохнуть, и позабавиться.

Многие животные — в особенности молодые — могут, как малые ребята, целыми часами забавляться камешками, щепками, кусочками дерева. Это их игрушки. Они катают, подбрасывают, ловят их.

И взрослые животные и птицы тоже любят играть.

Сорока очень любит блестящие вещи. И недаром ее зовут «сорока-воровка». Сороки часто крадут серебряные ложки и уносят к себе в гнездо.

Зачем сороке ложка? Конечно, не чай пить, а забавляться ею.

Мыши и крысы очень любят играть игрушками. В крысиных норах под полом часто находят целые склады пуговиц, катушек, лоскутков и даже серебряные деньги. Это крысиные папаши и мамаши натаскали игрушек детям.

Одна обезьяна умела устраивать себе качели. Она брала веревку, отыскивала в саду сук или зарубку, зацепляла веревку, потом осторожно пробовала — крепко ли — и начинала качаться.

Другая обезьяна очень любила мыть и чистить. Возьмет тряпочку, ложку и начинает тереть или полоскать в воде.

Есть одна порода небольших крыс, которые также любят полоскать, заниматься стиркой. Таких крыс и называют «Крысенок-прачка».

Найдет крысенок тряпочку, несет к речке или ручью и начинает полоскать. Потом примется купаться, нырять. Найдет на дне красивый камешек, вынет и катает его по берегу. А то возьмет соломинку и обвязывает ее вокруг своей мордочки.

Попугаи играют с кусочками дерева и любят развинчивать винтики и просверливать дырочки.

Очень интересными играми занимаются птицы «шалашники». Они устраивают из прутьев настоящие шалаши, и не для того, чтобы жить там и класть яйца, а для забавы.

Внутри этих шалашей они вставляют в стенки цветные и белые камешки, красивые раковины, разноцветные перышки. Разукрасят шалаш, а потом разгуливают там и любуются.

Другие шалашники строят беседки вышиною со стол, а перед беседкой устраивают палисадник: нанесут ягод, цветов и раскидают на земле. А потом начинают танцевать. Когда цветы увянут, шалашники убирают их и приносят свежие.

Однажды я видел, как купались два медвежонка — Мишка и Машка. Они вошли в речку, стоя на задних лапах. Вода им была по пояс. Мишка вдруг стал обдавать Машку брызгами, потом схватил ее и начал «топить» — опрокидывать навзничь. Машка испугалась, вырвалась и забралась на дерево. После купанья они начали гоняться друг за другом по лугу, подбрасывали кусочки дерева и ловко ловили их на лету, как

фокусники. Их пушистая шерсть намокла от воды, прилипла, к телу. Они были больше похожи на маленьких собачек, чем на медвежат.

Недавно дедушке Дурову привезли маленькую выдру. Она целыми часами возилась с бутылкой — катала ее по полу.

А морские львы дедушки Дурова умеют подбрасывать носом большие мячи, ловят их и удерживают на носу. Для них это не только цирковая работа, но и забава.

Аргонавты Вселенной

Избранные статьи

ЗОЛУШКА

О НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ В НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Судьба советской научной фантастики похожа на судьбу сказочной Золушки — у обеих двойная жизнь: блестящий выезд на бал и унылое существование нелюбимой падчерицы, сидящей в затрапезном платье в темном углу кухни.

Выходит в свет научно-фантастический роман, и в несколько часов весь тираж буквально расхватывается. В библиотеках на такую книгу непрекращающаяся очередь. В анкетах журналов читатели неизменно выдвигают научную фантастику на первое место. Молодые читатели-школьники при встречах с издателями настойчиво требуют выпуска книг научно-фантастического содержания. Они же составляют «акционерные общества на паях» для покупки «по случаю» за 40—50 рублей старенького, растрепанного научно-фантастического романа, номинальная стоимость которого 50 коп. — 1 рубль. Взрослые читатели пишут письма в редакции журналов и авторам все о том же — «больше научной фантастики!».

Успех у читателей — большой и бесспорный. Это праздник, бал. Это выезд Золушки в люди.

А вот будни.

Молодой писатель написал научно-фантастический рассказ. Куда отнести его? В какой журнал? Когда-то журналов, печатавших научную фантастику, было много. Сейчас издается только один журнал — «Вокруг света». Другие же журналы, как общее правило, научной фантастики не печатают. «Рынок сбыта» для научной фантастики крайне ограничен.

Быстро уяснив это, молодой автор переходит на другой жанр. Молодые всходы научной фантастики «увядают на корню».

Не легче издать научно-фантастическое произведение и отдельной книгой. По типизации издательского дела научная фантастика была пристегнута к научно-популярному отделу издательства «Молодая гвардия». В этом отделе существовали самые низкие ставки гонорара: научно-фантастический роман оплачивался в 3—4 раза ниже обычного. Все же какой-то «рынок сбыта» был. Но вот года полтора назад издательство «Молодая гвардия» было реорганизовано, и оно отказалось издавать научную фантастику. Детиздат издает фантастику лишь с большим ограничением: «возрастной регламент». Гослитиздат и «Советский писатель» от издания научной фантастики отказывались до самых последних дней.

Неблагополучно было и с редакторами. Лишь за последние два года положение в редакциях журналов, печатающих научную фантастику, изменилось к лучшему. Прежние редакторы были хорошо подготовлены политически, некоторые из них имели неплохое образование из области так называемых гуманитарных наук, знали историю, литературу. Но в области технических и естественных знаний они, за редким исключением, были совершенно беспомощны. Это осложняло работу. Те же редакторы, которые были более или менее знакомы с техникой, впадали в другую крайность — они старались превратить научную фантастику в сухую «занимательную» технологию или электротехнику в диалогах, где герои «романа» только и делали, что задавали вопросы и отвечали на них. Такие работники снижали тематику до узкотехнических проблем. «Напишите роман об электроизоляторах», — предлагал один из таких редакторов.

Автору советских научно-фантастических произведений приходится преодолевать большие трудности и творческого характера. Это сложный вопрос, который требует отдельного обсуждения. В настоящей статье мы коснемся другого: кто может помочь писателю в преодолении этих творческих трудностей, куда ему обратиться? В Союз писателей, конечно. Но и в союзе автор научно-фантастических произведений оказывается в роли Золушки. В Союзе писателей такой

писатель просто не находит себе места. В самом деле, куда его «пристегнуть»? Там все разбито на секции. К поэтам — нельзя, к драматургам — нельзя, к «молодым беллетристам» — тоже не подходит. Остается детская секция, но и это не выход. Далеко не все научно-фантастические произведения пишутся для детей. Так автор научно-фантастических произведений то ли из-за своей «специфики», то ли по другим причинам остается без творческой среды, без товарищеской помощи.

Говорят, писатели, особенно крупные, уделяют мало внимания научной фантастике, считая ее литературой второго сорта. Это неверно. Литература всегда такого сорта, какого сорта литератор, создавший ее. Вернее же, писатели не жалуют научную фантастику потому, что писатели, как и редакторы и критики, не слишком тверды в технике, физике, биологии. Жанр этот очень трудоемкий и требует для каждой работы большой предварительной подготовки. Не может не отпугивать писателей и положение Золушки, в котором пребывает научная фантастика в нашей литературе.

О МОИХ РАБОТАХ

В рецензии на мой роман «Голова профессора Доуэля» (журнал «Детская литература», № 1, 1939 г.) тов. Рыкачев между прочим пишет, что моя критика научных ошибок в романе Гребнева «Арктания» имеет четко выраженный самокритический характер. Должен сказать, что все мои критические высказывания имеют и самокритический характер, так как все недостатки других авторов имеются в большей или меньшей степени и у меня. И, пожалуй, единственный случай, когда критика не являлась и самокритикой, — это случай с моей критикой научной ошибки Гребнева, и вот почему.

Рассказ и роман «Голова профессора Доуэля» был написан мною 15 лет назад, когда еще не существовало опытов не только С.С. Брюхоненко, но и его предшественников, проложивших ему дорогу: проф. И. Петрова, Чечулина, Михайловского. «Голова профессора Доуэля» была уже напечатана

в 1926 году в журнале «Всемирный следопыт», а первые экспериментальные исследования по оживлению животных были произведены проф. И. Петровым в Ленинградском институте охраны труда в 1928 году. Работы же Брюхоненко относятся к еще более позднему периоду. (См. статью проф. И. Петрова «Проблемы оживления», «Известия» от 10 мая 1937 г., № 109.) Таким образом, работы С. С. Брюхоненко никак не могли явиться для меня непосредственным толчком. Мой роман для того времени являлся научным предвидением.

Как же явилась у меня идея написать его? Могу сообщить, что «Голова профессора Доуэля» — произведение в значительной степени... автобиографическое. Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать. Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела. И хотя руками я владел, все же моя жизнь сводилась в эти годы к жизни «головы без тела», которого я совершенно не чувствовал: полная анестезия. Вот когда я передумал и перечувствовал все, что может испытать «голова без тела». Когда я поправился, уже в Москве мне попалась научная статья с описанием работы Броун-Секара (1817—1894 гг.), который делал опыты, еще очень несовершенные, оживления головы собаки. Эта статья и послужила толчком, так как она к личным переживаниям «головы» прибавила научный материал, на котором мне представилось возможным создать научно-фантастический роман. (Это послужило толчком и ко всем дальнейшим работам в области научной фантастики.) Сначала я написал рассказ, в котором фигурирует лишь оживленная голова. Только при переделке рассказа в роман я осмелился на создание «двуединых людей», окрыленный опять-таки работами не С.С. Брюхоненко, а хирургов-практиков, в особенности харьковских, которые в то время создали ряд изумительных операций — пересадок органов и частей тела от человеческих трупов к живым людям.

С. С. Брюхоненко подвергся жестокой критике ученых отнюдь не за высказывания о возможности «воскрешать» «необоснованно умерших» людей. Такие воскрешения уже существуют, и их можно наблюдать хотя бы в Московском

институте им. Склифософского и в институтах переливания крови. Воскрешают не только вливанием крови, но и электризацией. Брюхоненко критиковали только за то, что он высказал предположение и даже уверенность в возможности возвратить жизнь спустя долгий период после наступления смерти. Речь шла конкретно об Амундсене, можно ли вернуть его к жизни, если удастся через несколько лет найти его замороженный труп. В романе же «Голова профессора Доуэля» операции сшивания и возвращения к жизни производятся во всяком случае над совершенно свежими трупами.

Советская научная фантастика неизбежно должна была пройти стадию ученичества у западноевропейских мастеров. Естественно, мы должны были овладеть и стандартными формами. «Голова» и отражает этот период. И наиболее печальным в анахронизме я нахожу не то, что книга в виде романа издана теперь, а то, что она только теперь издана. В свое время она сыграла бы, конечно, большую роль: ее недостатки и достоинства сослужили бы большую службу. Но не бесцельно ее появление и в настоящее время, судя по тому интересу, который возбудила книга, в особенности в среде молодых медицинских научных работников. Сотрудники Московского института переливания крови (например, В.А. Неговский) указывали, что издание такой книги имеет большое значение для привлечения внимания к очень важной области науки, кстати сказать, имеющей близкое отношение к полевой хирургии, а следовательно, и к обороне. В Ленинградском медицинском институте научные проблемы романа разбирались на лекции студентами совместно с профессором. Привлечь внимание к большой проблеме — это важнее, чем сообщить ворох готовых научных сведений. Толкнуть же на самостоятельную научную работу — это лучшее и большее, что может сделать научно-фантастическое произведение. А среди отзывов читателей есть и такие. Одна молодая читательница из Курска пишет: «Прочитав такой роман («Голова профессора Доуэля»), я сама решила учиться на врача, чтобы делать открытия, которые не знают профессора мира. Мои труды будут совершаться во имя нашей социалистической родины».

Еще одно замечание, уже о дальнейших моих работах. Тов. Рыкачев, ссылаясь на мое высказывание в рецензии об «Арктании»: «Чем больше у нас будет романов на тему о борьбе с классовым врагом, тем лучше», пишет, что это высказывание, несомненно, определит тему дальнейших работ самого А. Беляева».

Посвящая этим темам работы в прошлом (например романы «Подводные земледельцы», «Продавец воздуха» и др.) и отнюдь не отказываясь от них в будущем, я, однако, должен разочаровать тов. Рыкачева, сообщив ему, что, например, последний мой роман «Лаборатория Дубльвэ» написан не на тему о классовой борьбе, так же как и новый роман, над которым я работаю. Почему? Самое легкое — создать занимательный, острофабульный научно-фантастический роман на тему классовой борьбы. Тут и контрасты характеров, и напряженность борьбы, и всяческие тайны и неожиданности. И самое трудное для писателя создать занимательный сюжет в произведении, описывающем будущее бесклассовое коммунистическое общество, предугадать конфликты положительных героев между собой, угадать хотя бы две-три черточки в характере человека будущего. А ведь показ этого будущего общества, научных, технических, культурных, бытовых, хозяйственных перспектив не менее важен, чем показ классовой борьбы. Я беру на себя труднейшее.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

Вспоминаю свои детские годы. Первое знакомство с Жюлем Верном, открывшим новый, необычайный и увлекательный мир фантазии. Первое, что встает в памяти, это не текст, а иллюстрации. Они были воротами в этот новый мир, явившийся изумленному взору. Я еще не прочитал ни одной строчки, но картинки уже приковали мое внимание к книге. А когда заговорил Жюль Верн, увлекая в недра Земли и глубины океана, его слова слились в единое целое с талантливыми иллюстрациями. Одно дополняло другое. Сила этого воздействия была такова, что мы с братом решили отправиться путешествовать к центру Земли. Сдвинули столы, стулья, кровати, накрыли их одеялами, простынями, запаслись маленьким масляным фонарем и углубились в таинственные недра Земли. И тотчас прозаические столы и стулья пропали. Мы видели только пещеры и пропасти, скалы и подземные водопады такими, какими изображали их чудесные картинки: жуткими и в то же время какими-то уютными. И сердце сжималось от этой сладкой жути.

Позднее пришел Уэллс с кошмарами «Борьбы миров». В этом мире уже не было так уютно. Иллюстрации почти пугали. Но и они дополняли и усиливали слова автора.

Вспоминая эти первые, непосредственные детские и юношеские впечатления от научно-фантастических романов, я задаю себе вопрос: что, если бы эти книги были изданы без иллюстраций? И отвечаю с полной категоричностью: они не произвели бы и десятой доли того впечатления или, по крайней мере, отсрочили бы на несколько лет увлечение научной фантастикой.

Ведь всякая фантазия, даже сказочная, в конечном счете, является результатом комбинирования, «перестановки» образов реального мира. А запас этих образов у ребенка невелик. Изобразительность слова имеет свои пределы не только в природе самого слова, человеческой речи, не только в таланте автора, но и в умственном багаже, запасе образов читателя. Расширить эти пределы может лишь художник-иллюстратор. Вот почему иллюстрация должна составлять необходимую принадлежность научной фантастики, предъявляющей повышенные требования к воображению читателя, в особенности если книга рассчитана на детей. В детской научно-фантастической книге иллюстрация абсолютно необходима, однако с одним непременным условием: чтобы она была хороша не только с художественной точки зрения, но и с точки зрения тех специфических условий, которые вытекают из научно-фантастического жанра.

Как же у нас обстоит дело с иллюстрациями научно-фантастических произведений? В целом, к сожалению, еще далеко не удовлетворительно, если не сказать плохо. Прежде всего эти иллюстрации страдают недостатками, о которых можно сказать словами заслуженного деятеля искусств К. Юона

(статья «За чистоту стиля в советской живописи». «Известия», № 205 от 2 сентября 1938 г.): «Примитивный, внешне воспринятый, лозунговый подход к решению задачи или просто холодная констатация фактов... Без яркой характеристики живых типажей, без пережитой насыщенности и пережитого внутреннего и внешнего движения своих персонажей искусство не доходчиво».

К сожалению, штамп такого примитивного, равнодушного подхода лежит на большинстве иллюстраций научной фантастики. Не сживаясь с изображаемыми героями, не относясь к ним внимательно и любовно, зачастую наспех просмотрев рукопись, в самые «сжатые» сроки иллюстратор сдает «заказ». Вина в такой спешке лежит не на одном художнике, но об этом речь идет впереди. В результате же получаются сухие, холодные, формальные «канцелярские отписки», а не художественные произведения. Такие иллюстрации не только не помогают, а скорее вредят читателю и автору. Они скучны, а «нет ничего хуже скуки в искусстве». Реалистическая иллюстрация особенно необходима в научной фантастике, хотя на первый взгляд это кажется парадоксальным. Научная фантастика, если она подлинно научная, не теряет связи с миром реальным. Советская же фантастика всемерно стремится укрепить эту связь.

Наши научно-фантастические романы уже не утопии, а произведения, которые ставят целью показать завтрашний день нашей науки, техники, быта на основе современных научных знаний, научного социализма. И чем реалистичнее, нагляднее, осязательнее покажет художник это будущее, тем лучше. Ведь одна из задач нашей научной фантастики и состоит в том, чтобы показать еще не существующее как уже существующее. А разрешить эту задачу можно только на основе реалистического стиля.

Главная беда в области иллюстрирования научной фантастики проистекает из того, что ни издательства и редакции, ни сами художники, по-видимому, не пришли к той мысли, что иллюстрация научно-фантастических произведений имеет свои специфические особенности, которые требуют создания специальных кадров художников-иллюстраторов, что она требует от таких художников, кроме общей подготовки в своем искусстве, также и специфической подготовки. До сих пор дело велось и ведется так: в орбите того или иного издательства вращается известное количество художников. Заведующий художественной частью распределяет между ними работу над иллюстрированием научной фантастики, исходя из таких соображений, как: «менее других загружен», «дешевле берет», и менее и реже всего руководствуясь спецификой жанра. Такая практика не годится. Не всякий художник, даже талантливый и высококвалифицированный, может успешно справиться с иллюстрированием научной фантастики.

Что же требуется от художника-иллюстратора научной фантастики? Первое — это умение читать, если понимать под этим умением способность точно переводить текст книги на язык собственных идей и образов. Умение читать необходимо всем иллюстраторам; иллюстраторам же научной фантастики оно необходимо в особенности, так как в этих произведениях иллюстратору приходится иметь дело с материалом, выходящим из пределов обычного. К сожалению, художники в спешке не читают внимательно и потому допускают вольные отступления от текста даже в самых обыденных вещах.

В приводимых далее примерах я пользуюсь наиболее близким мне собственным авторским опытом.

В одном романе о будущем я поставил целью показать многообразие вкусов человека будущего. Никаких стандартов в быту. Сообразно с этой задачей одних героев я изображаю как любителей ультрамодернизированной домашней обстановки — мебель и пр., других — любителями старинной мебели. Художник изобразил правильно, но заведующий художественной частью, который явно не читал романа, тотчас прислал художнику нравоучительное письмо о том, что иллюстратор-де допустил грубую ошибку, нарисовав героя сидящим в старинном кресле, когда дело происходит в будущем, и требовал переделки. К счастью, этот художник умел читать. Но пока шла переписка, хорошая иллюстрация не успела попасть в номер журнала и погибла...

В повести «Небесный гость» я описываю веранду скромной дачи астронома в Аббас-Тумане, на склоне горы, поросшей соснами. Иллюстратор изобразил... огромную веранду с

полом из каменных плит, высочайшие, уходящие вершинами из поля зрения колонны и... роскошные тропические пальмы. Это на высоте-то 1243 метров! Тут уж имеет место дезориентация юного читателя в географии. Можете себе представить, какие же «вольные переводы» текста дают иллюстраторы при изображении новых научно-фантастических машин, сооружений, аппаратов.

Дело иногда доходит до курьеза. Мой рассказ «Идеофон» начинался словами: «Судебный следователь провел рукою по высокому лбу, орлиному носу, выступавшему из красных толстых щек, и зажал седеющую бородку». Вот как изобразил художник следователя, его толстые щеки и седеющую бороду. В романе «Голова профессора Доуэля» сказано, что у Доуэля «волнистые, посеребренные сединой густые русые волосы». Иллюстратор же дает такой графический перевод этого образа — кстати сказать, положительного героя романа. Патологическая, внушающая ужас маска, которая может только оттолкнуть читателя.

Подобные ошибки могли бы быть вовремя исправлены вдумчивыми, образованными заведующими художественной частью издательства, редакции. Но в большинстве случаев они — узкие специалисты и их критика направлена к тому лишь, чтобы рисунок был «графически грамотен», чтобы он соответствовал техническим требованиям, был удобен для верстки и т.д. Иногда, впрочем, они судят и по существу. Но так как они не умеют читать и спешат, то зачастую лишь вредят и художнику и автору.

Конечно, в этом неумении читать и в проистекающих отсюда ошибках часто виновата спешка. В значительной степени она является причиной иллюстрационных недоносков. В редакциях и издательствах не изжита штурмовщина, тем более досадная, что издательства нередко торопят художника, книга же затем месяцами лежит в ожидании печати. Необходимо покончить с таким положением вещей. Художнику должно быть предоставлено достаточное время для того, чтобы изучить и сжиться с материалом, выносить образы. Обдумать все детали, если нужно, посоветоваться с консультантами в той или иной области науки и техники, главное же — с самим автором.

Связь художника с писателем должна стать непременнейшим условием иллюстрирования научной фантастики. Необходимо ввести как обязательное правило — не печатать ни одной иллюстрации без визы автора. Лучшие художники-иллюстраторы корифеев научной фантастики всегда находились с ними в творческой связи: так, например, художник Риу работал в тесном содружестве с Жюлем Верном.

Второе, что требуется от иллюстратора научной фантастики, — это умение быть чертежником-конструктором, умение облекать технические идеи автора в плоть и кровь конструктивной, инженерной, строительной логики. Он должен иметь не только высокую графическую, чертежную, но и техническую подготовку, быть знакомым со строительной техникой, с научной аппаратурой, по крайней мере, настолько, чтобы не делать явных ляпсусов в изображении ферм каких-нибудь грандиозных сооружений, мостов, башен. Пока, к сожалению, наши иллюстраторы, за малым исключением, не обладают даже и этим минимумом. Наиболее осторожные из них поэтому ограничиваются рисунком, мало чем отличающимся от исходного чертежа, в котором изобретатель или писатель только схематично оформляет идею. Таково изображение гигантской подковы (идея Циолковского) для опытов над силой тяжести в романе «Прыжок в ничто». Невозможно в короткой статье описать все научные и технические ляпсусы и развесистые «клюквы», которые преподносятся читателям нашими иллюстраторами научной фантастики.

И тут мы подходим к третьему требованию. Иллюстратор, который берется за иллюстрацию к научно-фантастическим произведениям, должен обладать гораздо большей научной подготовкой, большим образованием, чем иллюстраторы прочих литературных произведений. Он должен быть хорошо знаком и с географией, чтобы не помещать пальм на вершине кавказских гор, и с физикой, и с другими науками. Один, например, художник изображает отлет межпланетной ракеты по стартовому лотку, причем изображает этот лоток не прямым, а сильно изогнутым. Ясно, что при таком профиле и огромной скорости ракеты должно получаться колоссальное торможение, а следовательно, и потеря перво-

начальной скорости. «Для чего вы это сделали?» — «Так эффектней». Для уменьшения трения в том же лотке должны быть уложены шарикоподшипники. Эти «шарики» изображены катящимися вниз по лотку после отлета ракеты, причем величина шаров превосходит высоту закраин лотка. По таким шарам ракета двигаться, конечно, не могла. А сделаны они такими огромными потому, что «так эффектнее». Циолковский проектировал для изучения силы тяжести и центробежной силы сделать огромный вращающийся шар и поместить в него испытуемых людей, животных и растения. Площадь пола шара должна быть параллельна земле. Так художник и нарисовал. Но в следующем издании он «перестарался»: заново нарисовав ту же иллюстрацию, он придал шару наклонное положение. Ясно, что в таком шаре силы тяготения и центробежная будут вести себя совершенно иначе, и едва ли человеку поздоровилось бы в таком не только равномерно вращающемся, но и «ныряющем» шаре. Идея Циолковского пошла кувырком. Во имя чего? — «Так эффектнее». Если бы художник имел хотя бы элементарное научное мышление и знал физику, он не допустил бы подобных ошибок. К сожалению, автору приходится обнаруживать эти ошибки «постфактум», когда книга или номер журнала уже вышли из печати.

Попутно замечу, что отсутствие достаточного научного образования у художников вызывает крайние трудности в иллюстрировании не только научно-фантастических произведений, но и книг научного и научно-популярного содержания.

А между тем в научной области художник может играть не только служебную, прикладную роль. Мир природы — при научном подходе к нему — мог бы обогатить художников новыми формами, красками, обогатить тематику, по-новому осмыслить природу, пейзаж. Многие ли художники, например, заглядывали в микроскоп, открывающий поистине новый мир, подчас необычайной красоты и оригинальности? Американский инженер Бернет ввел в «прикладное искусство» (узоры для тканей мебели, абажуров и пр.) «электронное рисование», фотографируя оригинальные узоры, которые появляются на экране телевизора, если включить в

катодную трубку переменный ток. И художники-рисовальщики на тканях и пр. чрезвычайно заинтересовались этим «электронным рисованием», которое наталкивает их на совершенно новые мотивы, на новые разрешения чисто художественных задач декоративной живописи.

Вот один из примеров плодотворности связи искусства с наукой. Я знаком с интересным «человеком, влюбленным в зори». Он интересуется ими, как научный работник (зори — «индикатор погоды»), и влюблен в них эстетически. Он показывал мне многие сотни этюдов масляными красками — зарисовки зари во все времена года. Меня прямо ошеломили эти красочные симфонии необычайного богатства колорита и красоты. В живописи существуют маринисты, но почему нет «целинистов» (от латинского celum — небо)? «Небо как таковое» — не менее благодарный материал для живописи, чем море. Особенно поразил меня один этюд, стоящий на грани научной фантастики. Он изображал земной шар, половина которого была освещена солнцем, половина находилась в тени, а границей был заревой пояс. Заревой пояс! Кто о нем думал? Как много такая тема может дать и для популяризации научных знаний, и для художника. Есть ли у нас картины, изображающие лунный пейзаж? Если и есть, они не стоят на должной высоте ни в художественном, ни в научном отношении. Да и может ли быть иначе с лунным пейзажем, если наши художники делают научные ошибки и в земных пейзажах, изображая, например, кучевые облака на фоне зимнего пейзажа с лыжниками, или месяц, не считаясь с тем, что он меняет свое положение в зависимости от широты (рогами то вбок, то вверх в отношении горизонта).

Четвертое требование — иллюстратор научной фантастики должен обладать большой фантазией и богато развитым воображением. К услугам иллюстраторов сегодняшнего и вчерашнего дня и готовая натура, и фото, и иллюстративный материал журналов, и богатство архивов. Иное дело — научная фантастика, где приходится оперировать с вещами, еще не существующими, и где поэтому опираться приходится в значительной степени на фантазию, на воображение. Художник — иллюстратор научной фантастики по силе воображения и фантазии должен стоять, по крайней мере, на одном

уровне с автором. Он должен с предельной полнотой воплотить в зрительных образах идеи автора, а подчас и восполнить недомолвки писателя.

Наконец, последнее требование — иллюстратор научной фантастики должен любить свою специальность. Без этого неизбежна в его работе печать равнодушия, казенщины, сухости. Без истинной, живой, горячей любви нет искусства. Именно она поднимала на такой высокий художественный уровень работы лучших мастеров — иллюстраторов научной фантастики.

Красноречивее всяких слов будет наглядное сравнение иллюстраций к романам Жюля Верна художников Риу и Невилля и нашего художника Н. Травина.

В заключение несколько замечаний, относящихся как к художникам, так и к издательствам.

За границей научно-фантастические произведения иллюстрируются очень щедро. Иллюстрируются даже смежные моменты: герой сидит за столом — одна иллюстрация; встал, перешел к окну — другая иллюстрация. И это неспроста: читатель скорее сживается с героем, воспринимает его как реальное лицо, когда зрительно воспринимает его во всяких поворотах и ракурсах. У нас, к сожалению, скупятся — в книге дается примерно всего одна иллюстрация на один печатный лист текста. Это очень мало. Какую ценность представил бы собою, например, роман о нашем будущем, если бы он был обильно иллюстрирован. Ведь на наших художниках, как и авторах научной фантастики, лежит почетная задача — быть активными участниками социалистического строительства. Какое огромное значение имел бы такой роман-альбом и не только для юных читателей. На много новых мыслей он мог бы натолкнуть архитекторов, проектировщиков новых форм мебели, костюмов, обуви и т. д.

Разумеется, выполнить такую «программу-максимум» нам нелегко. Но необходимо, по крайней мере, расширить «лимиты». Сейчас из-за этих лимитов дело доходит до того, что в научно-фантастическом романе часто отсутствуют важнейшие объекты научной фантастики — изображение научно-фантастических сооружений, машин и т.п. Это отчасти происходит оттого, что художники, не отвечая указан-

ным требованиям, обязательным для иллюстратора научно-фантастических произведений, уклоняются от трудных для них объектов и «отыгрываются» на «типаже». Главнейшие объекты научной фантастики должны быть иллюстрированы в первую очередь. Об этом необходимо помнить и заведующим художественной частью.

Выводы? Полагаю, читатель уже сделал их. Пусть издательства и художники сделают свои «оргвыводы».

АРГОНАВТЫ ВСЕЛЕННОЙ

Детиздат Украины выпустил вторым изданием роман В. Владко «Аргонавти всесвіту». Этот же роман вышел на русском языке в Ростовском областном книгоиздательстве.

В послесловии украинского издания сказано: «Автор использовал свое выгодное положение писателя, который писал роман о межпланетных путешествиях уже после многих предшествующих произведений. Это дало ему возможность избегнуть многих ошибок, которые допускали в своих талантливых произведениях авторы фантастических произведений о межпланетных путешествиях...»

Это совершенно верно. Однако положение писателя, который пишет на тему, уже использованную его предшественниками, имеет не только свои выгодные стороны. Избегать ошибок предшественников — этого еще мало. Необходимо избегать и повторений, по-новому раскрывая старый материал и обновляя его новейшими достижениями науки.

Рецензируемая книга, таким образом, поднимает важный вопрос о произведениях, написанных на одну и ту же или близкую научную тему. Академик В. А. Обручев в статье о научной фантастике (журнал «Детская литература», № 1, 1939 г.) правильно пишет, что нам надо создать в ближайшее время целый ряд поучительных научно-фантастических романов на наиболее интересные и актуальные научные темы: о межпланетных полетах, о проникновении в недра Земли, в ледяные просторы Арктики, в морские глубины и т. п.

Некоторые из этих тем очень широко использованы в мировой литературе. Например, мой роман «Прыжок в ни-

что», по словам профессора Н. А. Рынина, с которым я консультировался, занимает по счету 701-е место в ряду произведений о межпланетных путешествиях. Советские авторы дали едва ли более десятка из этого числа. Количество переводов также незначительно. Работы впереди много, задачи ответственны, и, чтобы мы успешно справились с этими задачами, нам необходимо следить за работой друг друга, учиться на своих и чужих ошибках, избегать повторений, стараться, чтобы книги на одну и ту же научную тему как-то дополняли друг друга, а не дублировали материал. Необходимо тщательно изучать уже вышедшие книги и научный материал на данную тему, иметь живой контакт, знакомить друг друга со своими творческими планами. К сожалению, этого нет. Наши писатели-фантасты все еще, как и зарубежные, работают изолированно друг от друга.

Это отзывается на качестве произведений и в конечном счете на интересах читателя.

Вернемся к рецензируемой книге. В отношении научного материала автор В. Владко находился действительно в выгодном положении. К его услугам был значительный научно-популярный и научный материал. Надо было только хорошо обработать его. И автор сделал это вполне добросовестно. В книге отсутствуют научные ошибки, за исключением разве мелких описок; так, например, на странице 59 автор пишет, что остатками человеческого дыхания являются «лишний углерод и вредные газы», а на странице 58 говорится об углекислоте и вредных остатках дыхания. В основном использован материал К. Э. Циолковского и Н. А. Рынина. Имеется хороший чертеж ракеты. Хотелось бы, чтобы вопрос об управлении ракетой был изложен более подробно, иначе у читателя могут возникнуть некоторые вопросы. Все устройство ракеты, например, рассчитано на то, чтобы путешественники могли удобно расположиться не только в невесомом состоянии, но и в пределах, где существует тяжесть. Судя по описанию спуска на Венеру, управление было далеко не идеально. При таком положении вещей ракета, опустившись на почву Венеры, могла лечь, если так можно выразиться, килем вверх. Что осталось бы тогда от всех удобств, предусмотренных автором, как люди поднимались бы по перевернутым лестницам, что было бы со складами, машинами и пр.? Однако такие недомолвки трудно ставить в вину: материал неисчерпаемый.

Плохо то, что в романе много дублирования, повторения других произведений. Если бы читатель, прочитавший мой роман «Прыжок в ничто» и «Звезду КЭЦ», вслед за этим прочитал «Аргонавтов вселенной», он был бы поражен обилием совпадений, и у него, пожалуй, явилась бы даже мысль о том, что кто-то у кого-то позаимствовал. Причем в невыгодном положения оказался бы писатель, произведение которого вышло последним. Я лично не сомневаюсь, что никто ни у кого не заимствовал, что сходство объясняется единством исходного материала и его внутренней логикой (приготовление к отлету, отлет, в мире невесомого, посадка, обратный путь, возвращение). Если все же у кого-нибудь явится мысль, что В. Владко использовал «мой» материал, то в утешение В. Владко могу ему сообщить, что, когда появился мой роман «Прыжок в ничто», Я.И. Перельман писал в своем отзыве, что я совершил чуть ли не плагиат, повторяя «его» материал. Его же материал в свою очередь повторяет иной, хотя бы из романа «Вторая луна» Артура Трэна и Р. Вуда (журнал № 2, 1922 г., «В мастерской природы», под редакцией Я.И. Перельмана). И уж, конечно, весь этот материал целиком повторяет первоисточник — высказывания К.Э. Циолковского.

Так, Циолковский иллюстрирует жизнь без веса, между прочим, примером того, как будет вести себя в невесомом пространстве жидкость: вытолкнутая из сосуда, она превращается в шар. Этот же шар фигурирует у Перельмана, у Артура Трэна и Вуда, у Беляева и Владко. И эти шары, конечно, похожи друг на друга, «как две капли воды».

Я думаю, нам не следует устанавливать патенты и авторские права на идеи, тем более не нами выдуманные, и вступать в споры по поводу того, кто первый сказал «э». Гораздо полезнее, если мы позаботимся о том, чтобы не пичкать читателя одними и теми же шарами в каждом романе. Не следует забывать, что даже Циолковский не исчерпал материала, не привел всех частных случаев общего закона. И мы

должны позаботиться о том, чтобы вводить новый иллюстрационный материал.

Вот, например, как авторы «Второй луны» описывают момент исчезновения силы тяжести: «Хукер положил руки на пол сбоку и, оттолкнувшись, поднялся на всю длину рук. Он легко держался на кончиках обоих указательных пальцев; потом, к изумлению своих спутников, быстро поднял руки, но вместо того, чтобы упасть, медленно вернулся в первоначальное положение, подобно телу, взвешенному в жидкости».

Кончики указательных пальцев, поддерживающие вес человеческого тела, — вот один из бесчисленного количества вариантов того, как можно о старом сказать по-новому. Но для этого необходимо самостоятельно продумать то или иное новое положение, исходя из общего закона. Это, конечно, труднее, сложнее, ответственнее, чем простое повторение пройденного.

И дело не только в подобных мелочах, а и в том, чтобы в целых разделах научного материала мы проводили размежевание. В одном романе можно уделить главное внимание технике и теории реактивных двигателей, в другом — более подробно объяснить сущность астронавигации и т. п. Тогда каждый новый роман будет давать читателю и новый материал, один роман будет дополнять другой.

То, что отмечено выше, не может быть отнесено к числу недостатков романа В. Владко, а скорее к недостаткам нашего Союза писателей, который до сих пор не нашел писателям-фантастам определенного места, не умеет объединить их. Научная же сторона романа Владко, безотносительно взятая, безупречна. Удачно поданы приключения на Венере: каждое из них играет какую-то служебную роль в развитии сюжета или подаче научного материала. В общем роман читается с интересом, но следует указать, что значительная часть этого интереса держится на увлекательном материале о межпланетных путешествиях. Этот материал сам по себе так ярок, разнообразен, обилен, что он заслоняет собою недостатки романа, а они имеются.

Прежде всего — люди. Нелегкая задача показывать «четырех представителей наилучшей части человечества — советского общества», как называет своих героев сам автор.

К сожалению, эти герои выглядят далеко не наилучшими оригинальными фигурами. Их язык, их остроты — все говорит о невысоком уровне культуры. «С чем его кушают», «не по адресу обратились» — такими шаблонными, дешевыми остротами обмениваются герои. Вместо конфликтов, возникающих на несходстве характеров, между ними возникают только словесные препирательства, споры, «подкалывания» друг друга. «Уж если опять заспорили, опять начали грызться, все напасти позади», — говорит о своих спутниках сам начальник экспедиции. Хороши наилучшие представители человечества! Правда, когда нужно, они приходят друг к другу на помощь, проявляют заботу, но все же они больше проявляют черты мелкого характера. И как обрисованы эти характеры! Профессор Рындин — спокойный. Охотник Гуро — спокойный и насмешливый. Геолог Сокол — обидчивый и нервный. Василий Рыжко, попавший «зайцем» на ракету, — типичный юноша-совершенство. Кстати, не слишком ли много «зайцев»?.. Они становятся постоянной принадлежностью наших научно-фантастических романов.

С безбилетными пассажирами, с «зайцами», нам необходимо повести серьезную борьбу не только потому, что такой персонаж и такой эффект становится уже дешевым, шаблоном, но и потому, что «заяц»-герой — фигура очень вредная в педагогическом отношении. «Заяц» не только недисциплинированный человек, но и преступник, если брать всерьез те последствия, к которым может повести появление «зайца» в ракете или подземном, подводном снаряде. Это может повести к гибели всех, к провалу дела, на которое правительство затратило миллионы. А между тем этот дезорганизатор в романах возводится в героя, идеализируется, наделяется всяческими достоинствами, и получается так, что без «зайца» люди не справились бы с работой, даже погибли бы.

Угрожающие размеры также принимают словечки-ярлыки, которыми подменяется характеристика, вроде излюбленного Василием словечка «факт», которое он употребляет к месту и не к месту.

К недостаткам романа следует также отнести неудачную форму подачи научного материала. Самая простая и примитивная — это вопросно-ответная. Есть в романе профан и

всезнайка. Профан спрашивает, всезнайка отвечает. Совсем избегнуть вопросно-ответной системы трудно, но надо стараться хотя бы соблюдать некую обоснованность и правдоподобие. В романа В. Владко часто встречаются мало обоснованные и неправдоподобные вопросы. Вот пример. Весь мир следит и интересуется отлетом ракеты. Вне всякого сомнения, газеты, журналы полны статьями, объясняющими научные основы межпланетных путешествий. Даже в наше время редкий пионер не знает, почему летит ракета. А в романе представитель газеты, фоторепортер, обращается к Рындину с наивным вопросом: каким образом ракета отделится от Земли? «Крыльев у нее нет. Как же?» И Рындин через голову невежественного фоторепортера должен был «терпеливо» объяснять принципы ракетного двигателя непосвященным читателям. Больше того, даже непосредственные участники полета оказываются совершенно не подготовленными к тому, что их ожидает. Люди, которые намереваются сами совершить первое в истории человечества межпланетное путешествие, по-видимому, не проявили ни малейшего интереса к этому делу. И Гуро, и Сокол ведут себя в невесомом мире так, как будто невесомость явилась для них полнейшей неожиданностью. И они так же задают Рындину вопросы, как профаны в этом деле: «Значит, мы уже далеко от Земли? Ведь я ничего не вешу... Я не совсем понимаю, однако: ведь Луна притягивается к Земле... Почему ж не притягиваюсь я?..» и тому подобное.

Такие недостатки не составляют принадлежности только романа В. Владко. Мы, все советские научные фантасты, в том числе и я, не овладели еще уменьем обрисовывать характеры героев, уменьем связывать Фантастическое с реальным, как это мастерски делает Уэллс, уменьем незаметно и естественно подавать научный материал.

На вопросе о причинах слабой характеристики героев в научной фантастике следует остановиться. Чем это объяснить? Прежде всего, конечно, личным дарованием автора. Один одарен способностью хорошо изображать пейзаж, другой — людей, портреты. Так ведь и в живописи. Бальзак говорил про Фенимора Купера, что он был бы великим писателем, если бы умел так же хорошо изображать характеры, как природу.

Очевидно, есть и общая причина, возможно, и не одна. Одной из таких причин может быть раздвоение внимания при работе над научно-фантастическим произведением между научным материалом и изображаемыми людьми, причем первый приковывает дольше внимание автора.

Основная причина плохого изображения характеров — в недостатке мастерства, литературной техники, художественной культуры. Мы добросовестнее многих зарубежных писателей в подаче научного материала, но далеко отстаем от их литературного мастерства.

Почему так медленно идет наша литературная учеба? Доля вины за это приходится на наших редакторов. Почти до самого последнего времени они не только не указывали автору на этот недостаток, но был период, когда принимали активное участие в обезличивании героев. Невероятно, но факт. В моем романе «Прыжок в ничто», в первоначальной редакции, характеристике героев и реалистическому элементу в фантастике было отведено довольно много места. Но как только в романе появлялась живая сцена, выходящая как будто за пределы «служебной» роли героев — объяснять науку и технику, на полях рукописи уже красовалась надпись редактора: «К чему это? Лучше бы описать атомный двигатель».

С героями поступалось строго. Они должны были неукоснительно исполнять свои прямые служебные обязанности руководителей и лекторов в мире науки и техники. Всякая личная черта, всякий личный поступок казался ненужным и даже вредным как отвлекающий от основной задачи. А между тем именно на таких личных элементах и держится вся ткань художественной характеристики, только в таком смешении личного и «служебного» и возможно придать реальный характер миру фантастическому.

Роман В. Владко в некоторой степени отражает редакционные требования того времени. «Аргонавты вселенной» находятся в пути сто сорок шесть дней. Почти полгода. Большой срок. Что же мы узнали о них за этот долгий период? За все время они только один раз позавтракали, да и то «по служебным обязанностям», чтобы демонстрировать и объяснить читателю, как сложна эта процедура в мире невесомого. Затем обязательные служебные разговоры — о силе тяжести

и т. п. Сколько они могли бы рассказать друг другу о себе во время длительного путешествия! А между тем они и автор хранят почти гробовое молчание о личной жизни. Сокол имеет невесту и скрывает это почти как нечто постыдное. Мы так и не знаем, имеет ли семью Рындин. Все поглотило служебное усердие. Где же здесь место обрисовке характеров?..

Проблема человека приобретает особое значение в наше время, в нашей стране. У нас создаются грандиозные научные учреждения, по-разному исследующие проблему человека: Всесоюзный институт экспериментальной медицины, институты мозга, Физиологический институт им. Павлова и др. Научные темы этих институтов и исследовательские работы могут дать огромный материал для научной фантастики. На этом материале я и предполагаю построить свой новый большой научно-фантастический роман.

Интересует меня и человек будущего, жизнь, быт коммунистического общества. Первой попыткой дать более или менее развернутую картину жизни нашего будущего я даю в романе «Лаборатория Дубльвэ» (с большими сокращениями печатался в журнале «Вокруг света» в 1938 году). В переработанном виде роман выйдет в Детиздате. В этом романе я еще не решаюсь дать характеристики людей будущего — для этого у меня недостаточно материала. Главное внимание обращено на описание городов будущего, коммунальных учреждений, квартир, транспорта и т. п. При обилии описаний сюжет не может быть слишком острым, захватывающим, иначе читатель начнет пропускать описания. Именно поэтому роман получился не очень занимательным по сюжету.

О НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ И КНИГЕ ГР. АДАМОВА «ПОБЕДИТЕЛИ НЕДР»

«Искусство — трудно, критика — легка» — это изречение особенно применимо к научной фантастике.

Научно-фантастическое произведение должно удовлетворять всем требованиям, которые предъявляются к художественной литературе. Но сверх этого на авторе научно-

фантастического произведения лежит дополнительная нагрузка: он должен овладеть научным материалом и умело подать его. Научная фантастика — труднейший жанр.

Между тем, нет ничего легче, как критиковать научно-фантастическое произведение. Перед этой критикой не могут устоять даже классики научной фантастики. Теперь уже и пионеры знают, что жюль-верновские герои, собравшиеся лететь на Луну, должны были погибнуть от толчка в первый же момент вылета снаряда из пушки и что снаряд вообще не улетел бы в мировое пространство, что путешественники к центру Земли должны были бы погибнуть от жары или задохнуться, что «Наутилус» капитана Немо должен был быть раздавлен давлением воды на той глубине, на которую его благополучно погружал автор, что уэллсовский «человек-невидимка», если бы он действительно стал совершенно невидим, и сам ничего не видел бы... и так далее и тому подобное.

К сожалению, не все критики научно-фантастических произведений, по-видимому, усвоили простые истины о том, что если бы научно-фантастические идеи были научны на все сто процентов, то тем самым они перестали бы быть фантастическими, что без научных «погрешностей», «допущений», которые автор делает вполне сознательно, научной фантастики вообще не существовало бы, что эти «ошибки» и «допущения» вполне законное, правомерное явление в научной фантастике.

Но прежде, чем же отличается подлинная научная фантастика от беспочвенного фантазирования, оторванного от научных знаний? Тем, что в голом фантазировании ничего и нет, кроме пустой игры воображения, в научной же фантастике «опущения» и научные «ошибки» лишь порог, который необходимо переступить, чтобы войти в область вполне доброкачественного познавательного материала, основанного на строгих научных данных. Пусть Жюль Верн допускает ошибку при описании отлета на Луну. Эта ошибка дает возможность автору отправить героев в путешествие, следя за которым читатель знакомится с большим количеством отнюдь не фантастических, а вполне реальных научных знаний из области механики, физики, астрономии. Таким же образом, переступив через порог «ошибок» (вполне сознательно

допущенных автором), читатель в самой увлекательной форме знакомится с геологией, совершая вместе с героями «путешествие к центру Земли», или океанографией, следя за удивительным подводным плаванием «Наутилуса».

Научная фантастика в своей классической жюль-верновской форме, ставила задачей популяризацию современных автору научных знаний и изображение картин будущего развития науки и техники. Уэллс, а за ним и другие авторы, наряду с проблемами будущего развития науки и техники, внесли в научную фантастику социальный элемент. По существу, этот жанр следовало бы выделить как социальную фантастику, но, поскольку в этих произведениях в значительной доле имеется и технический элемент, такого рода произведения идут под старым названием научной фантастики.

Перед советской фантастикой стоят большие и ответственные задачи. Первою из них является популяризация научных и технических знаний. Но, вместе с тем, советская научная фантастика, изображая современную или будущую жизнь нашей страны, неизбежно сталкивается с фантастикой социальной. Если советские писатели являются «инженерами душ», то писатели, работающие в области советской научной фантастики, должны быть как бы инженерами душ в квадрате: своими произведениями они должны способствовать и росту нового социалистического сознания, и росту научных и технических знаний.

Чем больше эти цели достигаются, тем большую ценность представляет собою и научно-фантастическое произведение.

Следует еще сказать, что цели, стоящие перед советской научной фантастикой, делают из нее как бы совершенно новый жанр, при создании которого литературное наследство классиков помогает лишь в очень малой степени советскому автору.

Ему приходится преодолевать огромные трудности, о которых не знает не только читатель, но и критик, а зачастую и товарищ по перу — писатель, работающий в другом жанре. Но эта тема требует отдельного места и времени.

Рассмотрим недавно вышедший научно-фантастический роман «Победители недр».

Гр. Адамов отправляет своих героев в недра Земли в особом снаряде, который движется, отталкиваясь от почвы позади, а впереди врезаясь в слои любой плотности. Еще во время подготовки путешествия нетрудно было предвидеть, что на пути снаряда должны встретиться пустоты и водные пространства, в которых снаряд окажется в беспомощном положении, не будучи в состоянии двинуться ни взад, ни вперед, и что способ получения энергии по проводам с земли в высшей степени рискованный и ненадежный.

Вызывает большие сомнения и вопрос о том, вместятся ли в снаряде все перечисленные автором предметы: запасы продовольствия и баллоны с кислородом, и «металлизаторы», цементирующие почву позади снаряда после каждого его шага вперед, и машины, и части будущей подземной станции и т.д. Но не будем придираться к героям за то, что они организовали свое путешествие с огромной долей риска и даже легкомыслия. Героям других научно-фантастических романов приходилось благополучно выбираться и не из таких переделок. Не будем поэтому задавать автору и других неприятных вопросов, в частности относящихся к пребыванию героев в недрах земли на огромной глубине.

Пройдем мимо и некоторых мелких ошибок и ляпсусов. Без этой доли легкомыслия и риска и без этих ошибок мы не можем мысленно совершить путешествие вместе с героями романа и не обогатим своих знаний.

Научное идейное содержание романа «Победители недр» распределяется на три раздела: геологии, энергетики и социологии.

Каково же качество этого актива? Сбалансирует ли он пассив допущений и научных неточностей?

Область социальных отношений. Характерные черты нашей эпохи отражены в романе достаточно полно: автором показаны и любовь к родине, и героизм советских людей, и чуткое отношение к человеку, и самопожертвование, и женщина, участвующая в социалистическом строительстве наряду с мужчиной, и герой-пионер, и соцсоревнование, и внимание всей страны к судьбе экспедиции и пр. Притом все это подано достаточно горячо, пожалуй даже с излишней акцентировкой, а местами и с несколько наивной «обнаженностью»

тенденции. Большая сдержанность придала бы и большую силу художественной убедительности. Но эти небольшие погрешности легко выправить в следующем издании книги.

Геологический материал не имеет бросающихся в глаза неточностей и ошибок, но и не отличается особой наглядностью, полнотой и систематичностью данных по геологии и истории земли. В большинстве это суховатые выдержки, приводимые к случаю. Заметим мимоходом, что один из героев романа жестоко и не совсем справедливо критикует Ж. Верна за «Ошибки» в романе «Путешествие к центру Земли». Нельзя забывать, что в этом произведении Ж. Верн дал непревзойденную по полноте, строгой научности и картинности популяризацию современных ему знаний по геологии. Эта критика Ж. Верна только наводит на не слишком выгодные сравнения геологического материала «Победители недр» с геологическим материалом «Путешествия к центру Земли» Ж. Верна или «Плутонии» академика Обручева.

Не будь этого полемического выпада, никто не поставил бы в вину автору того, что геологический материал в его книге не стоит на таком же высоком уровне, как у классика Ж. Верна или академика Обручева.

Во всяком случае, не в геологической части самое слабое место романа, а в разработке им ведущей темы — проблемы энергетики.

С первых же страниц и строк автор становится на неправильный путь, противопоставляя различные виды энергии и отрицая право на существование хороших во имя лучших. Споры энергетиков-гелиотехников, ветротехников и других между собою о «непостоянстве» того или другого вида энергии, нездоровое препирательство между ними, — ты, мол, занимаешься «кустарничеством» и только разбазариваешь «казенные деньги», — звучат и неправдоподобно, и наивно. Серьезные ученые и техники различных областей энергетики не могут даже ставить так вопроса. Главная же ошибка такого противопоставления и взаимоотрицания различных видов энергии заключается в том, что такая «установка» находится в прямом противоречии с общими принципами построения нашего обобществленного энергетического хозяйства и генерального плана электрификации.

В капиталистических странах частный предприниматель действительно мог поставить вопрос: «или — или». Если бы киловатт-час электроэнергии на его гелиостанции обходился на копейку дороже и его установка работала бы с большими перебоями, чем, скажем, ветросиловая установка у его соседа, то владелец гелиостанции разорился бы. Для него «лучшее» действительно отрицает «хорошее».

У нас совершенно иное положение вещей. Мы строим наше энергетическое хозяйство на принципе кооперирования электростанций в пределах района, области, края, республики и, как завершение этого принципа, на единстве всех электросетей СССР, на единой высоковольтной сети. Мы строим и намечаем строить в ближайшем будущем большие, средние и малые электростанции — тепловые и гидростанции, не пренебрегая и ветром. Мы придаем особое значение использованию местных источников энергии, но что же получилось бы, если бы наши гелиотехники, ветротехники и т.п., следуя примеру героев романа «Победители недр», легкомысленно бросили бы свою специальность и переключились бы на работу исключительно в области овладения энергией внутренней теплоты земного шара? «Или — или» — явно неправильная и даже вредная установка как противоречащая одному из основных принципов нашего энергетического хозяйства.

Вторая существенная ошибка автора заключается в том, что, расправившись столь жестоко и несправедливо со всеми прочими видами энергии, он неудачно рекламирует и рекомендует в сущности самый рискованный, сложный и дорогой способ получения энергии путем проникновения в глубины Земли. В книге Гюнтера «Энергетика будущего», которая, конечно, должна была находиться в руках автора, можно было найти более достойные объекты для фиксирования на них внимания молодого читателя.

И зачем автору понадобилось забираться под землю на пятнадцать километров? Оказывается, только для того, чтобы установить там термоэлемент. Как известно, электродвижущая сила термоэлементов ничтожна. Правда, один из героев романа нашел средство увеличить эту силу. Но если ему посчастливилось сделать это, зачем тогда было углубляться в

недра Земли? Не проще ли было для начала использовать ту теплоту, которая находится почти на поверхности — на наших камчатских сопках, или теплоту среднеазиатского солнца, которое почти круглый год может служить источником тепла? Если применить несложные приборы вроде вогнутых зеркал, то от солнца легко получить достаточно высокую для работы термоэлементов температуру, холодильником же может служить вода рек. Это куда проще, дешевле и осуществимее, чем подогревать термоэлемент жаром недр Земли и охлаждать жидким водородом, который подается с поверхности на глубину пятнадцати километров.

Устройство мареевской подземной станции сопряжено с величайшими трудностями и громадным риском для людей, надежность работы такого «вечного» двигателя весьма проблематична, поскольку вся она зависит от исправности тонких проводов и газопроводов, соединяющих глубинную станцию с поверхностью Земли. Ведь сам автор убеждает читателя, что материки движутся, что земная кора находится в беспрерывном движении. Значит, и сдвиги почвы, и размывы, и осадки, и соли, и блуждающие токи, и прочие причины могут испортить провода и газопроводы. Ремонт же линии будет обходиться почти столько же, сколько первоначальная установка самой станции.

Нет, поистине невыгоден проект Мареева.

Каковы же выводы? В целом роман неплох, написан живо, динамично, читается легко, с интересом, указанные недостатки нетрудно исправить в новом издании. По нашему мнению, эти исправления должны сводиться к следующему: во-первых, автор не должен «обижать» и все другие виды энергии.

Следовало бы даже подчеркнуть, что различные виды энергии имеют равные права на совместное существование и на наше внимание, что проект Мареева отнюдь не самый идеальный и не самый дешевый. Если перенести действие романа в несколько более отдаленное будущее (по некоторым деталям можно догадаться, что действие романа происходит в наши дни), то легко будет объяснить, почему же наше правительство утвердило проект Мареева, хотя он и не лучший: к тому времени наша страна уже будет обладать

столь большими накоплениями материальных ценностей, что сможет позволить себе роскошь отпустить средства и на осуществление мареевского проекта наряду с другими.

Пусть попытка Мареева проникнуть в недра Земли будет сопряжена с явным риском, что соответствовало бы и действительности, а не проходит под флагом предопределенного успеха, как это в значительной степени имеет место в романе. Такая постановка, или, вернее, перестановка, придала бы всем приключениям героев большую остроту и подняла бы их личный героизм еще выше. Читатель же получил бы более правильную ориентировку в важном и сложном вопросе построения социалистического энергетического хозяйства.

СОЗДАДИМ СОВЕТСКУЮ НАУЧНУЮ ФАНТАСТИКУ

Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка; за ними шествует научный расчет, и уже, в конце концов, исполнение венчает мысль.

К. Циолковский

ОТ СКАЗКИ — К НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

«А я могу с кораблем, людьми и товарами нырнуть в море, плавать под водою и далее вынырнуть опять где надо», — говорит шестой Симеон в народной сказке «Семь Симеонов». И далее в сказке рассказывается, «как увидали семь Симеонов, что погоня уже близко, — нырнули с царевной и с кораблем. Долго плыли под водой и поднялись наверх тогда, когда близко стало до родной земли. А царская погоня плавала три дня, три ночи, с тем и возвратилась».

В другой сказке, «Усоньша-богатырша», царь посылает людей за живой и мертвой водой и «моложавыми» или «молодильными» яблоками. И «когда их ему достали, тогда отец выпил воды и сделался здоров, съел яблоков и сделался молодой, как и его дети».

Всем известны сказочные сапоги-скороходы, ковер-самолет, волшебные зеркала, при помощи которых можно видеть

на далекое расстояние. Подобные сказки — предшественники научной фантастики. Ковры-самолеты, ныряющие под воды корабли и т. п. не могли не влиять сильнейшим образом на воображение. Миллионы утверждали: сказка остается сказкой. Единицы задавали вопрос: а почему бы и не создать нечто подобное? С ростом же культуры, науки и техники растет научная и техническая оснастка произведений, описывающих чудесные вещи и изобретения. Так, в мифе о Дедале и Икаре уже содержится довольно точное описание изобретенных Дедалом крыльев для полета. Сирано де Бержерак, описывающий фантастическое «межпланетное путешествие», и Эдгар По, отправляющий своего героя к небесам, также дают техническое описание, принципы устройства летательных аппаратов. Это уже нечто от научного расчета, о котором упоминает К. Циолковский. И «в конце концов, исполнение венчает мысль»: сказочные мечты о сапогах-скороходах и ковре-самолете превращаются в скорый и сверхскорый земной и воздушный транспорт; зеркала — в телевизоры, живая вода и «моложавые» яблоки — в целую отрасль медицины, которая небезуспешно борется со старостью; ныряющий под воду корабль шестого Симеона превращается сначала в жюль-верновский «Наутилус», а затем и в современные подводные корабли; наконец, легендарные крылатые Дедалы и Икары — в Лилиенталей и Райтов. Если в живой легенде наших дней, в полетах Чкалова, Коккинаки и других славных советских героев, ведущих успешную борьбу с грозными богатырями-врагами «Циклон Циклоновичами», в дрейфе папанинцев превзойдены подвиги сказочных героев и взлет сказочной фантастики, то многое остается еще в области «неосуществленной фантазии». Но она будет осуществлена.

ПРОБУЖДАТЬ ИНТЕРЕС К НАУЧНЫМ И ТЕХНИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ

Какие же требования должны мы предъявлять к советской научной фантастике и какие ее особенности.

При всем своем своеобразии научная фантастика является частью советской литературы — это участие в социалистическом строительстве.

Поскольку в научной фантастике трактуются вопросы науки и техники, естественно напрашивается вывод, что наша в первую очередь должна быть одним из средств агитации и пропаганды науки и техники, должна расширять и научные знания, привлекать к научным и техническим проблемам интерес читателей и молодежи в особенности.

Как же наиболее целесообразно популяризовать науку и технику в научно-фантастических произведениях?

Существовала тенденция излишнего «утилитаризма». Научная фантастика низводилась на степень «занимательной науки», превращаясь в весьма незанимательные научные трактаты в форме диалогов. Фабульная художественная сторона находилась в пренебрежении. Рассказы писались по такому примерно трафарету. В выходной день трехдневки ленинградский рабочий летит в стратоплане на Памир посмотреть гелиостанции. Час-полтора — и он на месте. Осматривает гелиостанции и задает вопросы. Инженер отвечает. Когда вопросответная лекция окончена, рабочий благодарит инженера и улетает обратно в Ленинград.

К сожалению, были и редакторы, которые, понимая слишком узко задачи научной фантастики, «засушивали» научно-фантастические произведения. Если автор давал живую сцену, описывал конфликты, происходящие между людьми, — на полях рукописи появлялась редакционная заметка: «К чему это? Лучше бы описать атомный двигатель».

Крайне ограничен был круг научно-технических тем. Предпочиталось писать о настоящем, «фантастика» сводилась к увеличению масштабов, размеров, скоростей и пр. Узкий техницизм заслонял все другие области науки. Да и в области технической тематический круг ограничивался перепевами тем, содержащихся в таких популярных брошюрах, как «Технические мечтания» и «Энергетика будущего» Г. Гюнтера, «Техника и человек в 2000 году» Антона Любке и др.

Немудрено, что при таких условиях машины заслоняли людей, герои бледнели, превращались в схемы, сюжетная занимательность исчезала. Жизнь, практика, опыт, отзывы читателей показали, что такое направление было неправильным. Научную фантастику нельзя превращать в скучную научно-популярную книжку, в научно-литературный недоно-

сок. Научно-фантастический роман, рассказ должны быть полноправными художественными произведениями. Они должны ставить своей задачей не максимальную нагрузку произведения научными данными — это можно проще и лучше сделать посредством книги типа «занимательных наук», — а привлечение максимального внимания и интереса читателей к важным научным и техническим проблемам. Надо добиваться того, чтобы, заинтересовавшись ярко изображенной научной проблемой, читатель научно-фантастического произведения сам взялся бы изучать относящуюся к данному вопросу литературу, а быть может, и сам занялся научной, технической разработкой этой проблемы. Многие крупные научные деятели утверждали (в том числе и К. Циолковский), что они пришли к научной работе или изучению и разрешению определенной научной проблемы под влиянием чтения романов Жюля Верна. И с этой точки зрения лучшим научно-фантастическим произведением должно быть признано то, которое бросает в мир новую плодотворную идею, которое способствует появлению нового изобретателя, нового ученого.

Мы считаем в романах Жюля Верна наиболее ценными именно эти большие новаторские технические идеи, крепко связанные с сюжетом. Научные же знания, которые он сообщает попутно, когда они слишком обильны (например, «перечень» подводных животных в романе «20 тысяч лье под водой»), подвергают испытанию читательское терпение. Это не значит, что научная фантастика должна совершенно отказаться от попутного сообщения читателю современных знаний, но следует соблюдать меру, подавать эти знания лишь там, где они логически связаны с судьбой и поступками героев. У того же Жюля Верна имеются блестящие образцы такой подачи научного материала (например, «зажигательное» стекло, которым пользуются герои романа, сделанное из куска льда, определение расстояния между заблудившимися под землею героями по скорости звука и т. п.). Если в этом не знать меры, то читатель вместо обогащения знаниями начнет нетерпеливо перелистывать страницы, а то и совсем бросит книгу. Во многих рассказах Уэллса научное описание занимает два десятка строк, все остальное — художественное

изображение событий. И действенность научной идеи от этого только выигрывает.

Само собой разумеется, что подаваемые научные сведения должны быть совершенно доброкачественными.

Необходимо расширять круг научных тем. Профессор Я. Дорфман еще несколько лет тому назад писал о том, что авторы научно-фантастических произведений запутались в трех соснах: атомной энергии, межпланетных путешествий и лучей смерти. Если этих «сосен» несколько и больше трех, то основная мысль верна: круг тем очень узок. Не так уж трудно, раскрыв брошюры Гюнтера, Любке, написать один стандартный роман о новых ветросиловых установках, другой — о солнечных станциях, третий — об использовании энергии тепла недр Земли. Это неплохо, и это даже полезно. Но надо идти дальше. Надо включить в список тем и биологию, и медицину, и генетику, самые разнообразные области науки. Главное же — изменить методы работы. Нельзя дальше идти на поводу у Гюнтеров и Любке и использовать в качестве источников научно-фантастических романов только журнальную и брошюрочную научно-популярную литературу. Надо обратиться к истокам самой науки. Завязать живую, деловую связь с учеными. Следить за их научной работой, в особенности над разрешением ими новых проблем. Советская наука и техника — неисчерпаемый источник тем для научно-фантастических произведений. На этом пути писатель может явиться не только популяризатором новейших научных знаний, но и провозвестником дальнейшего прогресса, следопытом научного будущего. Писатель, работающий в области научной фантастики, должен быть сам так научно образован, чтобы он смог не только понять, над чем работает ученый, но и на этой основе суметь предвосхитить такие последствия и возможности, которые подчас неясны еще и самому ученому. Вершиною достижения в этом смысле могло быть положение, когда писатель научно-фантастического произведения своей фантазией наталкивает ученого на новую плодотворную идею.

Писатель, подсказывающий ученому новые идеи! Может ли это быть? Не слишком ли это смело? Жизнь показывает, что не слишком. «Бывает и так, что новые пути науки и тех-

ники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела», — сказал товарищ Сталин на приеме в Кремле работников высшей школы.

Писатель имеет полную возможность включиться в борьбу за передовую науку, в борьбу с научной замкнутостью, косностью, консерватизмом. И писателю, работающему в области научной фантастики, необходимо включиться в эту борьбу, в первую очередь потому, что научная фантастика по самой сути своей является отрицанием косности, консерватизма мысли. Воспитывать у читателя смелость мысли научной и технической, облегчать пути научного новаторства, отражать и описывать борьбу представителей передовой науки с консерватизмом, вести борьбу с научной косностью — одна из почетных задач советской научной фантастики.

Как видим, все это далеко выходит за пределы скромного популяризирования научных знаний.

* * *

Другой круг вопросов, которые необходимо разрешить советской научной фантастике, проходит по линии социальной.

Всякое научное открытие и изобретение возникают в определенное время и в определенном социально-экономическом строе. Показать межпланетные полеты, изображая действительность сегодняшнего дня, было бы известным анахронизмом, так как практическое разрешение вопроса о межпланетных полетах, по мнению ученых, требует еще значительного времени, быть может, не одного десятка лет. У нас же каждая пятилетка резко меняет лицо страны — появляются новые города, заводы, фабрики, изменяется быт. С изменением производственных сил изменяются и производственные отношения. Жюль Верн мало заботился о том, чтобы технический прогресс привести в экономическое соответствие с прогрессом социальным. Возможно, что это зависело от консерватизма его социальных взглядов, который он умудрялся совмещать с необычайным новаторством и смелостью мысли в области техники. Этот социальный кон-

серватизм у Жюля Верна простирался, например, до того, что в одном рассказе «В 2000 году» он предугадал появление телевидения и радио, и в то же время в рассказе фигурирует в Америке русский посол царского правительства. Современный ему социальный строй Жюль Верн считал, по-видимому, незыблемым: как бы далеко ни предугадывались во времени описываемые им изобретения, общественный строй, люди изображались такими, какими они были в его время.

Это, конечно, значительно упрощало работу писателя. Но советские писатели совершенно не могут идти по этому пути. Наша техника будущего является лишь частью социального будущего. И советский писатель, задавшись целью ознакомить читателя с каким-нибудь техническим новшеством, должен в первую очередь учесть, по возможности, какие изменения к тому времени произойдут в хозяйстве всей страны, в быте, в семейных отношениях и т. п.

Это, конечно, задача в высшей степени трудная. Нужно стараться избегать, по крайней мере, крупных анахронизмов. Задача эта не только трудная, но и в высшей степени ответственная. Ведь ради этого будущего люди приносили жертвы, проливали кровь. Художественный показ картины будущего может еще больше поднять энтузиазм строителей социализма и облегчить перенесение временных трудностей, которых, конечно, немало встретится на пути.

Показ социального будущего должен преследовать и другую цель: писатель-художник, удачно изображая в научной фантастике города будущего, дома, уличный транспорт, одежду, костюмы и т. д. и т. п., может способствовать тому, чтобы это будущее воплотилось в жизнь возможно скорее. Удачная мысль, идея заинтересует архитектора, инженера, изобретателя, за «мыслью» последует «научный расчет», за ним «исполнение».

Но не слишком ли мы много требуем от писателя? Писатель, подсказывающий новые идеи ученому, архитектору, изобретателю. Разумеется, бросать пригоршнями новые идеи, мысли, проекты и среди писателей могут лишь выдающиеся люди. Но не обязательно, чтобы все новые идеи в научно-фантастическом произведении принадлежали лично автору и были все сплошь оригинальными. Главное, чтобы писа-

тель умел найти действительно новые, оригинальные и плодотворные идеи и поддержал их, пропагандировал в своих произведениях, и важно, чтобы эти идеи были вполне доброкачественными в смысле их практической целесообразности и выполнимости.

Здесь весь вопрос в методе работы. Изображая будущее — города, быт, одежду, надо раз и навсегда покончить с пустым фантазированием, высасыванием из пальца, голыми, выдуманными схемами и затасканными трафаретами — с одеждами, «напоминающими древнегреческие тоги и хитоны», «белыми зданиями с колоннами, напоминающими древнегреческие храмы».

Советская социальная научная фантастика, или, точнее — социальная часть советских научно-фантастических произведений, должна иметь такое же научное основание, как и часть научно-техническая. Определяя будущее развитие общества, писатели должны хорошо изучить социально-экономическую и политическую литературу, пятилетние и генеральные планы развития хозяйства, изучить пути развития советской архитектуры, жилищного строительства и т. п. Причем во всех проектах, оригинальных и позаимствованных, писатель должен исходить не от внешности, а от внутреннего содержания, целесообразности, избегать стандартов, однообразий, учитывать разнообразие условий времени, климата, возраста и т. д. Это очень сложно и трудно. Но кто боится трудностей, не должен браться за создание научно-фантастических произведений.

А над этой трудностью — изображения социального будущего — стоит еще большая — показ человека будущего. Вот задача, которую необходимо разрешить советскому писателю, работающему в области научной фантастики. Между тем это совершенно необходимо: как описать науку, технику, быт будущего без человека будущего?

Некоторые черты этого человека будущего намечаются уже в наши дни: социалистическое отношение к труду, к государственной и общественной собственности, любовь к родине, готовность самопожертвования во имя ее, героизм.

Человек советского будущего — это человек, не знающий гнета эксплуатации, имеющий полную возможность раскрывать все свои творческие способности и дарования! Какие должны быть мощные, яркие характеры, какая полнота и разнообразие запросов, потребностей, какова красота жизни!

Удачно показать образ этого человека нашего будущего во весь рост, заставить его говорить «во весь голос» — задача почетнейшая, интереснейшая, но и необычайно трудная, требующая для своего разрешения времени. Поэтому читатель и критика не должны быть слишком строги, если в первых романах, рисующих время полного перехода к коммунизму, герои будут больше напоминать современников, чем людей будущего.

Вот основные задачи, лежащие перед советским писателем в области научной фантастики. Описывая их, мы одновременно касались и некоторых трудностей, возникающих при разрешении их.

ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ НАУЧНЫХ ДАННЫХ

На трудностях, которые стоят перед писателем в области научной фантастики, следует, однако, остановиться несколько подробнее, по крайней мере, на главнейших из них.

В настоящее время быть энциклопедистом, быть на высоте современных знаний в различных областях неизмеримо труднее, чем это было во времена Жюля Верна, не говоря о более отдаленных временах. Лесаж в своем романе «Жиль Блаз», действие которого происходит в XVII веке, описывает знаменитого врача, весь метод лечения которого от всех болезней состоял в том, чтобы «пускать больным кровь и поить их теплой водой». Такую «науку» нетрудно было изучить. В настоящее время даже такие крупные и высококультурные писатели не могут обойтись в своей работе без научного консультанта.

Надо прямо сказать, что научный багаж советского писателя-фантаста, в особенности в области физико-математических наук, еще не очень велик, тем более если иметь в виду обширность, глубину и быстроту развития этих областей науки. Это дело, конечно, поправимое, если писатель возьмется за серьезную учебу и если ему будет обеспечена солидная на-

учная консультация. К сожалению, пошумев о связи науки с литературой, Союз писателей, издательства и редакции журналов ничего реального не сделали, чтобы обеспечить постоянную деловую связь писателей с научными работниками. Вопрос о научной консультации и редакции в процессе работы необходимо разрешить возможно скорее, иначе неизбежно будут повторяться такие же истории, как с недавно рецензируемым в журнале «Детская литература» романом Адамова «Победители недр». Когда роман уже вышел из печати, в нем нашли немало мелких и крупных недостатков. Но разве невозможно было на пользу автору и читателям убрать эти недостатки в то время, когда еще автор работал над рукописью?

Следующая трудность, стоящая перед читателем в изложении научных проблем, это невозможность проведения точных границ между научным и ненаучным, практически выполнимым, хотя бы и в отдаленном будущем, и абсолютно никогда не выполнимым. И ученый, иногда подавляя своим научным авторитетом, дает уничтожающую критику фантазии писателя, а на поверку (увы, иногда слишком поздно для автора) оказывается, что писатель был ближе к истине, чем ученый, что не наука, а научная косность продиктовала столь суровый приговор.

ТРУДНОСТИ СЮЖЕТА

Очень велики трудности в создании сюжета при условии, что действие романа происходит, когда классов уже нет, а с ними и классовых противоречий, нет и антагонизма между городом и деревней, разницы между умственным и физическим трудом и т.п.

Старые сюжетные стандарты «литературного наследства» тут уже не годны. В капиталистическом мире «человек человеку волк, все на одного, один против всех» («Человек-невидимка»). У нас «человек человеку брат», «все за одного и один за всех». Там сюжет строится на борьбе за капитал внутри класса капиталистов, на конкуренции, на борьбе классов, на антагонизме города и деревни, на антагонизме рас, национальностей и т.д. Сюжетные конфликты в произведениях, описывающих советское будущее, естественно, должны строиться на иных основах. Для переходного периода, пока СССР находится в капиталистическом окружении, может и должна быть использована для сюжета борьба с осколками класса эксплуататоров, с вредителями, шпионами, диверсантами.

Но роман, описывающий более отдаленное будущее, скажем бесклассовое общество эпохи коммунизма, должен уже иметь какие-то совершенно новые сюжетные основы. Притом такого рода роман должен иметь довольно много описаний, а они всегда являются тормозом в развитии сюжета. Дело осложняется еще и тем, что читатель научно-фантастической литературы уже приучен к остроте, особенной динамичности, сюжетной «закрученности», которые присущи старым образцам этих жанров, он ждет этого от всякого научно-фантастического романа. И остается неудовлетворенным, не найдя привычной остроты.

Нередко редакторы выражают пожелание, чтобы роман был и по содержанию, и по форме, и по сюжету новым, построенным на нашем материале, и в то же время, чтобы он был столь же занимателен, как старые, привычные. Разумеется, занимательность обязательна для каждого романа. Вопрос только в том, что самый характер занимательности изменяется, часть же читателей отстает от этих изменений, отсюда возможный конфликт с автором. Хвостизм, потакание вкусам наиболее отстающей части читателей, разумеется, недопустимы. Но и отрыв опасен.

Писатель, например, может изобразить человека будущего с огромным самообладанием, умением сдерживать себя, свои чувства, порывы, эмоции. И возможно, что писатель очень точно предугадает эту черту в характере человека будущего и даст прекрасный портрет. А читателю может показаться такой человек бесчувственным, бездушным, холодным и не возбуждающим симпатий (например, сцена: умирает единственный ребенок, а мать не стонет, не проливает ни единой слезы).

Мы перечислили далеко не все трудности, которые приходится преодолевать писателю, создавая жанр советской научной фантастики. Но и сказанного, полагаем, достаточно, чтобы показать, насколько сложна задача создания полноценных произведений. Удовлетворительно разрешить эту

задачу невозможно, если писатель, посвятив себя этому жанру, будет продолжать работать, как это имело место до сих пор, в одиночку, кустарно, на свой страх и риск решать труднейшие и ответственные проблемы. Мало учиться на ошибках друг друга по уже вышедшим из печати произведениям. Необходимы творческая среда, творческий контакт, товарищеский совет, научная консультация в процессе работы. Необходимо коллективное обсуждение проблем научной фантастики на собраниях и в печати. Необходимо предупреждать ошибки, а не только критиковать, когда они сделаны До сих пор положение было именно таково: когда книжка уже вышла, критиков много, когда работаешь над нею, помощников и советчиков нет или, по крайней мере, их трудно получить. Этот порядок должен быть изменен дружными усилиями общественных организаций Союза писателей, издательств и редакций, представителей науки и критики.

ГРАЖДАНИН ЭФИРНОГО ОСТРОВА

Константин Эдуардович Циолковский — космический человек. Гражданин Эфирного Острова.

Вы не знаете, что такое Эфирный Остров?

— Наше Солнце освещает более тысячи планет. В Млечном Пути не менее миллиарда таких солнечных систем. В Эфирном Острове находят около миллиона таких Млечных Путей. Дальше этого астрономия пока не идет! Вот что такое Эфирный Остров.

Математик, физик, астроном, механик, биолог, социолог, изобретатель, «патриарх звездоплавания» — Циолковский мыслит астрономическими цифрами, считает миллионами, биллионами, миллиардами. Бесконечность не устрашает его. Он обращает свой взгляд к прошлому нашей Солнечной системы и спокойно говорит, как о возрасте своих собственных детей: «На рождение всех планет понадобилось тридцать один биллион лет. Земля отделилась от Солнца два биллиона лет тому назад, а наша Луна рождена Землей менее миллиарда лет назад». Совсем новорожденная крошка. Что значит миллиард, если Циолковский иногда имеет дело с та-

кими цифрами, для которых, по его собственным словам, «чтобы их написать, не хватило бы всей вселенной»!

Один перечень изданных трудов К.Э. Циолковского занимает двадцать четыре печатные страницы.

«Мне было лет восемь-девять, когда моя мать показывала нам, детям, аэростат из коллодиума. Он был крохотный, надувался водородом и занимал меня тогда как игрушка». Об этом детском воздушном шарике Циолковский вспоминает, потому что шарик дал первый толчок направлению мыслей будущего изобретателя дирижабля. Четырнадцати лет, получив некоторые представления об аэростате из физики, он мастерит бумажный аэростат и надувает его водородом, а пятнадцати-шестнадцати лет делает подсчеты, каких размеров должен быть воздушный шар, чтобы подниматься с людьми, «будучи сделан из металлической оболочки определенной толщины. С тех пор мысль о металлическом аэростате засела у меня в мозгу». На подсчеты ушли годы.

Будучи учителем, Циолковский вставал до зари, чтобы успеть заняться своими вычислениями. Под «фантазию» был подведен прочный фундамент из тысячи формул.

И ровно тридцать лет назад молодой изобретатель делает доклад в Москве, в б[ывшем] имп[ераторском] техническом обществе «О построении металлического аэростата».

Ученый синклит дал кислый отзыв: оно конечно, металлический аэростат построить можно, но только строить его ни к чему, так как всякий «аэростат обречен навеки, силою вещей, остаться игрушкою ветров».

Современная техника опровергла эти старческие тревоги. Но современные дирижабли, как известно, все еще имеют мягкую оболочку и сложный, дорогостоящий каркас. К идее Циолковского о дирижабле из волнистой стали только теперь подходит воздухоплавание.

Работая над проектом дирижабля, Циолковский думал уже о полетах к звездам. На земле ему становилось тесно. Скромный калужанин вырастал в гражданина Эфирного Острова.

Труды Циолковского в области «звездоплавания» считаются теперь классическими. Он первый дал все расчеты для устройства ракетного снаряда, при помощи которого можно покинуть пределы атмосферы. Работа над «реактивными приборами», действующими при помощи отдачи, создала

Циолковскому мировое имя. (К сожалению, за границей и сейчас оно популярнее, чем у нас.)

Устройство реактивных приборов затрудняется тем, что «ракета» должна иметь очень большой запас горючего, — по крайней мере в четыре раза превосходящий вес самой ракеты, чтобы набрать скорость не менее 8 километров в секунду, необходимую для космического полета. Гениальный старик решил выйти из положения при помощи «ракетных поездов».

Под ракетным поездом он подразумевает соединение нескольких одинаковых реактивных приборов, двигающихся сначала по дороге, потом в воздухе, затем в пустоте вне атмосферы, наконец, где-нибудь между планетами и солнцами.

Дело представляется так. Несколько ракет — скажем, пять, соединяются, как вагоны поезда — одна за другой. При отправлении первая головная ракета играет как бы роль паровоза: она, взрывая горючее, везет за собой поезд, набирая все большую и большую скорость. Когда у этого «паровоза» запас горючего начинает истощаться, головная ракета на лету отцепляется от поезда и возвращается на Землю. Вторая ракета становится головною и ведет поезд, пока и она не истощит свой запас горючего. Так происходит с каждой ракетой, кроме последней, предназначенной для межпланетного полета. Когда предпоследняя ракета отчалит и снизится на Землю, у последней уже будет набрана необходимая скорость для полета в межпланетном пространстве. Причем она не истратит на преодоление земной тяжести и на приобретение необходимой скорости ни одного грамма из своего горючего. А свои запасы горючего последняя ракета может расходовать уже «на небе» для необходимого маневрирования или спуска (торможения).

Представим себе, что полет совершился. Мы улетели «к звездам». Что найдем мы там и зачем нам лететь туда? На эти вопросы Циолковский отвечает в своих брошюрах «Цели звездоплавания» и «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Здесь, не переставая быть ученым, Циолковский становится «фантастом», далеко оставляя позади себя по смелости и широте своих космических «грез» таких фантастов, как Жюль Верн и Уэллс.

Но позвольте, — скажет читатель, — как же там жить, не

возвращаясь на Землю? А воздух? А пища? А всепожирающие лучи Солнца? Ужаснейший холод мировых пространств?

Все обдумано, предусмотрено. Ведь Циолковский первоклассный физик и математик, а не легкомысленный человек. Его фантазия выезжает в путь только на стальном коньке математических формул. Он уже приготовил для будущего человечества вполне удобную и вместительную жилплощадь среди лагун Эфирного Острова. Слушайте.

Небесный дом-коммуна будет представлять собой огромный цилиндр, сделанный из металла и стекла и разделенный перегородками на отдельные камеры. Если в одной из камер произошла утечка кислорода в пустоту, жильцы могут переселиться в соседнюю, пока в первой исправят повреждения. Треть цилиндра, обращенная к Солнцу, застеклена обыкновенным стеклом, задерживающим убийственные для организма ультрафиолетовые лучи Солнца. По мере необходимости пуская через окна солнечный свет внутрь цилиндра, можно достигнуть любой температуры «дома» — от 250 градусов холода до 200 тепла. Так в жилых ячейках мы сможем установить равномерную теплую температуру. Наши небесные комнаты залиты светом. В них чистейший воздух, без всяких бактерий. Ведь мы можем выходить в соседнее помещение, а в своем поднимать температуру выше точки кипения и таким образом стерилизовать воздух. Он может, кроме того, очищаться и восполняться кислородом при помощи растений. Для этого в цилиндре будут культивироваться те растения, которые без остатка поглотят углекислоту и выделят необходимый для дыхания человека кислород. Влага, выделяемая в воздух растениями и людьми, будет собираться в особые сосуды. Невесомость наших тел и всех вещей сделает ненужными мебель и вещи. Человек будет чувствовать необычайную легкость. Правда, отсутствие тяжести может создать и неудобства. Человек может беспомощно болтаться в пустоте посредине помещения, если ему не от чего оттолкнуться, вещи будут блуждать по комнате, земля плантаций может также рассеяться и загрязнить воздух. Но довольно будет использовать центробежную силу, чтобы все тела вновь обрели некоторую тяжесть. А сделать это легко. Представьте себе два шара или цилиндра, связанные и приведенные во вращательное движение. Так могут вращаться в пустоте целые «жилкоопы» или же

отдельные части и предметы внутри зданий. И тогда все придет в норму. Любители твердой почвы почувствуют ее под ногами, явится верх и низ, вещи приобретут некоторую тяжесть.

В особых костюмах, похожих на водолазные, со скафандром на голове и запасом кислорода люди смогут выходить наружу, в безвоздушное пространство. Но нужно иметь на всякий случай маленькие «карманные» ракетные двигатели. Иначе — малейшее неосторожное движение, и человек унесется от своего дома в мировое пространство, чтобы уж никогда не возвращаться.

Отсутствие тяжести, отсутствие «верха» и «низа» дадут возможность небесным переселенцам развить необычайно грандиозное строительство и индустрию. Из самого легкого материала там можно построить «небоскреб» длиною в несколько километров, можно перекинуть «мостики» из тонкой проволоки через бездну, соединив его отдаленные дома, и по этой проволоке перевозить тяжести в сотни тысяч тонн земного веса.

Когда же «людям неба» покажется тесно вокруг нашего старого Солнца или же когда они заметят, что Солнце начинает греть слабее, они отправятся в своих воздушных домах-кораблях в далекие странствия, к иным солнцам нашей галактической системы.

Постепенно люди и растения, живущие на небесах, приспособляясь к новым условиям, изменят свой внешний вид, свой организм. И, быть может, через тысячелетия люди превратятся в совершенно иные существа.

Однако не пора ли нам спуститься на Землю? Без привычки к этим высотам мысли может закружиться голова...

Итак, человечеству нечего бояться перенаселения Земли. Места хватит на небесах. Но свободного места более чем достаточно и на Земле, надо только уметь использовать ее. Люди должны, как говорится теперь, «освоить» до конца Землю.

«В настоящее время Земля есть пустыня, — говорит Циолковский. — На человека приходится 52 гектара суши и воды. Одной суши 13 гектаров. Из них не менее 4 приходится на райский климат без зимы с чудесною плодородною почвой. Тут не нужно ни обуви, ни одежды, ни дорогих жилищ, ни труда для пропитания... Засаженной бананами, корнеплодами, хлебными деревьями, кокосовыми и финиковыми

пальмами или другими растениями какой-нибудь сотни квадратных метров (ар) хватит для сытой жизни одного человека. И вот почему я называю Землю пустынной: дают 400 аров плодородной тропической почвы на человека, а ему много и одного ара (основание квадратного двенадцатиметрового дома). Как же земля не пустынна, если почвы на ней в 400 раз больше, чем нужно?»

Мертвые пустыни Циолковский превращает в плодотворнейшие местности. В пустынях будут дома-оранжереи. Крыши этих жилищ будут покрыты слоем черного железа. Ночью, которая в пустыне бывает прозрачною, безоблачной, железо сильно охлаждается и покрывается каплями росы, извлекаемой из воздуха. Вода стекает по желобам в особые хранилища. Этой воды будет вполне достаточно для орошения не только «оранжерейной» растительности, но и деревьев на открытом воздухе. Днем черный слой на крыше механически поворачивается нижней блестящей стороной, отражающей лучи солнечного света, которые поэтому почти не нагревают воздух и рассеиваются в небесном пространстве. «Так можно понизить среднюю температуру места и вызвать дождь».

Океаны тоже должны быть укрощены и подчинены воле человека. По подсчетам Циолковского, «покорение» океанов начнется только тогда, когда население Земли возрастет до 400 миллиардов человек (в настоящее время население земного шара равно только двум миллиардам).

Борьба с водной стихией сопряжена с большими трудностями. Наступление начнется с берега, в сторону океана. На известном расстоянии от берега строится нечто вроде плота во всю длину береговой линии. Границы этого плота, обращенные к волнам, имеют машины-двигатели, которые используют волнение океана для добывания энергии и укрощают волны. Фронт строится в виде очень прочного плота. А промежуток между этим плотом и берегом покрывается более легким плотом. Так постепенно покроется плотами вся поверхность здания. «Обилие влаги, ровная, желаемая температура, горизонтальная местность, дешевизна транспорта — все это большие преимущества сравнительно с сушей».

Испаряемость уменьшится, уменьшится и облачность. Средняя температура Земли вследствие этого повысится (большее количество солнечных лучей будет достигать Земли).

Не только умеренные, но и полярные страны будут иметь сносную температуру. Земледелие будет процветать на плотах. Население Земли увеличится до 5 биллионов.

Вот Циолковский предлагает проект оригинального бесфюзеляжного аэроплана, который должен явиться как бы переходом к космическому кораблю. Это даже не один, а десяток или два десятка аэропланов, соединенных особенным образом. Каждый из этих летательных снарядов напоминает собою веретено, сделанное из металла. Внутри — воздух или кислород. «Веретена» смыкаются боками и образуют как бы волнистую квадратную пластинку площадью не менее 400 кв. м. Воздушные винты помещены спереди и сзади каждого «веретена». При взлете аэроплан ставится на особые поплавки, которые затем сбрасываются, чтобы не висеть мертвым грузом. Спускаться можно непосредственно на воду. Такая система отличается прочностью, безопасностью, большой грузоподъемностью, дешевизной и многими другими летными и экономическими достоинствами.

Интересен и проект земного сверхскорого поезда. Земным его можно назвать только относительно, так как этот поезд будет двигаться не по земле, а по воздуху: между полом поезда и землей будет находиться слой воздуха. Слой этот будет небольшой, поезд над землей будет висеть всего несколько миллиметров, но этого слоя достаточно, чтобы свести трение почти к нулю. Такому поезду не нужно будет колес и смазки. Он сможет идти с огромной скоростью. На нем можно будет в полчаса доехать из Москвы до Ленинграда, за десять часов — от полюса до экватора, и менее двух суток нужно для того, чтобы объехать по экватору вокруг Земли! Каким черепашьим шагом по сравнению с этим двигался вокруг света жюль-верновский герой! С разбега по инерции поезд будет преодолевать все наклоны, взбираться без всякого усилия на горы и даже... перескакивать через реки пропасти и горы любых размеров. Долой туннели![1]

Циолковский, по-видимому, глядя на солнечные лучи, думает: «Какая бесцельная трата энергии!» Самая малая былинка занимает и волнует Циолковского. Зерновые хлеба используют только одну шеститысячную долю солнечной энергии. Как возмутительно мало! Солнце должно давать в среднем, при идеальном использовании его энергии, 625 кг в год на 1 кв. метр. А мы получаем с квадратного метра 0,1 кг. В 6250 раз менее того, что можно получить! Надо приняться за растения и солнечный свет! Надо вырастить такие сорта растений, которые использовали бы солнечную энергию возможно больше. Ведь банан ее использует в 100 раз больше, чем зерновые хлеба. Почему же не вырастить такой «сверхбанан», который явился бы еще лучшим «аккумулятором» солнечной энергии? И Циолковский намечает план. Надо путем отбора и скрещивания выработать растения, которые способны будут максимально использовать солнечную энергию. Надо позаботиться о том, чтобы солнечная энергия не поглощалась облаками и полупрозрачной атмосферой. Надо устранить вредное перегревание плодов и излишнюю испаряемость, овладеть почвой, температурой, погодой, уничтожить вредителей, сорные травы, пыль, наконец, изменить самый химический состав лучей. На все это имеются у Циолковского подробные указания и расчеты. «Если бы утилизировать хоть 20% солнечной энергии, то и тогда Земля могла бы прокормить население в 100 тысяч раз больше теперешнего».

Поистине у гиганта мысли Циолковского есть чему поучиться.

[1] См. книги Циолковского: «Исследование мировых пространств», «Космическая ракета», «Космические ракетные поезда», «Воздушный транспорт» и др.

КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ ЦИОЛКОВСКИЙ

19 сентября с. г. (1935 г. — *Прим. авт.*) умер Циолковский, виднейший теоретик цельнометаллического дирижаблестроения и звездоплаванья, самоучка-изобретатель, чье имя войдет в историю наравне с лучшими именами — двигателями человеческого прогресса.

Константин Эдуардович Циолковский — родился в деревне Ижевской Рязанской губернии, в большой семье управляющего лесничеством. Его отец, по словам самого К. Э. Циолковского, был «неудачником, изобретателем и фи-

лософом». Бедственное состояние многочисленной семьи и отчасти глухота, полученная К. Э. Циолковским в детстве после перенесенной скарлатины, лишили его возможности учиться в гимназии. Курс наук он проходил дома под руководством отца и матери, главным же образом самостоятельно. Уже тогда он удивлял своими необычайными способностями, в особенности в математике и физике. «Я так привык к самостоятельной работе, — вспоминает он свои учебные годы, — что считал более легким для себя доказать теорему без книги, чем вычитывать из нее доказательства. Лишь не всегда это удавалось». Вникните в смысл этой фразы. Но помните историю математики. С какими усилиями человечество овладевало математическими знаниями, как нелегко давались геометрические теоремы.

С раннего детства обнаружились и изобретательские способности Циолковского. В его скупых воспоминаниях о детстве мы читаем, что любимыми его науками были математика, физика и в особенности механика. Еще в четырнадцатилетнем возрасте он делал первые опыты с бумажными аэростатами. Едва ли зная о Леонардо да Винчи, увлекался, подобно знаменитому художнику, идеей летания с помощью механически работающих крыльев, делал «плохие токарные станки, на которых все-таки можно было точить», «строил двигатели, смастерил, между прочим, коляску, которая должна была ходить во все стороны при помощи ветра».

«Модель прекрасно удалась и ходила по крыше, по доске против ветра. Отец был очень доволен, и с крыши изобретателя совлекали, чтобы показать машину гостям в комнате. Тут опыт также блестяще удавался. Ветер же я производил с помощью мехов. Одновременно ходила у меня по полу и другая модель, приводимая в движение паровой машиной турбинной системы».

Циолковский уже мечтал о путешествиях на своей «аэроколяске». А через два-три года он уже серьезно занялся идеей цельнометаллического аэростроения.

«Больше всего я увлекался аэростатами и уже имел достаточно данных, чтобы решить вопрос — каких размеров должен быть воздушный шар, чтобы подниматься на воздух с людьми, будучи сделан из металлической оболочки опре-

деленной толщины. Мне было ясно, что толщина оболочки может возрастать беспредельно при увеличении размеров аэростата. С этих пор мысль о цельнометаллическом аэростате засела у меня в мозгу».

В то же время Циолковский продолжал учиться, сдавая экзамены экстерном. Впоследствии стал учителем математики и физики. С 1882 года в Боровском уездном училище, с 1902 года в Калужском женском епархиальном училище и затем в реальном училище, отдав педагогической работе 10 лет жизни.

Он стал бедным многосемейным учителем в глухом провинциальном городе. Растет семья, растет и бедность. Некий М.П. Голубицкий, посетивший К.Э. Циолковского в 1897 году, так описывает его жизнь:

«Я познакомился с ним в городе Боровске в 1887 году, куда случайно попал несколько лет назад, и крайне заинтересовался рассказами туземцев о сумасшедшем изобретателе Циолковском, который утверждает, что наступит время, когда корабли понесутся по воздушному океану со страшной быстротой, куда захотят. Я решил навестить изобретателя. Первое впечатление было удручающее. Маленькая квартирка, в ней большая семья — муж, жена, дети и бедность, бедность изо всех щелей помещения, а посреди его разные модели, доказывающие, что изобретатель действительно немножко тронут: «Помилуйте, в такой обстановке отец семейства занимается изобретениями».

Едва ли многим лучше жилось К. Э. Циолковскому и в Калуге. Его домишко на окраине города, на Коровинской улице, — ныне им. Циолковского, — недалеко от Оки, ничем не отличается от соседних обывательских домов. Маленький сельский домик с мезонином. На улице кур и гусей больше, чем людей. Огородик.

А вне дома — чуждый враждебный мир. Местные обыватели считают его сумасшедшим маниаком. Городские заправилы — человеком «опасных мыслей». Его едва терпят на службе. Он находится под неусыпным надзором бдительного начальства.

«Широкая» общественность также не приходит на помощь. Когда по инициативе Голубицкого «Калужский вест-

ник» организовал сбор пожертвований, было собрано всего 55 рублей, из них из Петербурга — 4 рубля. Так расщедрилась царская столица на поддержку молодого изобретателя. Говоря об этом «общественном» движении, Циолковский пишет: «Принимал я эти деньги со скрежетом зубовным и с затаенной душевной болью, т. к. некоторые... прямо жертвовали на бедность. Я даже заболел, ее все-таки терпел, надеясь на возможность дальнейших работ».

Приходилось снова и снова — отрывая от скудных достатков семьи, рассчитывать только на свой нищенский заработок. Без домашней мастерской, «лаборатории» он не мог существовать. «Меня всегда сопровождала домашняя мастерская. Если она разрушалась, например, на пожаре или наводнении, то я снова ее заводил или пополнял»... — на собственные деньги. Наконец, не лучше были отношения и официальных научных кругов и учреждений к изобретениям Циолковского.

В 1890 году воздухоплавательный отдел императорского технического общества в полном составе выступил против утверждения Циолковского, что аэростатом можно управлять по своему желанию. Изобретателю заявили, что «аэростат всегда должен остаться игрушкой ветра».

«Тяжело работать в одиночку многие годы при неблагоприятных условиях и не видеть ниоткуда — ни просвета, ни поддержки».

Такова невеселая внешняя сторона жизни изобретателя, который родился слишком рано.

Но Циолковский не сдавался и продолжал работать не покладая рук.

По скрипучим ступенькам крутой лесенки поднимался он в мезонин, в свою мастерскую-светелку. За окном виднелись Ока и заокские леса. На простом верстаке помещался «склад изданий» автора — брошюры, изданные на скудные средства изобретателя. Он рассылал и дарил их всем, интересующимся его идеями. На полках — большой Брокгауз, Чехов, Мамин-Сибиряк...

Изобретатель усаживается за письменный стол. И вот провинциальная Калуга, невежественные, косные обыватели, общественное презрение, семейные заботы, бдительное

начальство, все «земное тяготение» остается внизу. Сквозь стройные и строгие ряды математических формул он уже видит «небо в алмазах» и беспредельные дали звездных миров...

Как всякий самоучка, с замкнутым кругом жизненных восприятий и знаний, он иногда «заново открывает» уже открытые физические законы, — как это было с «Теорией газов», «Механикой животного организма», «Продолжительностью лучеиспускания звезд», — не беда. Это лишь доказывает, что ему по плечу самостоятельное разрешение таких проблем. Зато он предвосхищает и многие новые идеи.

За восемь лет до первых полетов братьев Райт Циолковский математически разрабатывает теорию аэроплана и создает законченный тип этого летательного аппарата. («Аэроплан, или птицеподобная авиационная летательная машина», 1895 г.)

За пять лет до Цеппелина Циолковский выступает с идеей управляемого аэростата.

Его первенец — небольшая модель — находит свое упокоение в калужском музее, рядом с баночками и жуками, в музее местного края «песни купчихи Рыжичкиной», пожертвовавшей свой дом музею, а громадное состояние — пятидесяти кошкам и двум приживалкам.

Время и царский режим были против Циолковского. Идеи аэроплана и дирижабля, созревшие в Калуге, не дают плода. Позже пришедшие европейские и американские изобретатели обгоняют косную родину изобретателя, а ему остается только «моральное удовлетворение» в том, что его идеи, вопреки утверждению царских чиновников — ученых, восторжествовали. Не беда! Он берет, наконец, «реванш в веках, как «патриарх звездоплавания», — первый теоретик реактивных двигателей для сверхвысотных межпланетных полетов.

Тридцать два года тому назад в журнале «Научное обозрение» появляется его первый труд — «Исследование мировых пространств реактивными приборами». В России, разумеется, на эту работу не обратили внимания. Зато в Америке статья произвела большое впечатление. А в Европе ловкий шведский полковник Уиге применил идею Циолковского к военному делу и не безвыгодно для себя продал эту украденную у Циолковского идею, — выдав за свою, — известному Круппу.

Не беда! Циолковскому к этому не привыкать. Цепкая посредственность всегда пользуется тем, что проходит «мимо рук» у людей творческого типа. Циолковский не нажил состояния на патентах, но он нажил нечто для него большее — мировое признание. Его имя и его авторитет в особенности поднялись за последние 15 лет, когда идея ракетного двигателя начала пробивать себе широкую дорогу. Виднейшие ученые, инженеры Запада и Европы, — Гиддарт, Герман Оберт, Эспо Пельтри, Вальер, погибший при взрыве ракетного автомобиля, считают Циолковского своим учителем. «Вы зажгли свет, и мы будем работать, пока величайшая мечта человечества не осуществится», — писал Оберт Циолковскому.

Над осуществлением этой мечты продолжал работать до последних дней и сам Циолковский. Совсем недавно ему пришла «счастливая мысль», которая, по его мнению, приближает осуществление этой «мечты» настолько, что, по словам самого Циолковского, — в межпланетное пространство полетит еще современное поколение людей. Пока же — с легкой руки Уиге, — реактивные двигатели все более внедряются в артиллерию, как новое орудие истребления людей, а в мирных целях — для переброски почты...

Приходится пожалеть о том, что Циолковский «рано родился». Октябрьская революция в корне разрушила тот быт и уклад, который был враждебен всему новому. При Советской власти Циолковский получил полное и давно заслуженное признание. Еще недавно — 17 октября 1932 года вся страна торжественно отпраздновала 75-летие со дня рождения и 50-летие его изобретательской деятельности. Циолковский был награжден орденом Трудового Красного Знамени, получил персональную пенсию, был поставлен в лучшие бытовые условия, и — что самое важное для изобретателя — он получил ту поддержку в своей творческой работе, о которой тщетно мечтал всю жизнь.

Строится цельнометаллический дирижабль. Уже советские ученые «поддерживают огонь», зажженный Циолковским, овладевая техникой межпланетных сообщений. Перед Циолковским открылось необозримое поле творческих возможностей. Смелый, дерзкий на новизну изобретатель умер тогда, когда «смелое и дерзкое на новизну» правительство

получило возможность оказывать ему самую широкую материальную поддержку.

Большинство знает Циолковского как изобретателя цельнометаллического дирижабля и «звездолета». Эти работы действительно представляют наибольшую ценность для нашего времени. Но исследовательский и изобретательский диапазон Циолковского гораздо шире. Циолковский дал ряд интересных и вполне оригинальных работ в области физики, механики, геологии, астрономии, физиологии, ботаники, даже социологии и философии. Довольно привести краткий перечень его работ, чтобы — по одним названиям — иметь представление о широком охвате его умственных интересов. «Давление на плоскость», «Сжиматель газов», «Как увеличить энергию взрывных (тепловых) двигателей», «Аэроплан», «Дирижабли» и «Реактивный аэроплан», «Стратоплан полуреактивный», «Цели звездоплавания», «Сопротивление воздуха и скорый поезд», «Новый аэроплан», «Вне Земли», «Образование солнечных систем и споры о причине космоса», «Прошедшее Земли», «Современное состояние Земли», «Будущее Земли», «Общественная организация человечества», «Нирвана», «Горе и гений», «Разум и страсти», «Богатство Вселенной», «Воля Вселенной», «Растительность будущего», «Космические ракетные поезда»...

Он первый в России устраивает аэродинамическую трубу, впоследствии нашедшую столь широкое применение в авиатехнике, и производит ряд ценных опытов по аэродинамике, он предлагает международный алфавит и принцип новой, очень простой и дешевой пишущей машины...

Он многообразен, как выдающиеся люди эпохи Возрождения, по широте же охвата интересов он являет собою как бы тип и прообраз «человека будущего», с его расширенным до «космических масштабов» сознанием. Он живет интересами всего человечества, он чувствует себя «гражданином Вселенной». Он мыслит пространство сотнями миллионов световых лет. Для него Земля — лишь пылинка Солнца, Солнце — пылинка Млечного Пути. Млечный Путь — пылинка Эфирного Острова — как называет он систему Млечных путей, — а их миллион. В Эфирном Острове — Эфирный же Остров, занимающий такое протяжение, что луч све-

та может пробежать его от края до края — делая 300 тыс. км в секунду — лишь в 100 миллионов лет — такой Эфирный Остров лишь нулевая величина по сравнению с Большой Вселенной, включающей в себя неизмеримое количество Эфирных Островов...

Его представление о пространстве и времени неизмеримо шире нашего. И потому-то он с такой смелостью заглядывал в отдаленное прошлое и будущее. Он предусматривал судьбу человечества на миллионы лет вперед. Его озабочивало будущее перенаселение земного шара. И он дает изумительные «научно-фантастические» проекты титанических работ по овладению тропиками, заселению пустынь, доселе неприступных гор, даже океанов, об уничтожении атмосферы, мешающей проникать значительной части солнечной энергии (необходимое для дыхания количество воздуха остается «под оранжереей», покрывающей земной шар). Он мечтает о создании новых видов высококалорийных растений, наконец, о переселении земных людей на астероиды, планеты, о создании «ракетных» колоний. Он мыслит время, когда люди путем эволюции приспособятся жить в межзвездном пространстве... Он думает о судьбе, о смысле всего мироздания...

История этой долгой и плодотворной жизни глубоко поучительна. Она живой пример того, как человек может противостоять всем неблагоприятным условиям, побеждать пресловутые «объективные условия» и достигнуть намеченной цели.

В чем секрет его успеха? Во-первых, в целеустремленности. «Я читал только то, что могло помочь мне решить интересующие меня вопросы». (В этом отношении он похож на другого великого самоучку — Эдисона.) Во-вторых — в развитии «умственной самодеятельности». (Вспомним его самостоятельное решение теорем.) В-третьих — в сочетании теории с практикой. Он никогда не был ни оторванным от науки фантастом, ни оторванным от жизни голым теоретиком.

— «Я учился, творя».

— «Исполнению предшествуют мысли. Точному расчету — фантазия».

— «Вся моя жизнь состояла из размышлений, вычислений, практических работ (две грыжи нажил) и опытов».

— «Основной мотив моей жизни — сделать что-либо полезное для людей, не прожить даром жизнь, продвинуть человечество хоть немного вперед. Вот почему я интересовался тем, что не давало мне ни хлеба, ни силы. Но я надеюсь, что мои работы, может быть, скоро, а может быть, и в отдаленном будущем дадут обществу горы хлеба и бездну могущества».

В этих словах — лучший портрет великого изобретателя и гражданина. И этой цели — «не прожить даром жизнь, продвинуть человечество хоть немного вперед» — Циолковский оставался верен буквально до последних минут.

Безнадежно больной, уже не будучи в состоянии есть и пить, он принял главного инженера третьего конструкторского бюро, выслушал информацию о проектировании и постройке цельнометаллического дирижабля и дал ряд практических указаний о сварке гофрированной стали.

Последними его словами, его завещанием, — было обращение «к вождю народа тов. Сталину» за шесть дней до смерти:

ЦК ВКП(б) — вождю народа тов. Сталину

Мудрейший вождь и друг всех трудящихся, т. Сталин!

Всю свою жизнь я мечтал своими трудами хоть немного продвинуть человечество вперед. До революции моя мечта не могла осуществиться.

Лишь Октябрь принес признание трудам самоучки; лишь Советская власть и партия Ленина — Сталина оказали мне действенную помощь. Я почувствовал любовь народных масс, и это давало мне силы продолжать работу, уже будучи больным. Однако сейчас болезнь не дает мне закончить начатого дела.

Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды. Всей душой и мыслями Ваш, с последним искренним приветом всегда Ваш

К. Циолковский

В ответ на это письмо тов. Сталин телеграфировал:

Знаменитому деятелю науки товарищу
К. Э. Циолковскому.

Примите мою благодарность за письмо, полное доверия к партии большевиков и Советской власти.

Желаю Вам здоровья и дальнейшей плодотворной работы на пользу трудящихся.

Жму Вашу руку.

И. Сталин

Циолковский горячо благодарил тов. Сталина. «Чувствую, сегодня не умру».

Он умер 19 сентября, прожив 78 лет и 2 дня, исполнив «основную цель своей жизни — «не прожить даром жизнь».

Для редакции журнала «Вокруг света» смерть Константина Эдуардовича Циолковского вдвойне тяжелая утрата. Мы потеряли не только выдающегося человека нашей родины.

Константин Эдуардович был внимательным читателем, другом и сотрудником нашего журнала. Мы ценим это, тем более что в последние годы К. Э. редко выступал в печати. Нас он не забывал. В прошлом году мы помещали его статью «За атмосферу».

В текущем году отзывчивый на все новое изобретатель дал статью о батисфере («Вокруг света», № 6 — «Величина погружения океанской батисферы»). Это была одна из его последних работ.

Живо откликался он и на печатающийся в журнале материал, привлекавший его внимание. Так, когда начала печататься повесть А. Беляева «Воздушный корабль», К. Э. Циолковский прислал письмо в редакцию, в котором сообщал, что он нашел повесть остроумной по замыслу и достаточно научной для фантастики. «Выражаю свое удовольствие уважаемой редакции и товарищу Беляеву».

По словам К. Э., первая идея о межпланетных полетах возникла у него после прочтения романа Жюля Верна «Путешествие на Луну». И если сам К. Э. не писал научно-фантастических романов, то создал огромное количество замыслов, которых хватило бы на несколько Жюлей Вернов.

В этих замыслах дерзость мысли. Фантазия сочеталась у него с глубокой научностью. Поистине он был «научным фантастом» в лучшем смысле этого слова.

Циолковский умер, но осталась сокровищница его идей. И редакция предполагает с некоторыми из них, еще мало знакомыми широкой публике, познакомить читателей в литературной обработке наших авторов.

ОГНИ СОЦИАЛИЗМА, ИЛИ ГОСПОДИН УЭЛЛС ВО МГЛЕ

По берегам Вислы и Днепра, Дона и Чусовой еще не просохла кровь, пролитая в Гражданской войне.

Истерзанная страна залечивала раны. По городам брались на учет фабрики, заводы, склады, квартиры. Местные газеты печатали в отделе местной хроники: «За первую половину ноября выявлено 15 фабрично-заводских предприятий и 250 складов и квартир». Петроград замерзал. Не хватало дров, угля, лопнули трубы отопления. «Чрезутоп» рассылал боевые приказы. Вагоны были переполнены квалифицированными рабочими, возвращавшимися с фронта и деревень к опустевшим фабрикам, замороженным котлам, чтобы оживить их к новой жизни. Петроград напоминал искалеченного инвалида войны.

Темным осенним вечером по Невскому проспекту осторожно пробирался, среди разношерстно одетой толпы, плотный человек в котелке, с коротко подстриженными усами. Когда на него падал тусклый свет керосиновой лампы из окна дома, прохожие с недоумением останавливались, чтобы посмотреть на этот призрак прошлого: он был в отличном демисезонном пальто заграничного покроя, на руках замшевые перчатки, ноги обуты в изящные ботинки. И какой независимый вид! Ну, конечно, это был иностранец!

Он внимательно всматривался в лица прохожих. Прохожие появлялись из тумана и исчезали в тумане. Что за несчастный вид! Взъерошенные голодом и холодом, с поднятыми воротниками, надвинутыми на глаза шляпами, сутулые, они ползли, как последние осенние мухи. Правда, в толпе попа-

дались и иные люди. Широким твердым шагом шли краснофлотцы, рабочие, моряки, но глаза иностранца не останавливались на них. Они были устроены так, что видели только обывателя. Иностранец не слыхал уличных разговоров, в которых можно было услышать радость нового пролетарского города. Он улавливал ухом только слова «нэп, пайки», так уж было устроено его ухо.

Иностранец загляделся на старика с породистым лицом и военной выправкой, который, почти откинувшись назад, шествовал в латаной, грязной солдатской шинелишке, — «социальная мимикрия» — и едва не упал, поскользнувшись на выщербленной плите тротуара.

Нет, с него довольно этого зрелища! Иностранец подошел к краю тротуара и махнул рукой шоферу автомобиля, медленно следовавшего за ним.

«Дикие люди, дикая страна! — подумал иностранец, захлопывая дверку и усаживаясь на мягкое сиденье. — Дикая, несчастная страна!..»

Иностранец был знаменитым писателем. Он приехал в Россию, чтобы видеть самому, что здесь происходит. Это было очень смело с его стороны — ехать в страну большевиков, где «свирепствует чудовищная Чека». Друзья и родные отговаривали его от безумного намерения. Но он все же поехал.

Что притягивало его в Россию? Эксперимент! Великий эксперимент перестройки мира, старой цивилизации, культуры, создания нового общественного строя. Эта дерзкая попытка осуществить в жизнь то, что веками было предметом утопий. А разве утопии не были его коньком? Разве он в своих произведениях, которыми зачитывался весь мир, не рисовал картины будущего, картины мировых войн и революций, даже космическую борьбу миров, крушение старой цивилизации, зарождение новой, невиданный технический прогресс? Это была его мировая монополия. И вдруг эти люди — большевики — заявили о том, что именно они перестроят мир! Это задевало его, как профессионала, не могло не волновать.

Он считал себя не только провидцем будущего. Он хорошо знал историю. Он читал, что на смену одной эпохе приходит другая, на смену одной цивилизации — новая. И эта

смена никогда не проходила без острой борьбы, крови, страданий. Люди старой эпохи ненавидели тех, кто пришел смести их с лица земли со всеми их старыми ценностями. И все же новое побеждало, капитализм тоже не вечен. Разве не он — провидец будущего — много раз сам писал об этом в своих романах и статьях? Он наметил контуры будущего общества, будущей цивилизации, где все так красиво, гармонично и прилично, и из романа в роман он доказывал, что для перехода к социализму не нужно идти путем революций, потому что капитализм, как разумный назидательный мир, эволюционно перерастет в социализм. А большевики-рабочие всегда казались ему силой не созидательной, а разрушительной.

Он слишком хорошо знал цену своей английской печати, чтобы верить тому, что в ней писалось о советской России. Он решил посмотреть лично. И он посмотрел.

Конечно, газеты писали много глупостей и вранья. Большевики не людоеды и не национализируют женщин. Но все же действительность оказалась более удручающей, чем он предполагал. Полузамерзшие, голодные, погруженные во мрак столицы — Москва, Петербург... Изрытые мостовые, ободранные, искалеченные дома с разбитыми стеклами... Что стало с блестящей Английской набережной, Морской, Невским проспектом?.. А люди? Тончайшая культурная прослойка уничтожена. Осталось сто пятьдесят миллионов дикарей, которых кремлевская кучка мечтает превратить в высокоцивилизованных людей нового мира!

О, этот кремлевский мечтатель! Великий иностранный писатель был у него. Слышал его речи об электрификации. Да, он увлекательно говорит. И когда его слушаешь, то почти веришь тому, что все это возможно. Но ведь это же не больше, как мечта! Разве можно думать об электрификации в равнинной стране с медленно текущими реками? Строить же расчеты на одном угле и нефти — еще большая фантастика. Это потребовало бы Монбланы угля и моря нефти.

И все же даже не в этом — не в энергетике главный вопрос. Довольно выйти из Кремля на улицы Москвы, пройтись по этим азиатским кривым переулкам, тупикам, тонущим в темноте, чтобы рассеялись последние следы личного

обаяния кремлевского мечтателя. Он, представитель английской цивилизации, великий романист и фантаст, умеет ценить силу воображения и отдает должное кремлевскому прожектеру. Великолепные планы, широчайшие горизонты. Но ведь Москва-то во тьме! Петербург во тьме! Что же говорить обо всей остальной мужицкой России?.. И кто будет строить? Где взять специалистов, средства? Сколько десятков лет нужно для того, чтобы страна поднялась из той пропасти, в которую ввергнута после войны и революции?..

И, медленно двигаясь в своем автомобиле по разрытым мостовым Петрограда, эксперт по утопиям и специалист по социальным прогнозам сделал свое компетентное заключение:

«Нет, это нереально. Это — беспочвенная фантастика. Мечта. Это не заря, не утренний свет. Это ночь. Глубокая ночь. Мгла над всей страной. Россия во мгле... кстати, неплохое название для книги, которую я напишу по возвращении в Лондон! Россия во мгле, надо записать. Или, быть может, назвать так: «Электрофикция России»?..»

Знаменитый писатель, вероятно, был бы огорчен, если бы узнал, что не ему одному пришло в голову это ядовитое словечко.

Электрофикция! Слово это уже ползло по Москве, перекочевало в Питер, расползлось по провинции.

Слово «электрофикция» витало и по уголкам редакций. Литераторы, журналисты впадали в тихое недоумение. Надо писать об электрификации. Надо пропагандировать выработанный план. Но о чем именно писать? Как подойти к этому делу? С чего начать?.. Ну, конечно, с тезисов. Это легче всего! И они строчили тезисы, наводняли газетные листы длиннейшими и пустейшими рассуждениями о том, как подойти к выработке плана, тогда как этот план был уже выработан и оставалось только внимательно изучить его.

Старый инженер-электрик потирал руки в кругу своих коллег по профессии:

— Я, во всяком случае, приветствую электрификацию! В конце концов, не наша забота, что выйдет изо всей этой затеи, — электрификация или электрофикция. Наши акции, во всяком случае, поднимаются. Без нас, старых, опытных

специалистов, не обойдешься. Кто будет проводить план электрификации, строить электростанции? Уж конечно, не коммунисты, которые генератора от трансформатора не отличат. Мы будем строить! А отсюда, как говорится, все организационные выводы для нас!

А в Кремле нервно ходил по кабинету сам «кремлевский мечтатель», виновник всего этого брожения умов. На его письменном столе лежала стопочка бумаги. Время от времени он подходил к столу и заносил на бумагу несколько строк. У стола сидел седовласый автор плана ГОЭЛРО и внимательно слушал.

— Взгляните на статью Крицмана в «Экономической жизни». Пустейшее говорение. Литературщина. Возьмите тезисы Милютина. Вслушайтесь в речи «ответственных» товарищей. Скучнейшая схоластика, то литераторская, то бюрократическая. Пустейшее «производство тезисов» или высасывание из пальца лозунгов и проектов вместо внимательного и тщательного ознакомления с нашим собственным опытом...

Он подошел к столу, записал несколько строк и вновь зашагал из угла в угол.

— Непонимание дела получается чудовищное... Вот этот-то разброд мнений и опасен, ибо показывает неумение работать, господство интеллигентского и бюрократического самомнения над настоящим делом... самомнение невежества! Надо же научиться ценить науку, отвергать «коммунистическое чванство» дилетантов и бюрократов, надо же научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою практику.

Он вновь быстро подошел к столу и записал последнюю фразу.

Так, развивая свои мысли вслух, он готовил статью «О едином хозяйственном плане».

— Электрофикция! — гневно произнес он и вдруг, сощурив свои глаза, в которых засверкали веселые огоньки насмешки, добавил:

— Вумники!

Если бы при таком разговоре — а они повторялись нередко — присутствовал знаменитый английский писатель!

Он включил бы в свою книгу «Россия во мгле» целую главу — «Трагедия кремлевского мечтателя».

Так написал бы знаменитый писатель.

И он оказался бы в роли не только плохого провидца, но и плохого психолога: кремлевский мечтатель мог негодовать на тупость и косность. Мог выходить из себя, метать громы и молнии. Но он ни на минуту не сомневался в победе.

«Тем хуже для него!» — сказал бы знаменитый писатель.

— ...Приезжайте через десяток лет и посмотрите, что у нас будет! — сказал на прощанье кремлевский мечтатель знаменитому английскому писателю.

Но писатель не приехал. А жаль. Пока он писал свою книгу «Россия во мгле», пока книга издавалась, переводилась на европейские и восточные языки, пока смаковалась поклонниками-читателями, «кремлевские мечты» превращались в действительность, план — фантастический план — ГОЭЛРО был выполнен.

«Взъерошенные» люди, вызывавшие у великого писателя одно презрительное сожаление, извлекали из недр земли лежавшие под спудом рудные сокровища и превращали их в машиностроительные заводы, в генераторы, трансформаторы, гигантские турбины. Они научились делать это — «дикие, некультурные» люди! Они рыскали всюду, от Полярного круга до горячего песчаного Туркестана, и в этой «равнинной стране с вялым течением рек» нашли бурные, стремительные реки, водопады, низвергающиеся с четырехсотметровой высоты, и сковывали их цепями железа и бетона. План ГОЭЛРО превратился в генеральный план электрификации СССР.

Два миллиона киловатт ГОЭЛРО казались электрофикцией. Но когда эти два миллиона потекли по проводам, завертели колеса машин, засветились огнями — первыми огнями среди вековой тьмы российских просторов, — уже никому не кажутся фикцией шестьдесят миллионов киловатт генерального плана.

Смешное стало страшным...

И уже не один великий писатель, не один государственный человек захотел посмотреть, что же делается в непонятной Советской стране...

...Это было на исходе лета 1933 года.

Большой французский политический деятель — и тоже писатель, но не фантаст, — человек с зоркими глазами трезвого политика и дельца, сидел на веранде гостиницы на берегу Днепра, смотрел и думал.

Он бывал в России и знал ее историю. Он знал эти места, которые некогда были приютом дикой казачьей вольности. Он знал о днепровских порогах — этой «несправедливости природы», делавшей несудоходной прекрасную реку на самом ответственном участке. Он знал, как некогда гибли люди, прогоняя утлые «дубы» через бурливые, чертовские пороги.

И вот он словно по волшебству перенесен в иную страну, иной мир, иную эпоху человеческой истории... Нет, это не Россия, какою он знал ее, не старый, дикий, непокорный Днепр, который он видел еще несколько лет тому назад.

Пред ним лежала необозримая водяная поверхность, упиравшаяся в величавую плотину. Эта плотина!.. Мощная, спокойная, несокрушимая, как символ непреклонной воли ее строителей. Она убеждала без слов...

По каналу проходили караваны судов. На противоположном берегу ослепительно сверкали в лучах яркого солнца белые дома города-сада. А за ним, вокруг всей гидростанции, на многие километры тянулись фабрики и заводы Днепровского комбината...

Величавы голубые просторы Днепра, величава в своем красноречивом молчании плотина, величавы голубые небесные просторы с реющими вдали стальными птицами.

Эти просторы воды и воздуха смягчают шум земли. Спокойствие природы здесь находится в новом гармоническом сочетании с кипучей деятельностью человека. Движутся аэропланы в синеве, движутся караваны судов, движутся толпы людей, движутся через плотину и по улицам новых городов трамваи, шумят созданные людьми водопады...

Нет, шестьдесят миллионов — не фикция. Они создадут это!..

Знаменитый французский деятель вспоминает, как после шумных цехов заводов и оживленных улиц он спустился в «святилище» электростанции, где было тихо, словно в подзе-

мелье пирамиды, остановился перед пультами управления... Он и его спутник долго молчали, охваченные невольным волнением. Повернуть этот рычаг — и шестьсот тысяч киловатт потекут по проводам. Из седых волн Днепра выйдут двадцать пять миллионов «механических рабочих» на помощь живым советским рабочим. Если бы собрать такую армию, построив по десяти человек в ряд, то она растянулась бы на 2500 километров — от Днепра до Тюмени...

...Быть может, эта «днепровская симфония» настроила его самого на мечтательный лад, но он увидел нечто большее, чем *профессионал-провидец* — знаменитый английский писатель.

Днепровская электрическая станция и весь узел вокруг нее — сейчас, пожалуй, самое интересное место не только в СССР, но и на всей Земле: сидя на этой веранде гостиницы, «дышишь будущим»...

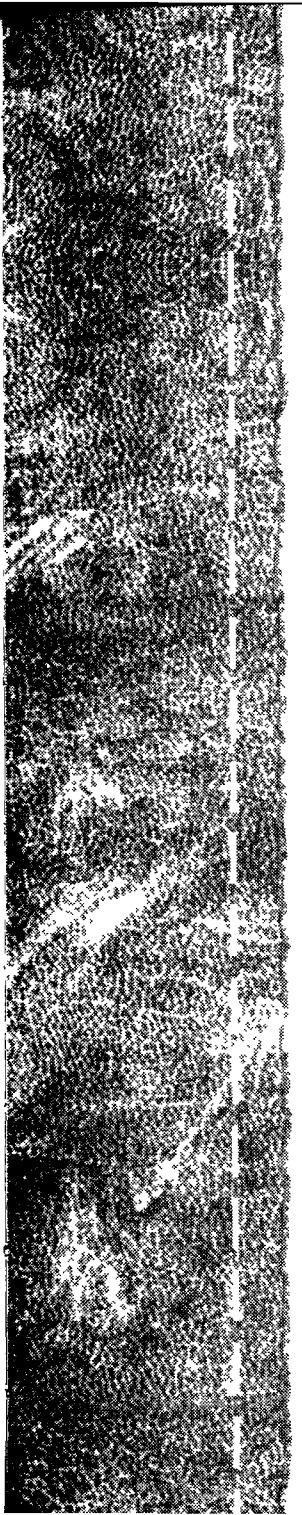
— А ведь Днепр-то синий! — внезапно прервал путешественник общее молчание. — А вы уверяли, что он черный и мутный, как Дунай! — обратился он к своему спутнику и, помолчав, продолжал в задумчивости: — Масса воды, масса света, масса воздуха, масса зеленых насаждений, города-сады... Когда смотришь на все это, то кажется, что находишься в фантастическом уэллсовском городе будущего!..

...Вы слышите, знаменитый писатель, непревзойденный фантаст, пророк и провидец будущего, специалист по социальным утопиям?

Фантастический город построен! Приезжайте и посмотрите на него своими «ясновидящими» глазами! Сравните его с вашими городами во мгле!

Но напрасно знаменитый французский путешественник приписывает вам честь. Это не ваш, уэллсовский, город! Ваши утопические города останутся на страницах ваших увлекательных романов. Ваши «спящие» не «проснутся» никогда. Это город — «кремлевского мечтателя».

Вы проиграли игру!



Светлана Беляева

Воспоминания об отце

Александр Беляев... Любителям фантастики о многом говорит это имя.

Вниманию читателя предлагаем воспоминания дочери писателя Светланы Александровны Беляевой, написанные ею после 1980 года. Великий писатель раскрывается через восприятие девочки, дочери, которой было всего 12 лет, когда отец умер в 1942 году в оккупированном Пушкине.

Биография отца складывалась в моем воображении не просто. Когда он умер, мне шел всего тринадцатый год. Так что из моего личного общения с отцом я узнала не очень много. В основном его жизнь так и осталась для меня, да и для мамы, загадкой. И спросить теперь уже не у кого... Ну что ж, ограничусь тем, что есть.

Родился отец 16 (по старому — 4) марта 1884 года в Смоленске, в семье священника Романа Петровича Беляева и его жены Надежды Васильевны. Дом, в котором они жили, был собственностью матери, которая купила его еще до замужества. Он стоял на возвышенности, а фруктовый сад, окружавший его, словно сбегал с пригорка к реке. В 1984 году, в 100-летие отца, я была в Смоленске. Мне показали приблизительное место их усадьбы, о которой уже ничего не напоминало. Теперь здесь бульвар и дома, загораживающие реку.

У Беляевых было трое детей: Василий, Александр и Нина. В детстве Вася упал с лежанки и остался на всю свою недолгую жизнь хромым. Когда он был студентом ветеринарного института, катаясь на лодке, утонул. Ниночка в возрасте 9 или 10 лет умерла от саркомы печени.

В доме царила атмосфера набожности. Всегда было полно каких-то бедных родственников и богомолок. Но, не-

смотря на религиозную обстановку, Саша с самого детства не испытывал перед богом ни благоговения, ни страха. Правда, в церковь, как и положено, он ходил. Но вместо того, чтобы молиться, разглядывал иконы, прищуривая то один глаз, то другой. Развлекаясь таким образом, Саша однажды обнаружил, что видит обоими глазами не одинаково. Кстати, о зрении отца. Когда ему было лет десять или двенадцать, он качался на качелях. Раскачавшись, попытался сделать дугу, но сорвался и упал лицом вниз, сильно ударив при этом один глаз. Глаз распух и совсем заплыл. Перепуганная мать срочно послала за врачом. Пришел местный эскулап и безапелляционно заявил, что глаз необходимо зашить! Надежда Васильевна категорически этому воспротивилась. Стали сами, на свой страх и риск, делать свинцовые примочки, благодаря чему глаз был спасен. Падение, однако, не прошло даром, и Саша стал видеть ушибленным глазом хуже, из-за чего ему в дальнейшем пришлось носить очки. В связи с этим мне вспомнился смешной и одновременно глупый случай. Как-то, много лет спустя, отец ехал в трамвае. По дороге он купил газету и собирался ее прочесть, но оказалось, что он забыл дома очки для чтения. Правда, он мог обходиться и без них, но для этого ему надо было поднести газету к самым глазам. Что он и сделал. Увидев это, кто-то из пассажиров насмешливо заметил:

— Очки-то, видать, для фасона носит, а читать в них не может!

В семье батюшки упоминать черта считалось большим грехом. И о тех, кто это делал, говорили, что он черным словом ругается. С раннего детства Саша питал к чертям симпатию. Собственно, не к чертям, а к маленьким чертикам, в существование которых верил. Часто его бранили за то, что он качает ногой.

— Не качай нечистого! — напоминала с укором няня. Саша переставал, но стоило всем уйти, как он принимался за то же занятие.

«Пусть покачается!» — думал он, пытаясь представить себе, что у него на ноге сидит маленький смешной чертенок.

Часто у них в доме появлялся тихопомешанный, которому мерещились черти. Иногда он тихонько сидел в кухне на

печи и бормотал себе что-то под нос. Но бывало, что черти так допекали его, что он с криком соскакивал на пол, хватал кочергу и, быстро поворачиваясь вокруг себя, рисовал круг. После этого он успокаивался.

— Что, не пролезть? — спрашивал он и хихикал. — Не достать? Вот я вас! — угрожал он им и начинал крестить стены и потолок. А Саша, стоя поодаль, смотрел на него без страху, с большим интересом.

Как-то Саша, когда ему было лет пять или шесть, объелся сырым горохом. Ночью у него поднялась высокая температура, начался бред. Всюду, куда бы он ни смотрел, появлялись чертики. Они выглядывали из-за занавесок, из-под подушки и даже из-за иконы. Чертики весело хихикали и прятались. Саше было душно и тяжко, но он знал, что во что бы то ни стало должен им отвечать. И он, превозмогая дурноту, тоже хихикал. Надежду Васильевну это очень встревожило, и она, делавшая ему холодные компрессы на голову, не могла ничего больше придумать, как крестить его и шептать молитву о его здравии.

Детский мир Саши был полон чудес и фантазий. Как-то, проснувшись среди ночи, он вдруг увидел, что из глубины комнаты на него двигается привидение. Ему стало страшно, но, несмотря на это, хотелось знать, что будет дальше. Затаив дыхание, Саша ждал. Но привидение вдруг остановилось. Движимый любопытством, превозмогая страх, он медленно вылез из постели и пошел навстречу привидению. Был момент, когда он готов был отступить, но, стуча зубами, продолжал идти вперед, пока не стукнулся лбом о что-то твердое. После этого он все понял. Вечером купали детей, и мать набросила банную простыню, наверное, для просушки, на дверь. Луна, заглядывавшая в окошко, частично осветила простыню, а кот, решивший заглянуть в детскую, приоткрыл дверь, отчего «привидение» стало двигаться...

Когда Саша был уже школьником и имел карманные деньги, он частенько заходил в магазинчик, где за двугривенный можно было приобрести любую вещь. Там была всякая мелочь. Однажды Саша купил там маленький, величиною с ладонь, человеческий скелетик. Сделан он был из проволоки и гипса. Все его суставы двигались. В то время Саша

дружил с сыном гробовщика. По Сашиной просьбе гробовщик сделал маленький гробик, как раз по росту скелетика.

Придя домой, Саша привязал ниточки ко всем суставам скелетика и к крышке гробика. Когда настал вечер, Саша, потренировавшись, пригласил в детскую няню и велел ей сесть. А сам скрылся за ширмой. Были уже сумерки, и старушка не сразу заметила, что на столе стоит гробик. Вдруг раздался слабый шум, крышка гробика открылась, отвалившись набок. В гробике во весь рост поднялся мертвец. Передернув плечами, он стал притоптывать в гробу, вскидывая руки и ноги. Потом, выскочив из гробика, пустился в пляс. Няня от испуга охнула и закрыла рукой рот, словно боясь закричать. Некоторое время она сидела словно завороженная, потом, сорвавшись с места, крестясь и причитая, кинулась к двери. Вбежав в комнату матушки, она не могла толком объяснить, что ее так напугало, и только повторяла:

— Непоседа Царевич! Непоседа Царевич!..

Так звали Сашу в детстве за его неуемный характер.

Испугавшись, что с сыном опять что-то произошло, Надежда Васильевна поспешила в детскую. Там она сразу поняла, что это очередная проказа ее любимца. Хотя Саша был самым непослушным и проказливым, мать любила его больше остальных детей. Не стала она ругать его и за эту шалость.

В другой раз, купив в том же магазине маленький цветной фонарик, он забрался днем на высокое дерево, росшее в их саду, и перекинул через сук шпагат, к концу которого привязал фонарик. Вечером, когда на улице совсем стемнело, он зажег в фонарике свечу и подтянул его вверх.

В это время обычно возле домов собирались на посиделки старушки. Посидят, соседей обсудят, о погоде, о ценах поговорят. Саша подошел к ним тихонько, встал и ждет, что будет, когда его фонарик увидят. Как он и ожидал, довольно скоро кто-то его заметил, но принял его за новоявленную звезду. И пошли тут разговоры...

— Родился кто-то! — сказала одна старушка.

— Не иначе, как святой! — проговорила вторая и перекрестилась.

— Ишь, как горит! — воскликнул кто-то еще восхищенно.

Стали вспоминать всякие знаменья, предшествовавшие

всяким событиям. Кресты, круги на небе. И даже какие-то слова. А фонарик кружится на ветру и мигает, то синим огоньком, то красным, то зеленым...

На улице уж и народ собрался на необыкновенную звезду поглядеть. Стоят, смотрят, каждый свое мнение высказывает. Послушал Саша их разговоры, а потом, равнодушно так, между прочим, говорит:

— И никакая это не звезда, и никто не родился! Это я на дерево фонарик повесил. Вот он и крутится на ветру!

Сначала ему никто не хотел верить, а потом поняли, что он говорит правду. И как-то так обидно стало. Было чудо — и нет его...

Как и все мальчишки, Саша увлекался приключенческой литературой. А начитавшись таких книг, жаждал сам что-то открывать, с кем-то бороться, кого-то спасать. Но в городе, где он жил, никаких тайн уже не осталось. Приходилось искать их и выдумывать.

Однажды, лазая с другом детства Колей Высоцким по песчаному обрыву, Саша обнаружил узкий проход. Вернее, даже не проход, а просто расщелину. Фантазия его сразу разыгралась. Он видел уже перед собой пещеру, кости пещерных жителей, древнюю утварь... Не медля ни минуты, он устремился в пугающую и в то же время манящую темноту, увлекая за собой Колю. Путь был трудным, продвигаться приходилось боком. Кроме того, было почти совсем темно, свет снаружи еле пробивался. Саша был так уверен, что за узким проходом окажется пещера, что, когда они оказались в свободном пространстве, он нисколько не удивился. Коля явно трусил. Несколько раз он предлагал вернуться, но «исследователь» глубин, был непреклонен. Он сказал:

— Если боишься, можешь возвращаться, я иду дальше!

Впереди был все тот же мрак, позади узкая полоска света, с каждым новым шагом все больше тающая во тьме.

Вытянув вперед руки и нащупывая ногами почву, Саша храбро продолжал продвигаться вперед, навстречу неизвестности. Через некоторое время он вдруг на что-то наткнулся. Будучи во власти своей фантазии, Саша не сразу сообразил, что это за предмет. Он ожидал найти здесь что угодно: статую Будды, копья, стрелы, мертвецов, облаченных в латы,

наконец, саркофаг. Но перед ним, как ни странно, стояла обыкновенная бочка. Все еще надеясь на чудо, Саша отодвинул тяжелую крышку и сунул руку внутрь бочки... Коля, привлеченный шумом, настороженно спросил:

— Ну, что там?

Саша молчал. Потом вдруг раздался аппетитный хруст и его не совсем внятный ответ:

— Огурцы.

— Врешь?! — не поверил Коля.

— На, — Саша протянул на голос руку с огурцом.

Через некоторое время раздалось похрустывание.

— А как же они эту бочку протащили через такой узкий проход? — удивился товарищ.

— Наверное, тут есть где-нибудь другой ход, — логично предположил Саша.

Рядом с бочкой он на ощупь опознал стол, накрытый клеенкой. Возле него лежало несколько деревянных ящиков. И вдруг ребята заметили маленький лучик света. Когда они подошли к нему ближе, то поняли, что пробивается он из обыкновенной замочной скважины. Решительно шагнув вперед, Саша приник глазом к скважине и увидел знакомую поляну, часть аллеи и кусочек беседки. Все это находилось в городском саду, а пещера оказалась просто складом, где хранились продукты летнего ресторана. Разочарованные ребята вылезли из пещеры тем же путем и пошли искать новые тайны.

* * *

В школе, где учился Саша, был один всеми не любимый учитель. Невысокого роста, с длинным лицом, козлиной бородкой и скрипучим голосом, он наводил на всех ужасное уныние. На его уроках всегда хотелось спать. В школу и со школы он ходил через чужой двор, пролезая в дыру в заборе. Ребята, которые жили в этом дворе, просто из себя выходили, когда он появлялся. Они не раз совещались, как бы им отучить его от этого. Пробовали забить дыру, но он находил новый лаз или отрывал какую-нибудь доску и продолжал ходить. Решили поговорить с Сашей Беляевым, который слыл большим выдумщиком. Саша думал недолго. Одному он велел принести штаны, другому рубашку, третьему глиняный

горшок. Сам он принес несколько аршин веревки и большую охапку соломы. После этого он смастерил чучело, пристроив вместо головы горшок. К чучелу он привязал веревку и натянул ее через сук, а чучело положил на край сарая, мимо которого ежедневно проходил учитель. Все было тщательно подготовлено и отрепетировано. Когда во дворе стемнело, заговорщики были уже на своих местах.

В обычное время, ничего не подозревая, учитель проскользнул в дыру и направился вдоль сарая. Все было тихо. Но когда он дошел до угла сарая, раздался душераздирающий крик и сверху упало что-то большое и мягкое. Одновременно что-то разбилось, после чего наступила тишина. Не дав ему опомниться, Саша быстро подтянул чучело на крышу. На земле остался только разбитый горшок.

Слегка оправившись от испуга, учитель оглянулся, но никого не увидел. Тогда он вернулся назад и заглянул за сарай. Там тоже никого не было. И вообще весь двор был пуст.

На другой день, перед тем как пролезть во двор, учитель заглянул в дыру и осмотрелся. Не заметив ничего подозрительного, пошел дальше. И опять повторилось вчерашнее. И снова он не успел ничего заметить. Отправляясь в школу на следующее утро, он решил тщательно осмотреть двор, но ребята оказались хитрее его. Веревка была снята, чучело убрано в сарай. Придя в школу, учитель стал с подозрением приглядываться к ученикам. Он был почти уверен, что эту шутку подстроил кто-то из его учеников. Но их лица были непроницаемы. Никто даже не улыбался. И так повторялось несколько раз. А однажды вечером произошло нечто совсем невероятное. На этот раз учитель успел завернуть за угол, радуясь тому, что все обошлось. И тут на него свалилось что-то мяукающее и кричащее. Оно ударило его в бок и оцарапало. Раздался топот ног, а кошачий крик вознесся в небо. С тех пор учитель больше не ходил через этот двор.

* * *

С Сашей охотно играли все ребята, но у него была своя компания. Свои игры и секреты. Как-то один из мальчиков, которому очень хотелось с ними дружить, попросил принять его в их компанию.

— Мы подумаем... — ответил ему Саша.

Мальчик с нетерпением стал ждать ответа. На третий день Саша спросил:

— Ты хочешь вступить в наше рыцарское общество?

— Д-а-а-а, — ответил мальчик несколько удивленно.

— А ты храбрый?

— Храбрый, — неуверенно ответил тот.

— Тогда мы будем посвящать тебя по всем правилам.

— А как это? — уже с тревогой спросил мальчик.

— Узнаешь!

— А когда вы меня примете?

— Мы дадим тебе знать!

Через несколько дней один из ребят таинственно шепнул ему на перемене:

— Завтра, в десять часов вечера, у церкви.

Было непонятно, обрадовался мальчик этому известию или испугался, так как в ответ он ничего не сказал.

Когда он пришел в назначенное место и назначенный час, его ждали только двое.

— А где остальные? — спросил он, робея от дурного предчувствия.

— Мы с ними встретимся, — ответил один из ребят и спросил другого таинственным шепотом: — Ну что, пора?

Второй промолчал, к чему-то прислушиваясь. Потом сказал:

— Пора, — и, вынув из кармана черный платок, завязал им глаза кандидата в рыцари. После этого ребята взяли его за обе руки и куда-то повели. Чтобы нагнать на него страху, пошли через кладбище, постояли немного около могилы, дали потрогать крест, попугали загробными голосами и, наконец, привели на то же место, откуда ушли.

Проскользнув в полуоткрытую дверь колокольни, поднялись на несколько ступеней и наконец сняли с его глаз повязку. Взгляду его предстало странное зрелище. На крутом повороте лестницы стояла необычайно высокая и страшно худая фигура в белом. На голове у нее было что-то вроде чалмы, а в руках узкий длинный меч. За спиной фигуры разливалось зеленое мерцающее сияние, по временам рассыпаясь искрами,

У бедного мальчика даже зубы застучали от страха. Ему

показалось, что вот-вот появится какое-то страшилище и утащит его в преисподнюю.

— Сын мой!.. — произнес великан громким зловещим шепотом, от которого по спине забегали мурашки. — Готов ли ты стать членом нашего ордена?

— Г-г-готов, — заикаясь, ответил кандидат в рыцари.

— Тогда преклони колени и повторяй за мной клятву, — проговорил тощий великан.

Дрожащие ноги повиновались с готовностью.

— Я, раб божий, — заговорил великан неожиданно громким голосом, растягивая слова.

— Божий, — повторило эхо.

— Клянусь всеми чистыми и нечистыми силами...

— Силами... — опять повторило эхо.

Великан поднял свой меч и протянул его к будущему рыцарю, но меч не доставал до него. И тогда произошло чудо — верхняя часть великана стала медленно спускаться вниз, тогда как край одежды и пара башмаков остались на том же месте.

Продолжая произносить слова клятвы, великан коснулся концом меча головы посвящаемого, но тот, вместо того чтобы повторять за ним, заплакал:

— К ма-а-а-мее хо-чуу!

Посвящение не состоялось. Вновь завязав ему глаза, ребята торопливо повели несчастного к дому. А он, продолжая всхлипывать, повторял:

— К маме хочу-у-у!

После этого приключения парнишка заболел нервной горячкой, а когда выздоровел, стал ребят обходить стороной. А они очень жалели, что так получилось, ведь они никак не думали, что он так испугается и, тем более, заболеет.

* * *

Когда Саша был уже учеником старшего класса, он вдруг заинтересовался старой заколоченной церковью. Церковь была еще крепкая и могла служить, но почему-то была закрыта. На ее дверях висел огромный замок. Паперть поросла травой, на колокольне жили голуби, а в разбитых окнах гулял и свистел ветер, отчего церковь эта казалась особенно

таинственной и привлекательной. Фантазия Саши снова разыгралась, и он решил проникнуть внутрь, уговорив на это своих друзей.

Сперва они попытались сделать это естественным путем, через дверь, но замок оказался слишком крепким, а выламывать петли не хотелось. Тогда Саша решил, что проникнуть в церковь можно через узкое оконце, до которого можно было добраться с крыши примыкающего крыла. Достав надежную веревку, ребята приступили к делу. С трудом протиснувшись в узкое оконце, Саша стал спускаться в таинственный полумрак. Когда до пола оставалось всего несколько аршин, Саша нащупал ногами конец веревки. Подняться наверх без тренировки было трудно. Оставалось только одно — прыгать, что он и сделал, упав со страшным шумом на груду пустых ящиков, к счастью ничего не повредив себе. Испуганные шумом голуби поднялись со своих мест и закружились под куполом. Потом наступила тишина. Пахло ладаном, сыростью и мышами. Со стен строго смотрели темные лики святых. Ничего сколько-нибудь интересного и тем более таинственного в церкви не было.

— Саша, ты где? — в один голос закричали в окошко испуганные товарищи. Церковь наполнилась гулом.

— Здесь! Где же мне еще быть?!

— Что ты там делаешь?

— Ничего.

— Почему ты упал?

— Веревка кончилась!

— Что делать будем?

— Не знаю!

— Ты не горюй, мы тебе будем еду носить!

Такое обещание Сашу не утешило. Хотелось выбраться на волю. Тем более, что ничего интересного в старой церкви не оказалось. Другое дело, если бы он нашел клад или еще что-нибудь...

— Я попробую выбраться через двери, — заявил Саша.

— Как?

— Будем ломать замок, слезайте!

Смолкли голоса ребят, Саша остался один. Ему стало немного не по себе. Он подумал, что вдруг о нем забудут и он

будет сидеть здесь до тех пор, пока не умрет с голоду или сам не сумеет выбраться. Представив себе, как бы он тут спал: на ящиках, Саша передернул плечами. Приключения он любил, но спать предпочитал в своей мягкой кровати.

Когда он подошел к двери, то увидел, что петли под замок прибиты изнутри, значит, спасти себя сможет только он сам. Ему и в голову не приходило обратиться за помощью к взрослым.

В детстве он носил высокие сапожки, за голенищем которых всегда был нож. Теперь он пригодился. С помощью ножа Саша сломал запор и, освободив себя, вышел.

Через несколько дней в местной газете была напечатана заметка о том, что какие-то хулиганы взломали церковные двери. По всей вероятности, предполагала газета, сделано это было с целью ограбления. Ребята посмеялись, но в своей причастности к взлому никому не признались.

* * *

Роман Петрович был священником Адегидриевской церкви. Приход его был большим и богатым. Своего батюшку прихожане любили. Они утверждали, что, когда он читает проповедь, вокруг его головы видно сияние. По большим праздникам прихожане приносили своему пастырю столько всякой снеди в виде куличей, яиц, жареных и живых кур и уток, что съесть все это не было никакой возможности. И матушка раздавала все это нуждающимся.

Брат Романа Петровича, Николай Петрович, тоже был священником, но его приход был бедным. У Николая Петровича было много детей, и жили они довольно скромно. Но, несмотря на добрую душу и возможности, Роман Петрович своему брату почему-то не помогал. Только какое-то время у них жила племянница Лизонька, существо тихое и покладистое. Но жилось ей у дяди не сладко. Комнатушка, которую ей дали, была маленькая и тесная. К тому же к ней примыкала стена русской печи. Особенно невыносимо было, когда купали Ниночку. Печь в таких случаях топили так, что до нее нельзя было дотронуться. Лиза изнывала от жары и долго не могла уснуть. Часто и Саша не давал ей спать.

С детства он любил музыку. Кто-то научил его играть на скрипке. Будучи избалованным, он не считался ни с чьим мнением и, когда на него находило вдохновение, мог играть часами, далеко за полночь. Лизонькина комната находилась рядом с Сашиной, и она не могла уснуть, пока он не переставал играть. Иногда, не выдержав, она просила:

— Саша, перестань играть, мне завтра рано вставать на курсы! — Но Саша оставался глухим к ее просьбам. Материнская чрезмерная любовь сделала его неисправимым эгоистом. Но зато когда ему бывало весело, он заражал своим весельем любого. А на забавы он был большим мастером.

У дяди Николая Петровича была пара лошадей, на которых он ездил навещать больных прихожан. Приезжая к нему в гости, Саша любил кататься верхом. Но зрелище это было довольно страшное. Вскочив на неоседланную лошадь, он несся, пришпоривая, во весь опор. Несколько раз падал с лошади и разбивался до крови, но это его не останавливало. Потерев ушибленное место, снова вскакивал на лошадь, и скачки продолжались. И вообще, стоило Саше появиться у родных, все в доме переворачивалось вверх дном. Его многочисленные братья и сестры охотно подчинялись ему. Начинались представления, концерты, шарады. А о Святках и говорить нечего! Чего только он не вытворял!

Вспоминается мне еще один розыгрыш отца. Дело было под праздник Ивана Купала. В этот день принято было искать клады. Существовало поверье, что в ночь над кладом загорается огонек. И случается это, когда расцветет папоротник. То, что он цветет, тоже легенда. К этому дню Саша приготовил все заранее: достал старый глиняный горшок, насыпал его доверху черепками, а поверх них положил медяки. Все это он зарыл на кладбище, а когда стемнело, зажег над «кладом» длинную свечу. Придя на свою улицу, он повел разговор о кладах, а потом предложил пойти искать их. Он слегка волновался, так как боялся, что, пока будет уговаривать ребят да пока они соберутся, свеча погаснет и никакого сюрприза не получится. Но несколько парней очень охотно ухватились за его предложение и, сейчас же взяв лопаты, двинулись к кладбищу. Незаметно Саша довел их до нужного места, и тут один из парней закричал:

— Братцы, смотрите, огонь!

— Где? Где? — раздались голоса.

— Да вон там!

Все зашумели и вдруг смолкли. Вроде бы и верили в это поверье, а увидели, и страшно стало. Ноги будто к земле приросли. Саша подбадривал их, торопил. Свеча вот-вот могла погаснуть. Тихо окружили огонек. А свеча и впрямь уже догорала. Еще бы немного, и ее никто бы не заметил. Сразу принялись рыть. И вот чей-то заступ стукнулся о что-то твердое. Ребята переглянулись и стали рыть еще быстрее. И вот из земли показался горшок!

— Тащи его, тащи! — послышалось со всех сторон.

Когда горшок вытащили и поставили на могильную плиту, вырвался вздох облегчения. Клад решили делить здесь же, на месте. Но когда высыпали содержимое горшка, всех, кроме Саши, постигло разочарование. А Саша стоял в сторонке и посмеивался.

* * *

По воле отца Сашу отдали учиться в духовную семинарию, которую он закончил в 1901 году. Роман Петрович надеялся, что сын пойдет по его стопам и впоследствии займет его место. Но Саша и думать об этом не хотел. Да и гоже ли безбожнику было становиться священником?! Вопреки желанию отца он поступил в Демидовский лицей в Ярославле, решив стать юристом. С его живым и любознательным характером надо было, наверное, выбрать что-то иное, ну, хотя бы театр. Тем более что он давно притягивал его. Впрочем, юристом он был недолго. В это время умер его отец. Оставшись без средств к существованию, не имея возможности платить за учение, он вынужден был зарабатывать сам.

Александр не гнушался никакой работы. Давал уроки, рисовал декорации для театра и даже один сезон играл на скрипке в оркестре цирка Труцци.

* * *

Был у отца верный друг Коля, о котором я уже упоминала. Он за Сашей готов был идти хоть на край света. И в лицей поступил из-за Саши, хотя обладал незаурядными музыкальными способностями.

Приехав как-то на каникулы, Саша решил снова заняться поисками кладов. Не помню точно, в самом ли Смоленске или где-то в губернии находился старый монастырь. Монахов там давно не было, кроме одного, который не хотел расставаться со святыней. По кельям гулял ветер, церковь тоже не работала. Существовала давнишняя легенда, что много лет тому назад монахи оставили монастырь и ушли. Причина их ухода никому не была известна. Но зато многие знали, что перед тем как покинуть обитель, они замуровали в какой-то стене клад, за которым должны были вернуться. Шли годы, но за кладом никто не приходил. Время от времени появлялись кладоискатели, только уходили они ни с чем. Саше давно не терпелось побывать в монастыре, да все не удавалось. Но теперь решение было бесповоротным. Оставалось только действовать. Коля, как верный Санчо Панса, был рядом. Придя в монастырь, они повстречали монаха. Он был совсем стар и сутул. Только глаза его блестели помолодому. Юноши поздоровались с ним и, не зная, что сказать, молчали. Догадавшись о причине их прихода, монах сказал:

— За кладом пришли? — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Ищите, клад есть. Только никому не удавалось его взять.

— Не нашли? — спросил Саша.

— Находить-то, может, и находили, да взять не взяли, — загадочно проговорил старик.

— Как это? — удивился Коля.

— А так. Потому что охраняет его сам Всевышний, — ответил монах. — Кто только не искал клад, с каждым приключалось несчастье.

— Может быть, нам лучше уйти? — предложил Коля, начинавший сомневаться в благоразумии их затеи... Но Саша отступать не хотел.

— Будь что будет! — сказал он.

Излазав почти весь монастырь и простучав много аршин кладки, друзья не заметили ничего необычного и, только спустившись в подземелье, обнаружили, что часть внутренней стены имеет массу надолбов и небольших углублений. Здесь же валялись куски выбитых из стены кирпичей. Об-

следовав стену, друзья сделали вывод, что за ней находится пустота.

— Здесь был ход! — авторитетно заявил Саша. — Не иначе, как клад замурован именно в этом месте!

— Что будем делать? — поинтересовался Коля.

— Долбить, — ответил Саша не терпящим возражений тоном. Саша только пожалел, что, кроме ножа, не запасся никаким инструментом. Но его это не смутило. Рассудив, что первый камень вынимать значительно труднее последующих, он решил начать в том месте, где было уже вынуто несколько кирпичей. Несмотря на старания, работа двигалась очень медленно. Известка была настолько плотной и твердой, что невозможно было найти хоть щели, чтобы всунуть кончик ножа. Пот катился по его лицу градом, но Саша все долбил и долбил с каким-то непонятным упорством и остервенением.

— Дай-ка теперь я попробую, — предложил Коля.

Саша отошел, но ненадолго. Ему все казалось, что работа у Коли идет слишком медленно. Немного отдохнув, Саша вновь принялся за дело. Работал он то двумя руками, с силой нанося удар за ударом, то упираясь левой в стену, орудовал правой. В тот момент, когда ему стало казаться, что он никогда не одолеет этот кирпич, Коля закричал:

— Качается, качается!

Все произошло так быстро, что Саша не успел убрать руку и кирпич, оторвавшись от своего места, упал ему на руку, отдавив палец.

— Вот видишь! — испуганно воскликнул Коля. — Не зря же он говорил!..

— Пустяки, — отмахнулся Саша, перевязывая носовым платком разбитый палец. — Это только случайность! — Затянув зубами узел, он сказал: — Давай, теперь ты.

Но Колю невозможно было уговорить. Сам же Саша не мог больше работать — палец опух и болел. Вздохнув с сожалением, он произнес:

— Ничего, когда-нибудь я сюда еще вернусь!

Когда они проходили по монастырскому двору, им повстречался монах. Увидев забинтованную и окровавленную руку Саши, он произнес:

— Неисповедимы пути господни!

В голосе его не было ни злобы, ни насмешки, ни жалости.

— Я еще вернусь! — повторил Саша уверенно. Но выполнить свое обещание так и не смог.

* * *

С самого детства отец любил театр. Часто под его руководством устраивались домашние спектакли. В них он был и драматургом, и режиссером, и артистом. Перевоплощался он молниеносно. И роли играл любые, даже женские. Очень скоро весь город уже знал о театре Беляева. Постепенно домашний театр стал кочевать. Играли то у одних знакомых, то у других. А потом пытались даже гастролировать в других городах. Разрешения на выступления у них никто не спрашивал. Каждый, кто хотел, мог арендовать помещение и ставить свои спектакли. Успех не всегда сопутствовал труппе, театр «прогорал», и артистам не хватало денег даже на обратную дорогу. Домой возвращались по шпалам железной дороги. Но деньги не были самоцелью. Главное было играть. И друзья вновь и вновь отправлялись на гастроли.

Однажды в Смоленск приехала столичная труппа под руководством Станиславского. Александр Романович не пропускал ни одного спектакля. И вдруг один из ведущих актеров охрип. Дублера у артиста не было, и на афишах появилось объявление: «из-за болезни артиста спектакль отменяется». Приезд столичной труппы был не таким уж частым явлением, и все театралы были чрезвычайно огорчены случившимся. Поговаривали, что труппа собирается покинуть Смоленск. Отец был огорчен этим не меньше других. Но произошло удивительное. Кто-то из заядлых театралов, знакомый с постановками Александра Романовича, встретившись со Станиславским, рассказал ему о театре Беляева, сделав предположение, что Александр Романович мог бы заменить заболевшего актера. И вот однажды вечером, когда отца не было дома, к ним зашел высокий худощавый мужчина в пенсне и сказал, что хочет видеть Александра Романовича. И хотя отец был в ту пору уже взрослым, у матери при-

вычно екнуло сердце. Кого-то послали на его поиски. Отца нашли. Он пригласил гостя в свою комнату, где они долго разговаривали. После его ухода Александр сообщил матери, что это был Станиславский и что он просил его заменить заболевшего актера. И то, что через два дня он будет играть в спектакле. Мать даже руками всплеснула. Мыслимое ли дело, играть со столичными актерами! Пыталась отговорить сына, но он только смеялся: «Не бойся, мама, все будет хорошо!»

Спектакль прошел блестяще. Смоляне горячо встретили своего земляка и долго ему аплодировали. После этого отец сыграл еще в нескольких спектаклях, пока труппа не закончила свои гастроли и не уехала в Москву. Станиславский, оценив актерский талант Александра Романовича, предложил ему остаться в его труппе, но отец отказался, так как готовился стать адвокатом. Недавно я где-то прочла, что отец якобы два сезона играл в Москве у Станиславского. Ни я, ни мама от отца не слышали ничего подобного. Но, как я уже говорила, многое из жизни отца осталось для меня тайной.

Из истории своей театральной жизни отец рассказал мне три забавных случая. Не могу только вспомнить, в каком театре он тогда играл, профессиональном или любительском, и какие это были пьесы.

В первом случае отец играл бедного студента. На сцене декорации дешевой меблированной комнаты, вылинявшие обои. Входит хозяйка и начинает стыдить студента за то, что он задолжал ей за комнату. Отец уже открыл рот, чтобы ответить ей, но в это время начал падать плохо сколоченный задник. Не растерявшись, Александр Романович подбежал к декорации и, привалившись к ней плечом, не дал ей упасть, а хозяйке, вместо должной реплики, возмущенно воскликнул:

— В комнате уже стены падают, а вы за нее плату требуете!

Занавес закрыли под дружный смех и аплодисменты зрителей.

Второй случай произошел с ним, когда он играл императора. После пушечного выстрела на сцену должны были ворваться мятежники и свергнуть его. Но время шло, а выстрела не было. Тут из-за сцены отец услышал чей-то голос:

— Выходи!

— Не выйду, выстрела не было!

— Выстрела не будет, шнур оборвался. Выходи!

— Не могу, не велено!

Пауза затянулась, зрители начали проявлять нетерпение. Надо было что-то предпринять. Поднявшись с трона, император начал прохаживаться по сцене. Проходя мимо кулис, он попробовал, в свою очередь, вызвать артистов, но они упорно ожидали выстрела. Чтобы спасти положение, отец на мгновение зашел за кулису и насильно вытолкнул своих врагов на сцену. Потом, пятясь, стал обороняться. Очутившись на виду у зрителей, артисты были вынуждены играть. Император был свергнут, но публика ему аплодировала.

Третья история несколько иного характера. На этот раз у Александра Романовича была роль старухи. На сцене комната с ветхой мебелью. На середине сцены стол. На нем бутылка вина и рюмка. Входит старуха. Спина ее согнута, голова дрожит, ноги шаркают по полу. Выражение лица отсутствующее. Вдруг она замечает бутылку и заметно оживляется. С опаской оглядываясь по сторонам, подходит к столу, поспешно хватает бутылку. Хочет налить себе вина, но не может вытащить пробку. Думаю, что спектакль был любительский. Бутафории у них не было, а в бутылке находилось настоящее вино. Перед спектаклем кто-то, видимо, выпил стаканчик, да так закупорил бутылку, что пробка еле выглядывала из горлышка. Театрального опыта у отца было мало и сообразительности не хватило, чтобы изобразить, будто он открыл бутылку и «налил» вина. Все его усилия были направлены на то, чтобы откупорить бутылку. Он вертел ее в руках так и сяк, но ничего сделать не мог. И вдруг, забыв, что он играет древнюю старуху, схватил пробку зубами и вытащил ее. Зубы у отца были крепкие! Открыв бутылку, он налил вина, но выпить не успел, в зале раздался громкий смех, перешедший в неудержимый хохот. Сделав вид, что ничего не произошло, отец вновь принял старческую позу и продолжал играть. Спектакль прошел с успехом, но зрители, вспоминая о нем, еще долго смеялись.

Когда мы с мамой решили писать об Александре Романовиче воспоминания, мама написала Николаю Павловичу письмо, в котором просила написать все, что он помнит о

своем друге. Но Николай Павлович был в ту пору уже очень стар и признался, что в памяти у него почти ничего не сохранилось. Но кое-что он все же вспомнил. К сожалению, я не смогла найти его письма и пишу по памяти.

Николай Павлович писал, что Александр Романович был увлекающейся натурой. Все хотел познать, всему научиться. Но довести до конца начатое дело чаще всего не хватало терпения. Несколько предметов он, однако, сделал. Первое, что помнила мама, был макет комнаты с мебелью и камином, в котором горел огонь — зажигалась от батарейки маленькая лампочка, а перед камином в кресле сидела старуха. Ее поза, безвольно лежащие на подлокотниках руки выражали глубокую задумчивость и отрешенность. Лицо было покрыто морщинами. Старуха была вылеплена из пластилина, но казалось, что она вот-вот поднимет голову и заговорит. Иллюзию дополнял красный свет, падавший на ее лицо. Хотя все это было миниатюрным, тем не менее производило большое впечатление.

Вторым изделием был удивительный фонарь. Его корпус был сделан из белого картона, стекла заменяла карандашная калька, на которой отец написал масляными красками нескольких птиц из детской книжки «Как снегирь жениться хотел». Фонарь заменял люстру, которую, по всей видимости, разбили. Когда вечером зажигали огонь, казалось, что фонарик из стекла или фарфора. Мама рассказывала, что прохожие, увидев в окне фонарь, останавливались, чтобы полюбоваться. Как ни странно, до меня сохранились кальки с картинками.

Был еще один фонарь, но сделал его, по рисункам отца, мой дедушка Константин Антонович. Попробую объяснить, как он выглядел. Фонарь имел форму шестигранника. Верхняя и нижняя части заканчивались конусом. Корпус был из белого картона. В нем вырезались контуры кристаллов, один над другим. Кристаллы имели две или три грани. Вырезанные места заклеивались цветной папиросной бумагой. Передняя грань в один слой, вторая в два и третья в три, отчего кристалл казался объемным. Когда зажигался свет, эффект был просто потрясающий. Кристаллы были трех цветов: красного, желтого и зеленого.

А еще помню, что у папиной настольной лампы разбился плафон, а в продаже их не было. Недолго думая, отец смастерил его все из того же картона и кальки, по которой плясали смешные человечки-силуэты из черной светонепроницаемой бумаги.

Когда мы жили на Петроградской стороне в Ленинграде, отец, лежа, смастерил проекционный аппарат для просмотра открыток. В его устройстве было несколько зеркал, трубка из картона и вставленное в нее увеличительное стекло. Фонарь ставился на настольную лампу, включался свет. В прорезь фонаря вставлялась открытка, проекцию которой можно было видеть на стене. Аппарат был примитивный, но работал исправно. Не знаю, видел ли он что-то подобное, или это было его изобретение. Проекционные фонари существовали давно. Один такой древний фонарь был у моего дяди. Но там свет проходил сквозь стекло, на которое был нанесен рисунок. Фонарь с подобными возможностями я увидела лет через шестьдесят! Причем он был огромен, чуть меньше гардероба.

Увлекался он и фотографией.

Обычно начинающие фотографы снимают своих домочадцев и домашних животных. Саша начал с другого: он корчил рожи и требовал, чтобы Коля его фотографировал. Николай Павлович рассказывал, что «рожи» были такие уморительные, что он от смеха падал вместе с аппаратом на пол.

Много позже, когда отец был уже женат на моей маме, он вернулся к галерее гримас. Он даже дал название каждой гримасе: «сумасшедший», «гений», «уличный скрипач», «пьяница», «ужас», «страх» и даже «паровозик». В войну мы потеряли почти все, но фотографии отца, в том числе и его гримасы, сохранились как самое дорогое. Почти все из них опубликованы в 8-м томе Собрания сочинений отца, изданного «Молодой гвардией» в 1964 г.

Когда все «рожи» были запечатлены, Саше пришла в голову идея — снять лежащую на блюде человеческую голову. Но как это осуществить? Выпилить дыру в крышке большого фанерного ящика не составляло особого труда. Но как быть с блюдом? Его не распилить, не разрезать. И все же Саша решил попытаться. Много блюд было перепорчено напрасно, пока Саше не удалось отломить такой кусок, чтобы

блюдо можно было приложить к самой шее. Вместо скатерти на ящик набросили простыню с вырезанной посредине дырой. Один из друзей залезает в ящик и просовывает голову в дыру. К его шее придвигают блюдо. Другой берет в руки нож и вилку, как будто собирается воткнуть их в голову. При этом делает зверски-кровожадное выражение лица, а голова закатывает глаза и высовывает язык. Коля фотографирует. Отпечаток этого снимка был тонирован в синий цвет, отчего выглядел еще более устрашающим. Я вот только никак не могу вспомнить, кого изображал отец. Был ли он людоедом или мертвой головой. К сожалению, эта фотография была потеряна.

С детства отец мечтал о полетах, но не на аэропланах, хотя и это было тогда в диковинку, а просто так, парить в свободном полете, как птица. Но для этого нужны были крылья, и он мастерил их из подручного материала. В одном из вариантов были даже веники, которые он привязывал к рукам, пытаясь взлететь.

Прыгал с отцовским большим зонтом с крыши сарая. И, только став студентом, поднялся в воздух на маленьком аэроплане. Отец рассказывал, что это был даже не полет, а скорее скачки по кочкам. Машина была далека от совершенства и так чутко реагировала на все движения авиатора, что даже от чиха переворачивалась в воздухе.

Да, совсем забыла сказать о прыжке с сарая. Прыжок не прошел даром. Отец приземлился на пятки. В спине что-то хрустнуло. Несколько дней спина болела, но потом боль прошла, и он забыл об этом. Но впоследствии у отца развился туберкулез позвоночника, и он стал инвалидом.

Вспоминается мне один забавный случай, происшедший с отцом и его друзьями.

Как-то поздно вечером они возвращались из гостей. Небо было в тучах. Луна только на миг освещала дорогу и вновь пряталась за тучи. Фонари светили тускло, почти не давая света. И вдруг из темноты вынырнуло несколько парней, которые потребовали выложить кошельки. Грабителей было больше, да и физически выглядели они внушительнее. Оценив обстановку, друзья остановились в нерешительности, не зная, что предпринять. Пока кое-кто подумывал о бегстве,

Александр вышел вперед с протянутой рукой, в которой он держал пистолет, и двинулся на бандитов. Шел он не спеша, в полном молчании, шаг за шагом приближаясь к грабителям. Сначала они дрогнули, потом бросились врассыпную. Когда они скрылись в темноте, друзья, хранившие до этого молчание, разом заговорили. Они были удивлены, что у Александра оказался револьвер, а также его самообладанием. Однако, узнав правду, они были поражены еще больше. Дело в том, что никакого пистолета у отца не было. А бандитов он напугал надетой на указательный палец черной перчаткой. Остальную ее часть, он держал в кулаке. Будь на улице светлее, его обман был бы замечен, но в такой темноте перчатка вполне сошла за пистолет. А надевать ее таким образом вошло у него в привычку, которая, по воле случая, помогла им выйти из трудного положения.

Вообще привычки у отца были довольно странные, и некоторые из них доставляли ему немало неприятностей. Например, стоя, упираясь в стол кистями рук, высовывать при этом большой палец между средним и безымянным. Получалось что-то вроде кукиша. Делал он это непроизвольно и часто в совершенно неподходящих местах. Например, в суде, где он выступал как защитник. Кто-то из судей, заметив это, обвинил его в том, что он намеренно показывает залу фигу. Не помню, как уж отец оправдался.

Еще был интересный случай с собакой. Случилось это тоже в Смоленске. Шли как-то целой компанией и весело разговаривали. Вдруг на мостике, через который надо было переходить, появилась огромная, свирепого вида собака. Остановившись посередине, она зло заворчала и оскалилась. Было похоже, что она собирается броситься. Все остановились. Идти ей навстречу никто не хотел. Обходить вокруг было далеко. Кто-то крикнул на нее, замахал руками, но собака разозлилась еще больше. Пролаяв басом, она сделала несколько шагов вперед и остановилась. Все стояли в замешательстве. Но тут Саша вышел вперед. Сложив на груди руки точь-в-точь, как изображен Наполеон, и направив взгляд на собаку, он стал медленно двигаться навстречу ей. Собака заворчала, но не бросилась. Он продолжал ее гипнотизировать, и она, медленно пятясь, сошла с мостика. После чего

повернула в другую сторону и потрусила прочь. Победитель был вознагражден аплодисментами и криками «ура».

К воспоминаниям о молодости отца могу добавить еще один необычный или, вернее, мистический случай. Как-то Саша гостил у своего дяди. По всей вероятности, дядя жил не в самом Смоленске. День был очень жаркий. Решили пойти покататься на лодках. Собрались все братья и сестры, не было с ними только Васи. Перед тем как сесть в лодку, Саша поднял кусок глины и, усевшись на носу лодки, стал лепить из нее голову. Лепил так, сам не зная кого. Но ему казалось, слепок похож на Васю. Вот только выражение лица никак не получалось. Было оно какое-то неживое, застывшее. Недовольный своей работой, Саша бросил слепок в воду и в тот же момент почувствовал беспричинное беспокойство. Он взглянул на часы и заторопился на берег.

— Мне надо домой. С Васей что-то случилось, — сказал он с непонятной уверенностью. Его пробовали разубедить, но он ничего не хотел слушать. Всем расхотелось кататься, и они вернулись домой вместе с Сашей. Около дядиного дома их встретила заплаканная тетя. Она сообщила, что Вася утонул. Как ни странно, произошло это именно тогда, когда Саша бросил слепок головы в реку.

* * *

Не помню, откуда у меня сведения, будто в своем дневнике, о существовании которого мы ничего не слышали, отец писал о своих впечатлениях на баррикадах в Москве, в девятьсот пятом году. Я совершенно ничего не знаю об отцовских политических убеждениях. Не знаю, кому он симпатизировал, монархии или нарождавшейся народной власти. Но уверена, что баррикады были для него лишь очередным приключением.

Закончив Демидовский лицей, отец получил должность частного поверенного в Смоленске. Скоро он стал известен как хороший юрист. У него появилась постоянная клиентура. Отец смог снять большую квартиру, обставить ее. Увлекаясь искусством, он приобрел хорошую коллекцию картин известных художников, собрал большую библиотеку. Закон-

чив какое-нибудь большое дело и получив хороший гонорар, отправлялся путешествовать за границу. Неоднократно бывал во Франции. Ездил в Италию. Поднимался на Везувий и даже заглядывал в кратер вулкана. О Венеции рассказывал восторженно и в то же время с грустью. Говорил, что первое впечатление было прекрасным.

Сказочно красивый город, залитый солнцем. Живописные каналы с отражающимися в них зданиями, медленно плывущие гондолы, песни гондольеров. Окраины же города, где жила беднота, наводили уныние. В узкие улицы-каналы почти не проникало солнце. Дома со следами плесени, запах воды от нечистот, выливаемых в те же каналы. Лишенные солнца, бледные рахитичные дети.

Что рассказывал отец о Франции, в частности о Париже, мама не помнила. В памяти у нее сохранилось лишь то, что отцу очень понравились во Франции обслуживание и пища.

— Все словно для меня было приготовлено! — говорил он.

* * *

Николай Павлович писал, что Александра Романовича всегда окружала интеллигентная молодежь. Они часто собирались у отца на вечеринки. Общение было чисто интеллектуальным. Отец играл на рояле или скрипке, декламировал. Он всегда был душой общества, и люди тянулись к нему. Но была у отца одна, простите, слабость — он любил менять квартиры. Стоило ему узнать, что где-то освободилась хорошая квартира, как он спешил занять ее. Случалось, что друзья приходили к Александру Романовичу и не заставали его на старом месте, приходилось искать его по всему городу.

Не помню, кто кого нашел, мы Елизавету Николаевну Серебрякову, в девичестве Беляеву, Лизоньку, о которой я упоминала, или она нас. Сейчас мне кажется это просто невероятным. Списавшись, встретились. Я поехала в Горький, где тогда жила со своей дочерью Галей Елизавета Николаевна. Она рассказала мне интересный случай из судебной практики отца. Александр Романович был приглашен в качестве защитника по обвинению в преднамеренном убийстве. Весь процесс был копией процесса, описанного Фейхт-

вангером в романе «Еврей Зюсс». Обвинялся еврей в убийстве русского ребенка, совершенном якобы в целях использования его крови для приготовления мацы. Маца пеклась из пресного теста, большими тонкими листами и употреблялась евреями во время поста, когда по их религии запрещено есть обычный хлеб. Мацу толкли, разводили молоком или водой. Что-то добавляли в нее и уже только после этого пекли из нее различные булочные изделия.

Взявшись вести это дело, отец немало потрудился. Он был уверен, что единственно правильный ответ на вопрос — могло ли быть совершено такое убийство, нужно искать в еврейском писании. Для того чтобы его прочесть, отцу пришлось искать человека, хорошо знавшего древнееврейский язык, который смог бы сделать дословный перевод.

Естественно, не всего писания, а только тех мест, которые могли пролить свет на истину. Досконально изучив материал, отец убедился, что поиски его правильны. В Талмуде ничего не говорилось о том, что мацу следует приготавливать на крови иноверцев — так они называли всех людей неиудейского вероисповедания. Писание гласило, что все люди, кроме евреев, нечестивцы и безбожники. Были и другие доказательства, полностью опровергавшие обвинение в убийстве. К сожалению, подробностей этого дела я не знаю. Одним словом, цитируя выдержки из Священного Писания, отец сумел очень убедительно доказать невиновность подсудимого, и тот был оправдан и освобожден прямо в зале суда.

Этот судебный процесс наделал много шума. Пресса печатала статьи и заметки о нем, признаваясь, что выигран он блестяще. Во время суда зал был настолько переполнен, что мог вместить далеко не всех желающих послушать, и многие были вынуждены стоять на улице, под окнами, стараясь уловить долетавшие до них слова.

После этого процесса, когда отец появлялся на улице, с ним то и дело раскланивались какие-то евреи. Были ли это родственники обвиняемого, знакомые или просто сочувствовавшие, отец не знал. И все ж таки, несмотря на такой успех в юриспруденции, отец все больше увлекался литературой, и, в конце концов, она стала его единственным занятием и средством к существованию. Но до этого были еще годы.

* * *

Казалось, что сведений о жизни Александра Романовича получить не от кого. И вдруг, в 1979 году нам кто-то прислал заметку из журнала «Музыкальная жизнь», № 1 (50) янв., 1979 г., стр. 25.

«Знаете ли вы что...

...17 февраля 1913 года на сцене Благородного собрания в Смоленске был поставлен любительский спектакль — детская опера-сказка «Спящая царевна». Роль злой волшебницы сыграла гимназистка Маша Гольдина — впоследствии выдающаяся певица Мария Соломоновна Гольдина. Постановщиком оперы был молодой смоленский адвокат Александр Беляев. Несмотря на то что спектакль имел громадный успех, вряд ли кто-нибудь в то время мог предположить, что режиссер-адвокат станет впоследствии замечательным писателем — автором научно-фантастических романов».

А в 1993 году мне прислали выписку из архивов охранки города Смоленска, которая меня просто потрясла. То, что я узнала, совершенно не вязалось с моим представлением о жизни отца.

«Сводка данных наружного наблюдения по группе Партии Социалистов-революционеров от 1 августа — 1 сентября 1909 года, Смоленск

(среди прочих членов)

кличка «живой» БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ пом. присяж. повер.

проживает по улице Пушкинская д. Ранфта, взят к наблюдению от КОРЕЛИНА В. А. 23 авг. 1909 г. С 1.09.909 проживает в доме Гильмана. Взят под наблюдение по группе эсеров по агентурным сведениям с июля; по наруж. набл. с июля 1909. По сводке наблюдения от 1/-30 октября 1909 №4 — А. Р. Беляев поддерживает активную связь с: № 1. Корелин В. А. № 2. Подвицкий В. В. № 3. Знаменская В. В. № 5. Лиссау А. И. № 6. Станкевич К. И. №7. Кельм Г.-Э. № 8. Городская библиотека. Из плана наблюдения видно, что сам Беляев А.Р. в октябре 1909 года никого не посещал, но поддерживал отношения с Подвицким В., Корелиным и Знаменской В. Однако уже с ноября 1909 года А. Р. Беляев сам лично посещает выше перечисленных лиц, так к Корелину он отмечен по сводкам семь встреч, к Подвицкому — дважды и на общие встречи группы в городской библиотеке — четыре раза. В ноябре 1909 года жандармским отделением была произведена ликвидация, включая обыски и аресты смоленской группы эсеров, но некоторые из них уцелели. Это прежде всего те лица, у которых по обыску ничего обнаружено не было, в том числе и у А. Р. Беляева. Документов в делах охранного отделения после ноября 1909 года, в которых бы проходил А. Р. Беляев, не обнаружено.

В фонде Канцелярии Смоленского губернатора оп. 8. д. 369 «Об издании в г. Смоленске газеты «Смоленский Вестник», хранится (автограф) заявление на имя губернатора от А. Р. Беляева по поводу разрешения «о приеме на себя в полном объеме ответственное редактирование издаваемой г. С.Г. Пиотровским газеты «Смоленский Вестник», датировано 17 октября 1914 года, заявление удовлетворено 30.10.1914».

К сводке приложен план перемещения перечисленных лиц, из которого действительно видно, что Александр Романович сам ни к кому не ходил. Так что же это было? Был ли он членом этой группировки или это просто случайность? Ведь могли же они быть просто знакомыми отца? И опять нет ответа...

* * *

До женитьбы на моей маме отец был женат дважды. Первая жена Анечка (фамилии ее я не знаю) ушла к его коллеге. Но счастья не нашла. Она часто приходила к своему бывшему мужу и жаловалась. Она говорила: «Ты меня никогда не ругал, а он меня бьет!» В то время развестись было непросто. Надо было хлопотать через консисторию. Александр Романович взял вину на себя.

Вторая жена Александра Романовича, Верочка (фамилии тоже не знаю), была единственной дочерью, избалованной и капризной. У них часто бывали семейные скандалы. Вернее, Верочка была вечно чем-то недовольна. Отец вспоминал, что, когда она начинала кричать, он спокойно напевал:

— А я мальчик бедненький, бедненький, бедненький. Меня любить некому, некому, некому...

Когда отец заболел тяжелым плевритом и лежал с высокой температурой, Верочка оставила его, заявив, что она не для того выходила замуж, чтобы быть сиделкой...

Отцу сделали пункцию, но очень неудачно, возможно, от этого у него отнялись ноги. Смоленские врачи не смогли поставить диагноз. В поисках хорошего врача мать с парализованным сыном объехали несколько городов и наконец добрались до Ялты, где у Александра Романовича признали туберкулез позвоночника и уложили в гипс. По словам папиного друга Николая Павловича, процесс протекал так тяжело, что даже врачи не надеялись на благополучный исход. В Ялту отец приехал не только с матерью, но и со старой прислугой Фимой, прожившей у Беляевых более двадцати лет.

Поселились они на Барятинской улице в одном доме с соученицей маминого брата Левы, Олей Мейнандер. Лева помогал девушке по математике, а она ему по французскому языку. Оля много рассказывала Леве о больном соседе — юристе, который лежал в гипсе. Александру Романовичу в то время было всего тридцать пять лет! Можно представить себе трагедию, когда молодой, здоровый, очень подвижный и энергичный человек вдруг становится лежачим больным, да еще и в гипсе от копчика до ушей. Немудрено было впасть в депрессию. Однако Александр Романович не утратил душевной живости. Он по-прежнему интересовался окружающей жизнью. Был интересным собеседником и хорошим рассказчиком. Он очень увлеченно рассказывал о своих путешествиях, о театре, который не переставал любить.

Чуть-чуть отвлекусь, чтобы хоть немного рассказать о семье моей мамы.

Мой дедушка Константин Антонович Магнушевский еще до революции работал строителем при некотором частном обществе или хозяине. Дома строились в разных городах России, и он со всей семьей много колесил по городам и весям. Где-то жили год, где-то два или три. Моя бабушка Эльвира Юрьевна ужасно не любила переезжать, тем более что делать это ей приходилось одной. Дедушка уезжал на новое строительство один. Устраивался. А через какое-то время к

нему приезжала жена со всем выводком. У бабушки было четверо детей, но двое умерли, а двое остались: моя будущая мама Маргарита и ее младший брат Лева. Семья моталась по чужим городам, жили то в меблированных комнатах, а то и просто в гостинице. Так перед самой революцией оказались в Крыму, где и застряли на целых 17 лет! Жили то в Ялте, то в Симферополе, то в Балаклаве.

Как-то в Реальном училище маминого брата решили поставить пьесу «Романтики», и Лева с товарищами зашел к Александру Романовичу с просьбой помочь им поставить спектакль. Отец с удовольствием согласился. С тех пор Лева стал часто заходить к нему и каждый раз, возвращаясь домой, с восторгом рассказывал о прошедшей встрече. Как-то он сообщил, что Александр Романович хочет познакомиться с его сестрой. Магнушевские жили на той же улице, только выше. Моя мама работала в Городской библиотеке. От брата она знала, что Александр Романович сотрудничает в Ялтинской газете, и подумала, что могла бы снабжать его книгами.

Как-то в воскресенье она пришла к Беляевым. Они занимали квартиру из одной темной комнаты. Вход был через веранду, небольшая часть которой была отгорожена для кухни. О первой встрече с Александром Романовичем мама рассказывала следующее:

«Меня встретила высокая, худая, седая женщина в черном платье, с тихим голосом и каким-то мученическим лицом. Это была Надежда Васильевна, мать Александра Романовича. На веранде стоял топчан, на котором лежал полный, загорелый молодой мужчина, совсем не похожий на тяжелобольного. Я услышала его глухой голос. Через очки на меня смотрели внимательные черные глаза. Большой открытый лоб обрамляли черные, очень мягкие волосы. Я принесла каталог и предложила снабжать Александра Романовича книгами. Как-то, придя к Беляевым, я застала Александра Романовича за необычной работой. Он вязал крючком для себя кофту, похожую на детскую распашонку, но без застежек. Так как лежал он на спине, иная одежда ему не подходила.

Иногда я заставала у Александра Романовича посетителей. Это были либо его новые знакомые, либо люди, обращавшиеся к нему за юридической помощью».

Нашлись добрые люди, которые устроили отца в больницу Красного креста. Здесь он лежал в светлой палате один. В ту пору трудно было купить бумагу и карандаши. Друзья, навещая его, приносили огрызки карандашей, листки бумаги и даже старые конторские книги. Александр Романович писал много стихов, некоторые из которых посвящал няням. Одно стихотворение, которое он написал в те тяжелые для него годы, называлось «Звезда мерцает за окном». Через несколько лет он положил его на музыку, и оно было напечатано в Киеве, уже как романс.

Звезда мерцает за окном.
Тоскливо, холодно, темно.
И дремлет тишина кругом...
Не жить иль жить, мне все равно...
Устал от муки ожиданья,
Устал гоняться за мечтой,
Устал от счастья и страданья,
Устал я быть самим собой,
Уснуть и спать, не пробуждаясь,
Чтоб о себе самом забыть
И, в сон последний погружаясь,
Не знать, не чувствовать, не быть...

Когда на меня порой накатывает тоска и небо кажется с овчинку, я всегда вспоминаю это стихотворение, особенно последнюю строчку: не знать, не чувствовать, не быть... Я никогда не читала стихотворения, которое бы с такой ясностью отражало бы боль и смятение души.

Вскоре семья моей мамы уехала из Ялты, и надолго. Когда они вернулись, Надежды Васильевны уже не было в живых, а Александр Романович работал воспитателем детского дома, в нескольких километрах от Ялты. Мамин брат устроился на работу в милицию, начальником уголовного розыска, а мама регистратором и дактилоскопистом.

Как-то мамин брат навестил Александра Романовича и, вернувшись домой, заявил:

— Александра Романовича надо спасать! Он будет жить у нас, а на работу я устрою его к себе в милицию.

Вся забота была теперь о том, как доставить Александра Романовича в Ялту. Для того чтобы нанять лошадь, не было

денег. Надо было добираться пешком. Об этом путешествии мама пишет в своих воспоминаниях:

«К Александру Романовичу я пришла с вечера. А рано утром, как только встало солнце, мы тихо вышли за калитку и зашагали по проселочной дороге, ведущей в Ялту. Имущества у Александра Романовича было немного: небольшой чемоданчик да гипсовая кроватка, в которой он еще был вынужден спать. Хотя он и был на ногах, полностью здоровым его нельзя было назвать. Так что все эти вещи пришлось нести мне, Александр Романович ничего нести не мог. По дороге мы несколько раз останавливались, Александр Романович ложился на траву и отдыхал. Потом я забирала багаж, и мы двигались дальше. Шли очень медленно. Мне казалось, что дороге не будет конца. Но вот появились первые дома ялтинской окраины. Однако нам надо было еще пройти весь город, чтобы добраться до дома. Дорога шла в гору, и отдыхать было негде. Но мой спутник не жаловался, он стойко переносил такую нагрузку. Но вот наконец и наш дом. Нас давно поджидали мои родные. Мы приняли Александра Романовича в свою семью, отдав ему одну из наших комнат. Через несколько дней Лева устроил Александра Романовича на должность инспектора уголовного розыска. Ему выдали спецодежду — черное бобриковое пальто. На службе мы получали, как и все работники милиции, обед и хлеб.

В уголовном розыске не было даже фотографа для регистрации арестованных. Под руководством Александра Романовича была организована фотолаборатория. И он стал по совместительству еще и фотографом. Я помогала ему проявлять и печатать снимки.

Александр Романович проработал в уголовном розыске очень недолго и перешел работать в библиотеку. Вспоминая о том времени, я думаю, что он просто был вынужден сделать это из-за моральной обстановки. Один из сотрудников розыска, бывший матрос, был явным противником интеллигенции. Александра Романовича он тоже невзлюбил. Иногда, не стесняясь его присутствия, а может быть и специально, он с вдохновением и даже восторгом, рассказывал о том времени, когда он ставил «таких», как Александр Романович, к стеночке. Фамилия у него была явно не русского про-

исхождения, если он просто не выдумал ее — Дэламур. А лицом он смахивал на разбойника с большой дороги. Он был всегда вооружен — носил в деревянной кобуре револьвер или маузер. Так что ожидать от него в любую минуту можно было чего угодно. Любимым его выражением было: «Я в корне с вами не согласен!»

Хотя мы работали втроем, жить было трудно, особенно если надо было купить что-то из одежды. Отец мой находился тогда в Симферополе. Причины этого я уже не помню. У нас с мамой были блузы и юбки цвета хаки, а на ногах башмаки на деревянной подошве. Ходить в такой обуви по гористым улицам Ялты было трудно».

По воскресеньям отдыхал только Александр Романович. Дядя работал без выходных, а мама с бабушкой занимались заготовкой дров, уходя для этого в горы. Собирали валежник, сосновые шишки. Иногда попадались от срубленных деревьев огромные, в три-четыре метра длиной, сучья. Чтобы доставить их домой, женщины вбивали гвоздь, привязывали веревку и так волокли вниз с горы. Для городских женщин, не работавших ранее физически, это была нелегкая работа. Из-за нее они вечно ходили в ссадинах и синяках. Но надеяться было не на кого, и они не роптали. Случалось, что у них отнимали и дрова и топоры, и они возвращались с пустыми руками.

В 1922 году, перед Рождественским постом, мои родители венчались. Венчание было скромным. Присутствовали на венчании только свои: мамина мама, брат Лева и его товарищ. Жених был в своем будничном костюме, невеста тоже не отличалась красотой наряда. На ней было повседневное платье. Не было ни фаты, ни цветов. Но, несмотря на такую бедность, свадьба прошла весело. Единственным гостем был все тот же шафер. Александр Романович стал рассказывать с присущим ему юмором, как он при венчании спешил первым ступить на платок, чтобы быть главой дома. И о том, как он собирал оплавившийся воск со свечи и прилеплял его снизу. Существовала примета, что у кого свеча будет гореть дольше, тот дольше и проживет. В эти приметы никто не верил, как и сам отец, и все смеялись. Несостоятельность примет показала жизнь. Главой дома отец никогда не был, так

как полностью был поглощен творчеством. И пережила его мама на целых сорок лет!

В 1923 году, 22 мая, мои родители зарегистрировали свой брак в ЗАГСе. Помещался он в крохотной комнатке, в которой одновременно регистрировали браки, новорожденных и покойников. Такое совмещение явно не способствовало радостному настроению. Рядом с людьми, вступавшими в новую жизнь, сидели родственники, оплакивающие близких.

* * *

Не знаю уж, из каких соображений отец решил попытать счастья в Москве. Он пошел на пристань, чтобы узнать расписание пароходов, и случайно встретил там свою старую знакомую из Смоленска, которую знал еще девочкой. Нина Яковлевна Филиппова узнала Александра Романовича и остановила его. Она жила в Москве с семьей. Отец рассказал о себе, о своих планах. Неожиданно Нина Яковлевна предложила отцу поехать к ним, сказав, что они имеют большую квартиру, и обещала отдать моим родителям одну из комнат и помочь устроиться на работу. Отец принял ее предложение и быстро, вместе с Ниной Яковлевной, покинул Ялту. А мама осталась пока с родителями.

В отсутствие Александра Романовича приехал из Смоленска его друг Николай Павлович. Он хотел сделать отцу сюрприз своим приездом и был очень огорчен, что не застал Александра Романовича дома. Всю ночь они проговорили с мамой. Николай Павлович рассказывал о детстве и юности своего друга. Мама слушала его с большим интересом. К сожалению, когда мы собрались писать воспоминания, мама почти ничего не помнила из рассказов Николая Павловича. В потерянном мною письме Николай Павлович писал:

«Александра Романовича всегда интересовали и волновали разные вещи, будь то вопросы науки, литературы или искусства.

Начиная с юных лет, при всех удобных случаях, Саша переодевался, гримировал лицо и придавал ему всевозможные выражения, строил гримасы. Чтобы помочь себе в этих процедурах, он вызывал меня, и уже общими усилиями со-

вершались переодевания и накладывание грима при помощи жженой пробки, а если нужно, то и красок. Удавшиеся «рожи» фотографировались. И таких снимков было очень много. За юношескими склонностями последовало настоящее увлечение драматическим искусством. На чердаке была устроена небольшая сцена с декорациями и занавесом. Разыгрывались небольшие пьесы, а в студенческие годы началось увлечение недавно созданным Художественным театром, и Саша пытался ставить пьесы из его репертуара. Он был и постановщиком-режиссером. Он же оформлял эти спектакли как художник. Значительно позже рисовал декорации для настоящего театра. Расстелив на полу огромное полотнище, после нескольких мазков он забирался под потолок и оттуда смотрел, насколько удачно передана перспектива.

Из изобразительных искусств его особенно привлекала скульптура. Из глины он удачно лепил бюсты выдающихся людей.

Я знал его и как неподражаемого мастера художественного слова. В этом деле он не имел себе равных среди смоленской интеллигентной молодежи. Помню, как увлекательно было его чтение из произведений Чехова, Горького, Блока и других авторов.

Специального музыкального образования он не получил, но играл в Смоленском оркестре. И ноты читал с листа. Охотно играл на рояле в четыре руки с моей сестрой Анной Павловной. И самостоятельно мог играть на рояле сложные пьесы таких авторов, как Скрябин, Мак Доуэль и другие. Писал музыкальные очерки и рецензии. Много занимался журналистикой. Это живое дело всегда увлекало его».

С грустью вспоминал Николай Павлович о начале болезни отца.

«Мне было очень тяжело смотреть на него, уже лишенного возможности двигаться. Поражала его сила воли. Несмотря на сильные страдания, он все время работал. Сотрудничал в местной газете. Буквально вся постель была обложена книгами. Мне кажется, что эта сила и спасла его. (Николай Павлович рассказывал о своем посещении отца в Ялтинской больнице.) Я побывал у профессора, который лечил его, и тот на мой вопрос о состоянии здоровья Саши только руками развел, давая мне понять, что надеяться на

хороший исход не приходится. Я уехал с горьким чувством, думая, что это наша последняя встреча. Представьте себе мою радость, когда я получил от него письмо, в котором он писал: поправился, прошел пешком столько-то верст и женился. Очень жаль, что у меня не сохранились его письма. Это были настоящие литературные произведения, полные живых и оригинальных мыслей».

Пока отец устраивался и обживался в Москве, мама жила с родителями в Симферополе. В Москву она переехала только в сентябре месяце. Папина знакомая Нина Яковлевна выполнила свое обещание и отдала моим родителям вместо одной обещанной комнаты даже две. Квартира была чудесная и соседи тоже, но, к сожалению, Филипповых вскоре перевели в Ленинград, вместо них въехали новые жильцы — сотрудники НКВД.

Одну комнату заняли молодые супруги, а во второй поселился одинокий мужчина. Его комната была смежной с комнатой моих родителей. И вот он стал, в буквальном смысле, отравлять жизнь моей мамы. Во-первых, он не разрешал ей пользоваться газовой плитой, а потом вообще запретил выходить на кухню. Свои распоряжения он передавал через жену своего сослуживца, Галю. Чтобы не нарываться на скандалы, мама вынуждена была брать обеды в столовой.

Однажды он заявил маме, чтобы по-хорошему освободили площадь, иначе он заявит куда надо, что у него конспиративная квартира, а они, папа и мама, срывают ему явки.

За все то время, что мои родители прожили с этим соседом, отец ни разу не пытался поговорить с ним. Он избегал конфликтов. В то время придавали большое значение социальному происхождению, а Александр Романович был сыном священника, да еще кончил Лицей, что считалось привилегией дворянства, а стало быть, было враждебным социалистическому сознанию. И все же у меня осталась обида на отца за маму. Он ведь был хорошим юристом и выигрывал казавшиеся безнадежными дела. Так неужели же он не сумел бы как-то убедить соседа в его неправомочных действиях? Мне очень неприятно делать такие выводы по отношению к отцу, но, по всей вероятности, это был страх интеллигента перед «быдлом», к сознанию которого взывать бесполезно.

Однажды сосед привел к себе женщину. Всю ночь, до самого утра, они так бесновались и кричали, что невозможно было сомкнуть глаз. Жить с таким соседом становилось совсем невмоготу. Надо было что-то предпринимать. В первую очередь родители отправили на родину Фиму, которая так и продолжала жить при отце. Через новых знакомых удалось найти пустующую комнату. Остановка была только за ордером. За помощью пришлось обратиться к этому же ненавистному соседу. Через несколько дней ордер был получен.

Мама, измученная издевательствами соседа, не пошла смотреть новое жилье. Она готова была переехать хоть в сарай. То, что они получили, приблизительно и было сараем. Комната служила жильцам этой квартиры кладовкой. А сама квартира находилась в подвальном помещении. Комната, которую получили мои родители, была полутемной, так как окна выходили в простенок. Со стен свисали отставшие обои. Паркет прогибался под ногами. Паровое отопление не работало. Из больших дыр в плинтусах вылезали огромные крысы и, не боясь людей, разгуливали по комнате.

15 марта 1924 года родилась моя сестра Людмила. Мама с ужасом думала о возвращении с маленьким ребенком из больницы в полутемную и сырую комнату. Правда, был сделан ремонт, исправлены батареи. Тем не менее помещение оставалось сырым и неуютным. Уходя из дому, мама всегда таскала с собой ребенка, боясь оставлять его наедине с крысами.

К рождению сестры, на ее приданое, отцу выдали на службе деньги. В то время в ходу были червонцы и совзнаки. Червонцы все время поднимались в цене, и, получив зарплату совзнаками, все старались как можно скорее обменять их на черной бирже на червонцы. Один папин сослуживец в день получки предложил желающим обменять деньги. Несколько человек, в том числе и Александр Романович, доверились ему. На следующий день на работе стало известно, что сослуживец проиграл их деньги в карты...

Александр Романович работал в то время в Наркомпочтеле юрисконсультом. Жизнь понемногу налаживалась, и мои родители смогли приобрести что-то из вещей. Ведь они были голы и босы.

Как-то отец написал письмо одному из своих смоленских знакомых. В ответном письме они сообщили, что, не получая от него никаких вестей, решили, что он умер. Его книги отдали в городскую библиотеку. Ни о квартире, ни о вещах и картинах не упоминалось. Но через некоторое время вдруг прислали кровать, зимнее пальто отца, каракулевую шапку и одеяло. Маме показалось это странным, что у Александра Романовича вдруг появились какие-то вещи.

В молодости отец любил одеваться модно, если не сказать со щегольством. Об этом можно судить по его фотографии тех лет: красивый, хорошо сидящий костюм, крахмальная с высоким воротничком рубашка, элегантная шляпа и тросточка в руках.

У отца было много двоюродных братьев и сестер и, наверное, племянников. Кроме того, были еще друзья и знакомые. Но, уехав, он почему-то писал, да и то изредка, лишь Николаю Павловичу. А мог бы еще давно, в Ялте, кому-то написать и просить переслать что-то из вещей. Мне совершенно непонятно его безразличие к потерянным вещам, а в особенности к книгам и дорогим картинам. Если он интересовался искусством, любил все это и собирал, то странна легкость, с которой он распростился со всем этим. Тем более если учесть, что из дому он уехал с маленьким чемоданчиком. Правда, годы болезни и лишений сделали отца неприхотливым и нетребовательным. Да и обстоятельства были таковы, что о моде как-то и не думалось. Отца даже не смущало то, что он в одном и том же костюме ходит на работу, носит его дома и бывает в театре. Не замечал он и того, в чем ходит мама.

В театре они бывали довольно часто, но ему и в голову не приходило купить ей выходное платье, позаботиться о том, чтобы она была прилично одета. Она же была не из тех женщин, которые требуют что-то от мужа. Но после одного инцидента в театре она не выдержала.

Как-то отец достал билеты в Большой театр. Места были хорошие в первых рядах партера. Мама с увлечением слушала музыку, но вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Повернув голову, она увидела, что на нее смотрит женщина, сидящая рядом с ней. Вернее, не на нее, а на ее платье. Взгляд ее выражал одновременно и удивление, и

даже презрение. На ней был вечерний туалет, и мамин наряд так шокировал, что она не могла даже смотреть на сцену. Так и просидела весь спектакль, меряя маму взглядом с ног до головы. Отец же был поглощен музыкой и ничего не заметил. А мама, робея от пристального взгляда, не могла дождаться конца спектакля. После этого она и сказала отцу, что ей надо купить себе что-то на выход. Посмотрев на маму и словно в первый раз увидев ее платье, он сказал:

— Ну конечно, пойди и купи себе что-нибудь.

* * *

Маме трудно было справляться одной с домашними делами и ребенком, и она вызвала из Крыма свою мать. Вместе они стали хлопотать о дополнительной площади. С помощью Общества охраны материнства хлопоты увенчались успехом, и им предоставили еще одну комнату в их же квартире.

После ремонта отец занял одну из комнат под свой кабинет. В это время он перешел работать там же, в Наркомпочтеле, плановиком. Им поставили телефон. В свободное от работы время Александр Романович занимался писательством. Издали его небольшую книжицу «Спутник письмоносца». В газете «Гудок» стал печататься с продолжением его первый фантастический рассказ «Голова профессора Доуэля». Тема этого рассказа зародилась в те тяжелые времена, когда он лежал в гипсе с параличом ног. Положение его было почти такое же, как у профессора Доуэля — вокруг лежали знакомые предметы, книги, но он не мог до них дотянуться. Однажды ему на лоб села муха, и он подумал: а что, если бы у меня, кроме головы, ничего не было? Кстати, эта муха «влетела» и в роман.

Отец предложил маме заключить шутливый договор — перепечатать этот рассказ для журнала «Всемирный следопыт» с условием, что, если рассказ будет напечатан, мама получит пятьдесят процентов гонорара. А если его не примут, то она вообще ничего не получит, как и сам автор. Мама согласилась. К этому времени отец купил на «толкучке» старую пишущую машинку «Ремингтон». Такие машинки вряд ли кто сейчас помнит. У нее был закрытый шрифт, и чтобы

проверить или исправить напечатанное, надо было поднять каретку. Отец научил маму печатать, с тех пор она стала его постоянной машинисткой. А когда и где научился он сам печатать, не знаю. Можно подумать, что он всегда все знал и умел. Конечно, кроме физических действий с молотком или пилой.

И вот три женщины: бабушка, мама и моя сестра выехали на дачу, прихватив пишущую машинку. Отец остался в городе, так как ему было трудно каждый день ездить на дачу и обратно.

Сначала мама печатала очень медленно, поэтому на эту работу у нее ушло все дачное время. Но она трудилась не напрасно, рассказ был напечатан.

Жизнь налаживалась. Купили рояль. Отец часто покупал ноты. Мама в молодости училась пению, и теперь по вечерам в доме звучала музыка. Стали чаще посещать театры и музеи. Мама рассказывала, что с отцом было очень интересно бывать на выставках. Отделившись от экскурсии, они ходили от картины к картине, и отец рассказывал маме о каждом произведении, а заодно и о художнике, создавшем его.

Об этом времени мама пишет:

«Я много узнала и увидела, многому научилась у Александра Романовича. У нас появились друзья. В нашем доме жила очень милая семья Сокольских. Александр Захарович работал корректором в издательстве «Вокруг света», а его жена Валентина Михайловна была врачом. Мы подружились, вместе ходили в театр. Был у нас еще один друг — доктор Томашевич Марианна Ивановна. Очень милая, симпатичная женщина. Она работала гинекологом в роддоме имени Лепехина. Как-то у них в больнице решили устроить своими силами концерт для медперсонала, Марианна Ивановна пригласила и нас с Александром Романовичем. Одна из сестер спела несколько романсов. Пела и я под аккомпанемент мужа. Для концертного номера, который он выбрал сам, достали смирительную рубаху. Облачившись в нее, он исполнил стихотворение Апухтина «Сумасшедший». Его выступление произвело такое впечатление, что кое-кто из женщин прослезился. А ребенок одной из нянь испугался, закричал во весь голос, и его срочно пришлось вывести. Даже

я, не раз слушавшая до этого декламацию Александра Романовича, была просто потрясена.

В то время Александр Романович сотрудничал в журнале «Вокруг света». В «Следопыте» был тогда редактором Владимир Алексеевич Попов, человек чрезвычайно симпатичный и веселый. Частенько Попов заходил к нам. Однако дружбы с Александром Романовичем не получилось, так как Владимир Алексеевич любил выпить».

В Москве наша семья прожила до декабря 1928 года. За это время отцом были написаны следующие произведения: рассказ «Голова профессора Доуэля», роман «Остров погибших кораблей», «Последний человек из Атлантиды», «Человек-амфибия» и «Борьба в эфире». Все эти рассказы печатались в журналах «Всемирный следопыт», «Мир приключений» и «Вокруг света», а потом выходили сборниками или отдельными книгами.

Отец писал не только под своей фамилией, но и под псевдонимами А. Ром и Ар-бел, прибегая к этому в том случае, когда в одном номере журнала публиковали сразу несколько его произведений, чего делать не полагалось.

Мама рассказывала мне, что когда отец обдумывал новое произведение, то бывал очень рассеян. Даже знакомые иногда обижались на него за невнимание, словно он намеренно не замечает их на улице. Мама передала ему замечание, на что он ответил шутливо:

— Скажи им, что я был увлечен собой!

Бывали случаи, когда он, собираясь куда-нибудь с мамой, мог пройти мимо нее и захлопнуть перед ее носом дверь. Что однажды и случилось. Выйдя на площадку, он захлопнул за собою дверь и спокойно двинулся в нужном направлении, забыв о своей спутнице. Пока мама снимала лайковую перчатку, чтобы открыть замок, он ушел уже довольно далеко. Когда же она, запыхавшись, догнала его, он спросил с удивлением:

— Где ты была, детка?

Но вот новое произведение обдумано. На листке бумаги действующие лица. Отец никогда не запоминал имена своих героев, и ему постоянно приходилось заглядывать в «шпаргалку». Сигналом к началу работы была фраза:

— Ну, пиши, карандаш!

Зачастую отец диктовал маме без черновика, прямо из головы (как он говорил: с мозгов), делая это так, словно перед ним лежал готовый текст. После окончания работы отец проверял рукопись. Мама говорила, что переделок или поправок почти никогда не было. Если не считать тех случаев, когда что-то не устраивало редактора. Отец уверял, что если он станет поправлять, то будет только хуже. Здоровые писатели удивлялись его, если так можно сказать, производительности.

Из всех художников, иллюстрировавших его произведения, он любил Фитингофа, который умел читать произведения. Был высококультурным человеком, благодаря чему хорошо знал стили эпох и никогда не допускал ляпсусов, которые часто случались с другими художниками.

Был у отца такой случай: иллюстрировал художник его роман «Последний человек из Атлантиды». Текст был такой (моя перефразировка). Старая кормилица говорит своей воспитаннице, собирающейся на свидание, чтобы она приколола к груди розу, а художник изобразил ее с обнаженной грудью. Срочно надо было что-то делать. Либо вычеркнуть из текста розу, либо художнику одеть девушку. Я уже не помню, как вышли из положения.

Сталкивался отец и с такими художниками, которым приходилось долго разъяснять, что от него требуется, и даже делать самому наброски. При умении рисовать, я думаю, отец вполне мог бы сам иллюстрировать свои произведения. Но он, видимо, берег время для основной работы.

В тридцатые годы в литературе, даже фантастической, основным должен был быть технический прогресс. Все остальное имело второстепенное значение. В связи с этим папин рассказ «Звезда КЭЦ» был настолько сокращен, что, по словам отца, превратился в технический справочник. Отец хотел даже, как автор, отказаться от этого произведения, но позже переработал его, увеличив до романа. Консультантом по техническим и космическим вопросам был Константин Эдуардович Циолковский, которому отец посвятил этот роман.

Мама вспоминала:

«Моими наиболее любимыми произведениями мужа были «Властелин мира», «Голова профессора Доуэля» и «Чело-

век, нашедший свое лицо». Вначале был написан рассказ под названием «Человек, потерявший свое лицо». Потом он был переработан и увеличен до романа. В нем говорилось о киноактере-комике. Из-за своего уродства он не имел успеха у женщин и решил изменить свою внешность с помощью пластической операции. Когда он вернулся красавцем, киностудия не приняла его изменившимся и он лишился работы. Прочитав этот рассказ, редактор воскликнул:

— Ну и нафантазировали вы, Александр Романович!

Рукопись он отложил в «долгий ящик». Но однажды в какой-то газете появилась интересная статья под названием «Ваш нос — наш нос!», в которой говорилось о киноактере, не имевшем успеха у женщин из-за длинного носа и который, так же как Престо, решил сделать пластическую операцию, но киностудия заявила, что, если он это сделает, они расторгнут договор. После этой заметки рассказ был напечатан. Роман «Властелин мира» тоже не сразу был напечатан. Тему его о передаче мыслей на расстояние нашли опасной. Интересно, что в это же время издательство получило еще одну рукопись на ту же тему. Романы были так похожи, что можно было подумать, что кто-то из авторов плагиатор. Но они даже не знали друг друга. И все ж таки напечатан был роман Александра Романовича, а позже он вышел отдельной книгой».

Интересно, что я, буквально на днях (воспоминания написаны в конце 1980-х гг. — *Ред.*) поймала по радио кусочек передачи. Говорила вдова Булгакова. Она сказала, что ее мужем был написан роман «Властелин Мира», но его обвинили в плагиате, так как подобный роман был в редакции. Но потом выяснилось, что это не мы, а у нас... Правда, имя отца она не назвала, но я-то знаю об этом случае. Это редкость, когда двум людям одновременно приходит в голову одна и та же мысль, но бывает. И совсем не обязательно это плагиат. Тем более что оба автора не были знакомы... Смущает меня только одно. Книга вышла в 1929 году. Отцу было 45. Я не знаю, когда родился Булгаков, но если ему в ту пору было даже всего двадцать, а ему, наверное, было больше, то может ли быть жива его жена? Причем голос у женщины был моло-

дым... А отцу в этом году исполнилось 120! Кстати, ни по радио, ни по телевидению об этом не упомянули...

Мои путешествия, если наши переезды можно так назвать, начались еще во время внутриутробного существования. По логике вещей, я должна была стать москвичкой, но 28 декабря 1928 года мы переехали в Ленинград и поселились на Можайской улице. Вместе с нами стал жить мой дедушка, приехавший в Ленинград из Крыма во время нашего отсутствия. Я так и не знаю, чем отца не устраивала Москва, чего он еще искал.

Итак, я появилась на свет 19 июля 1929 года в Ленинграде. Дедушка и мама родились в Петербурге. И кто бы тогда мог подумать, что, объехав полсвета, в конце своей жизни я стану петербурженкой в третьем поколении?!

Лет до четырех моя сестра не проявляла интереса к маленьким детям и вдруг стала говорить, что хочет иметь братика или сестричку. Когда ей сообщили, что ее желание скоро исполнится, она была очень рада. Но когда они с бабушкой навестили в роддоме маму и она увидела меня, то была очень огорчена. Я ей совсем не понравилась. Кроме того, что у меня, как и у всех новорожденных, была красная рожица, голову мою покрывали черные, как смоль, волосики. С удивительным для пятилетнего ребенка тактом, она сказала маме, что сестра ей нравится. Но, придя домой, расплакалась.

— Она такая... такая... черная! — всхлипывала Люся. — Почему ее назвали Светланой? Это меня надо было так назвать! — У Люси были очень светлые волосы, как у нашей мамы в детстве.

Со временем, когда я стала приобретать более привлекательный вид, ее отношение ко мне изменилось.

Хотя после революции прошло уже более десяти лет, страна все еще не могла оправиться от разрухи, которая была запланирована: «...мы все разрушим, а затем...», рушили быстро и с удовольствием. И как это чаще всего бывает, уничтожали и невосполнимые ценности, которые впоследствии так и не смогли восстановить. «...А потом...» получалось плохо. Плохо было с продуктами, плохо с промышленными товарами. Невозможно было купить приличную мебель. Из-за частых переездов всегда что-то забывалось или просто теря-

лось. А потому обстановка в квартире была весьма убогой. Единственной роскошью был рояль, купленный в Москве. Иногда помогали выйти из положения случайности. В своих воспоминаниях мама с радостью пишет:

«В Ленинграде, по случаю, мы купили чудную старинную мебель: кабинет и столовую. Теперь у Александра Романовича был большой уютный кабинет. В нем стояла шведская конторка, удобное кресло с откидной спинкой, большой плюшевый диван, рояль и полки с книгами и журналами. В столовый гарнитур входили: огромный, с резьбой, буфет, обеденный стол, шесть кожаных стульев с высокими спинками, ломберный и самоварный столики».

Когда мы переехали в Ленинград, отец больше не служил, занимался исключительно литературой. Он продолжал сотрудничать и с московскими издательствами. За восемь месяцев, прожитых в Ленинграде, им был написан роман «Властелин мира», «Подводные земледельцы», «Чудесный глаз» и рассказы из серии «Изобретения профессора Доуэля», «Гость из книжного шкафа», «Хойти-Тойти» и «Человек, который не спит».

Не успев познакомиться с родным городом, я, в месячном возрасте, вместе с родителями переехала в Киев на улицу Нестеровского, дом 25/17. Поторопись отец с переездом, я стала бы уже не ленинградкой, а киевлянкой. Но, по воле обстоятельств или судьбы, место моего рождения было предопределено.

Уехать из Ленинграда вынудила болезнь отца. Он заболел воспалением легких в тяжелой форме, и врачи рекомендовали ему немедленно сменить гнилой ленинградский климат на более сухой и мягкий. А Киев был выбран по той причине, что там жил друг его детства и юности Николай Павлович Высоцкий. Он давно уговаривал отца перебраться в теплые края. Климат и на самом деле оказал благотворное влияние на отца, и он очень скоро поправился. Да и вся наша семья словно ожила. Кроме того, жить в Киеве было намного дешевле.

Из маминых воспоминаний:

«Николай Павлович познакомил нас со своими друзьями и знакомыми. И в первую очередь, конечно, со своей женой

Натальей Вениаминовной. Это была очень милая и женственная блондинка с пышными вьющимися волосами. Очень живая и веселая. Рядом с огромным мужем она казалась совсем миниатюрной.

Самыми близкими друзьями у Высоцких были Карчевские: Вячеслав Аполлонович и Мария Николаевна. Муж был инженером, а жена певицей Киевского оперного театра. С этой семьей Александр Романович переписывался впоследствии много лет, а после его смерти — моя мама и я. Была еще одна супружеская пара — композитор Наденеко с женой, тоже певицей. И четвертая, совсем молодая пара. О них говорили, что он сделал себя руками, а она ногами. Муж был пианистом, а жена балериной.

Одна из знакомых Николая Павловича очень хотела знать от самого автора о дальнейшей судьбе Ихтиандра, героя романа «Человек-амфибия». Александр Романович придумал, специально для нее, такой конец: Ихтиандр добрался до старого друга профессора Сальватора. Там Ихтиандр встретил такую же девушку. Они поженились, и у них родились дети-амфибии.

Приезд нашей семьи в Киев вызвал большой интерес соседей, если не сказать всей улицы. Особенно тот факт, что у нас, новоприбывших, сразу оказалось много знакомых. Не осталось это без внимания и со стороны органов НКВД. Для выяснения наших личностей в квартире был проведен обыск и опечатаны конторка и буфет. Возмущенный действиями органов, Александр Романович обратился за разъяснениями столь странной проверки. Перед ним извинились, заявив, что была допущена ошибка!»

Возможно, что мы так и не вернулись бы в Ленинград, если бы не возникшие проблемы. Дело в том, что в конце двадцатых и начале тридцатых годов на Украине проходила жесткая украинизация. Во всех учреждениях висели призывы-требования говорить только по-украински. В магазинах продавцы не отвечали на вопросы покупателей, заданные по-русски.

У отца возникли большие сложности с изданием. На русском языке рукописи не принимались. Украинского языка отец не знал, а отдавать свои произведения в перевод было

слишком накладно. Правда, отец продолжал сотрудничать с издательствами Москвы и Ленинграда. Но из-за дальности расстояния, пересылки рукописей и переписки с редакторами задерживался гонорар, что отражалось на бюджете. И отец стал подумывать о возвращении в Ленинград.

Один роман отца — «Чудесный глаз» был все ж таки переведен на украинский и выпущен под названием «Чудесне око» издательством «Молодий бильшовик» в 1935 году, когда нас уже не было в Киеве. В романе идет речь о дальновидении при помощи аппарата, способного настраиваться на любую точку планеты. Насколько мне известно, такого аппарата еще не существует.

С этим романом получился смешной казус. Через какое-то время его перевели с украинского, как иностранного, на русский язык, почему-то оставив украинское «око», вследствие чего он стал называться не «Чудесным глазом», а «Чудесным оком». В 1956 году этот роман попал в сборник, изданный «Молодой гвардией», и все с тем же «оком». Историю перевода никто не знал, и, видимо, решили, что так назвать свой роман было угодно автору.

Писал отец только по утрам. Он говорил, что если начнет писать вечером, то не сможет остановиться до следующего утра. Отдыхая после нескольких часов интенсивного труда, он часто садился за рояль. Наши родители старались с малолетства привить своим девочкам любовь к музыке. Если я почему-либо не засыпала, мама клала меня на большой подушке прямо на рояль. Отец играл что-нибудь спокойное и убаюкивал меня мелодичными звуками. Их труды не пропали даром — музыка стала для меня чем-то неотъемлемым, приносящим радость или успокоение даже в тяжелые времена.

В начале 1930 года отец поехал в Москву устраивать какие-то свои литературные дела. Остановился он в Теплом переулке у своей тетушки Ольги Ивановны Ивановой. Я даже не знаю, с какой стороны эта его родня.

В его отсутствие в Киеве началась эпидемия менингита. Заболела Люся. 15 марта ей исполнилось 6 лет, а 19 марта она умерла. Отец приезжал на похороны, после чего вновь возвратился в Москву. И тут у него, как казалось, неожиданно началось обострение спондилита, которым он страдал

много лет. Его уложили в гипс... Отняв меня от груди, мама срочно выехала в Москву. Прихватив пишущую машинку, она с тяжелым сердцем покинула дом, оставив, теперь уже единственного ребенка, на попечение родителей.

Мама вспоминает:

«Александр Романович жил в малюсенькой комнатке, где, кроме кровати, тумбочки и стула, ничего не помещалось. Здесь устроилась и я. И опять началась наша совместная работа. Я печатала под его диктовку, ходила по редакциям и ухаживала за ним. Мама часто писала мне, главным образом о Светике, о ее здоровье. От искусственного питания Светик заболела рахитом. Все заботы о ребенке легли на плечи моих родителей. Мама ходила со Светиком по врачам, делала ей солевые ванны, ходила за питанием в детскую кухню. Светик стала называть моих родителей «мама» и «папа». Как-то мама слышала, как за ее спиной какая-то женщина сказала своей знакомой: «Во, старые дураки, ребенка удочерили!» Естественно, мама не пустилась в объяснения.

По субботам я сопровождала тетушку в церковь. Пока она молилась, я бродила по тихим улицам. Потом мы возвращались домой. Иногда я уходила из дому по вечерам, в любую погоду, оставаясь со своим горем. Этот период жизни был для меня самым тяжелым. Сразу навалилось столько бед: смерть дочки, болезнь мужа, потом болезнь Светланы, страх за ее жизнь. Прошли долгие томительные три месяца, пока у Александра Романовича не прошло обострение болезни и он мог вставать, а я вернуться домой.

Светик встретила меня на ножках, она уже научилась ходить. Я присела перед ней на корточки, чтобы лучше ее разглядеть. Она несколько мгновений внимательно смотрела на меня и вдруг ударила по лицу, выпалив при этом:

— Уходи, не хочу!

Она словно вспомнила нанесенную ей обиду. Но скоро забыла все. Светик снова стала звать меня мамой, а бабушку бабушкой».

У меня хорошая память на дальние события. Я помню себя 3 — 4-летним ребенком. Но из Киева мы уехали, когда мне было всего два года, и я помню комнату, в которой жили Высоцкие. Помню расположение мебели. Рояль, на котором

стоял Петрович. Это была смешная и странная игрушка: на спиральной пружине было деревянное туловище мужичка. Стоило надавить ему на макушку, как он начинал приплясывать. Придя к Высоцким, я всякий раз требовала, чтобы меня подняли: «Петрович!» И тут же спешила прикоснуться к его голове пальцем.

Когда я родилась, мама завела толстую записную книжку, куда стала записывать все мои исходные данные: вес, рост. Потом первые слова. Смешные словечки. Несмотря на наше вечное кочевье, эта книжонка до сих пор жива. Она лежит передо мной, и если ее открыть, то можно найти бумажный силуэт моей руки или подошвы. Вот совсем маленькая ручка, на которой написано «19 дек. Светику 2 года 5 месяцев». А вот запись, которая меня удивила: «Уже несколько раз Ляля говорит о смерти Люси: «У меня нет сестры. У меня умерла сестра, теперь другая выросла — вот, Ляля!» — это в мамином «переводе». Конечно, в полной мере я не могла осмыслить понятие смерти, но уход сестры, видимо, оставил какой-то след в моем мозгу. В августе, почему-то всего на неделю, меня вывезли на дачу на Ирпень. Я бегала и валялась на траве, радостно сообщая: «Весело Ляле!» Когда описанных событий не помнишь, начинает казаться, что говорят о ком-то другом, незнакомом. Вот еще одна запись. «Увидев впервые на даче корову, Ляля подбежала к дедушке и с волнением спросила: «Деда, это корова?» Получив утвердительный ответ, сказала: «Значит, знаю!»

Вернувшись из Москвы, отец заявил безапелляционно:

— Мы возвращаемся в Ленинград! — после чего, через объявления, стал искать обмен. Не знаю, совпадение это или перст судьбы, но в Киеве мы прожили ровно два года, причем день в день! 14 сентября 1929 года приехали и 14 сентября 1931 года уехали!

Отец, видимо, хорошо себя чувствовал, так как смотреть квартиру поехал сам. То, что мама отпустила его одного, не поехав с ним, было большой ошибкой. Настолько большой, что о ней помнили многие годы. В молодости, будучи присяжным поверенным, отец часто переезжал с квартиры на квартиру. Однако хлопотами по переезду занимался всегда кто-то другой. Его задачей было только определить: нравится — не нравится. Может быть, оттого, что он был на все 100% творческим человеком, заботиться еще о ком-то, кроме себя, он так и не научился.

Из Ленинграда Александр Романович вернулся очень скоро, заявив, что квартира ему понравилась и он уже подписал документ об обмене. Мама поинтересовалась, будут ли они заказывать контейнеры для перевоза мебели. На что отец ответил, что никакие контейнеры не нужны, так как он договорился, что каждый оставит свою мебель новому жильцу, что избавит всех от лишних хлопот?!

То, что отец мог так поступить, можно еще, хотя и с трудом, как-то понять. Но мне совершенно непонятна позиция других членов семьи. Неужели нельзя было разорвать это соглашение и предотвратить этим потерю антикварной мебели? — иначе, как потерей, это и не назовешь. Об остальном никто еще не знал...

Уезжая из Киева, отец переделал поговорку «Язык до Киева доведет» в поговорку «Язык из Киева выведет»!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД

На этот раз мы обменяли три чудесные светлые комнаты на 2 комнаты в Ленинграде, в поселке Щемиловка за Невской заставой. Не знаю, о чем думал отец, когда приезжал смотреть квартиру. Ничего худшего для здоровья невозможно было придумать. Поселок почти вплотную прилегал к пивоваренному заводу «Вена», от которого ветром приносило неприятные запахи. Кроме того, в нескольких местах находились вытяжные канализационные люки завода, мимо которых невозможно было проходить рядом из-за дурного запаха.

Поселок был новостройкой, похожей на десятки других: ровные ряды одинаковых, как близнецы, четырехэтажных домов с полосками огороженных газонов, на которых росли чахлые деревца. Гулять возле дома из-за скверного запаха было невозможно. И, хотя мне шел всего третий год, я хорошо помню наши прогулки с бабушкой в Бабушкин Сад, где стоял на приколе маленький самолетик летчика Бабушкина. Иногда мы ходили на грузовой причал, где пахло смолой и

где лежали огромные кучи песка, единственное удовольствие гуляющего здесь ребенка.

После Киева подобный ландшафт, а главное — скверный запах наводили на маму и бабушку смертную тоску. Не проходил и стресс от созерцания убогой мебели, которую с легким сердцем выменял отец. Всего «наследства» я не помню, но почему-то врезалась в память грубая кухонная тумбочка, выкрашенная красно-коричневой краской, и огромная железная кровать зеленого цвета, которая могла бы выдержать тяжесть лошади. Наверное, было и еще что-то. Помню, уже в другой квартире, письменный стол с точеными ножками, два венских кресла, венские стулья. Одним словом, благодаря отцовской бесхозяйственности, мы вновь превратились в беженцев-новоселов.

Дедушка сразу устроился, не помню кем, на пивоваренный завод. Отец тоже где-то служил.

Наша семья занимала 2 комнаты в трехкомнатной квартире. В третьей комнате жили дядя и племянник, у которого оказался туберкулез легких. Узнав об этом, мои родители стали срочно искать обмен. Тем более что перемена климата сразу сказалась на моем здоровье и я стала постоянно болеть.

Так, прожив на Щемиловке всего четыре месяца, мы переехали, обменяв одну из наших комнат на две комнаты в Детском Селе. Во второй комнате остался жить мой дедушка. Я так предполагаю, что из-за его работы. Тогда как бабушка опять поехала с нами.

В Детском Селе мы поселились на улице Жуковского, недалеко от вокзала, в деревянном доме, на втором этаже.

Улица Жуковского была небольшая. Она умещалась между пересечением двух бульваров и железной дорогой. Советский бульвар шел от вокзала в Софию, поднимаясь в гору. Октябрьский бульвар — от улицы Жуковского тянулся до Египетских ворот. Впрочем, оба бульвара существуют и поныне, исчезла только наша улица (вернули старое название Жуковско-Волынская). В квартире, кроме нас, жило еще шесть или семь семейств. И все ж таки здесь было лучше, чем в задымленной Щемиловке. Чистый воздух, много зелени. Бульвары, парки, пруды. Но окончательного благополучия не получилось.

В самом начале тридцатых годов для фантастов и фантастики наступили трудные времена. Фантастика была почти под запретом. Стало считаться, что она чужда социалистической идеологии и даже вредна, особенно подрастающему поколению, так как уводит от действительности. Так какой-то редактор «от сохи», возвращая отцу рукопись, сказал:

— Нам «фантанические» романы не нужны, это сказки о рыбаке и рыбке!

В виде протеста отцом была написана статья «Фантастика — Золушка литературы». Редакторы предлагали отцу писать о колхозах, но эта тема не интересовала его. Он оттоваривался тем, что никогда не жил в деревне и не видел колхоза. К творческим командировкам он относился отрицательно, считая, что за две-три недели невозможно изучить чужую жизнь с ее проблемами. Надо было искать работу. У отца был диплом юриста, и он мог устроиться в одну из адвокатских контор Ленинграда или даже Детского Села. Но вместо этого он завербовался на два года в Апатиты в качестве плановика-экономиста.

Однажды мы вдруг получили посылку: маленький бочонок мурманских сельдей и огромную, проткнутую палочкой, горячего копчения треску. Мама была буквально ошеломлена, так как забота о других, в том числе и о семье, была несвойственна отцу. Хотя он, конечно, и содержал нас. Объяснилось все, когда отец вернулся. Один из завербованных, постоянно посылавший домой рыбные посылки, спросил Александра Романовича, почему он ничего не посылает? Отец был весьма озадачен вопросом. Он и сам не знал «почему». Если я не ошибаюсь, в тридцать втором и тридцать третьем мы сидели на карточках. А потому, поразмыслив над советом, отец решил последовать примеру знакомого, сделав нам шикарный подарок.

Через несколько месяцев отец вернулся. Видимо, этого времени было вполне достаточно для освоения Севера. Когда он возвратился, отношение к фантастике несколько изменилось и он вновь занялся литературой. Сотрудничал в детскосельской газете «Большевистское слово» (впоследствии — газета «Вперед», в настоящее время — «Царскосель-

ская газета». — *Ред.*), писал рассказы и очерки, одновременно издаваясь и в Ленинграде.

Отец редко ездил в город, чаще по его делам в редакции и Союз писателей ездила мама. Он берег время для работы. Здесь он написал пьесу в стихах «Алхимики, или Камень мудрецов».

Желая узнать мнение о пьесе знающего человека, он отдал ее для прочтения переводчице Анне Васильевне Ганзен. Она одобрила пьесу. Тогда Александр Романович предложил ее ТЮЗу, но ее не взяли, объяснив тем, что их актеры не умеют читать стихи.

* * *

Написав роман «Прыжок в ничто», отец долго не мог придумать для него названия. Обычно он делал это после окончания работы. На этот раз он отнес в редакцию безымянную рукопись. Редактор предложил тому, кто придумает наиболее интересное название, выдать премию. В конце концов, придумал сам автор, но премии не получил...

У нас были две хорошие, светлые комнаты, но отца, видимо, опять что-то не устраивало. Или просто надоело жить на одном месте, и он подал заявление в Союз писателей с просьбой предоставить ему более комфортное жилье.

В начале пятидесятых был запрещен Зощенко. Как мне помнится, он был даже исключен из членов Союза писателей за клевету на социалистический образ жизни. Вспоминая наше житье в коммунальной квартире, я считаю, что в рассказах Зощенко не было даже преувеличения. Поставив на кухне наш кухонный стол, бабушка постаралась создать максимум удобств. Она, по простоте душевной, поставила на него большую деревянную солонку, разложила примусные иголки, спички. Повесила полотенце.

Первой, кто заметил некоторые странности, была мама. Она ходила в магазин, и ей стало казаться, что бабушка слишком часто заказывает ей соль, спички и примусные иголки.

— Я же тебе два дня назад принесла все, что ты просила?! — удивилась она.

Через некоторое время все прояснилось. Когда бабушка

была одна в кухне, к ней подошла соседка и, оглядываясь, зашептала:

— Ничего не оставляйте на кухне! Вся квартира пользуется вашей солью и всем прочим... Да еще и руки вытирают вашим полотенцем!

Даже коммунальный кот и тот оказался непорядочным — он воровал котлеты прямо со сковороды, стоящей на огне!

Были и постоянные ссоры из-за уборки кухни и лестницы, засорений арбузными корками туалета и прочее... Единственно, что отличало наших соседей от персонажей М. Зощенко, это стилистика языка. Никто не говорил так витиевато и с подковырками.

Меня, как ребенка, все эти взрослые проблемы не волновали. И то, что квартира всегда кишела, как муравейник, и то, что кто-то ругался. А потому воспоминания о Детском Селе остались какие-то очень светлые, радостные. У нас был хороший зеленый двор, куда меня выпускали одну гулять. Мама с самого раннего детства приучала меня к дальним прогулкам, любовь к которым осталась у меня на всю жизнь. Если я уж очень уставала, на обратном пути мама сажала меня к себе на плечи и несла до дома.

Весной, когда появлялись первые подснежники, как мы называли пролески, и если у мамы было время, она брала меня и нескольких девочек из нашего двора и мы шли в Александровский парк за цветами. Все полянки были буквально усыпаны подснежниками, и мы возвращались с большими букетами, пахнущими весной и лесом. Летом мы приносили целые охапки полевых цветов — ромашек, колокольчиков, смолки. Мама любила и зимние букеты. Она всегда засушивала бессмертники, кошачьи лапки и кукушкины слезки. Каждый цветок хорош и своеобразен, но кукушкины слезки всегда казались мне удивительным чудом. Теперь их практически не найти. Собственно говоря, ничего потрясающего в них нет — на тоненьком стебельке без листьев, на расходящихся в стороны травинках висели крохотные коричнево-серебристые сердечки. Никаких лепестков или тычинок, просто сердечки!

Зимой тоже хватало радости. Я рано научилась ходить на лыжах и бегала наравне с подростками. Не боялась я катать-

ся и с большой горы, прямо в пруд, который был в Екатерининском парке. Но Советский бульвар был нашим любимым местом катания на финских санях. Шли, опять же, всем двором. В гору поднимались поодиночке, а потом, соединив сани поездом, катились с криками вниз. Так как по бульвару ходили люди, надо было дать им знать об опасности. Ну, мы все кричали! Потом, чтобы не надрываться, мама купила мне колокольчик, в который я неистово трезвонила.

У взрослых людей свое представление о жизни, у детей свое, и они часто обращают внимание на то, чего не замечают взрослые. Через один двор от нас стоял старый деревянный дом, которого я совершенно не помню. А вот его ворота с фонарями всегда привлекали меня. Состояли они из двух ажурных опор, которые венчали два красивых фонарика, в виде теремков. Лампочки в них давно не горели и кое-где были разбиты стекла, но мне они казались жилищем неких существ, вроде гномов. Я была уверена, что хозяева возвращаются в них по ночам. И каждый раз, проходя мимо этих ворот, я украдкой посматривала на фонарики.

Недалеко от нас, на Октябрьском бульваре, жила Настя-дурочка. И хотя она никому не делала ничего плохого, дети ее боялись. Иногда, из шалости, мальчишки вызывали ее на улицу, а когда она выбегала с громкими криками, все бросались врассыпную. Из любопытства я стояла за ближайшим деревом и со страхом выглядывала из-за него, боясь подойти ближе. В руках у Насти всегда была большая кукла, завернутая в одеяло, которую она баюкала. Настя казалась мне взрослой женщиной, тогда как ей, по всей вероятности, не было и двадцати.

А напротив Настиного двора стоял старый деревянный двухэтажный дом, украшенный резьбой. Вагонка, которой был обшит дом, от времени стала почти черной. Говорили, что в этом доме живут воры, а мне они представлялись какими-то разбойниками. И, проходя мимо него, я втягивала голову в плечи, ожидая, что вот-вот кто-то выскочит из ворот и... дальше моя фантазия не шла.

В нашем доме от кори умерла Зоя, маленькая девочка моего возраста. Помню, как из дома вынесли маленький гробик, поставили его на открытый грузовик и соседи некоторое время стояли возле машины. Мне тогда было, по всей вероятности, года четыре, и я никак не могла уразуметь, что такое смерть. Как это — умерла? И вообще, что это такое? Я долго расспрашивала маму, потом, что-то вспомнив, спросила: «Это как дохлая ворона, да?»

Через дорогу, прямо против нашего дома, была небольшая рощица. На самом ее краю лежал огромный гладкий валун, на который непременно залезали все мимо проходящие дети. В том числе и я. Трудно сказать, что нас так привлекало. В центре рощи была искусственная горка, которую венчала беседка с островерхой крышей, крытой дранкой. Когда мы переехали в Ленинград и я оказалась среди домов и голого асфальта, то чуть не со слезами вспоминала Детское Село и рощу, в которой каркали вороны.

Из раннего детства моя память сохранила три особенно ярких впечатления. Первое — Рождественская елка, году в тридцать третьем или тридцать четвертом. В те годы борьбы с религией, а, стало быть, и с религиозными праздниками елка была запрещена. Это уже потом, спустя несколько лет, она стала новогодним праздником. Я же тогда свято верила в доброго Дедушку Мороза, который приносил мне подарки. Елка украшалась в мое отсутствие. Перед вечером меня уводили гулять, и пока мы с бабушкой катались на финских санях, дома спешно украшали елку. И вот в тот памятный вечер, возвратясь с улицы, я увидела за широко распахнутыми дверями второй комнаты чудесную пушистую елку, блестевшую от обилия стеклянных шаров и бус. Электричество было выключено, обе комнаты освещались только елочными свечами. Пахло хвоей, яблоками и мандаринами, висевшими на елке. А под елкой сидела большая тряпичная кукла, набитая опилками, с головой из папье-маше. Это было то немногое, на что была тогда способна наша легкая промышленность... Но я, еще не избалованная игрушками, страшно обрадовалась этому монстру. Были и еще какие-то игрушки, но я их не помню. А вот удивительное ощущение какого-то чуда и радости осталось на всю жизнь.

У отца стало много свободного времени, и он все чаще занимался со мной. Мне с ним было очень интересно, так как он всегда придумывал какие-нибудь забавы. Не пред-

ставляю только, на какие средства мы тогда жили? По всей вероятности, что-то все же печаталось. Так вот, как-то стоим мы с ним перед открытыми окнами и пускаем мыльные пузыри. Он в свое окно, я в свое. Я так была увлечена этим занятием, что не видела, что делает отец. И вдруг гляжу, летит какой-то странный матовый шар. За ним второй, третий. Дети, ловившие под нашими окнами пузыри, тоже заметили это. Какой-то мальчик погнался за одним пузырем и догнал его. Но, когда он коснулся руки мальчика и лопнул, из него вышел дым. Малыш даже вскрикнул от неожиданности и отдернул руку, словно обжегшись. Объяснение оказалось очень простым — вместе с воздухом отец наполнял шары дымом из папиросы, которую курил.

Третье, необычно яркое воспоминание, казалось бы, совсем незначительное, и, тем не менее, я почему-то часто возвращаюсь к нему мысленно.

По обе стороны нашего жактовского дома стояли частные дома. В одном из них жила наша знакомая семья Кремер, с которой много лет спустя мы встретились в немецком лагере. И вот как-то зимой мама отправилась к ним по какому-то делу и взяла меня с собой. Взрослые занялись разговором, а мы с хозяйской девочкой вышли в сад. Погода стояла морозная и очень солнечная. В саду было несколько старых яблонь. Стояли они в глубоком снегу. Его поверхность была покрыта коркой, которая ослепительно, до рези в глазах, блестела. И вот мы, проваливаясь почти по колено, пошли по целине, оставляя глубокие следы. Что было дальше, я не помню, но эта девственная белизна и нетронутость снежного покрова остались у меня в памяти как нечто очень светлое и радостное. Начав свою сознательную жизнь за городом, я убеждена, что детей надо растить на природе. Никакие скверы не в состоянии заменить сельской свободы и простора.

* * *

В 1935 году отец получил через Союз писателей ордер на две комнаты на Петроградской стороне, в бывшей квартире писателя Житкова, на углу проспекта Карла Либкнехта и Матвеевской улицы, в доме 51/2. В настоящее время про-

спект Карла Либкнехта называется Большим проспектом, а Матвеевская улицей Ленина. Отец занял маленькую комнату, а мы, три женщины: мама, бабушка и я — большую.

Вскоре после нашего переезда в Ленинград у отца вновь началось обострение спондилита, и он на несколько месяцев опять стал лежачим. Я стала невольной свидетельницей его гипсования. Делали это у нас дома. Приехали врач и медсестра. Стоять без корсета, который он носил постоянно, отец не мог. Поэтому его подвязали под мышки бинтами и подвесили между дверей на крюки от моих качелей. Намочив пропитанные гипсом бинты, врач стал его бинтовать. Как раз в этот момент я появилась на пороге и застыла в ужасе. Эта процедура, похожая на повешение, произвела на меня такое удручающее впечатление, что я со страху бросилась прочь. Мне тогда шел всего седьмой год, я была очень впечатлительна, долго не могла успокоиться. Да и воспоминания до сих пор остались тяжелые. Но отец, привыкший за многие годы к подобным процедурам, не терял оптимизма. Увидев меня, он пошутил по поводу своего «висящего» положения, но меня это не развеселило.

В те годы у нас особенно часто бывали врачи. Но, закованный в гипс от бедер и до затылка, отец оставался оптимистом. Шутил и рассказывал мне смешные истории. Конечно, это было не единственным его занятием. Он еще писал и содержал всю нашу семью. Только при сильных болях природный юмор изменял ему. Но стоило болям утихнуть, как он сразу принимался за работу и становился самим собой.

Неподвижность отца пугала меня. В этом было что-то неестественное. Я на какое-то время отдалилась от отца. Почти не заходила к нему, не усаживалась, как раньше, рядом с ним, чтобы услышать очередную историю. Несмотря на мою эмоциональность, отец почему-то не вызывал у меня жалости. Может быть, оттого, что он не стонал и не жаловался? Постепенно я привыкла к его лежачему положению и вновь стала по вечерам заходить к нему.

В Ленинграде меня уже не пускали одну гулять. Мама почти постоянно находилась при отце, и гуляли мы с бабушкой. Почему-то осталась в памяти одна весенняя прогулка. Гуляя, мы дошли до дома политкаторжан. Небо было ясное-

ясное. Солнечно и сухо, а я в галошах. Я была болезненным ребенком, надо мной буквально тряслись. Наконец бабушка смилостивилась и разрешила снять галоши. Стало так легко, что захотелось поскакать вприпрыжку. Именно в это время мимо нас проходил странный человек. Тогда я этого, конечно, не понимала. Сделав несколько шагов вперед лицом, он поворачивался на 180 градусов, некоторое время шел задом, потом вновь принимал нормальное положение, и так, пока не скрылся из вида. Мне это показалось очень забавным, и я сразу же принялась его копировать. Он этого уже, конечно, не видел.

Однажды, гуляя возле памятника «Стерегущему», мы увидели женщину, выгуливающую красивого большого петуха, к лапе которого был привязан шнур. Видимо, этот петух был для женщины кусочком природы, которой так не хватает горожанам.

В 1936 году Союз писателей дал отцу путевку в костно-туберкулезный санаторий в Евпаторию. Мама поехала его провожать. До вагона отца везли на «Скорой», а потом несли на носилках.

Думаю, что мама могла бы, хоть на недельку, остаться в Крыму, отдохнуть. Она это вполне заслужила. Но, переночевав, мама на другой же день пустилась в обратный путь.

В то лето вся наша семья, кроме отца, поехала на дачу в Толмачево, что недалеко от Луги. Жили на хуторе. Места там в те времена были глухие. В лесу можно было встретить лису или зайца. И я очень жалела, что отец не видит этих мест. Боже! Сколько лет прошло с тех пор, а перед глазами вижу быструю речку Оредеж. Вода в ней чистая и прозрачная. Хорошо видны мальки, снующие возле дна. По реке медленно плывут бревна, наполняя горячий воздух смоляным запахом. Стоит тишина. Птицы почему-то не поют, только громко жужжат осы, кружась возле своего гнезда-кокона.

Через реку мы перебирались по бревнам, небезопасно, но интересно. Жили мы в пяти километрах от Луги. Там были магазины, но набор продуктов очень скудный, и мама постоянно ездила в город. К концу лета она выглядела так, словно чем-то переболела, причем тяжело.

У хозяев была баня, топившаяся «по-черному», и, когда мама впервые привела меня мыться, я была так напугана

низким закопченным потолком и запахом пожарища, что просто сбежала.

В те далекие годы Толмачево было еще довольно глухим и малолюдным местом и состояло преимущественно из хуторов, расположенных друг от друга на расстоянии нескольких километров. Лужайки благоухали разнообразными цветами, над которыми деловито кружились всевозможные насекомые. Чего только тут не летало и не прыгало. Бабочки, стрекозы, шмели, осы, пчелы, кузнечики. Водились и такие насекомые, которых приходилось опасаться: слепни, осы и шершни. Можно было встретить и змею. А на полянах манящие краснела земляника. Теперь все это кажется какой-то красивой сказкой. Поселок Толмачево давно превратился в шумную дачную местность.

Как правило, все девочки любят возиться с малышами. Нянчить их, катать в коляске, держать на руках. У меня же никогда не возникало подобных желаний. Более того, еще с малолетства я всегда испытывала, особенно к младенцам, непонятную неприязнь. С возрастом это чувство притупилось, но совсем не исчезло. Будучи еще маленькой девочкой, я говорила, что у меня никогда не будет детей. Я бы, наверное, и сейчас не могла объяснить этой странности, не попадись мне под руку книга С. Н. Лазарева «Диагностика кармы». Автор высказывает гипотезу, что желания, намерения и какие-то неугодные богу действия передаются детям по наследству вместе с родительским биополем. Если женщина делает аборт, то последующие дети будут либо умирать, либо сильно болеть. А, кроме того, по воле матери, которая дала «установку» на уничтожение, будут испытывать неприязнь и нелюбовь к детям. Похоже, что Лазарев прав. Моя мать сделала аборт первой беременности. Родившаяся после этого дочь умерла в раннем детстве. Я без конца болела и болею. И детей у меня никогда не было.

Из четырех лет жизни на Петроградской стороне самым ярким воспоминанием была, опять же, елка. В то время она была уже разрешена. Мама задолго до Новогоднего праздника стала интересоваться, какой подарок я хотела бы получить, и посоветовала мне написать Дедушке Морозу письмо. Я тогда еще не училась, но писать мало-мальски умела. С помо-

щью бабушки я изложила все свои пожелания, и она, положив письмо в конверт, написала адрес: Лес, Дедушке Морозу. Потом мы оделись и пошли, чтобы бросить письмо в ящик. На улице было не очень морозно. Светила луна. Тротуары были покрыты тонким слоем снега, на котором четко отпечатались чьи-то большие следы, оставленные валенками. Бабушка сказала: «Видишь, Дед Мороз уже был здесь».

Я поверила, так как через окна были видны зажженные елки.

И опять, уже дома, при виде зажженной елки меня охватила такая трепетная радость, какую я редко испытывала, будучи взрослой. Под елкой лежало несколько свертков. В одном я обнаружила кожаный портфель, о котором мечтала, потом еще что-то и маленькую, очень красивую лошадку. Она была покрыта гладким мехом, с настоящими гривой и хвостом. На спине у нее было кожаное седло со стременами и уздечкой. У кого-то из детей я видела «лошадь-качалку», и мне очень хотелось иметь такую же. Но вместо нее я получила крохотного пони. Он был так красив, что я простила Дедушке Морозу его ошибку.

Вторым ярким впечатлением был первомайский праздник. Мы вышли с мамой на проспект и стали смотреть на демонстрацию. Мимо нас шли веселые, нарядные люди с флагами, транспарантами, воздушными шарами и огромными бумажными цветами на длинных стеблях. За ними шли группы в национальных костюмах. Здесь были украинцы, грузины, туркмены... Это было действительно похоже на дружбу народов! Грузовики везли макеты изделий, выпускаемых различными заводами. Из них мне запомнилась огромная, во весь кузов грузовика, блестящая галоша — изделие завода «Треугольник». Также на машинах ехали спортсмены. То это была пирамида, то девушка с раскрытым парашютом, надутым ветром. И музыка, музыка, музыка... Одна колонка поет одну песню, вторая другую, за ней третья, четвертая. И все это сливается хотя и в разноголосый, но праздничный шум.

Жакт организовал катание детей по городу на грузовике. Мне тоже очень хотелось поехать с ними, но меня не пустили. Мама так тяжело переживала смерть старшей дочери, что надо мной буквально тряслись, боясь всяких случайностей.

* * *

В Евпатории отец был дважды. В первый раз из санатория его сопровождала медсестра. Во второй раз он приехал сам. Помню, как мы поехали с мамой его встречать. Взяли извозчика. Около вокзала я осталась сидеть в коляске, а мама пошла встречать отца на перрон. Сижу, жду. Пассажиры выходят, а моих родителей все нет. Наконец увидела маму, а рядом с ней какого-то незнакомого мужчину. Пока они подходили ко мне, я все никак не могла узнать отца, таким он стал полным и румяным.

Поехали домой. Папа с мамой разговаривают, а я все на отца смотрю. Все мне не верится, что это он. Будто чужой и даже чувство какое-то неприятное.

Отец очень любил детей, и они отвечали ему взаимностью. В санатории он познакомился с маленькой девочкой, дочкой одной няни. Она часто навещала «дядю Беляева». Он вырезал для нее бумажных человечков и отвечал на все ее вопросы. Однажды она спросила: «Дядя Беляев, Чарля Чарля, какая она?» В те годы демонстрировались фильмы с участием Чарли Чаплина. О нем много говорили, но девочка, не видавшая их, по всей вероятности, решила, что это какая-то птица вроде цапли.

Как-то она явилась в палату к отцу со странно оттопыренным платьем. Оказалось, что она нарвала на клумбе для дяди Беляева букет и спрятала его под подолом платья.

В палатах не было звонков, и больным долго приходилось звать, пока не придет няня. Отец не мог громко кричать, и когда он приехал во второй раз, мама купила ему окарину — небольшой фарфоровый инструмент итальянского происхождения. По виду он напоминал наши глиняные свистульки, а по голосу флейту. Когда ему нужна была няня, он играл на окарине, исполняя для этого старинную песенку со словами: «давно моя лодка готова»...

Домой отец вернулся на своих ногах, но чтобы не перегружать спину, вынужден был днем ложиться отдыхать.

Не помню, в каком году, но из-за болезни отца мы не поехали на дачу и бабушка почти ежедневно возила меня в парк Лесотехнического института или в Ботанический, благо он был не очень далеко от нашего дома.

Не знаю, был ли отец оптимистом, или за долгие годы он уже привык к своей болезни, но даже после того, как его тело сковал гипс, распорядок его дня не изменился и он продолжал работать. Как всегда, по утрам он диктовал маме или писал. Разница была только в том, что он писал, не сидя за столом, а лежа, поставив себе на грудь фанерную дощечку. Рядом с его постелью стоял небольшой японский столик с яркими цветами на черной столешнице. Однако он не вмещал всего необходимого для работы, и кровать отца была обложена всякими словарями, журналами и газетами. У отца были огромные редакторские ножницы, которыми он делал вырезки интересовавших его статей и заметок. Даже лишенный возможности двигаться, он вел интенсивную творческую жизнь.

Папа любил всяческие технические новинки. В те годы впервые появились авторучки, или, как их тогда называли, «вечное перо». Папа немедленно приобрел такую авторучку, но для лежачего писания она не годилась. Стоило только перевернуть ручку пером вверх, как все чернила переливались в нижнюю часть резервуара и она не писала...

Приблизительно в то же время был куплен четырехламповый приемник последнего образца. Что выпускали тогда за границей, мы не знали. Так как отец лежал в гипсе и поворачиваться на бок не мог, приемник стоял на письменном столе, придвинутый вплотную к спинке кровати. Чтобы пользоваться им, отцу приходилось закидывать руку за голову и наугад вращать тумблер. Приемник был для него большой радостью, как связь с внешним миром. Но, хотя папа и любил музыку, я не помню, чтобы он слушал какие-то концерты. В основном из его комнаты раздавались не очень приятные для слуха звуки: свист, разряды и глушитель зарубежных станций — мы не должны были знать, что делается там, за «бугром». Маме это порядком действовало на нервы, и она часто говорила недовольным тоном:

— Опять наш папа рыскает по эфиру!

С Петроградской стороны, кроме Толмачева, мы ездили на дачу в Стрельну, где жили у бабушкиного двоюродного брата. Это был тридцать седьмой год. Мне исполнилось восемь лет, и я должна была пойти в первый класс. А отец опять

получил путевку в Евпаторию, да и мама только наезжала к нам. Жили мы буквально в десяти минутах ходьбы от залива. Перейдешь через дорогу, а там бегом под горку! На заливе народу практически не было. Тишина, вода чистая, прозрачная и совсем теплая. Чтобы купаться, мама уходила далеко от берега, а я шлепалась на мелководье. Бабушка пользовалась заливом по-своему — закатав подол юбки, она принималась стирать белье на большом валуне, лежащем в воде.

Часто болевшая, я интуитивно всего остерегалась. Впрочем, это и понятно, потому что дома вечно говорили о болезнях, лекарствах и диете. То нельзя было, и это нехорошо... Когда тетя Таня — жена бабушкиного брата первый раз принесла нам молоко, я спросила ее, очень удивив своим вопросом — проверял ли ветеринар их корову. Об этой службе я слышала от маминого брата, который был ветеринаром.

Пока мама оставалась в городе, я писала ей письма, состоявшие из одних просьб: «Дорогая мама! Привези мне, пожалуйста, куклу с фарфоровой головкой и гамак. Больше писать нечего. До свидания. Твоя Ляля».

Несколько лет тому назад, после сорокалетнего перерыва, я была в Стрельне. Мне очень хотелось испытать хоть толику того, что я чувствовала в детстве, но увы. Улочка, на которой стоял дом наших родственников, показалась мне очень узкой и неказистой. Но еще более грустным был вид на Финский залив. Теперь к нему вела узкая тропка, пролегавшая между картофельных грядок. Прибрежный песок был грязный, залив почти на все обозримое пространство зарос камышом и какой-то болотной травой. Стало вдвойне грустно и оттого, что ушло беззаботное детство и все уже совсем не такое, каким оно было когда-то...

Как-то Александр Романович прочел в центральной газете статью о судебном процессе, проходившем в Буэнос-Айресе. Судили профессора Сальватора, который производил экспериментальные операции над индейскими детьми (наверное, с согласия их родителей). Например, делал суставы рук и ног более подвижными. Сальватора осудили на десять лет, обвинив его в том, что он искажает образ, данный богом. Эта заметка натолкнула отца на мысль написать ро-

ман «Человек-амфибия». Роман этот наиболее известен читателям, так как переиздавался чаще других произведений.

Часто, по воле редакторов, меняли названия отдельных глав произведения и даже сам текст. Маму это всегда страшно возмущало. Отец относился к произволу более спокойно.

Издавался сборник рассказов под общим названием «Борьба в эфире». Ждали выхода книги. Но вдруг приходит отец домой и спокойно рассказывает о том, что есть решение сжечь сборник как не отвечающий советской идеологии, и добавляет с усмешкой: «Хорошо, что хоть без автора!»

Однако после того как из сборника было изъято несколько страниц, сборник вышел в свет. Но отец успел получить сигнальный номер без сокращения. Экземпляр этого сборника хранится у меня до сих пор. Но я так и не знаю, что было там крамольного.

У нас очень редко бывали какие-то знакомые, но иногда вдруг появлялся кто-то неожиданный. Так пришел однажды давнишний папин знакомый — Васильев, работавший дрессировщиком медведей в труппе Е.А. Дурова. Он рассказал отцу, что живет в одной квартире с увлеченным человеком, неким Томсоном, который очень хочет познакомиться с Александром Романовичем. И вот Томсон пришел. Это был пожилой, очень симпатичный человек. Он принес с собой большую папку с листами ватмана, на которых были зарисованы зори, выполненные акварелью. Часа два мои родители смотрели рисунки. Ни одна заря не была похожа на другую. Томсон рассказал, что по соседству с ними есть дом с башенкой, удобной для зарисовок. Он получил разрешение пользоваться этим помещением. Там у него находились наготове краски, кисти, листы ватмана. Сначала приходилось делать только наброски, так как цвета меняются очень быстро. Дописывал этюды уже потом.

Как-то с женой они отправились в театр, но по дороге к трамваю Томсон увидел необыкновенный закат. Бросив жену, он поспешил к башне, словно за ним гнались. Отец прозвал Томсона «Человеком, влюбленным в зори».

Совсем забыла рассказать о нашей соседке по квартире — бывшей жене писателя Житкова Софье Павловне, которая всей нашей семье потрепала нервы. Она была окулистом и работала в детской поликлинике. Как довольно скоро выяснилось, она страдала всяческими фобиями. Как-то несколько дней подряд она ходила по квартире, заглядывая под шкафы и стулья, бормоча себе под нос: это не вор, это не вор!.. Так как, кроме нашей семьи, в квартире никого не было, выходило, что кто-то из нас что-то у нее украл. Слушать ее возгласы было неприятно, а потому мама спросила, что у нее пропало. Она ответила, что печенье.

— Поищите лучше! — посоветовала мама.

По прошествии нескольких дней Софья Павловна вдруг сообщила, что печенье нашлось. Не утерпев, мама поинтересовалась:

— И где же вы его нашли?

Ответ был потрясающий:

— Под кроватью!

Весь коридор был заставлен ее сундуками и корзинами. Возвращаясь с работы, она с подозрением осматривала их, словно надеясь найти какие-то следы.

Однажды, проходя мимо ее комнаты, я заметила, что на ее дверях висячий замок с беленькой бумажкой в замочной скважине. Меня это удивило. Мама объяснила мне, что это «контролька». Если кто-то откроет замок, бумажка прорвется и будет известно, что кто-то был в ее комнате.

И вдруг из жакта приносят повестку, обязывающую нас такого-то числа в такое-то время явиться на товарищеский суд. В жакт поступила жалоба от С. П. Житковой на соседей Беляевых. Вначале подумали, что это какая-то ошибка. Какие претензии могли быть к нам у Софьи Павловны? Никаких ссор или выяснения отношений не было. Скорее мы могли на нее пожаловаться. У нас было два входа: парадный и черный. До нашего приезда парадная была закрыта. Мы ее открыли и стали пользоваться. Софья Павловна продолжала ходить через черный ход. Но иногда она выкидывала фортели: дойдя до черного хода, она поворачивала обратно, почти пробегала коридор, залетала в прихожую, на ходу распахивая двери отцовской комнаты, словно надеясь там кого-то застать и уличить. Бросив в комнату взгляд и не увидев никого, кроме отца, молчком отступала и, как фурия, вылетала из парадной двери на площадку. Не помню, чтобы мама или

бабушка делали ей по этому поводу замечания, хотя и стоило бы. То, что у нее не все в порядке с психикой, было видно невооруженным глазом. Мы ничего не знали о ее отношениях с бывшим мужем, ни о причине их развода. Видимо, какие-то чувства к нему у нее еще остались. Если не любовь, то обида. А больная психика рождала призраков.

Итак, настал наш судный день! Как я помню, на суд пошли отец с мамой. Это было еще до того, как его положили в гипс. Бабушка, кажется, осталась со мной дома.

Главным обвинением Софьи Павловны было то, что наша семья держит между рамами кухонного окна живых кур! Второе то, что я якобы порезала бритвой ее вечернее платье?! Кто-то спросил: «А где оно у вас висело?», на что Софья Павловна ответила: «В кухне!» По всей вероятности, были и еще какие-то претензии, но, за давностью лет, я уже не могу этого вспомнить. Соседи, собравшиеся на суд, были искренне возмущены нашим поведением и требовали какого-нибудь наказания или взыскания. В нашу защиту выступила только заместитель управдома. Она выразила очень мудрую мысль, сказав, что все они много лет знают Житкову, но никто не жил с ней в одной квартире, а потому не может судить об объективности ее претензий. Не помню, какое решение вынес товарищеский суд. Должны ли мы извиниться перед соседкой, пообещав, что «подобное» не повторится, или вынесли порицание...

Суд продолжался два часа. Сидя там, отец перетерпел. Пришлось вызывать «Скорую», врачи, с помощью катетера, избавили его от болей в мочевом пузыре. Плохо стало и бабушке, подошедшей позже. Одним словом, познакомились!..

Однако жизнь продолжалась. Я была подвижной и резвой, но, тем не менее, угловатой. Когда шла по комнате, то задевала всю мебель. Мама часто делала мне замечания:

— Что ты за все цепляешься? Я ведь хожу и ни за что не задеваю.

На это я отвечала:

— Значит, тебе хватает места, а мне нет!

Мама не придумала ничего лучше, как отдать меня в балетную школу. Не для того, чтобы я стала балериной, а хотя бы стала лучше владеть своим телом. Находилась эта школа

тоже на Петроградской стороне. Принимали, кажется, с семи лет, а мне еще не было, хотя по росту мне можно было дать и больше. И мама соврала, сказав, что мне уже семь.

С малолетства у меня была нетерпимость к любым неточностям. И потому, не думая о том, что из-за этого могут меня не принять, я уточнила, что мне шесть лет и столько-то месяцев. Секретарь только засмеялась и велела ждать очереди на просмотр. С этим смотром я совсем оконфузилась, хотя моей вины тут нет. До этого я никогда не видела балета и не знала, что это такое. А мама, конечно, не представляла, какие мне предстоят испытания.

Захожу в большой зал. Справа, за столом, сидят трое или четверо. Впереди, у окна, рояль, за которым сидела пианистка. Спросили меня имя, а потом одна из преподавателей говорит:

— Представь себе, что ты идешь по лесу и вдруг видишь волка. Как ты от него побежишь?

Ну, я представила и дунула бегом через весь зал, чем очень насмешила всю приемную комиссию.

— Нет, — сказали мне, — в балете так не бегают! Вот, посмотри, как это надо делать, — проговорила преподавательница и позвала девочку в пачке, которую я даже не заметила.

— Покажи, Олечка, девочке... — сказала она и кивнула пианистке.

Заиграла музыка. Олечка встала на носочки и, будто отмахиваясь от назойливых мух или пчел, засеменила в сторону.

— Ну, как? — поинтересовалась преподавательница после того, как Олечка благополучно «спаслась бегством».

Пожав плечами, я сказала с уверенностью:

— Разве так от волка убежишь?!

На этом мой экзамен закончился, но мне сказали, что если я захочу танцевать, то могу прийти в будущем году.

На этом мама не успокоилась и очень скоро нашла преподавательницу бальных танцев. Но, пожалуй, это было несколько позже. А до этого меня определили в «немецкую группу» к Наталии Ивановне (как говорили, она родилась в Германии). А уж потом почти вся наша группа оказалась в кружке бальных танцев.

Перелистываю альбом со снимками тридцатых годов.

Вот фотография «немецкой группы» во главе с Наталией Ивановной. Кроме Киры Иванова, уже не помню ни одной фамилии. Просто: Таня, Зиги, Гриша, красивая маленькая Танечка, Нина, Кира и я. На другой фотографии — балетная группа в маскарадных костюмах. На мне длинный русский сарафан. На голове платочек, а на шее несколько ниток бус. В руках я держу смешную маску боярыни в кокошнике с распухшей щекой и прищуренным глазом. На другой фотографии — новогодний праздник. Папа придумал мне красивый костюм эскимоса. У меня была длинная белая рубашка, на груди которой отец нарисовал тушью бегущего оленя. По низу рубахи и краю рукавов была пришита, вместо меха, бумажная бахрома.

А на предыдущем листе альбома группа ребят из нашего двора в Детском Селе, мама и бабушка Взрослые стоят, а мы сидим на ступеньках крыльца. Мама обнимает меня за талию, я же, чем-то недовольная, насупилась. Хотя у бабушки совсем седые волосы, лицо молодое, энергичное. Это тридцать четвертый год. Сколько же ей здесь лет? Пятьдесят восемь. Ну да, конечно, еще не старая...

А вот моя фотография, последняя перед войной. Сороковой год. Мне одиннадцать. На меня смотрит курносая девчонка. На мне новая шерстяная кофточка и платье в мелкую клетку. Но это уже потом. А пока мне семь или восемь лет и живу я на Петроградской стороне.

Дома мама и бабушка часто говорили по-немецки. Я все понимала, но говорить не хотела. Мама спросит меня о чем-нибудь по-немецки, а я ей в ответ по-русски. Почему меня решили учить немецкому языку? Ну, наверное, по традиции. А вообще-то со стороны моей мамы все были сплошь иностранцы. Отец маминой мамы был эстонцем, мать шведкой. А общий язык, на котором они могли изъясняться, немецкий. Так что и вся семья, включая детей, говорила по-немецки.

Отец моей мамы Константин Антонович был наполовину поляком, наполовину русским. Его предки были шляхтичами, выходцами из Польши, и носили фамилию Магнус. Только потом, перебравшись в Россию, стали именоваться Магнушевскими. Дедушка воспитывался в Петершуле, и немецкий язык так проник в него, что он даже думал по-немецки. И аккуратность немецкую ему сумели привить, ведь школа была очень суровая. Было и холодно и голодно. У дедушки от сплошной чечевицы на всю жизнь колит остался. За ошибки били линейкой по ладоням, да еще старались попасть ребром.

Мои дедушка и бабушка разговаривали по-немецки. Правда, семья бабушки Эльвиры Юрьевны переехала из Стокгольма в Финляндию, когда бабушке было всего 6 лет. А через пару лет они перебрались в Петербург и жили в Лесном. Так что по-русски бабушка говорила хорошо, но иногда путала «он» и «она».

А традиция эта очень пригодилась мне потом в жизни. Мама же после оккупации и немецких лагерей возненавидела немецкий язык. Одно время, видимо в шестидесятых, в Ленинграде было очень много немцев. Какие-то специалисты и военные. Приезжали даже с семьями и детьми. У мамы от одного вида немецкой формы лицо перекашивалось. Что касается меня, то какая бы кровь ни текла в моих жилах, я считаю себя русской, потому что это моя Родина и никакой другой, исторической Родины, для меня не существует. Даже если мои предки вышли из Польши, Эстонии и Швеции. Помнится, мой отец говорил, что в моей крови течет еще и голландская кровь! За счет голландской крови отец относил мою тягу к путешествиям. Да, тогда меня манили приключения, а вот на долю выпали мытарства...

* * *

В тридцатые годы страна жила под бодрые звуки маршей и патриотических песен Дунаевского и Лебедева-Кумача. В этом не было ничего плохого. Песни действительно «...жить помогали». Простые мелодии легко запоминались. Посмотришь новый кинофильм, а назавтра уже и новую песню поешь. Вообще в те годы, да и в сороковые-пятидесятые, несмотря на довольно убогое существование, пели очень много. А Дунаевский был истинным сыном своего отечества, хорошо чувствовавшим дух времени. И мы пели, до конца не понимая, в какое страшное время мы живем. Ни о каких лагерях многие не знали и не слышали...

Из-за наших частых переездов мы не успевали обрести большого количества знакомых и тем более друзей. Но слухи, как дым, проникающий сквозь щели, как-то до нас доходили. Почти все знали о «черном воронке», обысках и ночных арестах. Никто только не понимал «за что». А ложась спать, невольно думали, проснутся ли они на своей кровати?.. Только один раз трагедия прошла совсем рядом, обдав душу холодом. Мою учительницу немецкого языка Наталию Ивановну как иностранку в тридцать седьмом выслали из Ленинграда. На сборы дали 24 часа, и она зашла к нам проститься.

Много лет спустя мы узнали еще об одной трагедии. В начале шестидесятых нас отыскал Кирилл Иванов — мальчик, с которым я училась в немецкой группе. Перед самой войной его отца, чудесного человека и хорошего инженера, арестовали, обвинив во вредительстве. В то время, хотя постоянно и говорили, что наша страна самая лучшая, самая счастливая и законы у нас самые справедливые, почему-то «развелось» очень много вредителей и предателей. Хотя, если все были счастливы, то кто же вредил? Через какое-то время арестовали и мать Киры, а ведь она вообще не работала. А сам он попал с босяками и беспризорниками в детский дом, где заработал себе на всю жизнь туберкулез легких...

* * *

Перебираешь в своей памяти прошлые события и вдруг вспоминаешь то, что казалось уже давно забытым. Вот всплыло в памяти, что, когда мы жили на Петроградской стороне, у нас собрались писатели, по всей вероятности, фантасты, хотя утверждать этого я не могу. То ли у них было какое-то заседание, то ли конференция. Отец поехать в Союз писателей не мог, но, видимо, он был уже достаточно значимой фигурой, ради которой можно было и самим приехать. Совещание проходило в большой комнате, а я сидела у папы в кабинете. Мама, как всегда, была на подхвате. Помогала и бабушка, так как была устроена холодная закуска и, как мне кажется, чай с пирожными.

Несколько ранее, когда отец еще выходил, он присутствовал и даже сидел за председательским столом на конфе-

ренции, которую посетил Уэллс. У меня даже сохранилась эта фотография, сделанная, правда, с газетной фотографии. Уэллс разговаривал с отцом, естественно, с переводчиком. Отец, как я потом неожиданно узнала, владел французским, и довольно недурно. Видимо, какой-то роман отца был переведен на английский и Уэллс читал его, так как он сказал, что у вас, у русских, фантастика очень оптимистична. Об их фантастике этого не скажешь! Причем западный стиль оказался очень живучим. Вспоминаю, что, когда читала рассказы Брэдбери, становилось не только страшно, но беспокойно и неуютно. Особенно мне запомнился рассказ «Вельд», где дети разрешают зверям из виртуального мира сожрать их родителей!!! А еще я вспомнила семью Капраловых, с которой отец познакомился в Евпатории, где они все лечились. У жены, как и у моего отца, был туберкулез позвоночника, а у мужа — тазобедренного сустава, который не гнулся, и сидеть он мог только полулежа. Несмотря на свои болезни, люди они были жизнерадостные и активные. У них часто бывали гости, и как-то к ним попала моя мама. Играли в шарады. Участие принимали все, даже бабушка и их небольшая дочка. Переодевались, как в театре. Кажется, там была еще и музыка. Развлекались за полночь и так увлекались, что их нижние соседи начинали им стучать шваброй. Как жаль, что такое радостное общение ушло в прошлое.

Интересным бывают совпадения. Мамин брат Леопольд Константинович, живший тоже в Ленинграде, на Литейном, никогда не говорил, что знаком с Капраловыми. И вот, как-то придя к ним, мама застала там своего брата.

К сожалению, я не могу похвастаться тем, что и у нас были веселые вечера. Навещали нас в основном родственники: дедушка, который теперь жил на одной с нами улице, только через дорогу, дядя с женой, мамин двоюродный брат Петр Данилович. У меня же остались воспоминания о праздниках в Доме писателя на набережной Кутузова. Кроме новогодней елки, отмечали Первое мая. Праздновали с размахом. Были какие-то представления с участием самих детей, встречи с писателями. Хорошо помню Корнея Ивановича Чуковского, который сидел вместе с нами на большом ковре и что-то увлеченно рассказывал. На Новый год в одном из залов

была даже деревянная навощенная горка, по которой мы катались на кусках сукна или войлока. Всегда были хорошие интересные подарки. Однажды на Первое мая всем подарили по сачку, в котором лежал мяч и конфеты. Было очень забавно смотреть, как мы расходимся с праздника с разноцветными сачками. А на новогоднем празднике мы могли даже сами выбрать себе подарок по вкусу. И еще нас непременно кормили обедом в красивом зале со сплошь застекленной стеной. Хорошо, когда приятные воспоминания остаются с тобой на всю жизнь! Но ведь и то, что хотелось бы забыть, иной раз является непрошено...

От того, что я много болела и долго сидела дома, меня отдали учиться к частной учительнице, жившей в одной квартире с моим дедушкой. Это было в двух шагах от нашего дома. До сих пор не пойму, почему дедушка жил отдельно от нас, а главное — от бабушки? С Щемиловки мы переехали в Детское Село, а дедушка почему-то остался там. Потом он сменялся на Лесной проспект, а потом на Матвеевскую, где так и дожил свой век. К сожалению, мамы уже нет и спросить об этом некого. А мне, задним числом, вдруг так стало жаль дедушку, у которого была любимая жена, а он жил бобылем. Приехав из Крыма в Москву, где жили тогда мои родители, чтобы помочь дочери в уходе за ребенком, бабушка так и осталась с нами. Но неужели же у нас не хватило бы места для старика?!

Когда мы жили на Петроградской стороне, мама купила мне сначала чижа, а потом белую крысу. Это было тем удивительнее, что мама страшно боялась мышей. Сперва Анютку держали в клетке, потом мама стала ее выпускать и она свободно бегала по комнате. Через некоторое время ей купили мужа. Крысы очень быстро стали ручными.

Несмотря на то что они были сыты, услышав звон посуды, Анютка спешила на обед. Для того чтобы забраться на стол, она карабкалась по моим ногам, по груди и, забравшись на плечо, шлепалась на стол и бежала к хлебнице. Там она норовила выбрать самый большой кусок хлеба и волокла его к краю стола, чтобы сбросить на пол. Задним числом я удивляюсь маме и бабушке. Обе были чистоплотными и аккуратными хозяйками. С самого малолетства я была приучена к гигиене и никогда не садилась за стол с немытыми руками. И вдруг крысы на обеденном столе! Сомневаюсь, что я позволила бы своим детям такие вольности.

Если отец хорошо себя чувствовал, я приходила к нему за новой сказкой. Правда, сказки он мне читал редко, все больше рассказывал какие-то истории. Помню, как-то он прочел мне сказку «Огниво». Прочел и вдруг сказал: «Да нет, все было совсем не так!» И начал рассказывать свою, совершенно необычную и непохожую на другие, сказку. Там солдат Яшка Медная Пряжка подружился в лесу с чертенятами, с Бабой-Ягой, которая по старости разучилась колдовать и все у нее что-то не то получалось. А еще в лесу жил колдун, которого звали Ю-Ю, потому что однажды он хотел научиться читать, но кроме буквы Ю ничего не выучил. Сказка эта получилась очень длинная. Папа рассказывал мне, как Шехерезада, много, много вечеров. Я все хотела вспомнить ее, записать и предложить в Детгиз, но что-то так и не дописала.

Фантазия отца никогда не отдыхала и всегда была в полном действии. Я думаю, что у него получалось все как-то непроизвольно, само собой. Однажды он мне рассказывал о происхождении видов по Дарвину. Рассказывал, рассказывал, а потом вдруг и говорит:

— А хвосты не у всех людей отвалились. Некоторые еще с хвостами остались. Только хвосты почему-то не гнулись, и люди от этого не могли сесть на землю и им приходилось для своего хвоста делать в земле дыру...

Говорил отец с таким убеждением, что я была в полной уверенности, что это продолжение Дарвина, и много лет верила в эту «гипотезу»!

ОБРАТНО В ДЕТСКОЕ СЕЛО!

Впрочем, когда мы сюда возвратились, оно стало уже называться городом Пушкином. Дело в том, что, кроме всяких простуд и ячменей, я стала задыхаться. Вернее, я никак не могла вздохнуть до глубины. Сделали рентген, но в легких ничего не обнаружили. И все же врач, теперь уже из-за меня, посоветовал вновь переменить климат. И вот летом тридцать восьмого мы наконец вернулись. Я была очень рада, словно

оказалась на родине. Нам посчастливилось. Путем тройного обмена мы получили пятикомнатную квартиру со всеми удобствами. Правда, комнатки были совсем маленькие — самая большая 12 кв. м, папина 8, моя 9, балконная 8 или 9, и четырехметровая, из которой была сделана библиотека со стеллажами. Третий этаж, балкон. С балкона виден кусочек улицы 1-го Мая. Окна папиной комнаты и библиотеки выходили во двор кинотеатра «Авангард».

Вновь обретя свободу, я бегала до самого вечера, играя с новыми подругами или катаясь на самокате. У нас было столько интересных игр, что, не позови нас родители домой, мы, наверное, бегали бы всю ночь. Я была очень живым ребенком и игры предпочитала подвижные, а мои друзья вечно просили меня что-нибудь рассказать. Со мной много занимались родители, особенно отец, и по развитию я превосходила своих сверстников. Зимой я увлекалась лыжами и финскими санями. А когда было уж чересчур морозно, играла дома. В ту пору в магазинах было уже много игрушек, и мама часто радовала меня подарками. Кстати, при переезде мамы не было. Она уехала в Старую Руссу на грязи. После того как мы были в Толмачеве и она по утрам ходила босиком по росе, у нее начался ревматизм, опухла одна стопа.

Отец переехал в Пушкин уже на своих ногах и даже выходил иногда посидеть во дворе или сквере, который был против нашего дома. Один раз мы были с ним даже в Екатерининском парке, а однажды пошли в игрушечный магазин. Мне очень хотелось иметь игрушечное пианино или рояль, какие я видела у девочек. У отца был хороший музыкальный слух, и он, постучав по клавишам рояля, сказал, что он никуда не годится, и купил мне деревянный ксилофон. Он даже научил меня нескольким мелодиям.

В зимнее время, по вечерам, мама брала финские сани и вдвоем с бабушкой выходила прогуляться. А папа в это время занимался со мной. Иногда мы рисовали или лепили из пластилина, но чаще всего отец мне что-нибудь читал. Делал он это артистически. Я очень любила страшные истории, и он довольно часто обращался к гоголевским «Вечерам на хуторе близ Диканьки».

Когда мы жили в Пушкине, отец купил в комиссионном

магазине старую скрипку. Ее отреставрировали, и когда он хорошо себя чувствовал, то играл на ней. Мама умела играть на гитаре. У меня был бубен, кастаньеты и треугольник. Помню, однажды мы устроили небольшой концерт. Это было очень здорово, но, к сожалению, повторения не последовало... Бабушка умела играть на цитре и гармони, но своего умения ей приложить было не к чему.

Как я уже говорила, знакомых у нас бывало мало. Но зато иногда появлялись какие-то нежданные посетители. Несколько раз приезжал дрессировщик медведей Васильев, о котором я уже упоминала. Приезжали начинающие писатели, изобретатели, студенты. И хотя отец был практически лежачим, неожиданным гостям никогда не отказывал в приеме. Он удивительно умел находить контакт и тему, интересующую его гостя. Но как-то так поворачивал, что невольно обращались к теме, которая интересовала его самого.

Как-то из пушкинской спецшколы, которая размещалась в помещении бывшей гимназии, где когда-то работал поэт Иннокентий Анненский, пришла группа трудных подростков. Их руководитель предупредил отца заранее, чтобы он убрал с письменного стола все мелкие предметы. Отец не сделал этого, но все осталось на местах. Не знаю, о чем он говорил с детьми, но тишина стояла такая, словно там все уснули. Отец очень любил детей и всегда находил к ним подход. О действенности его убеждений свидетельствовал наглядный пример. Я как-то рассказала отцу, что в нашем дворе есть два хулигана, которые не дают играть девочкам. Стоит нам собраться, как они являются и разгоняют нас. Отец попросил, чтобы я пригласила к нему этих ребят. О чем отец говорил с ними, я не знаю, но ребят словно подменили. И с тех пор мы даже играть стали вместе. Потом один из них, Сергей, стал даже бывать у меня в гостях и вел себя на удивление скромно.

Однажды к отцу пришла группа подростков из пушкинской санаторной школы «Дружба». Старшеклассники решили поставить спектакль по папиному роману «Голова профессора Доуэля» и пришли посоветоваться с отцом. Он очень заинтересовался и просил показать ему несколько отрывков, тут же поправляя их и объясняя, как лучше сыграть

тот или иной кусок. На спектакль нас пригласили всей семьей, но пошли мы только вдвоем с мамой. В то время автобусы не ходили, а добраться пешком отец не мог. О мастерстве юных артистов судить я не могла, но спектакль мне очень понравился.

Так как болезни не оставляли меня и я частенько отсиживалась дома с простудой, мне опять наняли учительницу. Только теперь она приходила к нам. Лишение более близкого контакта с детьми и взаимоотношений с ними дали плохие результаты. В дальнейшем мне было очень трудно входить в коллективы. Я почти всегда ощущала свою обособленность. Была «я» и были «они». И это не потому, что я чувствовала свое превосходство, а просто я не умела приблизиться до конца. И это при том, что я была контактна и общительна.

В Пушкине на праздники у нас тоже никто не собирался, разве что мамин брат приедет или дедушка. Никуда не ходили и мои родители. Отцу еще трудно было долго находиться на ногах, да и сидеть в ортопедическом корсете не легче. Частыми гостями у нас были только двое: молодой ученый Валентин Сергеевич Стеблин, который мог часами говорить с отцом о своей научной работе, и был врач-эндокринолог, с которым нас познакомил мой дедушка. У него на работе один мужчина долго и безрезультатно лечился от какой-то болезни, но, наконец, нашел замечательного доктора, который его вылечил. Так как отец часто болел, дедушка посоветовал ему пригласить Евгения Георгиевича. Александр Романович был очень мнителен, а Евгений Георгиевич стал на него очень хорошо влиять. И вообще он стал лечить всю нашу семью. А потом мы стали хорошими друзьями. Его жена была оперной певицей и часто приглашала маму на свои спектакли. Бывали мы и у них в гостях. Они жили рядом с Пушкинским театром. Евгений Георгиевич был человеком необыкновенной судьбы. Он был испанским графом с фамилией Дель-Торо Кюинеерсте. Хотя он был ровесником отца, выглядел намного моложе — черноволосый и черноглазый. Даже в своем возрасте был очень привлекателен. Его родители были, видимо, очень строги, так как отдали его в учение собственному повару. Строгость для графов, прямо

скажем, странная! Обращались с ним так плохо, что он бежал из собственного дома. Куда он шел, он и сам не знал, лишь бы подальше от родного крова. В Испании шла война, и он неожиданно оказался в зоне военных действий. Бросился бежать в обратную сторону, защищая поднятыми руками голову. От смерти это его спасло, но он получил несколько ранений. Правая рука была ранена навылет. Были еще какие-то ранения, но самое страшное, что две пули остались в его теле. Ту, что застряла в шейных мышцах, ему удалили. А вот вторая осталась навечно возле сердечной сумки, вызывая сердечные приступы с потерей сознания. Оперировать в те времена, когда мы с ним познакомились, никто не решался. До операций были еще десятилетия. Что стало с ним дальше и как он в конце концов попал в Ленинград, я не знаю. Но жизнь его всегда была полна неприятных неожиданностей. Даже в малом. Помню, он как-то у нас обедал. Ели цветную капусту в сухарях, и вдруг Евгений Георгиевич, вскрикнув, выплюнул себе на ладонь какой-то маленький блестящий предмет.

— Что там? — с тревогой спросила мама.

— Да вот тут, оказывается, винтиками кормят... — проговорил он, словно в раздумье, и протянул вперед руку. На его ладони действительно лежал обыкновенный, еще новый винтик.

А еще помню, мы как-то с мамой у них обедали. На обед была тетерка. Я незадолго до этого переболела аппендицитом. Обошлось, правда, без операции. Кстати, меня лечил Евгений Георгиевич. Но я, напуганная болезнью, стала бояться проглотить что-нибудь такое, что могло бы попасть в аппендикс. Видя, что я очень внимательно рассматриваю дичь, Евгений Георгиевич успокоил меня. Он сказал:

— Не беспокойся, вся дробь будет в моей тарелке!

Он не ошибся, кроме него, никто не нашел ни одной дробинки!

Случались и более неприятные истории. Так, однажды вечером по дороге к больному он споткнулся и упал. Дело было где-то на окраине. Видимо, на какой-то момент он потерял сознание. А когда открыл глаза, над ним что-то прогрохотало. Оказалось, это был трактор! На улице было полу-

темно, или вовсе темно, так что тракторист его не заметил. На счастье Евгения Георгиевича, трактор ехал очень ровно и не задел его. Была и еще одна история, едва не стоившая Евгению Георгиевичу жизни. Он ехал на такси к больному, и, кажется на Фонтанке, у их машины отвалилось колесо, и они врезались в парапет. После чего Евгению Георгиевичу пришлось оказывать первую помощь шоферу. Сам он не пострадал. После войны, когда мы нашли его, он писал, что его как «иностранца» собираются выслать из Ленинграда. Но он ходит и хлопочет, чтобы его оставили. На родине он не был с детства.

Там, наверное, не осталось никого в живых. Наша переписка с ним оборвалась, и мы ничего не знали о его судьбе. Но когда вернулись в Ленинград, я, бродя по Никольскому кладбищу, набрела на его могилу с красивым памятником из черного мрамора. Стало быть, он обманул органы, оставшись до конца жизни в городе, который стал для него родным. Могилы его жены рядом не было, и я ничего не знаю о ее судьбе.

Как-то отца посетил один изобретатель, пришедший со своей женой. Он принес отцу статью о своем изобретении. А изобрел он какие-то необыкновенные патефонные пластинки с нанесенными на них значками различной формы: кружками, квадратиками, треугольниками, точками и тире, которые соответствовали определенным звукам или даже музыкальным фразам. Каким должен был быть проигрыватель для них и какое преимущество было у этих пластинок перед обычными, я уже не помню. Отца очень заинтересовало это изобретение, и он попросил автора оставить ему материал для более тщательного изучения. Александр Романович высказал предположение, что, возможно, он использует эту идею в каком-нибудь произведении. Вдруг присутствовавшая при этом разговоре жена изобретателя сказала:

— Бывают такие! Знакомятся с чужой работой, а потом выдают ее за свою!

Всем стало неловко. Изобретатель даже покраснел от смущения и не нашел слов, чтобы сгладить бестактность своей жены.

Писал отец очень быстро и много. В голове у него, как он сам признавался, всегда было столько идей, что если бы он

мог, как герой его рассказа доктор Вагнер, не спать, он бы, наверное, писал и ночью. Творческих мук, по всей вероятности, он не испытывал и к тем, кто вымучивал каждую строчку, относился с сожалением и юмором.

Как-то у нас дома шел ремонт и отец на месяц перебрался в Дом творчества, который находился в Пушкине в бывшем доме Алексея Толстого около Лицейского сада. Помню, отец рассказывал, что однажды, придя вечером в номер, услышал, как за стеной кто-то ходит взад и вперед. Постоит и опять начнет ходить. И будто стонет или тяжко вздыхает. Отец решил, что у соседа болит зуб, и посочувствовал ему, так как и сам нередко страдал от зубной боли. На второй и третий день повторилось то же самое. «Чего он не вырвет этот зуб?» — подумал отец с удивлением. В конце концов отец не выдержал и решил справиться о своем соседе у горничной. Она ответила с почтением в голосе:

— Писатель он. Сочиняет!

Окончив рассказ, отец заметил с мнимым уважением:

— А сочинять-то, оказывается, трудно!

В детстве я не задумывалась над творчеством отца. Ну, пишет и пишет... И только став взрослой, поняла и оценила его труд. Были молодые и здоровые писатели, которые корпели над одной книгой по году. Из своих наблюдений я знала, что больные мужчины гораздо нетерпеливее женщин. Стоит им заболеть ангиной или гриппом, как они чувствуют себя самыми несчастными. А ведь у моего отца был костный туберкулез и он месяцами был прикован к постели и видел перед собой только стены своей комнаты! От одного этого можно было впасть в уныние.

Как-то я смотрела интересный киножурнал об одном научном эксперименте. К сожалению, я не помню ни фамилии врача-экспериментатора, ни названия фильма. Ради эксперимента здоровый, молодой человек уложил себя на месяц в постель. Подумать только, всего на месяц! Сначала он активно работал: проверял и правил свои работы, читал научные труды. Через какое-то время он стал рассеян, не мог сосредоточиться. Быстро уставал. От научных работ перешел к чтению художественной литературы. Потом серьезные книги тоже стали его утомлять и он обратился к детективам, но и

они навевали на него скуку. Я смотрела этот фильм и невольно вспоминала отца. Мне было непонятно, как он, лежа месяцами без движения, сохранял внутреннюю энергию, живость мысли, интерес к окружающему миру и, наконец, работоспособность. Писал он ежедневно по нескольку часов в день. И только когда умудрялся простыть и схватить насморк, делал себе выходной, заявляя при этом:

— Больной заболел.

И, несмотря на это, я не помню, чтобы у него когда-нибудь было плохое настроение. Лежа в постели, он руководил моими играми, придумывал всякие забавы. Он научил меня вырезать из бумаги красивые салфеточки и смешных человечков и любимых чертиков. А то рисовать со мной сядет. Нарисует кривую линию или крючочек и предлагает мне что-нибудь дорисовать самой.

В те годы иностранным языкам уделяли мало внимания. Ну, учили в школе, но как-то несерьезно. А детям всегда хотелось говорить на каком-то непонятном другом языке. Не прошло это и мимо меня. Кто-то придумал такой язык: делить слова на слоги и после каждого прибавлять «рун» — ярун хорун чурун и т.д. Или впереди слога ставить «нака»: накая накахо накачу... и т.д. Я об этих языках рассказала папе, а он сказал мне, что есть более интересный язык: надо слово разделить пополам и поменять местами начало и окончание. К примеру: комар — марко. Хочу — чухо и т.д. Мне этот язык очень понравился, и я быстро освоила его. Потом научила подруг. Говорили мы очень бойко, но, как ни странно, понимали друг друга плохо... Потом отец научил меня концертному номеру угадывания предметов с завязанными глазами или стоя спиной к зрителям. Он мне рассказал историю этого номера.

Когда отец был еще студентом, он пошел на концерт известного фокусника, который угадывал предметы, предлагаемые зрителями, стоя к ним спиной. Его помощник ходил по рядам и собирал предметы, после чего начинал задавать вопросы «маэстро». Спрашивал быстро, не ожидая ответа. А когда умолкал, фокусник безошибочно называл предмет. Номер имел у зрителей большой успех. Артистам хлопали, кричали бис и вызывали снова. Отца заинтересовал этот номер, и он захотел разгадать его. Для этого отцу потребовалось несколько концертов. Внимательно прислушиваясь к задаваемым вопросам, он обратил внимание, что они однотипны и постоянно повторяются. Из этого следовало, что шифр был в самих вопросах. Причем ответить, какой предмет в руках у помощника, артист мог только после последнего вопроса. Тогда отцу пришла мысль, что ключ не в самой фразе, а только в первой букве первого слова каждого предложения. Проверив это, он убедился, что прав. Предметы, которые предлагали зрители, были тоже однотипными: носовой платок, очки, билет, кошелек и т.д., но, в сущности, их было не так уж и много. Поэтому можно было пользоваться одинаковыми вопросами и даже фразами. К примеру, у помощника были в руках очки. В этом случае он задавал, примерно, такие вопросы: Отчего вы молчите? Что вы можете сказать? Как это называется? Итак, что это такое?

Удовлетворив свое любопытство, отец решил подшутить над артистами. Собираясь на следующее представление, он взял с собой маленькую фигурку Наполеона. Когда помощник стал ходить по рядам и собирать вещи, отец протянул ему статуэтку. Необычный предмет смутил артиста, он явно не хотел брать его и сделал вид, что не заметил протягиваемой ему руки. Но отец настойчиво тянул руку и, когда артист прошел мимо, спросил нарочито громко:

— А почему вы у меня не берете? — чем обратил на себя внимание зрителей. Артисту ничего не оставалось, как взять Наполеона и начать задавать вопросы. Делал, он это несколько медленнее, чем обычно, с паузами, так как предмет был нестандартным, да еще имел столько букв! Отцу казалось, что все зрители уже разгадали этот фокус, но ошибся. Даже после того, как помощнику пришлось подсказать «ясновидцу», что это статуэтка, восхищение зала не уменьшилось, а, наоборот, возросло.

Вот этому фокусу и научил меня папа. И когда ко мне приходили подруги, мы демонстрировали им свое мастерство. Даже спустя 30—40 лет этот фокус вызывал удивление и восторг.

Мне очень хотелось, чтобы отец написал если не роман, то хотя бы рассказ о приключениях наших дворовых ребят, в

том числе и обо мне. Отец пообещал и даже начал уже фантазировать о том, как мы попали в таинственные пещеры, встретились с какими-то невиданными зверями и так далее и так далее... Думаю, что ему было бы и самому интересно писать об этом, реализуя свои детские несбывшиеся мечты. К сожалению, своего замысла отец так и не успел реализовать, помешала война. Но о ребятах он много думал. Когда мы жили в Пушкине, отец предложил для парка проект плацдарма для военных игр. Там предполагалось вырыть окопы, установить орудия. Ребят, участвующих в военных играх, одеть в военную форму. Выдать им оружие, естественно, не настоящее. Одним словом, нечто вроде современной игры «Зарница», только с постоянным местом боев. Как отнесясь к его проекту в отделе культуры, мне неизвестно. Потом началась война и стало не до игр... Им был также предложен проект «парка чудес», отзыв о котором был написан Любовью Константиновной Циолковской и опубликован в пушкинской газете «Большевистское слово» в 1939 году.

Сделал как-то отец для маленьких ребят интересное лото. Рисовал сам. В собранном виде это был круг, по которому были нарисованы звери. Половина зверя на одной карточке, половина на другой. Но самое интересное было, пожалуй, то, что, когда совмещали половинки разных зверей, они хорошо совпадали, отчего получались сказочные, невиданные звери. Это было даже интереснее, чем собирать по правилам. Например, у кота мог вырасти петушиный хвост. А у крокодила он загибался по-собачьи. Получался и бегемототигр и зеброзаяц. Отец предложил это лото для издания, но его почему-то не приняли. А через некоторое время появилось подобное лото в продаже, но было оно не таким интересным, так как сказочных зверей не получалось — половинки совпадали только со своей парой. Думаю, что отец мог бы это обжаловать, если, конечно, у него остался подлинник игры.

Меня даже в детстве очень удивляло, что отец так невнимателен к окружающему его миру. Видимо, его ум, помимо его воли, всегда был занят творчеством.

Как-то ко дню рождения мне сшили новое платье. Из сатина. Но в тридцатые годы и это было событием. Материал

было трудно достать, выстаивали часами. Я даже помню, что оно было темно-синее с белыми колечками. Надела я его и пошла к отцу. Захожу и спрашиваю:

— Ну, как?

— Что? — не понимает он.

— Посмотри, — выпячиваю я грудь, — видишь?

— Тебя вижу.

— А платье?

— И платье вижу.

— Красивое?

— Красивое.

— Новое, — объясняю я.

— В самом деле? — удивляется отец.

Да что говорить обо мне, если он никогда не замечал, во что одета мама. Иногда она пыталась спросить у него совета, что ей лучше надеть в театр, на что он ей шутливо и неизменно отвечал:

— Во всех ты, душечка, нарядах хороша!

Не помнил он и дней рождения. Как-то и я забыла о мамином дне рождения и ничего не приготовила. Прибегаю к отцу и говорю:

— Папа, а ведь мама сегодня родилась! А у нас нет никакого подарка.

Папа удивился и пришел в замешательство. Спрашивает меня, что будем делать. Я говорю:

— Давай за цветами сходим. — Он тогда уже выходил на улицу. Повела я его в оранжерею. Мама 28 сентября родилась. В это время обычно астры и хризантемы цветут. А тут — ничего! Пошли мы с ним в галантерею и купили какие-то дешевые духи или даже одеколон. А вот Евгений Георгиевич приехал из Ленинграда с большим букетом хризантем! Обидно. Конечно, не за то, что цветы привез, а за то, что отец ничего не сумел придумать. Для меня в то время это было естественным. Я вроде бы ничего и не ждала другого от отца. А теперь вот думаю. Интересно, когда он до женитьбы ухаживал за женщинами, неужели и тогда не дарил подарков? Не радовал цветами? С мамой они в трудное время поженились, и вроде бы так само собой и должно было быть, что у невесты даже букета цветов не было. Хотя, если бы у

отца была такая цель — достать цветы, то, наверное, можно было бы. Ну да ладно, это их жизнь. Как прожили, так и прожили...

У отца было много поклонников и много желающих познакомиться с ним. Но не все были бескорыстны. Помню, однажды отец получил письмо от студента какого-то вуза, который писал, что может предложить отцу несколько интересных тем, но за деньги. Отец ответил ему, что у него самого столько тем, что он мог бы сам с кем-то поделиться. Ввиду этого денег не выслал.

Хотя то, о чем я сейчас рассказываю, написано много лет тому назад и, стало быть, зафиксировано в рукописях, я сбилась с хронологии. Но, поскольку это не исторический роман и не официальный документ, надеюсь, что читатели простят меня. Да, собственно говоря, это не так уж и важно.

Итак, мама пишет в своих воспоминаниях, что отец заболел во время финской войны. Я же считаю, что это было в сороковом. Но не буду больше ломать свою голову.

У отца обнаружили камни в мочевом пузыре и положили его в областную больницу на операцию. Обыкновенные люди не могут даже представить себе, что может прийти в голову писателю с буйной фантазией. Операция предполагалась под местным наркозом. Узнав об этом, отец попросил установить над ним зеркала, чтобы он мог наблюдать за операцией.

В больнице он познакомился с мальчиком из детского дома, у которого не было родных. По рассказам отца, мальчик был похож на растрепанного воробья. Звали его Гошей. За то время, что они находились вместе, Гоша очень привязался к отцу и жалел, что придется расставаться. И тут отцу пришла в голову нелепая мысль — усыновить Гошу! Почему нелепая? Да потому что у мамы и так еле хватало душевных и физических сил. Думаю, что у нее хватило бы здравого смысла не делать этого. Но он, не посоветовавшись с ней, сказал о своем решении Гоше. Но сбыться этому было не суждено. Когда во время войны поезда перестали ходить, мы потеряли Гошу. Помню только, что в последнем своем письме он высказывал обиду на отца за то, что тот не выполнил своего обещания. Не сбылись и мои мечты о брате.

Из-за своей болезни отец соблюдал режим дня. Утром мама приносила ему ацидофильную простоквашу, которую делала специально для него. В девять часов отец поднимался. Брился, умывался. В половине десятого завтракал. Если он хорошо себя чувствовал, то приходил к нам в столовую, где ждала его я. Мама и бабушка к этому времени уже позавтракали. Отец ел быстро, обжигаясь горячим кофе. Мама ругала его за это, но бесполезно. Привычка пить горячее появилась у него, когда он служил присяжным поверенным, и ему приходилось успевать поесть во время короткого перерыва. Когда его болезнь обострялась и ему становилось трудно сидеть, мама приносила ему завтрак в постель, где он съедал его, не вставая и даже не садясь. Долгие месяцы лежачей жизни научили его приспосабливаться.

В десять часов он принимался за работу: писал очередное произведение или статью для местной газеты. По возвращении в Пушкин он снова стал сотрудничать с газетой «Большевистское слово». Иногда он печатал сам, но чаще диктовал маме. Работал до часу дня. В час дня у него был второй завтрак. Отец съедал два яйца всмятку или яичницу. Иногда ел протертую овсянку или творог. Ему приходилось быть аккуратным в еде. После второго завтрака отдыхал — спал часа полтора. Потом вновь принимался за работу. Обедали мы в четыре. После обеда он никогда не писал. И все послеобеденное время уходило на письма и чтение газет и журналов. В восемь вечера у нас был чай, после которого отец занимался со мной. Исключением были только его болезнь или приход гостей.

В тридцать девятом стояло жаркое лето. Я с девочками из нашего двора бегала за мороженым. Съела стаканчик, а потом купила для мамы и бабушки, но они почему-то отказались. Мне пришлось съесть обе их порции. На другой день я проснулась с высокой температурой. У меня началась ангина. А потом, почти без перерыва, заболевание перешло в брюшной тиф. После него у меня вдруг стало болеть и опухать левое колено. Почуяв недоброе, отец решил, что меня надо показать врачу костнотуберкулезного диспансера, который находился в Софии — окраине Пушкина. Он договорился по телефону с главврачом, и на другой день мы: отец,

мама и я — отправились туда. Идти пришлось пешком, хотя это и далековато. Но ничего, и я, и отец дошли.

Меня посмотрел врач и посоветовал сделать рентген. После того, как снимок был сделан, заведующая отделением предложила нам пройти по палатам и познакомиться с лечащимися здесь детьми. Папа отправился к мальчикам, а мы с мамой к девочкам. Палата, куда нас привели, была огромная и светлая. Койки стояли в несколько рядов. Думаю, что их было там не менее десяти. Только у одной девочки была нога в гипсе, и она, сидя, что-то вязала. У остальных был туберкулез позвоночника, и они все лежали на спине, без подушек. Так как все были коротко острижены, я сначала приняла их за мальчиков. Пластом лежавшие дети произвели на меня удручающее впечатление, или, вернее, я была испугана и потрясена увиденным. Одна из девочек спросила меня с интересом, не новенькая ли я? Этот вопрос меня испугал. «Нет, нет», — поспешно ответила я и отказалась идти в другие палаты. Мой испуг, который, по всей вероятности, отражался на лице, явно удивил врача. Он никак не мог понять, почему я отказалась идти в другие палаты, и все спрашивал: ну почему? Почему? Как мне было объяснить свое смятение? Наверное, я и сама не могла бы объяснить причину. А дело было в том, что я просто не хотела, не могла видеть детей, прикованных к кровати болезнью. Всю дорогу домой я не могла выйти из шока и несколько раз спрашивала маму, не собирается ли она положить меня в этот диспансер.

На другой день отец позвонил в диспансер и осведомился о результатах рентгена. Врач ответил ему, что снимок ничего не показал. Но так как нога продолжала болеть, он посоветовал меньше бегать. Задача для живого, подвижного ребенка, прямо сказать, непосильная.

Выходя из дома, я обещала, что не буду бегать, но, оказавшись во дворе, сразу забывала о данном обещании. Двор манил играми, которые не кончались до самого вечера. Правда, после обеда мне становилось трудно бегать и колено еще больше отекало. Второй снимок тоже не дал результатов. Приходилось играть в сидячие игры или что-то рассказывать своим друзьям из нашего двора. Мои сверстники мало читали, впрочем, как и я сама, но зато я многое узнавала от отца.

Только третий снимок, сделанный 19 апреля сорок первого, показал, что у меня туберкулез синовиальных ямок левого колена. После этого мне сделали лубки на колено и я слегла... Когда я была уже взрослой, мама рассказала мне, что, когда отец узнал о диагнозе, он плакал. Отец считал, что моя болезнь наследственная, а поэтому чувствовал себя в какой-то мере виноватым.

Я считаю, что больные не должны отказываться от счастья, просто им нельзя иметь детей. Это, конечно, грустно, но все же лучше, чем чувство вины перед собственным ребенком.

Вернусь немного назад. После того, как отец поговорил с двумя нарушителями, не дававшими играть девочкам, мы с ними подружились. А Сережа вообще оказался неравнодушен ко мне, о чем я узнала во время игры в почту. Мне он тоже нравился, но моя врожденная скромность не позволяла мне признаться в своих чувствах, и я все обещала, что отвечу потом. Так он и не узнал, что его симпатия взаимна. Кстати, моя зажатость в дальнейшем превратила меня по отношению к мужчинам в дикарку. Даже когда я влюблялась, я всегда боялась показать свои чувства.

Для меня так и осталось загадкой, какими словами отец мог так повлиять на ребят, что они резко изменили свое отношение к девочкам? Мама говорила, что отец так любил детей, что не замечал каких-то недостатков. Как-то они с мамой встретили небольшого мальчика. Выглядел он очень неопрятно, а главное, у него текли сопли. Но отец, посмотрев на него, вдруг сказал, обращаясь к маме:

— Посмотри, какой славный малыш!

Так вот, как-то всей компанией — человек шесть или семь — мы отправились в Екатерининский парк. Вход был платный, но мы, прокричав что-то вроде «банзай», прорвались через кордон — двух женщин-контролеров. Вдогонку нам донеслось:

— Какие теперь хулиганистые дети!

Конечно, это было нехорошо. Но что бы они сказали о детях двадцать первого века? Прошлой осенью я шла домой, а передо мной шла пожилая женщина. Неожиданно у нее развязался шнурок на обуви, и она наклонилась, чтобы завя-

зать его. Неизвестно откуда взявшийся подросток догнал ее и поддал коленкой под зад! Женщина упала, разбив при этом руку, а маленький стервец побежал, выкрикивая на ходу: «Бабка-Ешка, бабка-Ешка!»

Мне кажется, что я не только зрительно представляю себе нашу прогулку по парку, но и ощущаю запах летней зелени и прудов, слышу веселое щебетание птиц в парке.

Мы прорвались сквозь Красные ворота, в которых тогда пекли булочки и их вкусный запах разносился далеко по округе.

Когда мы вошли в парк, Валентин, брат моей подруги Лиды, предложил бег на приз — кривой пиратский нож, который он вырезал из дерева. Не успела я оглянуться, как мальчишки «вышли на дистанцию». Крикнув: «А как же я?» — бросилась за ними, перегнала и пришла первой, выиграв приз. Кто-то из ребят был этим очень огорчен, а я горда тем, что перегнала мальчишек.

Я почему-то хотела быть мальчиком и летом носила короткие спортивные шаровары из синего сатина и футболку. И стригли меня коротко. Очень любила лазать по деревьям. И когда мы приходили с бабушкой в парк, она давала мне волю. Стоило мне только дотянуться до первого нижнего крепкого сучка, и я была уже наверху. Это, наверное, смешно, но я и в тридцать лет, несмотря на анкилоз колена, забиралась на дерево. Даже сейчас, проходя мимо развесистого дерева, я думаю о том, что на него было бы легко залезть.

Когда мы вернулись из дальних странствий, я не раз бывала в Пушкинских парках, но увы, детской радости уже не было. Вместо нее появилась грусть о невозвратно ушедшем детстве и родном доме.

Как жаль, что детство не вернется.
Уплыли детские года.
Как раньше, так уж не смеется,
И радость уж совсем не та...

Бабушка давно страдала сердцем. Должно быть, еще с молодых лет. Не знаю, что именно у нее было, так как в то время любые сердечные болезни называли пороком сердца. Незадолго до войны ее здоровье ухудшилось. Почти ежедневно у нее были сердечные приступы. Всю нашу семью ле-

чил Евгений Георгиевич, но, как мне помнится, кроме валерианы и нитроглицерина во время приступов бабушка ничего не принимала. Неожиданно отец, проявив заботу, предложил, чтобы разгрузить бабушку, брать обеды в диетической столовой, которая была в пяти минутах ходьбы от нашего дома. Купили судки, а меня обязали ходить за обедом. Казалось, даже отец, разбиравшийся в еде, был доволен. Взбунтовалась сама бабушка, которую чем-то не удовлетворяла столовская еда. И вновь занялась своим хозяйством.

Задавшись мыслью чем-то помочь теще, отец предложил нанять прислугу. Так появилась у нас Татьяна — «луковое горе». Она была дочерью мужика, у которого мы всегда покупали дрова. Он привозил их из деревни. Колол и в сарай складывал. Не знаю, сохранились ли в наше время такие темные селяне, какой была Татьяна. Она не знала элементарных вещей. Помню, бабушка сказала ей, чтобы она вымыла плиту, на которой стояли керосинки. У Татьяны даже глаза вылезли из орбит от удивления.

— Плиту мыть? — переспросила она.

— Ну да, — подтвердила бабушка.

— А разве их моют?

— Моют, моют!

Несмотря на молодость — а было ей лет 17—18 — и хорошее здоровье, была она нерасторопна или просто ленива. Не было в ней и застенчивости деревенской жительницы, попавшей в город. Как-то бабушка велела ей перебрать гречу для каши, но она проигнорировала это. Не заметив этого, бабушка сварила кашу. Я тогда еще лежала после тифа, и Таня принесла мне обед в постель. Ем и все плююсь. Спрашиваю бабушку, почему каша такая сорная. Бабушка отвечает, что крупу чистила Таня. Тут и выяснилось, что думает об этом Таня. А думала она, что дома они никогда крупу не чистят.

Брат ее учился в ремесленном училище в Пушкине и почти каждый выходной навещал ее. Сидят они в столовой и о чем-то беседуют. Бабушка говорит ей, что делать надо, а она только отмахивается: да ладно, сделаю — и продолжает болтать. А потом стала еще по вечерам на «гулянку» ходить. Не знаю, познакомилась ли она с кем или одна бродила. Как-

то возвращается домой поздно вечером, с большим букетом сирени. Двери ей почему-то отец открыл. Спрашивает ее:

— Подарили?

— Ну да, прямо, сама наломала!

— И где же?

— Да в каком-то саду! — отвечает она, смеясь.

Отец стал ей объяснять, что тут не деревня и у нас не принято рвать сирень в чужом саду. А она только смеется:

— Да ладно вам...

А однажды вообще после двенадцати пришла. Мы довольно рано ложились спать, и маму с бабушкой сморил сон, и отец остался за привратника. Когда она вернулась, он сделал ей хорошее внушение, но все равно бабушка решила с ней расстаться. Она сказала, что Татьяна ей не помогает, а мешает. За ней все время надо следить и проверять, так ли она сделала. Ну и опять все вошло в свое русло...

Вспоминается мне одно необычное знакомство. Несмотря на свой почтенный возраст, так я тогда считала, а отцу шел только 54-й год, отец оставался на редкость любознательным и даже любопытным. Не знаю, где он выкопал этого старика, только стал к нам ходить высокий, дородный, лет 70 старик, которого отец прозвал за глаза Ахалай-Махалай. Слова эти отец когда-то слышал из уст фокусника, который произносил их перед тем, как что-нибудь извлечь из волшебного цилиндра.

Так вот, Ахалай-Махалай обладал якобы чудодейственной силой, способной исцелять многие болезни. Сила была в его руках. Он называл это магнетизмом, который можно было проверить на приборчике, который он принес с собой. Приборчик напоминал компас. У него была магнитная стрелка, насаженная на заостренный металлический стержень, в круглую деревянную подставку были вставлены четыре вертикальных палочки. Вот и все. Сила магнетизма определялась быстротой вращения стрелки. Делалось это так: Ахалай-Махалай обхватывал «компас» двумя руками, соединяя их концами пальцев у запястья. У одной руки большой палец находился вверху, у другой внизу. Как только круг замыкался, стрелка начинала вращаться. Когда он менял положение рук, стрелка начинала вращаться в обратном направлении. Причем вертелась так быстро, словно работала от двигателя. Он предложил сначала отцу, потом мне проверить свой магнетизм. У меня стрелка тоже вращалась, но совсем медленно. Так вот, этот старик рассказал, что он вылечил себя от аппендицита. А дело было так. Привезли его в больницу с острым приступом, но операцию отложили до утра. Зная о том, что в его руках таится некая сила, Ахалай-Махалай положил свои руки на живот и продержал их так до утра. Сначала боль была острой, но постепенно стала стихать и, наконец, совсем прекратилась. А утром, когда пришли врачи и осмотрели его, никакого аппендицита не обнаружили. Так и выписали его. Лечил он и других. У отца был застарелый спондилит. Естественно, что надежды на излечение не было никакой. Да и не мог отец верить в такие чудеса. Но испытать действие магнетизма хотел. Метод был очень похож на массаж. Отец ложился на живот, а целитель клал на его спину ладони. Когда он начинал ощущать в пальцах покалывание, медленно спускал руки к ногам. Потом, словно снимая или стягивая со ступней, производил кистями рук стряхивавшее движение, при котором неизменно раздавался звук электрического разряда. И так проделывал это в течение 15 минут несколько раз. Отец уверял, что после сеанса боли в спине значительно уменьшались. Он посоветовал мне попробовать такое лечение. А я, несмотря на свой возраст, относилась к подобному лечению скептически. Мне было даже стыдно за отца, что он говорит об этом серьезно. Тем не менее, я согласилась. Абсолютно не веря даже отцу, я была удивлена, почувствовав от прикосновения рук старика легкое покалывание, как от слабого тока. Когда же он спускал руки, покалывание тоже двигалось вниз. И, так же, как у отца, следовал электрический заряд. И все ж таки от последующих сеансов я отказалась. Потом Ахалай-Махалай перестал ходить и к отцу.

В 1940 году из Одесской киностудии приехал в Ленинград кинорежиссер Ростовцев. Его задачей было привлечение ленинградских писателей к работе в кино. Отец предложил ему свой последний, еще тепленький, роман «Когда погаснет свет». Ростовцеву роман понравился. Было решено, что сценарий они будут писать вместе. Места у нас в кварти-

ре было достаточно, и мама предложила Ростовцеву поселиться на время работы над сценарием у нас, чтобы не тратить время на поездки. Началась совместная работа, но Ростовцева все что-то не устраивало. Отец без возражений исправлял, сокращал или что-то добавлял в сценарий. А мама, сидевшая тут же за машинкой, перепечатывала. Когда работа над сценарием закончилась, Ростовцев уехал в Ленинград, чтобы прочесть его. Вернулся он смущенный. То, что получилось после его правки, не понравилось никому, и он спросил отца, не осталось ли у него еще одного экземпляра. Экземпляр нашелся, и уже по нему был написан новый сценарий. Довольный Ростовцев увез его в Одессу. Отец только успел получить аванс, как началась война. Связи больше не было, и на этом все кончилось...

После войны мама написала на Одесскую киностудию, надеясь узнать о судьбе принятого к производству сценария. Но никто не мог ответить ей ничего определенного. Архив не сохранился, не осталось и старых сотрудников. Собственно говоря, это и было ответом — сценарий бесследно исчез...

Когда началась война, мне не было и двенадцати лет. Известие о войне не испугало, ведь я знала о ней только по рассказам мамы и не могла представить себе всех невзгод и лишений, которые предстояло нам пережить. Думаю, что меня не осудят, если я скажу, что для меня и моих сверстников в этой перемене жизни было пока что только что-то новое, а потому интересное. Все мы перешли в какое-то новое измерение. На окнах появились бумажные кресты и черные светомаскировочные шторы. По вечерам в подъездах зажигались синие лампочки. Во дворе штаб ПВО установил дежурство домохозяек, которые должны были подавать сиреной сигналы воздушной тревоги и ее отбой.

По решению горисполкома была организована эвакуация детей в тыл. Я ни разу не расставалась с родителями и, когда узнала об эвакуации, очень испугалась, полагая, что меня могут насильно куда-то отправить одну. Мама меня успокоила, сказав, что не отдаст меня. Да и как можно было отправить меня, полулежачую? Правда, на мое счастье, мама достала костыли и я могла подняться с постели.

Союз писателей предложил отцу эвакуироваться со всей

семьей, но мама не решилась и на это. После операции отец, и без того больной человек, совсем ослаб. Бабушка была сердечницей. Ехать при таком положении вещей в неведомые края было страшно.

Всю оставшуюся жизнь мама укоряла себя за этот отказ. Возможно, если бы мы уехали в эвакуацию, удалось бы сохранить отца. А так его смерть как бы лежала на ее совести.

Пока что мы жили еще в своей квартире, но это была уже совсем другая, непохожая на мирную, жизнь.

В кабинете отца висела большая географическая карта Советского Союза. Каждый день после передачи новостей отец поднимался со своего топчана — лежать на мягком он не мог из-за болезни позвоночника, и передвигал на карте флажки, обозначавшие линию фронта. С каждым днем он приближался к Ленинграду, забирая его в кольцо. Но отец был оптимистом, он уверял, что немцы до нас не дойдут.

Когда началась война, многие наши соседи уехали к родственникам в Ленинград, считая, что там они будут в безопасности. Кто знает, что с ними стало? Остались ли они в живых?..

Все чаще летали над городом немецкие самолеты, били зенитки. В доме, где мы жили, в наружной стене была большая трещина, и никто не знал, выдержит ли он, если где-то рядом упадет снаряд или бомба. Чтобы не подвергать себя опасности, мама решила перебраться в одну из доверенных ей квартир. Сколько я помню себя, отец редко принимал какие-то решения или решал проблемы. Все это лежало на плечах мамы и бабушки.

И вот мы на новом месте. Это в соседнем корпусе. Окна выходят прямо на нашу квартиру.

У знакомых, где мы поселились, были интересные безделушки, которые мне очень приглянулись. Хотелось все посмотреть и потрогать. Но мама, как в старые мирные времена, говорила мне:

— Только, пожалуйста, ничего не трогай!

Лето в сорок первом стояло удивительно жаркое и сухое. И осень наступила такая же сухая и ясная. Но то, что она «золотая», никого не радовало. Было что-то бесконечно грустное в пустынных дворах, засыпанных желтыми листьями.

Не слышно было детских голосов. Выйдешь во двор, постоишь, прислушиваясь, и кажется тебе, что тишина звенит, пока опять не грохнет где-то выстрел, разрывая тишину.

Как-то утром, когда мы сидели всей семьей за чаем, раздался непонятный гул. Он все нарастал и нарастал, все заполняя собой. Казалось, что воздух вибрирует. Мелко звенели подвески на люстре, дребезжали оконные стекла, качались стены. Со страхом глядели на них, ждали, что они вот-вот обрушатся и погребут нас. Первым опомнился отец. Выскочив из-за стола, он кинулся в переднюю, крикнув нам:

— Скорее ко мне!

Мы поспешили за ним и встали к противоположной стене. Только мама стояла у дверей, ходивших ходуном, и держала дверную ручку, словно была в силах удержать их. Вздрогнула земля, но разрыва не последовало. Потом наступила мертвая тишина, не нарушаемая никакими звуками. В помещении плавала такая густая пелена пыли и мела, что мы еле различали друг друга. Еще не осознав, что все кончилось, мы ринулись к входной двери. Но, открыв, остановились в нерешительности, так как оказались в еще более густом меловом тумане. Так как ничего не было видно, я решила, что лестница обрушилась, и страшно испугалась, когда мама стала спускаться вниз. В ужасе я схватила ее за рукав и потянула назад. Но мама была мужественной женщиной и, отстранив меня, продолжала спускаться. На ощупь добравшись до уличных дверей, она крикнула нам, что все в порядке. Отсутствовала она недолго, но ожидание было томительным. Вернувшись, она сообщила, что возле дверей нашего дома большая, в несколько метров шириной, воронка, в глубине которой, наполовину зарывшись, лежит огромная бомба. Если бы она взорвалась, от обоих наших домов остались бы одни руины.

Когда в квартире осела пыль, нашим глазам предстала печальная картина. Весь пол был покрыт кусками штукатурки и битого стекла. Люстра лежала на столе среди вдребезги разбитой посуды. А самое главное, в окнах не уцелело ни одного стекла. Оставаться в этой квартире было невозможно, и мы перебрались в другую, доверенную маме квартиру. Ее окна выходили на улицу, и все стекла остались целыми.

Три дня, начиная с четырнадцатого сентября, мимо наших окон в сторону Ленинграда сплошным потоком двигались войска, танки и прочая техника. Это было отступление... Артиллерия неистовствовала. Трудно было понять, кто и откуда стреляет. Где-то совсем близко, возможно даже в нашем дворе, перекликались пулеметы. К вечеру шестнадцатого сентября наши войска оставили Пушкин...

Семнадцатое сентября осталось в моей памяти на всю жизнь, так как оно делило нашу жизнь на «до» и «после». В этот день обстрел был особенно сильным, и отец стал уговаривать маму пойти в щель, как тогда называли дворовые убежища. Мама пыталась доказать отцу, что щель все равно не спасет. Все же отец настоял на своем. Когда мы открыли дверь убежища, в лицо нам пахнуло спертым воздухом с примесью керосинового перегара. Почти все убежище пустовало, только в конце его при свете керосиновой лампы какие-то незнакомые люди, устроившись на тюфяках, резались в карты. Было похоже, что они находятся здесь не один день. Мы сели на узкую скамейку, тянувшуюся вдоль всего убежища, и замолчали. Томительно тянулись минуты. Снаряды рвались сначала где-то вдали, потом разрывы стали приближаться. Все сильнее вздрагивала земля. С потолка сыпался струйкой песок. Ближе... еще ближе... И вот уже ахнуло совсем близко, должно быть в нашем дворе. Потом послышался свист и тупой тяжелый удар, после чего наступила тишина. Бездействие тяготило даже меня. Поднявшись, мама сказала: «Пойду, принесу хоть сухари и воду, а то выскочили, как полоумные, и ничего не взяли!»

В тот момент я не задумывалась над маминими поступками, и лишь потом, много лет спустя, перебирая все это в памяти, я поняла и оценила ее мужество и спокойствие, которые она проявляла в трудные минуты. Вспоминая об этом, я задаю себе вопрос — неужели она совсем не боялась смерти? Или забота о нас была сильнее страха?

В дверях мама замешкалась. Убежище было г-образной формы, и мы не видели ее. С трудом открыв дверь, мама воскликнула:

— Вот это штука!

Я не выдержала и поскакала на костылях к ней. У самого входа лежал неразорвавшийся снаряд. Смерть еще раз обошла нас!

Спокойно перешагнув через снаряд, как через бревно, мама направилась к дому. Минут через пятнадцать она вернулась, но не успела сесть, как дверь распахнулась, послышался гортанный грассирующий голос:

— Раус! Раус!

Все поднялись и пошли к выходу. В проеме, широко расставив ноги, стоял немецкий солдат с автоматом наперевес. На нем была пестрая камуфляжная форма, глубокая, до самых бровей, каска, а на груди на цепи висела большая железная бляха с изображением одноглавого орла, держащего в лапах свастику. Немного поодаль стоял второй солдат.

— Шнель, шнель! — торопил он нас, слегка подталкивая дулом автомата, пока мы перебирались через снаряд. Потом он спросил:

— Зольдатен?

Мама, знавшая немецкий язык, ответила ему, что солдат здесь нет.

— Во зинд ли зольдатен?

Мама еще раз повторила свой ответ.

Заглянув в глубь убежища и убедившись, что там никого нет, солдаты ушли. Сбившись в кучу, мы стояли, не зная, что нам делать.

Оглянувшись, один из солдат крикнул:

— Нах хаузе, геен зи нах хаузе!

Опять начался обстрел, и мы, вместо того чтобы идти домой, отправились в подвал кокоревского дома, где прятались почти все жильцы из нашего двора. Он находился через дорогу, на Московской улице. До революции этот дом принадлежал богатому купцу Кокореву, который болел проказой и вынужден был жить один. Дом был добротный, с огромными зеркальными окнами, с высокими потолками и черными резными дверями, инкрустированными перламутром. За несколько дней до нашего прихода в этот дом угодила авиационная бомба, но, к счастью, не разорвалась, застряв между этажами. И хотя последствия могли быть всякие, все почему-то считали это убежище самым надежным.

До войны в этом доме был какой-то институт или техникум и общежитие. Из всех, кто работал и жил в этом учреждении, осталась одна кладовщица. И хотя в городе были уже немцы, она все еще чувствовала себя ответственной за вверенное ей имущество. Ходила она с ключами на поясе и бдительно смотрела, чтобы никто ничего не трогал. Даже шашки, которые хранились у нее в бывшем красном уголке, она давала под расписку. Видно, было трудно в одночасье стать никем!

Весь подвал был забит людьми. Сидели на чемоданах, узлах и даже прямо на полу. Для нашей семьи не оказалось даже маленького местечка. Но когда мама сказала кладовщице, что отец очень болен, она пустила нас в кладовку, где хранились ватные тюфяки. Их было так много, что они почти достигали потолка. Там мы и спали всей семьей. Мне это казалось очень интересным, хотя ощущение от близости потолка было не очень приятным. Люди сидели здесь уже не одну неделю, но никому и в голову не приходило разместиться в красном уголке или других служебных помещениях, лечь на казенные матрацы.

В кокоревском доме собралось довольно много ребят из нашего двора, а потому красный уголок, находившийся тут же, в подвале, скоро превратился в детскую комнату. Только нашим мальчишкам не сиделось на месте, и они бегали смотреть, где чего разбомбило. Из очередного похода они вернулись с «оружием» — игрушечными автоматами, после чего в подвале поднялся такой треск, что взрослым пришлось вмешаться и отобрать шумное оружие.

Через несколько дней после нашего прихода в подвал пришел немецкий офицер и спросил, есть ли среди нас кто-нибудь еврейской национальности. Когда несколько человек отозвалось, он сказал, чтобы они были готовы к девяти часам следующего дня. После его ухода в подвале воцарилась тишина. Никто еще не знал, чего можно ждать от оккупантов. Знакомые евреи из нашего двора подходили к моей бабушке и спрашивали, что она об этом думает. Бабушка, как могла, успокаивала их. Скажу несколько слов о бабушке. Она была на редкость волевым и рассудительным человеком. Умела, как никто другой, успокоить и, конечно же, помочь делом. Всю жизнь к ней приходили люди за советом, доверяя

ей самое сокровенное. Никто не видел ее растерянной, унывающей, раскисшей. Бабушке было шестьдесят пять лет, но никто не давал ей столько. Небольшого роста, сухопарая, смуглолицая, с шапкой густых седых волос, она была сама энергия, сама жизнь. А сколько доброты, сколько ласки было в ее словах! Но что она могла им сказать?

На другой день ровно в девять часов явился тот же офицер, но уже в сопровождении солдата. Евреи были уже наготове. Взяв свои вещи, они безропотно пошли к выходу. Среди них была моя знакомая девочка. Проходя мимо меня, она остановилась и сказала полувопросительно, полуутвердительно:

— Нас куда-то повезут...

Попрощавшись со мной, она побежала догонять родителей.

После их ухода в подвале воцарилась тяжелая тишина. Никто не знал, куда повели евреев, но было в этом что-то настораживающее и пугающее. Больше мы их никогда не видели.

В подвале мы не пробыли и недели. Руководствуясь маминым убеждением — чему бывать, того не миновать, мы вернулись домой.

Водопровод не действовал, и маме приходилось ходить за водой на пруд к Московским воротам. Не было ни тележки, ни коромысла. На семью из четырех человек воды надо было много, и мама ходила по нескольку раз на день. Не знаю, было ли это совпадением, но каждый раз, когда кто-то приходил за водой, начинался обстрел и снаряды падали прямо в пруд. Как-то придя за водой, мама увидела на месте, где она только что брала воду, огромную воронку. Это было уже в третий раз, когда мама избежала смерти.

Хотя отец давно не служил в суде, он оставался законником. В те годы осуждалось всякое накопительство, в том числе и запасы продуктов. Как-то придя в кухню, отец увидел, что в открытом оцинкованном ящике, где хранились сухие продукты, полно всяких мешочков с мукой, крупой и макаронами, отец выразил свое неудовольствие, сказав что-то вроде: чтобы я больше не видел подобных запасов! Мама не стала ему возражать и продолжала делать небольшие за-

пасы, которые потом на какое-то время отдалили голод. Но, несмотря на жесткую экономию, наши продуктовые запасы подходили к концу. По слухам нам было известно, что в Гатчине есть толкучка, на которой можно обменять вещи на продукты. Кроме мамы, идти было некому, но и оставить нас она не могла.

Во дворе кокоревского дома стояла немецкая кухня, и бабушка решила попытать счастья, предложив свои услуги. Ее взяли. За работу она получала котелок супа и целую кошелку картофельных очисток, из которых пекла лепешки. Все мы ели, а маму от этих лепешек рвало.

При кухне служили два солдата — Вилли и Волли. Думаю, что им не было и по двадцати пяти лет. Небольшого роста, рыжий крепыш Вилли был самодовольным типом, ощущавшим себя победителем, которому все дозволено. Иногда он выходил во двор с большим куском хлеба, намазанным маргарином и джемом. Широко расставив ноги, на глазах у голодных детей, он демонстративно смаковал свой бутерброд. Когда он дежурил на кухне, то неусыпно следил за тем, чтобы женщины чистили картошку не слишком толсто. А когда они собирались домой, копался в их сумках, чтобы убедиться, не утащил ли кто картошку. Суп наливал скупо, стараясь зачерпывать неполный черпак.

Волли был настоящим арийцем. У него было совершенно белые волосы и голубые глаза. Лицо доброе и даже застенчивое. К женщинам, работавшим на кухне, относился по-человечески. Никогда не придирался, не делал замечаний. Если поблизости не было Вилли, совал женщинам в очистки картошку и торопил уйти.

Хотя полного голода не было, отец слабел с каждым днем. Говорил мало, находясь постоянно в задумчивости. Так как в большинстве своем он был лежачим, то и до войны ел мало, не по-мужски. Но пища была калорийной. Одна тарелка супа и лепешки из шелухи не могли его поддержать.

Как-то у бабушки, по всей вероятности от недоедания, образовался на руке большой нарыв. Где-то в городе работал врач, принимая больных бесплатно. Мама уговорила бабушку пойти к нему, и они ушли. А мы остались с отцом одни. Вдруг я услышала громкий, нетерпеливый стук в дверь. От-

крыв ее, я увидела солдата с автоматом. Ничего не говоря мне, он прошел в комнату. Увидев отца, стал тыкать в него прикладом, повторяя:

— Раус! Раус!

Я стала объяснять ему, что отец болен и не может встать. Солдат остановился в нерешительности. Тогда я стала ему говорить, что отец известный писатель, и показала на газету, висящую на гвозде. Газета издавалась в оккупированном городе, конечно, не без участия немецкой комендатуры и надзора. И кто-то, стало быть, ее принес нам...

Когда я сказала солдату, что отец пишет в газету — надо же было как-то защитить отца, — солдат спросил фамилию. Я сказала, но фамилия ему ничего не говорила. Думаю, что он не знал и Гёте, а не то что русского писателя! Еще немного постояв, он вышел. Где-то я читала такую версию, будто после нашего отъезда, в поисках папиных рукописей, немцы рылись в нашей квартире.

Наступил декабрь. Снегу в сорок первом было очень много. Чистить его было некому, и все улицы тонули в сугробах. Зато легче стало с водой. Мама уже не ходила на пруд. Мы набирали полные ведра снегу, а потом топили его на плите.

На улицу я почти не выходила, жизнь наблюдала через протаянный в морозном стекле глазок. Через него мне был виден заколоченный «сладкий» ларек, деревья в инее и столб со стрелкой «переход». На большее не хватало обзора. Прохожих было совсем мало. Они шли торопливо, стараясь быстрее скрыться от чужих недобрых глаз.

Однажды, продышав глазок, я прильнула к окну, и сердце у меня сжалось — вместо стрелки «переход», на перекладине висел человек с фанерным листом на груди. Около столба стояла небольшая толпа. Вешая, немцы сгоняли для острастки к месту происшествия всех прохожих. Оцепенев от ужаса, я смотрела в окно, не в силах оторвать взгляда от повешенного, и громко стучала зубами. Ни мамы, ни бабушки в этот момент дома не было. Когда вернулась мама, я кинулась к ней, пытаясь рассказать об увиденном, но только расплакалась. Успокоившись, я рассказала маме о повешенном. Выслушав меня, мама каким-то неестественно спокойным голосом ответила мне, что тоже видела.

— За что его, за что? — спрашивала я, теребя маму за рукав. Полуотвернувшись, мама сказала в сторону:

— На доске написано, что он плохой судья и друг евреев.

Повешенного не снимали почти целую неделю, и он висел, припорошенный снегом, раскачиваясь на сильном ветру. После того как его сняли, несколько дней столб пустовал, потом на нем повесили женщину, назвав ее квартирной воровкой. Нашлись люди, знавшие ее, которые рассказали, что женщина, как и мы, перебралась из разбитого дома в другую квартиру, а к себе ходила за вещами.

Налетов почти не было, но в одно и то же время, два раза в день, нас обстреливали из дальнобойных орудий. Кто-то сказал, что стреляют из Кронштадта. Откуда были такие сведения, не знаю, но так говорили. Когда рвались эти снаряды, дрожала и гудела вся земля. По времени обстрела можно было проверять время. Зная это, ни мама, ни бабушка не трогались с места. Если рассуждать логически, то где была гарантия, что нас не укокошат в другом месте? Однако спокойствие у женщин было завидное! Первый обстрел начинался утром. Помню, мы еще лежали с мамой в постели, когда начался обстрел. Взрывы все приближались. Инстинктивно хотелось куда-то убежать, спрятаться. Хотя бы в подвал или на первый этаж. Я села, готовясь встать, но мама удержала меня: «Лежи, сейчас кончат стрелять», — сказала она с такой уверенностью, что я поверила ей.

Однажды отец, зачем-то выходивший на улицу, привел к нам гостей. Это был профессор Чернов с сыном-подростком. В профессоре мама узнала своего попутчика, с которым часто встречалась в поезде, когда ездила по папиным делам в Ленинград. Оба они, мама и профессор, всегда садились в один вагон. При встрече они здоровались, перебрасываясь незначительными фразами, но друг другу не представлялись. Его сыну было лет 14—15. Он оказался большим поклонником отца. Как познакомился отец с Черновым, я не знаю, так как никаких дел в городе у отца не было. Почему-то мужчины вдруг стали спорить, кто умрет первым. И каждый уверял, что войну не переживет.

Много лет прошло с той тяжелой зимы, но, наверное, никогда не изгладятся из памяти события тех дней. В городе

не работала канализация, бездействовал водопровод. Жители нашего двора понемногу куда-то перебрались, и наши два дома совсем опустели. Нижние наши соседи перед отъездом сделали нам шикарный подарок — полбочонка квашеной капусты. Правда, была она кисловатая и не очень вкусная, но мы были рады и этому.

В городе был объявлен комендантский час — после четырех часов вечера выходить на улицу не разрешалось. Нарушителей расстреливали на месте.

Отец стал пухнуть. В конце декабря он совсем слег, а в ночь с 5 на 6 января умер. Перед смертью бредил. Говорил о каких-то нотах и о музыке.

Из маминых воспоминаний:

«Александр Романович стал пухнуть с голода и с трудом передвигался. В конце декабря сорок первого он слег, а 6 января 1942 года скончался. Начались мои хлопоты. В городе у нас было три гробовщика, но все они умерли. В Городской управе зарегистрировали смерть Александра Романовича, там же я получила гроб. Но отвезти умершего на кладбище было не на чем. А Казанское кладбище находилось от нас далеко, за Софией. Во всем городе осталась только одна лошадь, но пользовались ею только немецкие солдаты. Надо было ждать, когда она освободится. Я положила Александра Романовича в гроб, и мы вынесли с мамой его в соседнюю квартиру. Я каждый день навещала его. Через несколько дней его раздели. Он остался в одном белье. Я обернула его в одеяло, вспомнив его шутливое пожелание. Как-то он сказал: когда я умру, не надо ни пышных похорон, ни поминок. Заверните меня просто в газету. Ведь я литератор и всегда писал для газет.

Почти так и вышло.

Пока я достала от доктора свидетельство о смерти, пока сделали гроб, ждали лошадь, прошло две недели. Приходилось ежедневно ходить в Городскую управу. Как-то прихожу и слышу кто-то говорит: «Профессор Чернов умер». И я подумала, хорошо бы похоронить их рядом. В дверях я столкнулась с женщиной. Мне почему-то показалось, что это жена Чернова. Я не ошиблась. Мы познакомились и договорились, что, как только я достану лошадь, мы вместе отвезем

наших покойников и похороним их рядом. Чернова обещала сходить на кладбище и выбрать место. Наконец я получила подводу, и мы поехали на кладбище. Когда мы добрались до Софии, начался артиллерийский обстрел. Снаряды рвались так близко, что нас то и дело обсыпало мерзлой землей и снегом. Комендант кладбища принял наших покойников и положил их в склеп, как он сказал, временно. За места на кладбище мы заплатили в управе. А могильщики брали за работу продуктами или одеждой, которую потом меняли.

Когда мы приехали, никого из них не было. Морозы стояли страшные, умирало много. Не было сил рыть могилы На кладбище находилось около трехсот покойников. Ими были забиты все склепы. Все были без гробов, кто завернут в рогожу или одеяло. Кто одет, а кто и в одном белье. Лежали друг на друге, как дрова. Мы побеседовали с комендантом кладбища. Он рассказал нам о своей семье. Его жена находилась в психиатрической больнице. А жил он с маленькой дочерью, похожей на цыганочку. Позже я познакомилась и с ней. Отец попросил меня, если есть, принести ей чулочки. Я еще раз побывала на кладбище. Принесла девчурке кое-что из Светланиной одежды и игрушки. Муж все еще не был похоронен. Я рассказала коменданту, что мой муж известный писатель, и очень просила его похоронить мужа не в братской могиле, а рядом с профессором Черновым. Комендант пообещал мне».

Забыла сказать, что все жители Пушкина должны были пройти регистрацию в Городской управе. Моя бабушка была шведкой, поэтому нас занесли в список лиц нерусской национальности, после чего объявили, что мы будем вывезены из Пушкина. Об отъезде заявили за сутки, предупредив, что вещей можно брать столько, сколько человек может унести в руках. Придя домой, мама категорически заявила, что никуда не поедет. Она решила, что лучше умереть, чем покинуть Родину. В случае отказа нам грозил расстрел. И все же мама настаивала на своем. Мама сказала, что больше не может плыть по течению, как она делала это всю жизнь. И тогда бабушка, собрав все свое мужество, сказала ей:

— Ты могла бы так поступить, если бы у тебя не было ребенка, но у тебя дочь, и ради нее ты должна ехать!

Больше бабушка ничего не оказала. Но маму это убедило. Обречь и нас на смерть она не могла...

В моем документе, выданном архивом НКВД г. Барнаула, есть такая строка: «Сведения о добровольном или насильственном выселении в Польшу отсутствуют». Не знаю, как считать, добровольно мы уехали в лагерь или насильственно?

Ровно через месяц после смерти отца, 6 февраля 1942 года, мы покинули город Пушкин. Отец так и остался лежать в склепе...

Три с половиной года мы кочевали по немецким лагерям. Были в Пруссии, Померании, Австрии, всего в пяти лагерях.

Красная Армия дошла до нас после освобождения Австрии, 5 или 6 мая 1945 г.

Наши сердца и души рвались на Родину, в любимый город Пушкин, но, увы. Без всякого суда и следствия мы были отправлены в ссылку, где пробыли долгих 11 лет, похоронив там бабушку.

Благодаря гонорару за трехтомник отца, изданный в 1956 году издательством «Молодая гвардия», мы смогли вернуться в родные края. Могилы отца мы, конечно, не нашли. От сторожихи кладбища, которая была еще жива, мы узнали, что отец был похоронен в общей могиле...

Директор Казанского кладбища предложил нам для «могилы» любое место. Случайно мы натолкнулись на могилу профессора Чернова и решили поставить памятник рядом с ней.

На белой мраморной стеле написано: «Беляев Александр Романович». Ниже нарисована раскрытая книга, на страницах которой читаем: «писатель-фантаст», и лежит гусиное перо.

Там же, в 1982 году, похоронена мама.

КОММЕНТАРИИ

ИЗОБРЕТЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА

Самый известный научно-фантастический цикл советской научной фантастики публиковался в течение десяти лет — первые рассказы серии появились в печати в 1926 году, а последний, «Ковер-самолет», был опубликован в 1936-м. Цикл об удивительных изобретениях и приключениях профессора Вагнера, написанный в лучших традициях Артура Конан Дойла и Жюля Верна, но при этом с ярко выраженной иронической интонацией, стал одним из первых НФ-сериалов в отечественной литературе, а профессор Вагнер — одним из самых харизматичных и запоминающихся героев-ученых в истории научной фантастики — наряду с конан-дойловским Челленджером и жюль-верновским Паганелем. В настоящем томе мы размещаем произведения цикла не в хронологии их появления, а в соответствии с сюжетной логикой рассказов и повестей.

ТВОРИМЫЕ ЛЕГЕНДЫ И АПОКРИФЫ

Впервые в четвертом номере журнала «Всемирный следопыт» за 1929 год.

КОВЕР-САМОЛЕТ

Впервые рассказ опубликован в журнале «Знание — сила», 1936 — № 12.

ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА

Первая публикация рассказа — в журнале «Всемирный следопыт», 1929 — № 9.

НАД БЕЗДНОЙ

Первоначально, под названием «Над черной бездной», рассказ был опубликован в журнале «Вокруг света» (1927 — № 2). Под названием «Над бездной» рассказ впервые вышел в авторском сборнике «Борьба в Эфире» (1928).

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ

Впервые рассказ появился в сборнике А. Беляева «Голова профессора Доуэля» (1926). Это первое появление профессора перед читателем.

ГОСТЬ ИЗ КНИЖНОГО ШКАФА

Отрывок из рассказа, под названием «Мир в стеклянном шаре», появился в журнале «Всемирный следопыт» (1926 — № 9), полностью рассказ впервые опубликован в сборнике А. Беляева «Голова профессора Доуэля».

АМБА

Рассказ впервые был напечатан в журнале «Всемирный следопыт», 1929 — № 10.

ХОЙТИ-ТОЙТИ

Единственная повесть в цикле впервые была опубликована в первом и втором номерах журнала «Всемирный следопыт» за 1930 год.

ВЕРХОМ НА ВЕТРЕ

Беляев — реалист и детский писатель современному читателю неизвестен. А между тем Александр Романович писал в 10—30-е годы XX века не только научно-фантастические произведения, но и детективные истории, колониальные рассказы, памфлеты, сатиру, прозу и сказки для детей. Мы попытались восполнить пробел. Все произведения этого раздела никогда не переиздавались со времени их первых журнальных публикаций.

БАБУШКА МОЙРА

Первое художественное произведение А.Р. Беляева. Длительное время в библиографиях писателя существовала неточность с указанием места публикации этой сказочной пьесы для детей. Указывалось, что пьеса напечатана в московском журнале «Проталинка». Как удалось недавно выяснить Анне Андриенко, истинное место публикации беляевского дебюта — приложение к «Проталинке» «Занавес поднят», 1913 — № 7. Составители выражают благодарность А. Андриенко за помощь в подготовке текста.

Нынешняя публикация — первая с 1913 года.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВЕЗУВИЙ

Начиная с 1906 года Беляев активно сотрудничал с газетой «Смоленский вестник», а в 1914—1915 годах даже возглавлял эту газету. Наряду с многочисленными театральными рецензиями (Беляев, как известно, был большим знатоком театра, а в молодости и сам выступал на сцене), в газете довольно регулярно появлялись путевые очерки (Александр Романович в молодости много путешествовал за границей), некоторые из которых можно смело рассматривать и как документальную прозу — настолько силен в них элемент беллетристики. Поэтому очерк «Восхождение на Везувий», впервые напечатанный в 181-м, 185-м и 189-м номерах «Смоленского вестника» за 1913 год, мы решили раз-

местить именно в этом разделе настоящего тома. Многим из этих текстов еще предстоит возвращение к читателю. Очерк «Восхождение на Везувий» был недавно обнаружен собирательницей творчества А.Р. Беляева Анной Андриенко. Составители выражают благодарность А. Андриенко за предоставление текста.

В КИРГИЗСКИХ СТЕПЯХ

Впервые детективный рассказ «В киргизских степях» был опубликован в журнале «Жизнь и техника связи», 1924 — № 3.

ТРИ ПОРТРЕТА

В 1920-е годы А.Р. Беляев работал в Наркомпочтеле. Этот опыт нашел свое отражение не только в некоторых рассказах, но и в двух популяризаторских книжках — «Современная почта за границей» (1926) и «Спутник письмоносца» (1927). Рассказ «Три портрета» о дореволюционной почте России впервые был напечатан в одиннадцатом номере журнала «Жизнь и техника связи» за 1925 год.

СТРАХ

Психологический «почтовый» детектив «Страх» впервые напечатан в журнале «Жизнь и техника связи», 1926 — № 11.

СРЕДИ ОДИЧАВШИХ КОНЕЙ

Приключенческий рассказ. Первая публикация — в журнале «Всемирный следопыт», 1927 — № 12.

ВЕРХОМ НА ВЕТРЕ

«Колониальный» рассказ. Впервые напечатан в московском журнале «Вокруг света» (1929 — № 23) за подписью А. Ром.

ДОРОГОЙ ЧАНДАНА

«Колониальный» рассказ. Первая публикация — московский «Вокруг света» (1930 — № 24) за подписью Арбель.

ВЕСЕЛЫЙ ТАИ

Впервые рассказ напечатан в журнале «Всемирный следопыт», 1931 — № 12.

ОСВОБОЖДЕННЫЕ РАБЫ

Еще один «колониальный» рассказ. Первая публикация — в журнале «Природа и люди», 1931 — № 13—14.

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

Впервые рассказ напечатан в журнале «Всемирный следопыт» (1931 — № 10).

РАССКАЗЫ О ДЕДУШКЕ ДУРОВЕ

Серия этюдов о великом дрессировщике публиковалась с продолжением в журнале «Чиж» за 1933 год (№ 7, 9, 10—12).

ИГРЫ У ЖИВОТНЫХ

Детский рассказ, примыкающий к циклу «Рассказы о дедушке Дурове». Впервые напечатан в шестом номере журнала «Чиж» за 1933 год.

АРГОНАВТЫ ВСЕЛЕННОЙ

(Избранные статьи)

А.Р. Беляев всю жизнь активно работал в журналистике — по газетам и журналам рассыпаны десятки его статей на самые разнообразные темы, репортерских заметок, теат-

ральных и книжных рецензий, путевых очерков, научно-популярных статей и биографических этюдов о видных ученых. Важную роль в период становления советской научно-фантастической литературы сыграли критические статьи Беляева; в ряде публикаций писатель попытался сформулировать значение и художественные функции НФ в новом обществе; отстаивая тщательно искореняемую соцреалистической идеологией «литературу мечты», Беляев с грустью писал в знаменитой статье «Золушка»: «Судьба советской научной фантастики похожа на судьбу сказочной Золушки — у обеих двойная жизнь: блестящий выезд на бал и унылое существование нелюбимой падчерицы, сидящей в затрапезном платье в темном углу кухни». Одним из первых поднимал вопросы и иллюстрирования НФ произведений.

Разумеется, не имеет смысла помещать в Собрание сочинений «заметки по поводу» и репортажи. Мы решили ограничиться наиболее значимыми статьями и очерками Беляева, не утратившими своего значения и остающимися интересными современному читателю. За исключением одного очерка, все тексты этого раздела в книжном виде выходят впервые.

«ЗОЛУШКА»: О НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ В НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Впервые — в «Литературной газете», 1938, от 15 мая.

О МОИХ РАБОТАХ

Впервые статья опубликована в пятом номере журнала «Детская литература» за 1938 год.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

Первая публикация — в журнале «Детская литература» (1939 — № 1).

АРГОНАВТЫ ВСЕЛЕННОЙ

Впервые — в журнале «Детская литература», 1939 — № 5.

О НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ И КНИГЕ ГР. АДАМОВА «ПОБЕДИТЕЛИ НЕДР»

Впервые статья опубликована в журнале «Детская литература» (1938 — № 11).

СОЗДАДИМ СОВЕТСКУЮ НАУЧНУЮ ФАНТАСТИКУ

Первый вариант статьи вышел в 1934 году в газете «Литературный Ленинград» от 14 августа. Позднее писатель доработал статью. Вариант, который мы размещаем в настоящем томе, впервые опубликован в журнале «Детская литература» (1938 — № 15—16).

ГРАЖДАНИН ЭФИРНОГО ОСТРОВА

Жизни и трудам Константина Эдуардовича Циолковского А. Беляев посвятил целый ряд статей. Известно, что в конце 1930-х писатель работал и над биографической книгой о великом ученом (рукопись погибла во время войны). В настоящий том мы включили два беляевских очерка о Циолковском. «Гражданин Эфирного Острова» впервые появился в печати в журнале «Всемирный следопыт» (1930 — № 10—11). В 1962 году очерк перепечатал альманах «Искатель» (№ 5). Первое книжное издание — в сборнике «Звезда Кэц» (Пермь, 1987).

КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ ЦИОЛКОВСКИЙ

Впервые — в журнале «Вокруг света», 1935 — № 10.

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ

ОГНИ СОЦИАЛИЗМА, или ГОСПОДИН УЭЛЛС ВО МГЛЕ

1 августа 1934 года группа советских ученых и писателей встречалась с великим английским фантастом Гербертом Уэллсом. Подробнее об этой встрече см. в публикуемых в этом томе воспоминаниях Светланы Беляевой. Статья «Огни социализма...» появилась как полемика с Уэллсом за год до этой знаменательной встречи — в московском «Вокруг света» (1933 — № 13).

Евгений ХАРИТОНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗОБРЕТЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА

Фантастические рассказы и повести

ТВОРИМЫЕ ЛЕГЕНДЫ И АПОКРИФЫ 7
КОВЕР-САМОЛЕТ 35
ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА 45
НАД БЕЗДНОЙ 59
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ 75
ГОСТЬ ИЗ КНИЖНОГО ШКАФА 120
АМБА 147
ХОЙТИ-ТОЙТИ 172

ВЕРХОМ НА ВЕТРЕ

Рассказы

БАБУШКА МОЙРА 237
ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВЕЗУВИЙ 249
В КИРГИЗСКИХ СТЕПЯХ 261
ТРИ ПОРТРЕТА 270
СТРАХ 279
СРЕДИ ОДИЧАВШИХ КОНЕЙ 286
ВЕРХОМ НА ВЕТРЕ 306
ДОРОГОЙ ЧАНДАНА 324
ВЕСЕЛЫЙ ТАИ 346
ОСВОБОЖДЕННЫЕ РАБЫ 359

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ 370
РАССКАЗЫ О ДЕДУШКЕ ДУРОВЕ 379
ИГРЫ У ЖИВОТНЫХ 390

АРГОНАВТЫ ВСЕЛЕННОЙ
Избранные статьи

ЗОЛУШКА: Научная фантастика в нашей литературе 395
О МОИХ РАБОТАХ 397
ИЛЛЮСТРАЦИЯ В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ 400
АРГОНАВТЫ ВСЕЛЕННОЙ 409
О НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ И КНИГЕ ГР. АДАМОВА «ПОБЕДИТЕЛИ НЕДР» 416
СОЗДАДИМ СОВЕТСКУЮ НАУЧНУЮ ФАНТАСТИКУ 423
ГРАЖДАНИН ЭФИРНОГО ОСТРОВА 434
КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ ЦИОЛКОВСКИЙ 441
ОГНИ СОЦИАЛИЗМА, или ГОСПОДИН УЭЛЛС ВО МГЛЕ 451
Светлана Беляева. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ 459
Евгений Харитонов. КОММЕНТАРИИ 565

Литературно-художественное издание

ВЕСЬ БЕЛЯЕВ

Беляев Александр Романович

ИЗОБРЕТЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА

Ответственный редактор *Д. Байкалов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 12.04.2010.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офс. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 6376.

Отпечатано с электронных носителей издательства
ОАО "Тверской полиграфический комбинат" 170024, г Тверь, пр-т Ленина, 5
Телефон (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822)44-42-15
Home page - www tverpk ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk ru

ISBN 978-5-699-41940-1